

802-11
279

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга первая.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

1848.

У НИИГОПРОДАВЦА ВАСИЛЬЯ ПОЛЯНОВА,

въ гостиномъ дворѣ по суконной линіи подѣ № 17 продаются сверхъ многихъ новыхъ и прежде изданныхъ книгъ слѣдующія:

ИСТОРІЯ ФИНАНСОВЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ РОССІИ,

со времени основанія государства до кончины Императрицы Екатерины II. Соч. Графа Дмитрія Толстаго. Книга посвященная Государю Императору и удостоенная Императорскою Академіею Наукъ полной Демидовской преміи. Спб. 1848 г. Цѣна 3 руб. сер., за пер. за 2 ф.

LADANSE DES SALONS. Руководство къ изученію новѣйшихъ бальныхъ танцевъ. Соч. парижскаго танцмейстера Целларіуса, перевелъ О. И Я. Съ картинами Спб. 1848 г. Цѣна въ бумажкѣ 1 руб. 50 коп. сер., въ изящной французской папкѣ 2 руб. сер.

ДОЧЬ ШУТА. Романъ въ трехъ частяхъ П. Фурмана. Спб. 1848 г. Цѣна 2 руб. сер., за пересылку за 3 фунта.

РУССКІЙ ПЪСЕННИКЪ. или собраніе лучшихъ и любимѣйшихъ пѣсень, романсовъ и водеvilныхъ куплетовъ извѣстныхъ Писателей. Изданъ К. Авдѣевой въ 2 частяхъ Спб. 1848 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ивана Андреевича Крылова, съ біографіею его, написанною Плетневымъ, портретомъ. Автора двумя снимками почерка автора, снимкомъ съ медали, поднесенной Автору при празднованіи 50 лѣтняго юбилея его литературной славы — (отпечатанъ золотомъ) — Спб.

202-11

279

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

**ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ,
НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.**

Книга первая.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА

1848.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Стр.

I. РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Заслуги и подвиги его свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримѣчательнаго, что, по Всемилостивѣйшему повелѣнію Е. И. В. ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ Россійскомъ государствѣ. *Переводъ съ подлинной нѣмецкой рукописи.* . . . 1—32

II. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе современныхъ замѣчательныхъ событій за границую. (Англія.—Ирландія.—Франція.—Швеція. Пруссія.—Германія.—Швейцарія.—Италія.—Испанія.—Алжирь.) Внутреннія извѣстія. Высочайшій манифестъ.—Обозрѣніе современнаго русскаго законодательства и распоряженій правительственныхъ, съ 15 ноября по 15 декабря 1847 года. 1—52

III. РУССКАЯ СЛОВЕСТНОСТЬ.

Вернись дума завѣтная. Соч. Казака В. Луганскаго. 1
Очарованная слеза. Соч. Барона Розена. 2
День, ночь, утро и полдень. Соч. Н. Максимова. . . 3—5
Воспоминанія. Соч. Менцова. 5—6
Странствіе по Германіи. Соч. Барона Розена. . . . 7—29
Лейтенантъ и поручикъ 1710 года. Выдѣленіе Петра Великаго. Соч. К. Масальскаго. 30—46

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1-го января 1848 года.

Цензоры } А. Фрейманъ.
 } А. Очкинъ.

РЕДАКТОРЪ К. Масальскій.
ИЗДАТЕЛЬ К. Жернаковъ.

IV. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Черный нищий. Романъ Поля Февала. 1—90
Наслѣдство. Романъ Жюль Сандо 91—210

V. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Исторія паровыхъ машинъ.—Статья первая.—Съ политическими рисунками.

VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Римскія письма.—Прибавленіе къ римскимъ письмамъ.—Творенія Тертуліана, христіанскаго писателя въ концѣ втораго и въ началѣ третьяго вѣка.—Книга для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ.—Шутка, исторія въ роли комедіи. Соч. Меншикова.—Земледѣльческая химія. Соч. Барона Бабо.—Нравственныя думы и чувства при взглядѣ на природу и жизнь.—Руководство къ изученію новѣйшихъ бальныхъ танцевъ.—Образцовый письмовникъ. 1—36

VII. СМѢСЬ.

Біанка Капелло. Повѣсть Александра Дюма.—Письма путешественника къ друзьямъ. Соч. П. Фурманна.—Историческо-физиологическія изслѣдованія о чревоущательствѣ.—Оначалѣ и происхожденіи Цыганъ.—Фрески въ лоджѣхъ и комнатахъ Рафаэля.—Моды парижскія и петербургскія. 1—71

Къ этой книгѣ Сына Отечества слѣдуютъ особыя приложенія: 1) Портретъ Петра Великаго, гравированный въ Лондонѣ; 2) Парижская картинка модъ; 3) Донъ-Кихотъ Ламанскій, романъ Сервантеса, переведенный съ испанскаго К. Масальскимъ, (съ парижскими картинками).

Русская Исторія.

Заслуги и подвиги его высококняжеской свѣтлости, князя Александра Даниловича Меншикова, съ основаннымъ на подлинныхъ документахъ описаніемъ всего достопримечательнаго, что, по Всемилостивѣйшему повелѣнію Его Императорскаго Величества ПЕТРА ВЕЛИКАГО, и Всепресвѣтлѣйшей Императрицы, ЕКАТЕРИНЫ, было совершено, подъ управленіемъ и начальствомъ его свѣтлости, при дворѣ и въ арміи, равно какъ и во всемъ российскомъ государствѣ.

*Переводъ съ нѣмецкой рукописи *.*

ОБОЗРѢНІЕ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ.

Непостоянство и безирерывная измѣнчивость въ мірѣ. — Паденіе и возвышеніе государствъ, народовъ и городовъ. Примѣры. — Паденіе и возвышеніе фамилій. Примѣры. — Судь-

* Нѣмецкая рукопись подъ заглавіемъ: Dignitäten und Thaten Sr. Hochfürstl. Durchl. F. Al. Dan. Menschicow, worin dasjenige, was auf allergnädigsten hohen Befehl Sr. Kaiserl. Mt. Petri Magni und allerdurchlauchtigsten Kaiserinn Catharinae, unter Sr. Durchl. Ministerio und Commando bey Hofe und den Armeen, so wohl als auch sonst in Russ. Reiche, merkwürdiges verrichtet

ба, предки и гербъ древней дворянской фамилии Меншиковыхъ: въ Краковскомъ Воеводствѣ; въ Литвѣ; въ Россіи, гдѣ былъ въ 1481 г. князь Андрей Меншиковъ и умеръ, не оставивъ по себѣ наследниковъ. — Данилъ Меншиковъ, польскій дворянинъ, отецъ его свѣтлости, приведенъ въ 1656 году военнопленнымъ изъ Литвы въ Россію. — Служилъ въ войскѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, до 1676; при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ до 1682; при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ до 1695. — Дѣти его: Александръ Даниловичъ—Фенксъ своей фамилии.— Похвалы и свойства, приписываемыя ему: императорами, королями и князьями; посланниками и безпристрастными иностранцами; въ печатныхъ книгахъ, у разныхъ народовъ и на разныхъ языкахъ.

ЧАСТЬ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

Начало успѣховъ его свѣтлости.—Онъ принимается въ число солдатъ Потѣшной роты, учрежденной Его Величествомъ въ юности. — Вступаетъ ко двору.

worden, aus bewährten Documenten beschrieben, сочинена современникомъ Петра Великаго и окончена при Екатеринѣ 1, въ 1726 году. По преданію, это сочиненіе приписывается министру Петра Великаго, барону (впоследствии графу) Остерману. Преданіе вѣроятное, потому что сочинитель, очевидно, былъ посвященъ въ государственныя тайны описываемаго имъ времени. Изображая жизнь и подвиги одного изъ главныхъ дѣйствователей эпохи Петра Великаго, авторъ развиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную исторію царствования безсмертнаго преобразователя Россіи, и сообщаетъ объ этой славной эпохѣ много новаго и до сихъ поръ неизвѣстнаго. Касаясь разныхъ государственныхъ событій, авторъ иногда дѣлалъ на поляхъ рукописи отмѣтки: «Спросить поясненія у князя Меншикова или у такого-то.» Всѣ эти отмѣтки зачеркнуты, и противъ нихъ, рукою сочинителя исправленъ текстъ, очевидно, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ министрами Петра Великаго и другими его приближенными, государственными людьми. Все сочиненіе раздѣлено авторомъ на двѣ неравныя части: *Генеалогическую* и *Историческую*, которымъ предшествуетъ *Обзорніе сочиненія*. Въ этомъ обзорнѣи авторъ указываетъ только тѣ событія, которыя касались князя Меншикова, или въ которыхъ онъ принималъ личное участіе; между тѣмъ въ самомъ сочиненіи, — какъ мы замѣтили выше, — представлена полная картина знаменитой эпохи Петра Великаго. Изъ вопросовъ и замѣтокъ, слѣдующихъ за

1693 и 1694 г. Отправляется съ Его Величествомъ въ Архангельскъ.—Служитъ солдатомъ и денщикомъ въ примѣрныхъ сраженіяхъ подъ Москвою.

1696 г. Участвуетъ при осадѣ и взятіи Азова.

1697 г. Открываетъ заговоръ. — Путешествуетъ съ Его Величествомъ въ Германію и Голландію.

1698 г. Въ Англію, Вѣну. Черезъ Польшу въ Москву.

1699 г. Отправляется съ Его Величествомъ въ Воронежъ, въ Керчь.—По смерти генераловъ: Лефорта, Шенна и Гордона, получаетъ отъ Его Величества полномочіе управлять, по благоусмотрѣнію, гражданскою и военною частію во всей Имперіи. Распоряженія его свѣтлости въ Москвѣ, при введеніи новыхъ учреждений и умоченій военной части.

1700 г. Въ совѣщаніяхъ и спорахъ по случаю вопроса: начинать ли войну съ Швеціею, держится положительнаго мнѣнія.—Побудительныя причины къ этой войнѣ.—Дѣйствія князя при началѣ шведской войны и послѣ нарвской битвы. — Донесеніе о нарвской битвѣ.

1701 г. Князь отправляется съ Его Величествомъ чрезъ Дюнамондъ въ Бирзенъ, къ королю польскому. — Распоряженія и происшествія въ Польшѣ.—Приготовленіе къ продолженію войны противъ Шведовъ.

1702 г. Князь отправляется съ Его Величествомъ въ Архангельскъ. — Участвуетъ въ завоеваніи Нетебурга. — Капитуляція. — Принимаетъ въ Москвѣ Его Величество, Императрицу, тогда литовскую цѣлницу изъ Маріенбурга.

1703 г. По взятіи Ніеншанца, Ямбурга и Копорья, способствуетъ построенію С. Петербурга и Кроншлота. — Беретъ два шведскіе корабли.—Получаетъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго.—Назначается генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи.—Получаетъ желѣзные заводы въ Олонцѣ.—Заботится о воспитаніи царевича, въ качествѣ его гофмейстера.

обозрѣніемъ, читатели увидятъ, съ какою заботливостію и какимъ вниманіемъ авторъ собиралъ матеріалы для своей рукописи. Важность ея въ историческомъ отношеніи, какъ надѣемся, оценятъ всѣ просвѣщенные читатели, безъ всякихъ съ нашей стороны дальнѣйшихъ поясненій. Редакторъ С. О.

1704 г. Военная хитрость при Нарвѣ. — Князь содѣйствуетъ взятію Дерпта, Нарвы и Иванъ-Города.

1705 г. Командуетъ царскою арміею въ Литвѣ. — Вытѣсняетъ Шведовъ изъ Курляндіи и Самогитіи. — Опровергаетъ ложное доносеніе о дѣлахъ Уніатовъ въ Полоцкѣ. — Въ Гродно получаетъ отъ короля польскаго орденъ Бѣлаго Орла. — Отправляется къ Его Величеству въ Кіевъ, куда слѣдуетъ и армія изъ Гродно.

1706 г. Вступаетъ въ супружество въ Кіевѣ съ фрейлиною Даріею Михайловною Арсеневною. — Родъ ея и достоинство. — Императоромъ Іосифомъ, его свѣтлость возводится въ княжеское римской имперіи достоинство. — Отъ Его Царскаго Величества получаетъ титулъ князя російской имперіи и герцога нидерманландскаго. — Извлеченіе изъ его дипломовъ. — Соединяется съ королемъ польскимъ. — Поражаетъ Шведовъ при Калишѣ, за что восхваляется королемъ польскимъ въ письмѣ къ Его Царскому Величеству. — Спасается отъ хитрыхъ козней Смигальскаго. — По смерти перваго министра, графа Головина, графъ Гарріаль Ивановичъ Головкинъ назначается вице-канцлеромъ и получаетъ въ управленіе посольскій приказъ.

1707 г. По повелѣнію Его Величества, князь составляетъ по образцу польскаго двора придворный штатъ. — Назначаетъ всѣхъ придворныхъ чиновниковъ. — Получаетъ право гражданства въ Польшѣ. — Доставляетъ Его Величеству знатныхъ и сильныхъ приверженцевъ. — Содействуетъ къ освобожденію полка Ренцеля, который долженъ былъ отправиться къ Шведамъ. — Дѣйствія его въ Польшѣ: при совѣщаніяхъ о предстоявшемъ избраніи короля; въ сношеніяхъ съ польскими, венгерскими и другими министрами; распоряженіе касательно генераловъ и офицеровъ, принятыхъ въ службу въ Вѣнѣ; въ арміи, послѣ прибытія Шведовъ изъ Саксоніи въ Польшу; при укрѣпленіи Смоленска, и другія дѣйствія ко вреду непріятеля; распоряженія на границѣ. — Взятіе города Быхова.

1708 г. Причины, по которымъ были высланы жители изъ Дерпта и Нарвы. — Алѣксандль, Керниферъ, взяты Русскими. — Битва при Головчинѣ, и послѣдовавшая за тѣмъ военный судъ. — Догадки о замыслахъ шведскаго короля противъ Россіи. — Неудачное нападеніе шведскаго генерала Либскера на С. Петербургъ. — Шведы переправляются черезъ Днѣпръ и проходятъ большой дѣсъ. — Не могутъ взять Стародуба. — От-

важныя дѣйствія князя: въ сраженіи при Добро; въ битвѣ при Лѣсномъ, противъ генерала Левенгаупта; при измѣнѣ возмущагося Мазены; взятіе Батурина; усмиреніе взбунтовавшихся казаковъ. — Избраніе Скоропадскаго въ гетманы Украйны на мѣсто Мазены. — Батурина подаренъ князю. — Князь отрѣзываетъ всѣ сношенія Шведовъ съ Польшею и Германіею.

1709 г. Жестокая зима. — Его свѣтлость отправляется изъ Украйны въ Воронежъ. — Описаніе Воронежа. — Его Величество, при отъѣздѣ въ Азовъ, передаетъ князю командованіе арміею въ Украйнѣ. — Доноситъ Его Величеству, при его возвращеніи изъ Азій, что совершено, подъ его начальствомъ, противъ Шведовъ и казаковъ. — Въ полтавской битвѣ, командуетъ лѣвымъ крыломъ. — Подробности объ этой побѣдѣ. — Въ Переволочнѣ беретъ въ плѣнъ генерала Левенгаупта и пятнадцатитысячную шведскую армію. — Капитуляція. — Получаетъ чинъ генералъ-фельдмаршала. — Перемены, произведенныя этой побѣдою въ Европѣ. — Князь вступаетъ въ Польшу. — Изгоняетъ изъ Польши Шведовъ, предводительствуемыхъ генераломъ Крассау. — Принимаетъ посланниковъ польскихъ, датскихъ, прусскихъ, вольфенбительскихъ. — Присутствуетъ при свиданіи Его Величества: съ королемъ польскимъ въ Торнѣ; съ королемъ прусскимъ въ Мариенвердерѣ. — Получаетъ орденъ Чернаго Орла. — Его рѣчи въ Ярославлѣ: царевичу Алексію Петровичу; русскимъ генераламъ; польскимъ депутатамъ. — Принимаетъ отъ генерала Гольца командованіе русскими войсками въ Польшѣ и передаетъ генералу Янусу. — Пріѣзжаетъ изъ Ярославля въ Москву. — Торжественный въѣздъ. — Роспись и распределеніе военныхъ Шведовъ.

1710 г. Князь отправляется въ лагерь подъ Ригю. — Дѣлаетъ приготовленія къ правильной осадѣ. — Привозитъ герцога Курляндскаго въ С. Петербургъ. — Устраиваетъ свадьбу герцога съ Великою Княжною Анною Иоанновною. — Празднество, морскія битвы и другія увеселенія по случаю этого бракосочетанія и завоеванія восьми крѣпостей въ Польшѣ, Лифляндіи, Эстляндіи и Карелии. — Князь получаетъ орденъ Слона. — Смерть князя Петра-Луки, и герцога Курляндскаго.

1711 г. Обнародованіе о супружествѣ Его Царскаго Величества, въ С. Петербургѣ. — Князь назначается генералъ-губернаторомъ Эстляндіи и Финляндіи и получаетъ главное начальство въ

имперіи, на время, когда Его Величество выступилъ противъ Турокъ.—Новыя распоряженія въ Лифляндіи.—Заботится о построеніи крѣпости и другихъ зданій въ С. Петербургѣ.—Указываетъ мѣста для колоній и размѣщаетъ новоприбывшихъ жителей изъ разныхъ провинцій.—Подробное донесеніе о войнѣ и о послѣдовавшемъ за тѣмъ мирѣ съ Турками.—Путешествіе и распоряженія Его Царскаго Величества въ 1711 году.

1712 г. Князь отправляется въ Торунь.— Учреждаетъ придворный штатъ Ея Высочества, наследницы престола, въ Эльбингенѣ.— Сопровождаетъ царевича съ русскими войсками изъ Польской Пруссіи въ Померанію.—Открываетъ войну въ Помераніи.—Нападаетъ на Штеттинъ.—Дѣлаетъ смотръ войскамъ въ присутствіи наследника прусскаго престола.—Присутствуетъ при переговорахъ съ графомъ Штенбокомъ въ Гистровѣ.—Битва при Гадобушѣ.

1713 г. Отклоняетъ угрожавшее Швеціи возмездіе за сожженіе города Альтоны.—Слѣдуетъ за Его Величествомъ въ Голштинію.—Дѣйствуетъ при взятіи Фридрихштагта.—Командуетъ русскою арміею подъ Теннингеномъ, гдѣ генералъ Штенбокъ и двѣнадцать тысячъ Шведовъ должны были сдаться военнопленными.—Торжествуетъ столѣтній юбилей въ воспоминаніе востества на престолъ предка Его Царскаго Величества, Михаила Ѳеодоровича, перваго царя изъ дома Романовыхъ.— Въ Голштиніи принимаетъ предложеніе о переговорахъ графа Ронцау.—Приказываетъ арестовать генерала Бауера.—Получаетъ изъ Гамбурга и Любека вспоможеніе для арміи.—Въ Шведтѣ ведетъ переговоры съ королемъ прусскимъ и саксонскими генералами.—Беретъ Штеттинъ съ русскими, прусскими, и саксонскими войсками.—Капитуляція, заключенная съ шведскимъ комендантомъ.—Передаетъ Штеттинъ Пруссіи и Голштиніи.—Трактатъ о секвестраціи этого города.—Князь получаетъ округъ Бигенъ отъ короля прусскаго.—Выводитъ русскія войска изъ Германіи въ Польшу.—Договаривается съ городомъ Данцигомъ о квартирахъ и вспоможеніи для арміи.—Покупаетъ графство Домброву и Горки въ Литвѣ.—Завоеванія Его Царскаго Величества въ Литвѣ.

1714 г. Князь впадаетъ въ тяжкую болѣзнь, въ С. Петербургѣ.—Принимается въ число членовъ англійскаго ученаго общества.—Рожденіе князя Александра Меншикова 26-го

февраля.—10 марта отъ святой купели его принимаетъ Его Величество и жадуетъ чинномъ унтеръ-офицера.—Воспитаніе его, физическія и умственныя качества.—Князь распоряжается о торжественномъ освященіи новопостроенной церкви въ его дворцѣ.—Побѣды Русскихъ на морѣ и сушѣ, въ Финляндіи, при Вазѣ 19-го февраля и при Ганго-Удлѣ, 7-го августа.

1715 г. Рожденіе Великаго Князя Петра Алексѣевича, 12-го октября.—Погребеніе Принцессы, 27 октября.—Его Царское Величество впадаетъ въ тяжкую болѣзнь, и выздоравливаетъ.— Празднества по случаю выздоровленія Его Величества, равно какъ и по случаю взятія Штральзунда.—Обрученіе княжны Екатерины Іоанновны съ герцогомъ Мекленбургскимъ.

1716 и 1717 г. Распоряженія князя въ С. Петербургѣ и въ російской имперіи, во время двухлѣтняго отсутствія Его Величества въ Данію, Германію, Францію.—Ему ввѣряется поведеніе обь императорской фамиліи.—Умноженіе зданій и жителей въ С. Петербургѣ подъ начальствомъ его свѣтлости.—Смерть царевны Наталіи Алексѣевны.—Его свѣтлость отправляется въ Ревель; приказываетъ тамъ исправить гавань.

1718 г. Князь подвергается жестокому преслѣдованію своихъ враговъ при дворѣ.—Въ чемъ его обвиняли.—Слѣдственное о томъ дѣло.—Его оправданіе.—Апологическое посланіе отъ безыменнаго лица, въ которомъ перечисляются долговременныя, важныя заслуги князя. *Хорошія качества* его свѣтлости, которыми онъ отличался въ разныхъ мѣстахъ: умѣренность, 1693 г., вѣрность, 1689, 1697, скромность, опрятность и пышность, 1707, храбрость 1706, 8, 9, прилежаніе 1714; экономія, 1702, веселость, 1707, откровенность въ совѣщаніяхъ, 1709.—Прекращеніе процесса.

1719. Новыя совѣщанія и военныя приготовленія, въ слѣдствіе извѣстія о смерти короля шведскаго.—Его свѣтлость назначается президентомъ военной коллегіи.—При открытіи ея 1-го января даетъ великолѣпный праздникъ.—Вводитъ новое уложеніе въ арміи.—Его распоряженія во время пребыванія Его Величества на минеральныхъ водахъ въ Олонцѣ.—Смерть царевича Петра Петровича.—Его свѣтлость пользуется минеральными водами въ Олонцѣ.—Нападеніе на Швецію.—Смерть фельдмаршала Шереметева, генерала Ренне и Бауера.

1720. Князь отправляется черезъ Москву въ Украйну.—Производитъ смотръ войскамъ въ Нижнемъ Новгородѣ.—Заботится

о построении крепостей в Севскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ. — Приказываетъ основать в своемъ помѣстьѣ Почепѣ, городъ и крепость, Александрополь. — Черезъ Смоленскъ и Псковъ возвращается в С. Петербургъ.

1721. Графъ Сапегга прѣзжаетъ в С. Петербургъ; сватается на дочери его свѣтлости. — Вторичное нападеніе на Шведовъ. — 28 августа заключенъ миръ в Ништадтѣ. — Его свѣтлость присутствуетъ при поздравленіи государственныхъ чиновъ, которые просили Его Величество принять титулъ Императора. — Отправляется съ Его Императорскимъ Величествомъ в Москву.

1722. Князь дѣлаетъ приготовленія къ походу в Персію. — Остается в Москвѣ. — Уѣзжаетъ съ царевнами в С. Петербургъ.

Перечень картинъ и эстамповъ, какіе могли бы быть прилично помѣщены в этомъ сочиненіи, для украшенія его, частью по рисункамъ, выгравированнымъ на мѣди в Россіи, и новымъ живописнымъ картинамъ, частью же по обстоятельному описанію.

1. Портретъ его свѣтлости. 2. Портретъ его супруги, княгини. 3. Портреты дѣтей князя. 4. Древній гербъ, взятъ изъ польскаго гербовника. 5. Медаль. 6. Взятіе города Азова, 1696. 7. Въѣздъ посольства в Кенигсбергъ, в 1697 г. 8. Въѣздъ в Гагу, в 1697 г. 9. Въѣздъ в Лондонъ, и 10. Аудиенція в Вѣнѣ, в 1698 г. 11. Свиданіе Его Величества съ королемъ польскимъ, в Батѣ, в 1698 г. 12. Смотръ саксонскихъ войскъ в Польшѣ, в 1698 г. 13. Въѣздъ царскаго посольства в Москву, в 1699 г. 14. Нѣсколько рисунковъ и видовъ Чернаго моря; напр. видъ Таганрога; видъ крымскаго берега при Керчи, в Татаріи, можно было бы взять изъ книги адмирала Крюйса.

Сомнѣнія, требующія объясненій; также нѣкоторые вопросы, необходимые для дополненія сочиненія.

День рожденія его свѣтлости... ноября 1672 г. — Отецъ его умеръ в 1695 г., во время осады Азова и Кизикермена. — Годы княгини, дѣтей и сестеръ князя? — Былъ ли князь вмѣстѣ съ Его Величествомъ в Троицкомъ монастырѣ, в 1689

г.? — Чѣмъ способствовалъ онъ къ открытію заговора Шакловитаго?

Что случилось замѣчательнаго до 1697 г., когда было предпринято путешествіе Его Величества за границу? Касательно князя извѣстно только то, что онъ находился безотлучно при особѣ Его Величества в Архангельскѣ, в 1693 и 1694 г.

Гдѣ былъ князь в 1695 г., когда былъ взятъ Кизикерменъ и снята осада Азова? — В 1696 г., его свѣтлость дѣйствовалъ при взятіи Азова, получилъ большую добычу, на морѣ и в городѣ; нашелъ зарытыя в землю сокровища.

Что способствовало къ открытію заговора Циклера, Соковнина, Пушкина в 1697 г.? Его свѣтлости должны быть извѣстны многія подробности, необходимыя для проясненія этого дѣла. — В Англии и Голландіи, вылажалъ ли онъ себя, подобно Его Величеству, за корабельнаго мастера? — Получилъ подарокъ отъ короля Вильгельма и отъ англійскихъ купцовъ, торговавшихъ в Россіи. — Могъ бы вступить тамъ в богатое супружество. — Получилъ подарокъ отъ купцовъ, торговавшихъ в Архангельскѣ.

1698 г. Можно помѣстить бунтъ и казнь стрѣльцовъ. — 1699 г. Ѣздилъ ли его свѣтлость изъ Азова в Керчь и два раза в Воронежъ? — Присутствовалъ ли при погребеніи Лефорта, Гордона, Шенна, послѣдняго патріарха Адріана и датскаго посланника Гейнца (1705 г.)? — Свадьбы шотовъ, в 1701—1704 годахъ, в Москвѣ, праздновались по древнему русскому обычаю. Можно описать которую-нибудь, потому что онѣ по повелѣнію Его Величества праздновались во дворцѣ князя, принадлежавшемъ прежде Лефорту, и подъ его распоряженіемъ; какая самая замѣчательная?

1702 г. Корабли или суда изъ Ладоги сухимъ ли путемъ доставлены в Шлиссельбургъ? — Желѣзнымъ заводомъ в Олонцѣ князь владѣлъ съ 1704 г. Надобно было бы посмотреть уступительный актъ. — Походъ изъ Вольнии в Калишъ 1706 г. — Кто былъ на пиру у князя послѣ калишской битвы? — Какая медаль выбита в воспоминаніе этой битвы? — Какой чинъ получилъ его свѣтлость? — В Полтавѣ есть ли церковь св. Самсона, и уже ли нѣтъ никакой колонны? — Какой лозунгъ былъ при Калишѣ, Лѣсномъ и Полтавѣ? — Обѣщалъ ли его свѣт-

лость въ Украинѣ награду тому, кто возьметъ живаго или мертваго Шведа или бунтующаго казака?

Когда основанъ Англичанами въ Ямбургѣ стекольный заводъ, въ 1712 или 1713 г.?—Въ Сестрелекѣ фабрика заведена въ 1720 г.?—Планы и описаніе принадлежащихъ его свѣтлости двorcовъ, церквей, садовъ, оранжерій, мельницъ, въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Оранісмбуамѣ.—Когда была построена башня на Чистомъ-пруду, которая сожжена въ 1723 г.?—Кому принадлежалъ самый дворецъ?—Въ которомъ году построенъ Оранісбаумъ?—Что сдѣлали Трессинъ, Слейтеръ, Леблонъ и другіе прославленные садовники (ихъ имена)?—Имена лейбъ-медиковъ и придворныхъ медиковъ. Блаументрость до 1... Арескинъ съ 1704 до 1711 г., Витъ до 1720. Решуъ до 1723 г., Азарити.—Сколько построилъ его свѣтлость церквей, школъ, монастырей и другихъ заведеній, и сколько кораблей?—Сколько доставилъ матросовъ?—Что сдѣлалъ для освобожденія христіанъ отъ Турокъ и Татаръ.

1711 г. Его свѣтлость въ этомъ году дѣйствовалъ въ имперіи вмѣстѣ съ сенатомъ; многія изъ его распоряженій могли бы быть пополнены тѣмъ, что онъ учредилъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, въ званіи губернатора.

Частная переписка его свѣтлости и бесѣды съ королями, министрами и генералами, или посланія къ нимъ, подарки королей и проч..

Торжественные приемы, поздравленія, рѣчи его свѣтлости, какъ фельдмаршалу отъ депутатовъ въ Польшѣ 1706—1709 г.; въ Украинѣ, 1709, 1720 г.; въ Берлинѣ, Швеціи, Гамбургѣ, Любекѣ, Штеттинѣ, въ 1714 г..

Встрѣчи и замѣчательные случаи во-время поѣздокъ въ его владѣнія.—Маршруты его свѣтлости, особенно въ Россіи, для географическихъ изслѣдованій.—Министровъ, лѣнныхъ шведскихъ миссіонеровъ, его свѣтлость дарить, снабжаетъ содержаніемъ, способствуетъ ихъ отправленію; доставляетъ въ 1718 г. фельдмаршала Рейншляда съ фрегатами и другими необходимыми вещами въ Швецію.—Послалъ карету хану башкирскому. Послалъ ли въ 1705 году патера Илію, іезуита, въ Римъ? Рекомендовалъ ли его свѣтлость королю датскому своего адъютанта Левенева?

Географическое описаніе и границы владѣній князя въ Россіи и Польшѣ; гдѣ онъ находится? напр. Почепъ, Думбровна,

Горки, въ воеводствѣ витебскомъ.—Актъ, по которому его свѣтлость приобрѣлъ во владѣніе округъ Бигень.—Патенты на ордена: датскій, 1710 г., польскій, 1706, прусскій, 1709, отъ англійскаго общества, 1714. Письма къ его свѣтлости отъ знаменитыхъ людей, русскихъ и иностранныхъ министровъ.—Журналы и замѣтки, откуда заимствовать нѣкоторые обстоятельства.—Зотовъ, графъ Матвѣевъ.—Извѣстія о Бѣлостокѣ изъ Литвы.—Всѣ медали.—Книги, написанныя о Россіи, изъ бібліотеки.

Необходимыя книги:

Hübner's, General Tabellen und Fragen, Губнера, Генеральныя таблицы и вопросы.—Ottomanische Pforte, Оттоманская Порта.—Leben und Thaten S. Cz. M., Жизнь и дѣянія Его Царскаго Величества.—Campagnes du R. de S., Войны Короля Шведскаго.—Hist. de Svede, Исторія Швеціи.—Verbessert Russland, Усовершенствованная Россія.—Dial. des morts, von 1725, Разговоры мертвыхъ, 1725 года.

Въ 1714 г., вступается за адмирала... За какихъ еще другихъ несчастныхъ или подвергнувшихся немилости онъ вступался и кому помогалъ?—Кто были его друзья и кліенты, Русскіе и чужестранцы, которыхъ онъ возвышалъ, жаловалъ, спасалъ? Кто изъ нихъ заслуживаетъ преимущественно похвалу?—Гдѣ находятся большіе магазины въ Польшѣ и Помераніи?—На какихъ замѣчательныхъ свадьбахъ его свѣтлость былъ посаженнымъ отцомъ, маршаломъ?—Какія конференціи имѣлъ его свѣтлость, одинъ безъ Его Величества, съ иностранными уполномоченными, генералами, министрами, послами, въ Густровѣ, 1712 г., Штеттинѣ и Шведтѣ, 1713?—Въ какомъ военномъ совѣтѣ онъ предсѣдательствовалъ?—Въ какихъ знатныхъ домахъ, въ Германіи, Польшѣ или Россіи, его свѣтлость былъ кумомъ, и въ какое время? При какихъ замѣчательныхъ похоронахъ онъ присутствовалъ и въ какіе годы?

1715 г. Въ отсутствіе Его Величества, гдѣ его свѣтлость приказалъ похоронить царевну Маргариту?—Церемоніи при бракосочетаніи герцога курляндскаго, 1710 г., голштинскаго, 1725. Свадьба герцога курляндскаго была празднуема во дворцѣ князя, равно какъ и свадьбы карликовъ; а свадьба его королевскаго высочества, въ Лѣтнемъ дворцѣ, по распоряженію князя.—

Баронъ Остерманъ, Штеннингъ, князь Черкасскій обязаны своимъ возвышеніемъ его свѣтлости. — Другія великолѣпныя празднества въ Польшѣ, Россіи. — Какіе семейные праздники, сколько дней рожденія имѣли въ домѣ его свѣтлости? — Описание нѣкоторыхъ вѣздовъ, которыми распоряжался его свѣтлость; вѣздъ турецкаго посланника, въ 1704. Вѣздъ въ Москву въ 1722 году. — Описание триумфальныхъ воротъ, иллюминацій 1696, 1702, 1703, 1704, 1709, 1714, 1721, по случаю мира, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, устроенныхъ по приказанію его свѣтлости. При этомъ помѣстить лучшіе девизы и надписи.

— Какъ сильна была русская армія въ Польшѣ, въ 1707 и 1708 г.? — Сто тысячъ человѣкъ.

Число кораблей и галеръ. — Производство офицеровъ и генераловъ каждаго года. — Опись ручныхъ мортиръ, мельницъ, гранатъ, органовъ, при Лѣсномъ; кирасы, каски. — Военный штатъ за каждый годъ, командующіе генералы, вооруженіе кораблей, число кораблей и галеръ. — Медали, розданныя въ Москвѣ въ 1702 — 1704 и 1709 годахъ, и въ С.-Петербургѣ въ 1710 г., и прочее, по случаю морскихъ и другихъ побѣдъ, въ Лифляндіи и Финляндіи.

Встрѣча турецкаго посланника въ Москвѣ, 1704 и 1722 годахъ, и его визиты князю. — Получилъ ли его свѣтлость отъ верховнаго визиря письмо? — Издержки на содержаніе турецкихъ и восточныхъ посланниковъ.

1712. Приказалъ ли его свѣтлость задержать въ Гарцинѣ, въ Помераніи, одного Турка, говорившаго по-славянски, въ слѣдствіе подозрѣнія, что этотъ Турокъ былъ шпіонъ, подосланный изъ Бендеръ? — Какъ онъ получилъ опять свободу? — Генералъ Ауд... и другіе въ Польшѣ были ли арестованы по приказанію его свѣтлости?

Боевой строй при Калишѣ. — Планъ Батурина.

Въ которомъ году снята должность почтмейстера съ Винніуса и поручена Шафирову? — Жалобы со стороны Винніуса на его свѣтлость въ Голландіи; объ этомъ умолчать, или коротко обозначить настоящее положеніе дѣла.

Когда объявлена война Швеціи?

Такъ-какъ его свѣтлость имѣлъ главный надзоръ за дворомъ вдовствующей царицы Параскевіи Ѳеодоровны, въ Измайловѣ, близъ Москвы, то, въ 1701 году, приказалъ освятить придвор-

ную церковь, избралъ для трехъ царевнъ наставниковъ и слугителей, и заботился объ ихъ воспитаніи. Что еще сказать объ этомъ?

О шведской войнѣ.

1702 г. Планъ Шлиссельбурга. — Взятіе замка Маріенбурга.

1703. Планъ Ніеншанца. Двѣ отнятыя княземъ шведскія шнявы и гальоты при Екатерингофѣ; за что князь получаетъ отъ Его Величества орденъ Андрея Первозваннаго. — Новый кавалеръ. Его Величество надѣваетъ на князя орденскую ленту.

1704. Планъ Дерпта, Нарвы и Иванъ-Города. — Его свѣтлость торжественно вѣзжаетъ въ Москву.

1705. Планъ Митавы.

1706. Свадьба его свѣтлости въ Кіевѣ. — Врученіе княжескихъ дипломовъ отъ римскаго и русскаго императоровъ. — Битва при Калишѣ.

1708. Битва при Добро. — Битва при Лѣсномъ съ Левенгауптомъ. Взятіе Батурина. — Избраніе новаго казацкаго гетмана. — Скоропадскій по описанію. — Казнь надъ портретомъ Мазепы.

1709. Планъ Воронежа, Ораніенбурга. — Побѣда подъ Полтавою. — Плѣненіе графа Левенгаупта съ его корпусомъ при Днѣпрѣ. — Выбиты по этому случаю медали; колонна. — Свиданіе Его Царскаго Величества съ королемъ польскимъ; свиданіе съ королемъ прусскимъ въ Маріенвердерѣ, гдѣ его свѣтлость получилъ прусскій орденъ. — Триумфальный вѣздъ въ Москву.

1710. Взятіе Эльбинга, Выборга, Риги, Дюнамюнда, Ревеля, Пернова, Кексгольма и пр. — Былъ ли при этомъ его свѣтлость? — Выбиты по этому случаю медали. — Бракосочетаніе герцога курляндскаго въ С.-Петербургѣ; столъ; фейерверкъ; смерть его; отправление въ Ригу. — Митава.

1711. Видъ С.-Петербурга. — Различныя дворцы, построенныя его свѣтлостію въ отсутствіе Его Величества.

1712. Русскій лагерь подъ Штеттинномъ, подъ начальствомъ его свѣтлости.

1713. Взятіе Фридрихштадта въ Голштиніи; взятіе Теннингена, Штеттина.

1714. Крещеніе князя Александра Меншикова въ С.-Петербургѣ. — Побѣда при Вазѣ въ Финляндіи. Видъ княжескаго дворца и церкви, построенной вблизи на берегу.

1715. Погребеніе Его Высочества Царевича въ С.-Петербургѣ.
 1717. Погребеніе вдовствующей царицы Марьи Матвѣевны.—
 Принятіе князя въ званіи президента военной коллегіи.
 1719. Планъ Олонца, гдѣ его свѣтлость пользовался въ этотъ
 годъ водами.
 1720. Новая крѣпость Александрополь при Почепѣ.—Встрѣча
 его высочества герцога голштинскаго въ С.-Петербургѣ.
 1721. Обнародованіе мира въ С.-Петербургѣ.—Делегация госу-
 дарственныхъ чиновъ къ Его Величеству о принятіи титула Им-
 ператора, при чемъ его свѣтлость присутствовалъ, какъ прези-
 дентъ и первый фельдмаршалъ.
 1725. Планъ каналовъ, устроенныхъ его свѣтлостію.

ЧАСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ.

*Непостоянство въ мирѣ.—Перевороты въ великихъ державахъ.—
 Города.—Фамиліи.—Князь Меншиковъ въ Россіи, въ 1481
 г.—Почему многіе Литовцы поселились въ Россіи.—Войны Ли-
 товцевъ съ Россією.—Притѣсненіе Грековъ въ Литвѣ.—Гербъ
 Меншиковыхъ.—Какія польскія фамиліи имѣли тотъ же гербъ.
 —Предки фамиліи Меншиковыхъ.—Даніилъ Меншиковъ.—
 Его дѣти.—Александръ Меншиковъ.*

Не только священная и всемірная исторія свидѣтель-
 ствуетъ съ незапамятныхъ временъ, но и самое теченіе
 природы, равно какъ и каждодневный опытъ научаютъ
 насъ, что на земномъ шарѣ все подвержено измѣненію,
 что въ мирѣ нѣтъ ничего постояннаго.

Величайшія свѣтила и планеты на тверди небесной то
 меркнуть, то совершенно исчезаютъ.

Обширныя и могущественныя царства и монархіи вос-
 ходятъ на вершину блестящаго величія, потомъ склоня-
 ются къ упадку и разрушаются, какъ сильныя государ-
 ства Ассирійцъ, Египтянъ, Скивовъ, нѣкогда столь слав-
 ныя и знаменитыя.

Александръ Великій покорилъ богатую Персію и нало-
 жилъ дань на владѣнія Пора и Таксила. Но такъ какъ онъ
 умеръ, не имѣя наследниковъ, то долженъ былъ оставить
 завоеванныя имъ области на раздѣлъ своимъ полководцамъ.

Греція, сколько по своимъ отважнымъ воинскимъ под-
 вигамъ, столько же по своей образованности, имѣла нѣ-
 когда преимущество передъ всеми народами, пока не подпала
 подъ иго Турокъ, послѣ чего утратила свою славу. Съ
 1453 года, греческая имперія подчинилась Туркамъ.

Древняя римская имперія нѣкогда изъ города, сначала
 очень незначительнаго, распространилась во всѣхъ

трехъ частяхъ известнаго тогда свѣта и утвердила надъ ними свое владычество. Но эта глава міра должна была поникнуть предъ другими, когда городъ Римъ семь разъ была взята иноплемными народами и опустошена. Мирская власть, которую онъ имѣлъ надъ большею частию земли, измѣнилась въ владычество духовное, распространяющееся теперь во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, — надъ теми, кто признаетъ главенство папы.

Швабы (Свевы), Венды (Вандалы) и Готы изгнали Римлянъ изъ Испаніи и основали тамъ свое мѣстопробываніе такъ твердо, что спустя три столѣтія, едва были вытѣснены оттуда Сарацинами и Маврами; а послѣдніе при Фердинандѣ Католикѣ тоже принуждены были оставить испанское королевство.

Въ началъ настоящаго (восьмнадцатаго) столѣтія, это королевство перешло къ непримиримымъ ихъ нѣкогда врагамъ, Французамъ.

Китайское государство, столь славное, было покорено Татарами.

Венгрія, нѣкогда столь воинственная, сдѣлалась, нѣсколько тому столѣтій, добычею Турокъ и другихъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, враговъ.

Польша потеряла Померанію, Силезію, Молдавію и всю Украйну, но за то увеличилась чрезъ соединеніе съ великимъ княжествомъ литовскимъ.

Царства: казанское, астраханское, сибирское, великія княжества: новгородское, галицкое, рязанское, тверское, владимірское, имѣвшія нѣкогда собственныхъ правителей, мало-по-малу присоединены къ русскому государству.

Кароагентъ, боровшійся за владычество съ Римомъ, подобно какъ Аѳины съ Спартою, полководцемъ Сципіономъ, послѣ семидневнаго пожара, былъ превращенъ въ свое первобытное ничтожество.

Галичь, Владиміръ, Новгородъ и другіе города въ Россіи, и нѣкоторые изъ ганзейскихъ городовъ въ Германіи лишились своего прежняго цвѣтущаго состоянія, тогда какъ другіе возвысились снова.

Сильный и богатый орденъ Храмовыхъ рыцарей въ 1310 (1312) году былъ истребленъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, и ихъ имѣнія частію конфискованы, а частію отданы Иоаннитамъ и рыцарямъ другихъ орденовъ.

И такъ, если большія царства и города, управляемые умными людьми и имѣвшіе силу поддержать себя, съ теченіемъ времени приходили въ упадокъ; то нѣтъ ничего удивительнаго, что и знаменитые фамиліи и роды подвергаются переменамъ счастья.

Во времена премудраго царя Соломона, это было уже не ново. Онъ пишетъ: *«Родъ проходитъ, и родъ приходитъ, о земля во вѣкъ стоитъ. И восходитъ солнце и заходитъ солнце и мѣсто свое влечетъ, сіе возсівая тамо».* (Екклес. гл. 1. ст. 4 и слѣд.)

Даже царскій родъ Давида и Соломона пришелъ въ такой упадокъ, что не было у него ни короны, ни трона, ни скиптра, ни державы, и всехвальная Дѣва Марія была обручена древодѣлателью, отъ которой родился Спаситель всего міра, и какъ плодоносная вѣтвь, благодатствованная божественною силою и могуществомъ, произрала отъ старга, по видимому, увядшаго и иссохшаго древа іудейскихъ царей.

Русская, велико-княжеская и царская фамилія, со времени Рюрика, часто раздѣлялась на многія вѣтви и отрасли, но многократно доходила до немногихъ отпрысковъ или лицъ, и наконецъ послѣ смерти царя Θεодора Иоанновича (7106 отъ С. М. 1598 отъ Р. Х.) погасла въ мужеской нисходящей линіи. Та же судьба постигла Годуновыхъ, Шуйскихъ и пр.

Князья Троекуровы, (1714 г.) Воротынскіе, Бѣльскіе, Шейны и многіе другіе роды русскіе частію пришли въ упадокъ, частію перемерли.

Ту же участь испыталъ и древній родъ Меншиковыхъ, которые, за нѣсколько сотъ лѣтъ, были известны въ Россіи и въ Польшѣ, и пользовались большимъ уваженіемъ.

Въ вологодской летописи, написанной игуменомъ Димитріемъ, находится слѣдующее замѣчательное сказаніе:

«Въ 6989 лѣто отъ сотворенія міра (1481 отъ Р. Х.) православный и христоробивый князь Меншикъ построилъ чудную каменную церковь, на Кубенскомъ озерѣ, въ монастырѣ, именуемомъ Спасскимъ; въ томъ мѣстѣ никто не запомнитъ никакихъ каменныхъ домовъ или храмовъ, потому-что земля очень далеко, и островъ отъ берега лежитъ, по крайней мѣрѣ, въ семнадцать верстахъ.

«Камни были привезены изъ Твери....

«Этотъ монастырь съ давнихъ временъ назывался Каменнымъ.

Князь Андрей Васильевичъ Углицкій даль....»

Нѣкоторые думаютъ, что княжескій родъ Меншика, упоминаемаго вологодскимъ летописцемъ, прибылъ въ Россію съ Рюрикомъ изъ Вагрии, или по другимъ, послѣдовалъ за нимъ туда изъ Германіи и получилъ для поселенія одинъ округъ близъ Вологды, и потому долженъ считаться древнимъ княжескимъ родомъ русскимъ; иные, напротивъ, полагаютъ, что князья Меншики, подобно различнымъ другимъ княжескимъ фамиліямъ, извѣстнымъ еще и теперь въ Россіи, вышли изъ Польши и Литвы, и что родъ ихъ пресѣкъ въ лицѣ упомянутого князя Андрея Васильевича Меншика, который, быть можетъ, не былъ женатъ, или не оставилъ по себѣ наследниковъ*.

Послѣдніе, въ подтвержденіе своего мнѣнія, представляютъ, что не только русскіе, польскіе и литовскіе летописцы,

* Приведенное авторомъ извѣстіе относится не къ какому нибудь неизвѣстному Меншику, а къ сыну В. К. Василія Васильевича Темнаго, Андрею Васильевичу Меньшому, названному такъ для отличія отъ старшаго брата его, Андрея Васильевича Большаго. Князь Андрей Меньшой, по духовному завѣщанію своего родителя, 1462 г., получилъ въ наследственный удѣлъ Вологду, вмѣстѣ съ Кубеной и Заозерьемъ. Онъ умеръ въ 1481 г. Быть можетъ, авторъ, какъ иностранецъ, не изучавшій исторіи и родословныхъ нашихъ князей, былъ введенъ въ ошибку неправильнымъ правописаніемъ летописи, а быть можетъ и намѣренно, изъ угожденія могущественному временнику, раздѣляя ложные толки современниковъ о древнемъ княжескомъ родѣ Меншиковъ. Во всякомъ случаѣ, сдѣланное имъ объясненіе показываетъ, въ какомъ состояніи находилась тогда наша отечественная исторія.

Прим. пер.

(между прочими Кояловичъ, Матвей Стрыйковскій, Кромеръ, Гарткнохъ), упоминая о тѣхъ войнахъ, которыя были ведены, съ переменнымъ счастіемъ, между Россією и Литвою, единогласно свидѣтельствуютъ, что въ различныя эпохи, многіе Литовцы, или приводимые въ Россію какъ военно-плѣнные, или приходившіе по своей волѣ, искали въ ней службы, помѣстьевъ и спокойныхъ почетныхъ должностей, и если получали желаемое, какъ въ древнія времена, когда чужеземцами заселяли пустынные страны, то тутъ оставались на житье и ихъ родъ распространялся.

Мы не станемъ говорить ни о тѣхъ войнахъ, которыя великіе князья литовскіе, Миндовгъ, Витенъ, Гедиминъ, Ольгердъ, Свидригайло, вели съ разными князьями русскими, ни объ ихъ родственныхъ союзахъ, ни о походахъ, которые они совершали вмѣстѣ, въ четырнадцатомъ столѣтіи, иногда противъ сильныхъ Татаръ; но укажемъ тѣ событія, которыя происходили между обоими народами въ пятнадцатомъ вѣкѣ и которыя могутъ пролить свѣтъ на нашъ предметъ.

Въ 1427 г. приходилъ великій князь литовскій Витовтъ, съ Поляками и Татарами, къ Новгороду, принудилъ гражданъ заплатить контрибуцію, послѣ чего заключилъ миръ и удалился восвояси.

Въ слѣдующемъ году, 6936 отъ сотворенія міра (1428 отъ Р. Х.), Ягелло послалъ великаго князя литовскаго Свидригайло, своего брата и Витолла, своего двоюроднаго брата, противъ Святослава, князя смоленскаго, взялъ Мстиславль, а съ Новгорода и Пскова получилъ значительную дань.

Въ 1440 г. Великій князь Казиміръ Ягелловичъ передалъ Кіевъ Александру, сыну Владиміра Ольгердовича.

Въ 1447 году король польскій Казиміръ вознамѣрился греческую церковь, къ которой принадлежали все Литовцы, обращенные въ четырнадцатомъ вѣкѣ къ христіанской вѣрѣ, силою соединить съ латинскою; такъ называемыхъ *диссидентовъ*, приверженныхъ къ греческой церкви, сталъ чрезвычайно тѣснить за то, и преслѣдовать; изгналъ изъ Польши въ Россію самого князя Феодора Иоанновича Бѣль-

скаго съ другими знаменитыми благородными фамиліями, горячо привязанными къ той же греческой церкви.

Но великій князь русскій Василій вступился за христіанъ, угнетаемыхъ въ Польшу за греческое вѣроисповѣданіе; 14 іюля онъ разбилъ на голову Литовцевъ, на рѣкъ Ведрошь и взялъ въ плѣнъ Острожскаго князя Константина со многими воеводами *.

Въ 1480 году, въ отмщеніе за то, что великій князь Василій отобралъ на себя нѣкоторыя церковныя имѣнія, составлявшія некогда княжескія владѣнія и кормовыя вотчины, владыка новгородскій хотѣлъ уступить Новгородъ Полякамъ и Литовцамъ. Литовцы вступили въ союзъ съ Татарами и вмѣстѣ съ ними напали на Россію; но увидѣвъ, что Русскіе приняли мѣры и приготовились къ оборонѣ, примирились съ ними и прекратили свои непріязненные дѣйствія.

Въ 1482 году, царь Іоаннъ Васильевичъ I принялъ въ службу нѣкоторыхъ изъ Литовцевъ, гонимыхъ за греческое вѣроисповѣданіе, и приказалъ князьямъ: Воротынскому, Оболенскому и другимъ, идти войною на Литву, взять различныя города и привести многихъ плѣнниковъ въ Москву.

Въ 1485 году, Михаилъ Борисовичъ, князь тверской, братъ первой супруги великаго князя Іоанна Васильевича I, присилъ у польскаго короля Казимира вспомогательнаго войска, въ противность волѣ царя; но былъ стѣсненъ русскимъ войскомъ и оставленъ своимъ, такъ что нашелся вынужденнымъ бѣжать въ Литву. Послѣ этого, царь взялъ Тверь и отдалъ ее въ удѣлъ своему старшему сыну.

Въ 1493 (1494) году, великій князь литовскій Александръ заключилъ миръ съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, женился на его дочери, княжнѣ Еленѣ, рожденной отъ Софіи, съ

* Это событіе относится къ царствованію Іоанна Васильевича I, а не Василія, и совершилось въ 1500 году, а не въ 1447. См. Ист. Госуд. Росс. Казимира, Т. VI, стр. 299. Изд. 1. Такъ была разработана тогда наша исторія! *Прим. пер.*

тѣмъ условіемъ, чтобы она оставалась въ греческой вѣрѣ. Въ 1500 (1501) году онъ былъ избранъ въ польскіе короли, соединилъ польское королевство съ великимъ княжествомъ литовскимъ и привелъ многихъ Поляковъ въ Литву для военныхъ дѣйствій противъ Русскихъ; при этомъ случаѣ упоминаются какіе-то Меншики, убитые подъ Минскомъ (Мстиславлемъ?) въ Литвѣ.

Но такъ какъ король Александръ былъ обвиненъ въ томъ, что, вопреки брачному договору, по совѣту духовныхъ, хотѣлъ принудить свою супругу, русскую принцессу, Елену, къ римско-католическому вѣроисповѣданію, и такъ какъ за постоянную приверженность къ греческой вѣрѣ, ей было отказано въ коронованіи; то царь Іоаннъ Васильевичъ послалъ своего сына Димитрія противъ Литовцевъ, напалъ на зятя, взялъ Новгородъ Сѣверскій и многія мѣстечки въ Литвѣ, и заключилъ перемиріе на шесть лѣтъ.

Послѣ всего сказаннаго можно предполагать, что въ пятнадцатомъ вѣкѣ, или по случаю вышеисчисленныхъ войнъ и переворотовъ, или вслѣдствіе гоненія на греческую церковь, въ Литвѣ, кто-нибудь изъ благородной фамиліи Меншиковъ перешелъ изъ Польши или изъ Литвы въ Россію, и здѣсь былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Примѣры этому представляютъ до сихъ поръ процвѣтающія въ Россіи княжескія фамиліи Грубецкихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и многія другія, которыя вышли изъ Литвы; равнымъ образомъ тоже случалось и со многими татарскими мирзами и беками, приходившими въ Россію, если они отрекались отъ магометанской вѣры и крестились; изъ этого числа князья Черкасскіе, Юсуповы, Урусовы, Троекуровы, которые благоденствуютъ въ Россіи еще и въ настоящее время.

Но линія князей Меншиковъ, во времена царя Іоанна Васильевича I, подобно многимъ другимъ, о которыхъ мы отчасти говорили, прекратилась въ Россіи, съ кончиною упомянутаго выше князя Андрея Васильевича Меншика, умершаго безъ потомства. Въ лицѣ же его свѣтлости князя Александра, въ текущемъ восемнадцатомъ столѣтіи, эта линія счастливо воз-

становлена двумя императорами и такъ утверждена, что, безъ всякаго сомнѣнія, и далекое потомство, по благословенію Божію, будетъ чтить еще многихъ героевъ изъ этого княжескаго корня.

Что касается до герба, принадлежавшаго дворянской фамилии Меншиковъ въ Польшѣ, мы приводимъ слѣдующее извѣстіе объ этомъ изъ польскаго гербовника:

«Гербъ Меншиковъ представляетъ, на желтомъ или золотомъ полѣ, черную голову буйвола, съ серебряными рогами, въ ноздри которой продѣто кольцо изъ двухъ сплетенныхъ вмѣстѣ ивовыхъ вѣтвей. Этотъ гербъ былъ данъ одному челоуку, который поймалъ живаго буйвола, на охотѣ въ лѣсу, и привелъ его къ своему князю; при этомъ дано ему и прозвище: *Менжикъ*, слово, означающее въ польскомъ языкѣ: *мужесственный, храбрый, и буйволъ*.

Этотъ же самый гербъ въ древнія времена принадлежалъ одной вѣнской фамилии, которая принесла его изъ Моравіи въ Польшу, какъ повѣствуетъ о томъ знаменитый польскій историкъ Длугошъ или Longinus; онъ говоритъ, что въ его время въ Моравіи была славная фамилія *Перстинъ*, имѣвшая этотъ гербъ.

Древняя лѣтопись повѣствуетъ о архіепископѣ гнѣзненскомъ Бозутѣ слѣдующее: *

«Бозута первый происходилъ отъ благородной фамилии, изъ вѣнскаго дома, но былъ гораздо благороднѣе по своимъ дѣйствіямъ и правамъ; призрѣнный верховнымъ первосвященникомъ, Бенедиктомъ Восьмымъ, онъ былъ щедрый милостынераздаватель, сострадательный къ сиротамъ и немущимъ, и строгій блюститель за духовными лицами своей епархіи, жизнь и поведеніе которыхъ разузнавалъ въ ежегодныхъ посещеніяхъ, зная, что отъ жизни духовныхъ зависитъ спасеніе или погибель мірянъ; поэтому всѣ искренно оплакивали его смерть. Онъ былъ также жаркимъ ревнителемъ общественаго порядка государства польскаго; потому, когда Ка-

* Текстъ лѣтописи у автора приведенъ на латинскомъ языкѣ. *Прим. пер.*

зимирь, сынъ короля, съ своею родительницею Риксою, по причинѣ междоусобныхъ войнъ, удалились въ Германію, когда Вратиславъ, герцогъ богемскій, съ своимъ зятемъ, епископомъ пражскимъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ и отсутствіемъ короля польскаго, ограбили церковь въ Гнѣзно; то онъ, томимый, и днемъ и ночью, скорбію и стѣваніемъ, изнемогъ и скончался въ 1038 году, въ Гнѣзно.»

Таже лѣтопись, подъ 1170 годомъ, повѣствуетъ о нѣкоемъ Рудигерѣ Богемцѣ.

«По смерти Гонольда, ему наследовалъ Рудигеръ, родомъ Богемецъ; онъ умеръ въ 1170 году, и погребенъ въ Бреславль; происходилъ отъ благородной фамилии, гербъ которой представлялъ голову буйвола съ кольцомъ; ему наследовалъ Вернеръ.»

Этотъ Вернеръ, по свидѣтельству лѣтописи, былъ братъ Рудигера. «Вернеръ, наследовалъ своему брату въ епископствѣ; говорятъ, что онъ отличался голубиною непорочною; умеръ въ 1178 году, и погребенъ въ Бреславль.»

О Филиппѣ, епископѣ познанскомъ, въ этой хроникѣ говорится, что въ 1172 году онъ былъ избранъ въ епископы велико-польскіе, съ согласія Мечислава. Родомъ онъ былъ Полякъ.

О графѣ Бронницкомъ (Bronisio) Кромеръ, въ своемъ VIII томѣ, повѣствуетъ слѣдующее: «Графъ Бронницкій, родомъ Вѣнецъ, гербъ котораго представляетъ голову буйвола, въ своемъ помѣстьѣ, въ познанской епархіи, создалъ монастырь, названный Парадизомъ, какое наименованіе онъ удерживаетъ до сихъ поръ.»

Въ XVI томѣ, Кромеръ рассказываетъ объ Іоаннѣ кастелланѣ шремскомъ, что Владиславъ Ягелло отправлялъ его посломъ въ Венгрію, гдѣ онъ долженъ былъ просить для короля руку Анны, дочери графа Чибискаго.

Вышеупомянутыя фамиліи происходятъ изъ Моравіи; тамъ онѣ раздѣлились на многія линіи, носящія имя Перстинъ, поселились частію въ Богеміи и Моравіи, а частію въ Верхней и Нижней Силезіи, но нѣкоторыя жили въ Польшѣ и тамъ ихъ родъ распространился; послѣднія построили за-

мокъ Голуховъ, отъ котораго впоследствии получили свое прозваніе.

Кромерь, въ XIII томъ, пишетъ о Предиславъ Голуховъ, который во времена Казимира Великаго, въ 1373 году, былъ генераломъ въ Польшѣ: «Между тѣмъ, Елисавета, мать Людовика, по совѣту женщинъ, собрала въ сенатъ юношей и людей неопытныхъ, а многихъ доблестныхъ и заслуженныхъ мужей удалила отъ должности, опредѣливъ на ихъ мѣста людей ничтожныхъ и льстецовъ; въ числѣ первыхъ, между прочимъ, извѣстенъ Предиславъ Голуховъ, палатинъ калишскій, мужъ храбрый, управлявшій префектурою Великой Польши; преемникомъ его былъ назначенъ Оттонъ Пилецій; это возбудило негодованіе многихъ Поляковъ, и Оттона, хотя знаменитаго родомъ и достоинствами, они порицали за то, что онъ не имѣлъ никакихъ помѣстьевъ въ Великой Польшѣ, и слѣдовательно, противозаконно получилъ должность префекта.

Этотъ Предиславъ былъ сынъ Рафаеля, и оставилъ по себѣ трехъ сыновей: старшій изъ нихъ, Фридерикъ, былъ епископомъ въ Куявіи (Cujavien), а два другіе раздѣлили между собою отцовское наслѣдіе. Одинъ взялъ себѣ всѣ помѣстья, принадлежавшія Лещинъ, съ городами: Радомиско, Смигелемъ, Купловымъ и пр. Другой, по имени Рафаель, получилъ въ калишскомъ воеводствѣ Голуховъ, Пжигозе.

Рафаель Лещинскій оставилъ по себѣ сына, тоже Рафаеля, который нѣсколько лѣтъ находился при дворѣ императора Фридриха III и служилъ при многихъ посольствахъ. Кромерь, въ XXII томъ, пишетъ объ немъ; «Тогда прибылъ посолъ императора Фридриха, Рафаель Лещинскій, польскій дворянинъ, но нѣсколько уже лѣтъ находящійся въ службѣ императора, и любимый имъ, человекъ дѣятельный и мужественный, который считалъ маловажными трудность опасности пути, и козни короля Матвѣя.»

Этотъ Рафаель, за свои заслуги, былъ щедро одаренъ императоромъ Фридрихомъ; ему также былъ пожалованъ гербъ: на золотомъ рунѣ, на головѣ буйвола, золотая корона, на которой представленъ левъ, держащій въ одной лапѣ обна-

женный мечъ. Потому описанный гербъ принадлежитъ только одному этому дому. Императоръ пожаловалъ ему еще дипломъ на графское достоинство. Послѣ чего, Рафаель отправился въ Польшу, купилъ себѣ нѣсколько помѣстьевъ и былъ кастеланомъ въ Гвязно и генераломъ въ Куявіи.

Упомянутый выше гербъ принадлежитъ также и Меншиковымъ, благородной фамилии въ краковскомъ воеводствѣ, имѣвшей прежде прозваніе Шлабашей (Schlabaschi.)

Коронная привилегія упоминаетъ о какомъ-то Иоаннѣ Меншикѣ, изъ Добровы. Въ 1436 году онъ былъ воеводою въ Рейселъ. Вшаковій говоритъ, что Меншиковы происходятъ отъ Лещинскихъ. Мѣховита пишетъ объ Иоаннѣ Меншикѣ, что онъ во время прусской войны, при Ягеллонѣ, былъ въ военной службѣ и оказалъ большую храбрость. Кроме того, извѣстенъ еще Станиславъ Меншикъ, который былъ старостою въ Саценѣ, и въ царствованіе Сигизмунда и Стефана Баторія служилъ ротмистромъ. У него были два брата, которые славились въ краковскомъ воеводствѣ и принадлежали къ числу знатныхъ дворянъ.

Столько извѣстій мы находимъ у польскихъ лѣтописцевъ о благородной фамилии Меншиковыхъ! Но какъ они зашли изъ Литвы въ Россію, это можно объяснить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ, сообщаемыхъ въ лѣтописяхъ минувшаго XVII столѣтія.

Когда казаки отложились отъ Польши и перешли подъ покровительство Россіи, то достопамятной памяти царь Алексѣй Михайловичъ открылъ войну съ Польшею, продолжавшуюся съ 1655 до 1667 года. Тогда же была ведена война, то счастливо, то неудачно, въ Литвѣ, Украинѣ и Лифляндіи. Въ это время многіе Поляки добровольно присоединились къ Русскимъ, потому-что, не хотѣли ни покориться шведскому королю Карлу-Густаву, ни быть свидѣтелями паденія своего отечества, сокращаемаго какъ внѣшними, такъ и внутренними врагами. Нѣкоторые же Поляки и Литовцы, при разныхъ битвахъ, были взяты Русскими въ плѣнъ и приведены въ Москву*.

* Vide: Moscovia, sive brevis narratio de moribus magnae Russorum monarchiae auctore Paulo Potok-Potoki, Palatini de Braslavienae, in IV, Dantisci, 1670 edita.

Такъ какъ эти плѣнники не были выкуплены польскою республикою, — а это было позволено въ Россіи, — и такъ какъ Польша была опустошена войною, заразою, голодомъ и внутренними смутами, то многіе военнопленные Поляки, волею или неволею, рѣшились вступить въ военную или другую службу Его Царскаго Величества. Между тѣмъ иныя, неспособныя къ военной службѣ, остались въ Россіи на житье. Для нихъ-то въ Москвѣ было отведено особое предмѣстіе или слобода, называвшаяся прежде Мосци-Панска (Mosci-Panska), а теперь известная подъ именемъ Мясницкой Слободы. Равнымъ образомъ, многія польскія и литовскія семейства, большею частію приверженныя къ греческому вѣроисповѣданію, были поселены въ деревняхъ бронницкаго, валдайскаго и другихъ округовъ, совершенно опустывшихъ послѣ моровой язвы; здѣсь онѣ нашли такія удобства и получили такія вольности, что легко могли забыть свое отечество.

Въ числѣ послѣднихъ должны быть и многія благородныя фамиліи, приписавшіяся къ мѣщанскому либо крестьянскому сословію, или по невѣдѣнію своихъ предковъ и своего происхождения, или по нуждѣ и бѣдности, въ которую повергло ихъ плѣнничество. Къ настоящимъ ихъ прозваніямъ, если они были известны, было прибавлено окончаніе *овъ* (что обыкновенно дѣлается въ Россіи тѣми иностранцами, которые обрусѣютъ (*naturalisirt werden*) или примутъ греческую вѣру), покада они не получили свидѣній о своемъ благородномъ происхожденіи, или трудолюбіемъ и добрымъ поведеніемъ не вышли изъ этого состоянія и не доказали вѣрными свидѣтельствами своего дворянскаго происхожденія. Во время жестокихъ войнъ, такая судьба часто постигаетъ дѣтей знаменитыхъ людей; много тому примѣровъ можно найти въ исторіи Турціи, Испаніи, Франціи, Германіи и Лифляндіи.

Когда князь Юрій Никитичъ Прозоровскій, въ августѣ 1664 года, разбилъ, между Могилевомъ и Быховомъ, литовскаго воеводу Паца, то множество Поляковъ и Литовцевъ были взяты въ плѣнъ и приведены въ Москву. Въ числѣ

этихъ плѣнниковъ находился товарищъ Даніилъ Меншиковъ *. Такъ какъ онъ, при господствовавшемъ тогда въ Польшѣ неустройствѣ, не захотѣлъ возвратиться въ свое отечество, то вступилъ въ военную службу, подъ знамена царя Алексѣя Михайловича, и, какъ опытный воинъ, былъ принятъ офицеромъ или стольникомъ, по старинному названію; онъ оказалъ тогда примѣрныя и вѣрныя услуги, за что удостоилъ его похвалы Его Величество Петръ Великій въ княжескомъ дипломѣ, данномъ 1 іюня 1707 года, на имя его свѣтлости. Въ чинъ стольника онъ оставался и по смерти царя Алексѣя Михайловича (послѣдовавшей 1676 года), въ царствованіе Феодора Алексѣевича, и какъ отличный наездникъ, былъ приставленъ къ царской конюшнѣ и пожалованъ чиномъ шталмейстера, или стремяннаго, (стремянные обыкновенно держали поводъ, когда царь садился на коня). По смерти царя Феодора Алексѣевича, когда вступили на престолъ два его брата, Ихъ Величества, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, въ 1687 и 1689 годахъ, онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ, потомъ оставался въ гарнизонѣ, въ пограничной крѣпости Бѣлгородъ; а въ 1695 году былъ убитъ подъ Азовомъ.

Прибывъ въ Россію, онъ женился на дочери тверскаго именитаго гостя, Аннѣ Игнатьевнѣ; такъ какъ, въ тогдашнія смутныя времена, онъ долженъ былъ опасаться непріятностей, если бы вздумалъ употреблять свой родовой гербъ, голову буйвола, — нѣкогда принадлежавшій Пскову; то онъ оставилъ его. Отъ этого брака онъ имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей (оставшихся безутѣшными сиротами въ 1695 году), именно:

1) Татьяну Даниловну; за мужемъ за знатнымъ дворяниномъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Пушкинымъ, стольникомъ; оба находятяся въ живыхъ, хотя и не имѣютъ наследниковъ.

2) Марью Даниловну; была за мужемъ за почетнымъ куп-

* Товарищами въ Польшѣ назывались шляхтичи, ходившіе на войну, по пайму.

помъ Яковомъ Васильевымъ, отъ котораго имѣеть дочь, Анну Яковлевну; находится въ живыхъ.

3) Александра Даниловича, феникса его фамилии. Мы будемъ говорить здѣсь преимущественно объ его качествахъ, заслугахъ и княжескомъ достоинствѣ.

4) Андрея Даниловича; умеръ въ юности.

5) Анну Даниловну; за мужемъ за генералъ-маіоромъ и генералъ-полиціймейстеромъ Антономъ Эммануиловичемъ Девьеромъ, португальскимъ дворяниномъ, а съ 1726 года сенаторомъ російской имперіи.

Этихъ сиротъ, оставшихся послѣ отца и матери. (отецъ былъ убитъ во время первой осады Азова, въ 1695 году) въ бѣдственномъ положеніи и еще малолѣтнихъ, Господь призрѣлъ, привелъ къ высокимъ почестямъ и наконецъ поставилъ въ ряду князей.

Александръ, хотя и былъ еще молодъ, но чувствовалъ въ себѣ какое-то внутреннее призваніе, искать счастья, по примѣру своего родителя, въ военной службѣ, и сдѣлаться извѣстнымъ при дворѣ. И въ этомъ такъ посчастливилось ему, что онъ достигъ высочайшей вершины почестей, и сдѣлался первымъ послѣ Его Величества лицомъ въ арміи, и во всемъ русскомъ государствѣ, по своей власти и силѣ.

Въ 1706 году, послѣ калишской победы, имя «Александръ» одному польскому поэту подало случай сочинить въ честь Его Величества, а также и его свѣтлости, слѣдующую эпиграмму:

Esset Alexander si rex, Hephestio Regis
Inclutus hic princeps debuisset esse sui,
Menschikius sed Alexander cum nomine reque
Sit: Rex ergo suus Jupiter alter erit *.

Если изображать Александра Великаго, царя македонскаго, удостоивались только знаменитѣйшіе художники, то и наше слабое перо справедливо затрудняется описаніемъ

* Если бы царь былъ Александромъ, то знаменитѣйшій князь долженъ бы быть Гефестіономъ царя; но Меншиковъ самъ и именемъ и дѣломъ Александръ; и такъ царь его можетъ быть другимъ Юпитеромъ.

достоинствъ этого Гефестіона, князя. Но какъ его подвиги и государственныя заслуги описаны въ русской исторіи и почти во всехъ реляціяхъ, писанныхъ самимъ Его Величествомъ, и кромѣ того заслуженныя похвалы возданы ему въ грамотахъ императоровъ и королей и во многихъ книгахъ безпристрастныхъ чужестранцевъ, то мы помѣстимъ здѣсь только не многіе объ немъ отзывы этихъ послѣднихъ.

Въ *Географическомъ, историческомъ и политическомъ описаніи російской имперіи* (Relazione geografica, storica, politica dell'Imperio di Russia), изданномъ въ Миланѣ, 1711 г., часть II, стр. 5, находится слѣдующій замѣчательный отзывъ о его свѣтлости:

«Князь Александръ Меншиковъ, генералъ-губернаторъ ливляндскій, карельскій и ингерманландскій, происходящій отъ одной благороднѣйшей литовской фамилии, близъ Минска, обладаетъ истинно рѣдкими качествами и украшенъ заслугами, посредствомъ которыхъ онъ достигъ величія. Его отецъ былъ офицеромъ, въ царской службѣ; по этому случаю сынъ еще въ юности посвятилъ себя на службу Его Царскому Величеству. Во всехъ своихъ дѣйствіяхъ онъ обнаруживаетъ живой характеръ, острый и пронизательный умъ; онъ питаетъ необыкновенное уваженіе къ своему государю, который расположенъ къ нему отъ всего сердца, и съ которымъ онъ путешествовалъ въ Германію, Голландію и Англію; въ это время онъ обращалъ вниманіе на все, что, по его мнѣнію, могло послужить къ пользѣ его отечества. Въ настоящее время, онъ уважается вездѣ и всеми, какъ первый любимецъ Его Царскаго Величества; подъ его смотрѣніемъ исполняются важнѣйшія дѣла по придворному, военному и финансовому вѣдомствамъ, въ управленіи которыми онъ оказалъ безчисленные опыты величайшей бдительности и благоразумія. Со всеми онъ учтивъ, ласковъ и обходителенъ, и съ своими подчиненными поступаетъ чрезвычайно милостиво.

«Блаженной памяти императоръ Іосифъ, свѣдавъ объ отличныхъ достоинствахъ и великихъ заслугахъ этого сановника, соизволилъ, по собственному побужденію, наименовать его княземъ римской имперіи; изъ чего можно заключить, что

еслибы онъ жилъ и не въ Московіи, то его великія заслуги возвысили бы его и въ другихъ странахъ.»

Прибавимъ къ этому переводъ означеннаго мѣста, сдѣланный съ нѣкоторыми перемѣнами, въ сочиненіи, изданномъ въ Нюренбергъ 1718 г.: Petri M. Leben und Thaten, и еще въ въ книгѣ Jetz. Staat von Russland, * напечатанной въ Лейпцигѣ, 1717 г.

Въ первой изъ этихъ книгъ, читаемъ:

«Его свѣтлость, князь Меншиковъ, происходитъ отъ благородной фамиліи, довольно известной въ Литвѣ. Отецъ его служилъ офицеромъ въ царской службѣ; многіе изъ его родственниковъ, въ Литвѣ до сихъ поръ владѣютъ дворянскими помѣстьями близъ Минска; его единоземцы и сродники съ гордостію указываютъ на то, что одинъ изъ нихъ достигъ такой высоты собственными заслугами. Его Царское Величество принялъ его еще въ молодости въ свою службу, ко двору, и замѣтивъ въ немъ большую ревность и точность въ исполненіи высочайшихъ повелѣній, способный, проницательный умъ, особенно же необыкновенную вѣрность, любовь и привязанность къ своей особѣ, интересамъ и славы, такъ возвысилъ его, что теперь, какъ первый любимецъ государя, онъ управляетъ важнѣйшими дѣлами при дворѣ и по части военной и финансовой. При этомъ онъ доказалъ многими опытами свою бдительность и предусмотрительность; онъ обходится со всѣми такъ вѣжливо и учтиво, что никто не обнаруживаетъ неудовольствій противъ его правленія, и каждый безъ сомнѣнія долженъ сознаться, что выборъ палъ на этого любимца по волѣ Всемогущаго. Потому и его римско-императорское величество всемілостивѣйше заблагоразсудилъ, по собственному побужденію, признать его княземъ римской имперіи.

«Во время путешествія, Его Царскаго Величества, въ Германіи, Голландіи и Англіи, онъ извлекалъ для себя пользу изъ всѣхъ добрыхъ нравовъ и обычаевъ, постановленій, обря-

* Въ послѣднемъ сочиненіи помѣщенъ буквальный переводъ итальянскаго текста; потому мы опускаемъ его. *Прим. пер.*

довъ и пріемовъ иностранныхъ дворовъ, и изъ другихъ государственныхъ и правительственныхъ уложеній, которыя теперь такъ счастливо примѣняетъ къ своему правленію, для блага государя, подобно тому, какъ вода принимаетъ вкусъ и силу тѣхъ минеральныхъ земныхъ жилъ, черезъ которыя протекаетъ. До сихъ поръ онъ благоразумно пользуется своимъ цвѣтущимъ состояніемъ; по этому можно предполагать, что еслибы онъ жилъ и въ чужихъ краяхъ, то вездѣ достигъ бы высшихъ степеней. Одинъ Литовецъ подписалъ подъ его портретомъ слѣдующіе стихи изъ Ювенала, примѣненные къ его прославленію:

«Nec Minsky facies, cujus prudentia monstrat,
Magnos posse viros et clara exempla daturus,
Russorum in Patria, gelidoque sub aëre nasci» *.

Иностранные посланники при чужеземныхъ дворахъ обыкновенно въ своихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ ихъ великимъ государямъ, увѣдомляютъ ихъ подробно о состояніи государства и внутреннихъ событіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ описываютъ свойства державныхъ особъ, равно какъ и ихъ министровъ и полководцевъ. Такъ, господинъ Балюзъ, который провелъ одинъ годъ при московскомъ дворѣ, въ качествѣ французскаго посланника, будучи еще въ Москвѣ, читалъ слѣдующее замѣчаніе о его свѣтлости, помѣщенное имъ въ донесеніи французскому королю: «Князь Александръ Даниловичъ человекъ очень образованный и свѣтскій, усвоившій себѣ пріемы знатнаго вельможи. Со всѣми онъ обходится чрезвычайно ласково и искренно, привязанъ къ славы и интересамъ своего государя, который оказываетъ ему полное довѣріе. Онъ окружаетъ себя пышностію въ своемъ домѣ и щедро награждаетъ тѣхъ, кто служитъ ему вѣрно. Онъ оказываетъ благосклонность Нѣмцамъ и Англичанамъ. Такъ какъ Его Царское Величество, по видимому, не терпитъ придворной суетливости, то возложилъ на своего любимца

* Вотъ портретъ Меншикова, который своей мудростію доказываетъ, что и въ отечествѣ Русскихъ и подъ суровымъ небомъ могутъ рождаться мужи великіе, представляющіе собою высокіе образцы.

обязанность принимать у себя всѣхъ представляющихся ко двору; обязанность трудная, которую впрочемъ онъ исполняетъ такъ, что заслуживаетъ справедливое одобреніе. Это каналъ, черезъ который можно искать царскихъ милостей.»

Въ княжеской грамотѣ, данной на имя его свѣтлости въ 1706 году, его римско-императорскимъ величествомъ, избражено, между прочимъ слѣдующее: «Александръ Даниловичъ Меншиковъ! принимаемъ во вниманіе какъ ваше происхожденіе отъ древняго, благороднѣйшаго между Литовцами рода, военные подвиги вашихъ предковъ и важныя заслуги ихъ, не только въ отечествѣ, но и въ чужихъ земляхъ, (потому-что отецъ вашъ, мужъ храбрый въ браняхъ, пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ Государемъ, Царемъ Московскимъ, возлюбленнымъ братомъ нашимъ, былъ поставленъ начальникомъ его придворной стражи, состоявшей изъ благородныхъ мужей), такъ и собственныя ваши достоинства и необыкновенныя дарованія, которыя заблестали въ васъ съ самой юности, и возбудили въ вашемъ Государѣ высокое о васъ мнѣніе; ибо когда вы, вмѣстѣ съ нимъ, образовали себя въ славныхъ и достохвальныхъ наукахъ и занятіяхъ, достойныхъ души благородной, и восхитивъ у вашихъ товарищей пальму первенства, доказали свое умѣніе и способность въ дѣлахъ, онъ, Государь, считая себя въ правѣ ожидать отъ васъ всего великаго и прекраснаго,—кромѣ различныхъ, военныхъ и гражданскихъ почестей и достоинствъ, и грамотъ на ордена, въ Московіи—Св. Андрея, въ Польшѣ Бѣлаго Орла, въ Пруссіи *de generositate*, далъ вамъ первенство между своими любимцами и приближенными; потомъ какъ участника своихъ намѣреній и дѣйствій и спутника въ своемъ путешествіи въ Германіи и Голландіи, удостоилъ своей особенной благосклонности, милости и даже любви; а чтобы яснѣе доказать это, назначилъ васъ гофмейстеромъ при своемъ возлюбленномъ сынѣ, пресвѣтлѣйшемъ князѣ, Алексѣѣ Петровичѣ; когда, по открытіи войны въ Ливоніи, вы подавали собою блистательный примѣръ въ осадахъ, битвахъ и другихъ экспедиціяхъ, то ввѣрялъ вашему управленію провинціи Ингерманландіи, Кареліи и Финляндіи и пр....»

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Современная Ливонія и Полуника.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБЗОРЪНЕ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ СОБЫТІЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Англія.

По открытіи парламента, послѣдовавшемъ 18 ноября, нѣсколько дней продолжалась присяга новыхъ членовъ; а 23 ноября были открыты парламентскія пренія тропною рѣчью, которая впрочемъ была произнесена не самою королевою, но однимъ изъ членовъ парламента. Вотъ эта рѣчь:

«Милорды и господа! Ея Величество поручила намъ объявить вамъ причины, побудившія ее созвать парламентъ въ настоящее время. — Ея Величество замѣтила, съ большою горестью, стѣсненіе, господствовавшее, нѣкоторое время, между торгующими сословіями. Торговля затрудненія до того увеличилась, въ одно время, общимъ чувствомъ недовѣрія и смущенія, что Ея Величество, желая возстановить довѣріе, уполно-

К. I. — Отд. II.

мочила своих министров предложить директорам англійскаго банка образъ дѣйствія, сообразный съ этимъ положеніемъ вещей. Такія дѣйствія могли подать поводъ къ нарушенію существующаго закона. Ея Величеству весьма пріятно извѣститъ васъ, что законъ не былъ нарушенъ, что опасеніе уменьшилось и бремя, тяготѣвшее надъ банкомъ и торговыми выгодами, ослабло. — Обильная жатва, которою Всевышній благословилъ сію страну, облегчила бѣдствія, всегда сопровождающія недостатокъ въ занятіи въ фабричныхъ округахъ. Однако же, Ея Величество должна сожалѣть о возвращеніи обременительной нужды въ Ирландіи, въ слѣдствіе неурожая, обыкновеннаго средства продовольствія народа. — Ея Величество надѣется, что это бѣдствіе будетъ существенно облегчено производимыми усиліями къ приведенію въ исполненіе закона предшествовавшаго засѣданія, о вспоможеніи нуждающимся бѣднымъ людямъ. Ея Величество узнала съ удовольствіемъ, что многіе землевладѣльцы воспользовались средствами, доставленными имъ великодушіемъ парламента, для улучшенія своихъ земель. — Ея Величество сожалѣетъ, что въ нѣкоторыхъ ирландскихъ графствахъ были совершены возмущающія преступленія и обнаружился духъ неповиновенія, ведущій къ систематическому сопротивленію противъ законныхъ правъ. — Лордъ-лейтенантъ употребилъ съ силою и рѣшительностью средства, предоставленныя ему закономъ, для открытія преступниковъ и для предупрежденія повторенія преступленій. Однако же, Ея Величество считаетъ своимъ долгомъ, въ отношеніи къ мирнымъ, благонамѣреннымъ подданнымъ, *требовать содѣйствія парламента* въ принятіи дальнѣйшихъ мѣръ противъ совершенія преступленій въ нѣкоторыхъ ирландскихъ графствахъ. — Ея Величество взираетъ съ глубочайшимъ опасеніемъ и участіемъ на нынѣшнее положеніе Ирландіи, и предлагаетъ на обсужденіе парламента мѣры, которыя, при должномъ уваженіи къ правамъ достоинства, могли бы способствовать общественному положенію народа и служить сей части соединеннаго королевства къ прочному улучшенію. — Ея Величество узнала, съ величайшею заботой, объ открытіи *междоусобной войны съ Швейцаріи*. — Ея Величество вступила въ переговоры по это-

му предмету съ своими союзниками, и изъявила свою готовность употребить свое дружественное вліяніе для доставленія Швейцарцамъ благъ мира. — Ея Величество полагается съ полною довѣренностью на сохраненіе общаго мира въ Европѣ. — Ея Величество заключила договоръ съ республикою Эквадоромъ о подавленіи торговаго неграма. Ея Величество поручила представить вамъ трактатъ. — Господа члены Нижней палаты! Ея Величество поручила приготовить смѣты на будущій годъ для представленія ихъ вамъ. Онѣ будутъ составлены съ тщательнымъ обсужденіемъ потребностей публичнаго управленія. — Милорды и господа! Ея Величество предлагаетъ на обсужденіе парламента *законы, приводящіе въ устройство судоходство Соединеннаго Королевства*, дабы было изслѣдовано, нельзя ли произвести какого либо измѣненія, которое, не ослабляя нашей силы на морѣ, могло бы способствовать торговымъ и колониальнымъ выгодамъ государства. — Ея Величество изволила назначить комиссара, который долженъ донести о лучшихъ средствахъ къ улучшенію *состоянія здоровья столицы*, и Ея Величество въ особенности поручаетъ вашему полному вниманію тѣ мѣры, которыя будутъ вамъ представлены касательно *состоянія народнаго здоровья вообще*. — Ея Величество ощутила глубокое участіе въ страданіяхъ, постигающихъ рабочія сословія въ фабричныхъ округахъ Великобританіи и многихъ частей Ирландіи, и замѣтила съ изумленіемъ великое терпѣніе, съ которымъ эти страданія вообще переносятся. — Нужда, господствующая между торговыми сословіями, причинила убытокъ во многихъ важныхъ отрасляхъ государственнаго дохода, но Ея Величество до вѣрчиво надѣется, что уже время недалеко, когда, при благоволеніи Божескаго Провидѣнія, торговля и промышленность Соединеннаго Королевства вновь приобретутъ свою обычную дѣятельность.»

Засѣданія парламента со дня его открытія продолжались до 20 декабря; въ этотъ день они закрыты до 3 февраля. Въ продолженіе этого времени, были частію только предложены, а частію разсмотрѣны слѣдующіе замѣчательные биллы: 1, объ изслѣдованіи коммерческаго вризаиса и банко-

ваго закона 1844 г. 2, объ отсрочкѣ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ; 3, о прекращеніи преступленій въ Ирландіи; 4, объ эмансипаціи Евреевъ; 5, о римскихъ католикахъ.

Касательно коммерческаго кризиса, болѣе опредѣлительныя и основательныя мнѣнія находимъ въ одной изъ рѣчей *Чарльза Вуда*. По его словамъ, законъ Банковій 1844 г. не былъ нисколько причиною кризиса и всякая другая система не уменьшила бы бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства были такъ дурны, какъ никогда не бывали въ продолженіи 25 лѣтъ; корень зла положенъ лѣтомъ 1846 г., когда было вывезено много денегъ за границу, когда былъ неурожай картофеля и употреблено много денегъ на желѣзныя дороги. Между тѣмъ запасъ денегъ не соответствовалъ нуждѣ въ нихъ. Банкъ по неблагоприятію довелъ дѣла до того, что когда въ апрѣлѣ нужно было уплатить дивиденды, онъ отложилъ ихъ до мая, что произвело большую пужу въ торговомъ мірѣ. Не смотря на мѣры правительства, еще въ июлѣ сумма банковыхъ билетовъ простиралась до 18.250,000, а въ июлѣ до 18.900,000. Ввозъ хлѣба съ іюня 1846 г. до октября 1847 г. въ 15 мѣсяцевъ, простирался до 33.563,475 ф. ст. Расходы на желѣзныя дороги въ 1-й половинѣ 1846 простирался до 9.815,000, а во 2-й до 26.670,000 ф. ст.; въ первой же половинѣ этого года до 25.770,000 и если будутъ оканчиваться желѣзныя дороги, то до 38.000,000 потребуютъ еще во 2-й половинѣ этого года. Большая часть торговыхъ дѣлъ были въ худомъ состояніи и кредитная система была не дѣйствительна. Кредитъ былъ не соответственъ капиталу. Какъ легкомысленно поступили, видно изъ того, что Королевскій Банкъ въ Ливерпулѣ далъ въ займы одному дому 500,000, имѣя только 600,000 ф. ст. всѣхъ денегъ. И такъ видно, что и безъ Банковаго закона былъ банкротства. Банкъ долго удерживалъ кредитъ и только 2 октября уменьшилъ свои ссуды. Многие изъ недоверія не употребляли свои капиталы. Со всѣхъ сторонъ обратились къ министрамъ съ просьбами. Слѣдствіемъ этого было письмо министровъ къ директорамъ Банка отъ 25 октября. Хотя

принятія мѣры оказались достаточными и довѣріе восстановлено, но банкротства продолжались; торговля еще въ стѣсненномъ положеніи, но уже торговые циркуляры благоприятѣе и заказы изъ-за границы увеличиваются; по этому можно надѣяться, что зимою не будетъ такой нужды и торговля придетъ въ обыкновенное свое хорошее положеніе. По предложенію г. *Вуда*, въ Нижней палатѣ, и г. *Лаундсдоуна*, въ Верхней, для разсмотрѣнія вопроса о коммерческомъ кризисѣ, назначены слѣдственные комитеты.

Билль о продолженіи компаніямъ желѣзныхъ дорогъ срока, необходимаго для приобрѣтенія матеріаловъ и совершенія построекъ, также внесенъ лордомъ-канцлеромъ *Вудомъ*. Сиръ *Чарльзъ Вудъ* при этомъ объяснилъ, что требованія денегъ на желѣзныя дороги онъ считаетъ если не главною, то и не маловажною причиною настоящаго бѣдственнаго положенія. Чрезвычайное возрастаніе этихъ предпріятій видно изъ показанія суммъ, употребленныхъ на это: до 1826 г. употреблено было на желѣзныя дороги около 1½ милл. ф. стер., отъ 1826 до 1835—19 милл. ф. ст.; въ 1836 и 1837 г.—болѣе 36-ти милл., въ слѣдующіе затѣмъ годы сумма была незначительна, но въ 1844 и 1845 г. было собрано съ разрѣшенія парламента 74 милл., въ 1846 г.—132 милл., а въ настоящемъ 38 милл. ф. ст. Нижней палатѣ предстоитъ теперь принять мѣры къ благоразумному распредѣленію капиталовъ на желѣзныя дороги. Было бы хорошо, если бы расходы были распредѣлены на гораздо большее время, чѣмъ какъ это предоставлено привилегіямъ, съ тѣмъ, чтобъ дать болѣе удобства относительно приобрѣтенія матеріаловъ, ибо компаніи припуждены, по причинѣ короткаго срока, реализовать часть своего капитала. Владѣльцы должны быть вознаграждены за убытокъ отъ промедленія построекъ желѣзныхъ дорогъ. Впрочемъ министръ прибавилъ въ заключеніе, что и парламентъ обязанъ съ своей стороны дѣйствовать осмотрительнѣе относительно привилегій на желѣзныя дороги, если хочетъ ослабить вліяніе ихъ на денежный рынокъ. Этотъ билль утвержденъ королевою.

Равнымъ образомъ утвержденъ и билль о мѣрахъ для

дѣйствительнѣйшаго подавленія преступленій въ пѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи. Этимъ биллемъ предоставляется ирландскому намѣстнику право обезоруживать всякое графство или всякій округъ, какова бы пространства онъ ни былъ, и посылать туда подкрѣпленіе полиціи, на счетъ наказаннаго такимъ образомъ округа.

Предложеніе объ эмансипаціи Евреевъ внесено лордомъ *Джозефомъ Росселемъ*. Онъ предложилъ именномъ, чтобы палата составила изъ себя общій комитетъ для разсмотрѣнія билля объ отмініи существующихъ еще неравностей въ правахъ, тяготящихся на еврейскихъ подданныхъ Ея Величества. Рѣчь, въ которой первый министръ развилъ свое предложеніе, была принята съ одобреніемъ. Только представитель Оксфорда, сирѣ Р. Инглейсъ, рѣшительно оуждалъ предложеніе, указывая, что дѣло идетъ о вопросѣ не между христіанами и Евреями, но между христіанами и не-христіанами, ссылаясь на то, что Евреи не могутъ приносить христіанской присяги и совершать христіанскихъ молитвъ, и объявивъ наконецъ, что предложенный билль имѣетъ цѣль ввести г-на Ротшильда въ парламентъ. Лордъ Джонъ Россель, не смотря на возраженія г-на Инглейса, предложилъ собрать голоса о слѣдующемъ предложеніи: «Полезно отмінить всѣ существующія нынѣ неравности въ гражданскихъ правахъ еврейскихъ подданныхъ Ея Величества, съ тѣми исключеніями, которыя были сдѣланы для римско-католическихъ подданныхъ Ея Величества». Послѣ собранія голосовъ оказалось въ пользу предложенія большинство въ 67 голосовъ.

Касательно вопроса объ Евреяхъ, въ «Morning Chronicle» помѣщены слѣдующія разсужденія: «Проектъ объ эмансипаціи англійскихъ Евреевъ составленъ не вчера; онъ придуманъ уже въ 1833 году. Изъ парламентскихъ реестровъ видно, что 17 апрѣля этого года нижняя палата, образовавшись въ комитетъ, въ слѣдствіе предложенія *Роберта Гранта*, рѣшила слѣдующее: «Необходимо отмінить всѣ гражданскія ограниченія, вредящія Евреямъ, находящимся въ подданствѣ Ея Величества также, какъ это было сдѣлано въ пользу подданныхъ католиковъ Ея Величества короля великобританскаго.»

По этому случаю, *Робертъ Грантъ* показалъ всю неосновательность мнѣнія, что ученіе и религіозныя вѣрованія Израильтянъ дѣлаютъ ихъ несоціальными, отдаляютъ ихъ отъ другихъ британскихъ подданныхъ и препятствуютъ имъ быть добрыми и мирными гражданами. Говорить это, сказалъ онъ, значить не знать ученія и исторіи Израильтянъ. Даже во время плѣна, когда они должны были терпѣть самыя несправедливыя преслѣдованія, священные ихъ писатели совѣтовали имъ вести себя мирно и быть покорными государямъ, подъ державою которыхъ они должны жить. Это-же самое ученіе было, въ новѣйшее время, признано и освящено ихъ высшими судами, созданными въ 1803, по повелѣнію Наполеона. На вопросъ, который имъ былъ предложенъ императоромъ: считаютъ ли Евреи себя связанными законами и обычаями той страны, въ которой они признаны гражданами? они отвѣчали: «что всякій Израильтянинъ, признанный гражданиномъ въ государствѣ, въ которомъ онъ живетъ, обязанъ, слѣдуя буквальному смыслу ихъ религіозныхъ вѣрованій, повиноваться его законамъ, содѣйствовать его защитѣ противъ всякаго не-пріятельскаго нападенія, и если онъ долженъ приняться за оружіе, то освобождается, во время службы, отъ обязанностей своего исповѣданія, если они не совмѣстны съ военною службою.» Ораторъ прибавилъ, что, открывъ катехизисы, содержащія первыя основанія религіозныхъ вѣрованій и изданныя для израильскаго юношества, онъ вездѣ нашелъ на вопросъ: «обязаны ли Израильтяне повиновеніемъ государю и законамъ той страны, гдѣ они живутъ?» слѣдующій отвѣтъ: «Разумѣется; пока не придетъ нашъ Мессія, государь, подъ покровительствомъ котораго мы живемъ, долженъ быть считаемъ государемъ Израиля, и государство, въ которомъ мы живемъ и правительство котораго заботится о нашей безопасности и нашемъ благосостояніи, должно быть считаемо страшною нашихъ предковъ». Въ тогдашней Верхней палатѣ, покойный герцогъ *Суссекскій* сдѣлался жаркимъ защитникомъ эмансипаціи Евреевъ «Я представляю вамъ, господа, сказалъ онъ, прошеніе, подписанное 7,000 Англичанъ, исповѣдывающихъ христіанскую вѣру и просящихъ благородную пала-

ту утвердить билль въ пользу эмансипаціи Евреевъ. Представляя его, я прибавлю, что буду поддерживать этотъ билль также, какъ поддерживалъ билль въ пользу католиковъ, по той причинѣ, что считаю справедливымъ и неоспоримымъ право приверженцевъ всякаго религіознаго вѣрованія, участвовать вмѣстѣ съ своими согражданами въ совершенномъ и полномъ пользованіи правами гражданскими. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ, прожитыхъ ими въ этой странѣ, они всегда являлись гражданами вѣрными, покорными государю и послушными законамъ государства. Они еще болѣе отличились дѣятельнымъ участіемъ, оказываемымъ ими благотворительнымъ заведеніямъ всѣхъ другихъ исповѣданій, услугами въ развитіи торговли и промышленности, этихъ главныхъ источниковъ благосостоянія и счастья нашего общаго отечества». Даже архі-епископъ дублинскій говорилъ рѣчь въ томъ же смыслѣ въ Верхней палатѣ. Этотъ прелатъ даже пошелъ далѣе, объявивъ, что онъ считаетъ оскорбительнымъ для христіанской религіи утверждать, какъ это дѣлали, что эмансипація Евреевъ можетъ быть опасною для благоденствія и крѣпости церкви епископальной. Она стоитъ, сказалъ онъ, на слишкомъ крѣпкомъ и твердомъ основаніи, чтобы эмансипація Евреевъ или другихъ диссидентовъ могла нанести ей ударъ. И потому онъ не видитъ никакой благовидной причины, по которой бы можно было отказать въ ней Евреямъ, послѣ того какъ она была предоставлена католикамъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ этотъ журналъ, прошло 14 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ народъ англійскій, вѣроятно, не отсталъ въ цивилизаціи и терпимости, такъ что можно ожидать успѣха отъ настоящаго билля лорда *Д. Росселя*.

Послѣдній изъ упомянутыхъ нами выше биллей, т. е., о римскихъ католикахъ, принадлежитъ г-ну *Анстю*. Этотъ билль имѣетъ цѣлью уничтоженіе существующихъ еще старыхъ постановленій о наказаніяхъ римскихъ католиковъ за ихъ религіозныя мнѣнія. Эти постановленія, разумѣется, съ давнихъ временъ не исполняются, но между-тѣмъ они существуютъ, и г-нъ *Анстей* предлагаетъ смыть это пятно съ англійскаго законодательства.

Ирландія.

Извѣстія изъ Ирландіи представляютъ мрачную картину внутреннихъ неурядицъ. Во многихъ частяхъ ирландскихъ графствъ *Типперарп*, *Лимерикъ*, *Клеръ* и *Роскоммонъ*, уже до такой степени усилился убійства, что никто не смѣетъ собираться арендныхъ денегъ или налога въ пользу бѣдныхъ. Арендаторы могутъ выходить изъ своихъ домовъ только днемъ и подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя; ночью, они принуждены тщательно охранять свои дома. Многія семейства укрылись въ *Дублинѣ*.

Франція.

28 декабря король лично открылъ собраніе палаты. — Въ часть по полудни Его Величество оставилъ Тюльрійскій дворецъ. Кorteжъ двинулся въ слѣдующемъ порядкѣ: эскадронъ одного изъ полковъ гарнизона; эскадронъ національной гвардіи; генералы *Карбонель* и *Перро* со штабами національной гвардіи и гарнизона; королевская карета; у правыхъ дворецъ генераль-лейтенантъ *Жакмино*; у лѣвыхъ генераль-лейтенантъ виконтъ *Тбюрсъ Себастьяни*, командиръ первой военной дивизіи; вокругъ кареты офицеры двора Его Величества; за каретою штабъ военной дивизіи и большое число генераловъ и офицеровъ; эскадронъ національной гвардіи; кареты, въ которыхъ находились маршалъ *Сультъ* и прочіе маршалы; другія кареты занятыя офицерами, принадлежащими къ штату короля и принцевъ. Отъ Тюльрійскаго дворца до зданія палаты депутатовъ выставлены были шпалерами многочисленныя отряды легіоновъ національной гвардіи и линейное войско. Несмотря на суровую погоду, множество любопытныхъ съ рашаго утра толпились у рѣшетки дверей, ведущихъ въ публичную трибуну. Послѣдняя тотчасъ наполнилась, лишь только отворены двери. Первые ряды въ галлереяхъ занимали по обыкновенію дамы. Въ половинѣ перваго зала начала оживляться появленіемъ перовъ и депутатовъ. Вокругъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ составлялись группы и вновь избранные члены получили со всѣхъ сторонъ поздравленія. Дипломатическая трибуна была занята сполна и блистала муцирами столь же богатыми

как и разнообразными. Внизу вокруг эстрады, на которой находились кресла для короля и складные табуреты для принцев, поставлены были скамьи для министров, для маршалов Франціи и для депутацій Почетнаго Легіона и государственнаго совѣта. Въ часъ по полудни, пушечный выстрѣлъ съ вала Пивалиднаго Дома возвѣстилъ, что королевскій поѣздъ отправился изъ Тюильри. Вскорѣ послѣ того министры въ парадныхъ мундирахъ и въ орденахъ заняли свои мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: по правую сторону трона г. *Гизо*, президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ; генералъ *Трезель*, военный министръ; герцогъ *Монтебелло*, морской министръ; г. *Жеръ*, министръ публичныхъ работъ; г. *Дюлонъ*, министръ финансовъ. По лѣвую сторону трона: г. *Геберъ*, хранитель печати; г. *Дюшатель*, министръ внутреннихъ дѣлъ; г. *Кюньен-Гриденъ*, министръ торговли; г. *Сальванди*, министръ народнаго просвѣщенія.—Маршалъ *Бюжо* при входѣ принимаетъ поздравленія г-на *Гизо*, генерала *Трезеля* и г. *Дюшателя* и помѣщается на скамьѣ маршаловъ, которую занимаютъ герцогъ *Далмацкій* и маршалы *Жераръ*, *Молиторъ* и *Рейль*.—При входѣ королевы и принцевъ всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ при восклицаніяхъ: *Да здравствуетъ королева! Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій!*—Большая депутація палаты перовъ, предшествуемая графомъ *Порталисомъ*, вице-президентомъ, и большая депутація палаты депутатовъ, предшествуемая г. *Сапейемъ*, президентомъ по старшинству лѣтъ, встрѣтивъ короля входятъ въ залу и занимаютъ назначенныя для нихъ мѣста.—Одинъ изъ придверниковъ палаты: *король!*—Король, въ мундирѣ національной гвардіи, вступаетъ въ залу, предшествуемый сыновьями своими и многочисленнымъ штабомъ. Его Величество бодро всходитъ по ступенямъ эстрады; въ залѣ, гдѣ всѣ встали съ своихъ мѣстъ, раздаются и повторяются со всѣхъ сторонъ клики: *да здравствуетъ король!* По правую сторону Его Величества помѣщается герцогъ *Немурскій*, а по лѣвую принцъ *Жуанвильскій* и герцогъ *Монтансье*. Король кланяется собранію, садится, накрываетъ голову и провозноситъ твердымъ голосомъ слѣдующую рѣчь:

«Гг. Перы, гг. депутаты.

«Почитаю себя счастливымъ, что находясь посреди васъ, имѣю болѣе причины скорбѣть о бѣдствіяхъ, причиненныхъ отечеству нашему дороговизною съѣстныхъ припасовъ. Франція перенесла бѣдствія съ мужествомъ, которое меня глубоко тронуло. Никогда въ подобныхъ обстоятельствахъ общественный порядокъ и свобода сношеній не были столь повсемѣстно поддерживаемы и сохраняемы. Непечерпаемая ревность частной благотворительности содѣйствовала нашимъ общимъ успіямъ. Торговля паша, благодаря ея благоразумной дѣятельности, была только въ слабой степени постигнута кризисомъ, который ощущали въ другихъ государствахъ. Мы приближаемся къ концу этихъ испытаній. Небо благословило народный трудъ и обильная жатва снова водворяетъ повсюду благосостояніе и довольство. Радуюсь тому вмѣстѣ съ вами.

«Полагаюсь на ваше содѣйствіе для приведенія къ окончанію важныхъ общественныхъ работъ, которыя распространяя по всему государству быстроту и легкость сообщеній, должны открыть новые источники благоденствія. Назначая по прежнему достаточные способы для этихъ работъ, мы, всѣ руководствуясь строгою экономіею, будемъ надзирать за полезнымъ употребленіемъ государственныхъ доходовъ, и я надѣюсь, что эти доходы покроютъ издержки обыкновеннаго государственнаго бюджета, который безотлагательно будетъ вамъ представленъ.

«Вамъ также будетъ представленъ проектъ особаго закона касательно пониженія цѣны на соль и облегченія таксы за пересылку писемъ сообразно съ удовлетворительнымъ положеніемъ нашихъ финансовъ. (*Общиі знаки удовольствія*).

«Проекты законовъ касательно народнаго образованія, тюремнаго устройства и таможенныхъ нашихъ тарифовъ представлены уже на ваше обсужденіе. Равнымъ образомъ вамъ будутъ представлены и другіе проекты, относящіеся до важныхъ предметовъ, какъ напримѣръ до имущества, принадлежащихъ общинамъ, до системы залоговъ, до ломбардовъ, до приспособленія сберегательныхъ кассъ къ новымъ улучшеніямъ состоянія рабочихъ классовъ. Постоянное желаніе мое заключаетъ

ся въ томъ, чтобы правительство мое при содѣйствіи вашемъ стремлось, въ одно и то же время, къ развитію нравственности и благосостоянія народа. (*Многочисленныя восклицанія*).

«Сношенія мои со всѣми иностранными государствами внушаютъ мнѣ увѣренность на счетъ упроченія общаго мира. Я надѣюсь, что успѣхъ общей цивилизаціи совершится повсюду при взаимномъ согласіи между правительствами и народами, безъ нарушенія внутренняго порядка и дружественныхъ отношеній между государствами.

«Благосостояніе Швейцаріи было нарушено междоусобной войной. Мое правительство согласилось съ правительствами англійскимъ, австрійскимъ, прусскимъ и русскимъ, чтобы предложить этому сосѣдственному и дружественному народу доброжелательное посредничество. Швейцарія, я надѣюсь, признаетъ, что уваженія правъ и сохраненіе основныхъ постановленій Гельветическаго союза одніи могутъ упрочить благополучіе и безопасность ея, обезпеченныя трактатами Европы.

«Правительство мое, по соглашенію съ правительствомъ королевы великобританской, приняло мѣры, долженствующія наконецъ возстановить наши коммерческія сношенія на берегахъ Ла-Платы.

«Знаменитый начальникъ долго и славно командовавшій въ Алжирѣ, пожелалъ отдохнуть отъ трудовъ своихъ. Я поручилъ моему возлюбленному сыну, герцогу *Омальскому*, важную и трудную обязанность управленія этою французскою землею. Лишь себя надеждою, что подъ руководствомъ моего правительства и благодаря трудолюбивому мужеству окружающей его арміи, онъ успѣетъ бдительностію и преданностію своею упрочить спокойствіе, хорошее управленіе и благоденствіе въ нашей колоніи. (*Общее одобреніе*).

«Мн. гг. чѣмъ далѣе я подвигаюсь впередъ на поприщѣ жизни, тѣмъ съ большею преданностію посвящаю служенію Франціи, служенію ея интересамъ, ея достоинству и благоденствію всю дѣятельность и всѣ силы, дарованныя мнѣ Богомъ и доселѣ Имъ сохраняемыя. Посреди волненій, распространенныхъ непріязненными или слѣпыми страстями (*сильное и продолжительное впечатлѣніе*), меня одушевляеть и поддержи-

ваетъ убѣжденіе, что конституціонная монархія и соединеніе великихъ государственныхъ властей доставляютъ намъ вѣрныя средства къ преодоленію всѣхъ этихъ препятствій и къ поддержанію всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ нашего любезнаго отечества. Будемъ же на основаніи хартіи, съ твердостію охранять общественный порядокъ и всѣ его условія. Постараемся на основаніи той же хартіи обезпечить общественныя права и упрочить ихъ развитіе. Мы передадимъ неприкосновеннымъ слѣдующимъ поколѣніямъ вѣренный намъ залогъ и они, конечно, будутъ благословлять насъ за то, что мы воздвигли и защищали зданіе, подъ сѣнью котораго они будутъ жить счастливо и независимо.»

Рѣчь эта сопровождалась выраженіями энтузіазма, которому до сихъ поръ мы видѣли мало примѣровъ. Перы, депутаты, министры и маршалы, и всѣ зрители, сидѣвшіе во время рѣчи Его Величества, внезапно встали съ своихъ мѣстъ и долгое время наполняли залу восклицаніями: да здравствуетъ король!

Когда въ залѣ возстановилась тишина, министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ приказанія отъ короля, пригласилъ вновь избранныхъ депутатовъ къ принесенію присяги, и прочиталъ слѣдующую формулу:

«Клянусь въ вѣрности королю Французовъ, въ повиновеніи конституціонной хартіи и законамъ государства, и общаю поступать во всемъ, какъ то приличествуетъ доброду и честному депутату.» Новые депутаты были вызваны по алфавитному порядку и произнесли присягу. За тѣмъ г. *Геберъ*, хранитель печати, принявъ равнымъ образомъ приказаніе отъ короля, объявлялъ, что собраніе палатъ 1848 года открыто и пригласилъ перовъ и депутатовъ собраться завтрашній день въ мѣстахъ своихъ засѣданій и приступить къ своимъ занятіямъ.— Король и принцы удалились посреди новыхъ восклицаній. Отъѣздъ королевы сопровождался кликами: Да здравствуетъ королева. Да здравствуетъ герцогиня Орлеанская и графъ Парижскій!—Краткое засѣданіе это, продолжавшееся не болѣе двадцати минутъ окончилось въ три четверти втораго. Вторичный залъ возвѣстилъ объ отъѣздѣ кортежа и о возвращеніи его въ Тюильри тѣмъ же порядкомъ. Повсюду на пути своемъ ко-

роль былъ приветствуемъ громкими и радостными восклицаніями.

ШВЕДІЯ.

Его Величество король шведскій лично открылъ, 23-го ноября, сеймъ слѣдующею рѣчью:

«Господа!

«Съ радостію и довѣріемъ вижу васъ собранныхъ опять вокругъ трона, для возобновленія нашихъ совѣщаній о дѣлахъ отечества.

«Всемогущій благословилъ наше отечество тишиною и миромъ, которые не нарушались въ продолженіе лѣтъ, протекшихъ со времени послѣдняго нашего собранія. Однакожь въ этихъ годахъ были также дни испытанія и заботы. Недостаточная жатва перваго сдѣлала необходимымъ значительное пособіе со стороны казны и частной благотворительности. Второй, принесъ намъ болѣе обильную жатву, опустошилъ самыя плодородныя земли Европы неурожаемъ, дотола почти неслыханнымъ, и грозилъ Швеціи опасностью, вслѣдствіе несоизмѣрнаго вывоза съѣстныхъ припасовъ, лишиться петличковъ существованія, необходимыхъ для нея самой. Чувство долга, лежащаго на мнѣ въ отношеніи къ моему народу, заставило меня противопоставить этому злу временное ограниченіе вывоза. Эти тягостныя обстоятельства болѣе не существуютъ. Божественное Провидѣніе благословило наши поля и доставило намъ новый случай быть признательнымъ. Но мы не должны забывать предостереженій, извлеченныхъ нами изъ опыта. Я предложу вамъ, господа, мѣры, которыя, по моему мнѣнію, могутъ скорѣе всего предохранить государство отъ опасностей подобнаго кризиса и позабавить вашего короля отъ необходимости выбирать между попеченіями, какихъ требуютъ пужда и бѣдность, и поддержаніемъ правилъ политической экономіи, польза которыхъ признана всѣми.

«Давно ощущаемая необходимость улучшеній, требуемыхъ многими отраслями администраціи, была предметомъ моей

постоянной заботливости. Я разсматривалъ желанія, выраженные вами на предшествовавшемъ сеймѣ, и, къ особенному удовольствію, часто находилъ ихъ согласными съ моимъ образомъ мыслей.

«Вы уже приняли главныя основанія новаго уголовного кодекса, болѣе приспособленнаго къ правамъ и потребностямъ нашего вѣка. Уголовныя постановленія, заключающіяся въ этомъ кодексѣ, строгія, но не заглушающія чувствъ просвѣщеннаго человечества, будутъ снова представлены вашему разсмотрѣнію.

«Отвѣчая желанію, изъявленному вами на послѣднемъ сеймѣ, я поручилъ особой комиссіи предварительно заняться вопросамъ, относящимися къ народному представительству. Труды этой комиссіи и собранія ея статистическія данныя будутъ сообщены вамъ, господа, и я увѣренъ, что вы подвергаете этотъ важный предметъ зрѣлому и безпристрастному обсужденію, каковаго требуетъ благосостояніе отечества и важность вопроса.

«Отношенія соединенныхъ королевствъ къ иностраннымъ державамъ, основанныя на дружествѣ и взаимномъ уваженіи, не оставляютъ ничего желать болѣе.

«На прошломъ сеймѣ я объявилъ чинамъ о своемъ намѣреніи повелѣть приготовить планы, по которымъ было бы можно усовершенствовать нашу оборонительную систему: эти планы представлены мнѣ для утвержденія и будутъ сообщены вамъ. Прошу васъ обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ, такъ близко касающійся достоинства и независимости отечества.

«Въ теченіе прошлаго года издааны мною новыя постановленія насчетъ внутренней торговли, какъ равно ремеслъ и художествъ. Открывая болѣе свободное поле промышленнымъ дарованіямъ и званіямъ, эти постановленія доставляютъ каждому лицу болѣе удобныя средства къ обезпеченію его существованія.

«Разработка рудниковъ и кузнечное дѣло получили, благодаря новымъ распоряженіямъ въ ихъ пользу, болѣе обширную свободу дѣйствія. Такая свобода, когда будутъ пользоваться

ею съ благоразуміемъ и осторожностію, должна имѣть вліяніе на развитіе и преуспѣяніе этихъ отраслей національной промышленности.

«Я продолжаю обращать особенное вниманіе на упрощеніе сбора податей и счетной части государственнаго управленія. По моему приказанію, мнѣ представленъ подробный докладъ объ этомъ предметѣ. Внимательно разсмотрѣвъ этотъ прозектъ, я одобрилъ тѣ его части, которыя по моему мнѣнію, должны быть, для общей пользы, приведены въ дѣйствіе, и о которыхъ сообщу вамъ въ особомъ предложеніи.

«Безъ сомнѣнія, господа, вы раздѣлите удовольствіе, съ какимъ объявляю вамъ, что, при благородномъ содѣйствіи, оказанномъ вами моему предложенію, невольничество на островахъ Св. Варооломея будетъ навсегда уничтожено съ истеченіемъ ныняшняго года.

«Первоначальное обученіе ревностно введено въ большую часть общинъ королевства, сообразно съ предписанными мною правилами.

«Въ слѣдствіе поданной вами просьбы, сдѣлано распоряженіе о прокормленіи немущихъ.

«Различные классы общества сознаютъ необходимость обученія въ болѣе обширномъ объемѣ и требуютъ улучшеній въ элементарныхъ школахъ. Въ этомъ отношеніи изготовлены прозекты, осуществленіе которыхъ болшею частью зависить отъ фондовъ, какіе вы для того назначите.

«Господа! Ваши совѣщанія начинаются. Призываю на нихъ благословеніе Неба и повторяю предъ вами увѣреніе въ моей королевской милости.»

Пруссія.

Во Всеобщей Прусской газетѣ 6 декабря обнародованъ слѣдующій королевскій декретъ: «Мы Фридрихъ-Вильгельмъ, Божіею милостию король прусскій, и проч. Уже въ посланіи нашемъ къ чинамъ соединеннаго сейма, отъ 24 іюля с. г., изъявили мы намѣреніе, въ слѣдствіе существеннаго разногласія отзы-

вовъ областныхъ чиновъ, предложить новый уголовный кодексъ на обсужденіе Соединенному Комитету чиновъ и, для сей цѣли, созвать этотъ комитетъ въ возможно-скоромъ времени. Нынѣ, когда окончены нужныя къ тому приготовленія, мы положили открыть засѣданія соединеннаго комитета чиновъ 17 января 1848 года, въ нашемъ главномъ и столицномъ городѣ Берлинѣ. Маршаломъ комитета назначили мы князя Сольмсъ-Гоген-сольмсъ-Лихскаго, а вице-маршаломъ подполковника Адольфа фонъ-Рохова. Съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣляемъ, что отдѣленіе, которое по смыслу устава о ходѣ занятій соединеннаго комитета чиновъ, назначается, для приготовительнаго обсужденія новаго уголовного кодекса, должно начать свои дѣйствія до открытія засѣданій соединеннаго комитета, и потому собраться въ Берлинѣ къ 29 декабря с. г. Нашему государственному министру поручено созвать, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, соединенный комитетъ чиновъ и сдѣлать всѣ нужныя приготовления. Данъ въ Шарлоттенбургѣ, 3 декабря 1847. (Подпис.) Фридрихъ-Вильгельмъ. Фонъ-Бодельшвингъ.»

Судъ, произволившійся надъ польскими мятежниками, окончень 2 декабря произнесеніемъ и обнародованіемъ приговора. Всѣ обвиненные числомъ до 190 человекъ, находились въ залѣ судилища государственной тюрьмы. Въ 9 часовъ утра, по открытіи засѣданія, президентъ сначала произвелъ перекличку, и затѣмъ прочиталъ приговоръ. Къ первой категоріи, заключающей въ себѣ 64 преступника, причислены обвиненные въ государственной измѣнѣ первой степени; изъ нихъ 11 человекъ признаны зачинщиками заговора, восмеро приговорены къ смертной казни, и трое къ двадцати-пяти-лѣтнему и двадцати-лѣтнему содержанію въ крѣпости. 53 преступника той же категоріи, признанные участникомъ въ заговорѣ, приговорены къ содержанію въ крѣпости и исправительномъ домѣ, одни на всю жизнь, другіе на извѣстное число лѣтъ. Вторая категорія заключаетъ въ себѣ 26 преступниковъ, знавшихъ о заговорѣ; они приговорены къ содержанію въ крѣпости и исправительномъ домѣ на нѣсколько лѣтъ. Сверхъ того, 27 обвиненныхъ приговорены къ меньшимъ наказаніямъ,

116 обвиненных освобождены от наказания и 18 объявлены виновными.

Германія.

Въ Кетентъ, 23 ноября, скончался герцогъ, ангальтъ-кетенскій Гейнрихъ. Герцогъ Леопольдъ-Фридрихъ ангальтъ-дессаускій обнародовалъ грамоту, въ которой объявляетъ, что принимаетъ въ свое владѣніе и во владѣніе герцога ангальтъ-бербургскаго, герцогство Ангальтъ-Кетенское, поступившее къ этимъ двумъ лицамъ по наследству, по смерти владѣтельнаго герцога Гейнриха Ангальтъ-Кетенскаго, умершаго бездѣтнымъ.

Въ Касселѣ, 24-го ноября обнародована прокламація о восшествіи на престолъ Фридриха-Вильгельма I, по смерти родителя его, курфюрста Вильгельма II.—Умершій Курфюрстъ обладалъ личнымъ имуществомъ, постановлявшимъ его въ ряду богатѣйшихъ государей въ Европѣ; онъ оставилъ, какъ называютъ, болѣе ста милліоновъ франковъ. Императоръ австрійскій назначенъ первымъ душеприкащикомъ его и посредникомъ, въ случаѣ могущихъ произойти споровъ. Его послѣдняя воля выражена въ завѣщаніи, къ которому приложены три копия; послѣдній изъ нихъ написанъ въ 1846 году.

Швейцарія.

Мы говорили уже о подчиненіи Фрейбурга, одного изъ семи кантоновъ Зондербунда, сейму швейцарской республики. Это было первое торжество союзныхъ войскъ, которыя послѣ того были направлены на остальные шесть католическихъ кантоновъ и вездѣ дѣйствовали съ одинакимъ успѣхомъ. 24 ноября, союзныя войска вступили въ Люцернъ, главный городъ Зондербунда, который, послѣ сраженія, продолжавшагося нѣскольکو часовъ сряду, при сильней канонадѣ сдался. Тотчасъ послѣ этого кантоны Цугъ, Швицъ и Унтервальденъ отложились отъ Зондербунда; послѣ всѣхъ предложеній капитуляціи сейму кантоновъ Ури, 28 ноября, и Валлисъ 29 ноября чѣмъ и окончилась междоусобная война въ Швейцаріи.

Въ засѣданіи швейцарскаго сейма, 2-го декабря, рѣшено: 1) чтобы кантоны Зондербунда уплатили всѣ военныя издержки, и вознаградили за разграбленіе имущества, причиненное Зондербундомъ; 2) 20-го декабря долженъ быть выплаченъ милліонъ; 3) до всей уплаты, кантоны Зондербунда будутъ заняты союзными войсками; 4) относительно Непателя, и пр., будутъ приняты дальнѣйшія рѣшенія.

Италія.

Въ Diario di Roma подробно описывается открытіе засѣданія Государственнаго Совѣщательнаго Собранія, происшедшее 15-го декабря. Заимствуемъ изъ этого описанія слѣдующія мѣста:

Когда папа сѣлъ на тронъ, президентъ, отъ имени всѣхъ членовъ собранія, представилъ его святѣйшеству, въ краткихъ, но приличныхъ выраженіяхъ, увѣреніе въ ихъ преданности, въ признательности за довѣріе имъ оказанное и въ готовности ихъ всѣми силами оправдать это довѣріе государя. Въ отвѣтъ кардиналу Пий, IX-й произнесъ длинную рѣчь, существенное содержаніе которой заключается въ слѣдующемъ:

«Благодарю васъ за ваши добрыя намѣренія, которыя дорого цѣню, имѣя въ виду общую пользу. Для этой-то пользы съ самой первой минуты восшествия моего на папскій престолъ я дѣлалъ все, что могъ и съ помощію Божіей, Геше готовъ все сдѣлать для будущаго, ни въ чемъ не ограничивая однакожъ, верховной первосвященнической власти, [потому что я долженъ передать своимъ преемникамъ этотъ священный залогъ въ томъ цѣломъ и неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ онъ полученъ мною отъ моихъ предшественниковъ. Три милліона моихъ подданныхъ и вся Европа свидѣтели мнѣ въ томъ, что я до-сихъ-поръ сдѣлалъ, чтобы] сблизиться съ подданными, чтобы привязать ихъ къ себѣ, изучить и удовлетворить ихъ потребности. Преимущественно за тѣмъ, чтобы лучше изучить эти потребности, удовлетворительнѣе выполнить требованія общества, составилъ я изъ васъ по-

стоянное совѣщательное собраніе; вы собраны, чтобъ подавать мнѣ, въ случаѣ нужды, совѣты, помогать мнѣ въ осуществленіи моихъ намѣреній, въ которыхъ я стану отдавать отчетъ своей совѣсти, и чтобъ обсуживать ихъ съ моими министрами и съ своимъ коллегіумомъ.... Тотъ жестоко ошибется, кто захочетъ видѣть въ нашихъ обязанностяхъ нѣчто другое, тотъ жестоко ошибется, кто увидитъ въ учрежденномъ мною совѣщательномъ собраніи осуществленіе своихъ собственныхъ утопій и зародышъ порядка вещей, несомѣстнаго съ верховною первосвященническою властію.»

Пій IX, произнесъ послѣднія слова съ пѣноторымъ неудовольствіемъ и жаромъ, на минуту остановился; потомъ, уступая вліянію врожденной ему кротости и доброты, продолжалъ:

«Это неудовольствіе и эти слова не относятся ни къ одному изъ васъ, потому что ваши качества, чувства, добросовѣстность вашихъ намѣреній извѣстны мнѣ съ самой минуты избранія. Эти слова не относятся также почти ни къ кому изъ моихъ подданныхъ, въ вѣрности и покорности которыхъ я увѣренъ: знаю, что сердца моихъ подданныхъ соединяются съ моимъ сердцемъ въ любви къ порядку и согласію. Но, къ несчастію, есть люди (въ маломъ числѣ, правда, но все-таки есть), которые, такъ какъ имъ нечего терять, любятъ безпорядокъ и возмущеніе и употребляютъ во зло самыя уступки. Къ такимъ-то людямъ относятся слова мои: пусть они хорошо поймутъ ихъ значеніе. Въ содѣйствіи господъ депутатовъ я вижу только твердую опору со стороны лицъ, которыя отстранивъ отъ себя всѣ частныя выгоды, станутъ помогать мнѣ совѣтами и трудиться со мною для общей пользы; лицъ, которыхъ не останавливаютъ никакія внушенія безпокойныхъ и безразсудныхъ людей. Вы своею мудростію можете мнѣ найти то, что всего полезнѣе для безопасности трона и истиннаго счастья моихъ подданныхъ.»

Члены совѣщательнаго собранія отвѣчали на эту рѣчь благодарственнымъ адресомъ. Адресъ начинается увѣреніями въ преданности, признательности и довѣріи, одушевляющихъ всю Церковную Область; потомъ депутаты продолжаютъ:

Съ самаго начала вашего первосвященствованія, намѣреніемъ вашего святѣйшества было—соединить политическое преуспѣваніе вѣка съ вѣчными началами католической религіи, соединеніе чудное, которое, съ одной стороны, доставляя церкви большую независимость, а вѣрѣ новое торжество, приносить, съ другой утѣшеніе и счастье народамъ и призываетъ эти прекрасныя страны къ новымъ судьбамъ. Учрежденіе государственнаго совѣщательнаго собранія должно называть величайшимъ изъ благодѣяній, оказанныхъ вашимъ святѣйшествомъ римскому народу. Имъ вы допустили мирянтъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ и даровали вашему народу одну изъ прочныхъ гарантій, которыя нисколько не нарушаютъ существенныхъ условій папскаго правленія. Исполненные признательности за довѣріе, которымъ вы насъ почтили, мы постараемся быть достойными этого довѣрія. Всѣми силами содѣйствуя трудному дѣлу преобразования государства мы станемъ стремиться къ тому, чтобъ истина и одна только истина царствовала между столь человеколюбивымъ отцомъ и дѣтьми. Важныя правительственныя дѣла, которыя будутъ намъ предложены, мы станемъ разсматривать свободно и безпристрастно, будучи столько же далеки отъ бездѣйственной робости сколько и отъ неумѣренныхъ притязаній.»

Далѣе, въ адресѣ говорится о главныхъ предметахъ предстоящихъ занятій совѣщательнаго собранія. О законодательствѣ тамъ сказано: «Будемъ стараться, чтобъ во всѣ части его были введены справедливость, гражданское равенство и единообразіе.» О финансахъ: «Нашей обязанностью будетъ предложить средства, которыми было бы можно возстановитъ равновѣсіе между расходами и доходами, при чемъ мы должны стараться, чтобъ послѣдніе пропстекали изъ равнаго распредѣленія налоговъ, и искать случая къ уменьшенію или уничтоженію нѣкоторыхъ податей, слѣшкомъ обременяющихъ бѣдные классы и препятствующихъ развитію національнаго богатства. Мы будемъ желать, чтобъ общественный кредитъ поднялся, и чтобъ, безъ нарушенія права, были устранены монополіи, выгодныя въ частности, но вредныя въ цѣломъ. Наконецъ, ди-

вьясь, въ италійскомъ таможенномъ союзѣ, вашему созданію, мы станемъ поддерживать каждый шагъ къ свободѣ торговли.

«Во внутреннее управленіе должны быть введены нравственность, бережливость и простота. И мы, сколько позволено намъ, будемъ стараться, чтобъ степени общественныхъ обязанностей, изъ которыхъ каждая соединена съ отвѣтственностью, были поприщемъ истинныхъ заслугъ, при чемъ станемъ взирать на дѣла, которую ваше святѣйшество имѣли въ виду при назначеніи аудиторомъ нашего собранія.»

Земледѣлію и промышленности должно быть оказываемо всевозможное содѣйствіе.

Тюрьмы, вмѣсто того, чтобъ быть школою порока, должны превратиться въ средство къ раскаянію и исправленію.

«Однако изъ первыхъ мыслей вашего святѣйшества,» продолжаютъ депутаты, «была мысль о муниципальных и областныхъ совѣтахъ. Этими вы показали, что преобразование общественного устройства должно служить основаніемъ будущимъ реформамъ, почему оно и будетъ главнымъ предметомъ нашихъ разсужденій, и мы постараемся представить вашему святѣйшеству предложенія, которыя могутъ соединить большее развитіе мѣстныхъ управленій съ силою управленія центрального. Мы увѣрены, что такія мѣры, при улучшеніи воспитанія юношества и при удовлетвореніи первыхъ потребностей гражданъ, утвердятъ безопасность, благосостояніе и достоинство всѣхъ вашихъ подданныхъ. Но для этого нужно время, и мы надѣемся, что наши подданные спокойно, довѣрчиво и терпѣливо станутъ ждать плодовъ отъ сѣмянъ, посѣянныхъ сильнымъ и благимъ правительствомъ.»

Въ заключеніе адреса сказано: «Ваше дѣло, святѣйшій отецъ, предпринято не для выгоды одного какого либо класса гражданъ, но всѣхъ вашихъ подданныхъ, къ которымъ вы питаете равную любовь, и мы видимъ, какъ вашему примѣру слѣдуютъ другіе италійскіе государи, связанные между собою и съ своими народами совершеннымъ сродствомъ правды, склонностей и интересовъ. Миръ слишкомъ часто видѣлъ реформы, которыя родились изъ требованій народа, развалились посреди безо-

койствъ и раздоровъ и стоили много слезъ и много крови. Здѣсь, у насъ само правительство идетъ путемъ преуспѣянія, требуемаго цивилизаціею, ведя за собою умы, въ спокойномъ и постепенномъ движеніи, къ конечной дѣли — владычеству истины и справедливости на землѣ.»

Въ Gazz. di Firenze, 7 декабря официально извѣщаютъ о послѣдовавшемъ мирномъ окончаніи дѣла Фивизано. Всѣ старанія тосканскаго правительства исполнить желанія жителей Фивизано и присоединить ихъ къ Тосканѣ остались тщетны; герцогъ моденскій не хотѣлъ уступить ни одного изъ своихъ правъ. Для устраненія спора о занятіи Фивизано Моденою была заключена, 2-го числа, въ Моденѣ, конвенція между Тосканою и Моденою, при посредничествѣ уполномоченныхъ папы и короля сардинскаго. Моденскія войска должны будутъ удалиться изъ Фивизано, послѣ чего будетъ объявлена жителямъ прокламація великаго герцога тосканскаго объ освобожденіи ихъ отъ присяги. Затѣмъ жители присягнутъ моденскому герцогу, который издастъ прокламацію о прощеніи всѣхъ провинившихся въ послѣднихъ происшествіяхъ.

Испанія.

По извѣстіямъ изъ Каталоніи отъ 11 декабря, возстаніе понтемонистовъ приближается, по видимому, къ концу; многіе кабальеры убиты или взяты въ плѣнъ, и *Марсаль*, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, разбитъ въ ущельи Ориола, гдѣ онъ собралъ остатки разныхъ шаекъ (отъ 3 до 400 человекъ), обращенъ въ бѣгство и неутомимо преслѣдуется королевскими войсками. Всего замѣчательнѣе, что жители выходятъ изъ своей апатіи и начинаютъ помогать войскамъ въ преслѣдованіи монтемонистовъ.

Алжиръ.

Въ *Sémaphore de Marseille*, отъ 8-го декабря, извѣщаютъ, что *Абдъ-Эль-Кадеръ* покорился Императору Мароккскому. *Абдъ-Эль-Кадеръ*, пишуть въ этой газетѣ, послалъ Бу-Гамеди къ Императору, чтобы предложить ему свою покорность.

Калиф Эмира возвратился къ депрѣ, и возвѣстивъ, что Абдель-Рахманъ принимаетъ его покорность только съ условіемъ, чтобы Абдъ-Эль-Кадеръ немедленно распустилъ свою депру, чтобы главнѣйшіе предводители его обязались жить отдѣльно въ мѣстахъ, назначенныхъ французскимъ правительствомъ и мароккскимъ Императоромъ, и чтобы самъ Эмиръ не оставлялъ болѣе мѣстопребыванія, котораго выборъ будетъ ему предоставленъ. Нашъ корреспондентъ увѣдомляетъ, что Абдъ-Эль-Кадеръ согласился на эти условія, и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ одно мѣсто въ окрестностяхъ Феца. Эмирова депра была немедленно распущена. Полагаютъ однако, что эта покорность Эмира есть только хитрость, чтобы выиграть время для сбора новыхъ силъ.

— Королевскимъ декретомъ, утверждено въ провинціи Константины на пути изъ Эль-Аруша въ Калло и въ соседствѣ источника, именуемаго Аннъ-Меджесъ-Этшихъ, поселеніе изъ 60 Европейскихъ семействъ, которое будетъ именоваться Робервилемъ. Къ этому поселенію приписано 890 гектаровъ земли. — Такоеже поселеніе основано на пути изъ Филиппвила въ Константину между деревнями Сень-Шарль и Эль-Аррашъ. Оно состоитъ изъ 40 Европейскихъ семействъ и названо Гастонвилемъ. Къ нему приписано 525 гектар. земли.

— Королевскимъ же декретомъ повелѣвается привести въ исполненіе проектъ, утвержденный еще въ 1845 году и состоящій въ учрежденіи отдѣленія французскаго банка въ Алжирѣ. Капиталъ этого отдѣленія долженъ простираться до 10 милліоновъ фр. На два милліона подписался французскій банкъ, остальная сумма вносится акціонерами. Вслѣдствіе того Алжирскій банкъ уполномочивается выпустить восемь тысячъ акцій по 1,000 фр. каждая. Операции банка начнутся тогда только, когда онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи половину капитала въ 10 милліоновъ. За акціи вносится сначала только половинная сумма. Операции Алжирскаго отдѣленія будутъ сходствовать съ операциями французскаго банка. Отдѣленіе состоитъ подъ непосредственнымъ надзоромъ послѣдняго. Такое ручательство заслуживаетъ полного довѣрія. — Учрежденіе банка въ Алжирѣ составляетъ вообще важное событіе для

колоніи. Суда денегъ во всей Алжиріи сопряжена нынѣ съ платою огромныхъ процентовъ. Учрежденіе банка, располагающаго капиталомъ въ 10 милліоновъ, должно тотчасъ понизить эти проценты и послужить къ развитію промышленности, особенно, если, тамошнее промышленное населеніе будетъ умѣть воспользоваться выгодами новаго учрежденія. — Соединенные штаты представляютъ живое доказательство тѣхъ выгодъ, которыя проистекаютъ отъ учрежденія кредита въ пространномъ смыслѣ. Кредитъ составляетъ необходимость колоніи, недавно открытой для цивилизаціи. Если бы промышленный духъ Англо-Американскаго населенія не былъ поддерживаемъ кредитомъ, то конфедерація не занимала бы, можетъ быть, въ Сѣверной Америкѣ и половины того пространства, на которомъ нынѣ развивается она чудеса свои. Послѣ дѣятельности жителей, ни что болѣе кредита не способствовало къ населенію пустынь этой части новаго свѣта. Кредитъ подвергается, правда, въ Соединенныхъ штатахъ частымъ колебаніямъ вслѣдствіе мѣръ слишкомъ смѣлыхъ и неблагоразумныхъ, но нынѣ Американскіе банки стали гораздо благоразумнѣе и подчиненіе банка въ Алжирѣ французскому банку служить, какъ мы сказали, достаточнымъ ручательствомъ, что дѣйствія его будутъ основываться на твердыхъ и умѣренныхъ началахъ. Однимъ словомъ, учрежденіе этого банка есть учрежденіе весьма благоприятное для Алжирской колоніи. Подобными мѣрами можно только ускорить наступленіе того времени, когда Африканскія владѣнія перестанутъ быть бременемъ для сословія платящихъ подати и когда Европейскіе переселенцы будутъ охотно избирать для мѣстопребыванія своего эти страны, окончательно успокоенныя французскимъ оружіемъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и проч. и проч. и проч.

Объявляемъ всемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ достигнулъ возраста, опредѣленнаго Государственными основными законами для совершеннолѣтія членовъ Нашего Императорскаго Дома. Въ сіе столь важное для Него время, когда отъ приготовительныхъ трудовъ юношества, Онъ поступаетъ на обширнѣйшее поприще дѣятельности мужескихъ лѣтъ, и произнесеніемъ торжественной присяги начинаетъ исполненіе обязанностей службы Намъ и Государству, благословляя Его съ чувствомъ родительской нѣжности, Мы обращаемся и къ любезнымъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и призываемъ ихъ соединиться съ Нами въ усердныхъ о Немъ мольбахъ къ Всемилосердому благодѣющему Намъ Богу, да освѣтитъ Онъ сего любезнѣйшаго Нашего Сына Своєю святою, вспомошествоющею во всѣхъ положеніяхъ жизни, благодатію, и испославъ Ему свыше даръ мудрости и силы, да являетъ Его всегда достойнымъ потомкомъ нашихъ славныхъ предковъ, достойною и твердою подпорою нашего престола и отечества.

Данъ въ Санктпетербургъ, въ 26-й день ноября, въ лѣто отъ рождества Христова тысяча восемь сотъ сорокъ седьмое, царствованія нашего въ двадцать третіе.

На полнномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

« НИКОЛАЙ. »

ОБЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ, СЪ 15 НОЯБРЯ ПО 15 ДЕКАБРЯ 1847 ГОДА.

У ЧРЕЖДЕНІЯ ГУБЕРНСКІЯ.

Государь Императоръ, по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: въ дополненіе подлежащихъ статей т. III св. уст. о служб. гражд. (изд. 1842 г.) постановить слѣдующее: 1, чиновникамъ, служащимъ въ закавказскомъ краѣ, изъ туземцевъ, въ продолженіи службы ихъ за кавказомъ, предоставляются слѣдующія преимущества: а) тѣмъ изъ нихъ, кои по воспитанію, принадлежатъ къ числу чиновниковъ перваго и втораго разрядовъ (на основаніи ст. 81 т. III св. уст. о служ. правит.), срокъ службы за кавказомъ для производства въ слѣдующіе чины, согласно ст. 1289 т. III, сокращается однимъ годомъ противу общаго положенія. б) Всѣ вообще чиновники изъ туземцевъ, занимающіе должности, поименованныя въ ст. 1106, награждаются орденами согласно правилу, въ сей статьѣ изложенному. в) Преимущества, означенныя въ ст. 1294—1297, о леченіи въ военныхъ госпиталяхъ и о воспитаніи дѣтей на казенный счетъ, распространяются вполне на чиновниковъ изъ туземцевъ. и г) Занятія преимуществъ, изложенныя въ ст. 1290 и 1291, о производствѣ прибавочнаго жалованья, также въ ст. 1293 о сокращеніи срока на полученіе ордена Св. Владиміра, и въ ст. 272—278 уст. о пенсіяхъ, не распространяются на чиновниковъ изъ туземцевъ, кои получаютъ орденъ Св. Владиміра, пенсіи и единовременныя пособія на основаніи общихъ правилъ; и 2. Всѣ вообще преимущества, предоставленныя служащимъ въ закавказскомъ краѣ Гражданскимъ чиновникамъ, какъ при опредѣленіи ихъ на службу туда, такъ въ продолженіи службы за кавказомъ, и при увольненіи отъ оной, вполне распространяются на военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, занимающихъ гражданскія должности въ закавказскомъ краѣ. Само собою разумѣется, что ограниченія, нынѣ устанавливаемыя въ отношеніи преимуществъ чиновниковъ изъ туземцевъ, распро-

страняются также и на военных чиновъ изъ туземцевъ, служавшихъ по гражданскому ведомству за кавказомъ.

По вопросу о томъ, должны ли быть выдаваемы и къмъ именно, за упраздненіемъ ревизіонныхъ комиссій, лицамъ западныхъ губерній, свидетельства для вступленія въ службу, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: свода законовъ тома III устава о службѣ ст. 19 постановлено: жителямъ западныхъ губерній, доказывающимъ права свои на дворянство, разрѣшается по желанію ихъ опредѣленіе въ службу по гражданской части не ожидая окончанія производящихся о ихъ происхожденіи дѣлъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1, Сіи лица должны имѣть свидетельства не въ видѣ еще признанія ихъ дворянами, а какъ удостовѣреніе, относительно причисленныхъ по указу 11-го октября 1832 года къ первому разряду бывшей польской шляхты, что они, или отцы, или родные дѣды ихъ, при изданіи указа 19-го октября 1831 года, владѣли населенными имѣніями; относительно же лицъ втораго разряда, что доказательства на дворянское ихъ происхожденіе, признанныя дворянскими депутатскими собраніями, находятся въ разсмотрѣніи ревизіонныхъ комиссій, или отосланы уже на утверженіе герольдіи. 2, Выдача таковыхъ свидетельствъ для принатія въ службу, возлагается въ губерніяхъ, кievской, подольской и вольнской, на учрежденную въ кievѣ центральную комиссію для обревизованія дѣйствій депутатскихъ собраній сихъ губерній, а въ прочихъ западныхъ губерніяхъ, на мѣстныя комиссіи для ревизіи дѣлъ тамошнихъ дворянскихъ собраній. 3, Принимаемая по симъ свидетельствамъ въ службу гражданскую, продолжаютъ оную, какъ до утвержденія ихъ въ дворянствѣ, такъ и въ случаѣ окончательнаго отказа имъ въ ономъ, принадлежащія къ первому разряду, на правѣ личныхъ дворянъ, а принадлежащія ко второму разряду, на правѣ канцелярскихъ служителей третьаго разряда. По утвержденіи же въ дворянствѣ, тѣмъ и другимъ присвоиваются какъ вообще, такъ и на службѣ, все права и преимуществва, сему состоянію дарованныя, не исключая и возвращенія слѣдующаго имъ въ такомъ случаѣ по гражданской

части старшинства; по за упраздненіемъ какъ ревизіонныхъ, такъ и центральныхъ комиссій, выдача таковыхъ свидетельствъ прекращена; а дабы не преградить лицамъ западныхъ губерній всякой возможности ко вступленію въ службу, правительствующій сенатъ полагаетъ: на основаніи 61 и 143 ст. IX т. св. зак. изд. 1842 года, предоставить дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ западныхъ губерній, выдавать лицамъ тѣхъ губерній, поступающимъ на службу, копии съ опредѣленій о признаніи родовъ ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, съ надписями на тѣхъ самыхъ опредѣленіяхъ, всехъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены въ 19 ст. III т. св. зак. изд. 1842 года и съ наблюденіемъ правилъ, на основаніи коихъ производилась выдача свидетельствъ мѣстными ревизіонными и центральными комиссіями, распространивъ сіе и на тѣхъ лицъ западныхъ губерній, коимъ выдавались изъ ревизіонныхъ и центральныхъ комиссій свидетельства для вступленія въ учебныя заведенія. Но какъ сіе предположеніе правительствующаго сената, за упраздненіемъ ревизіонныхъ комиссій, измѣняютъ вышеозначенную 19 ст. III т. св. зак. изд. 1842 года, то и предоставить господину министру юстиціи испросить на сіе Высочайшее соизволеніе. Господинъ управлявшій министерствомъ юстиціи, входилъ осемь съ представленіемъ въ комитетъ по дѣламъ западныхъ губерній. Комитетъ журналомъ 16 сентября 1847 года, полагалъ: означенное опредѣленіе правительствующаго сената утвердить. Таковой журналъ удостоенъ Высочайшаго Государя Императора разсмотрѣнія 28-го сентября 1847 года въ Варшавѣ.

Уставы казеннаго управленія.

Государь Императоръ, по представленію г. нагѣтника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: 1., ст. 491 т. V св. уст. о под. изд. 1842 г., дополнить тѣмъ, что помѣщичьи крестьяне въ закавказскомъ краѣ, впредь до утвержденія общаго положенія о податяхъ по сему краю, освобождаются отъ платежа пени, установленной за непредставленіе въ

срокъ податей; и 2., Примѣчаніе къ означенной 491 ст. о томъ, что гордскіе обыватели въ тифлисъ подлежатъ взыскацію пени, изъ свода исключить вовсе, какъ не дѣйствующее послѣ изданія Высочайше утвержденнаго 28 марта 1844 г. положенія комитета по дѣламъ закавказскаго края.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, объ освобожденіи камчатскихъ мѣщанъ, проживающихъ въ селеніяхъ, отъ платежа поселянскихъ податей, мнѣніемъ Высочайше утвержденнымъ 10 ноября 1847 года, положилъ: представленіе министра утвердить, и въ слѣдствіе того, въ дополненіе ст. 417 уст. о под. (св. зак. т. V:) постановить: камчатскихъ мѣщанъ, которые жительствуя въ селеніяхъ того края, пользуются правами, поселянскому званію присвоенными и производить хлѣбопашество на земляхъ общественныхъ, платежу податей и повинностей по поселянскому званію не подвергать.

Законы о состояніяхъ.

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату ноября 1847 года, изображено:

«По дѣйствующему въ Грузіи съ 1824 года закону, изображенному въ 1004-й ст. свода Зак. о сост. (т. IX:) возникли нѣкоторыя недоумѣнія. Въ разрѣшеніи оныхъ повелѣваемъ руководствоваться нижеслѣдующими, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнными, правилами:

1.) Когда населенное недвижимое имѣніе, за лежаніе на немъ долги казенные, частные или въ кредитныя установленія, назначено будетъ въ публичную продажу, крестьянамъ, къ такому имѣнію принадлежащимъ, предоставляется выкупать себя, вмѣстѣ съ землею и прочими составными онаго частями, чрезъ взносъ послѣдней-состоящейся на торгахъ цѣны или, при неявкѣ покупателей, полной одиначной суммы. Но въ послѣднемъ случаѣ, если оцѣнка не достигаетъ суммы долга, лежащаго на имѣніи заложенномъ въ кредитныя установленія, или же въ частныя руки, крестьяне обязаны принять на себя платежъ такого обеспеченнаго имѣніемъ долга въ полномъ его количествѣ.

2.) Выкупъ на упомянутомъ основаніи дозволяется только въ цѣломъ составѣ продаваемаго имѣнія, или, когда оно продается участками (Свода Зак. Граж. Т. X-го ст. 4001), въ цѣломъ составѣ каждаго участка, отъ всѣхъ въ совокупности крестьянъ того имѣнія или участка.

3.) Для совершенія выкупа то мѣсто, въ коемъ продажа производится, по окончаніи торга и переторжки, или при неявкѣ покупателей, по минованіи сроковъ обязывается извѣстить мѣстное губернское правленіе о выкупной цѣнѣ, на основаніи 1-й статьи настоящаго указа исчисленной, а губернское правленіе, какъ въ семь случаевъ, такъ и тогда, когда продажа въ немъ самомъ производилась, даетъ знать о сей цѣнѣ крестьянамъ чрезъ земскую полицію, со взятіемъ отъ нихъ росписокъ въ днѣ выслушанія. Всѣ дѣйствія полиціи, по объявленію крестьянамъ выкупной цѣны и по принятію ихъ отзыва, а потомъ и самый взносъ подлежащей суммы, совершаются всегда не иначе, какъ при совокупномъ въ томъ участіи предводителя дворянства и уѣзднаго стряпчаго и подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ.

4.) Крестьяне обязаны внести всю выкупную сумму, не ожидая отъ казны пособія, въ теченіи 30-ти дней, которые счисляются со времени объявленія имъ той суммы до времени поступленія оной сполна въ мѣстное губернское правленіе, гдѣ бы, впрочемъ, продажа имѣнія ни производилась.

5.) Когда крестьяне откажутся отъ выкупа, или, изъявивъ желаніе заплатить выкупную сумму, не внесутъ оной на срокъ: имѣніе утверждается за тѣмъ, за кѣмъ оно осталось по торгамъ, а если, по неявкѣ желающихъ, торговъ не было, съ онымъ поступается по правиламъ, существующимъ для тѣхъ случаевъ, въ коихъ публичная продажа считается несостоявшеюся (Свода Зак. Граж. Т. X-го кн. VII Разд. 2-го, гл. V отд. 5 е.).

6.) По внесеніи выкупной суммы крестьяне снабжаются данною, но безъ взятія крѣпостныхъ пошлинъ.

7.) Выкупившіеся поступаютъ въ государственные крестьяне и приобретаютъ право собственности на земли и всѣ

прочія принадлежности имѣнія, съ коими они выкупились. Но приобрѣтенную такимъ образомъ землю выкупившіеся крестьяне имѣютъ право передавать, посредствомъ продажи, обмѣна или другихъ сдѣлокъ, въ постороннія руки, не иначе, какъ по мірскимъ приговорамъ и съ утвержденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ оставленіемъ при томъ всегда неотдѣльною принадлежностію имѣнія по двѣ десятины земли усадебной, огородной, пашенной и сѣнокошной, въ совокупности, въ общемъ на каждую ревизскую душу счетъ. На сіе собственно количество земли, въ упомянутомъ выше размѣрѣ, не должны равномерно упадать и никакія долги крестьянъ.

8.) Выкупившіеся въ число государственныхъ крестьянъ подлежатъ всемъ установленнымъ съ послѣднихъ податямъ и повинностямъ, кромѣ только оброка, соответственно чему и получаютъ наименованіе *безоброчныхъ*.

9.) Сила сихъ постановленій, въ слѣдствіе соображеній, еще съ 1824 года возникшихъ и удостоенныхъ тогда предварительнаго одобренія Блаженныя памяти Императора Александра I-го, распространяется и на весь прочія Имперіи.

ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Государь Императоръ, по представленію г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: ст. 2527, Тома 10 Свода Зак. Граж. изд. 1842 года, дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: «Въ Закавказскомъ краѣ жителямъ онаго дозволяется представлять докзательства и документы по тяжбынымъ дѣламъ и послѣ подачи ими по онымъ апелляціонныхъ жалобъ, если только въ слѣдствіе сихъ жалобъ несостоялись уже рѣшенія. Впрочемъ сіи докзательства приѣмлются судебными мѣстами, послѣ подачи апелляціонныхъ жалобъ, не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ Намѣстника Кавказскаго.»

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ доклад Правительствующаго Сената о порядкѣ разсмотрѣнія жалобъ

крестьянъ Лифляндской губерніи на уѣздные крестьянскіе суды и на подчиненныхъ судамъ симъ чиновниковъ, и соглашаясь съ заключеніемъ Сената, *мильіемъ*, Высочайше утвержденнымъ 18 октября 1847 года, *положилъ*, въ поясненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1., Въ Лифляндской губерніи суды и члены уѣздныхъ крестьянскихъ судовъ изъ дворянства отрѣшаются и предаются суду по жалобамъ крестьянъ въ злоупотребленіи должности не иначе, какъ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, съ согласія Генераль-Губернатора. 2., Приходскіе суды и члены, не принадлежащіе къ дворянскому сословію, подвергаются по подобнымъ жалобамъ непосредственному суду Департамента крестьянскихъ дѣлъ Гофгерихта. 3., Жалобы крестьянъ на подчиненныхъ уѣзднымъ крестьянскимъ судамъ чиновниковъ уѣздныхъ мѣстъ для крестьянскихъ дѣлъ, подлежатъ предварительно изслѣдованіямъ сихъ судовъ, которые объ открывшемся по слѣдствію представляютъ на дальнѣйшее распоряженіе Губернскаго Правленія; извѣты же въ преступленіи должности членами уѣздныхъ судовъ разсматриваются непосредственно въ Губернскомъ Правленіи, которое и распоряжается о производствѣ надлежащихъ по онымъ слѣдствій.

Уставы Государственного Благоустройства.

Государь Императоръ, по представленію. Г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть: правила, изданныя 24 Сентября 1846 года (пол. соб. зак. № 20464), на счетъ взыскаія долговъ въ Закавказскомъ краѣ по роспискамъ не судебнымъ, а полицейскимъ порядкомъ, дополнить слѣдующимъ постановленіемъ: „, Такія заемныя обязательства между жителями Закавказскаго края, которыя написаны по формѣ, изданной для векселей, хотя бы они были не только не протестованы по прошествіи срока, но даже и не засвидѣствованы, гдѣ слѣдуетъ, при написаніи, если должникъ займа не отвергаетъ, или заемъ подтвердится поряд-

комъ, установленнымъ для простыхъ росписокъ, обращать ко взысканію (въ отмѣну ст. 517, тома XI Св. Зак. Тор. изд. 1842 г.) не судебнымъ, а полицейскимъ порядкомъ, съ тѣмъ только, чтобы по подобнымъ векселямъ кредиторъ небылъ удовлетворяемъ опредѣленною ст. 558 того же тома и устава неустойкою, и чтобы полицейское начальство взыскивало съ кредитора, при удовлетвореніи его долгою суммою, за непредъявленіе векселя къ протесту: а) 30 коп. сер. въ пользу казны за листъ гербовой бумаги, на основаніи пун. 11 ст. 48 тома V св. уст. о пошл. изд. 1842 года и б) полпроцента съ рубля той туммы, какая въ векселяхъ означена, въ пользу города, на основаніи ст. 718 тома X Св. Зак. Гражд. и 493 тома XI Св. Уст. торг. изд. 1842 года;»

Государь Императоръ, 23 Октября 1847 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: постройки крестьянскихъ домовъ при шоссе, позволять впредь по обѣимъ сторонамъ параллельно направленію линіи шоссе, но не иначе какъ въ 20 саженомъ разстояніи въ обѣ стороны отъ середины шоссе, и за тѣмъ существующее въ 605 ст. XII томъ Св. зак. Уст. Пут. Сообщ. (изд. 1822,) правило о производствѣ таковыхъ построекъ только по одну сторону шоссе,—отмѣнить.

29 Октября 1847 года Высочайше утверждено разсмотрѣнное въ Государственномъ Советѣ Положеніе о общественномъ Банкѣ въ Архангельскѣ. Банкъ сей учреждается съ цѣлію, производствомъ ссудъ, доставить мѣстнымъ 3-й гильдіи купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ вспомошествованіе въ торговыхъ и ремесленныхъ ихъ оборотахъ; а на получаемые отъ сего доходы, когда будетъ предстоить возможность, учреждать и содержать полезныя и благотворительныя заведенія. Основной капиталъ Банка составляется изъ суммы, пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ, отдѣляемой изъ принадлежащихъ Архангельску городскихъ капиталовъ.

Уставы благочинія.

Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго Комитета Высочайше соизволилъ повелѣть: 1., ст. 486 т. XIV Св. Уст. о паспор. изд. 1842 г. о воспрещеніи пропускать въ наши границы тѣхъ иностранцевъ, которые не имѣютъ при себѣ 10-ти рейхсталеровъ, не распространять на Персидско и Турецко-подданныхъ, прибывающихъ изъ за границы на восточный берегъ Чернаго моря и вообще въ Закавказскій край; и 2., По Черноморской береговой линіи принять за правило, что въ случаѣ, если кто изъ Турецко-подданныхъ, будучи по болѣзни пользуемъ въ госпиталѣ, по выпускѣ изъ госпиталя не будетъ имѣть денегъ для уплаты за пользованіе, то деньги сіи взыскивать съ родственниковъ, или хозяевъ, у коихъ оныя находится въ услуженіи; съ тѣхъ же Турецко-подданныхъ, у коихъ нѣтъ родственниковъ или хозяевъ, по строгому разсмотрѣніи и удостовѣреніи мѣстнаго Начальства въ дѣйствительной ихъ несостоятельности, слѣдующія за пользованіе деньги принимать на счетъ Коммиссаріатскаго вѣдомства по представленію надлежащаго засвидѣтельствованія отъ мѣстныхъ Командантовъ или воинскихъ Начальниковъ.

Правительственные Распоряженія.

Высочайше утвержденнымъ 21 Мая 1846 положеніемъ Комитета Гг. Министровъ, согласно представленію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, о мѣрахъ къ истребленію волковъ, повелѣно: 1.) дѣлать общія облавы или охоты, ежегодно весною и осенью; 2.) опредѣлять, гдѣ окажется нужнымъ, особыхъ ловчихъ (: Уздшихъ Егерей:) съ жалованьемъ по 60 руб. сер. въ годъ, на счетъ земскихъ сборовъ; и 3.) выдавать денежные награды изъ земскихъ сборовъ всякому, кто представитъ убитаго волка или волченка, по особу составленному на то правилу. Вся мѣры эти разрѣшено ввести, въ видѣ опыта, на первый разъ

въ 16 Губерніяхъ Западной и Южной полосы Имперіи. Въ дополненіе къ сему, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1.) Въ Губерніяхъ, гдѣ введены уже или введены будутъ общія охоты для истребленія волковъ, опредѣлять Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ, изъ мѣстныхъ дворянъ, по одному на каждую. 2.) Изъ числа желающихъ занять сію должность неслужащихъ дворянъ, предоставить Губернаторамъ представлять по два кандидата на утвержденіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ. 3.) Службу Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ считать коронною, отнеся ихъ по должности къ V классу. 4., Губернскимъ Почетнымъ ловчимъ дозволяется носить мундиръ, а прислугъ и стремяннымъ ихъ ливрею, съ охотничьими ножами. 5.) Какъ занятія Губернскихъ Почетныхъ ловчихъ будутъ лишь временныя и притомъ для мѣстной пользы, то подобно прочимъ высшимъ чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, жалованья по этому званію имъ не полагается. 6.) Губернскіе Почетные Ловчіе представляютъ Губернаторамъ предположенія свои о назначеніи общихъ облавъ или охотъ и о другихъ мѣраxъ, какія къ истребленію волковъ будутъ счтаты полезными. 7.) Губернскіе Почетные Ловчіе суть главные распорядители на всѣхъ общихъ волчьихъ охотахъ или облавахъ и потому всѣ принимающіе участіе въ облавѣ подчиняются имъ, на все время охоты, во всемъ относящемся до сего предмета. 8.) Губернскіе Почетные Ловчіе получаютъ третныя вѣдомости отъ Земскихъ Судовъ о числѣ убитыхъ волковъ, за кои выданы были наградныя деньги; изъ сихъ частныхъ вѣдомостей они составляютъ одну общую, которую и представляютъ Губернатору, присовокупляя соображенія свои объ устройствѣ этой части. и 9.) Губернскіе Почетные Ловчіе имѣютъ наблюденіе за Узьдными Егерями и въ случаѣ недѣятельными понуждаютъ ихъ и входятъ о томъ съ представленіями въ Губернаторамъ*.

* Описаніе обмундированія Губернскихъ Почетныхъ Ловчихъ,

Положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го января 1841 года, и дополнительнымъ къ оному Высочайшимъ повелѣніемъ, въ 1843 году, послѣдовавшимъ, предоставлено было право на безсрочный отпускъ въ гвардіи и арміи штабъ-офицерамъ, прослужившимъ въ сихъ чинахъ не менѣе 3-хъ, а оберъ-офицерамъ не менѣе 8 лѣтъ, съ тою цѣлю, дабы на случай формировація запасныхъ войскъ, имѣть въ оныхъ офицеровъ опытныхъ и вполне соответствующихъ ихъ назначенію. Въ 1844 году, для уменьшенія значительнаго сверхъ-комплекта офицеровъ въ арміи, Высочайше разрѣшено: увольнять сверхъ-комплектныхъ офицеровъ гренадерскаго, 1, 2, 3, 4 и 6 пѣхотныхъ корпусовъ, также въ артиллеріи и въ саперныхъ баталіонахъ, въ безсрочный отпускъ, не стѣсняясь изданными на сей предметъ правилами. Отъ сего поступили въ запасныя войска, офицеры молодые и мало свѣдущіе во фронтовой службѣ; и изъ нихъ нѣкоторые дозволили себѣ, безъ уважительныхъ и законныхъ причинъ, уклоненіе отъ ежегодныхъ, для учебныхъ упражненій, сборовъ. Нынѣ, съ уменьшеніемъ въ арміи сверхъ-комплекта офицеровъ, Государь Императоръ находя возможнымъ, вовсе отбѣянтъ допущенное временно съ 1844 года, изъятіе изъ правилъ постановленныхъ для увольненія штабъ-и оберъ-офицеровъ въ безсрочный отпускъ, и признавая справедливымъ положить преграду уклоненію отъ ежегодныхъ, для учебныхъ упражненій, сборовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1.) Право на полученіе безсрочнаго отпуска, предоставить исключительно тѣмъ изъ штабъ-офицеровъ прослужившимъ въ сихъ чинахъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, которые способны командовать: въ пѣхотѣ баталіонами, въ кавалеріи дивизіонами; изъ оберъ-офицеровъ прослужившихъ въ семъ званіи не менѣе 8 лѣтъ: тѣмъ офицерамъ капитанскихъ и поручичьихъ чиновъ, которые способны командовать: въ артиллеріи батареями, въ кавалеріи эскадронами,

Уздныхъ Егерей, Стремяныхъ и прислуги, приложенъ при № 28. С. Петербургскихъ Сенатскихъ вѣдомостей.

въ пѣхотѣ ротами; подпоручикамъ же и прапорщикамъ только такимъ, которые отлично знаютъ фронтную службу. 2.) Засвидѣтельствованіе о таковыхъ способностяхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, просящихся въ безсрочный отпускъ, возложить на личную и строгую ответственность корпусныхъ командировъ и другихъ имъ равныхъ воинскихъ начальниковъ, вмѣнивъ имъ въ непрѣмьную обязанность, не прежде представлять объ увольненіи въ подобные отпуска штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ произведя имъ лично испытаніе; въ чемъ и излагать положительное удостовѣреніе. 3.) Въ исполненіе правилъ, заключающихся въ IV главѣ положенія 1841 года, предоставить только тѣмъ изъ отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ право на зачисленіе къ запаснымъ войскамъ, съ увольненіемъ въ безсрочный отпускъ, которые прослужили безпорочно въ сихъ чинахъ: штабъ-офицеры не менее 3 лѣтъ, оберъ-офицеры не менее 8 лѣтъ, и при томъ когда выдержать установленное испытаніе въ твердомъ знаніи фронтной службы. Во время такового испытанія имъ не опредѣляется отъ казны ни содержанія, ни прогонныхъ на проѣзды денегъ. 4.) Объявить по всему медицинскому вѣдомству, какъ военному такъ и гражданскому, что въ случаѣ, если выданное медикомъ отпускному офицеру свидѣтельство о болѣзни, препятствующей явиться къ сбору, не будетъ признано вполне справедливымъ, по произведеніи на мѣстѣ точнаго и подробнаго изслѣдованія: то врачъ, выдавшій такое, преданъ будетъ суду и подвергнется строжайшему по закону взысканію, какъ составитель фальшиваго акта. 5.) Медицинскія свидѣтельства, выдаваемые о болѣзни, препятствующей отпускнымъ офицерамъ явиться къ сбору, должны быть ими представляемы подлежащему начальству внутренней стражи съ такимъ во времени расчетомъ, чтобы могли быть получены въ инспекторскомъ департаментѣ отнюдь не позже 25 сентября. 6.) Офицеровъ виновныхъ въ несвоевременномъ представленіи медицинскихъ свидѣтельствъ о ихъ болѣзняхъ, частныхъ начальниковъ внутренней стражи, равно какъ членовъ гражданскихъ и земскихъ полицій, замедлившихъ пересылку таковыхъ свидѣтельствъ въ инспекторскій департаментъ, подвергать стро-

гой ответственности и взысканію всѣхъ издержекъ, которыя послѣдуютъ отъ учрежденія, въ подобныхъ случаяхъ, слѣдствій и судовъ. 7.) Безсрочно-отпускныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые не явятся къ сбору два года сряду по болѣзни, въ дѣйствительности коей предствлено будетъ законное свидѣтельство, увольнять въ отставку; такъ какъ двухгодичная болѣзнь есть уже доказательство совершенной ихъ бесполезности для службы. 8.) Впредь призывать ежегодно къ сбору всѣхъ безъ изъятія штабъ и оберъ-офицеровъ, въ безсрочныхъ отпускахъ состоящихъ, какъ для начальствованія отпускными нижними чинами, такъ и для испытанія собственно въ званіи ими фронтной службы. 9) Штабъ и оберъ-офицеровъ, которые во-время сборовъ найдены будутъ слабыми по фронту, оставлять, по усмотрѣнію начальства, при дѣйствующихъ войскахъ, до приобрѣтенія ими должныхъ въ строевой службѣ познаній, прекращая производство имъ жалованья и порціонныхъ денегъ, со дня роспуска нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ сборѣ. 10) Тѣхъ изъ сихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которые по отзывамъ главныхъ воинскихъ начальниковъ, не окажутъ и за симъ усердія и пусьховъ по фронту, оставлять отъ службы за нерадіе. 11) Служащихъ по выборамъ дворянства безсрочно-отпускныхъ штабъ-офицеровъ освободить отъ обязанности ежегоднаго сбора для учебныхъ упражненій, и за симъ, предоставленнаго III главою положенія 1841 г. права, опредѣляться въ должности по выборамъ дворянства, на оберъ-офицеровъ, въ безсрочномъ отпуску находящихся, вредъ не распространять. Оберъ-офицеры, которые останутся до слѣдующихъ сборовъ въ подобныхъ должностяхъ, должны быть замѣнены, на время ихъ отлучки къ сборамъ, другими чиновниками, по распоряженію мѣстнаго начальства. 12) Находящихся въ безсрочномъ и продолжительномъ отпускахъ штабъ и оберъ-офицеровъ преданныхъ суду за неявку къ сбору, если они по дѣлу изобличатся въ явномъ уклоненіи отъ сбора, военнымъ судамъ приговаривать, примѣняясь къ 230 ст. V час. 1 кн. св. воен. пост., къ лишенію чиновъ и къ опредѣленію на службу рядовыми. 13) Штабъ и оберъ-офицеровъ, которые не явятся

къ сбору не по явному уклоненію отъ оного, но потому, что упущеніемъ обязанностей, предписанныхъ для отпускныхъ офицеровъ, лишали мѣстное начальство возможности, объявить имъ о назначеніи ихъ къ сбору, присуждать къ менѣе тяжкому наказанію, пзъ опредѣленныхъ въ 230 ст. V час. 1 кн. св. воен. пост., именно: къ исключенію пзъ службы, или содержанію въ крѣпости въ казематѣ, или на гаубтвахтѣ, смотря по степени послѣдовавшаго упущенія. 14) Если по суду доказано будетъ, что кто-либо изъ отпускныхъ офицеровъ не явился къ сбору по причинѣ дѣйствительной болѣзни, или по препятствіямъ, означеннымъ въ 1327 ст. 11 част. 1 кн. св. воен. пос.; но при всемъ томъ откроется, что офицеры сіи, имѣя возможность увѣдомить, въ свое время, мѣстное начальство, объ означенныхъ препятствіяхъ не исполнили сего, то въ подобныхъ случаяхъ, согласно 530 ст. II час. II кн. св. воен. пост., приговаривать подсудимыхъ къ аресту, съ содержаніемъ на гаубтвахтѣ и къ вычету двухъ лѣтъ пзъ дѣйствительной выслуги къ пенсіи при отставкѣ, или же къ вычету такового времени пзъ выслуги къ полученію чиновъ въ безсрочномъ отпуску и вообще ко всеѣмъ преимуществамъ, безпорочною службою приобретаемымъ. Причины, признаваемыя уважительными, по вышеприведенной 1327 ст. суть; а) арестованіе, или задержаніе въ карантинныхъ. б) Бѣдствія, претерпѣнныя отъ огня и воды. в) Смерть родителей, жены, дѣтей, или-же другіе чрезвычайные случаи, уваженія заслуживающіе. 15) О тѣхъ подсудимыхъ отпускныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, кои докажутъ предъ судомъ, что они не явились къ сбору по причинамъ, перечисленнымъ въ 14 пунктѣ сего повелѣнія, а извѣстить, въ свое время, о томъ мѣстное начальство не имѣли никакой возможности, постановлять приговоры: какъ объ освобожденіи ихъ отъ суда, такъ и о томъ, чтобы бытность подъ судомъ не показывалась въ формулярныхъ ихъ спискахъ. 16) Военнымъ судамъ признавать доказанными, тѣ только пзъ перечисленныхъ въ пунктѣ 14, причинъ неявки офицеровъ къ сбору, о коихъ подсудимые представляютъ достовѣрные свидѣтельства мѣстнаго начальства.

Государь Императоръ, согласно желанію Ея Императорскаго

Величества, Высочайше указать соизволилъ: Дома Трудолюбія: С. Петербургскій, Московскій и Симбирскій впредь именовать, С. Петербургскимъ, Московскимъ и Симбирскимъ Елисаветинскими Училищами, съ оставленіемъ сихъ учреждений въ прежнемъ II разрядѣ женскихъ учебныхъ заведеній.

Государь Императоръ, 3 ноября 1847 года, согласно мнѣнію государственнаго совѣта и представленію министра государственныхъ имуществъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: существующія для великороссійскихъ губерній правла о снабженіи государственныхъ крестьянъ паспортами и билетами, распространить на губерніи Иркутскую и Енисейскую, и на семь основаніи отнести къ казеннымъ палатамъ обязанности, лежащія по означенному предмету на палатахъ государственныхъ имуществъ, на земскіе суды возложить обязанности окружныхъ начальниковъ, на Волостныя правленія все то, что настоящими правлами присвоено онымъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра государственныхъ имуществъ, 13 октября 1847 года Высочайше повелѣть соизволилъ: дарованную по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта 17 декабря 1845 года государственнымъ крестьянамъ Саратовской губерніи Монаршую милость, утвержденіемъ правъ ихъ на приобретеныя отъ помѣщиковъ рекрутскія квитанціи, распространить въ отношеніи къ квитанціямъ, приобретеннымъ до обнаруженія помянутаго мнѣнія государственнаго совѣта, т. е. до 25 вара 1846 года, на государственныхъ крестьянъ Тамбовской и другихъ губерній, гдѣ подобные случаи могутъ окзаться.

Государь Императоръ, по представленію г. намѣстника Кавказскаго и по положенію Кавказскаго комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ: Евреямъ на основаніи ст. 24 тома XIV св. уст. о пасп. изд. 1842 г. живущимъ нынѣ въ Закавказскомъ краѣ, дозволить участвовать въ торгахъ и подрядахъ по этому краю, на правѣ поселянъ, обеспечивающихъ подряды круговою порукою.

Въ слѣдствіе возникшихъ вопросовъ о томъ: какой порядокъ долженъ быть соблюдаемъ при перечисленіи въ государствен-

ные крестьяне ямщиковъ тамъ, гдѣ утверждаются вольныя почты, и 2., могутъ ли быть несостоятельные ямщики обращаемы въ государственные крестьяне, безъ ихъ согласія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не введенъ еще новой порядокъ содержанія почтъ, г. министръ государственныхъ имуществъ, входилъ съ представленіемъ въ комитетъ гг. министровъ, по положенію коего 28 минушаго октября Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ созвоилъ: 1.; Обращаемыхъ въ государственные крестьяне, по мѣрѣ открытія на трактахъ вольныхъ почтъ, ямщикамъ даровать льготу въ податяхъ и повинностяхъ, кроме рекрутской, не только въ теченіи того года, когда они перечислятся въ крестьяне, но и въ теченіи слѣдующихъ за тѣмъ 2-хъ полныхъ годовъ. 2., Въ продолженіе этого льготнаго времени, а также предъ обращеніемъ ямщиковъ въ крестьяне, дозволить имъ переходъ по желанію въ городскія сословія безъ испрошенія пріемныхъ приговоровъ и безъ платежа денегъ, слѣдующихъ на составленіе вспомогательнаго капитала для нижнихъ воинскихъ чиновъ, а по истеченіи льготнаго времени на общемъ основаніи, какъ равно разрѣшить переселеніе, по недостатку земли, въ многоземельныя губерніи также на общемъ основаніи со всѣми льготами и пособіями, какія даруются государственнымъ крестьянамъ. 3., Въ мѣстахъ, гдѣ не введены новыя правила почтовой гоньбы, несостоятельныхъ ямщиковъ перечислять, по усмотрѣнію въ томъ необходимости и по сношенію съ почтовымъ начальствомъ, не смотря на несогласіе ихъ, въ государственные крестьяне, предоставляя имъ всѣ вышеупомянутыя льготы и обращая ямскую повинность, впредь до устройства въ тѣхъ мѣстахъ почтъ на новыхъ основаніяхъ, на счетъ земства.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, состоявшемуся 4 ноября 1847 года, Высочайше повелѣтъ созвоилъ: дозволить, въ видѣ опыта, на четыре года российскимъ подданнымъ, строящимъ на свой счетъ суда на российскихъ верфяхъ, получать безношлинно изъ за границы нужныя имъ, для снаряженія судна, металлическія корабельныя принадлежности, а именно: механическія шпидли и брашпидли, цѣпныя якоря, цѣпи и цѣпные ка-

наты всякаго рода, цѣпныя борги для реевъ, штурвалы съ принадлежностями, желѣзныя блоки, мантелы съ блоками, камбузы, помпы, буйки или томбуи и машины для отдачи якорей, съ тѣмъ, чтобы каждый разъ испрашивалось кораблехозяевами на сей предметъ особое разрѣшеніе отъ министра фискаловъ, съ обозначеніемъ въ просьбахъ подаваемыхъ ими, рода и количества помянутыхъ металлическихъ издѣлій, которыя и выпускать имъ изъ таможи не прежде, какъ при самомъ уже окончаніи постройки судна.

Высочайше утвержденнымъ 10-го ноября 1847 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено:

1.) Существующія постановленія относительно пособій, въ пожарныхъ случаяхъ, государственнымъ крестьянамъ великороссийскихъ губерній, распространить на Сибирскій край.

2.) Сборъ по 4 к. сер. на пожарные случаи въ Сибири не присовокуплять къ общему на сей предметъ капиталу губерній въ коихъ введено новое управленіе, а оставить въ распоряженіи мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, на которыхъ возложить и главный надзоръ за порядкомъ раздачи пособій и правильностію отчетности въ сихъ суммахъ.

3.) Позаимствованную изъ мѣстныхъ капиталовъ сумму, выданную въ пособіе домохозяевамъ, потерпѣвшимъ убытки отъ бывшихъ въ казенныхъ селеніяхъ Западной Сибири пожаровъ въ теченіе 1844—1846 г., пополнить изъ ожидаемаго 4 копѣчнаго сбора.

По положенію комитета гг. министровъ, состоящемуся 11-го ноября 1847 года Государь Императоръ высочайше повелѣтъ созвоилъ: данное высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ 25-го января 1844 года и окончивающееся 1-го января 1848 года, разрѣшеніе безоплатнаго привоза изъ заграничья лошадей, по всѣмъ таможеннымъ, на еврейской границѣ состоящимъ, продолжить еще на пять лѣтъ, т. е. по 1-е января 1853 года.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу представленнаго Рыбинскимъ и нигороднымъ купечествомъ акта, которымъ оно просило, на улучшеніе водяныхъ путей,

учредить особый денежный сборъ со всѣхъ отправляемыхъ грузовъ и товаровъ, сообразно цѣнности клади, по $\frac{1}{4}$ коп. съ каждаго рубля, а ежели этого будетъ недостаточно, то и еще по $\frac{1}{4}$ коп., впредь до того времени, пока таковой денежный сборъ необходимъ будетъ, согласно положенію комитета гг. министровъ, въ 18-й день истекшаго сентября высочайше повелѣть соизвоилъ: 1) разрѣшить на первый разъ взиманіе на означенный предметъ по четверти копейки серебромъ съ рубля, по цѣнности клади; но если бы сбора сего, для приведенія въ дѣйствіе заслуживающей особеннаго вниманія мысли объ улучшеніи судоходства по водянымъ путямъ, оказалось въ послѣдствіи недостаточнымъ, то предоставить главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями, объ увеличеніи онаго, сообразно съ желаніемъ самого купечества до $\frac{1}{2}$ коп. сер., войти въ свое время съ новымъ представленіемъ. 2) Весь устанавливаемый сборъ обращать въ особый капиталъ, подъ наименованіемъ *вспомогательнаго капитала на улучшеніе водяныхъ системъ*, съ тѣмъ, чтобы расходы изъ онаго производились собственно на предметъ его назначенія и не иначе, какъ съ высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія; для чего капиталу сему вести особый счетъ и съ другими суммами его не смѣшивать. 3) Какъ сбора этого не можетъ быть достаточно для производства работъ въ мѣрь успѣха устройства путей, дѣйствительно необходимаго, то посредствомъ суммы, въ сборъ поступающей, дѣлать ежегодно потребныя на работы займы изъ кредитныхъ установленій. 4) Взиманіе сбора, согласно предположенію купечества, начать съ навигаціи 1848 г. 5) Установленному сбору подвергать всѣ грузы и товары, отправляемые въ судахъ и плотахъ по системамъ: Вышневолоцкой, Тихвинской и Маринской, а также по р. Волгѣ и по всѣмъ рѣкамъ, въ нее впадающимъ, со всѣми ихъ протоками; равно съ рѣкъ Мсты и Волхова, за-Ильменскихъ рѣкъ и Ладожскаго канала, какъ до Санктпетербурга и попутныхъ мѣстъ, такъ и обратно, по всѣмъ озна-

ченнымъ путямъ. (Отъ платежа установленнаго сбора освобождаются всѣ суда, грузящіеся по р. Невѣ товарами туземнаго произведенія). 6) Определенный сборъ взимать съ цѣны товаровъ, обозначаемой въ накладныхъ, съ мѣстъ отправленія выдаваемыхъ. 7) Сборъ этотъ производить по нагрузкѣ судовъ, чрезъ начальниковъ судоходныхъ дистанцій, обязанныхъ свидѣтельствовать накладныя. 8) Въ приемъ сбора начальника дистанцій выдавать судохозяевамъ особые печатные ерлыки, которые будутъ доставляемы изъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, по примѣру ерлыковъ, при взиманіи шоссейныхъ денегъ выдаваемыхъ. 9) Полученіе сбора начальникамъ дистанцій отмѣчать и на накладныхъ; а самую сумму отсылать въ окружныя правленія путей сообщенія, для обращенія въ предназначенный капиталъ. 10) По прибытіи судовъ на мѣста разгрузки, вмѣстѣ съ ерлыками, отбирать отъ судохозяевъ и накладныя, для удостовѣренія въ правильности поступающаго сбора. Съ судовъ же, идущихъ въ С.-Петербургъ, ерлыки и накладныя отбирать на Рожновской пристани.

Изъ министерства финансовъ, 24-го октября 1847 года, выданы привилегіи: барону Петру Арману де-Серге, на 6 лѣтъ, на изобрѣтенную имъ систему влеченія повоздовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Архитектору Коллеж. Совѣтн. Свіазеву, на 10 лѣтъ, на изобрѣтенныя имъ новорусскіе или современнорусскіе нагрѣвательные приборы. Мышанину Щербакову и вольноотпущенному Козлову, на 5 лѣтъ, на сдѣланное ими усовершенствованіе въ ткацкой машинѣ.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ.

Назначены: Октября 28 Въ должн. Оберъ-Секретаря 1 Отд. 5 Департ. Привит. Сената, испр. нынѣ сію должность въ томъ Департаментѣ, Редакторъ въ Департаментѣ Министерства Юст., Надв. Сов. *Гильшеръ*. Октября 29. Сост. въ должн. Егермейстера Дѣйст. Стат. Сов. *Всеволожскій*, въ должность Гофмейстера Двора Е. И. В. ноября 6. Почетный Осекунъ Императорскаго С. Пет. Опе-

кунского Совета, Двора Е. И. В. Шталмейстеръ *Чертковъ*,—Присутствующимъ въ Императорскомъ Моск. Опекунскомъ Советѣ. *Повельно*: Ноября 8. Командующему войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, сост. по арміи, Генераль-Лейтенанту Князю *Бебутову* 1-му, быть Начальникомъ Гражд. Управленія Закавказскаго края и Предсдателемъ Совета Главнаго Управленія симъ краемъ, съ оставленіемъ по арміи. Дербентскому Военному Губернатору, и Командующему войсками въ южномъ Дагестанѣ, сост. по арміи, Генераль-Лейтенанту Князю *Аргутинскому-Долгорукову*, быть командующимъ войсками во всемъ прикаспійскомъ краѣ и управляющимъ въ ономъ гражд. частію, съ оставл. по арміи.—Ноября 8. сост. при отдѣльномъ кавказскомъ корпусѣ, числящемуся по кавалеріи, генераль-маіору князю *Гагарину* быть военнымъ губернаторомъ города дербента и управляющимъ дербентскою губерніею подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, съ оставл. по кавалеріи. *Назначени*: Ноября 11. Двора Е. И. В. Церемоніймейстеръ, Стат. Сов. *Хитрово*, присутствующимъ въ Капитулѣ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ въ числѣ членовъ. Ноября 15. Управляющимъ собственною Е. И. В. Канторою, подъ главнымъ Управленіемъ Гофмаршала Графа *Шувалова*, совѣтникъ придворной канторы, дѣйст. Ст. Сов. *Янниковъ*. Управляющимъ канторою двора Е. И. В. Государя Великаго Князя Константина Николаевича, казначей собственною Е. И. В. Канторы, Надв. Совѣт. *Григорьевичъ*, Ноября 19. Въ должность Оберъ-Прокурора 2 отд. 5 Департ. Прав. Сената, сост. за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ сенатѣ, Камергеръ, Дѣйст. Стат. Св. *Быковъ*. Членомъ корреспондентомъ специальной комисіи коннозаводства, причисленной къ управл. Госуд. Конноз., Камергеръ, Стат. Сов. *Базилювскій*. *Повельно*: Назначеннаго Высочайшимъ Указомъ 5 Сентября 1847 года къ испр. должн. Иркутскаго и Енисейскаго генераль-губернатора генераль-маіора *Муравьева*, имѣновать испр. долж. Генераль-Губернатора Восточной Сибири. *Назначены*: Ноября 25. Чиновникомъ

особыхъ порученій VI класса при Министрѣ Внутр. Дѣлъ, чиновникъ особыхъ порученій Рязскаго Военнаго Лифляндскаго, эстляндскаго, и курляндскаго генераль-губернатора, Надв. Сов. Графъ *Толстой*, Попечителемъ московскаго учебнаго округа, помощн. Попечителя того округа, Дѣйст. Ст. Сов. *Голохвастовъ*. Утвержденъ въ званіи адъюнкта отдѣленія русскаго языка и словесности при Импер. Академіи наукъ, Стат. Сов. *Коркуновъ*. *Повельно*: Непременнымъ членамъ преобразуемаго нынѣ Комитета Морскаго Министерства Генералу отъ Инфантеріи *Шуберту* и Адмиралу *Беллинггаузену*, быть Почетными членами морскаго ученаго комитета. Ноября 26. Члену Морскаго Генераль-Аудиторіата, Адмиралу *Сульменеву*, быть Предсдателемъ сего Генераль-Аудиторіата. Випе-Адмиралу *Казину*-членомъ морскаго генераль-аудиторіата. Ноября 30. Сост. для особыхъ порученій при главнокомандующемъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, Генераль-Маіору *Блявскому* 1-му кутаискимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ и гражданскою частію.

Увольненіе отъ должности или отъ службы.

Ноября 8. Отъ службы, по прошенію: начальникъ Гражданскаго Управленія закавказскаго края и Предсдатель Совета Главнаго Управленія симъ краемъ, сост. по арміи, Генераль-Лейтенантъ *Ладинскій*, и повельно производить ему пожизненной пенсіи—3000 руб. сер. въ годъ изъ госуд. казначейства. Ноября 20. Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ Графъ *Строгоновъ* 1-й, по прошенію, отъ должности попечителя московскаго учебнаго округа и отъ всѣхъ обязанностей по учебной части, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта, присутствующаго въ правит. Сенатѣ и при прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

Пожалованіе въ званіе къ высочайшему двору.

Декабря 5. Статскіе совѣтники, въ званіи камеръ-юнкеровъ, нижегородскій губернскій предводитель дворянства Николай

Шерметевъ, и членъ общаго присутствія комиссаріатскаго департамента морскаго министерства, *Петръ Ратмановъ*, — въ званіе камергеровъ. — Дѣвцы: княжна *Ольга Гагарина*, *Надежда Псатъева*, *Екатерина Рябишнина*, и *Анна Бибикова*, — во фрейлины къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ. Декабря 6. Выборгскій губернаторъ, баронъ *Казимиръ Котень*, въ званіе камергера. — Состоящій при Департаментѣ государственнаго казначества титулярный совѣтникъ *Дмитрій Резановъ*, въ званіе камеръ-юнкера.

НАГРАДЫ.

ПРОИЗВЕДЕННЫ:

ВЪ СТАТСКІЕ СОВѢТНИКИ.

За отличіе по службѣ: октября 26. Штабъ-докторъ 6-го пѣхотнаго корпуса, штабъ-лекаръ коллежскій совѣтникъ *Николшинъ*. *За выслугу лѣтъ:* коллежскіе совѣтники: октября 26. Департамента военныхъ поселеній начальникъ архива *Грузинъ*. Ноября 1. С. петербургскаго губернскаго правленія совѣтникъ *Карамышевъ*. Ноября 2. Странноприимнаго дома *Таранова-Бѣлозерова* попечитель *Руссетъ*. Ноября 5. Докторъ медицины и хирургія: Камсковоткинскаго заводскаго госпиталя старшій врачъ *Тучемскій* и Копьскаго уѣзда особый врачъ *Гельтель*. Доктора медицины: богоугодныхъ заведеній таганрогскаго приказа общества призрѣнія *Глезеръ*, Беллицкій старшій уѣздный врачъ *Юхневичъ*, Феодоссійскій городовой врачъ *Веймаръ* и съ правами службы врачъ въ помѣщицкѣмъ имѣніи въ Московскомъ уѣздѣ *Забіякинъ*. Ноября 11. Бывшій Орловскій вице-губернаторъ, въ званіи камеръ-юнкера, *Рѣдкинъ*. Московскаго губернскаго правленія совѣтникъ *Митусовъ*. Полтавской губернской комиссіи народнаго продовольствія непремѣнный членъ *Соколовскій*. Управляющій костромскою палатою государственныхъ имуществъ и директоръ тамошняго

дѣтскаго пріюта *Шиповъ*. Состоящій при департаментѣ министерства юстиціи *Каржавинъ*. Судья пермскаго совѣтнаго суда *Солодовниковъ*. Товарищъ председателя оренбургской палаты гражданскаго суда *Чирковъ*. Императорскихъ университетовъ ординарные профессора: Московскаго *Иноземцевъ*, Казанскаго *Горловъ*, *Фатеръ*, *Зининъ* и *Клаусъ*, Харьковскаго *Лапишинъ*, *Струве*, *Калениченко*, *Вишневскій*, и *Орнатскій*. Профессоры рижскаго лицея *Мурзакевичъ*, и *Левтеропуло*. Адъюнкты императорскаго казанскаго университета *Дмитревскій*. Ноября 16. Докторъ медицины: дивизионный докторъ 18-й пѣхотной дивизіи, *Кирибахъ*, полковой штабъ-лекаръ образцоваго кавалерійскаго полка *Завадскій-Краснопольскій*, состоящій при рижской крѣпости *Блюменталь*. — Предсѣдатель временнаго отдѣленія С. Петербургской управы благочинія *Аришевскій*. Ноября 19. Доктора медицины: ординаторъ С. Петербургской морской госпитали *Фольбортъ* и врачъ 1-го рабочаго экипажа *Франкъ*. Ноября 20. Саратовской палаты отдѣленія по заготовленію соли совѣтникъ *Кривскій*. Оберъ контролеры: департаментовъ: военныхъ отчетовъ *Щенсновичъ* и кораблестроительнаго *Ульскій*. — Ноября 22. Екатеринбургскій губернский прокуроръ *Головковъ* и исправляющій должность моголевскаго губернскаго прокурора *Найденовъ*. Чинovníкъ особыхъ порученій при министрѣ государственныхъ имуществъ, VI класса *Татариновъ*. Ноября 27. Втораго департамента министерства государственныхъ имуществъ начальникъ отдѣленія *Козачковскій*.

ПОЖАЛОВАНЫ КАВАЛЕРАМИ ОРДЕНОВЪ:

Алмазами украшенныхъ знаковъ св. апостола андрея перво-званнаго.

Декабря 5. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ *Блюдовъ*.

Св. благовернаго великаго князя Александра невскаго.

Октября 19. Тайный совѣтникъ, министръ, статсъ-секретарь Царства Польскаго *Туркуль*. Октября 25. Чрезвычайный К. I. — Отд. II

и полномочный посолъ Е. В. Императора Австрійскаго при дворѣ Е. И. В., графъ *Коллоредо-Вальзе*. Октября 28. Генералъ отъ артиллеріи, членъ генералъ-аудиторіата и управляющій Ракетнымъ заведеніемъ, *Козенъ*.

БЛАГО ОРЛА

Октября 31. Тайный совѣтникъ сенаторъ *Толстой*.

св. равноапостольнаго князя владимира 2-й степени.

Октября 19. Генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ *Литке 1*.

св. анны 1-й степени съ алмазами украшеніями.

Октября 18. Чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества короля Прускаго при дворѣ Е. И. В., генералъ-маіоръ *Розовъ*.

св. анны 1-й степени, украшеннаго императорскою короною,

Октября 19. Начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ *Квицискій*.—Начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ *Назимовъ 1*.

св. анны 1-й степени.

Октября 17. Генералъ-маіоръ, Нюландскій губернаторъ *Норденстамъ*. Октября 19. Командующій Запасною дивизіею 6-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ *Святогоръ-Штепиль*. Командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Шадейскій*. Командиръ 1-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ *Игнатъевъ 3*.

св. станислава 1-й степени.

Октября 19. Командиръ Дворянскаго полка, генералъ-маіоръ *Грессеръ*. Октября 25. Гетманъ молдавской милиціи, Бейзаде Дивитрій *Стурдза*.

св. равноапостольнаго князя владимира 3-й степени.

Сентября 5. Московскій оберъ-полиціимейстеръ свиты Е. И. В. генералъ-маіоръ *Аужинъ*. Октября 14. Генералъ-маіоры: коман-

диръ 1-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи *Крокъ*. Командиръ 1-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи *Фолтъ 2* и командиръ 15-й артиллерійской бригады *Рефельдъ*. Полковники, командиры Егерскихъ полковъ: *Люблинскаго*, *Липскій* и *Житомирскаго*, *Адлербергъ*, командиръ 13-й артиллерійской бригады *Мейеръ 2* и командиръ батареинной № 3 батареи 14-й артиллерійской бригады, *Остроградскій*.

св. владимира 4-й степени.

Сентября 20. Королевско-прусской службы, адъютантъ Его Высочества принца Августа Виртембергскаго, Ротмистръ *Кнебель*. Октября 14. Маіоры пѣхотныхъ полковъ: *Вольнскаго*, *Бимманъ 2* и *Модлинскаго*, *Брезгунъ*; Егерскихъ полковъ: *Литовскаго*, *Степановъ*, *Виленскаго*, *Кулешъ 2*, *Подольскаго*, *Лукашевичъ*; капитаны: старшій адъютантъ штаба 15-й пѣхотной дивизіи, Прагскаго пѣхотнаго полка *Антошевскій*, *Вольнскаго* пѣхотнаго полка *Милюковскій*, командиръ легкой № 3-го батареи 14-й артиллерійской бригады *Рюминъ* и командиръ легкой № 7-го батареи 15-й артиллерійской бригады *Самойловичъ*; штабъ-капитаны: Мнискаго пѣхотнаго полка: *Павленковъ* и *Алексъевъ*; Егерскихъ полковъ: *Житомирскаго*, *Поповъ*, *Люблинскаго*, *Коробцевъ* и поручики: адъютантъ начальника 15-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта *Гасфорта*, *Модлинскаго* пѣхотнаго полка *Пети д'Обюссонъ* и *Люблинскаго* егерскаго полка *Казначеевъ*, старшій лѣкарь 14-й артиллерійской бригады надворный совѣтникъ *Перцовъ*, полковые штабъ лекари, коллежскіе ассессоры: Мнискаго пѣхотнаго полка, *Зданкевичъ*, *Замосцаго* егерскаго полка *Казинъ*; исправляющіе должность полковыхъ штабъ лекарей, коллежскіе ассессоры: Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка *Лабунскій* и *Виленскаго* егерскаго полка *Ельницкій* и полковой штабъ лекарь Брестскаго пѣхотнаго полка *Александровъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ:

Октября 28. *Золотою*, съ надписью: «за полезное», для пошенія на шеѣ на Анненской лентѣ: вольный штурманъ Рос-

сійско-Американской Компаніи Василій Ивановъ. Ноября 26. Серебряною, съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ; состоящей по 3-й гильдіи купецъ Федоръ Рыкуновъ. Октября 24. Серебряною, съ надписью: «за полезное», для ношенія въ петлицѣ, на Владимирской лентѣ; торгующій въ Севастопольской губерніи помѣщичій крестьянинъ Василій Дубининъ.

Русская Словесность.

ВЕРНИСЬ ДУМА ЗАЛЕТНАЯ.

Ты ль, головушка беззаботная, призадумалась?
 Ты ли, душенька разудалая, пригорюнилась?
 Во груди моей ты ль, сердечушко молодецкое,
 Разгуляюся, расколился тяжкимъ молотомъ? .
 Дума, думушка прихотливая, разыгралась,
 Порасправила крылья сизыя, соколиныя,
 Понеслась она за гѣса — моря, за далекія,
 И взвилась ова во странѣ чужой и невиданной!
 Обольстила ты, поманила ты небылками,
 И проснулося сердце алчное, ненасытное,
 И исполнилось во груди моей, непокорное!...
 Иль съ собой носи меня, млодца прихотливаго:
 Очи ясные много плакали... не доплакали!

Иль вернись ко мнѣ, дума — думушка ты зае тная!
 Не кидай меня ты, сокровище, ты, завѣтное,
 Съ одногнѣздами, злыми, буйными, плотоядными,
 Со тоской, меня, со кручиною, одинокаго!

Казакъ В. Ауганскій.

=

ОЧАРОВАННАЯ СЛЕЗА.

Любовью легкой, безмятежной
 Я знался съ дѣвой молодой;
 Она жъ была съ такою вѣжной,
 Съ такою страстною душой.
 Но я цѣнилъ порывы страсти,
 За нихъ любилъ ее умою,
 И любовался милой власти
 Любви надъ милымъ существомъ.
 Походь!... Тоской, почти притворной —
 Какъ ужъ садиться на коней, —
 Стокнулся я съ тоскою черной
 И съ плачемъ дѣвицы моей.
 Одну изъ горькихъ слезъ прощанья
 Я поцѣлуемъ съ щечки снялъ —
 И той слезой — ея страданья,
 Ея любовь я перенялъ!...
 И съ той минуты страсть живая!...
 Пробился въ сердце тонкій ядъ,
 Пробилась капля роковая —
 И слезы на сердцѣ кипятъ!
 Я оцѣнилъ ее разлукой!...

Теперь проглянули глаза!
 Во мнѣ горитъ ужасной мукой
 Ея прощальная слеза!....

Баронъ Розень.

=

ДЕНЬ, НОЧЬ, УТРО И ПОЛДЕНЬ.

—

Есть въ полѣ могила
 Тиха, одинока...
 Двѣ ели густыя,
 Обнявшись какъ сестры,
 Склонились надъ нею.
 На ней нѣтъ ни камня,
 Ни надписи громкой,
 Съ пустыми словами.
 Лишь крестъ деревянный,
 Обвитый цвѣтами,
 Стоитъ на могилѣ,
 Отъ солнца укрывшись
 Подъ тѣнью прохладной.
 Девъ цѣлый могила
 Отъ всѣхъ въ отдаленнѣ,
 И всѣми забыта!
 Но только лишь станетъ
 Свѣтило дневное
 За горы сѣдыя,
 Съ улыбкой прощальной,
 Съ небесъ погружаться,
 И мѣсяцъ — красавецъ
 Изъ тучи проглянетъ, —
 Къ могилѣ забытой,

Стихотворенія.

Тропинкой обычной,
 Подъ бѣлымъ покровомъ,
 Тихонько приходитъ
 Дѣвица съ цвѣтами.
 Печально садится
 На край могилы,
 И слезы ручьями
 На землю сухую
 Изъ глазъ выпадаютъ.
 Но стоновъ не слышно,
 Не слышно и жалобъ,
 Какія, такъ часто,
 Въ минуты печали,
 Страданья и горя,
 Гнѣва Провидѣнью,
 Несчастный лепечетъ.
 Рукою дрожащей
 Поблещитъ розы
 Съ креста отрываетъ,
 И, сплетши изъ свѣжихъ
 Вѣнокъ погребальный,
 На крестъ деревянный
 Она надѣваетъ.
 Часы незамѣтно,
 Какъ будто минуты,
 Для бѣдной проходятъ;
 И утро нежданно,
 Съ улыбкой веселой,
 Льетъ радость и счастье,
 И утренній вѣтеръ,
 Рѣвывая и порхая,
 Въ порывѣ веселья
 Вадываетъ и трещлетъ
 Вѣнокъ погребальный!
 И бѣдная дѣва,
 Склонясь головою,
 Тропинкой знакомой
 Съ тоскою уходитъ!
 А путникъ усталый,
 Отъ зноя сгарая
 Въ томительный полдень,

Стихотворенія.

Спѣшить поскорѣе
 Подъ елью густою,
 На этой могилѣ,
 Въ прохладѣ тѣнистой,
 Отъ солнца укрыться.
 Потому, оставляя
 Свой отдыхъ отраднѣй,
 Рукою безпечной
 Изъ вѣнчика розу
 Безъ мысли срываетъ.
 Въ дорогѣ печальной,
 Въ степи безпредѣльной,
 Онъ, солнцемъ палимый,
 Могилу простую
 Съ прохладною тѣнью,
 Не разъ вспоминаетъ.

И. С. Максимовъ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ.

—

Нѣтъ, эти мгновенья я въ жизнь не забуду,
 И эту улыбку и рѣчь!
 Мнѣ должно хранить ихъ повсюду, повсюду,—
 Какъ перлъ моей жизни сберечь....

Она говорила—душа уносила
 Въ край дальній и сердцу родной:
 Все слушать душа бы, да слушать просилась—
 Но смолкъ дѣвы голосъ живой....

Людскихъ я не знаю обычныхъ уловокъ,
 Бѣгу я отъ свѣтскихъ цѣпей,
 И былъ передъ ней я такъ связанъ, неловокъ,
 Какъ не былъ никто изъ гостей...

Когда жъ разстался съ волшебницей милой,
 Не могъ отъ ней глазъ отвести,
 И какъ тяжело мнѣ, какъ горестно было
 Сказать—милый ангель, прости!

Какъ эти мгновенья полны обаянья!...
 Дамъ волю я свѣтлымъ мечтамъ:
 Живой вереницей летятъ воспоминанья...
 Я съ нею, я съ нею—я тамъ!

СТРАНСТВІЕ ПО ГЕРМАНИИ.

Разставшись съ моею Англичанкою * и какъ-то чувствуя ее отсутствіе, я не могъ тотчасъ приняться за серьезные размышленія о знаменитомъ Лейпцигѣ: мнѣ будто не доставало милой собесѣдницы! Чудное дѣло! Я ли не привыкъ къ умственному одиночеству, понявъ довольно рано, что отвлеченные судьбою новобранцы парнасскіе не должны прилпать къ міру, но имѣють принаровиться заблаговременно къ своему отречательному состоянію; что могучія, стремительныя сердца поэтовъ должны биться однехонько, потому-что только въ уединеніи, въ одиночествѣ чувствуютъ себя — безконечная любовь и теплая поэзія. Ужели хорошенькая сопутница, въ темного дней, поколебала мой стародавній отшельническій обычай? Признаться, она—первая женщина, продолжительнымъ собесѣдованіемъ которой я не скучалъ, не будучи влюбленъ въ собесѣдницу; а если сказать всю правду, то я скучалъ длиннымъ языкомъ и *тѣхъ*, которыхъ любилъ: бывало, уйду, чтобы о ней помечтать! *Не языкъ* главное орудіе женскаго краспорѣчія! Впервые, я теперь чую въ душѣ милый отголосокъ женскихъ рѣчей... и желалъ бы—бесѣды съ женщиною!

* См. *Путевый Романъ*, Барона Розена, въ IX книжкѣ С. О. 1847 г.

Явилась молодая кельнерша и собою напомнила мнѣ, что *лейпцигскія горничныя* воспиты благонравнымъ Шиллеромъ. Желая развѣдать, знаютъ ли онѣ сами о своей поэтической апоэозѣ, объ этой «прекрасной наивности», признанной за ними пѣвцемъ Орлеанской Дѣвы и Маріи Стюартъ, я вступилъ въ разговоръ съ милой кельнершею: *знаютъ*, и гордятся своимъ Шиллеромъ и, по такому почету, считаютъ себя на однихъ правахъ съ Марією Стюартъ и Орлеанскою Дѣвою. Надѣюсь, меня никто не осудитъ, что въ знаменитомъ Лейпцигѣ начинаю съ *горничныхъ*, между которыми застаю—Шиллера!

Извѣстное *Cedant arma togae* (подвиги войны уступаютъ подвигамъ гражданственности, наукъ и искусствъ и проч.) вездѣ, въ общемъ смыслѣ, можно признать аксіомою—вездѣ, кромѣ Лейпцига! Онъ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ лѣтописяхъ германской учености; но еслибъ онъ былъ даже родиною и резиденціей всѣхъ первостатейныхъ геніевъ германскихъ, то, и въ *такомъ* случаѣ, ученая важность Лейпцига исчезала бы передъ ратною славою окрестныхъ его полей—не потому, что на этихъ поляхъ происходили двѣ знаменитыя битвы—подобное случалось и въ другихъ мѣстахъ, въ теченіе вѣковъ.... Однако, не удивительно ли, что *двѣ* капитальныя битвы разыгрываются на однихъ и тѣхъ же поляхъ! Развѣ мѣръ земной тѣсенъ для ратныхъ дѣйствій исторіи? Или судьба имѣетъ и свои избранныя *мѣстности*, которыя любить она знаменовать двойкою и, часто, очень различною славою, какъ это бываетъ съ нѣкоторыми любимцами ея въ *людяхъ*! Упомянемъ сперва о двухъ подобныхъ случаяхъ, чтобы намъ можно было потомъ достойнѣе оцѣнить Лейпцигъ. Обширень мѣръ исторіи: куда, съ выпрененныхъ, опустится наша рѣющая мысль?

— На поля при *Каннахъ*!

Блестательнѣйшая побѣда рѣшена; кровь побѣжденныхъ льется столь обильно, что непримиримый врагъ Римлянъ, немилосердый Аннибалъ, наконецъ насытился римскою кровью, и тронулся, и возопилъ къ своему воинству: *Parce ferro!* (Уймите мечъ!) Чего же не доставало для знаменитости тѣхъ полей, гдѣ была одержана *такая* побѣда, и гдѣ изъ устъ желѣзнаго

Аннибала вырвалось *такое* слово, удивительнѣйшее самой побѣды? «Послѣ трагедіи бываетъ *фарсъ*», гласитъ французская поговорка—и сыграли этотъ фарсъ, черезъ двѣнадцать вѣковъ съ половиною, послѣ побѣды Аннибаловой—молодецкій, романтичeskій, истинно-*варяжскій* фарсъ, принесшій побѣдителямъ болѣе существенной пользы, чѣмъ принесла та классическая трагедія!

Варяжскіе выходцы изъ Нормандіи, въ видѣ паллигримовъ, сходили съ Альпійскихъ горъ въ Италію, и наконецъ собрались въ Кампанію, въ ватагу добрыхъ молодцевъ, и эта вольница разнымъ властителямъ служила наемнымъ войскомъ. Византійскій полководецъ обидѣлъ ихъ въ Сициліи, гдѣ они лучше всѣхъ разили Сарациновъ: онъ имъ ничего не удѣлил изъ добычи! Они почтительно жаловались устами толмача: бѣдный толмачъ былъ наказанъ бичемъ. Варяжскіе молодцы, снявъ на себя это безчестіе, смолчали до поры до времени, перебрались обратно въ Италію и возымѣли смѣлую мысль: отомстить Византійцамъ отнятіемъ у нихъ Апулію. Атаманомъ Варяговъ былъ Вильгельмъ-Желѣзная-Рука (старшій братъ столь знаменитаго впоследствии Роберта Гюскара.) Однако, добрыхъ варяжскихъ молодцевъ, при вторженіи въ Апулію, оказалось только семь-сотъ конниковъ и пять-сотъ человекъ пѣхоты, а Византійцевъ было *шестьдесятъ тысячъ*! Византійскій бирючъ (герольдъ), красуясь на гордомъ конѣ, передъ приунывшимъ строемъ варяжскимъ, горделиво давалъ имъ на выборъ: битву, или безчестіе? «Битву!» возопили благодушные варвары, и одинъ ихъ нихъ, чтобы отомстить за бичеваніе ихъ толмача въ Сициліи и притомъ не нарушать правила: пословъ и бирючей не бьютъ—единымъ ударомъ своего варяжскаго кулака убилъ до смерти ретиваго коня бирючева, и этимъ молодецествомъ и комическою фигурою шлепнувагося толмача ободрилъ войско своихъ единоплеменцевъ. Византійскаго бирюча посадили на клячу и отправили назадъ, и эта горсть Варяговъ одержала побѣду и губительно преслѣдовала имперское войско по каннскимъ полямъ, конечно не зная, какая эта классическая почва побѣды—и основала свое владѣтельство въ Апуліи.

Воротился опять во времена классическія, за полѣтка до Рождества Христова, подъ Диррахіумъ, пѣнѣ Дураццо.

Цезарь и Помпей препираются о владычествѣ надъ міромъ. Не взирая на прославленную *фортуна Цезаря*, можно сказать утвердительно, что геній Цезаря былъ всегда выше фортуны его. На оборотъ, способности Помпея, во всю жизнь его, были несомы слѣпою фортуною его, которой онъ былъ безпримѣрный баловень. Эта слѣпая фортуна, подъ Диррахіумомъ, выдавала ему головою и Цезаря, по одному изъ тѣхъ чудныхъ сѣбленій обстоятельствъ, которыхъ не можетъ предвидѣть и разсчитать никакой умъ человѣческой, и которыя свидѣлствуютъ въ пользу эпикуровой философіи, т. е. *случая*. Помпей, будто ошеломленный своимъ неожиданнымъ, внезапнымъ счастьемъ противъ великаго Цезаря, не сумѣлъ воспользоваться этимъ счастьемъ, истребить Цезаря, вмѣсто кровопролитнаго, но, въ послѣдствіяхъ, неважнаго пораженія. Тутъ фортуна уже покинула своего одурѣвшаго баловня, который являлъ все ничтожество свое на Фарсальскихъ поляхъ и послѣ этой битвы.

Тамъ, гдѣ Цезарь былъ выдаваемъ головою Помпею, напрасно прозванному «Великимъ»—въ тѣхъ же мѣстахъ, 18-го октября, въ *годозищну лейпцигской битвы*,—сражался Робертъ Гюскарь—уже герцогъ Апулійскій—съ византійскимъ императоромъ Алексіемъ I, Комненомъ. Главными силами огромной византійской арміи считалась скандинавская гвардія и нѣсколько тысячъ Турокъ, выпрошенныхъ у султана. Къ тому еще и флотъ венеціанскій поддерживалъ императора. Гюскарь имѣлъ только 15,000, большую часть которыхъ составляли нестройныя толпы Ломбардовъ и Калабрійцевъ. Въ этой крайней опасности, онъ созвалъ военный совѣтъ. Положено было сечь все свои суда и всю поклажу, чтобы содѣлать бѣгство невозможнымъ, а побѣду необходимою—и Гюскарь примолвилъ: «Отстоимъ же эти мѣста, какъ бы свою родину и свое родное кладбище!»—Малочисленное войско Нормановъ дрогнуло отъ стремительнаго натиска наемныхъ войскъ императора; Ломбарды и Калабрійцы дали тылъ и попали подъ метательный снарядъ Венеціанъ: бѣжать было не куда! Моментъ былъ

ужасный. Сражалась и герцогиня, супруга Гюскэра—Гапта. Раненая стрѣлою, она отставала свое мѣсто, подавая, какъ женщина, самый увѣщательный примѣръ мужества разстроившемуся войску, являясь достойною своего мужа, котораго богатырскій голосъ покрывалъ все поле битвы. Еще стояли твердо только 800 кавалеровъ. Они ударили на смѣлую скандинавскую гвардію; изрубили ее; опрокинули Турокъ; ударомъ копья раздробилъ шлемъ самого императора, и отъ одного шума и вѣтра этой грозной атаки развѣяло, какъ пухъ, всю прочую византійскую армію. Побѣда Нормановъ была такъ совершенна, что съ большимъ трудомъ спасся самъ императоръ, преслѣдуемый въ продолженіе двухъ сутокъ.

Мы объяснили по своему, чего хотѣла судьба повтореніемъ битвы при Каннахъ: послѣ ужасной трагедіи, разсѣшить насть богатырскимъ фарсомъ. Но какъ разгадать смыслъ повторенія битвы подъ Диррахіумомъ, гдѣ два Римлянина, два блестящѣйшіе героя древняго міра, спорили не о какой либо провинціи, но о владычествѣ надъ міромъ? Тутъ, въ этомъ повтореніи, очевидно, не было фарса! Была—развѣ *сатира*—серьезная правоучительная сатира на двухъ блестящѣйшихъ Римлянъ, въ особенности на Помпея. Цезарь, видя пораженіе своихъ легионовъ и постыдное бросаніе знаменъ, схватилъ на бѣгствѣ одного изъ своихъ высокихъ геркулесскихъ витязей, чтобы его остановить, и едва не погибъ отъ его руки. Цезарь отчаявался и, по словамъ Плутарха, провель ночь въ жестокомъ безпокойствѣ. Цезарь виновать за *слабую команду*, за то, что подъ его *личными* авенціями, оскрамлились и его римскій *Орель* и его галльскій *Жаворонокъ* (Цезарь имѣлъ тогда при себѣ составленный имъ изъ галльскихъ уроженцевъ легионъ *Жаворонокъ* legio Alaudarum). Дисциплина варяжская оказалась лучше Цезаревой! Положеніе Гюскара, на томъ же мѣстѣ, было несравненно хуже; а онъ не отчаявался; никто изъ его кавалеровъ не поднималъ на него руки; все увѣровало, что тѣ мѣста—имъ и родина, и кладбище! Чтò же касается до Помпея, то какъ не согласиться, что тутъ не только полудикій Варягъ, но и раненая *Эсена* его, на мѣстѣ Помпея, уничтожила бы великаго Цезаря!

Въ повтореніи же лейпцигской битвы мы не видимъ ни фарса, ни сатиры—однимъ словомъ ничего, могущаго быть доступнымъ юмору. Мы видимъ двѣ великія, патетическія, важнѣйшія послѣдствія битвы! Въ *объихъ*, съ одной стороны, непобѣжденный дотолѣ полководецъ проигрываетъ славу непобѣдимаго, спасая свою воинскую честь; проигрываетъ битву не своимъ противникамъ человѣческимъ, но высшей силѣ, вступившейся два раза, на однихъ и тѣхъ же поляхъ, за столь святое дѣло, каковы вѣротерпимость и политическая независимость народовъ отъ чужеземной власти. Счастливъ Лейпцигъ! Чтò значать временныя бѣдствія войны, если они оставляютъ по себѣ двойную вѣчную славу прекраснѣйшихъ побѣдъ человѣчества!...

Я выѣхалъ въ Гриммскія ворота осматривать поле битвы 1813 года. Было чрезвычайно жарко. Подлѣ дороги, вправо, видѣнъ монументъ на полянѣ, — песчаникъ, обсаженный деревьями: тамъ была табачная мельница Квандтова, квартира Наполеона $\frac{1}{2}$ октября. Зданіе тогда же исчезло въ бурѣ битвы; тотъ песчаникъ, безъ надписи, означаетъ послѣдній *отдыхъ* Наполеона, какъ выразился мой чичероне. Хорошо, что нѣтъ, *надписи*, что камень безмолвствуетъ: это мрачное безмолвіе лучше вразумляетъ нашему чувству невыразимое состояніе души Титана, который навѣрное *не отдыхалъ* на исходѣ безнадежной битвы съ богомъ сѣвера. Я сѣлъ на этомъ камнѣ. Влѣво Штетерницъ, вправо Конневицъ; прямо, насупротивъ — Пробстгейда: то была линия французскихъ войскъ. Я проникалъ мысленно въ душу Наполеона, въ этотъ чудный Тартаръ, богатѣйшій мрачными таинствами, нежели тѣ подземныя царства, куда сходили впазны древности. Въ самомъ дѣлѣ: ни въ какомъ Айдессѣ не дознаешься того, о чемъ могъ бы провѣщать Аннибалъ подлѣ Замоя, Баязетъ подлѣ Ангору, Наполеонъ подлѣ Лейпцигомъ, т. е. великій, дотолѣ непобѣжденный полководецъ—въ ту минуту, когда онъ сознаетъ себя покинутымъ своею фортуною! Я былъ еще отрокъ во время этой битвы; я вспомнилъ свою дѣтскую ненависть къ Наполеону. Теперь же, сидя на мѣстѣ, означенномъ развязкою его судьбы, сужу о немъ *иначе!* Явленіе Титана

лишь тогда бываетъ ненавистно и отвратительно—страшно, когда онъ, по видимому, преодолеваетъ высшія силы—когда онъ, какъ Тифонъ, вырѣзываетъ жилы у Юпитера. Но если Титанъ рождается для того, чтобы потрясти затерянное въ житейскихъ мелочахъ человѣчество; для того, чтобы напомнить, что въ человѣкѣ есть сила, могущая покорить міръ; для того, наконецъ, чтобы возстановить погибающую въ безумныхъ смутахъ вѣру въ единодержавіе, спасительность котораго всего понятнѣе въ лицѣ *genia*, на развалинахъ государства;—если Титанъ, когда дѣло его совершено и часть его настала, посреди своего всемогущества сорванъ съ своего всемірнаго престола однимъ дуновеніемъ Божиимъ, и какъ листъ, несомый вѣтромъ, переброшенъ за океанъ на пустынную скалу—то ужели столь дивный примѣръ мірокушительной и судьбою всего земнаго сокрушенной силы не искупилъ всѣхъ бѣдствія, необходимо связанныя съ явленіемъ его? Ужели можно не уважать памяти человѣка, столь великаго, что всемірная исторія, неумытно, хладнокровно обесуживая его дѣла, должна повторить слова восторженнаго Клебера, въ Египтѣ, по разбитіи Мустафы-Паши: «Наполеонъ, *ты великъ, какъ міръ!*»

Наполеономъ начинается *новѣйшая* исторія, въ истинномъ смыслѣ; 18-го брюмера кончилось трехвѣковое переходное состояніе, безпокойный эпилогъ къ среднимъ вѣкамъ, со времени Лютера.

Однако, вспомнимъ, что въ нынѣшнее время (въ 1838 году) девять десятыхъ читающей публики, въ нашемъ отечествѣ, согласно съ мнѣніемъ народнымъ, еще считаютъ Наполеона какимъ-то антихристомъ, среди пожара Москвы. Уважая сіе народное чувство, тѣмъ не менѣе радуемся, что у насъ Пушкинъ—первый заступился за мнимаго антихриста и замѣтилъ, почему мы, Русскіе, менѣе всѣхъ должны бранить Наполеона. Въ самомъ дѣлѣ, онъ стяжалъ огромнѣйшую славу будто бы только для того, чтобы проиграть ее въ борьбѣ съ гениемъ Россіи и ознаменоватъ Россію—всемирнымъ первенствомъ! Трофеи побѣжденнаго славятъ побѣдителя; *намъ принадлежатъ spolia opima* со славы Наполеоновои: они—ве-

яколѣпнѣйшее украшеніе Пантеона нашей исторіи! Для тѣхъ же, кто этии *сподіями* не разувѣрится въ антихристѣ, ради этихъ сподій не простить ему пожара Москвы, замѣтимъ еще одно: родился Наполеонъ въ Московскомъ Кремлѣ, въ семействѣ Царя Алексѣя Михайловича — онъ былъ бы по генію своему тотъ же Петръ Великій! Наоборотъ, будь нашъ *Петръ* на мѣстѣ Наполеона, — то же царственное самочувствіе, та же преобразовательная система для возрожденія и возвелченія своей земли, заставила бъ его пройти войною по враждебной къ нему Европѣ.

Отъ краснорѣчиваго песчанника поѣхалъ я въ Простгейду: то былъ самый жаркій пунктъ того жаркаго дня. Кромѣ нѣкоторыхъ ядеръ, симметрически вѣшленныхъ въ стѣны домовъ, нѣтъ никакого признака ужаснѣйшей въ исторіи битвы. Миръ идилии царствуетъ тамъ, гдѣ свирѣпствовала борьба полумилліона людей, при громѣ двухъ тысячъ орудій. Пышно и весело цвѣтетъ та же природа, которая, въ то время, была загромозжена разрывками человеческими и потоплена людскою кровью. Не зачѣмъ и грустить этой природѣ, остиенной столь отборною знаменитостью: она общее *сacro santo* народовъ! Она славою своею замѣняетъ падшимъ могильный сонъ на роднѣхъ! Здѣсь и русскія тѣни не тоскуютъ по отечествѣ, въ этихъ священныхъ мѣстахъ, гдѣ ликъ русскаго Царя преобразился въ лучахъ славы! — Сколько тутъ деревень, селеній, фермъ, составляющихъ живописный ландшафтъ! Укажи на любую группу жилищъ, и услышишь громкое имя! Но всего занимательнѣе *Госса*, гдѣ была поворотная точка битвы. Здѣсь личное мужество русскаго Царя остановило стремительный натискъ отчаяннаго Мюрата, уже рѣшавшій побѣду въ пользу Французовъ — и одинъ русскій гвардейскій полкъ (Лейбъ-Казачій), повернувъ вспять колесо фортуны наполеоновой, спасъ, въ эту минуту, Европу! Побѣда подъ Лейпцигомъ возвратила бы Наполеона подъ Смоленскъ и отмежевала бы Россію отъ Европы. Но религиозный умъ *Александра* постигъ, что лейпцигская битва не могла быть проиграна, отъ того, что не могло быть *ошибки* въ великой исторической драмѣ того времени и, вѣрно понявъ идею ея, онъ единымъ полкомъ смѣло остановилъ прорывъ побѣды

неприятельской... Какая чудная драма: первый актъ: день Бородинна! — блистательное взложеніе! Второй актъ: пожаръ Москвы — завязка! Третій актъ: бѣгство французской арміи и переправа черезъ Березину — предвѣстники катастрофы! Четвертый актъ: Лейпцигъ — катастрофа! Наконецъ, пятый актъ: взятіе Парижа и низложеніе Титана — развязка и конецъ драмы! Могла ли быть проиграна лейпцигская битва?

На обратномъ пути, я еще разъ остановился у песчанника Наполеонова. Отдавъ честь своимъ героямъ, удовлетворивъ чувству отечественному, можно уже было передаться чувству болѣе общпріому, сознанію міроваго генія, величіе котораго теперь, по мнѣваніи четверти вѣка, даже на лейпцигскихъ поляхъ затмеваетъ всякую другую современную славу. Чтѣ думать онъ на этомъ мѣстѣ, постигая, что часть его настала, что дивная звѣзда его померкаетъ? Вспомнилъ ли здѣсь о Лодѣ, Арколѣ, Риволи, о своей первой италійской компаніи, въ которую въ полномъ смыслѣ слова, совершалъ онъ чудеса, удивительнѣйшія всѣхъ его побѣдъ впоследствии? Ужели невообразимая геніальность, явленная особенно при Арколѣ и Риволи, не сказывалась здѣсь, гдѣ онъ, сосредоточивъ вокругъ себя свои еще довольно грозныя силы и устремляя ихъ на одинъ пунктъ, могъ бы, кажется, прорывомъ богатырскимъ сквозь линію союзниковъ разстроить ихъ войска? Въ крайней нуждѣ онъ, вѣроятно, прибѣгнулъ бы къ своей геніальности и спасся бы ею; но, имѣя открытую дорогу для отступленія и надѣясь отступить безъ значительной потери, онъ не захотѣлъ на рѣшительной ставкѣ рисковать всѣмъ, поступилъ какъ обыкновенный полководецъ — и все потерялъ! Замѣчательно, что выспренный геній, съ свойственной ему чудной стези сворачивая на путь обыкновенныхъ людей, будто лишается своей геніальности и впадаетъ въ грубыя ошибки: нужнѣйшее — мосты черезъ рѣкы — не было приготовлено для отступленія многочисленной арміи! Во Франціи же, обстоятельствами со всѣхъ сторонъ вѣсняемый въ свою геніальность, Наполеонъ опять удвлялъ міръ, какъ при Арколѣ и Риволи; но было уже поздно: судьба его рѣшена была подъ Лейпцигомъ! Исполнившему мѣру своей воинской славы присуждена была другого рода слава, на муче-

ническимъ утесъ Святыя Елены — двойная слава благодушнаго страстотерпца и величайшаго историка нашихъ временъ. Ужели для англійскихъ политиковъ нѣтъ *исторіи*? Ужели они не выразумѣли, что Наполеонъ, сѣвши *гостемъ* у очага альбионскихъ Пенатовъ, вызвалъ Англію на соперничество другаго рода, на прекрасную умственную борьбу, въ которой побѣдителя манила славнѣйшая пальма, пальма *безпыльная* — *dulcis sine pulvere palma* Горация? Эту пальму стяжала бы Англія, уваживъ неприкосновенность *гостя* — генія, отдавъ ему въ жилище замокъ, хоть на родинѣ Оссіана, и указавъ могилу въ Вестминстерѣ. Какъ горько, какъ невообразимо горько, по ошибкѣ, своихъ политиковъ, Англія лишилась этой пальмы, осудивъ своего великаго гостя на мученичество Прометея.

Сойдемъ постепенно отъ Наполеона къ будничной жизни.

Отъ звѣтнаго песчаника поѣхалъ я, черезъ городъ, въ противоположную сторону, на поле той битвы, въ которой графъ Тилли, въ 1631 году проигралъ Густаву-Адольфу славу непобѣдимаго. Меккернъ остался влѣво. Доѣхавъ до Линденталя, поворотилъ я вправо, къ усадьбѣ Брейтенфельдъ. На дорогѣ отъ этой усадьбы къ тѣмъ возвышеніямъ, гдѣ стояла артиллерія Тилли, видится небогатый, но довольно красивый монументъ, обсаженный соснами и липами: это памятникъ шведскому королю, но простою, но выразительною надписью: Глаза мои съ особеннымъ удовольствіемъ остановились на славномъ имени Густава-Адольфа, моего любимаго героя. Мало встрѣчается великихъ людей съ душою столь чистою и прекрасною, что относишься къ нимъ съ живою любовью сердца! Величіе героя лишь тогда является въ лучшемъ преобразеніи, когда оно дышетъ чисто-человѣческой любезностью и добродѣтелью! Ни отъ кого не навѣваетъ этии очарованіемъ въ большей степени, нежели отъ Густава-Адольфа! Сколько прелести, поэзіи, скромности и религіознаго смиренія — однимъ словомъ: сколько прекраснаго въ этомъ возвышенномъ характерѣ! Отъ побѣды надъ юною, романтическою страстью къ графинѣ Браге до побѣды надъ свирѣпымъ Тилли и до столкновенія съ грознымъ Валленштейномъ — вся жизнь царственнаго героя есть жемчужная нить бла-

городныхъ дѣлій. Привѣтливый образъ его останется навсегда идеаломъ достойнѣйшаго людей героизма!...

Вотъ боевая линия Тилли! Вотъ Подельвицъ, откуда идетъ шведское войско! Ходъ битвы извѣстенъ. Вотъ сосновая роша, мимо которой неслась конница Паппенгейма, опрокинутая и преслѣдуемая Баннеромъ! А вотъ лѣсокъ, близъ Малаго-Ведернга, гдѣ храбрые Валлоны, гнушаясь бѣгствомъ, умрала героими! За четыре мѣсяца передъ тѣмъ, побѣдоносный Тилли, по взятіи Магдебурга, доносилъ своему Государю, что со времени разрушенія Трои и Иерусалима, не было подобной *викторіи*. — а тутъ, послѣ 56 побѣдъ, онъ былъ разбитъ на голову и, трижды раненый, плакалъ при гибели Валлоновъ, спасавшихъ своего полководца прорывомъ сквозь непріятеля, между тѣмъ, какъ шведскій король преклонялъ колѣно на полѣ битвы и произносилъ: «Господи, благодарю Тебя за Твою побѣду!» Совѣстите, въ своей воспроизводительности, душевное состояніе обонхъ полководцевъ — и, покоясь въ центрѣ тяжести противоположныхъ ощущеній, вы сознаете въ одно время оба полюса нашего внутренняго міра! — Странное чувство!

Третья лейпцигская битва, также побѣда шведская и побѣда рѣшительная, менѣе извѣстна, потому-что не имѣла важныхъ послѣдствій тѣхъ обѣихъ битвъ. Одинадцать лѣтъ послѣ побѣды Густава, на тѣхъ же самыхъ поляхъ при Брейтенфельдѣ, только на оборотъ, т. е. помѣнявшисъ мѣстами съ непріятелемъ, Шведы, подъ начальствомъ Торстенсона, послѣ упорной драки, разбили Имперцевъ, предводимыхъ Эрнгердогомъ. Знаменитый послѣдствіи, Торстенсонъ, лучшій воспитанникъ военной школы Густава, замѣчательнѣе еще тѣмъ, что онъ, безногий отъ подагры, всѣхъ воителей превосходилъ *быстротою* и побѣждалъ съ своихъ носилокъ. Это напоминаетъ Евмена, бывшаго царедворца Александра Великаго. Услышавъ о болѣзни Евмена, соперникъ его, Антигонъ, вздумалъ уничтожить войско его. Пораженный прекрасною диспозиціею непріятеля, онъ, увидѣвъ носилки, даущія по фронту, воскликнулъ: «Посмотрите, какъ носилки выстраиваютъ боевой порядокъ противъ насъ!» и подалъ сигналъ къ отступленію, убоясь Евмена и *на носилкахъ!*

К. I. — Отд. III.

Знойный день оканчивался прекраснѣйшимъ вечеромъ; надъ роскошною зеленою раскинулась пурпурная заря; воздухъ былъ растворенъ пріятнымъ запахомъ полевой дытлыны; природа дышала юною полнотою жизни; душа моя, утомленная отъ столькихъ сильныхъ впечатлѣній, отдыхала въ восхитительной свѣжести вечера.

Послѣ битвенныхъ полей, всего интереснѣе для меня въ Лейпцигѣ былъ погребъ *Аурбаха*, увѣковѣченный одною забавною сценою въ Фаустѣ Гетевомъ: шуткою Мефистофеля надъ гуляками. Преданіе—и старинная тамъ картина: докторъ Фаустъ, выѣзжающій на бочкѣ вина изъ погреба, къ изумленію и ужасу присутствующихъ—подали мысль къ этой сценѣ. Какъ то пріятно было завтракать въ столъ классическомъ подвалѣ, куда заглядываютъ потомки Фроша, Брандера и прочихъ, сожалѣя, что нѣтъ уже чудодѣйнаго бурава Мефистофелева.

Я отправился въ Карлсбадъ. Въ Цвиккау, мы съѣхались, около полуночи, съ дрезденскимъ дилижансомъ. При подобныхъ сѣздахъ бываетъ большая суматоха: переборка вещей и разиѣшеніе по каретамъ, плущимъ въ разныя стороны. Случается, что разѣдешься съ своимъ чемоданомъ, если не имѣешь бдительнаго за нимъ надзора — и это довольно трудно, если переборка происходитъ не на томъ дворѣ, гдѣ отведена пассажирская комната. — Мѣста около Эйбенштока и Вильденталя пѣняли меня своимъ дикимъ, смѣлымъ романтизмомъ. Въ Гиршенштадтѣ, австрійская таможня задержала насъ около двухъ часовъ, но обошлась съ нами весьма снисходительно — потому что мы ѣхали въ *Карлсбадъ*: правительство предписываетъ всевозможное снисхожденіе къ недужнымъ, ищущимъ исцѣленія на богемскихъ минеральныхъ водахъ. Чемоданы отпускаются, какъ военно-плѣнные, на честное слово. Не за долго передъ тѣмъ я читалъ «Темницы» Сильвіо Пеллико, изданный въ Парижѣ съ примѣчаніями и Марончелли, и мнѣ захотѣлось самому убѣдиться въ австрійской аккуратности. Наскромный, къ каждому изъ насъ обращаемый, вопросъ: нѣтъ ли чего-нибудь, подлежащаго платежу пошлины? я отозвался, что имѣю нюхательнаго табачку два лота, купленные въ королевско-саксонскихъ владѣніяхъ. Попросили предъявить и взвѣсили

corpus delicti (пошлиное): не оказалось, противъ моего показанія, нѣсколькихъ золотниковъ, уже издержанныхъ мною. Пошлины не взяли за такую бездѣлицу, но она съ изумительною точностью была отмѣчена на моемъ билетѣ для пропуска.

Насъ было столько *купальныхъ гостей* (*Badegäste*), что мы первую имперскую станцію привели въ крайнее затрудненіе: не доставало каретъ. Кое-какъ разѣлись мы по оригинальнымъ разнаго рода повозкамъ, и покатили въ Карлсбадъ. Прекрасное мѣстоположеніе! Городъ извивается по ущелью, стѣсняемому высокими живописными горами, покрытыми лѣсомъ. Види́ются и на склонахъ и на самомъ теменн горъ нарядные домики и роскошныя дачи. Мы прибыли не въ одно время, но отдѣльными партіями, по неволѣ соображаясь съ силами нашихъ почтовыхъ клячъ, измученныхъ чрезмѣрно частою ѣздою, въ это время года. Однако, не взирая на бѣдность нѣкоторыхъ экипажей, каждой партіи отдавали полную пріветственную честь прогую на трубахъ съ какой-то башни, или бельведера. Въ этихъ перекатныхъ звукахъ было что-то ликующее, живо рисующее радушнаго, хлопотливаго кельпера, при входѣ множества пассажировъ въ гостиницу его. — Въ одной книжной лавкѣ, я нечаянно познакомился со знаменитымъ Славянскимъ чешскимъ, Шафарикомъ. Онъ говоритъ по-нѣмецки съ какою-то принужденіемъ и очень медленно. Я видѣлъ его мелькомъ и только почувля, что онъ такъ и благоухаетъ славянщиною: это вочеловѣчившійся Радегастъ! Видно, могущественна его сила притяженія, когда, въ нѣсколько мѣсяцевъ, при немъ, одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ совершенно *очеловѣлся*, воображая, что онъ этимъ достигнулъ высшей степени славянства, содѣлался эпонтомъ этихъ мистерій. Что же касается до меня, то я радуюсь всѣмъ славянскимъ розысканіямъ, но мнѣ довольно святой Руси!

Я былъ и въ *Стрпльковомъ домѣ*, гдѣ хранится память о Петрѣ Великомъ.

Не нашедъ искомага въ Карлсбадѣ больнаго сослуживца, я отправился искать его въ Эгерѣ и въ Франценсбадѣ. Его и тамъ не было. Въ Эгерѣ посѣтилъ я древній замокъ, — почтенную развалину! Я видѣлъ стѣны той залы, гдѣ Бутлеръ, ко-

мендантъ эгерскій, давалъ тотъ вечерній пирь, на которомъ вѣроломно убили вѣрныхъ друзей Валленштейна—25-го февраля 1634 года. Я еще возвращусь къ этому замку, поговоривъ сперва о Валленштейнѣ. Повели *насъ* (я былъ не одинъ) въ *Городской Домъ—Stadthaus*—жилище бургомистра, и показали намъ комнату, гдѣ былъ убитъ знаменитый герцогъ Фридрихландскій. За нѣсколько лѣтъ тому, этотъ покой былъ еще въ старинномъ видѣ; но подновленіе содрало тогдашнія обои, выпесло мебель того вѣка и смыло кровь Валленштейнову! Ея уже не видать, къ досадѣ всѣхъ любителей странности, т. е. Англичанъ. Оттуда пошли мы въ ратушу, гдѣ находится портретъ Валленштейна, по убіенію его найденный въ его вещахъ, свернутый въ свитокъ. Истинно-рыцарская, строгая, почти суровая фізіономія, съ выраженіемъ твердости и силы воли. Но въ глубокомъ взглядѣ его нѣтъ ничего *коварнаго*: онъ этимъ взглядомъ протестуетъ противъ незаконности торопливаго, кроваваго надъ нимъ суда четырехъ частныхъ лицъ—двухъ Шотландцевъ и двухъ Ирландцевъ, добротныхъ рабовъ малодушныхъ его непріятелей. Всѣ исторіи Валленштейна признаютъ весьма сомнительными свидѣтельства враговъ его объ пзмѣнѣ герцога. *Аристъ* говоритъ: «Именно потому, что Валленштейнъ, въ своей великой душѣ, предавался весь своимъ предположеніямъ, ничтожные человѣчки могли перехитрить его и зарѣзать. Но до какой степени созрѣли и куда стремились эти предположенія, могущія быть объясняемы столько же въ пользу своего отечества, сколько и *противъ* него, все это сокрыта та почъ, которая видѣла убіеніе его!» Такъ какъ доселѣ не предъявлено ни одного несомнѣннаго доказательства въ пзмѣнѣ Валленштейна, и все дѣло сокрыто тайною, мы должны, болѣе вѣрить этому ясному взгляду героя, нежели свидѣтельству его убійць, устранившихъ суда исторіи.—Зарѣзанные приверженцы Валленштейна не удовольствовались психологическимъ протестомъ во взглядѣ ихъ патрона: тѣни ихъ выгнали изъ замка людей. Привидѣнія начали въ немъ являться со времени убіенія Илло, Терцакаго, Кискаго и Неймана! Достоверно, что послѣ того, ни одинъ бургграфъ не смѣлъ жить въ замкѣ, который опустѣлъ и сталъ распадаться. Не знаю, въ *замкѣ* ли,

или въ *совѣсти* бургграфовъ являлись призраки, но событіе столь странное невольно возбуждаетъ размышленія.

Въ ратушѣ, въ той же комнатѣ, гдѣ и портретъ Валленштейна, поставлены и мечъ его огромный и бердышъ, которыми онъ убитъ. Я замѣтилъ нашему чичероне, что бердышъ такъ тупъ, что едва ли могъ пронзить грудь героя. «Заострока нѣтъ!» отвѣчалъ онъ: «Какой-то Англичанинъ хотѣлъ купить и мечъ и бердышъ, но такъ какъ они не продаются, то подкупилъ онъ одного служителя при ратушѣ, который и отпиллъ для него заострокъ этого бердыша, вшившійся въ грудь Валленштейна!»

У воротъ эгерскаго замка сошелся я съ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ около 25, и молоденькою красавицею, пмѣвшими тоже, какъ и я, намѣреніе осмотрѣть замокъ. Обращеніе ихъ показывало, что они—не супруги, а братъ и сестра. Кромѣ того, юная Агнесса была слишкомъ нѣжна и дѣвственна для *замужней*: она такъ и дышала дѣвственною фіалкою. Она привлекла мое вниманіе одною прекрасною особенностью, которой я дотолѣ не находилъ и даже не воображалъ въ мірѣ существованіемъ! Я думалъ, что *золотой волосъ* имѣется только въ мечтахъ поэтовъ, на главѣ Минервы и въ кодексѣ вѣжливости и условій общественныхъ, т. е. что это евфемизмъ относительно *блѣкурыхъ* и *рыжихъ* волосъ; но у Агнессы волосъ, *дѣйствительно золотого цвѣта*, въ пышныхъ локонахъ ниспадавъ, до плечъ; прелестное личико цвѣло первымъ нѣжнымъ блескомъ юности; васильковыя глазки глядѣли такъ просто-душно и на незнакомца. Прежде, чѣмъ мы изъ нижней церкви замка взошли въ верхнюю, мы уже обходились безъ церемоній. Братъ былъ немножко трусливъ: пныя лѣстницы и переходы дѣйствительно казались опасными, и чичероне, вѣроятно, пзъ вѣжливости, уклонялся отъ чести быть корифеемъ и уступалъ ее мнѣ. За мною Агнесса, потомъ чичероне, а братъ ея—послѣдній.—Оставалось подняться на чердакъ, по лѣстницѣ узкой, крутой и довольно ветхой. Я пустилъ Агнессу впередъ, чтобы *мнѣ* можно было ее поддержать, если она оступится, или отломокъ плиты отшатнется подъ ея легкою стопою. Она было пошла, но вдругъ вернулась со второй или третьей ступ-

пени, будто чего-то испугалась, и, обратясь ко мнѣ, сказала: «Идите вы вперед!» Безъ страха она слѣдовала за мною, и мы очутились одни на чердакѣ: братъ ея внизу еще совѣщается съ своею трусостью и съ проводникомъ, подняться ему, или нѣтъ? Прежде, чѣмъ голова ея показалась изъ подполья, я успѣлъ насмотрѣться на златовласую Минервиночку и схватить надъ ея головкою поэтическую мысль, которую я въ тотъ же день и изложилъ въ стихахъ. Помните ли вы прекрасную эпиграмму Сафо, на смерть помолвленной невѣсты, могла ли которой всѣ молодя дѣвѣцы приносить въ даръ свои отрѣзанные локоны? Еслибы Агнессъ довелось принести такую же жертву, я похитилъ бы ея золотой локошъ, какъ свидѣтельство, что я не во снѣ видѣлъ златовласую красавицу.... но кончика съ историческаго бердыша я бѣ ии за что не отпилить!

Въ Мариенбадѣ, наконецъ, нашелъ я искомаго товарища. Городокъ выстроенъ на южной сторонѣ отлогаго трехугольнаго дола, окруженнаго лѣпестымъ, довольно значительнымъ высотами. Здѣсь нѣтъ разнообразной романтики Карлсбада, но за то взоръ имѣетъ выходъ изъ ушей—а это весьма важно, въ психологическомъ отношеніи. Окруженный, въ небольшомъ пространствѣ, цѣною горъ, подумаешь напоследокъ, что ты запертъ въ темницѣ, и въ этомъ не разувѣрить тебя и высокій сводъ ея—голубой небосводъ! Не этотъ ли самый сводъ сгибался и надъ страшною *Латомією* спракусскою, гдѣ лучше хотѣлъ томиться прямодушный поэтъ Филоксенъ, чѣмъ хвалить и даже слушать плохіе стихи тирана Діонисія, читаемые ему самимъ авторомъ, и гдѣ злополучный полководецъ аонійскій Никіасъ погибъ со многими соотечественниками? Но отомкните цѣнь горъ, пораздвиньте ее на столько, чтобы взоръ и мечта имѣли свободный выходъ въ синюю дальземную, а потомъ, хоть сотрите съ лица земли весь этотъ городокъ—и любитель уединенія охотно поставитъ тутъ свои отшельническія сѣни и, при возможности выходить, не выйдетъ изъ тѣснаго дола. Ограждаемый горами отъ бурь трехъ холодныхъ странъ свѣта, обращенный къ солнцу, къ теплотѣ и волѣ, усталый путникъ земной охотно засидится въ столь удобномъ убѣжищѣ.

Однако мы не засидѣлись: маріенбадскія воды оказались намъ вредными. Черезъ Эгеръ, Байрейтъ, Бамбергъ et caetera прибыли мы въ Киссингенъ, гдѣ обѣдали съ тремя пассажирами сторѣвшаго парохода: княземъ Вяземскимъ, княгинею Ш** и графинею П***. Чрезвычайно занимателенъ, былъ разговоръ подвергавшихся этому двухстихіиному покушенію на жизнь человѣческую. Я замѣтилъ князю Вяземскому, что на немъ лежитъ обязанность описать поэтически эту катастрофу: онъ находился въ болѣе опасной, нежели Горациі у Палпурова мыса и Камозенъ при устьѣ рѣки Макона. Ужели поэты не тонуть на воду, когда нѣтъ воды въ ихъ стихахъ? Ахъ, утонулъ же гениальный Шеллей!...

Мы пустились въ дальнѣйшій путь и, черезъ Брюкенау и Ганнау, пріѣхали въ Франкфуртъ-на-Майнѣ. Я успѣлъ ознакомиться съ бывшимъ вѣнчалнымъ городомъ римскихъ императоровъ, съ резиденціею Германскаго Сейма. Но оба эти титла, —какъ минувшее, Наполеономъ пресѣченное, такъ и нынѣ еще существующее—*сказуемыя* что-то не придаютъ блеску своему *подлежащему*! Классическая мантия одного изъ согражданъ этого *подлежащаго* затмѣваетъ пурпуръ средневѣковой *Mumtenschanz*. Самое любопытное для меня во Франкфуртѣ, несравненно любопытнѣе, чѣмъ ратуша *Römer* съ своими заплѣснѣвшими древностями—былъ домъ, въ которомъ родился Гёте и прожилъ первую юность свою въ благоприятныхъ обстоятельствахъ, способствовавшихъ ко всестороннему развитію этого гения. Когда въ Гамбургѣ любой мальчикъ на улицѣ укажетъ жилище Клопштока, то—думалъ я—съ болѣе еще правомъ должно быть такъ и во Франкфуртѣ, относительно Гете. Велико же было мое удивленіе, когда изъ осьми до десяти хорошо одѣтыхъ людей, къ которымъ я, отъ времени до времени, обращался на улицѣ, и которые всѣ называли себя уроженцами Франкфурта, ни одинъ изъ нихъ не могъ услужить мнѣ желаемымъ свѣдѣніемъ. Хорошо! прекрасно! Поднеси своему великому согражданину золотой вѣнецъ, и не знаютъ, гдѣ его родительскія сѣни! Я принужденъ былъ, бродя по улицамъ, рыться въ своихъ воспоминаніяхъ объ автобіографіи Гетевой—и вырылъ *Большой Олений Ровъ* (den grossen Hirschgraben);

велѣлъ вести себя въ такъ называемую уллицу, а тамъ уже первый чернорабочій удовлетворилъ моему любопытству.

Домъ каменный, желтаго цвѣта, въ три этажа и съ двухъ-яруснымъ фронтономъ. Входъ съ уллицы, на середипѣ; по три окна съ обѣихъ сторонъ; мѣсто надъ дверью прибавляетъ по окну въ слѣдующихъ этажахъ; второй этажъ небольшой выпускъ надъ первымъ, а третій такой же выпускъ надъ вторымъ этажемъ—старинный видъ съ того времени, какъ домъ этотъ былъ перестроенъ отцемъ нашего Гёте. Мелкія подробности простительны, когда относятся къ мѣсту, ознаменованному рожденіемъ такого универсальнаго генія. Гетевскій домъ принадлежитъ нынѣ г-жѣ фонъ-Рессингъ. Сначала, она была нѣсколько суха, отзываясь, что каждый день являются къ ней любопытные путешественники, по большей части Англичане, и что, къ сожалѣнію, не всегда есть время показывать домъ этимъ господамъ. Я отвѣчалъ, что она, безъ сомнѣнія, съ перваго взгляда, различаетъ любопытство обыкновенныхъ туристовъ, знающихъ Гёте только по наслышкѣ, отъ благоговѣнія тѣхъ дальнихъ странниковъ, которые приходятъ посмотреть на колыбель всемірнаго генія, и что она, конечно симъ послѣднимъ благоволитъ назначить день и часъ, для вступленія въ святилище. Ласково улыбнулась жрица святилища и пустилась въ веледѣчивые о немъ рассказы. Одинъ изъ этихъ рассказовъ довольно занимателенъ. У нея въ домѣ были старинные стѣнные часы, не включенные въ списокъ вещамъ Гетевскимъ, съ которыми она покупала домъ. Является къ ней незнакомецъ съ предложеніемъ: продать ему эти часы. «Вы, можетъ быть, думаете, что это—часы гетевскіе?» отвѣчаетъ хозяйка: «нѣтъ, я не хочу васъ обманывать». — Чѣмъ бы они ни были, мнѣ нужны часы!—Хозяйка назначаетъ хорошую, но не слишкомъ высокую цѣну. Покупатель тотчасъ соглашается и отдаетъ деньги. «Представьте же себѣ мою досаду, когда узнаю изъ газетъ, что король баварскій, въ день рожденія Гёте, подарилъ ему стѣнные часы его родителей, прибрѣтенные Его Величествомъ отъ меня. Какъ досадно, что чужіе болѣе знали въ моемъ домѣ, чѣмъ я сама! Я или безмездно

уступила бы часы, или назначила бы цѣну, болѣе сообразную съ стоимостью такой заветной вещи.»

Сама хозяйка показывали мнѣ домъ. Внутреннія лѣстницы по этажамъ и нѣсколько шкафовъ относятся еще ко временамъ Гётевскимъ, все прочее обновлено. Всего долѣе оставался я въ бывшемъ кабинетѣ Гётевомъ: онъ не великъ, въ три небольшихъ окна на дворъ; передъ окнами сумрачная стѣна; на ней старинный желѣзный пѣтухъ, служащій флюгеромъ.—Этотъ пѣтухъ, сказалъ я г-жѣ фонъ-Рессингъ, былъ повпальщикомъ Вертера и Гёца, т. е., на этомъ пѣтухѣ, вѣроятно, останавливались задумчивые взоры Гёте, когда онъ сочинялъ Вертера и Гёца! Здѣсь юная царица музъ германскихъ, какъ величественная домовница древности—какъ Пенелопа, или Каія, вытыкала свои плѣнительные узоры! Въ этой тѣсной кельѣ открылась юному Гёте драгоценная истина, которой онъ былъ обязанъ тѣмъ, что содѣялся Гёте!

Какая же эта истина?

Та, что человѣкъ вообще, а художникъ въ особенности, отъ раннихъ лѣтъ долженъ держать свою душу кругомъ открытою, для прямого отовсюду на нее вліянія вѣшняго міра, всасывать въ себя природу всѣми чувствами, которыя всѣ, такимъ путемъ, достигаютъ возвышенной тонкости, чистой впечатлительности, и становятся всѣ—носителями изящнаго. Тогда въ одно время и въ равной степени и согласно между собою развиваются всѣ силы и способности человѣка, и рано принятая имъ міровая матерія (Weltstoff), приуподобившись его существу, образовывается въ человѣкѣ по тѣмъ же законамъ динамики и столь же гармонически, какъ и вѣшній міръ. Но остается ли эта совершенная гармонія нашего микрокосма, когда имъ, въ теченіе жизни, управляетъ человѣкъ несовершенный—хотя и геній, и самый могучій, первоклассный геній? Всякое могущество человеческое, въ сознаніи избытка своихъ силъ, легко уклоняется отъ вѣчныхъ постановленій! Здѣсь, въ органическомъ развитіи того же умственного процесса, юному Гёте открылась другая великая истина, что образовательная, исполнительная сила въ человѣкѣ—а подавно, если она такой мощный, универсальный геній—должна быть подчинена другой

въ челоѣкѣ силѣ: отрицательной, условливающей опредѣлительности, безъ которой талантъ разбился бы въ дребезги о зенные камни преткновенія, а гений могъ бы утонуть въ своей неограниченной общности. Вызнавъ свойство своего гениа, Гёте безусловно подчинилъ его этой отрицательной силѣ, которая зовется умъ.... Онъ бесплодный евнухъ, ничего не производящій самъ, но урожденный властитель—великій лама, чуждающійся всякаго пристрастія. всякаго частнаго отношенія, и тѣмъ способнѣйшій вѣдать цѣлое, быть легіархомъ нашего духовнаго міра. Въ наше время, всего нужнѣе этотъ отрицательный легіархъ, когда искусство, по страсти къ новизнѣ, далеко заплуталось и ищетъ пизначнаго—во всякой нечистотѣ! Въ Гёте, этотъ умъ, всегда свѣтлый и сильный строгимъ исполненіемъ своей законодательной обязанности, прославился еще тѣмъ, что бережливый имъ гений пребывалъ свѣжъ и плодороденъ до глубокой старости и на самомъ исходѣ жизни могъ еще создать вторую часть испанскаго Фауста. Чтѣ ни говорите, а гений, пережившій себя, подобенъ развѣчанному властителю, и становится предметомъ нашего состраданія... Хорошо, что Шекспиръ скрылся для исторіи на своей темной родинѣ.

Гёте сказалъ о Платонѣ, что онъ относится къ намъ, какъ блаженный духъ, которому угодно гостить у насъ нѣсколько времени, не столько для того, чтобъ извѣдать міръ, сколько для наполненія міра своимъ существомъ.—По этому опредѣленію, Гёте—діаметральная противоположность Платону! Гёте съ полнымъ самоотверженіемъ прикипалъ природу, чтобы вмѣстить ее въ себя и чисто отражать въ своемъ гениі, чтобы доказывать, какъ она плѣнительна въ своемъ идеалѣ—и потому ни въ одномъ писателѣ нѣтъ столько прекрасной природы, столько чистѣйшаго вкуса, столько восхитительной граціи, сколько въ Гёте. Въ своихъ произведеніяхъ онъ создалъ для насъ Перикловы Аѣны, рошу Академическую, недоступную для сѣкеры Силлы и открытую для всякаго любознательнаго челоѣка, или художника. Оттуда никто не возвратится домой безъ богатаго запаса познаній, безъ глубокой любви къ природѣ, безъ очищенныхъ понятій, о мірѣ и искусствѣ. Въ этомъ сра-

женіи съ Аѣнами есть болѣе правды, нежели, быть можетъ, покажется съ перваго взгляда: все то, чему можно было учиться только въ Аѣнахъ и что дѣлало ихъ единственными въ мірѣ—то самое отражается въ твореніяхъ Гёте! Никакая академія не замѣнитъ его школы. Если бы въ самое Оулесское царство проникли сочиненія Гёте, то, въ короткое время, подъ исключительнымъ ихъ влияніемъ, и въ той глуши развился бы вкусъ эстетическій, чистѣйшій, чѣмъ парижскій,—и воспитанный гениемъ великаго Германца, житель Оулесскій, страствующій подъ небомъ Италіи, понялъ бы антику съ перваго взгляда, находя въ мраморномъ изображеніи то самое, что представлялось его воображенію въ мірѣ Гётевомъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ духъ людской далъ природѣ разводную и женился на идель, никто не чувствовалъ такъ глубоко разрыва милой связи, отъ которой простекало столько прекраснаго; ни одинъ художникъ не сближался опять съ природою до такой степени, какъ Гёте, не оказывалъ столь важной услуги искусству и челоѣчеству, если конечною цѣлію нашего умственнаго развитія должно быть полное согласіе духа съ природою. Такое съ нею сближеніе было возможно не иначе, какъ посредствомъ той важной истины житейской и художественной, о которой мы выше говорили; ей же обязанъ Гёте и конечнымъ образованіемъ художническимъ — и кто же можетъ быть руководителемъ поклонникамъ музъ лучше того, кто, изъ новѣйшихъ, одинъ донынѣ достигнулъ высшаго художническаго образованія. Въ Шекспирѣ, первомъ изъ всѣхъ гениевъ, по дарованію, не было бы столько взлншняго, еслибъ онъ пробылъ до гармоніи Гётевской! По этому и Шекспиръ не можетъ состязаться съ Гёте, когда рѣчь идетъ объ избраніи верховнаго образователя художниковъ. Любопытно, что это право на званіе оберъ-профессора, право, столь понятное изъ сочиненій Гёте—по крайней мѣрѣ, столь ясное для меня—подтверждается и вещественнымъ знаменіемъ, т. е. числомъ лѣтъ земнаго его существованія, равнымъ времени круговращенія крайней планеты—и такой благодарный почитатель Гёте, какъ я, первый и долженъ былъ замѣтить эту стран-

ность, высказанную мною въ антологическомъ стихотвореніи:
Уранъ:

• Въ восемьдесятъ три года свершитель планетной системы —
Уранъ—свой путь круговой сводитъ въ послѣдней дали:
Ровно столько же лѣтъ жилъ Гёте, Уранъ поэтовъ —
Знать назначенье свое старецъ вполне совершилъ! *

Послѣ *античнаго* Гёте, очень было бы кстати замолвить слово о Бетланскомъ музеѣ, въ особенности объ «Ариаднѣ» Даннекера. Нѣтъ! не дохавъ еще до Итали, незнакомый еще съ тамошними антиками, не позволю себѣ серьезнаго критическаго сужденія объ этой знаменитой Ариаднѣ! Но, какъ *поэтъ*, я не такъ застѣнчивъ, и безъ зазрѣнія, посвятилъ нѣвѣстѣ Бахуса лирическую піесу, стихи которой, по большей части, сочились сами собою передъ Ариадною—піесу, столь пламенную, что безъ значительной передѣлки, едва ли рѣшусь ее напечатать. Охотно передѣлываю написанное мною, но—впервые—миѣ какъ-то жалъ наложить руку на *эти* стихи, на этихъ шумныхъ и жизнью полныхъ вакхантовъ, ликующихъ около Ариадны и машущихъ своими тирсами. Выберу однако изъ нихъ, изъ скромнѣйшихъ, небольшой отрядъ и пошлю его рекогноспировать расположеніе нашей публики:

Въ раю искусства не было плода
Запретнаго сознанья и стыла:
Тамъ человекъ, невинный, безгрѣховный,
Не вѣдаетъ, не видитъ наготы....
Художнику не нуженъ листъ смоковный
Для совершенной, чистой красоты.

На вечерникѣ у нашего посланника встрѣтился я съ бывшею знаменитою пѣвицею, нынѣ графинею. Послѣ того, какъ

* Новѣйшее открытіе *Нептуна*, обращеніе котораго вокругъ солнца, по времени, слишкомъ несообразно съ вѣкомъ людскимъ, да не будетъ намъ помѣхою: мы считаемъ Нептуна передовымъ пограничнымъ постомъ Урановымъ—и останемся при величественномъ Уранѣ. (Позднѣйшее примѣчаніе автора.)

была она въ Петербургѣ, я видѣлъ ее въ первый разъ. Тому прошло лѣтъ шесть; но она все еще очень мила. Она возбудила въ моей душѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ воспоминаній... Въ одно изъ представленій, въ которыя она пѣла, я сидѣлъ подлѣ Дельвига, и мы изъ очаровательныхъ устъ ея, слушали его: «Соловей мой, соловей...» Онъ прослушалъ свою пѣсню съ античнымъ спокойствіемъ, между тѣмъ, какъ я, полный по горло этими сладостно-даушительными звуками, долженъ былъ, по окончаніи пѣсни, оставить театръ, чтобы сердце не треснуло.... Правда, я въ то время страдалъ нервами — и это весьма способствуетъ прослыть чувствительнымъ!

Баронъ Розенъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ И ПОРУЧИКЪ

1710 года.

БЫЛЪ ВРЕМЕНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

I.

Въ Санктпетербургѣ, на Английской набережной, которая въ 1710 году не называлась еще этимъ именемъ и вовсе не похожа была на нынѣшнюю, въ бревенчатой избѣ, о трехъ окнахъ, сидѣли у среднего окна лейтенантъ флота, Клавдій Петровичъ Вѣтринъ, и поручикъ пѣхоты, Александръ Ильичъ Лановъ. Ихъ раздѣлялъ небольшой столикъ, на которомъ стояли бутылка венгерскаго вина, до половины выпитая, и двѣ пустыя серебряныя чарки. Каждому собесѣднику было около двадцати семи лѣтъ; оба считались рѣдкими красавцами. Всѣ дѣвушки влюблялись въ нихъ съ перваго взгляда. О цвѣтѣ глазъ и волось ихъ, о формѣ носа и подбородка, о пріятности улыбки, о выразительности взгляда и о всѣхъ прочихъ принадлежностяхъ мужественной красоты, исторія не сохранила, къ сожалѣнію, подробныхъ свѣдѣній. По этому предоставляется поэтическому чувству нашихъ читателей возстановить вѣрные портреты поручика Ланова и лейтенанта Вѣтринна,

слѣдуя одному руководству свободной, творческой фантазіи.

— А которое у насъ сегодня число? спросилъ Лановъ.

— Деятнадцатое марта, отвѣчалъ Вѣтринъ, улыбувшись. Это я тебѣ могу сказать навѣрное, безъ всякаго астрономическаго исчисления, тѣмъ болѣе, что сегодня день моихъ именинъ, и я потому тебя угощаю. Однакожь скажи мнѣ, товарищъ, отчего ты дни забылъ, и для чего меня спрашиваешь о числѣ?

— Тутъ есть особыя причины!

— Какія, товарищъ?

— А, такъ!

— Чтò жъ это за отвѣтъ!

— Да, такъ, безъ всякой мысли!

— Нѣтъ, ужъ я тебѣ въ этомъ не повѣрю, — воля твоя! Ты хитрить и таняться передъ другомъ и товарищемъ не смѣй! Не то швырну эту бутылку съ венгерскимъ въ Неву, и съ тобой поссорюсь.

— Да какъ же ты ее швырнешь? возразилъ Лановъ, улыбувшись: во-первыхъ, надобно прошибить два стекла, въ змней и лѣтней рамѣ; во-вторыхъ, бутылка съ венгерскимъ, еслибъ ты и прошибъ два стекла, не потонетъ въ Невѣ, потому что Нева покрыта еще льдомъ и снѣгомъ.

— А мнѣ чтò за дѣло! швырну да и только!

— Ну, швырай!

— Не хочу!

— Чего же ты хочешь?

— Ничего!

— Чтò съ тобой?

— А съ тобой что?

Пріятели, нахмуривъ брови, встали изъ-за столика, походили по избѣ, заложивъ руки за спину, и остановились, наконецъ, другъ передъ другомъ.

— Ты, кажется, дуришь, Клавдій? сказалъ поручикъ Лановъ.

— А мнѣ кажется, что ты въ этомъ грѣшенъ, возразилъ лейтенантъ Вѣтринъ.

— Вѣрнѣ всего, что мы оба дуримъ.

— И то быть можетъ.

— Изъ чего же у насъ вышла ссора?

— Не знаю.

— И я не знаю.

Пріятели начали опять ходить по избѣ, въ противоположныя стороны, заложивъ руки за спину.

— Клавдій!

— Что, Александръ?

— Помирися!

— Да въ чемъ намъ мириться! Отстань!

— Ну, такъ поцѣлуй меня!

— Изволь!

Друзья обнялись, поцѣловались, и сѣли опять за столѣкъ, къ окну.

— Ты у меня не ввывѣдывай, любезный товарищъ, сказалъ поручикъ Лановъ: почему я тебя спросилъ о сегодняшнемъ числѣ. Лучше выпьемъ еще по чаркѣ венгерскаго. Тутъ въ бутылкѣ, по глазомѣру, осталось вина ровно на двѣ чарки.

— Нѣтъ, не стану пить! Ты прежде скажи мнѣ откровенно, почему ты меня спрашивалъ о сегодняшнемъ числѣ?

— Нельзя; это—государственная тайна!

— Государственная тайна—какое у насъ число сегодня! Да ты, пріятель, просто бредишь, или шутишь надо мною.

— Нѣтъ, не брежу и не шучу.

— Тыфу пропасть! Ты меня окончательно намѣренъ сбить сегодня съ толку и разсердить. Ну, право, какъ честный человекъ! швырну эту бутылку въ окно... или нѣтъ, не швырну, а допью ее съ тобою; но знай, что эта бутылка послѣдняя въ нашей жизни! Видишь, въ ней венгерскаго немного осталось. Вотъ тебѣ чарка! И себѣ наливаю! Какъ dokonчимъ это венгерское, такъ и дружбѣ нашей конецъ, навсегда конецъ!—Слышишь ли?... Я пью.

— А я нѣтъ.

— Ты долженъ пить!

— Не хочу.

— Почему же?

— Потому, что на всю жизнь я желаю остаться твоимъ дру-

гомъ. Переливаю свою чарку обратно въ бутылку, закупориваю ее пробкой... вотъ такъ!... и прошу этотъ остатокъ венгерскаго хранить у себя залогомъ нашей неизмѣнной дружбы на всю нашу жизнь. Если кто изъ насъ двухъ умретъ, или будетъ убитъ на сраженіи, оставшіяся въ живыхъ пусть помянутъ друга этимъ остаткомъ венгерскаго.

— Ну, а если, не равно, мы прежде еще смерти поссоримся съ тобою, если когда-нибудь по какой-нибудь причинѣ сдѣлаемся врагами,—вѣдь это иногда, какъ я слыхалъ и читалъ, случается въ этомъ мірѣ!—Тогда что дѣлать съ твоимъ венгерскимъ залогомъ неизмѣнной дружбы?

— Тогда... тогда...

— Ну что! Видно, ничего выдумать не можешь?

— Тогда выпьемъ этотъ остатокъ венгерскаго по-поламъ за упокой нашей дружбы, и будемъ врагами. Но я увѣренъ, что эта бутылка не будетъ нами вѣстѣ допита, пока мы живы.

— И я въ этомъ увѣренъ, а для большей вѣрности я сейчасъ же припечатаю заколоченную тобою пробку сургучемъ и приклею къ бутылкѣ бумажку съ надписью: «Залогъ дружбы на всю жизнь.» Согласенъ ли ты?

— Очень согласенъ!

— Дашь честное слово?

— Даю!

— Ну, и быть дѣлу такъ! воскликнулъ Вѣтринъ, засвѣтилъ свѣчку, скрѣпилъ сургучомъ и своею печатью необыкновенный залогъ неизмѣнной дружбы и приклеилъ къ бутылкѣ выдуманную имъ надпись. Окончивъ все это, онъ сказалъ Ланову:

— Стало быть, мы теперь друзья на всю жизнь, и теперь ты обязанъ признаться мнѣ откровенно: почему ты меня спрашивалъ о сегодняшнемъ числѣ. Если оно, по словамъ твоимъ, и государственная тайна, чего я никакъ въ толкъ не возьму, то ты можешь смѣло объяснить своему другу эту тайну.

— Правда! ты такой же военный, какъ и я. Почему же и не сказать тебѣ правды! Изволь, Вѣтринъ, скажу! Только не проболтайся и не введи меня въ бѣду. Строго приказано молчать!

— Говори смѣло, если ты истинный другъ мнѣ, а не то сейчасъ же, за обидное подозрѣніе и недоувѣрчивость, выпьемъ залогъ нашей дружбы и мы, по условію, навсегда враги! Хочешь ли этого? Пьемъ что ли?

— Дай подумать, отвѣчалъ Лановъ и потеръ свой лобъ ладонью.

— Думай, думай, я тебѣ не мѣшаю! сказалъ Вѣтрищъ, нахмуривъ брови.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Клавдіи!... Но дай мнѣ прежде честное слово, что ты сохранишь тайну.

— Даю!

— Мы идемъ на дняхъ въ походъ.

— Въ походъ!... Куда это?

— Братъ шведскую крѣпость Выборгъ.

— Вотъ что!... Ну чтожь! И прѣкрасно!

— Всей пѣхотѣ, кавалеріи и полевой артиллеріи, которая здѣсь въ Петербургѣ на лицо находится, данъ секретный приказъ приготовиться къ походу, и съ Котлина острова выступить до разсвѣта, безъ всякой огласки, двадцать перваго марта, къ Выборгу. Я захопотаюся, приготовляясь къ походу, и потому забылъ которое число сегодня, и даже забылъ день твоихъ именинъ. Вотъ почему спросилъ я тебя...

— Понимаю, все понимаю! Не договаривай! Кто же у васъ главнымъ командиромъ назначенъ?

— Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ.

— А Его Величество, Царь Петръ Алексѣевичъ, развѣ не пойдетъ самъ къ Выборгу?

— Не знаю. Но вотъ что необыкновеннаго въ предстоящемъ походѣ! Знаешь ли по какой дорогѣ всему войску идти къ Выборгу указано?

— Ужь конечно не по воздуху.

— Такъ! Но и не по землѣ.

— Стало быть, по водѣ, на корабляхъ.

— Нѣтъ, и не на корабляхъ.

— Да какъ же, прости Господи? Ужь не по льду ли морскому?

* Нынѣшній Кронштадтъ.

— Именно!

— Что ты! Этого быть не можетъ!

— Да ужъ можетъ быть, если приказано.

— Господи Боже мой! Да это дѣло чрезвычайно мудреное, невозможное, по моему мнѣнію! Вѣдь по морю никакой пробитой дороги къ Выборгу нѣтъ. Я морякъ, такъ ужъ съ моремъ-то довольно знакомъ. Тутъ—перовныя, чертовскія глыбы льда, на которыхъ ноги переломашь, здѣсь—глубокіе сугробы снѣгу, гдѣ по уши завязнешь, тамъ—огромныя полыньи, которыя обходить надобно, да и безкопечныя трещины, черезъ которыя не только человѣку, но и козѣ перескочить трудно; какъ же по такой дорогѣ пройдетъ пѣхота, какъ по ней пройдетъ кавалерія, артиллерія, обозъ! Притомъ, теперь уже мартъ мѣсяцъ; вы выступите двадцать перваго числа: ну если морозы, которые въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, такъ долго держатся, вдругъ прекратятся, и пожалуетъ, на грѣхъ, весеннее, теплое время, котораго съ часу на часъ ожидать надобно. Вѣдь тогда будетъ очень плохо! Ледъ начнетъ быстро таять, полыньи увеличиваться, трещины раздвигаться! Хрупкій ледъ не сдержитъ артиллеріи и обоза! Кавалерійскія лошади, а потомъ и пѣхотные солдаты будутъ проваливаться и топать. Да поднимись еще буря! Возмомасть ледъ, какъ разъ! Подать вамъ помощь въ этомъ положеніи—рѣшительно невозможно! Это выше силъ человѣческихъ! Что же тогда будетъ съ вами? Все войско потонетъ въ морѣ!

— Да ужъ что Богъ дастъ! Въ Его рукъ и солнце жаркое и морозъ трескучій, точно такъ же, какъ жизнь и смерть всякаго человѣка! Да будетъ воля Его! Въ Его рукъ сердце Царя, по слову святаго Пророка. Царь приказалъ—и мы идемъ! Потопнуть на службѣ царской тоже, что пасть въ сраженіи, на полѣ чести!

— Правда, Александръ, правда! Я не къ тому говорилъ, чтобы охладить твое усердіе къ службѣ царской и къ славѣ отечества. Сохрани меня Богъ! Мнѣ, признаться сказать, показалось нѣсколько досадно, что сухопутныя войска мѣшаются не въ свою часть. Вѣдаться и бороться съ моремъ—это дѣло моряковъ. Мы у васъ суши не отбиваемъ; предоставьте же намъ море!

— Смѣшонъ ты, Клавдій! Да развѣ я по своей охотѣ отбиваю у тебя море.

— Согласись, товарищъ, что это обидно! Вы идете по нашему морю въ походъ, брать Выборгъ, а мы—сиди здѣсь, сложа руки! Развѣ моряки хуже пѣхоты, что ли?

— Нѣтъ, не хуже! Вѣрные слуги царю и отечеству, безъ различія, всѣ равны.

— Ну то-то! А вотъ что я хотѣлъ еще тебя спросить. Какъ же вы пойдете по морю, не зная и не видя никакой дороги? Берегъ уйдетъ у васъ изъ виду. Вѣдь этакъ, пожалуй, все войско промаршируетъ мимо Выборга, поверотитъ на Зойдъ, когда надобно держать путь на Нордъ, и забредетъ Богъ вѣдаетъ куда!

— Да вѣдь вашъ Генералъ-Адмиралъ командуетъ нами, такъ ужъ онъ, конечно, знаетъ, какъ войска-то по морю водить, по водѣ или по льду, и не сбится съ дороги. Я слышалъ, что онъ приказалъ взять въ походъ компасъ и карту моря, по которому мы къ Выборгу пойдёмъ.

— Ну вотъ, это дѣло! Теперь я увѣренъ, что вы прямохонько дойдете до Выборга, если только ледъ не растаетъ. Досадно, однакожъ, товарищъ, что флотъ въ походѣ не участвуетъ. Мы бы показали себя и не отстали бы отъ пѣхоты.

Въ это время матросъ, въ полной формѣ, отворилъ дверь избы, гдѣ сидѣли друзья, вошелъ, вытянулся и подалъ пакетъ лейтенанту Вѣтрину.

— Что это? Приказъ? Ступай, братецъ, съ Богомъ! Все будетъ исполнено.

Матросъ, стоявшій въ вытяжку, топнулъ по формѣ, повернулся и вышелъ изъ избы.

Вѣтринъ распечаталъ пакетъ, быстро прочиталъ его, въ глазахъ его блеснули слезы радости, и онъ вдругъ началъ плясать по избѣ, словно помѣшанный.

— Что съ тобой, Клавдій? Чему ты такъ обрадовался? спросилъ Лановъ.

— Лихо!... Безподобно!... Вотъ неожиданность!... Да это чудо!... Ура!...

Произнося эти восклицанія, Вѣтринъ, съ прочитаннымъ при-

казомъ въ рукѣ, продолжалъ плясать въ сильнѣйшемъ восторгѣ.

— Да отвѣтишь ли ты мнѣ сегодня! сказалъ Лановъ съ досадою, всталъ со стула, выхватилъ изъ руки танцующаго друга приказъ, столько его восхитившій, подошелъ къ окну и принялся читать. А лейтенантъ, продолжая свою восторженную пляску, кричалъ Ланову:

— Читай, Саша! Читай, душа моя! Ты самъ заплачешь, если хоть сколько нибудь меня любишь!

Лановъ прочиталъ вслухъ: «Весьма по секрету. Сообщается вамъ, лейтенанту, что Его Царское Величество указалъ: коль скоро ледъ на морѣ взломаетъ, тужь минуто всему флоту, что у Котлина острова на зимовкѣ стойтъ, пати въ море и сквозь ледъ во чтобы ни стало пробиваться къ неприятельской крѣпости Выборгу, доставить всѣ осадныя пушки и мортиры, съ принадлежащими ядрами и бомбамъ, равно и весь провиантъ, потребный для пѣхотнаго войска и кавалеріи съ артиллеріей, понеже оныя войска, имѣющія выступить двадцать перваго сего марта по льду, къ Выборгу, провиантъ съ собою берутъ по-толику, поколику солдатъ снести оной на себѣ сможетъ, дабы за излишнюю обозною тягостію помѣхи въ походѣ не было, и дабы оная, отъ чего сохрани Господи, на льду не провалилась. По прибытіи на мѣсто, при осадѣ и взятіи Выборга, всему флоту чинить всякую помощь сухопутнымъ войскамъ, какъ тогда указано будетъ. Командовать всѣмъ флотомъ назначень господниъ Вице-Адмиралъ Крюисъ. А вамъ, лейтенанту, къ походу весьма изготавиться и быть на кораблѣ, коимъ командовать будетъ Контръ-Адмиралъ Петръ Михайловъ. Лѣта 1710-го, марта въ 19 день. Капитанъ Андрей Буркинъ».

Во время чтенія этого приказа, Вѣтринъ, уставшій плясать, сѣлъ на стулъ и потиралъ рукъ съ видомъ человѣка, котораго постигло неожиданное счастье.

— Ну что? сказалъ онъ, когда Лановъ дочиталъ приказъ.

— Ты также идешь или, вѣришь сказать, плывешь въ походъ, и я за тебя радуюсь, товарищъ, отъ искреннаго сердца!

— А еще что?

— Да что же еще?

— На какомъ кораблѣ, подъ чьей командой я буду? Ась?

— Подъ команду контръ-адмирала Петра Михайлова.
 — Что жъ ты скажешь?
 — Право, не знаю!
 — Охъ вы, пѣхотинцы! Бьюсь объ закладъ, что ты не скажешь мнѣ: кто такой этотъ контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ.

— Почему мнѣ знать всѣхъ вашихъ контръ-адмираловъ!

— Такъ я тебѣ скажу, кто таковъ контръ-адмиралъ Петръ Михайловъ. Это самъ Царь Петръ Алексѣевичъ! Слышишь ли? Самъ Царь Петръ Алексѣевичъ!

— Неужто?

— Это вѣрно, какъ дважды два четыре!

— Ну, товарищъ! Теперь я понимаю почему ты плясалъ.

— Нѣтъ, не совѣмъ еще понимаешь! Ну да объ этомъ поспѣ! Ты идешь въ походъ, и я иду, или плыву, какъ ты говоришь. Попляшемъ теперь на радости вмѣстѣ, и возьмемъ Выборгъ! Потѣшимъ царя! Беремъ Выборгъ, пляшемъ, и заставимъ Шведовъ поплясать! Ура!

Схвативъ за руку товарища, Вѣтрищъ потащилъ его со стула, намѣреваясь плясать.

— Да полно ты, Клавдіи!

— Ну что жъ ты упрямься? Или не радъ походу?

— Конечно, радъ!

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Зададимъ вмѣстѣ выпляску!

— Можно радоваться и безъ пляски.

— Конечно можно! Эхъ товарищъ! Ты меня твоими рѣчами словно холодной водой обливаешь! Ну сидеть, если ты плясать не хочешь.

Вѣтрищъ взявъ стулъ и сѣлъ, нахмурившись, противъ Ланова.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Поручикъ и лейтенантъ, скрестивъ на груди руки, поглядывали другъ на друга изъ подлобы. Наконецъ Вѣтрищъ захохоталъ.

— Чему ты смѣешься, Клавдіи?

— Да тому, что мы сидимъ надувшись и поглядываемъ другъ на друга словно сычи. Меня опять забираетъ охота плясать отъ радости! Жаль, что ты не хочешь! Ну да ты все-

гда такой степенный, такой благоразумный! Можно подумать, что тебѣ лѣтъ поды пятьдесятъ! Впрочемъ, ничего! Мы все таки друзья съ тобою, и сегодня скрѣпили нашу дружбу на всю жизнь необыкновеннымъ залогомъ, который у меня свято будетъ сохраняться въ бутылкѣ. Какъ другу, я тебѣ сообщу маленькую тайну.

— Какую?

— Не государственную, не безпокойся! Вотъ видишь дѣло въ чемъ. Въ 1703 году, при взятіи русскими Непшанца, попался, вмѣстѣ съ прочими Шведами, въ плѣнъ мызыкъ, жившій въ окрестностяхъ Непшанца и имѣвшій скотный дворъ, тошо на Невѣ, большой огородъ и преместную дочь. Что это за Шведочка! Ей было тогда тринадцать лѣтъ, но ужъ тогда всякій бы угадалъ, что она будетъ удивительною красавицей. Я служилъ въ то время рядовымъ въ бомбардирской ротѣ Преображенскаго полка, которою Царь лично командовалъ въ чинѣ капитана. Тогда же, въ 1703 году, Его Величество, близъ Непшанца, заложилъ на Веселомъ островѣ крѣпость Санктпетербургъ, которая все росла, росла, распространялась по соседнимъ островамъ, и сдѣлалась теперь городомъ, второю русскою столицей. Я съ 1703 года жилъ постоянно здѣсь, въ Санктпетербургѣ, или на Котлишѣ островѣ, гдѣ, какъ тебѣ извѣстно, также крѣпость и морской портъ заложены; перевели меня на флотъ, гдѣ я дослужился, какъ видишь, до чина лейтенанта. Много было хлопотъ и заботъ по службѣ; но, не смотря на то, моя прелестная Шведочка не выходила у меня ни на минуту изъ головы. Она росла и часъ отъ часу хорошѣла. Я подружился съ ея отцемъ, посѣщалъ его чуть-ли не каждый день, научился кое-какъ отъ него по-шведски, а онъ и, въ особенности его дочь, научилась отъ меня по-русски. Прошло шесть лѣтъ и кончилось тѣмъ, что она, воспользовавшись моими уроками, начала говорить, какъ русская, девятнадцатилѣтняя красавица, а я въ нее влюбился, какъ самый пламенный Шведъ! Въ концѣ прошлаго 1709 го-го, я хотѣлъ объясниться съ отцомъ ея и жениться на моей милой, несравненной Шведочкѣ; но вдругъ объявленъ былъ разлѣнъ плѣнныхъ Русскихъ на плѣнныхъ Шведовъ. Отецъ

моей красавицы продалъ свой домикъ, свой огородъ, свой скотный дворъ, свою тоню, и уѣхалъ съ моей красавицей въ шведскую неприятельскую землю. Ты легко поймешь мое горе. Я узналъ потомъ, что онъ поселился около Выборга. Понимаешь-ли ты теперь, почему я заплясалъ, узнавши, что меня посылаютъ къ Выборгу, да еще какъ посылаютъ! На царскомъ кораблѣ! Выборгу не одобровать! Я буду драться, какъ левъ, покажу собою примѣръ всѣмъ! А когда возьмемъ Выборгъ, я обшарю всѣ его окрестности, отыщу мою Шведочку и женюсь на ней. Съ побѣдителями не много разговариваютъ! Ура! Выборгъ нашъ, и Шведочка моя! Поздравь меня, Саша, поздравь напередъ!

Лейтенантъ въ восторгѣ вскочилъ со стула, обнялъ своего друга и поцѣловалъ его.

— А какъ зовутъ твою красавицу? спросилъ Лановъ.

— Ну, ужъ, другъ, извини! Этого я тебѣ, покуда, не скажу. Она просила меня не называть ее и никому не рассказывать о взаимной любви нашей, пока мы не обвѣнчаемся. Я и такъ, на радостяхъ, въ половину проболтался.

Долго еще друзья пробѣсѣдовали. Наконецъ поручикъ Лановъ простился съ Вѣтринымъ и ушелъ домой.

II.

Наступило двадцать первое марта. Былъ четвертый часъ утра. На ясномъ небѣ ярко блестѣли звѣзды. Серповидный мѣсяцъ блѣдно освѣщалъ ледяную, покрытую снѣгомъ поверхность Финскаго залива. Вотъ, появилась на востокѣ бѣлая полоса, предвѣстница разсвѣта. На Котлинѣ островѣ пѣхота, кавалерія и артиллерія строились въ колонны, соблюдая при этомъ необыкновенную тишину.

— Здравствуй, Александръ! Я на силу тебя нашелъ! сказалъ лейтенантъ Вѣтрикъ Ланову, который стоялъ у своей роты. Я пришелъ проводить тебя и пожелать тебѣ счастливаго похода.

— Благодарю, товарищъ!

— А скоро-ли вы двинетесь?

— Я думаю, скоро. Всѣ уже готовы.

— Дай Богъ вамъ счастья и успѣха! Какъ радъ я, что сегодня морозитъ! Третьягодня и вчера все была оттепель, и я, признаться, о тебѣ очень беспокоился. Какъ-то, думаю, дойдутъ они по льду до Выборга! Но вотъ, сегодня, морозъ, слава Богу, и препорядочный! Возьми-ка это, товарищъ, на дорогу, продолжалъ Лановъ, вынимая изъ кармана бутылку венгерскаго вина. Неравно озябнешь на морѣ, такъ не мѣшайтъ погрѣться.

— Очень тебѣ благодаренъ! Сунь, пожалуйста, твой подарокъ въ сумку, что у меня за плечами. Она не туго набита.

— Хотя твоя походная кладовая не велика, по мой подарокъ умѣщу. Ну вотъ, влѣзло! А послушай, другъ Саша! Не пужно ли тебѣ денегъ для похода? Я принесъ съ собою кошелекъ свой. Въ немъ десять голландскихъ червонцевъ, да мелкаго серебра на полтину. Это весь мой наличный капиталъ. Если тебѣ нужны деньги, возьми половину.

— Правда, что у меня немного въ карманѣ; но мнѣ совѣстно.... можетъ быть, тебѣ самому....

— Ну полно, толковать! Вотъ тебѣ пять червонцевъ! Въ походѣ деньги могутъ очень понадобиться.

— Благодарю, другъ! Этого я никогда не забуду! При первой возможности тебѣ отдамъ.

— Ну, полно! Есть о чемъ говорить!... Посмотри-ка, посмотри! Кто это сюда скачетъ на бѣлой лошади? А вотъ за нимъ кто-то еще ѣдетъ крупною рысью на глѣдой! Ба! Да это, что на бѣломъ-то конѣ, если не ошибаюсь, самъ Царь Петръ Алексѣевичъ! Темновато, такъ разглядѣть трудно.

— Онъ и есть! А за нимъ нашъ главнокомандующій, графъ Апраксинъ, сказалъ Лановъ, и сталъ на свое мѣсто у роты.

Вѣтринъ отошелъ въ сторону.

Петръ Великій, сопровождаемый графомъ Апраксинымъ, внимательно осмотрѣлъ все войско и наконецъ остановился въ центрѣ колоннъ.

— Дѣти! сказалъ онъ громкимъ голосомъ, обратясь къ войскамъ. Въ прошломъ году вы порадовали меня и прославили отечество полтавскою побѣдой. Поддержите честь русскаго оружія и порадуйте меня въ нынѣшнемъ году взятіемъ Выборга!

Восторженное, оглушительное ура! было отвѣтомъ на слова Государя.

— Идите съ Богомъ, обложите неприятельскую крѣпость! продолжалъ Петръ Великій. Лишь только взломаешь ледъ на морѣ, я самъ къ вамъ явлюсь на подмогу, съ моимъ флотомъ. У васъ провіанту немного съ собою, пушекъ всего десять двѣнадцати фунтовыхъ, да три мортиры. Я вамъ доставлю и провіантъ, и осадныя пушки, и мортиры, и все, что нужно. Въ Выборгѣ, дѣти, отпразднуемъ побѣду! Идите съ Богомъ!.. Маршъ!.. Благословляю васъ!

Царь вынялъ изъ ноженъ шпагу и сдѣлалъ ею крестное знаменіе надъ войскомъ.

Грянуло второе, еще болѣе восторженное ура! и все войско, подъ предводительствомъ графа Апраксина, двинулось съ Котлина острова на ледъ Финскаго залива. Раздался шагъ пѣхоты, топотъ кавалерійскихъ лошадей, бряцанье цѣпей у пушекъ и зарядныхъ ящиковъ.

Долго еще смотрѣлъ съ берега Царь на свое войско, постепенно скрывавшееся въ утреннемъ туманѣ, сдѣлалъ своею шпагою второе крестное знаменіе, котораго уже никто изъ его воиновъ, шедшихъ въ походъ, видѣть не могъ, поверотилъ своего бѣлаго коня и ускакалъ.

Это второе крестное знаменіе видѣлъ одинъ лейтенантъ Вѣтринъ, не замѣтно стоявшій въ сторонѣ, и... сами чита-

тели, безъ всякихъ поясненій, поймутъ что опъ въ это время чувствовалъ.

Царь скрылся изъ вида. Вѣтринъ взглянулъ тогда на заливъ. Однѣ заднія колонны войска были неясно видны въ туманѣ, въ который онѣ съ каждою минутою все болѣе и болѣе погружались. Вѣтринъ имѣлъ доброе, чувствительное сердце и живое воображеніе. Видя, какъ огромная масса людей постепенно исчезаетъ изъ виду, онъ подумалъ: «И всѣ люди не такъ-ли? Дѣйствуютъ, ходятъ, говорятъ, шумятъ, спорятъ, враждуютъ, дружатся, и, какъ это войско, постепенно уходятъ изъ виду и исчезаютъ!... Можетъ быть, всѣ эти храбрые товарищи потонутъ въ морѣ! Увижу ли я еще разъ моего друга Ланова, котораго такъ люблю? Можетъ быть, прїѣду къ Выборгу, спрошу: гдѣ Лановъ? и мнѣ отвѣтять: убить! А я такъ холодно простился съ нимъ, не высказалъ ему при прощаніи всего, что было у меня на сердцѣ. Нѣтъ! я хочу еще разъ обнять его, непременно! непременно!

И Вѣтринъ, сойдя съ берега Котлина острова, пустился бѣгомъ по льду, вслѣдъ за другомъ. Довольно долго бѣжалъ онъ по слѣду, проложенному войскомъ.

— Ахъ Клавдій! Это ты! воскликнулъ Лановъ, неожиданно увидѣвъ подлѣ себя Вѣтринна.

— Я товарищъ! отвѣчалъ лейтенантъ, едва переводя духъ отъ усталости.

— Для чего ты нагналъ насъ?

— Для того, чтобы еще разъ проститься съ тобою и пожелать, чтобы мы въ Выборгѣ увидѣлись и поздравили другъ друга съ побѣдой! Да сохранить тебя Богъ, другъ мой Саша! Скажи откровенно: не мало ли тебѣ для похода пяти червонцевъ, которымъ я тебя ссудилъ? Возьми остальные пять! Они мнѣ не нужны.

— Нѣтъ, Клавдій! Благодарю тебя! Мнѣ и пяти червонцевъ для похода достаточно.

— Ну, какъ хочешь!

— Вѣдь ты слышалъ, что Царь самъ привезетъ для войска и осадныя пушки, и провиантъ, и все, что нужно. Ужъ конечно опъ насъ голодать не заставитъ.

— Безъ сомнѣнiя! Флотъ какъ разъ къ вамъ явится на подмогу! Дай только Господи, чтобы ледъ поскорѣе взломало!

— Ну пѣтъ, товарищъ! Позволь ты намъ прежде добраться благополучно по льду, до Выборга.

— Разумѣется! Неужто я могу желать, чтобы ты утопалъ. Ну, простимся, Александръ! Будь здоровъ, цѣль и невредимъ! Дай руку! Богъ милостивъ! Въ Выборгѣ увидимся побѣдителями! А потомъ я отыщу свою Шведочку, и приглашу тебя на мою свадьбу! Такъ ли, Саша?

— Дай Богъ! Если же я буду убитъ, помолись о душѣ моей и помани меня, товарищъ, по условiю, залогомъ нашей дружбы, который у тебя остался.

— И слушать не хочу! Ты будешь живъ и здоровъ! Въ Выборгѣ увидимся, поздравимъ другъ друга съ побѣдой и разопьемъ на радости, съ товарищами, нѣсколько бутылокъ венгерскаго, а не одну печальную чарку, которую ты въ мои пивныи оставилъ у меня въ бутылкѣ. Ба! взгляни-ка, товарищъ! Слова мои навѣрное сбудутся! Видишь ли? Я еще не кончилъ рѣчи, а утреннее солнце какъ весело выглянуло изъ-за мрачнаго, сосноваго лѣса! Ну, прощай, другъ! До свиданiя въ Выборгѣ!

Вѣтринъ, со слезами на глазахъ, крѣпко обнявъ Ланова и скорыми шагами пошелъ обратно къ Котлину острову. Взойдя на берегъ, онъ оглянулся. Все войско исчезло уже въ туманѣ, который густымъ слоемъ покрывалъ снѣжную поверхность взморья.

Кажется, ни кто еще изъ отечественныхъ и иностранныхъ историковъ не обращалъ до-сихъ-поръ вниманiя, что Выборгъ отъ Санктпетербурга отстоитъ по сухому пути на сто сорокъ одну версту; что по льду Финскаго залива, безъ всякой проложенной дороги, съ обходами снѣжныхъ сугробовъ, полыней и трещинъ, этотъ путь необходимо долженъ растянуться и составить верстъ двѣсти; что отъ Кронштадта до Выборга эта дорога составитъ по-крайней-мѣрѣ сто шестьдесятъ верстъ, и что русское войско, отправленное утромъ двадцать перваго Марта, Петромъ Великимъ, подъ предводительствомъ графа Апраксина, дошло до Выборга утромъ, на другой день, то есть въ двадцать четыре часа, или немногимъ болѣе. Для ѣзды почтовыхъ лошадей полагается, по существующимъ правиламъ, десять верстъ въ часъ. Съ перекладкою лошадей и необходимыми остановками на станцияхъ потребуется непременно двадцать четыре часа для того, чтобы проѣхать сто шестьдесятъ верстъ. Не споримъ, что фельдъегери могутъ проскакать и болѣе. Какимъ же образомъ, какимъ чудомъ, пѣхота, сопровождаемая кавалерiей и артиллерiей, по ровному, сомнительному льду взморья, по неизвѣстной, загадочной дорогѣ, прерываемой снѣжными сугробами, полынями и трещинами, дошла такъ скоро до Выборга? Видно, что пѣхота не шла, а летѣла! Видно, что слова великаго Царя и его благословенiе придали храброму его войску крылья! Во всѣхъ историческихъ лекцiяхъ прославляютъ и превозносятъ отступленiе десяти тысячъ Грековъ, описанное весьма краснорѣчиво древнимъ греческимъ историкомъ Ксенифонтомъ, который самъ лично участвовалъ въ знаменитомъ отступленiи, а удивительное соколшное наступленiе Русскихъ на Выборгъ не описано еще вполнѣ никакимъ историкомъ, ни древнимъ, ни новѣйшимъ.

Объ этомъ чудномъ наступленiи, о судьбѣ Ланова и его друга Вѣтринна, объ его Шведочкѣ, объ его морской поѣздкѣ

сквозь едва-тронувшійся ледъ, о достопамятной осадѣ Выборга, и о подвигахъ великаго, безсмертнаго Котръ — адмирала Петра Михайлова, мы подробно сообщимъ нашимъ читателямъ въ слѣдующихъ главахъ, нашего разсказа.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

К. МАСАЛЬСКІЙ.

Иностранная Словесность.

ЧЕРНЫЙ НИЩІЙ.

Романъ Поля Феваля.

I.

Послѣ вечерни.

1816 года, въ срединѣ осени, въ первомъ этажѣ дома, стоявшаго на площади Сентъ-Жерменъ-де-Прё, подлѣ церкви, двое молодыхъ людей, опершись на перила балкона, курили сигары и разговаривали между собою. — Было воскресенье. Часовая стрѣлка показывала четыре часа. Молодые люди ждали, безъ сомнѣнія, конца вечерни, чтобъ посмотрѣть на дамъ, которыя выйдутъ изъ церкви.

Оба они были хороши собою, но красота каждаго имѣла свой особенный характеръ. — Старшій изъ нихъ, смуглое лицо ко-

К. I. — Отд. IV.

того выражало странную смѣсь снисходительности съ необдуманностью и какою-то тщеславною гордостью, казалось, принадлежалъ къ сомнительной эпохѣ, составляющей границу между юношествомъ и зрѣлымъ возрастомъ. Должно было полагать, что онъ уже миновалъ свой тридцать пятый годъ... но когда?.. это трудно было рѣшить, потому что на лбу его еще не выказывались морщины, а волосы, черные, какъ смоля, и очень курчавые, блестѣли какъ нельзя больше изъ-подъ слоя покрывавшей ихъ помады. Глаза его были блестящи и исполнены огня, но иногда они невольно опускались, встрѣтивъ наблюдательный и смѣлый взглядъ.

Не было замѣтно ни одного сѣдаго волоска въ его усахъ, но изъ-подъ нихъ видѣлась длинная морщина, склонявшаяся къ концамъ рта, и которая одна только противорѣчила молодости всего лица. Синеватые кружки обрамляли его глаза и касались щекъ — желтаго цвѣта, столь свойственнаго лицу жителей юга. Этотъ, пожалуй скажемъ, молодой человѣкъ называлъ себя Хуаномъ Карралемъ, испанскимъ дворяниномъ. Онъ часто говорилъ о своей фамилии, какъ объ одной изъ первыхъ въ Андалузіи, и между тѣмъ, всегда называлъ себя недостойнымъ такого знаменитаго происхожденія. — Въ этомъ случаѣ, онъ поступалъ подобно тѣмъ прекраснымъ дамамъ, которымъ нравятся комплименты на счетъ ихъ купленныхъ волосъ. — Хуанъ Карралъ былъ сынъ невольника — негра, и истинное имя его было — Жонкиль.

Товарищъ его, котораго звали Ксавье, былъ гораздо моложе его. Высокій и открытый лобъ его обрамлялся чудными русыми волосами. Лицо его казалось алебастровымъ подлѣ смуглаго лица мулата. Какая-то неопредѣленная грусть была постояннымъ выраженіемъ его фizioноміи. Ему можно было дать двадцать два или три года, но никакъ не болѣе.

Площадь была совершенно пуста. Только на паперти церкви, опершись на палку, стоялъ нищій, который, вѣроятно, ждался конца вечерни.

Этотъ нищій былъ негръ; лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ могъ бы напомнить собою Отелло Шекспира. Не смотря, однакожь, на лѣта, онъ держался прямо, и, казалось, съ гордостью носилъ рубище, покрывавшее его плеча. Намъ не нужно описывать его подробно, потому что, вѣроятно, еще многіе помнятъ.

Чернаго нищаго, который просилъ милостыни подлѣ церкви сентъ-жерменской.

Онъ обыкновенно не произносилъ ни слова и только протягивалъ руку за подаяніемъ. Получивъ что-нибудь, онъ кланялся, съ важностью; иногда, если милостыня была подана молодою дѣвушкою, улыбался слегка и клалъ руку на сердце.

Мы уже сказали, что было четыре часа. Между тѣмъ, какъ нищій терпѣливо дождался конца вечерни, не сходя съ своего мѣста, молодые люди продолжали разговоръ, прерываемый порою на минуту или на двѣ.

— Ксавье! вскричалъ вдругъ Донъ-Хуанъ Карралъ, бросая на улицу остатокъ выкуренной сигары: вы рѣшительно влюблены!...

Ксавье вздрогнулъ, но принужденно улыбнулся.

— Почему вы такъ думаете? пробормоталъ онъ.

— Прекрасно!.. Вы, по крайней мѣрѣ, не отпираетесь! Почему я думаю, спросили вы?.. Ха, ха, ха! можно догадаться объ этомъ по тысячѣ признаковъ. — Видите ли, мы Испанцы зоркіе наблюдатели, настоящіе аргусы. Я уже съ нѣкотораго времени удивляюсь...

— Чему? спросилъ живо Ксавье.

Донъ-Хуанъ Карралъ снова захохоталъ.

— Молчите лучше! сказалъ онъ: вы измѣняете самому себѣ, и, право, жестоко было бы съ моей стороны воспользоваться такимъ случаемъ.

При этомъ смѣхѣ, нищій обернулся. Онъ поднял соломенную шляпу и протянулъ руку въ направленіи къ балкону.

Ксавье тотчасъ же вынулъ свой кошелекъ.

— Этотъ негръ мнѣ не нравится! прошепталъ Карралъ, подражалъ примѣру своего друга.

Ксавье бросилъ монету. Негръ, прежде чѣмъ поднялъ ее, положилъ руку на сердце.

— Негръ! вотъ тебѣ пять франковъ, вскричалъ Карралъ: я даю ихъ съ условіемъ, чтобъ ты убирался къ чорту и не показывался мнѣ на глаза!

Монета въ пять франковъ упала въ шляпу нищаго.

Вмѣсто того, чтобъ взять эту монету, онъ отбросилъ ее отъ себя и снова принялъ прежнее положеніе.

— Вы его обидѣли! сказалъ Ксавье.

— Обидѣть негра! повторилъ мулатъ съ презрительною улыб-

кою. — Впрочемъ, всякій волею дѣлать, что ему угодно. — А! вы опять задумались, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: на васъ, кажется, рѣшительно нашель спяниъ.

Ксавье вздохнулъ.

— Эта болѣзнь только для богатыхъ людей, отвѣчалъ онъ и поднял глаза на своего товарища.

Потомъ, въ порывѣ увлеченія, которое такъ свойственно сердцу молодого человѣка, онъ взялъ руку Каррала, крѣпко пожал ее и сказалъ:

— Карраль — вы мой другъ! Я на васъ надѣюсь.... Такъ какъ вамъ извѣстна часть моей тайны, то я хочу довѣрить вамъ все. — Я страдаю!...

— Это видно, мой другъ... Но отчего вы страдаете?

— Я бѣдный человѣкъ...

— Не одни вы бѣдны на бѣломъ свѣтѣ!

— И я называюсь только Ксавье.

— Прекрасное имя! сказала Карраль съ какою-то безжалостною снисходительностью: я полагаю, что услышу отъ васъ что-нибудь особенное. Подумайте сами, мой другъ, еслибъ всѣ люди звали свое происхожденіе, то не было бы дворянъ.

— И потомъ еще... продолжалъ Ксавье, который не обращалъ вниманія на послѣдній, статистическій выводъ мулата...

Но въ это время двери церкви открылись и толпа хлынула на площадь. — Два друга прекратили свой разговоръ.

Ксавье наклонился черезъ перила балкона. Его душа, казалось, сосредоточилась въ однихъ глазахъ.

— Она была также у вечерни? спросилъ тихимъ голосомъ Карраль.

— Кто? вскричалъ Ксавье, лице котораго вдругъ подернулось легкою краскою.

— Опять скрытности!... Впрочемъ, я спросилъ только для вида; мнѣ извѣстно, что она здѣсь... да вотъ и она...

Ксавье наклонился еще болѣе. Въ эту минуту, на порогѣ церкви показалась молодая дѣвушка, удивительной красоты, одѣтая съ аристократическою простотою. Ее сопровождала дама почтеннаго вида. Проходя мимо чернаго нищаго, молодая дѣвушка положила ему въ руку монету, и негръ улыбнулся ей очень ласково. — Потомъ, она бѣгло и какъ бы нечаянно взглянула на балконъ, и легкій румянецъ показался на ея щекахъ.

— Она его любитъ! подумалъ Карраль.

Ксавье невольно сложилъ руки.

Въ свою очередь, мистриссъ Блуотеръ, дама, сопровождавшая молодую дѣвушку, подняла глаза, но только для того, чтобъ посмотреть, каково было небо.

Небо, чистое почти весь день, покрылось теперь облаками, и уже дождь рѣдкими каплями началъ падать на землю.

Англичанка приняла серьезный видъ и испуганнымъ взоромъ окинула площадь; только одинъ фіакръ, кучеръ котораго спалъ на козлахъ, стоялъ на другомъ концѣ площади.

— Въ то время, когда маркизъ Румбри и его дочь, подумалъ Карраль: должны довольствоваться фіакромъ или ходить пѣшкомъ, сама маркиза развѣзжаетъ въ коляскѣ, а любезный сынъ ея прогуливается въ кабриолетѣ своего вочима.

Молодая дѣвушка стала подъ портикъ церкви, а мистриссъ Блуотеръ съ истинно-геройскимъ самоотверженіемъ пустилась по мокрой мостовой къ фіакру.

— Любезный другъ, сказалъ тогда Карраль, обращаясь къ Ксавье: не беспокойтесь, я вамъ не хочу мѣшать и уйду.

И онъ вошелъ въ комнату.

Толпа рѣдѣла, и наконецъ на площади не осталось никого, кромѣ чернаго нищаго.

Елена! прошептала Ксавье.

Молодая дѣвушка посмотрѣла вверхъ, и видя, что на балконѣ никого нѣтъ, кромѣ Ксавье, быстро произнесла эти слова:

— Приходите къ намъ сего-дня.

Но въ это время фіакръ покотился по мостовой и несчастный Ксавье не слышалъ ничего. Онъ наклонился и напрягъ свой слухъ; но Елена не сказала болѣе ни слова, потому что къ ней подошла мистриссъ Блуотеръ. Фіакръ открылся, потомъ снова закрылся и наконецъ чрезъ нѣсколько секундъ исчезъ въ одной изъ улицъ, ведущихъ къ площади.

— Ксавье съ досады топнулъ ногою и въ отчаяніи вскричалъ:

— Что сказала она?

— Приходите къ намъ сего дня! отвѣчалъ медленно негръ, стоявшій подъ окномъ.

— Благодарю, благодарю, добрый человѣкъ!

— Какого дьявола благодарите вы? спросилъ Карраль, выходя на балконъ.

Ксавье обернулся. Печальное выражение лица его совершенно исчезло. Веселая улыбка показалась на устах.

— Я говорю самъ съ собою, отвѣчалъ онъ. — Кстати, хотя я и общался, но не могу провести съ вами этотъ вечеръ, потому что иду къ маркизу Румбри.

— Гмъ!.. понимаю, сказалъ Донъ-Хуанъ.

— Меня пригласили.. вы знаете.. въ тотъ разъ. — Я было совсѣмъ забылъ... объ этомъ....

— Вы, просто, безумецъ! сказалъ Карраль съ добродушною улыбкою и почти съ видомъ покровительства... Неужели вы думаете, что мнѣ неизвѣстны всѣ ваши тайны? — Вы любите женщину, которая по своему положенію въ свѣтѣ стоитъ далеко выше васъ.

Лобъ Ксавье снова нахмурился и улыбка исчезла.

— Это дерзость, должно признаться! прибавилъ Карраль.

— О! скорѣе безумство! прошепталъ Ксавье.

— По моему дерзость. Впрочемъ, ваша партія, не смотря на всѣ препятствія, можетъ быть выиграна.

— Ахъ! еслибъ я былъ богатъ! вскричалъ Ксавье.

— Это вашъ конекъ, мой другъ. Но лучше, еслибъ имѣть хорошее имя... какъ, напримѣръ — мое...

— Вы очень счастливы, Карраль!

— Можетъ быть... Съ другой стороны, еслибъ вы и принадлежали къ первой фамиліи во Франціи, то все-таки нашли бы препятствіе.

— Какое?

Голосъ Карраля сдѣлался важнымъ.

— У васъ есть врагъ, Ксавье, — и врагъ смертельный, который не имѣетъ къ вамъ жалости. Не спрашивайте у меня его имени, — я не могу вамъ сказать.

— Смертельный врагъ, повторилъ молодой человекъ: врагъ, который не имѣетъ жалости!.. Вы шутите, Карраль? Мнѣ кажется, я никого не обидѣлъ.

Донъ-Хуанъ, вѣроятно, раскаялся въ своей откровенности, потому что прибавилъ:

— Я преувеличилъ, мой другъ; вашъ врагъ совсѣмъ не похожъ на мелодраматическаго злодѣя; онъ только не любитъ васъ...

— Но кто же этотъ врагъ?

— Этого я не могу сказать. Да и къ чему вамъ знать его имя?

Помните только, что если вы подвергнетесь опасности, Карраль первый явится къ вамъ на помощь....

Ксавье взялъ руку своего товарища.

— Вы — добрый другъ, сказалъ онъ: благодарю васъ и принимаю ваше предложеніе. — Но прежде всего мнѣ слѣдуетъ замѣтить или, лучше сказать, напомнить вамъ старое правило: чтобъ помогать кому нибудь, должно знать его вполнѣ, а вы еще почти незнакомы со мной.

— Помилуйте! вскричалъ Карраль; я знаю вашу исторію вдоль и поперекъ или, по крайней мѣрѣ, догадываюсь о ней. — Въдѣ исторіи романическихъ героевъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. Во-первыхъ, вамъ не извѣстны ваши родители. Ваша мать или за нее какой нибудь снисходительный банкиръ присылаетъ вамъ каждый мѣсяцъ опредѣленную сумму....

— О! совсѣмъ не то! прервалъ Ксавье.

— Не то!.. По крайней мѣрѣ что-то похожее на то.

— Дѣйствительно, началъ медленно Ксавье: я не знаю ни отца, ни матери. — Въ коллегіи за меня платили, присылая деньги начальникамъ. Теперь же каждый мѣсяцъ аккуратно я получаю по триста франковъ.

— Чтѣ я вамъ сказалъ, не моя ли правда?

— Но кто присылаетъ мнѣ эти триста франковъ?

— Вамъ какое дѣло, — благо, что даютъ. По крайней мѣрѣ, чрезъ кого получаете вы ихъ?

— И того не знаю.

— О-го! тутъ есть что-то особенно интересное. И вы даже не подозреваете никого, кто бы могъ помогать вамъ такимъ образомъ?

— Рѣшительно никого.

— Странно!

— Да странно, Карраль, и даже жестоко. Повѣрьте мнѣ, еслибъ не любовь, я отказался бы отъ этого таинственнаго дара, столь похожаго на милостыню; я прервалъ бы всѣ сношенія съ свѣтомъ и сталъ бы работать, чтобъ жить своими собственными трудами; я...

— Тихе, тихе, мой другъ; замѣтно, что вы увлекаетесь.... Впоследствии, такъ лѣтъ черезъ десять, когда вы будете знаменитымъ адвокатомъ, — это мое предположеніе, — вы мо-

жете отринуть благотворительные триста франковъ въ мѣсяцъ; но теперь, какъ мнѣ кажется, во всякомъ случаѣ — они не лишняя вещь. Еще разъ, — вы мнѣ не растолковали, какимъ образомъ получаете вы свое жалованье?

— Я не смѣю вамъ сказать: вы не повѣрите.

— Говорите только, а обо мнѣ не беспокойтесь.

— Извольте. Въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца я нахожу пакетъ, тщательно запечатанный и въ которомъ постоянно завернуто пятнадцать луддоровъ.

— Гдѣ жъ вы ихъ находите?

— Здѣсь, на этомъ балконѣ... на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь.

— Странно! повторилъ Карраль: и вы даже не позаботились подстеречь своего благодѣтеля?

— Это была моя давняя мысль. Сколько ночей просиживалъ я тутъ, скрытый за занавѣсками, — и все....

— Напрасно.

— Совершенно напрасно!..

Донъ-Хуанъ, въ раздумѣ провелъ рукою по лбу.

— Вѣроятно, наверху живетъ женщина, прошепталъ онъ.

— Не думаю, возразилъ Ксавье. И притомъ я увѣренъ, что мужчина бросаетъ золото на балконъ.

— Что подало вамъ эту мысль?

— Въ одну ночь, тому назадъ уже годъ, я оставался на своемъ постѣ до самаго утра. Около четырехъ часовъ, слабый шумъ раздавался на балконѣ. Я бросился сюда и замѣтилъ, какъ огромная тѣнь быстро скрылась за угломъ церкви. То была тѣнь мужчины.

— Не ошиблись ли вы?

— Нисколько. — Въ это время дѣлали поправки въ нашемъ домѣ, и мостовая внизу балкона была засыпана пескомъ. — Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, зажегъ свѣчу и вышелъ на улицу. На рыхломъ пескѣ остались слѣды... и то были слѣды мужчины, обутого въ тяжелые башмаки, подбитые гвоздями.

— Стало быть, вскричалъ Карраль: деньги вамъ доставляетъ комиссіонеръ — Овернецъ; Овернцы славятся своими громадными башмаками.

Ксавье задумался на минуту.

— Отвѣчайте мнѣ откровенно, Карраль, сказалъ онъ вдругъ: похожъ ли я на мулата?

Карраль вдрогнулъ и посмотрѣлъ на молодаго человѣка съ угрожающимъ видомъ. Этотъ вопросъ показался ему самой жестокой обидой. Но откровенное лицо Ксавье вскорѣ вывели его изъ темнаго подозрѣнія.

— Не могу отвѣчать вамъ положительно, потому что не видалъ мулатовъ. — Впрочемъ, по той идеѣ, какую я составилъ себѣ объ нихъ, — вы совсѣмъ не похожи на сына негрятки Ксавье вздохнулъ какъ то особенно легко.

— Всѣ мнѣ то же говорятъ, сказалъ онъ: а между тѣмъ....

— Почему, прервалъ его Карраль: вы сдѣлали мнѣ такой вопросъ?

— Я самъ не знаю, почему. Мнѣ въ голову приходятъ иногда ужасныя мысли, — и одна изъ нихъ.... О нѣтъ! я не собою вамъ ее, потому что вы засмѣетесь.

— Я требую отъ васъ, сказалъ улыбаясь Карраль: полнаго довѣрія.

Ксавье, можетъ быть, и высказалъ бы свою завѣтную тайну, еслибъ, въ эту минуту, экипажъ, запряженный двумя красивыми лошадьми, обогнувъ церковь, не остановился передъ воротами дома. — Хотя ночь еще не наступила, но предметы рисовались уже въ какомъ-то полумракѣ.

— Чудесныя лошади! вскричалъ Ксавье, счастливый тѣмъ, что нашелъ случай прервать тягостный разговоръ.

Карраль, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать, схватился за лорнетъ и приложилъ его къ своему глазу.

— Румбри! прошепталъ онъ.

— Въ церковь теперь поздно, сказалъ Ксавье, который не слышалъ ничего: это, вѣроятно, къ кому нибудь изъ нашихъ жильцовъ.

Донъ-Хуанъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Женщина, съ граціозной и гордой осанкой, вышла изъ кареты и посмотрѣла пристально на домъ.

Черный нищій, который, казалось, до сихъ поръ спалъ подъ портикомъ церкви, подошелъ къ ней и протянулъ руку. Но она прошла быстро мимо него, и поднялась по лѣстницѣ въ домъ.

— Я угадалъ! вскричалъ Ксавье.

— Это она, — подумалъ Карраль.

— Странное сходство! проворчалъ нищій, черное лицо котораго выражало какое-то особенное удивленіе: я узнаю, кто она.

Ксавье приложилъ ухо къ замку и прислушивался съ любопытствомъ дитяти, кого изъ сосѣдей осчастливить незнакомка своимъ посѣщеніемъ.

Что же касается до нищаго, то онъ хладнокровно возвратился на свое мѣсто.

Черезъ нѣсколько секундъ, кто-то три раза тихо постучалъ въ дверь комнаты, гдѣ были молодые люди.

— Какое счастье! сказалъ весело Ксавье: это къ вамъ или ко мнѣ...

— Ко мнѣ! отвѣчалъ Довъ-Хуанъ глухимъ голосомъ.

Онъ отворилъ дверь.

Женщина, лицо которой было закрыто вуалью, вошла въ комнату.

— Теперь, я скажу въ свою очередь: не безпокойтесь, мой другъ, произнесъ Ксавье такъ тихо, что только было слышно одному Каррало: я отправляюсь, а куда?.. вы это сами знаете.

Онъ поклонился дамѣ и вышелъ.

Лишь только дверь заперлась за нимъ, лице Каррала измѣнилось внезапно. Его гордый видъ и улыбка, исполненная внутренняго самодовольствія и даже чванства, исчезли въ одно мгновеніе.

Мулатъ въ свою очередь поклонился почтительно дамѣ, и въ какомъ-то боязливомъ и покорномъ ожиданіи стоялъ безмолвно нѣсколько времени.

— Добрая моя госпожа, сказалъ онъ наконецъ прерывающимъ голосомъ: чего хотите вы отъ меня?

II.

Ж о п к и л ь .

Женщина, вошедшая въ комнату, была средняго роста и удивительно хорошо сложена. Если лицо ея и потеряло свѣжесть молодости, то все-таки она была еще прекрасна, и даже можно было скорѣе не годамъ, а усталости приписать томный блескъ ея глазъ и блѣдность щекъ. Это была одна изъ

тѣхъ женщинъ, на которыхъ не дѣйствуетъ время. — Только нѣкоторыя дали бы ей лѣтъ тридцать, и только весьма и весьма немногіе поспорили бы о сорока. Впрочемъ, кто спрашиваетъ и кому какая нужда до лѣтъ прекрасной собою женщины? — Не знаю, Парни или Жантиль-Бернаръ сказалъ когда-то: «Красота не ведетъ счета годамъ, любовь не заботится объ «этихъ подробностяхъ; и прекрасная собою женщина — всегда «молода.»

Что болѣе поражало въ ней, такъ это медленность движеній, небрежныя позы и какал-то слабость, которая такъ идетъ къ женщинѣ. Ея мускулы, по-видимому, чужды были всякихъ усилій; ея гибкіе и нѣжныя члены, казалось, требовали одного покоя.

Кто не знаетъ креолокъ, у которыхъ подъ легкою тѣлесною оболочкою скрывается энергическая душа, которыя своими руками, устающими отъ тяжести опахала, готовы сжать и раздавить крѣпкую руку мужчины, которыя, наконецъ, для исполненія своихъ замысловъ, рѣшаются на всѣ возможныя опасности?

Маркиза Румбри была креолка. Долгое пребываніе въ Парижѣ развило ея природную граціозность и познакомило ее со всѣми ухищреніями и соблазнами Парижанокъ. — Такимъ образомъ, въ ней природа соединилась съ искусствомъ.

Сдѣлавъ учтивый поклонъ Ксавье, она отбросила назадъ свою вуаль.

— Чего хотите вы отъ меня, добрая моя госпожа, повторилъ Карраль, который стоялъ все въ положеніи преступника, боязливо ожидающаго рѣшенія своей участи.

— Ты вспомнилъ наконецъ, мулатъ, что я твоя госпожа? сказала маркиза, показывая пальцемъ на кресла.

Карраль поспѣшилъ ихъ подвинуть.

— Я никогда этого не забывалъ, отвѣчалъ онъ.

Госпожа Румбри сѣла, небрежно поправила складки своего шелковаго платья и, наклонивъ немного голову на плечо, прищурила глаза.

— Мнѣ самой приходится васъ искать, Довъ-Хуанъ Карраль, продолжала маркиза: между тѣмъ, какъ одно мое имя должно было бы заставить васъ явиться ко мнѣ.

Мулатъ хотѣлъ сказать что-то въ свое оправданіе, но движеніе маркизы заставило его снова замолчать. — Это движеніе

означало, что креомѣ нуженъ былъ подъ ноги табуретъ, стоявшій въ другомъ углу комнаты. Карраль принесъ табуретъ, и маркиза, принявъ самое удобное и вмѣстѣ съ тѣмъ живописное положеніе, начала опять разговоръ.

— Я писала къ вамъ два раза. Почему вы не отвѣчали мнѣ!

— Я не осмѣлился....

— Не осмѣлились! нѣтъ, это скорѣе значитъ, что вы не хотите повиноваться мнѣ?...

— Напротивъ! ваши приказанія, сказалъ тихимъ голосомъ

Карраль: всегда будутъ мною исполнены.

Лицо маркизы прояснилось.

— Ты добрый мальчѣ, Жонкиль, сказала она съ самымъ ласковымъ выраженіемъ: посмотримъ, что ты сдѣлаешь?

— Я подружился съ молодымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Карраль: уже съ мѣсяць живемъ мы вмѣстѣ, какъ братья, — и даже одна квартира для насъ обоихъ.

— Прекрасно. Я была всегда увѣрена въ тебѣ. Что же дальѣе?

— Я узналъ исторію его жизни и нѣкоторыя маленькія тайны.

— Благодарю, Жонкиль. — Что же потомъ?

— Маркиза, прервалъ Карраль съ умоляющимъ и печальнымъ видомъ: Ксавье меня любитъ: уже давно меня никто не любилъ. Сжальтесь надъ нимъ! Не дѣлайте ему никакого зла.

— Бѣдный Жонкиль! прошептала маркиза, закинувъ голову на спинку кресель.

Самая безжалостная пронія была видна въ улыбкѣ, съ которою она произнесла эти слова.

Мулатъ же едва могъ удержать порывы ненависти, которою такъ исполнено было его сердце.

— Хуанъ Карраль, продолжала маркиза, посмотрѣвъ на него спокойнымъ и пристальнымъ взглядомъ: неужели это все, что вы сдѣлали?

— Онъ такъ молодъ! прошептала мулатъ.

— Вы удаляетесь отъ предмета нашего разговора, мой бѣдный Жонкиль, сказала маркиза, слегка зѣвая: поговоримъ серьезно. Я вамъ дала приказаніе, — вы его исполнили только въ половину. Это немного опасно для васъ, знаете ли вы?

— Я знаю, сударыня, что я принадлежу вамъ; знаю, что моя безумная гордость сдѣлала меня вашимъ невольникомъ, даже въ странѣ свободы. Я проклинаю тотъ день, когда рѣшился

отказаться отъ моего происхожденія и принять благородное имя! Я думалъ, что въ Европѣ, какъ и тамъ, мулатъ презираемъ всѣми, что на него смотрятъ какъ на парію, на отверженца неба и земли. — Я обманулся, и теперь наказанъ жестоко. — Помню еще до сихъ поръ вашу улыбку, когда вы узнали мое превращеніе изъ ничтожнаго мулата въ знатнаго испанскаго дворянина. Вы были въ правѣ улыбаться, потому что нашли себѣ невольника, котораго никакіе человѣческіе законы не могутъ освободить отъ вашей власти.

— Ты чрезвычайно краснорѣчивъ, Жонкиль, сказала хладнокровно маркиза.

— Вѣчно это имя! вскричалъ съ бѣшенствомъ мулатъ: развѣ вы не понимаете, что если я приму его, вы потеряете надо мною свою власть?

— Ваша правда, Хуанъ Карраль; я имѣю большую въ васъ нужду и буду сожалѣть объ этой потерѣ. Но доканчивайте вашу рѣчь.

Мулатъ былъ пораженъ такимъ саркастическимъ тономъ. Не смотря на то, онъ продолжалъ:

— Пусть я теперь снова вашъ невольникъ; но берегитесь.

Маркиза подняла голову. Но въ этотъ разъ Карраль смѣло выдержалъ ея взглядъ.

— Вы хотите бороться со мною? сказала она небрежно.

— Требуйте отъ меня возможнаго, отвѣчалъ мулатъ: но я не хочу погубить Ксавье.

— Не хотите! произнесла медленно маркиза, и черные ея глаза заблестѣли какимъ-то особеннымъ огнемъ, подъ опущенными рѣсницами.

Мулатъ чувствовалъ, что начинаетъ слабѣть.

— Сударыня! вскричалъ онъ: еще разъ прошу васъ, сжальтесь надъ нимъ! Ему только двадцать лѣтъ; его сердце благородно и чисто. Онъ такъ добръ, великодушенъ, — не знаетъ зла....

— Довольно! прервала маркиза. Вы, кажется, нагбренны истощить мое терпѣніе? Вы даже угрожаете мнѣ, вы смѣли сказать: я хочу. Что сдѣлалось съ вами?...

— Сударыня!

— Молчите!...

— Маркиза, оттолкнувъ ногою табуретъ, поднялась съ кресель и стала прямо противъ Карраля, который, не будучи въ силахъ противиться долѣе, отступилъ на нѣсколько шаговъ.

— Ты боишься, мулатъ! сказала презрительно маркиза: и между тѣмъ рѣшаешься спорить съ своей госпожей! — Ты мой, это ты самъ сказалъ, и сказалъ правду. Не думай, что я считаю тебя своимъ невольникомъ, потому что ты сынъ негра... нѣтъ! ты потому мой невольникъ, что я могу разоблачить тебя и сорвать съ лица твоего маску; потому, что я могу показывать свѣту, что ты, о низость! стыдись своего происхожденія, вмѣсто того, чтобъ поднять голову, какъ прилично человѣку благородныхъ правилъ, скрылся подъ именемъ, украденнымъ нахально! Я открою свѣту твои коварные замыслы — обмануть его глупою сказкой, и не знаю, проститъ ли онъ когда нибудь тебѣ эти преступленія... тебѣ — бѣдному и ничтожному мулату...

— О Боже! вскричала Карраль глухимъ голосомъ.

— Ты не страшись того, продолжала маркиза: что я могу раскрыть твою прошедшую жизнь, могу сказать: «этотъ человѣкъ палъ подъ тяжестью безчестныхъ поступковъ. На лицѣ его еще видны до сихъ поръ слѣды разврата и буйства, которое такъ укоренилось въ немъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ проводить дни и ночи въ картежныхъ домахъ.» Нѣтъ, ты боишься только одного, чтобъ я тебя не назвала когда нибудь въ обществѣ Жонкилемъ или мулатомъ. Повѣрь, Жонкиль, я знаю тебя хорошо, и не изъ жалости просишь ты за Ксавье, а изъ собственныхъ выгодъ, изъ-за того, чтобъ попробовать скинуть то бремя, которое я наложила на тебя, и возмутиться, пользуясь случаемъ, противъ моей власти. — Я прощаю тебя теперь, но помни, что это въ послѣдній разъ.

Трудно было узнать маркизу, когда она говорила эти слова. Она держалась прямо и гордо. Ея глаза блистали чуднымъ огнемъ, брови сдвинулись, и длинная полоса выказалась на ея гладкомъ и мраморномъ челѣ. Все въ ней выражало желѣзную, непоколебимую волю, противъ которой трудно было бороться.

Но лишь только она кончила, то опять опустилась въ кресла и приняла прежнюю небрежную позу. Карраль не думалъ отвѣчать.

На минуту ненависть нашептывала ему мысль о преступленіи. Руки его судорожно простирались впередъ, какъ-бы съ намѣреніемъ задуть это слабое созданіе, которое заставляло его пресмыкаться у своихъ ногъ. Но онъ не осмѣлился; и съ этихъ поръ, подавленный собственною слабостью, призналъ себя побѣжденнымъ.

Карраль познакомился съ Ксавье по приказанію маркизы. Видя его столь довѣрчивымъ и добрымъ, онъ довольно привязался къ нему. Не смотря на то, маркиза поняла его, сказавъ: «не изъ жалости къ Ксавье, а изъ собственныхъ интересовъ, хлопочешь ты о немъ». Мулатъ, въ дѣлѣ защиты друга, дѣйствительно гораздо болѣе думалъ о себѣ и о томъ, какъ-бы избавиться отъ своего ига, чѣмъ о Ксавье и его выгодахъ.

При томъ, переимѣнить имя Каррала на Жонкиля, сдѣлаться опять мулатомъ! о, это было невозможно, благодаря суетной гордости и тщеславію, которое такъ глубоко запало въ его сердце. Послѣ продолжительнаго молчанія, Карраль, прикрывъ свою ненависть маскою униженія, снова началъ говорить.

— Добрая госпожа, сказалъ онъ: я виноватъ и раскаиваюсь; но обещаюсь впередъ повиноваться вамъ безъ всякой отговорки.

— Довольно объ этомъ, сказала маркиза. Каждый имѣетъ свои недостатки. Расскажи лучше исторію молодого человѣка.

Карраль не заставлялъ просить себя, и рассказалъ все, что узналъ о Ксавье. Маркиза слушала его съ большимъ вниманіемъ.

— Незаконнорожденный! прошептала она, когда Карраль кончилъ. Я такъ и думала... Пятнадцать лундоровъ каждый мѣсяцъ!.. пятнадцать лундоровъ невѣстно откуда... О, я открою этотъ источникъ!

Съ минуту она думала о чемъ-то, и потомъ, обратясь къ Карралу и посмотрѣвъ на него пристально, сказала:—Знаете-ли вы, для чего хочу я удалить Ксавье?

— Я никогда не позволю себѣ, отвѣчалъ Карраль лицемѣрно: проникать въ тайны моей доброй госпожи.

— Но я вамъ открою эту тайну: Ксавье любитъ мою падчерицу, дѣвицу де-Румбри.

— Я забылъ вамъ объ этомъ сказать...

— И вы не догадываетесь объ остальномъ?

Карраль принялъ видъ, что онъ ничего не знаетъ, но желалъ бы знать.

Елена Румбри, продолжала маркиза: единственная наслѣдница моего мужа, у котораго не менѣе пяти-сотъ тысячъ франковъ дохода.

— О, какое богатство! вскричалъ мулатъ въ лихорадочномъ волненіи.

— Альфредъ, мой сынъ, имѣлъ бы столько же на островѣ

Сень-Доминго... Но теперь все кончено. Альфредъ, повторяю я, теперь не богаче какого-нибудь мѣщанина...

— А! понимаю: бракъ поправилъ-бы его состояніе.

— Точно такъ!... Но меня страшитъ любовь Елены, и наконецъ странная привязанность маркиза къ молодому человѣку, который, во время Ста Дней, избавилъ его отъ какой-то неминуемой опасности.

— Видно, судьба противится вамъ!

— Удалить обыкновенными средствами, продолжала маркиза, не обративъ вниманія на восклицаніе мюлата: этого таинственного сироту изъ нашего дома было-бы невозможно. Маркизь воспротивился бы этому, а дочь поддержала бы его. Слѣдуетъ прибѣгнуть къ какому-нибудь особенному способу.

— Я ожидаю вашихъ приказаній, сказалъ Карраль.

— Когда я послала васъ сюда, то и сообщила вамъ свой планъ. Забудьте его.

— Тѣмъ лучше! вскричалъ мюлатъ съ замѣтною радостью. Мнѣ теперь не нужно мало-по-малу приучать молодого человѣка къ пороку, и потомъ толкнуть его въ пропасть, изрытую измѣной!...

— Подождите, сказала маркиза: у меня есть уже другой планъ, лучше прежняго. Достаточно одного вечера, чтобъ его выполнить; а главное: ваше великодушное сердце (она слѣзала удареніе на этихъ словахъ) здѣсь нисколько не пострадаетъ. Только слушайте меня.—И тутъ маркиза рассказала свои предположенія, которыя читатель узнаетъ впоследствии.

Карраль слушалъ сперва съ почтительнымъ вниманіемъ; но чѣмъ далѣе маркиза развивала свой планъ, тѣмъ онъ болѣе и болѣе принималъ въ немъ участіе, и даже вѣсколько разъ вскрикивалъ отъ удовольствія. Но когда она замолчала, Карраль пришелъ въ себя, подумалъ о послѣдствіяхъ и невольно ужаснулся. Въ немъ еще было много хорошихъ чувствъ, и поразмысливъ, онъ болѣею частію отказывался отъ недобрыхъ намереній.

— Какъ ты думаешь о томъ, что я сказала? спросила маркиза.

Карраль задумался.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ смиренно: неужели вы требуете, чтобъ я помогалъ вамъ въ этой черной измѣнѣ?

— Кто тебѣ говорить о помощи? вскричала маркиза. Я ни во что не вмѣшиваюсь, ты дѣйствуешь одинъ.

При этомъ неожиданномъ заключеніи мюлатъ не могъ удержаться.

— Моя роль еще была не довольно жестока, сказалъ онъ съ горечью: но, маркиза, если вы на меня одного хотите свалить все зло, я отказываюсь отъ всякаго участія въ вашихъ планахъ.

— Если вы будете такъ упрямы, возразила маркиза: я уйду и постараюсь найти другаго, поговоривъ же васъ.

Она подошла къ зеркалу и граціозно поправила складки накиннутой на плечи кашмировой шали.

— Не пріѣдете ли вы сегодня къ намъ, Донъ-Хуанъ Карраль? продолжала госпожа Румбри. У насъ сегодня соберутся друзья дома.

Карраль опустилъ голову съ мрачнымъ видомъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Вы не будете раскаяваться, если пріѣдете, потому что услышите занимательную исторію мюлата Жюнкля, которую я расскажу моимъ гостямъ.

— Вы этого не слѣдуетъ! вскричалъ Карраль.

— Увидимъ!

— Сжалось, маркиза!

Мюлатъ упалъ къ ногамъ госпожи Румбри, но она медленно прошла мимо него, отворила дверь и исчезла.

Мюлатъ поднялся. Его лицо покраснѣло, а глаза налились кровью.

— Придетъ же и моя очередь, вскричалъ онъ: и я отомщу!...

Въ ту минуту, когда маркиза вышла на площадь, нищій, терпѣливо ее дожидавшійся, подошелъ къ ней и протянулъ руку.

— Опять этотъ негръ, сказала она съ отвращеніемъ, и, отвернувъ голову, сѣла въ карету.

Негръ, по-видимому, не смутился первою неудачей. Онъ подошелъ поближе къ каретѣ и заглянулъ въ нее. Лицо маркизы было освѣщено свѣтомъ фонаря сосѣдняго дома. При видѣ такого упорнаго преслѣдованія, маркиза насунила брови и опустила стору.

Нищій обогнулъ карету и остановился у другой дверцы.

— Уйди прочь! съ сердцемъ вскричала маркиза. Я никогда не подаю неграмъ.

— Креолка! сказал негръ съ значительной улыбкой.

Прошло нѣсколько секундъ. Лакей спросилъ у маркизы, куда ѣхать? Негръ внимательно прислушивался.

— Домой, отвѣчала она.

Вторая стора опустилась. Карета быстро покатила и вскорѣ унеслась изъ вида.

— Домой! подумалъ нищій, оставшись одинъ: но куда домой? Все равно, я увижу ее... какое сходство... Тѣ же черты лица, только волосы другого цвѣта... И при томъ она креолка, потому что не любитъ негровъ... О Боже! если это она!...

Нищій хотѣлъ было идти на свой ночлегъ, какъ вдругъ зашѣталъ подъ балкономъ что-то бѣлое. Это былъ носовой платокъ, обшитый кружевами, платокъ изъ такого тонкаго батиста, что его, казалось, можно было уложить въ пустой грецкій орѣхъ. Нищій поднялъ его и подошелъ къ фонарю.

— Это платокъ креолки. Посмотримъ на мѣтку. Двѣ буквы: Ф и А. О Боже! неужели одинъ случай соединилъ столько обстоятельствъ? неужели не Тебѣ обязанъ я, что нашелъ ее?... Прошло уже двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ; но я заставлю ее вспомнить прошедшее... Да, это она!...

Нищій поворотилъ съ улицы Сень-Жерменъ-де-Прѣ въ улицу Аббей и остановился на порогѣ одного бѣднаго дома, расположеннаго на углу переулка. Онъ жилъ въ пятомъ этажѣ этого дома, въ тѣсной и низкой мансардѣ, потолокъ которой, составленный изъ брусевъ, источенныхъ червями, поддерживалъ аспидную кровлю. Мебель этого чердака заключалась только въ худой кровати и маленькомъ ящикѣ. Но подлѣ отдушины, которая служила окошкомъ, висѣли нѣкотораго рода трофеи, явно противурѣчившіе съ бѣднымъ видомъ всего остальнаго.

Это были, во-первыхъ: капитанскія золотыя эполеты, поверхъ которыхъ висѣла форменная шляпа съ трехдвѣтной кокардой, какую обыкновенно носили военные во время республики. Внизу красовались шпага и подлѣ нея пара богатыхъ пистолетовъ. Войдя въ свое жилище, нищій прямо подошелъ къ ящику, въ которомъ лежала значительная сумма денегъ и портфель. Негръ положилъ туда сборъ этого дня, который былъ, по обыкновенію, не малъ, и потомъ съ живостью открылъ портфель.

— Я угадалъ, сказалъ онъ, просматривъ нѣсколько бумагъ: Ф и А, это начальныя буквы ея имени.

Его душевное волненіе было столь велико, что ноги невольно подгибались подъ тяжестью тѣла. Въ изнеможеніи, онъ упалъ на кровать.

— Двадцать лѣтъ неутомимо искалъ ее, теперь нашелъ, шепталъ онъ: и неужели она опять вырвалась изъ моихъ рукъ? Неужели я снова обманулъ въ своихъ ожиданіяхъ?

Голова его опустилась на грудь. Минуту онъ пробылъ въ этомъ положеніи, какъ-бы убитый несчастіемъ; но тотчасъ же опять выпрямился и какъ-бы вновь ожилъ. Лицо его выражало надежду и довѣренность къ Небесному Промыслу.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричалъ онъ: въ этотъ разъ я не обманулъся... Все мнѣ говоритъ, что это она и что я найду ее... Да! скоро исполнится мое назначеніе.

Черное лицо негра въ эту минуту приняло выраженіе какой-то торжественной печали. Онъ упалъ на колѣни предъ трофеями и поднесъ эполеты къ своимъ губамъ.

Долго оставался онъ въ этомъ положеніи, забывшись среди воспоминаній о прошедшемъ. Потомъ двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ.

— О мой господинъ! сказалъ онъ тихимъ голосомъ: мой добрый господинъ!

Эти слова, казалось, пробудили въ немъ еще съ бѣшею силою до сихъ поръ неугаснувшую любовь, и онъ съ какимъ-то увлеченіемъ поцѣловалъ эполеты.

— Ты тамъ! ты меня видишь! вскричалъ онъ: радуйся, радуйся! потому что твоя послѣдняя воля будетъ исполнена!

III.

Б а л т ь.

Домъ маркиза Румбри, — обширное и прекрасное зданіе, выстроенное между дворомъ и садомъ, — выходилъ фасадомъ на Гренельскую улицу. Щиты, полуразрушенные во время республики, но еще видные до сихъ поръ, и маршалскій жезлъ украшали наружность отеля и рисовались надъ чугуннымъ балкономъ. Домъ маркиза Румбри, въ полномъ значеніи слова, обладалъ всѣмъ тѣмъ, что характеризуетъ жилище вель-

можи. Швейцарская, боковые подъезды,—ничто не было забыто; передъ главною дверью красовалась круглая мраморная лестница, уставленная цвѣтами.

Въ этотъ разъ, назначенъ былъ вечеръ. Главный подъездъ былъ иллюминированъ. Лакеи въ ливреяхъ, безъ шума—какъ слѣдуетъ слугамъ знатныхъ господъ, то опускались, то поднимались по ступенькамъ покрытой коврами мраморной лестницы.—Залы и галереи были ярко освѣщены. Кое-гдѣ, сквозь полуотдернутую занавѣску, замѣтны были снаружи рѣзные карнизы и золоченныя рамы фамильныхъ портретовъ. Люстры сіяли подобно звѣздамъ на небѣ. Лучи свѣта, отражаясь въ стеклянныхъ призмахъ, проходили сквозь занавѣски и сторы оконъ, и бросали фантастическіе отблески на стѣны противоположныхъ домовъ.

Все это замѣтно было снаружи только тогда, когда, пропуская карету, обѣ половинки воротъ растворялись настежь.—Но лишь только скрывались заднія колеса, ворота захлопывались снова и не позволяли болѣе наслаждаться любопытному взору.

Цѣлая куча звѣвакъ толпилась подлѣ дома маркиза. Все, что только въѣзжало на дворъ, привлекало ихъ вниманіе и подвергалось самымъ забавнымъ сужденіямъ.

— Какіе чудесные брилліанты! говорилъ одинъ, показывая на хорошенькую даму, выходящую изъ кареты.

— Фальшивые, отвѣчалъ другой, пожемая плечами съ видомъ знатока.

— Что за свѣжесть лица! повторялъ оптимистъ.

— Это румяны, восклицалъ его противникъ.

Нищіе дополняли картину и увеличивали шумъ своимъ крикомъ:

— Подайте во имя милосердаго Бога!

Около десяти часовъ, сцена еще болѣе оживилась. Кареты съ такой быстротою слѣдовали одна за другою, что ворота были оставлены отворенными. Звѣваки безпрепятственно могли наслаждаться пріятнымъ зрѣлищемъ. Насмотрѣвшись вдоволь, они отправлялись по домамъ, съ ропотомъ на злую судьбу, которая не дала имъ полумилліона годового дохода.

Нищіе были постоянно звѣвакъ. Число ихъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, увеличивалось все болѣе и болѣе. Къ ихъ несчастію, насмѣхъ каретъ было очень мало, и рѣдко рѣдко какой нибудь скромный фіакръ осмѣливался появляться въ ря-

ду великолѣпныхъ экипажей. Такимъ образомъ, нищіе лишены были случая открывать дверцы и опускать подножки.

Залы начали наполняться.

Хотя собраніе у маркизы Румбри не называлось баломъ, однакожь пышность туалета и безукоризненный этикетъ замѣтны были повсюду.

Часы показывали десять съ половиною. Оркестръ взялъ первый аккордъ.

Хозяйки не было дома.—Елена, съ истиннымъ знаніемъ свѣта и съ непринужденною прелестью, занимала мѣсто мачахи... Впрочемъ, всякій интересовался знать, куда скрылась маркиза, и даже самъ господинъ Румбри не разъ посматривалъ съ безпокойствомъ на дверь, ведущую въ отдѣленіе его супруги.

Наконецъ явилась и маркиза. Всѣ обратили на нее вниманіе; женщины завидывали, мужчины удивлялись. Говоръ пронесся по залѣ. Полная прелесть, непринужденности и ловкости, медленно прошла она по комнатамъ, разсыпая вокругъ себя тысячи привѣтствій, сопровождаемыхъ улыбками, и наконецъ сѣла возлѣ Елены Румбри, которая среди всѣхъ одна только могла спорить съ ней красотою.

Маркиза разсталась съ Карралемъ около девяти часовъ. А такъ какъ въ ея лѣта нельзя было пренебрегать туалетомъ, то очень понятно, отчего произошло замедленіе.

Войдя въ залу, маркиза сдѣлала Еленѣ знакъ головою, полный признательности, на что та отвѣчала почтительнымъ поклономъ. Въ послѣднемъ было много принужденности и даже холодности.

Покуда продолжается балъ, мы познакомимъ читателей съ второстепенными героями нашей драмы.

Маркизь Румбри,—дворянинъ, одной изъ первыхъ фамилій во Франціи, прежде до безумія любилъ свою жену. Впослѣдствіи, эта любовь охладѣла. Злые языки поговаривали, что будто невѣрность госпожи Румбри была этому главной причиною. Даже прибавляли, что маркизь скрывалъ все только потому, что не хотѣлъ быть предметомъ насмѣшекъ.

Постоянная борьба съ обстоятельствами сдѣлала Румбри холоднымъ и ничуть незанимательнымъ въ обществѣ. Эмигрантъ, осыпанный милостями старшей отрасли Бурбоновъ, маркизь хотя и держалъ себя, какъ требовало его положеніе въ свѣтѣ, но всегда скучалъ на своихъ вечерахъ. Онъ какъ

будто бы понималъ мысли толпы на свой счетъ; онъ какъ будто бы читалъ во взглядѣ каждаго роковое и оскорбительное слово. Такое предубѣжденіе по неволѣ удаляло его отъ общества.

Маркиза, съ своей стороны, если и нарушила супружескіе законы, то, по крайней мѣрѣ, уже давно поведеніе ея было безукоризненно. Для маркизы любовь существовала какъ занятіе. Теперь же у ней другое вертѣлось въ головѣ, и заводить новыя пинтриги не позволяло время.

Она, можно сказать, безгранично любила своего сына. Это было единственное похвальное чувство въ этой женщинѣ, которую природа, какъ нарочно, надѣлила всѣми прелестями, чтобы лучше скрыть черноту души!

Постояннымъ утѣшеніемъ въ жизни Румбри была дочь его, родившаяся отъ перваго брака, и замѣнявшая ему и свѣтъ, и всѣ его наслажденія. Всякій день благодарилъ онъ небо за то, что оно не послало ему дѣтей отъ настоящей супруги. Что жъ касается до Елены, она любила только отца, короля и Ксавье, который во время Ста Дней, пользовался именемъ Бонапартиста, былъ ея покровителемъ и ревностнымъ защитникомъ. Такимъ образомъ, обстоятельства познакомили и сблизили Ксавье съ старымъ маркизомъ. Не смотря на огромное различіе въ лѣтахъ и общественномъ положеніи, между ними завязалось что-то въ родѣ дружбы. Маркизь опѣнилъ благородное сердце молодого человѣка и невольно полюбилъ его.

Елена въ семнадцать лѣтъ была по истинѣ обворожительнымъ созданіемъ. Типъ ея лица былъ совершенно французскій: опізіомія ея привлекала болѣе пріятностью, нежели правильностью чертъ; большіе глаза, полныя чувства, и маленькій ротикъ, съ розовыми тонкими губками, довершалъ остальное.

Иногда слишкомъ строгое воспитаніе дѣвицъ подавляетъ въ нихъ естественность и простоту. Онѣ привыкаютъ ходить, мыслить, говорить и даже молчать по извѣстнымъ правиламъ, какъ по заданному уроку. Елена избѣгла такого воспитанія. Отецъ ея не предоставилъ свою дочь исключительно попеченіямъ маркизы Румбри; вѣтъ, онъ далъ ей свободу. Въ свою очередь, креолка, желая заслужить довѣренность Елены, была самою ласковою мачихою и никогда не дѣлала ей никакихъ выговоровъ. Но женщины умѣютъ обманывать только мужчинъ. Елена постоянно оставалась въ отдаленіи отъ маркизы.— Она

не вѣрила ея ласкамъ и словамъ, не вѣрила въ особенности тогда, когда дѣло касалось Ксавье или любви. Маркиза нѣсколько разъ пыталась довести Елену до откровенности; все краснорѣчіе женщины и вся хитрость были ею истощены,—но напрасно.... Молодая дѣвушка, воспитанная слишкомъ хорошо, чтобы не уважать жены своего отца, ограничивалась холоднымъ обращеніемъ, и постоянно держала себя въ отдаленіи отъ мачихи.

Побѣжденная съ этой стороны, маркиза начала беспокоиться. Она поняла, что молчаніе Елены гораздо значительнѣе открытаго негодованія. Она измѣрляла любовь по своимъ собственнымъ чувствамъ, и ужаснулась, подумавъ, что капризь можетъ разстроить за одинъ разъ всѣ ея планы, на которыхъ она отнынѣ основывала все свое счастье. Маркиза была женщина и притомъ еще креолка; понятно послѣ того, что ея опасенія зачастую были напрасны или слишкомъ преувеличены, что ея пылкое воображеніе въ предметахъ, не стоящихъ вниманія положительнаго человѣка, всегда находило пищу. Но кто не знаетъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ предчувствіе выше разсчета, что увлеченіе лучше холоднаго и внимательнаго соображенія?

Маркиза, какъ мать, жертвующая всѣмъ для своей любви, хотѣла заранѣе запастись оружіемъ, которымъ она могла бы побѣдить не только дѣйствительныя, но и воображаемыя опасности. Она увидѣла въ Ксавье роковое препятствіе, заграждавшее дорогу ея сыну, а слѣдовательно, и ей самой, потому-что въ материнской нѣжности она сосредоточила всѣ свои чувства. А если женщина, подобная маркизѣ, встрѣтитъ преграду на пути, она преодолѣетъ ее, хотя бы и пришлось пожертвовать жизнію человѣка.

Самъ маркизь еще болѣе увеличивалъ ея опасенія, проговаривался невольно, а можетъ быть, и съ намѣреніемъ, въ семейныхъ бесѣдахъ, о желаніи породниться съ Ксавье.— Не было ли это предлогомъ для маркизы, чтобы начать жестокою войну? Не давало ли это поводъ, въ лицѣ Ксавье, отомстить Еленѣ за ея пренебреженіе къ ней?

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о сынѣ маркизы, безвинной причинѣ неудовольствій и основаніи честолюбивыхъ замысловъ матери. Альфредъ Лефевръ де-Валле былъ мужчиною пяти футовъ и семи дюймовъ вышиною; женщина, слѣдую-

цій новой модѣ, въ бакенбардахъ à la Guiche и едва переводящій дыханіе подъ стянутымъ жилетомъ.

Онъ служилъ образцемъ въ умѣнь одѣваться говорилъ горячо о лошадяхъ, и даже иногда на улицахъ курилъ сигары. Мать утверждала, что онъ очень уменъ, и Альфредъ вполнѣ ей вѣрилъ; что жъ касается до насъ, то, не рѣшаясь произнести слишкомъ рѣзкаго сужденія, мы скажемъ только, что онъ былъ не глубѣе другихъ поклонниковъ моды.

Таковъ былъ молодой человѣкъ, котораго маркиза назначила въ женихи Еленѣ Румбри. Альфредъ же, съ своей стороны, былъ согласенъ на все; а вслѣдствіе того, онъ находилъ Елену прекрасною и вполнѣ достойною его руки, особенно потому, что она имѣла полумилліона годового дохода. Не смотря на это выгодное положеніе дѣла, согласіе на бракъ получить было трудно, потому что маркизъ Румбри не забывалъ измѣны жены своей и косо посматривалъ на Альфреда. Короче, рѣшеніе участи цѣлаго семейства заключалось въ рукахъ Елены, которая могла однимъ словомъ осчастливить маркизу или, напротивъ, отравить всю ея жизнь. Госпожа Румбри поняла это, и, какъ расчетливая мать, начала расхваливать передъ падчерицею своего Альфреда.... Но не смотря на всѣ ухищренія, Елена оставалась холодна и почти не обращала на Альфреда вниманія.

Небольшое разсужденіе объяснило бы причину этого. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли образованной дѣвушкѣ понравиться перетянутый и зашнурованный женихъ, обезьяна моднаго міра?

Маркиза хотя и имѣла прекрасный вкусъ, однакожь была слѣпа къ недостаткамъ своего сына, и потому считала непостижимымъ поведеніе Елены въ отношеніи къ Альфреду.

Она перебрала всѣ догадки, какія только пришли ей на умъ и наконецъ, соединивъ опытность замужней женщины съ гордостью матери, произнесла, какъ аксіому, слѣдующую фразу:

— Чтобъ быть равнодушнымъ къ Альфреду—должно любить другаго!...

За тѣмъ, маркиза начала искать въ толпѣ опытнымъ взоромъ предмета страсти молодой дѣвушки. Она собрала въ одно всѣ обстоятельства, и ея вниманіе остановилось на Ксавье. По какому-то математическому расчету, она угадала, что Ксавье любитъ и любимъ взаимно.

Съ этого мгновенія, маркиза начала непріятельскія дѣйствія.

Карраль, какъ повѣренный, былъ посланъ въ передовомъ отрядѣ. Онъ получилъ отъ своей госпожи приказаніе развратить Ксавье и, какъ мы видѣли, почти началъ свое дѣло.

IV.

Исторія за десертомъ.

Войдя въ залу, маркиза внимательно посмотрѣла во всѣ стороны. Тоже она слѣдала и въ другихъ комнатахъ, гдѣ были гости. Карраля не было. Облачко прошло по ея прекрасному лицу.

— Неужели онъ рѣшился разорвать свои оковы? подумала она.

Маркизъ Румбри, который до того разговаривалъ съ Ксавье, подошелъ къ женѣ и церемонно ей поклонился.

— Мы беспокоились объ васъ, маркиза, сказалъ онъ.

Эти слова заключали въ себѣ вопросъ.

Креолка, прежде чѣмъ отвѣчать, ласково поклонилась Ксавье, стоявшему позади маркиза.

— Вы очень добры, сказала она потомъ. Я забылась за чте-ніемъ и потому такъ долго не являлась къ гостямъ. Извините меня за это.

Маркизъ горько улыбнулся, поклонился вновь и уступилъ свое мѣсто Альфреду Лефевру де-Валле, подошедшему тогда къ матери.

Между тѣмъ Ксавье пригласилъ Елену на французскую кадрили.

— Не видѣлъ ли ты, Альфредъ, Карраля? спросила маркиза.

— Честное слово, я никогда не занимаюсь Карралемъ, отвѣчалъ Лефевръ: скажите лучше, какъ вы находите мой жилетъ? Не правда ли, хорошъ?

— Безъ сомнѣнія.

— А не отъ Штауба.... не вѣрите, если хотите!... О у меня прекрасный портной, я его выведу въ свѣтъ.... онъ пойдетъ далеко!

— Очень вѣрю, проговорила маркиза въ разсѣянности.

— Честное слово! Вы не хотите слушать меня! вскричат Лефевр: это мнѣ кажется удивительнымъ....

— Альфредъ, прервала маркиза: сдѣлай одолженіе, пошла ко мнѣ Каррала; мнѣ необходимо видѣть его.

— Странно! повторилъ Лефевръ, и онъ отправился искать Каррала, не забывая впрочемъ повторять каждому, что его житье не отъ Штауба.

Между тѣмъ, продолжали танцевать кадрили.

Елена и Ксавье танцевали въ противоположной сторонѣ отъ маркизы. — Они разговаривали все время. Но этотъ разговоръ внушилъ бы постороннимъ смѣхъ, такъ онъ былъ незначителенъ, и между тѣмъ въ немъ каждое слово имѣло свой особенный смыслъ, каждое измѣненіе голоса выражало тайну души. — Елена и Ксавье никогда не заводили рѣчи о любви, хотя и знали свои взаимныя чувства. Елена предавалась ей, не размышляя о будущемъ и не терзаясь урывками совѣсти... Впрочемъ, что могло беспокоить ее, если она любила человѣка, котораго уважалъ ее отецъ и называлъ своимъ спасителемъ? Кто знаетъ, можетъ быть, и здѣсь духъ противорѣчія игралъ не послѣднюю роль? Какъ не любить человѣка, котораго ненавидитъ маркиза? Что касается до Ксавье, то онъ любилъ безпредѣльно, вотъ и все. Ему было двадцать два года, жизнь еще представлялась ему въ розовомъ цвѣтѣ, и одно воспоминаніе о какомъ нибудь балѣ дѣлало его счастливымъ на нѣсколько дней.

Только при послѣдней фигурѣ, Елена вспомнила, что ей нужно было сообщить что-то Ксавье.

Она посмотрѣла вокругъ себя съ безпокойствомъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли кого постороннихъ, кто бы могъ подслушать ихъ разговоръ, и потомъ приняла важный видъ.

— Ксавье, начала она тихо: я вамъ сказала, чтобы вы пришли сегодня.

— Еслибъ вы знали, какую радость доставили вы мнѣ этими словами, отвѣчалъ Ксавье страстнымъ голосомъ.

— Не мѣшайте мнѣ высказать мою мысль, прервала молодая дѣвушка: теперь, когда я подумала, чувствую, что была виновата. Я хотѣла васъ вооружить противъ одной особы. Нѣтъ! я скажу вамъ только одно: берегитесь и будьте осторожны.... Когда нибудь, въ другой разъ, сообщу вамъ больше.

— Боже мой! Каррала мнѣ также говорилъ, что у меня есть непріятель....

— Каррала? И онъ не сказалъ вамъ его имени?

— Нѣтъ!... онъ не хотѣлъ!...

— Такъ я вамъ скажу; берегитесь маркизы Румбри.

Лишь только молодая дѣвушка произнесла эти слова, какъ кто-то слегка дотронулся до ее плеча. Елена обернулась, дрожь пробѣжала по ее тѣлу. Маркиза стояла позади ея.

— Вамъ начинать, мое дитя, сказала она, улыбаясь: вы забываете фигуру.

Елена, смущенная и трепещущая, начала фигуру. Маркиза слѣдила за ней самымъ материнскимъ взглядомъ....

— Какъ она мила и граціозна! проговорила креолка такъ, что было слышно Ксавье.

— Елена обманывается, подумалъ этотъ послѣдній.

Взоръ креолки слѣдался мрачнымъ, когда Ксавье не могъ ее видѣть, увлеченный въ средину танцующихъ законами контраданса.

— Я угадала, подумала она: Елена влюблена до того, что принимаетъ въ немъ живое участіе!... и между тѣмъ, Жонкиль не пришелъ....

Ксавье посадилъ Елену на ея мѣсто и самъ удалился въ уголокъ, съ нетерпѣніемъ дожидаясь того времени, когда ему можно будетъ опять пригласить ее на танцы.

Елена, менѣе счастливая, принуждена была принять руку Альфреда Лефевра, который началъ отпускать ей самые отчаянные комплименты, и божиться, что его житье не отъ Штауба.

Около двухъ часовъ утра, явился Каррала. Онъ былъ блѣденъ и опустилъ глаза, когда вошелъ въ залу, чтобы не увидѣть насмѣшливыхъ лицъ своихъ прежнихъ друзей. Мулатъ зналъ, что маркиза не расточаетъ понапрасну угрозы.

Но когда онъ замѣтилъ, что его принимаютъ все какъ обыкновенно, огромная тяжесть свалилась съ его груди. Самоуверенность возвратилась къ нему, и онъ проскользнулъ въ амбразуру окна, чтобы лучше укрыться отъ взоровъ маркизы.

— Я буду наблюдать за нею, подумалъ онъ: можетъ быть, она не осмѣлится исполнить угрозу.... Если жъ она заговоритъ, я покажусь.

Но надежда Каррала быть не увидѣннымъ маркизою не сбылась. Креолка все время дожидалась его и почти не спускала глазъ съ двери. Когда онъ вошелъ, маркиза отправилась въ другія комнаты, увѣренная въ побѣду.

Быть можетъ, она и не заговорила бы о тайнѣ Мулата, еслибъ онъ не явился на вечеръ.

Танцы начали ослабѣвать, время подходило къ ужину, и длинный кружокъ образовался вокругъ хозяйки дома. Госпожа Румбри казалась чрезвычайно веселою. Она говорила такъ умно и остро, что два шестидесятилѣтніе академика не разъ сравнивали ее съ мадамъ де-Деффанъ.

Лакей доложилъ, что ужинъ готовъ. Маркиза, съ очаровательною улыбкою, взяла руку Ксавье и отправилась въ залу, гдѣ былъ накрытъ столъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ скрывался Карраль, она вдругъ засмѣялась, какъ будто ей пришло на память что-нибудь особенное.

— Г. Ксавье, сказала она громко: знаете ли вы исторію Жонкиля?...

Ксавье отвѣчалъ отрицательно. Карраль чувствовалъ на сердцѣ невыразимую печаль, которая даже захватывала его дыханіе.

— А вы, господа? продолжала маркиза, обращаясь къ гостямъ.

— Жонкиль, повторилъ маркизъ Румбри: странное имя!

— Оно очень обыкновенно между мулатами, отвѣчала креолка, язвительно улыбаясь.

— Честное слово, тутъ есть что-нибудь смѣшное! сказалъ Альфредъ Лефевръ.

— Я васъ прошу напомнить мнѣ, чтобъ я рассказала эту исторію, сказала маркиза, обращаясь опять къ Ксавье.

Молодой человѣкъ поклонился. — Толпа гостей медленно тянулась изъ залы въ столовую. — Когда болѣе не оставалось никого, Карраль вышелъ изъ своего убѣжища.

— Она знала, что я скрываюсь здѣсь и потому рѣшилась такъ жестоко подшутить надо мною.... прошептала мулатъ, скрежеща зубами... О! какъ бы устранить эту исторію.... Онъ притворился сколько возможно спокойнымъ и въ свою очередь вошелъ въ галерею.

Вокругъ продолговатаго стола, установленнаго кушаньями, блеснулъ длинный рядъ женщинъ, которыя были всѣ облиты золотомъ, шелкомъ и брилліантами. Позади ихъ, мужчины закусывали гдѣ кто хотѣлъ, въ разсыпную, слѣдуя въ томъ своемъ инстинкту. Лефевръ, предавшись гастрономическимъ заня-

тіямъ, не обращалъ вниманія на жилетъ, который лопался по швамъ и, казалось, хотѣлъ разорваться въ куски....

— Если хотите, не вѣрите, сказалъ Альфредъ де-Валле, увидѣвъ Каррала и обращаясь къ своей матери: что я искалъ Донъ-Хуана цѣлый вечеръ понапрасну.

— Поправдѣ, вскричала маркиза: вотъ ужъ кажется цѣлый вѣкъ, какъ мы не имѣемъ удовольствія видѣть васъ.

Карраль молча поклонился.

— Не были ли вы больны? продолжала маркиза, съ безжалостною заботливостью: и не страдаете ли еще до сихъ поръ?

— Да, я страдаю, отвѣчалъ Карраль.

Маркиза подвинула въ сторону свои кресла.

— Дайте стулъ Донъ-Хуану Карралю, сказала она съ неуловимою для постороннихъ проницею, которая только одному мулату была понятна во всей своей силѣ.

— Садитесь подлѣ меня, продолжала она тѣмъ-же тономъ: больные и дамы имѣютъ одинаковыя права.

Карраль, съ покорностью автомата, расположился подлѣ маркизы.

Разговоръ, на минуту прерванный приходомъ Каррала, вскоре сдѣлался общимъ.

— Маркиза, сказалъ Ксавье, спустя нѣсколько времени: вы поручили мнѣ напомнить вамъ объ исторіи Жонкиля....

— За десертомъ, прервала маркиза, посмотрѣвъ пристально на Каррала.

Послѣдній не смутился. Лицо его казалось бронзовымъ.

— Честное слово, вскричалъ Лефевръ: вы играете нашимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ!..

Маркиза колебалась минуту. Она не знала, начинать ли рассказъ или нѣтъ. — Карраль въ это время посмотрѣлъ на нее. — Креолка приняла этотъ взглядъ за чистый вызовъ на бой, и какъ гости не отставали отъ нея съ прежнею просьбою, то она рѣшилась исполнить свое обѣщаніе.

— Если вы дѣйствительно хотите знать, сказала она, исторію Жонкиля: я готова рассказать ее.

— Ни слова объ этомъ, умоляю васъ! прошептала Карраль раздражающимъ голосомъ.

— На островѣ Сенъ-Доминго, начала маркиза, притворяясь, что не обращаетъ вниманія на слова Каррала: родился му-

латъ, котораго назвали Жонкилемъ. Онъ былъ сынъ негрятки, по имени Пазифеи, и блага слуги....

— Довольно! прохрипѣлъ Карраль, я погублю его.... убью, если нужно....

Маркиза хотя и продолжала разсказъ, но прежде того она отвѣтила на мольбу мулата значительнымъ взглядомъ.... Такимъ образомъ договоръ былъ заключенъ.

Между тѣмъ, маркиза не останавливалась и разсказала все подробности жизни мулата. Только она измѣнила фамилію и нѣкоторыя незначительныя обстоятельства. — Но чтобъ эта переимѣна не могла уменьшить вліянія ея на Карраля, къ концу разсказа она прибавила:

— Вы все или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ васъ, знаете этого мулата. Теперь я не скажу вамъ настоящаго его имени, но когда нибудь, впоследствии, не буду столь скромна.

Такимъ образомъ, освободившись отъ болѣзни быть узаннымъ, Карраль пришелъ въ себя и принялъ свой прежній гордый видъ. Если онъ, слушая исторію своей жизни, разсказанную въ комическомъ видѣ, съ прибавленіемъ язвительныхъ остротъ, вздрагивалъ нѣсколько разъ отъ негодованія, то все-таки умѣлъ подавить свое душевное волненіе. Даже онъ былъ изъ первыхъ, которые настойчиво требовали отъ маркизы, чтобы она открыла настоящую фамилію мулата, преобразовавшагося въ дворянина; только одинъ Альфредъ де-Валле предупредилъ его, вскричавъ:

— Честное слово, далъ бы пятьдесятъ лундоровъ, чтобъ знать имя этого негодя.

Но маркиза была непоколебима, не смотря на все просьбы гостей.

Выйдя изъ-за стола, она взяла руку Карраля.

— Вы безумецъ, сказала она: и заслуживаете еще большаго наказанія.

— Благодарю васъ, что скаплились надо мною, сударыня, отвѣчалъ Карраль.

— Берегитесь на будущее время и помните этотъ урокъ. Теперь же, посмотримъ, какъ вы будете мнѣ повиноваться?... Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстны многіе изъ тѣхъ домовъ?

— Разумѣется.

— Выберите самый подозрительный....

— Уже я знаю, какъ сдѣлать.

— А въ особенности не забудьте о прологѣ...

— Ничего не забуду.

Маркиза случайно взглянула на танцующихъ, и первые, которые представились ея взору, были Елена и Ксавье. Они разговаривали тихо, и любовь виднѣлась въ ихъ глазахъ.

— Видите, продолжала маркиза: время не ждетъ. Когда будетъ все сдѣлано?

— Завтра.

Маркиза не могла удержатъ порыва радости.

— Я надѣюсь на васъ, сказала она: столько же, сколько вы можете надѣяться на награду.

Съ самаго начала этой сцены и до тѣхъ поръ, какъ наконецъ Карраль раскланялся съ маркизою, Румбри не терялъ ихъ изъ виду.

— Какая-то тайна между ними, подумалъ онъ: и что значитъ умоляющій видъ съ одной стороны, а съ другой взглядъ, полный угрозы, что значать эти перимигиванья во время стола? О! проклять тотъ день, когда она вступила подъ кровлю дома Румбри.

V.

Искушеніе.

Мы еще на балѣ маркизы Румбри. Въ ту минуту, когда она раскланялась съ Карралемъ, Ксавье отвелъ Елену на ея мѣсто.

Въ третій и послѣдній разъ танцовалъ онъ съ нею. Теперь балъ не представлялъ ему болѣе ничего: онъ исчерпалъ всю долю своего счастья. Уединившись въ самый мрачный уголокъ залы, онъ разсматривалъ этотъ блестящій потокъ, который сверкалъ передъ нимъ своими радужными искрами. Его видъ былъ печаленъ, и вообще на Ксавье, когда подлѣ него не раздавались утѣшительныя слова Елены, находили всегда мрачныя мысли. Онъ сравнивалъ себя съ другими, и это сравненіе еще болѣе дѣлало его несчастнымъ.

Другіе имѣли отца, фамилію, которою могли гордиться, и въ особенности мать, которой могли довѣрить свою печаль или радость. Онъ же былъ совершенно одинокъ. Только единъ...

стенная женщина сочувствовала его страданіямъ; она любила его....

Но что въ этомъ пользы, когда судьба положила между любящими сердцами цѣлую пропасть?

По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, всѣ его печальныя мысли сливались въ одну: Елена будетъ принадлежать другому, Елена не можетъ быть его!... Предъ этой ужасающей истиной все исчезало; онъ забывалъ и любовь свою къ матери, неизвѣстной ему, и желаніе узнать отца, которое такъ занимало его.

Елена, Елена! Не есть ли она его единственное сокровище, единственное счастье? Не она ли одна только излила благодѣтельный бальзамъ на рану души его? Не любовь ли Елены наконецъ замѣнила ему отца и мать?

Взоръ его слѣдилъ за Еленою во все время танцевъ. Несчастный Ксавье завидовалъ тѣмъ, кто танцевалъ съ нею, и даже ревновалъ тѣхъ, кто былъ ея *vis-à-vis*. Изъ обожателей Елены всѣхъ болѣе возбуждалъ его ревность Альфредъ де-Валле, который казался ему образцемъ молодыхъ людей въ умѣнны держать себя и одѣваться. Роскошь, которую по мѣрѣ возможности окружалъ себя сынъ креолки, ослѣпляла Ксавье, едва знакомаго со свѣтомъ.

Притомъ, всѣ желанія молодого человѣка имѣли связь съ Еленою. Когда онъ говорилъ: ахъ, еслибъ я былъ богатъ! то понималъ, что богатство приблизило бы его къ ней. Къ словамъ же: ахъ, еслибъ я былъ богатъ, онъ тотчасъ прибавлялъ: ахъ, еслибъ я былъ дворянинъ! потому что зналъ, что тогда Румбри предпочелъ бы его всѣмъ искателямъ руки Елены.

Въ то время, когда Ксавье размышлялъ такимъ образомъ, Альфредъ прошелъ мимо его, опершись на руку англomана, котораго бѣлый галстухъ былъ вышиною въ шесть дюймовъ.

— Что, вы были счастливы эту ночь, *my dear*? спросилъ англomанъ.

— Если хотите не вѣрите, Сотенакъ, отвѣчалъ Альфредъ Лесевръ, а я выигралъ 500 ливрововъ въ послѣднюю ставку.

— Десять тысячъ франковъ! подумалъ въ изумленіи Ксавье.

— Бездѣлица, возразилъ Англomанъ, *it is very...*

И такъ какъ онъ не нашелся болѣе, что прибавить, то кончилъ фразу какимъ-то барбаризмомъ съ британскимъ окончаніемъ.

— Честное слово! вскричалъ Альфредъ, я никогда не слышалъ, чтобы кто-нибудь провозносилъ это слово въ Англійи.

— Очень возможно, отвѣчалъ англomанъ, нѣсколько смутившись, это слово ирландское.

— А, другое дѣло. Кстати, знаете ли вы Имберта Пресма?

— Знаю, что жъ изъ того?

— Не вѣрите, если хотите, Сотенакъ; а онъ выигралъ у лорда Сиднея Стурма десять тысячъ ливровъ.

— Вотъ миленькій выигрышъ!...

Оба денди удалились.

— Десять тысячъ ливровъ! прошепталъ Ксавье: это составляетъ двѣсти тысячъ франковъ!

— Что? не воображаете ли вы себя миллионеромъ? раздался подлѣ него голосъ Хуана Каррала.

Ксавье покраснѣлъ.

— Какая глупость! сказалъ онъ, запинаясь.

И потомъ, ободрившись, прибавилъ:

— Что сказала вамъ та дама, которая пріѣзжала въ каретѣ?

Карраль нахмурилъ брови, и лобъ его покрылся морщинами.

— Я васъ прошу, не упоминайте мнѣ ни слова объ этомъ.

— Не хотите ли, продолжалъ мулатъ послѣ минутнаго молчанія: пройтись по заламъ?

Ксавье поднялся со стула и взялъ руку Каррала. Молча прошли они нѣсколько комнатъ. Ксавье былъ занятъ своею мыслию, а Карраль думалъ о планѣ маркизы, отъ котораго нельзя было уклониться.

Наконецъ Ксавье, увлеченный идеею, пришедшею ему на умъ во время разговора двухъ денди, повторилъ машинально:

— Двѣсти тысячъ франковъ!

— Что такое? спросилъ въ удивленіи Карраль.

— Я никогда не игралъ, сказалъ рѣзко Ксавье, смотря на своего друга: можно ли дѣйствительно выиграть двѣсти тысячъ франковъ въ одинъ вечеръ?

Удовольствіе выказалось на лицѣ мулата.

— Очень можно, даже въ двѣ минуты, отвѣчалъ онъ.

— Двѣсти тысячъ франковъ!

— Какое?... Двое болѣе, вдвое болѣе, вдесятеро, вскричалъ Карраль, ударяя на каждомъ словѣ.

— Непостижимо! прошепталъ Ксавье. Такимъ образомъ, съвши за карты бѣднякомъ, можно встать...

— Миллионеромъ, докончилъ Карраль. Это случается безпрестанно.

— Непостижимо! повторилъ Ксавье, снова задумавшись.

Мулатъ посмотрѣлъ на него, какъ хищная птица смотритъ на свою жертву. Мысли Ксавье невольно сошлись съ тайнымъ желаніемъ мулата.

— Бѣдный на половинѣ дороги! подумалъ онъ... Ахъ, еслибъ отомстить когда-нибудь этой презрѣнной женщинѣ!....

Ксавье, казалось, хотѣлъ подтвердить его предчувствіе, потому что вдругъ, пожавъ крѣпко его руку, вскричалъ съ удивленіемъ дитяти:

— Идемъ играть!

— Играть! повторилъ Карраль, который тотчасъ принялъ на себя видъ ментора: вы потеряли голову, мой другъ?

— Я не понимаю вашихъ словъ... Развѣ не каждый вправѣ играть?

— Это правда, но...

— Чтѣ значить это но? вскричалъ Ксавье съ нетерпѣніемъ.

— На вашемъ мѣстѣ, я бы не игралъ... здѣсь, отвѣчалъ мулатъ, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

И такъ какъ Ксавье посмотрѣлъ на него вопросительно, какъ бы ожидая объясненія, Карраль прибавилъ:

— Вы, мой другъ, также невинны, какъ дѣвушка. Развѣ вамъ не извѣстно, что свѣтъ вооруженъ противъ игроковъ?

— Знаю, однакъжъ....

— Я понимаю, чтѣ вы хотите сказать. Сотенакъ играетъ, не правда ли? Лордъ Стурмъ также, командоръ Керамбласъ также, Сень-Дидь еще болѣе... Но Сотенакъ ожидаетъ огромнаго наслѣдства; Лордъ Стурмъ—Англичанинъ, не играть значитъ компрометировать цѣлую націю; Сень-Дидь, эта массивная кукла, женатъ: когда имѣешь многочисленную фамилію, позволяется проѣдать свое родовое имѣніе... Наконецъ, командоръ Керамбласъ Бретонецъ и совершенно разоренъ... карты, вотъ его единственное достояніе. Чтѣ касается до васъ, тутъ другое дѣло. Кто пользуется хорошо репутаціею да бѣденъ, тотъ долженъ всѣми силами поддерживать ее, въ противномъ случаѣ...

— Угадываю остальное, прервалъ Ксавье, опуская голову: я не хочу теперь играть.

— Напрасно! вскричалъ Карраль съ безпокойствомъ. Можно было бы разъ попытаться. Впрочемъ какъ хотите.

Ксавье не отвѣчалъ. Его минутная фантазія остыла.

Но въ это время, какъ бы нарочно, показался Альфредъ подъ руку съ командоромъ Керамбласомъ. Можетъ быть, уже въ двадцатый разъ рассказывалъ онъ приключенія знаменитаго вечера.

— Если хотите не вѣрять, Керамбласъ, говорилъ онъ: Имбертъ Пресмъ, вы знаете его? выигралъ десять тысячъ ливровъ у лорда Сиднея Стурма!....

— Такъ вы совѣтуете мнѣ попробовать счастья, Карраль? спросилъ Ксавье небрежно, какъ бы не давая вѣса своимъ словамъ.

— Но вы не хотите! отвѣчалъ мулатъ.

— Нѣтъ, я только такъ сказала.

— Бѣдный! подумалъ Карраль, отвелъ Ксавье въ сторону.

— Я игрокъ, началъ онъ тихо и съ таинственнымъ видомъ: слышите ли, Ксавье, я игрокъ?... Поэтому самому, я не хочу, чтобы вы заразились этою страстію, ужасною и даже смертельною!....

Нельзя было притворяться такъ искусно, и въ самомъ дѣлѣ Карраль говорилъ правду. Онъ былъ краснорѣчивъ, потому что дѣло касалось самой чувствительной струны его сердца.

— Но вы можете сыграть одинъ разъ, продолжалъ мулатъ, одинъ только разъ, потому что новичкамъ всегда счастье. Не прерывайте меня и не пожимайте плечами, я сказалъ старую истину: что въ первый разъ всегда выигрываютъ. Слушайте! Не здѣсь должны мы играть, это васъ погубитъ, и ни въ какомъ публичномъ мѣстѣ, гдѣ васъ могутъ узнать, нѣтъ! мнѣ извѣстно одно мѣстечко....

— Картежный домъ! вскричалъ Ксавье съ отвращеніемъ.

— Какая намъ нужда до названія!... Много знаменитыхъ лицъ посѣщаютъ картежные дома... Главное, чтобъ насъ не узнали.

— Я никогда не рѣшусь... началъ Ксавье.

Въ это время опять послышался голосъ Альфреда Лефевра:

— Честное слово, онъ выигралъ десять тысячъ ливровъ!

— Я иду! вскричалъ Ксавье: иду завтра.

— Мы пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ мулатъ, скрывая торжествующую улыбку.

Залы постепенно пустѣли. Двое друзей тоже приготовились уйти. Въ ту минуту, когда они брали шляпы, къ нимъ подошелъ маркизъ Румбри.

— Мы отправимся на этой недѣлѣ въ деревню, сказалъ онъ, обращаясь къ Ксавье: чтобы насладиться на свободѣ послѣдними днями нашего лѣта. Надѣюсь, мой молодой другъ, что вы доставите намъ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ.

Это почти непредвидѣнное приглашеніе должноствовало играть важную роль въ участи Ксавье.

Начало разсвѣтать. Домъ маркиза Румбри не представлялъ болѣе того веселаго вида, который мы описали. Обширное зданіе возвышалось теперь какъ-то особенно мрачно. Огни блѣднѣли и окна не бросали болѣе сквозь занавѣски прежняго блеска. Дамы, сходившія со ступенекъ лѣстницы, скрывали усталыя лица въ длинныя кашапоны.

Къ шуму уѣзжавшихъ каретъ присоединялось и нетерпѣливое топаніе копытами лошадей и наконецъ крики лакеевъ, подымавшихъ экипажи своихъ господъ.

Карраль и Ксавье съ трудомъ нашли фіакръ, чтобы доѣхать до дома.

— И такъ, мы завтра идемъ? сказалъ Карраль, ложась спать.

— Идемъ! отвѣчалъ Ксавье.

VI.

Улица Сервандони.

Одѣвшись, Ксавье колебался еще нѣсколько времени.

Одна мысль идти въ картежный домъ внушала ему отвращеніе. Но съ другой стороны, слова, произнесенныя Карралемъ: «въ первый разъ всегда выигрываютъ», безпрестанно приходили ему на память и побуждали его рѣшиться на все.

— Я схожу только одинъ разъ! повторялъ онъ, какъ бы успокоивая свою совѣсть этимъ заключеніемъ. Должно же ознакомиться съ добромъ и зломъ, чтобы умѣть отличать первое отъ послѣдняго.

Когда онъ вошелъ въ комнату Карраля, тотъ стоялъ предъ конторкой и писалъ.

— Каждый имѣетъ свои маленькія тайны, сказалъ Карраль, какъ-бы боясь, чтобы Ксавье, подошедши ближе, не прочиталъ его записки. Я у васъ прошу только одной минуты.

Ксавье возвратился въ спальню. Карраль между тѣмъ кончилъ письмо, написалъ адресъ и, отворивъ окно, кликнулъ Овернца.

Черный вицій стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, опершись на длинную палку. При скригѣ, произведенномъ отворяющимся окномъ, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на балкона, но тотчасъ опустилъ ее, замѣтивъ мулата.

— Отнеси это письмо по адресу, сказалъ Карраль, обращаясь къ Овернцу, который подошелъ къ самому дому.

Комиссіонеръ схватилъ на лету брошенную ему записку. Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ отправиться исполнить порученіе, онъ сѣлъ на ступеньку паперти.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Карраль съ нетерпѣніемъ.

Вмѣсто отвѣта, невинное дитя горъ началъ громко по складамъ читать адресъ даннаго ему письма.

— Гос..по..ди..ну....

— Молчи! молчи! вскричалъ мулатъ.

Ницій, безстрастный во все время этой сцены, началъ теперь прислушиваться.

— Ком..ми..сса..ру, продолжалъ безостановочно Овернецъ.

Балконъ занималъ немаловажную часть узкаго фасада дома, и полураскрытое окно въ комнатѣ Ксавье позволяло видѣть молодого человѣка, окончивающаго свой туалетъ. — Карраль, посмотрѣвъ внимательно въ эту сторону, вскричалъ:

— Я запрещаю тебѣ читать адресъ.

Но мальчикъ, погруженный въ свои занятія, какъ? истинный археологъ, который бьется по дѣлымъ днямъ за хартіей мервингской, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на запрещеніе и продолжалъ:

— По..ли..ціи... квар..та..ла....

— Негодяй! проворчалъ Карраль, вышедшій изъ себя: Ксавье показался у окна.

— Кому говорите вы это, мой другъ? спросилъ онъ.

— О никому.... просто такъ, отвѣчалъ Карраль, зашнѣясь и смущеннымъ голосомъ.

— Свя..таго.... Суль..ни..ці..я., докончилъ спокойно комиссіонеръ.

За тѣмъ онъ всталъ и снимая фуражку, прибавилъ:

— Нуженъ ли отвѣтъ, господинъ?

— Не нужен! отвѣчалъ мулатъ. Ступай скорѣе.

Овернецъ исчезъ за угломъ церкви.

— Г. комиссару полиціи квартала св. Сульпиція, повторилъ нищій: это что-нибудь да значить.... Надо подсмотрѣть за нимъ.

Съ уходомъ комиссіонера, Карраль успокоился.

— Пойдемте теперь, сказалъ онъ весело, и попробуемъ счастья.

— Не сегодня, отвѣчалъ Ксавье.

— Вы отказываетесь, это не хорошо.

— Не то, что отказываюсь, но не могу рѣшиться.... притомъ, не смотря на то, что первыя числа мѣсяца, у меня нѣтъ еще денегъ.

— Я дамъ вамъ ихъ, воскликнулъ Карраль....

И въ эту минуту онъ почувствовалъ у себя что-то подъ ногою.

— Да вотъ, кажется, само счастье покровительствуетъ молодому человѣку, продолжалъ онъ, поднимая съ полу свертокъ.— Какъ онъ кстати теперь....

Ксавье заглянулъ въ бумажку. Тамъ, по обыкновенію, находилось пятнадцать луйдоровъ.

— Судьба того хочетъ, пропенталъ онъ: пойдемте.

Карраль не могъ удержаться отъ радостной улыбки.

Когда они вышли на улицу, чернѣй нищій подошелъ къ нимъ и протянулъ руку къ Ксавье, но тотъ не замѣтилъ этого и прошелъ мимо, занятый своею главной идеей.

— Куда же идти? спросилъ молодой человѣкъ у Карраля.

— Въ улицу Сервандони, не далеко отъ церкви св. Сульпиція. Нищій съ грустью опустилъ голову и пропенталъ:

— Онъ отказываетъ мнѣ въ первый разъ.... О! этотъ товарищъ погубить его!... Но объ чемъ они говорили?... Мнѣ слышалось, что пріятель его сказалъ: въ улицу Сервандони, не далеко отъ церкви св. Сульпиція.... а письмо?... Тутъ что-то скрывается; я страшусь за него!...

И за тѣмъ онъ пошелъ быстрыми шагами, держась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ двухъ друзей, которые уже повернули за уголъ Сенъ-Жерменской площади. Когда же нищій вступилъ въ улицу Сервандони, преслѣдуемые входили въ низенькую дверь одного дома.

Эта дверь вела сперва въ узкой коридоръ, оканчивающійся лѣстницей. Съ перваго взгляда, домъ казался необитаемымъ. Пять

оконъ, въ первомъ этажѣ, выходившія на улицу, были такъ искусно задернуты зелеными занавѣсками, что невозможно было никакимъ образомъ проникнуть любопытному взору снаружи во внутренность зданія. Въ остальныхъ двухъ этажахъ приняты были тѣ же самыя предосторожности. Весь домъ погруженъ былъ въ какое-то странное безмолвіе и составлялъ рѣзкій контрастъ съ сосѣдними зданіями, гдѣ царствовали шумъ и движеніе.

Не смотря на то, однако жъ, не проходило ни одной минуты, чтобъ новыя лица не показывались въ коридорѣ. Входившіе въ домъ предварительно осматривались по сторонамъ и, казалось, чего-то боялись.

Хотя нищій и мало былъ знакомъ со всеѣмъ тѣмъ, что мы называемъ общимъ именемъ *септъ*, однако жъ онъ догадывался о всемъ происшедшемъ. Чтобы не выпустить ничего изъ глазъ, онъ прислонился къ стѣнѣ противоположнаго дома, откуда, не будучи самъ замѣченъ, могъ производить свои наблюденія. Въ скоромъ времени, множество новыхъ примѣтъ, въ частности мало значущихъ, увеличили его опасенія. То въ верхнемъ этажѣ поднималась слегка занавѣска и слышался женскій голосъ, то звонъ металла поражалъ изрѣдка его слухъ, казалось, будто бы золотыя монеты въ безпорядкѣ сыпались на столъ. Иногда выходилъ изъ дому лакей и занималъ близъстоящій фіакръ. При его знакѣ, приходили въ движеніе не только извозчики, но и цѣлая толпа нищихъ, нарочно оставившихъ двери церкви св. Сульпиція, подвигалась къ подъѣзду. Спустя нѣсколько минутъ, появлялся на порогѣ какой-нибудь человѣкъ или съ радостью на лицѣ и веселою улыбкою, или съ поникнутой головою и проклятіемъ на устахъ.

Въ первомъ случаѣ, бѣдняки окружали его и требовали милостыни, какъ чего-нибудь должнаго; во второмъ же, они пожимали плечами и отходили прочь.

— Что происходитъ тамъ? думалъ про себя нищій.

Прошелъ часъ, и на порогѣ появился Карраль. При видѣ негра, онъ сдѣлалъ неприятную мину и, казалось, хотѣлъ воротиться назадъ.

Впрочемъ, это смущеніе продолжалось не долго. Карраль опротивился и, смѣло переступивъ черезъ порогъ двери, быстрыми шагами пошелъ по улицѣ.

Ксавье остался одинъ.

Холод пробѣжалъ по членамъ чернаго нищаго, — и новая мысль разсѣяла его сомнѣніе. Выходящіе изъ дому, то разочарованные, то слишкомъ веселые; нѣсколько словъ, слышанныхъ отъ нищихъ, и наконецъ видъ злANIA, все показывало ему, что онъ находится подлѣ игорнаго дома.

Но удаленіе Каррала и это письмо?... Онѣ должны скрывать какую нибудь западню.

Ничій оставилъ свое мѣсто и перешелъ черезъ улицу.

— Мнѣ нужно видѣть его; мнѣ нужно говорить съ нимъ, — шепталъ онъ.

Въ то самое мгновение, когда ничій готовился войти въ домъ, три человѣка, одѣтые въ черное платье, показались на поворотѣ улицы и вскорѣ очутились на крыльцѣ. Остановившись въ корридорѣ, они дожидались нѣсколько времени жандармовъ, которые наконецъ появились изъ-за угла церкви св. Сульпиція. Вслѣдъ за тѣмъ, старшій изъ трехъ вынулъ изъ кармана бѣлый шарфъ, подпоясаясь имъ и сказалъ:

— Господа, пойдѣте!

Ничій ударилъ рукою по лбу.

— Понимаю, понимаю! произнесъ онъ съ грустію: письмо.... его хотятъ погубить, и я не могу ничѣмъ пособить ему!

Между тѣмъ, вотъ что происходило во внутренности дома. Когда Карралъ и Ксавье поднялись по спиральной лѣстницѣ въ первый этажъ, имъ встрѣтился лакей и спросилъ, что имъ угодно. Карралъ сдѣлалъ знакъ, по которому его узнали. За тѣмъ, лакей отворилъ другую дверь, — и друзья очутились въ обширной залѣ, освѣщенной довольно ярко двумя люстрами, не смотря на то, что былъ еще день.

Въ залѣ, почти по серединѣ, стоялъ огромный столъ, окруженный тройнымъ рядомъ игроковъ. На краю его расположилась банкометъ.

При появленіи двухъ друзей, никто даже не повернулъ головы. Всякій такъ сильно интересовался перемѣнами счастья, что развѣ только паденіе потолка или прибытіе полицейскаго комиссара могло вывести ихъ изъ забвѣты.

Не смотря на то, Карралъ и Ксавье нашли, съ кѣмъ завести разговоръ.

Хозяинъ игорнаго дома, маленькій, чахоточный человѣчекъ, какъ видно знакомый Карралу, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Каково поживаете?... пріятель вашъ изъ добрыхъ?

Последнія слова онъ произнесъ тихо и мигая глазами.

— Это—мой другъ, отвѣчалъ мулатъ.

— Считаю за счастье познакомиться, сказалъ тогда хозяинъ, обращаясь къ Ксавье съ ласковою улыбкою, которая впрочемъ не совсѣмъ удалась ему; все мое заведеніе къ вашимъ услугамъ. Здѣсь — у насъ *тридцать* и *сорокъ*, направо *экарте*, на лѣво *бульотъ*; во второмъ этажѣ — *вистъ*, *рулетка* и банкъ: — Выбирайте, что хотите. Въ третьемъ же....

— Довольно, довольно, господинъ Муте, перебилъ Карралъ.

— Ги! ги! продолжалъ Муте, съ сардоническою улыбкою. Значить, господинъ не знаетъ того, что у насъ въ третьемъ этажѣ.

Карралъ заставилъ его замолчать жестомъ.

— Все равно, все равно,—проворчалъ Муте, отходя въ сторону: въ первомъ или въ третьемъ этажѣ, все таки вы здѣсь оставите свои денежки.

У Ксавье, все это время, на сердцѣ лежала какая-то особенная тяжесть. На что ни смотрѣлъ онъ, все возбуждало въ немъ отвращеніе, которое становилось со всякою минутою сильнѣе. Во взорахъ каждаго игрока отражались попеременно тѣ чувства, которыя волновали ихъ: то отчаяніе, то убійственная эгоистическая радость, то, наконецъ, ледяное и непоколебимое равнодушіе. Всѣ присутствовавшіе въ залѣ были одѣты большею частью бѣдно и съ какимъ-то цинизмомъ. Грязные воротники рубашекъ выказывались изъ-за галстуховъ, изорванныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; пыль густымъ слоемъ покрывала платья. — И несмотря на то, золото обильно сыпалось изъ всѣхъ кармановъ. Нѣсколько женщинъ, богато, хотя и безъ всякаго вкуса одѣтыхъ, перемѣшивались съ игроками.

— Мы пришли не для наблюденій, сказалъ Карралъ: смотрѣть не такъ весело.... кстати, умѣете ли вы играть въ вистъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ксавье.

— А въ экарте?

— Немного.

— И это не годится... а что скажете о бульотѣ?

— Еще хуже.

— Значить, намъ остается выбирать или рулетку, или *тридцать* и *сорокъ*... Что хотите?

— Я не имѣю понятія ни о той, ни о другой игрѣ.

— Это не бѣда, мой другъ; рулетка и *тридцать* и *сорокъ* —

равно хороши и равно изобрѣтены для людей, неумѣющихъ играть во что-либо другое; — подобно вамъ... Рулетчикъ все сдѣлаетъ за васъ, что нужно; вамъ же придется только или платить, или получать... И такъ выбирайте...

Первою мыслию Ксавье было удалиться скорѣе; но онъ зашелъ уже слишкомъ далеко и отступить было поздно.

— Идетъ рулетка, сказали онъ.

Карраль взялъ молодого человѣка за руку и повелъ во второй этажъ. Муте предупредилъ ихъ.

— А, господинъ хочетъ попробовать счастья въ рулеткѣ, вскричалъ онъ: желаю удачи.

Зала второго этажа составляла совершенное подобіе залы перваго, но только здѣсь посреди стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, возвышалась роковая машинка, съ своими черными и красными ящичками, означенными особенными номерами.

— Вотъ рулетка, сказали Карраль: начнемъ смѣлѣе.

Онъ увлекъ Ксавье и посадилъ на мѣсто, оставленное какимъ-то несчастнымъ, разореннымъ совершенно этой незатѣйливой машинкой.

Сначала, Ксавье не понималъ ничего. Изъясненія Карраля, стоявшаго позади, только болѣе сбивали его. Онъ видѣлъ, какъ повертывалась рукоятка, какъ вертѣлся, пущенный искусною рукою, шарикъ и какъ этотъ шарикъ попадалъ въ ящичекъ; при этомъ банкометъ рѣзкимъ голосомъ произносилъ свои техническіе термины:

Черная, нечетъ и мажировало! или:

Красная, четъ и пасъ.

За тѣмъ, одинъ изъ банкометовъ, собиралъ у проигравшихъ деньги, другой же, съ необыкновенною ловкостью, раздавалъ выигравшимъ золотые луйдоры или пяти-франковыя монеты.

Спустя десять минутъ, капиталъ Ксавье увеличился двумя луйдорами.

— Куда мнѣ поставить? спросилъ онъ у Карраля.

— Куда вамъ вздумается, отвѣчалъ мулатъ.

Ксавье, въ свою очередь, поставилъ ставку. Игрѣй палъ на ящичекъ съ 23 номеромъ.

— Партія начата, провозгласилъ банкометъ: кто еще хочетъ?

Рулетка завертѣлась снова; шарикъ, выскочивъ изъ одного ящичка, попалъ въ другой и наконецъ остановился въ третьемъ.

— *Красная, нечетъ, выиграна.*

— Выигралъ! вскричалъ Карраль съ удивленіемъ: вы рисковали, но все къ лучшему, продолжайте.

Банкометъ бросилъ 36 луйдоровъ на долю Ксавье.

Хотя молодой человѣкъ еще не постигъ тайны рулетки, но неожиданный выигрышъ взволновалъ его сердце. Онъ подвинулся ближе, облокотился на столъ и вскорѣ предался всей душою этому демону, который постоянно паритъ надъ зеленымъ сукномъ.

Карраль отступалъ мало-по-малу.

Ксавье даже не замѣтилъ отсутствія своего товарища. Онъ игралъ со страстью, съ увлеченіемъ. Самыя рискованныя ставки, сдѣланныя по неопытности, удавались ему безпрерывно и тѣмъ еще болѣе возбуждали его смѣлость. Черезъ полчаса, передъ нимъ красовалась огромная куча золота и билетовъ. Всѣ смотрѣли на него съ завистью; самъ Муте подошелъ къ столу и началъ сдѣлать за игрою. Одинъ только банкометъ оставался безстрастнымъ. Какъ машина, нечувствительная ко всему, вокругъ нея происходящему, онъ продолжалъ вести игру и по-прежнему оставался холоднымъ орудіемъ счастья. У Ксавье голова кружилась, кровь кинулась въ лице и покрыла его багровою краскою. По мѣрѣ увеличенія сокровищъ, лихорадочная дрожь пробѣгала по его членамъ.

— Все за одинъ разъ! вскричалъ Ксавье, подвигая выигрышъ впередъ. Тамъ было около тридцати тысячъ франковъ. Банкометъ взглядомъ спросилъ Муте о позволеніи *держатъ*. Муте согласился.

Всѣ другіе игроки сняли свои ставки и съ нетерпѣніемъ начали дожидаться роковой минуты.

Банкометъ вернулъ рулетку.

Но въ это самое мгновеніе, Муте, который посмотрѣлъ тогда на двери, испустилъ ужасный крикъ. Нѣкоторые подняли головы и повторили сигналъ. Электрическая искра пробѣжала по тройному ряду игроковъ. Одинъ только Ксавье продолжалъ сдѣлать за оборотомъ рулетки.

Онъ не слышалъ и не видалъ ничего. Мы сказали уже, что или паденіе потолка, или развѣ появленіе полицейскаго комиссара, можетъ прервать вниманіе игроковъ. Одно изъ этихъ сильныхъ потрясеній произошло въ настоящую минуту. Человѣкъ въ черной одеждѣ и съ бѣлымъ шарфомъ стоялъ на порогѣ комнаты. Муте, при видѣ полицейскаго комиссара, принялъ пе-

чальное выражение и прошепталъ грустнымъ голосомъ: Я разочужь... я пропалъ...

Игроки хотѣли бѣжать, но комиссаръ загородилъ имъ дорогу. Въ ту же минуту, ружейка кончила свое дѣйствіе и шарикъ попалъ въ ящичекъ.

— Выигралъ, выигралъ! вскричалъ Ксавье, вышедшій изъ себя. Но видя, что банкومتъ остается безмолвнымъ, онъ прибавилъ:

— Чего ждете вы?... Платите!..

Эти слова, казалось, умножали преступленіе. Присутствующіе поникли головами, а полицейскій комиссаръ выступилъ впередъ.

VII.

По выходѣ изъ игорнаго дома.

— Господа, сказалъ комиссаръ: прошу васъ быть благоразумными. Я уже исполнилъ свою обязанность въ первомъ этажѣ; малѣйшее упорство съ вашей стороны сдѣлаетъ ваше положеніе еще болѣе опаснымъ; къ тому же я долженъ прибавить, что жандармы заняли всѣ выходы, и тѣ, которые рѣшатся на бѣгство, попадутся въ ихъ руки.

Ксавье въ какомъ-то остолебѣніи выслушалъ эту рѣчь, которая для него, незнающаго законовъ и своего дѣйствительнаго положенія, показалась совершенно непонятною.

— Почему не платить мнѣ? спросилъ онъ въ другой разъ, машинально подвигая ближе къ себѣ свой выигрышъ.

— Не дотрогивайтесь ни до чего, сказалъ повелительно комиссаръ, потому что деньги, выложенныя на столъ въ игорныхъ домахъ, прямо конфискуются въ государственную казну.

— Но это принадлежитъ мнѣ... началъ Ксавье.

— Молчите! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Господа, продолжалъ комиссаръ: прошу васъ написать на этомъ листѣ бумаги ваши имена и адреса, чтобы королевскій прокуроръ могъ пригласить васъ къ себѣ въ всякое время.

— Королевскій прокуроръ! повторилъ Ксавье: какое ему дѣло до насъ.

— Молчите! снова закричали присутствовавшіе, которые имѣли свои причины повиноваться правосудію.

Муте первый написалъ свою фамилію на данномъ листѣ, что не обошлось безъ тяжелаго вздоха; за нимъ послѣдовали другіе, которые, какъ всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, измѣнили свои фамиліи, равно какъ и мѣста жительства, чтобы лучше вернуться изъ бѣды, и всѣ они потомъ безпрепятственно отправились по домамъ.

Только въ эту минуту Ксавье вспомнилъ о Карралѣ и весьма удивился, что его не было въ комнатѣ.

— Онъ спасся, подумалъ молодой человѣкъ: тѣмъ лучше!

— Теперь ваша очередь,—сказалъ комиссаръ, обращаясь къ нему. Ксавье, слѣдуя общему примѣру, подписалъ свою фамилію, или лучше сказать, имя, и вѣроятно, онъ былъ одинъ изъ всѣхъ, который не рѣшился солгать передъ лицомъ правосудія. Комиссаръ, который съ подозрѣніемъ посматривалъ на молодого человѣка, внимательно слѣдилъ за всѣми его движеніями.

— Ксавье! прошепталъ или, лучше сказать, проворчалъ онъ, прочитавъ подпись.... Это странно; развѣ у васъ нѣтъ другаго имени, милостивый государь?

Сказавъ эти слова, комиссаръ посмотрѣлъ на Муте, который по привычкѣ, или вслѣдствіе какой-нибудь другой причины, тотчасъ же опустилъ голову,

— Милостивый государь, отвѣчалъ сухо Ксавье: я не знаю, что можетъ случиться со мною, но только скажу откровенно, что бѣлый шарфъ не даетъ вамъ никакого права оскорблять другихъ.... Я васъ удовлетворилъ, позвольте мнѣ выйти....

— Такъ обходиться съ полицейскимъ комиссаромъ? что сдѣлалось съ вами? — вскричалъ Муте въ отчаяніи.

— Вы слишкомъ громко говорите, молодой человѣкъ, сказалъ въ свою очередь комиссаръ: чего вамъ какимъ образомъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что вы совершили государственное преступленіе.... Да, вы слишкомъ виновны!... Во-первыхъ, я васъ засталъ въ этомъ домѣ, гдѣ царствуетъ самый ужасный порокъ, гдѣ стыдно показаться добромъ гражданину, который никогда не рѣшится идти противъ законовъ....

— О! какъ онъ честитъ мое заведеніе, подумалъ Муте.

— Я васъ засталъ однихъ подлѣ ружейки, продолжалъ комиссаръ: и только одна ваша ставка лежала на зеленомъ сукнѣ.... Все это не поведетъ къ добру; для того, чтобы из-

бѣгнуть черезъ—чуръ худыхъ послѣдствій, я вамъ совѣтую подписать свое настоящее имя.

— Я вамъ, въ свою очередь, также повторяю, что я сказала сущую правду.

— Въ такомъ случаѣ, извините, я васъ арестую именемъ короля и прошу пожаловать со мною къ королевскому прокурору.

Комиссаръ вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи молодого человѣка, между тѣмъ какъ Муте, не смотря на несчастіе, чуть не плакала отъ радости, что исполнителю правосудія не вздумалось отправиться въ третій этажъ.

Когда Ксавье спустился на улицу, нищій стоялъ недалеко отъ дверей и безмолвно дожидался развязки происшествія.

— Я надѣюсь, сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ комиссару: что вы безъ нужды не подвергнете меня безчестию и увидите отъ всякой почетной стражи.

— Мы пойдемъ одни, отвѣчалъ послѣдній: и только эти два господина будутъ васъ сопровождать. Тутъ комиссаръ показал на своихъ товарищей.

Ксавье медленными шагами отправился къ жилищу прокурора. Онъ успѣлъ одуматься, его горячка прошла, и какой-то неопредѣленный страхъ закрался въ его душу, хотя молодой человѣкъ не понималъ еще всей важности своего проступка. Между тѣмъ нищій слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, повторяя въ отчаяніи:

— Онъ арестованъ! онъ арестованъ!

Королевскій прокуроръ, къ которому Ксавье былъ представленъ какъ виновный въ двухъ преступленіяхъ: въ обманѣ правительства и въ посѣщеніи игорныхъ домовъ, посмотрѣлъ на него очень строго.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: вы называетесь Ксавье?

— Точно такъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И у васъ нѣтъ другого имени, кромѣ Ксавье? продолжалъ судья.

— Точно такъ! опять повторилъ Ксавье.

— Чѣмъ занимаетесь вы, гдѣ вы служите?

— Нигдѣ, прошепталъ молодой человѣкъ, который только тогда увидѣлъ пропасть, открывающуюся подъ его ногами.

— Какъ! вскричалъ судья: вы совершенно свободный чело-

вѣкъ; но, по крайней мѣрѣ, позвольте спросить, чѣмъ вы живете, какія средства вашего существованія?

Ксавье предъугадывалъ этотъ вопросъ, который окончательно сразилъ его.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ съ послѣднимъ усиленіемъ: эти вопросы предлагаются только преступникамъ?

— Отвѣчайте! возразилъ прокуроръ съ прежнимъ хладнокровіемъ.

— Умоляю васъ, не требуйте отъ меня объясненій, вскричалъ Ксавье; тѣмъ болѣе, что въ природѣ есть столько вещей, которыя по виду кажутся совершенно сказочными, между тѣмъ онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ.

— Правосудіе съумѣетъ отличить сказку отъ дѣйствительности, возразилъ прокуроръ, сурово посмотрѣвъ на молодого человѣка.

— Но я не осмѣлюсь рассказать вамъ...

Судья посмотрѣлъ на часы.

— Начинайте скорѣе, сказалъ онъ хладнокровно: мнѣ дорого время.

— Если такъ, то слушайте! вскричалъ Ксавье, и онъ рассказалъ вкратцѣ то, что извѣстно нашимъ читателямъ на счетъ таинственнаго дара, посылаемаго какъ бы самимъ небомъ въ вспомошествованіе молодому человѣку.

Насмѣшливая улыбка показала на лицѣ прокурора, когда Ксавье кончилъ свою исторію.

— Это въ самомъ дѣлѣ похоже на сказку...

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно справедливо, перебилъ Ксавье, клянусь вамъ!

— По крайней мѣрѣ, кто можетъ засвидѣтельствовать истину вашихъ словъ?

— Я рассказалъ объ этомъ только одному моему другу.

— Какъ его фамилія?

— Хуанъ Карраль.

— Это иностранная фамилія, сказалъ королевскій прокуроръ: позвольте спросить, кто онъ таковъ?

Ксавье задумался на минуту. Онъ чувствовалъ, что каждый изъ этихъ вопросовъ все ближе и ближе влекъ его къ пропасти.

— Я не знаю, милостивый государь, сказалъ онъ наконецъ: я даже никогда не осведомлялся.

Судья поднялся съ кресель, на которыхъ онъ сидѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ рѣшительно, возразилъ онъ съ ледяною холодною: что я не вѣрю вамъ,—хотя, быть можетъ, въ вашихъ словахъ и много правды,—потому что вы совсѣмъ запутались въ несообразностяхъ... Довѣряться человѣку и между тѣмъ не знать, кто онъ онъ таковъ!.. Просто непостижимо.

— Господинъ прокуроръ!

— Молчите, прошу васъ!.. получать триста франковъ въ мѣсяцъ и между тѣмъ, ставить куши въ тридцать или сорокъ тысячъ; не явная ли тутъ несообразность, сознайтесь сами?

— Что я сдѣлалъ? вскричалъ Ксавье, которому показалось, что всѣ приключенія несчастнаго утра — были единственно игрою разстроеннаго воображенія или, просто фантазія.

— Однимъ словомъ, продолжалъ судья: мы впоследствии разъяснимъ всѣ непостижимыя тайны, а теперь ограничимся заключеніемъ въ тюрьму...

Въ эту минуту, дверь кабинета медленно повернулась на своихъ петляхъ, и черное лицо нищаго показалось на порогѣ комнаты. Никто не замѣтилъ появленія новаго лица. Молодой человѣкъ стоялъ, опустивъ голову. Этотъ неожиданный ударъ совершенно подавилъ его своею тяжестью.

— Сжальтесь надо мною! вскричалъ онъ: я невиненъ... и это было въ первый разъ...

— Всегда попадаютъ въ первый разъ, прервалъ прокуроръ съ сардоническою улыбкою: я строго слѣдую законамъ, которые повелѣваютъ мнѣ задержать васъ за то, что вы не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ на вопросы, требуемые самимъ правосудіемъ...

— Но тюрьма, господинъ прокуроръ?.. Вы развѣ не знаете, какъ много значить одно это слово? По крайней мѣрѣ, скажите, какъ долго продолжится мое заточеніе?

— Вы будете сидѣть въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока правительство не узнаетъ средствъ вашего существованія... или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не поручится за васъ.

Имя маркиза Румбри, вертѣлось на губахъ Ксавье... но молодой человѣкъ не рѣшился произнести его, потому что стыдъ подвергнуться осужденію маркиза превозмогалъ другія чувства. Лишь только королевскій прокуроръ кончилъ свои послѣднія

слова, черный нищій быстро отворилъ дверь и подошелъ къ нему.

— Какимъ образомъ попалъ ты сюда? кто ты такой?... Чего хочешь ты? спросилъ судья, нахмуривъ брови.

— Мои босыя ноги не производятъ шума, отвѣчалъ негръ: я черный нищій и пришелъ спасти этого невиннаго молодого человѣка.

Ксавье посмотрѣлъ на негра съ удивленіемъ.

— Я все слышалъ, продолжалъ нищій. Вы спрашиваете, какія средства къ его существованію, я скажу вамъ; вы хотите, чтобъ кто нибудь изъ честныхъ людей поручился за него: извольте, я готовъ! Говоря это, негръ выпрямился и скрестилъ руки на груди. На его лицѣ выражалась какая-то гордость. Королевскій прокуроръ, на устахъ котораго уже было мелькала насмѣшливая улыбка, принялъ опять строгое выраженіе.

— Говори, сказалъ онъ, садясь снова въ свои кресла.

VIII.

Добрый господинъ ко мнѣ!

Нищій съ минуту подумалъ.

— Этотъ молодой человѣкъ сказалъ правду, началъ онъ потомъ: каждый мѣсяцъ доставляютъ ему пятнадцать лупдоровъ, и именно я бросаю ихъ на балконъ.

— Вы! вскричалъ Ксавье: слѣдовательно, вы знаете...

— Мы объ этомъ поговоримъ послѣ, когда будемъ одни, прервалъ негръ, голосъ котораго принялъ нѣжное выраженіе.

Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ судья:

— Повторяю вамъ, это я доставляю ему деньги.

— Отъ кого?

— Отъ самаго себя.

Королевскій прокуроръ пожалъ плечами.

Негръ продолжалъ смотрѣть ему въ лицо.

— Да отъ себя, повторилъ онъ: отъ меня идетъ этотъ подарокъ. Я уже давно собираю милостыню. Всѣ меня знаютъ и рѣдкіе пройдутъ мимо чернаго нищаго, не подавъ ему ничего...

Молодой человекъ также не забывалъ меня, потому что у него самое доброе сердце... Еслибъ я захотѣлъ, я могъ бы давать ему вдвое болѣе противъ того, что давалъ до сихъ поръ.

— Но почему вы жертвуете молодому человеку частью своего состоянія?

— Почему! вскричалъ негръ, лицо котораго выразило самое наивное удивленіе: вы спрашиваете, за что я даю ему все это?.. Но... это только для него, для него одного я протягиваю руку къ проходящимъ, для него рѣшаюсь я быть нищимъ!..

Ксавье былъ блѣденъ, какъ смерть. Съ усиленнымъ вниманіемъ и съ трепещущимъ сердцемъ прислушивался онъ къ каждому слову, которое вылетало изъ устъ нищаго. Одна мысль особенно мучила его. Между тѣмъ прокуроръ, казалось, былъ нѣсколько заинтересованъ, и уже легкая улыбка показалась на его суровомъ и строгомъ лицѣ.

— Я вѣрю вашимъ словамъ, сказалъ онъ: но все-таки согласитесь сами, это какая-то непонятная исторія, и должна быть причина этого рѣдкаго и великодушнаго самопожертвованія, этой благородной и искренней привязанности.

— Еслибъ представился случай, сказалъ негръ съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ: я бы сдѣлалъ гораздо болѣе.

— Вы, значитъ, очень любите этого молодого человека?

Нищій посмотрѣлъ на Ксавье съ особенною нѣжностью.

— О, да, я люблю его! вскричалъ онъ въ изступленіи: и какъ мнѣ не любить его?

Онъ замолчалъ на минуту и, казалось, о чемъ-то размышлялъ. Королевскій прокуроръ, увлеченный противъ воли этою спѣною, съ любопытствомъ ждалъ окончанія разсказа, или, лучше сказать, объясненія нищаго. Что жъ касается до Ксавье, то онъ опустилъ глаза, и какъ бы приговоренный къ смерти, ожидалъ развязки.

— Я люблю его одного въ мірѣ, продолжалъ негръ: я люблю его столько, что рѣшился тайно дѣлать ему благодѣянія, которыя, быть можетъ, заставили бы его краснѣть; я люблю его столько, что далъ себѣ слово, никогда не называть его своимъ сыномъ и отказаться навсегда отъ имени отца!..

— Вы его отецъ, повторялъ королевскій прокуроръ, съ ласковымъ выраженіемъ голоса.

Ксавье закрылъ лицо руками и почти безъ чувствъ упалъ на кресла.

— Негръ!.. нищій!.. пропенталь онъ: о! Боже!..

— Не упрекайте его, сказалъ негръ, обращаясь къ судья, который посмотрѣлъ на Ксавье взглядомъ, исполненнымъ и жалости и презрѣнія: онъ не былъ приготовленъ къ этому!.. Ложный стыдъ взялъ теперь верхъ надъ благодарностью, но завтра, я совершенно увѣренъ, онъ возвратится къ своему долгу.

— Желаю вамъ такого счастья, отвѣчалъ судья. Молодой человекъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Ксавье: вы свободны и можете слѣдовать за вашимъ отцомъ.

Ксавье вздрогнулъ невольно при этомъ словѣ. Передъ его глазами промелькнула Елена, въ своемъ вчерашнемъ бѣломъ платьѣ; она показывала рукою на нищаго, стоящаго подлѣ церковной паперти, на нищаго-негра, называющагося его отцемъ!.. Не призракъ разстроенаго воображенія, не мечта пылкой фантазіи — отрывала отъ него Елену, плѣтъ! между нимъ и молодою дѣвушкою рисовалась теперь самая горькая дѣйствительность... Пропасть, черезъ которую невозможно было перешагнуть; вотъ что отдѣляло его отъ Елены! Онъ, шатаясь, подошелъ къ двери; но прежде, чѣмъ перешагнуть порогъ, остановился, приложилъ руку ко лбу и въ забытій шепталъ какія-то слова.

— Батюшка! вскричалъ онъ послѣ долгаго раздумья, бросаясь въ объятія нищаго: мой бѣдный батюшка!..

— Благодарю... благодарю!.. сказалъ тихо старикъ. Онъ прижалъ Ксавье къ своему сердцу, и вскричалъ въ увлеченіи, обращаясь къ прокурору:

— Вы видите, у него доброе сердце.

Полчаса спустя, Ксавье и черный нищій вошли въ бѣдную мансарду, въ улицѣ *Бурбонъ-ле-шато*.

Молодой человекъ былъ очень печаленъ. Уже прежде, увлекаемая мечтами, онъ смутно догадывался, что негръ, который смотрѣлъ на него всегда особенно ласково, должно быть, знаетъ его родственниковъ. Иногда ему даже приходило на мысль, что нищій не отецъ ли его?.. Но онъ всегда отталкивалъ эту мысль и старался забыть ее, внутренно смѣясь надъ своими предположеніями. Теперь же не слабыя подозрѣнія, основанныя единственно на догадкахъ, но существенность рисовалась передъ его глазами.

Впрочемъ Ксавье имѣлъ доброе сердце, и слѣдуя внушеніямъ его, мало-по-малу побѣдилъ свое отчаяніе. Онъ даже принудилъ себя полюбить этого человека, который былъ такъ великъ

въ своей привязанности; онъ даже началъ чувствовать удивленіе, жалость и невольную привязанность къ бѣдному старику, который для счастья своего дѣтища пожертвовалъ радостями любви.

Войдя въ мансарду, Ксавье взялъ за руку нищаго и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Мойте первымъ движеніемъ была неблагодарность, началъ онъ: мое первое слово была низость... Простите ли вы мнѣ это, батюшка?

— Молчи, скамалъ негръ въ какомъ-то благоговѣйномъ почтеніи... молчи, дитя! не называй меня своимъ отцомъ, потому-что онъ насъ слышитъ!...

— Кто? спросилъ Ксавье въ удивленіи.

— Онъ! отвѣчалъ негръ: онъ!...

Тутъ нищій показалъ на трофей, висѣвшія подлѣ отверстія, замѣнявшаго окно.

Ксавье не понималъ ничего.

— Добрый господинъ ко мнѣ! продолжалъ нищій голосомъ, исполненнымъ душевнаго волненія, и отирая рукою слезы, текшія по лицу.

Какая-то надежда оживила сердце Ксавье.

— Объяснитесь, ради Бога, объяснитесь! вскричалъ онъ, схвативъ за руку нищаго.

Негръ медленно поднялъ голову.

Молодой господинъ не можетъ быть сыномъ бѣднаго негра, отвѣчалъ онъ, придавая особенный вѣсъ своимъ словамъ. Потомъ старикъ показалъ на форменную шляпу и капитанскіе эполеты, висѣвшія подлѣ окна.

Ксавье все понялъ. Лучъ радости блеснулъ въ его глазахъ. Онъ упалъ на колѣни передъ трофеями и вскричалъ:

— Батюшка!... батюшка!...

— Добрый господинъ ко мнѣ! повторилъ печально негръ.

Наступило долгое молчаніе. Ксавье съ эгоистическою радостью благодарилъ Провидѣніе отъ всей души и думалъ объ Еленѣ. Препятствія исчезли, потому-что онъ имѣлъ отца. Черный нищій стоялъ на колѣняхъ подлѣ Ксавье. Его глаза были закрыты, и онъ, казалось, совершенно погрузился въ глубокую думу.

— Онъ былъ добръ, сказалъ негръ особеннымъ торжественнымъ тономъ: великодушенъ и храбръ!... Онъ умеръ, но я его невольникъ!...

— Онъ умеръ! повторилъ Ксавье.

Потомъ, пораженный новою мыслию, молодой человекъ поднялся и быстро спросилъ:

— А мать моя?

— Я иду ее уже двадцать два года, отвѣчалъ негръ.

Молодой человекъ печально опустилъ голову.

— Умеръ... а она неизвѣстно гдѣ... По крайней мѣрѣ я долженъ чтить память моего отца. Какъ его имя?

— Капитанъ Лефевръ.

— Лефевръ, повторилъ Ксавье, какъ-бы для того, чтобы заучить это драгоценное для него имя.

— Молодой господинъ, продолжалъ негръ съ грустною улыбкою: эта фамилія украшала бы теперь, можетъ быть, великаго полководца, потому-что отецъ вашъ умеръ почти въ веснѣ своей жизни.

— Расскажите мнѣ объ немъ все, что знаете! вскричалъ Ксавье. Онъ, вѣрно, любилъ васъ?—Молодой человекъ, говоря это, пожималъ руки нищаго.

— Да, отвѣчалъ негръ: онъ имѣлъ довѣренность ко мнѣ... даровалъ мнѣ свободу... и я, скажу по правдѣ, любилъ его еще болѣе, чѣмъ васъ, мой молодой господинъ.—Нищій поцѣловалъ съ жаромъ руку Ксавье.

— Слушайте , продолжалъ онъ : я долженъ у васъ просить прощенія за то, что называлъ васъ моимъ сыномъ; но королевскій прокуроръ не повѣрилъ бы мнѣ, еслибы я сказалъ ему: я дѣлаю для него все это изъ-за того только; что онъ сынъ, сынъ моего господина...

— Ваша правда, прервалъ Ксавье: и, повѣрьте, я никогда не оставшусь неблагодарнымъ!...

— Вы его сынъ! сказалъ негръ съ удивленіемъ. Но не благодарите меня, онъ приказалъ мнѣ, и я повинуюсь!

Черный нищій посадилъ Ксавье на свою изломанную кровать, а самъ расположился у ногъ его.

— Теперь я расскажу вамъ исторію вашего отца, а также и все то, что относится до вашей молодости. Слушайте внимательно.

Черезъ минуту негръ началъ важнымъ и медленнымъ голосомъ. Но мы лучше расскажемъ начало исторіи своими словами, и только въ концѣ прибѣгнемъ къ помощи негра.

IX.

КРЕОЛКА.

1792 года, въ городѣ Капѣ, на островѣ Сень-Доминго, жила одна шестнадцатилѣтняя сирота, по имени Флорентина-Анжелика де-Валле. Она считалась самою богатою и самою хорошею невольницею во всей колоніи. Богатство ея оцѣнивали, по-крайней-мѣрѣ, въ десять милліоновъ ливровъ. Если гдѣ говорили о ней, то всегда съ любовью и уваженіемъ, потому-что она славилась какъ красотою, такъ и самымъ любезнымъ нравомъ. Опекунъ этой сироты былъ одинъ старикъ, хотя съ характеромъ тяжелымъ, но честный и до крайности привязанный къ отеческимъ обычаямъ. Онъ строго смотрѣлъ за дѣвучкою и ограничивалъ, сколько возможно, ея свободу.

Подъ его опекою, Флорентина, въ тѣ лѣта, когда у всѣхъ дѣвущекъ, въ особенности у креолокъ, исполнѣ развивается страсть къ удовольствіямъ, не знала еще свѣта. Жизнь ея протекала уединенно и тихо въ домѣ Дювивье.

Въ началѣ 1792 года, господинъ Дювивье прогналъ главнаго управителя своихъ имѣній и на мѣсто его опредѣлилъ одного Англичанина, имя котораго намъ неизвѣстно. Новый управитель былъ изъ тѣхъ людей, которые такъ рѣзко отличаются отъ другихъ холодною своею физиономіею и твердостью характера.

Сердце его было также безжизненно, какъ и физиономіа, и справедливо могло назваться глубокою пропастью эгоизма и безпрерывнаго расчета.

Спустя нѣсколько времени послѣ вступленія его въ домъ Дювивье, характеръ Флорентины значительно измѣнился. Прежде она была скромна, терпѣлива и даже осторожна, теперь же вдругъ качества эти исчезли, и ея истинная натура воскресла. Она сдѣлалась надменною, гордою, и даже осмѣливалась противиться волѣ своего опекуна. А такъ какъ въ открытомъ бою настойчивость Дювивье заставляла ее всегда проигрывать сраженіе, то Флорентина научилась скоро обманывать и лицемерить. Однакожъ, чтобы такое рѣзкое измѣненіе могло произойти въ столь короткое время, необходимо было, чтобы сердце

молодой креолки уже ранѣе имѣло наклонность ко злу, и кромѣ того, какое-нибудь постороннее обстоятельство способствовало къ скорѣйшему развитію худыхъ началъ. Это въ самомъ дѣлѣ такъ и было. Англичанинъ, съ холодною испорченностію нрава, безъ всякой страсти, окружилъ Флорентину сѣтями и преобразовалъ ея чувства. Молодая дѣвучка съ особеннымъ увлеченіемъ предалась новому роду жизни. Прекрасныя достоинства души ея исчезли, и пламя страсти занялось въ ея сердцѣ. Англичанинъ молчаливо наслаждался своимъ успѣхомъ. Онъ влѣдѣлъ себя уже мужемъ богатѣйшей наслѣдницы острова и владѣтелемъ ея огромнаго богатства. Въ это время между черными уже начинались возмущенія; колонисты нѣсколько разъ обнаруживали безпокойство, и многіе изъ болѣе дальновидныхъ утверждали, что Англичане измѣнически поддерживаютъ возстаніе. Правительство Капа просило помощи у своихъ соотечественниковъ, а также сдѣлало воззваніе и къ соседственнымъ колоніямъ. Гваделупа прислала пѣхотный корпусъ подъ начальствомъ поручика Лефевра. Поручикъ Лефевръ былъ молодой офицеръ, подававшій большія надежды, и одно появленіе его, на нѣкоторое время, утишило бунтъ. Лефевръ привелъ съ собою изъ Гваделупы слугу, негра, привязанностію котораго онъ часто хвалился. Этотъ негръ, по имени Нептуна, не оставлялъ господина ни гдѣ, слѣдовалъ за нимъ даже во время сраженій. Между-тѣмъ возмущенія между черными продолжались. Безпрерывно появлялись лазутчики въ селеніяхъ. Они раздавали деньги, водку, и сѣяли повсюду раздоры. По временамъ ловили этихъ искусныхъ агентовъ. Всѣ они были Англичане.

Подобнаго рода обстоятельства возбуждали подозрѣніе г-на Дювивье. Онъ обратилъ вниманіе на своего управителя, и увидѣлъ, что имѣетъ въ домѣ измѣнника. Безъ дальнихъ разсужденій онъ посадилъ его на корабль и высадилъ на одномъ изъ Антильскихъ острововъ. Извѣстіе объ удаленіи повѣреннаго возбуждало въ сердцѣ Флорентины печаль, смѣшанную съ досадою. Въ слезахъ призналась она, что человекъ этотъ былъ ея любовникъ и что подл своимъ сердцемъ она уже носитъ плодъ союза. Признаніе было сдѣлано безъ стыда и раскаянія. На упреки опекуна она отвѣчала молчаніемъ и чрезъ нѣсколько времени объявила желаніе оставить домъ его.

Г-нъ Дювивье, повинувшись только одному чувству справедливости, позволялъ воспитанницѣ дѣлать все, что угодно.

Съ этой минуты для Флорентины началась новая жизнь. Бога-

тая и свободная, слѣдую правиламъ своего низкаго наставника, она имѣла смѣлость въ семнадцать лѣтъ обнаруживать свои политическія мнѣнія. Домъ ея сдѣлался собраніемъ всѣхъ людей, ищущихъ приключеній, всегда столь многочисленныхъ въ колоніяхъ. Роскошно и даже развратною жизнію и своими мнѣніями она навлекла на себя общее презрѣніе.

Англичанинъ былъ скоро забытъ. Его же собственныя правила способствовали этому. Въ сердцѣ Флорентины онъ поселилъ два чувства: самолюбіе и страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ. Для другихъ не было мѣста.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Флорентина родила мальчика. Впрочемъ это обстоятельство нисколько не нарушило обыкновеннаго порядка ея жизни, хотя, нужно сказать правду, она чувствовала живѣйшую нѣжность къ маленькому Альфреду. Да и какъ было ей не любить его? Альфредъ былъ сынъ Англичанина, а развѣ только къ нему Анжелика питала чувство, похожее на любовь. Всѣ другія связи ея были не что иное, какъ минутное увлеченіе. Никогда не любила она такъ, какъ благородныя дѣшши понимаютъ это чувство въ истинномъ значеніи слова. Но за то сама Анжелика была любима, любима страстно и пламенно.

Генералъ Леклеркъ высадился въ Сентъ-Доминго съ французскими войсками. Первымъ дѣломъ его было произвести поручика Лефевра въ капитаны за его храбрость и рѣшительныя распоряженія, удерживавшія городъ Капъ такъ долго въ совершенномъ спокойствіи. Желая показать себя достойнымъ этой награды, новый капитанъ удвоилъ свою ревность. Часто, сопровождаемый только Нептуномъ, онъ пускался въ обширныя плантаціи сахарнаго тростника и кофе, которыя окружали городъ Капъ; случалось даже, что, для узнанія намѣреній черныхъ, онъ посѣщалъ горы. Сила негровъ была велика, а система войны столь же жестока, какъ и опасна. Нѣсколько разъ капитанъ Лефевръ, застигнутый въ засадѣ, спасалъ свою жизнь только неустрашимостію и безиримѣною вѣрностію своего слуги. Послѣднему было около сорока лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, сложенъ хорошо, и довольно красивъ для негра. Впрочемъ фizioномія его рѣзко отличалась отъ фizioномій его собратьевъ; черты ея выражали откровенность, довѣренность и величайшую силу воли; это послѣднее качество не мѣшало ему однако быть усерднымъ слугою, которымъ онъ сдѣлался съ того времени, какъ капитанъ Лефевръ даровалъ ему свободу. Какія бы ни были при-

казанія капитана, онъ исполнялъ ихъ съ точностію автомата; противиться имъ онъ считалъ безумствомъ, забыть же ихъ преступленіемъ. При всемъ томъ этотъ негръ всегда гордился своею свободою; онъ хорошо понималъ свое положеніе и утѣшался мыслию, что если захочетъ, то во всякое время можетъ сбросить съ себя оковы рабства; но онъ не рѣшался сдѣлать этого, потому что свобода повлекла бы за собою разлуку съ господиномъ, котораго онъ, можно сказать, боготворилъ. Впрочемъ привязанность Нептуна къ капитану была взаимна; Лефевръ не побоялся бы вѣрить своему слугѣ и душевную тайну и драгоценное сокровище. Между тѣмъ одна тайна существовала между имъ и Нептуномъ. Лефевръ любилъ Флорентину и посѣщалъ ее тайно каждый вечеръ. Съ перваго раза негръ хотѣлъ сопутствовать капитану на свиданіе, но тотъ приказалъ ему остаться дома и онъ долженъ былъ по неволѣ оставить свое намѣреніе. Нептунъ не походилъ на европейскихъ слугъ, которые иногда угождаютъ господамъ противъ собственной своей воли. Воля капитана была для него закономъ, все, что только капитанъ приказывалъ сдѣлать, Нептунъ дѣлалъ, и, кажется, еслибъ капитанъ сказалъ ему «убей меня», то едвали бы длинный ножъ негра остался спокойно въ своихъ ножнахъ.

Изъ всего города Капа, можетъ быть, только одинъ Лефевръ не зналъ настоящаго поведенія Флорентины. Онъ почиталъ ее чистою и невнятною; а она, для удовлетворенія своихъ милотныхъ капризовъ, раскинула передъ нимъ сѣть оболоченій и подъ покровомъ красоты скрыла истину.

Впрочемъ обмануть капитана было легко. Занятый исключительно то дѣлами службы, то своею любовью, онъ не видѣлъ никого, кромѣ Флорентины, она же всегда, когда хотѣла, могла показаться образцомъ совершенства. Гласная женитьба между двумя любовниками была невозможна по двумъ причинамъ; во-первыхъ, Флорентина была еще несовершеннолѣтняя, во-вторыхъ, капитанъ, находясь въ столь крайнихъ обстоятельствахъ, не могъ испросить согласія начальниковъ, а потому любовники обвѣнчались тайно.

Не нужно говорить о томъ, что Флорентина скрыла отъ своего новаго мужа существованіе перваго сына. Когда она сдѣлалась вторично матерью, капитанъ почувствовалъ живѣйшую радость, и любовь его вспыхнула еще сильнѣе; Флорентина, напротивъ того, сдѣлалась грустною; капризъ ея кончился, она

вспомнила маленькаго Альфреда, который былъ вдалекѣ отъ нея, и потому начала питать отвращеніе къ счастливому отцу и совершенное хладнокровіе ко второму сыну.

Это происходило въ то самое время, какъ междоусобная война свирѣпствовала по всему острову. Вбунтовавшіея негры начинали одерживать верхъ. Въ Капѣ царствовала анархія. Кромѣ свидѣтельства о законномъ рожденіи и акта, подписаннаго священникомъ, совершившимъ брачный обрядъ, капитанъ ничего болѣе не могъ выхлопотать для сына. Тѣже самые свидѣтели, которые присутствовали при свадьбѣ, подписали и этотъ актъ.

Первымъ свидѣтелемъ былъ слуга Флорентины, вторымъ же мулатъ по имени Жонкиль, котораго, чтобъ доставить ему право подписаться на актъ, отпустили на волю.

Капитанъ взялъ копію съ акта, ребенка же отдалъ кормилицѣ, жившей внѣ города въ безопасномъ мѣстѣ.

Нѣсколько дней спустя, капитанъ, будучи въ походѣ, получилъ черезъ нарочнаго слѣдующее письмо отъ жены своей:

«Милостивый государь!

«Я думала, что любила васъ; но я ошибалась. Мы болѣе не увидимся.—Я забыла сказать вамъ прежде, что имѣла еще сына (не вашего, а моего), котораго я очень люблю, потому что «отецъ его есть единственный человекъ въ мірѣ, обожаемый мною! Дитя это я увожу съ собой; вашего же сына оставляю «вамъ». Актъ о нашей женитьбѣ пусть будетъ при мнѣ; можетъ «быть, онъ когда нибудь пригодится моему сыну. Что же касается до вашего дитяти, то, кажется, оно имѣетъ хорошую опору «въ отцѣ. Не шлите случая отыскать меня, я хочу разлуки, и «воля моя непреклонна. Прощайте.

«Флорентина-Анжелика».

Капитанъ думалъ, что видитъ сонъ; нѣсколько разъ перечитывалъ онъ записку и не вѣрилъ глазамъ своимъ. Это холодное письмо сводило его съ ума, тѣмъ болѣе, что къ женѣ своей онъ питалъ до сихъ поръ уваженіе и страстную любовь. Сначала онъ хотѣлъ оставить все и бѣжать за Флорентиной, чтобы отомстить ей; потомъ презрѣніе заступило мѣсто гнѣва, и наконецъ родилось отчаяніе. Съ этого мгновенія жизнь его какъ

будто прекратилась, потому-что все счастье капитанъ полагалъ въ своей женѣ. Время, проведенное съ нею вмѣстѣ, онъ считалъ сномъ, полнымъ упоенія; ему даже пришла-было мысль убить себя, но онъ вспомнилъ въ это время о сынѣ, и остался жить для него.

Но судьба не такъ судила; пуля вбунтовавшагося негра, замѣнила самоубійство. Три или четыре дня послѣ полученія роковаго письма, отрядъ капитана былъ окруженъ бунтовщиками на берегу *Большой-Рѣки*. Онъ, по обыкновенію, сражался храбро, но въ то самое время, какъ пораженные негры спасались бѣгствомъ, пуля поразила капитана въ грудь и онъ упалъ замертво на руки своего вѣрнаго слуги.

Послѣдняя мысль его была о сынѣ, бѣдномъ сиротѣ, который остался безъ подпоры.

Въ слѣдующей главѣ, мы расскажемъ объ этомъ подробнѣе, теперь же обратится къ женѣ капитана.

Что касается до Флорентины-Анжелики Лесевръ, то она, написавъ записку, которую мы отдали на судъ читателямъ, собрала свои брилліанты, запаслась достаточною суммою денегъ и, достигнувъ до Антильскихъ острововъ, отпавилась оттуда въ Лондонъ. Тамъ уже по газетамъ узнала она о смерти своего мужа, и эта вѣсть вызвала только улыбку на ея розовыхъ губкахъ. Она теперь слѣлалась свободною, свободною совершенно, да кромѣ того еще и сынъ ея имѣетъ честное имя, потому что она была вдовою капитана Лесевра и матерью его сына.

Спустя нѣсколько времени, до нея дошла другая вѣсть, но уже гораздо менѣе пріятная. Мы говоримъ здѣсь о триумфѣ негровъ въ Сенъ-Доминго и объ изгнаніи Французовъ. Флорентина-Анжелика была разорена совершенно.

Но не смотря на это, она еще могла блистать молодостію и красотою, и кромѣ того остатокъ прежняго богатства позволялъ ей пока жить богато. Двѣ или три дюжины джентльменовъ были уже прикованы къ ея колесницѣ.

Но наконецъ эта блестящая жизнь заставила ее опасаться за свое богатство, и Флорентина успѣшила отдать свою руку одному молодому лорду, котораго весь Лондонъ почиталъ счастливейшимъ изъ смертныхъ.

Между тѣмъ молодой Альфредъ слѣлался уже взрослымъ мальчикомъ, который довольно хорошо разыгрывалъ роль милорда подлѣ своей матери. Онъ ничего не зналъ и не хотѣлъ

знать, что подавало надежды, впоследствии видѣть его хорошимъ денди.

Мулатъ Жонкиль послѣдовалъ за своею госпожею, и будучи вдвойнѣ свободенъ, на чужой сторонѣ, задумалъ дѣло, которое снова подвергло его рабству. Въ награду за это онъ могъ впрочемъ выдавать себя передъ всѣми за Хуана Каррала, Андалузца.

Вотъ какъ прошла для Флорентины-Анжелики и для окружающихъ ее послѣдніе годы французской революціи.

Анжелика была образцомъ моды для всей Англіи. Лордъ Корнбури, владѣтель половины графства Норфолькъ, отдалъ всѣ свои замки за улыбку прекрасной креолки. Онъ любилъ ее такъ сильно, что за всякимъ обѣдомъ съѣдалъ не менѣе трехъ фунтовъ ростбифа. Впрочемъ Анжелика недолго была за мужемъ; почтенный супругъ ея вскорѣ отправился въ жилище предковъ, и оставилъ ее опять вдовою. Не хотимъ утверждать, чтобъ смерть мужа печалила ее, однакожъ скажемъ, что она со слезами отказалась отъ всего богатства своего покойнаго мужа, которое перешло въ руки къ новому лорду Корнбури, родственнику покойника въ двадцать-четвертомъ колѣнѣ. Флорентина проклінала всѣ англійскіе законы касательно наслѣдства, и дала клятву никогда не выходить за мужъ за члена этой негостеприимной націи.

Въ 1806 году она сдержала свое слово. Въ это время хотя ей было уже болѣе тридцати лѣтъ, но она не пзмѣнилась нисколько и была по прежнему обворожительна и прекрасна. Множество искателей ея руки увивались около нея и дѣлали всевозможныя сумасбродства, для того, чтобъ только обратить на себя вниманіе креолки.

Флорентина оставалась непреклонною, но только потому, что имѣла свой планъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, поселился въ Лондонѣ французскій эмигрантъ. Дворянинъ этотъ, не смотря на неудачи, претерпѣнныя имъ во время революціи, имѣлъ еще богатство, весьма достаточное для Француза. Эмигрантъ назывался маркизомъ Румбри, былъ вдовецъ и имѣлъ дочь семнадцати лѣтъ. Къ этому времени Альфреду де-Левефру исполнилось четырнадцать лѣтъ, и Флорентина рассчитала, что дѣвица Румбри будетъ для него прекрасною партіею. Успѣхъ предпріятія основывала она на своей ловкости, красотѣ молодаго Альфреда Левефера, и влияніи, какое она можетъ имѣть на маркиза.

Г. Румбри, пораженный прелестями креолки, долженъ былъ, безъ сомнѣнія, замѣтить ея расположеніе къ нему. Съ другой стороны, опытность уже не разъ показала прекрасной вдовѣ, что ни одинъ человекъ не можетъ устоять противъ ея обольщеній. Но кто можетъ отвѣчать за будущее, Сперва, казалось, все шло сообразно съ желаніемъ Флорентины. Г. Румбри, будучи вдовцомъ и скучая о потерѣ милой и добродѣтельной супруги своей, призналъ креолку достойною замѣнить ея мѣсто. Онъ предложилъ ей свое сердце и въ замѣнъ получилъ ея руку. Въ первые мѣсяцы поведеніе Анжелики было безукоризненно; она превосходно разыгрывала роль матери семейства, и даже хотѣла взять на себя трудъ воспитывать молодую Елену. Маркизь былъ счастливъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе радовался своему блаженству.

Но скоро черное облако смутило его спокойствіе. Г. Румбри узналъ объ обманѣ, ибо Флорентина, всегда оставаясь въ душѣ тою же воспитанницею Англичанина, не могла долго носить маски. Однакожъ послѣ первой ошибки она притворилась раскаявющеюся. Анжелика очень хорошо понимала, что отъ благорасположенія маркиза зависитъ будущность ея сына. Г. Румбри простилъ ее, но только наружно, потому что онъ былъ раненъ въ сердце, и гордость дворянина не позволяла ему быть спокойнымъ. Маркиза совершенно повѣрила этому притворству и сочла мужа за человека, котораго, огорчивши, можно утѣшить потомъ одною только улыбкою. Но она ошиблась, и вскорѣ увидѣла, что г. Румбри остался для нея только строгимъ судьею, а не нѣжнымъ мужемъ, потому что онъ не любилъ ее уже болѣе.

Креолка горько сожалѣла, что изъ-за пустыхъ капризовъ, она повредила своему плану, но поправлять было уже поздно. Всѣ ухищренія противъ Елены тоже не принесли никакой пользы, потому-что, кромѣ Ксавье, тутъ были еще двѣ постороннія причины: во-первыхъ, молодая дѣвушка чувствовала къ махихъ какое-то внутреннее отвращеніе, во-вторыхъ же, самъ отецъ, послѣ непріятнаго происшествія, сдѣлался непреодолимою преградю между женою и дочерью. Онъ не желалъ тѣсной связи между ними, потому-что по опыту зналъ, какъ заразительны худыя примѣры. Къ Еленѣ была опредѣлена мистриссъ Блюотеръ.

Не смотря однакожъ на эти препятствія, маркиза не отказалась отъ своего намѣренія. Возращеніе фамиліи Румбри во

Францію подало ей новыя надежды. Можетъ быть, думала она; вдалекѣ отъ театра неприятностей, маркизъ забудетъ прошедшее; но она оиятъ ошиблась, маркизъ ничего не забылъ, хотя не довѣрялъ никому своей горести.

Большая часть того, что мы здѣсь рассказали о креолкѣ, не было извѣстно негру, который зналъ только слѣдующее: во-первыхъ, что жена капитана Лесевра называлась Флорентина-Анжелика, что она покинула своего мужа и, что наконецъ была матерью Ксавье. Остальное же все было скрыто отъ него подъ мракомъ неизвѣстности. Онъ даже не видалъ никогда креолки, что не представляло большого затрудненія, еслябъ онъ хотя одинъ разъ не послушался капитана и отправился въ слѣдъ за нимъ на любовное свиданіе. Но негръ былъ, какъ мы сказали, болѣе, нежели вѣрный слуга.

X.

Конецъ исторіи негра.

«Мы расположились на берегу Большой-Рѣки; противъ насъ были станъ нашихъ неприятелей. Бѣлыхъ было пятьсотъ, между тѣмъ какъ число черныхъ доходило до 10,000. Добрый господинъ мой началъ сраженіе, кровавое сраженіе, потому что мои братья дрались съ ожесточеніемъ... Начиная съ утра и до захожденія солнца, держались они на полѣ битвы, устланномъ трупами, съ остервенѣніемъ бросались на солдатъ, вырывали у нихъ ружья и задушали ихъ въ своихъ мощныхъ рукахъ. Часто стѣсняли они ряды Французовъ, которыхъ гибель казалась уже неизбѣжною; появлялся мой господинъ, и снова побѣда склонялась на нашу сторону: мои братья были совершенно разбиты и бѣжали, какъ бы пораженные рукою самого божества, которое въ ихъ воображеніи олицетворяется въ самыхъ грозныхъ и гигантскихъ формахъ. Трупы ихъ покрывали берега рѣки. Оставшіеся въ живыхъ, кидались впасть или скрывались между лѣнами. Сраженіе было кончено, и добрый господинъ приказалъ не преслѣдовать бѣгущихъ. Но въ ту минуту, когда онъ отдавалъ этотъ приказъ, раздался выстрѣлъ, и бѣдный господинъ, пораженный пулею въ грудь, упалъ.»

Нищій остановился на минуту, какъ бы подавленный этимъ горестнымъ воспоминаніемъ. Ксавье же, съ своей стороны, не вымолвилъ ни слова и только съ жадностью прислушивался къ разсказу старика.

«Я вырвалъ саблю изъ рукъ близъ стоявшаго солдата, снова началъ негръ: и бросился въ ту сторону, откуда послышался выстрѣлъ; одною мыслию моею было отмстить за господина. Когда я возвратился, сабля была замарана кровью, и эта кровь была одного изъ моихъ братьевъ. Замѣтивъ меня, добрый господинъ слѣмалъ знакъ рукою, чтобъ всѣ удалялись. Когда же присутствующіе при этой сценѣ колебались исполнить это послѣднее желаніе, онъ прибавилъ:

— Моя рана смертельна, это я чувствую. Оставьте меня одного съ Нептуномъ, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Я подошелъ къ нему.

— Нептунъ, сказалъ онъ уже ослабѣвшимъ голосомъ: я за-вѣщаю тебѣ моего сына, будь его отцомъ.... Найди мать его, слышишь ли, это послѣдняя моя воля? Если она не захочетъ принять его, то, по крайней мѣрѣ, пусть удѣлитъ ему часть своихъ огромныхъ богатствъ, и вручи ей наслѣдника моего имени.... Но исполнишь ли ты мое приказаніе?

— Исполню, господинъ, отвѣчалъ я.

— Ты посвятить всю жизнь свою ребенку?

— Посвящу, господинъ.

— И отыщешь мать его?

— Да, но только какъ ея имя?

Онъ хотѣлъ говорить, но силы оставили его. Онъ успѣлъ только сказать, гдѣ мнѣ найти васъ; что же касается до имени вашей матери, то вмѣсто отвѣта, добрый господинъ подалъ мнѣ бумагу, которая хранилась у него на груди. Потомъ онъ умеръ.»

Негръ отперъ ящакъ и вынулъ оттуда бумагу.

— Вотъ что онъ далъ мнѣ, продолжалъ нищій: это свидѣтельство о вашемъ рожденіи.

Ксавье въ порывѣ любопытства, которое превозмогло печаль, схватилъ драгоцѣнную бумагу.

— Это свидѣтельство о моемъ рожденіи! вскричалъ онъ: и ты, мой другъ, не знаешь имени моей матери?

Нищій вмѣсто отвѣта развернулъ бумагу, по срединѣ которой былъ вырванъ клочекъ, величиною не болѣе монеты въ двадцать франковъ.

— Добрый господинъ, сказалъ онъ: носилъ этотъ актъ все-

гла на груди, и пуля, убившая его, прорвала вмѣстѣ съ тѣмъ и бумагу, и такимъ образомъ изгладила фамилію вашей матери.

Ксавье съ живостію началъ читать это драгоценное свидѣтельство, и что же? пуля, пощадивъ слова Флорентина-Анжелика, уничтожила самое необходимое слово.

Ксавье разсматривалъ бумагу со всѣхъ сторонъ, но все было напрасно.

— Ничего! сказалъ онъ наконецъ: никакого слѣда фамиліи, но что же дѣлать, если судьба того хочетъ... Я охотно откажусь отъ богатства моей матери!

— А воля вашего отца? вскричалъ нищій: нѣтъ! молодой господинъ, его приказанія должны быть свято исполнены... его воля для меня законъ...

Говоря это, нищій поднялся на ноги. Глаза его блистали, но всѣхъ движеніяхъ царствовала непоколебимая рѣшимость.

Ксавье съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого человѣка, котораго преданность, можно сказать, была безпредѣльна. Чтобы не огорчить его, Ксавье рѣшился хотя притворно согласиться съ нимъ.

— Мы будемъ вмѣстѣ искать ее, если хотите, сказалъ онъ: но едва ли можетъ быть успѣхъ послѣ двадцати-двухъ лѣтнихъ неудачъ.

— Не нужно отчаиваться, отвѣчалъ негръ: я сказалъ ему: я найду ее, и клянусь или исполнить это обѣщаніе, или умереть. Тотчасъ послѣ смерти добраго господина, я началъ свои поиски. Бѣлые между тѣмъ были разбиты почти вездѣ и должны были удалиться изъ Сень-Доминго.

«Это составляло для меня большое несчастье, потому что на островѣ, весьма понятно, гораздо легче можно было сыскать вашу мать, чѣмъ въ цѣлой Европѣ. Едва успѣлъ захватить я васъ, какъ тотчасъ же отправился во Францію. Мнѣ говорило какое-то предчувствіе, что она должна была поселиться здѣсь. Въ продолженіе двухъ лѣтъ жили мы маленькою суммою, которую я успѣлъ взять въ жилищѣ вашего отца. Въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ, я искалъ неутомимо вашу мать. Каждое утро отправлялся я на поиски, не разъ объѣгалъ весь Парайжъ,—но все напрасно.

«Не зная прежней ея фамиліи, я искалъ ее подъ именемъ госпожи Лефевръ; но никто изъ имѣющихъ эту фамилію не удовлетворялъ моимъ ожиданіямъ. Хотя я никогда не видалъ ва-

шей матери, однакожъ по нѣкоторымъ словамъ моего добраго господина, составилъ себѣ ея портретъ, который, могу поспорить, долженъ быть совершенно сходенъ съ подлинникомъ. Я въ этомъ увѣренъ.

«Къ вечеру я возвращался въ наше бѣдное жилище и проводилъ время съ вами, молодой господинъ; укачивая васъ въ колыбели, я напѣвалъ свои народныя пѣсни. Но наконецъ деньги вашего отца вышли, и наступила бѣдность. Должно было трудиться, чтобы прокормить какъ нибудь себя. Я началъ работать, но мои первые опыты не удавались, тѣмъ болѣе, что я отвыкъ отъ всего, что только не носило на себѣ печать войны и разрушенія... Наконецъ, скажу короче, я рѣшился просить милостыни, и поступить въ категорію тѣхъ жалкихъ существъ, которыхъ называютъ нищими. Въ первый разъ, какъ я протянулъ руку для принятія подавнія, сердце мое сжалось и я хотѣлъ бѣжать... но я тотчасъ же вспомнилъ о васъ, о добромъ господинѣ, который умеръ, надѣясь на меня и не проклятая судьбы, и отвращеніе исчезло, я почувствовалъ силы къ исполненію предпринятаго подвига. Сперва мнѣ подавали мало, но потомъ я, какъ говорятъ, вошелъ въ моду и остался единственнымъ владѣтелемъ ваперти сень-жерменской церкви. Между тѣмъ вы подрастали. Когда вамъ минуло пять лѣтъ, я отдалъ васъ въ чужія руки. Это сдѣлано было мною съ намѣреніемъ: я зналъ, что вы пойдете въ отца и будете имѣть его сердце. Предлагать открыто благодареніе значило оскорблять васъ, и я рѣшился въ тайнѣ слѣдить за каждымъ вашимъ шагомъ, не будучи самъ замѣченъ. Когда вамъ минуло 12 лѣтъ, васъ отдали въ коллегію. Помните ли, молодой господинъ, того человѣка, который однажды пришелъ въ домъ къ женщинѣ, которую вы называли своею матерью, и, подкравшись къ вашей постели, подѣловалъ васъ въ лобъ?»

— Это были вы! прервалъ Ксавье въ душевномъ волненіи, пожывая руку негра.

— Да, это былъ я... нѣсколько позже, скрывшись позади какого нибудь кустарника, я наблюдалъ за дѣтскими вашими играми, въ саду коллегіи... Я тогда безотлучно былъ при васъ... Еще нѣсколько позже, когда вы вышли изъ коллегіи, мнѣ удалось маленькою хитростію заставить васъ поселиться въ домѣ, подлѣ церкви Сень-Жерменъ-де-Пре. Я могъ видѣть васъ такимъ образомъ каждый день, даже каждый часъ, слѣ-

дять и догадываться о ваших радостяхъ или печаляхъ, даже о самой любви...

— Какъ! вскричалъ Ксавье: вы знаете ее?

— Она достойна васъ! отвѣчалъ съ улыбкою нищій. Я самъ люблю ее, потому что она равнодушна къ вамъ... Быть можетъ, судьба доставитъ вамъ счастье, которое не было суждено вашему отцу!..

Ксавье вздохнулъ глубоко.

— Но почему вы не объявляли мнѣ имени моего отца? сказалъ онъ послѣ минуты молчанія: перемѣняя съ намѣреніемъ разговоръ.

— Ваша мать бросила васъ, отвѣчалъ нищій: значить она была побуждена къ этому особенными причинами. Еслибъ ей удалось найти васъ въ Парижѣ, она, вѣроятно, оставила бы этотъ городъ.... Не лучше ли было до времени скрывать тайну?... Но теперь, все къ лучшему, я открылъ...

— Чтѣ вы открыли, мой благодѣтель? спросилъ живо Ксавье.

— Определительнѣе сказать, я попалъ на слѣдъ, мой молодой господинъ.

Тутъ нищій снялъ съ груди уже извѣстный намъ платокъ, и подаль его Ксавье.

— Ф и А, вскричалъ онъ, указывая на мѣтку платка.

— Ф и А, бессознательно повторилъ молодой человѣкъ.

— Флорентина-Анжелика, продолжалъ негръ.

— Увы, мой добрый Нептунъ, можетъ быть, болѣе сорока тысячъ платковъ въ Парижѣ съ подобными мѣтками.

— Но та, которой принадлежитъ этотъ, походить на васъ.

— Она походитъ на меня?... вы ее знаете?... Гдѣ живетъ она?..

Эти вопросы быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

— Мнѣ ничего этого неизвѣстно, отвѣчалъ черный нищій, съ горькою улыбкою.

— Въ такомъ случаѣ, мой добрый другъ.... началъ Ксавье.

— Но я ее видѣлъ, вскричалъ негръ съ воодушевленіемъ: и узнаю ее между тысячами!... Да, я найду ее, молодой господинъ, найду во чтѣ бы то ни стало.

Между тѣмъ какъ эта сцена происходила въ мансардѣ Нептуна, Карраль былъ у маркизы въ ея будуарѣ.

Маркиза Румбри, по обыкновенію, въ граціозномъ положеніи

сидѣла на софѣ. Она была въ этотъ разъ нѣсколько встревожена. Передъ нею стоялъ Карраль.

— Ты его видѣлъ? сказала она вдругъ посмотрѣвъ на мулатъ.

— Собственными глазами, отвѣчалъ Карраль. Все шло какъ нельзя лучше. Я исполнилъ ваши приказанія, комиссаръ же исполнилъ свое дѣло, и къ довершенію всего случай помогъ нашимъ назначеніямъ.... И чтѣ же, все измѣнилось!... Ожилая счастливой развязки, я ходилъ около дома королевскаго прокурора.... Вдругъ вижу, отворяется дверь и на порогѣ является онъ, вмѣстѣ съ чернымъ нищимъ, который обыкновенно располагается подъ нашими окнами....

— Съ чернымъ нищимъ! повторила маркиза.

— Да, съ этимъ негромъ!..

— Но какое отношеніе между ними?

— Одна пренеподня это знаетъ!.. Такимъ образомъ, маркиза, молодой человѣкъ свободенъ и вырвался рѣшительно изъ нашихъ рукъ!..

— Ты или не ловокъ, Жонкиль, или измѣнникъ! вскричала маркиза.

Мулатъ не отвѣчалъ ничего и только закусилъ губу.

XI.

Приглашеніе.

— Мои намѣренія должны быть исполнены, прошептала въ полголоса маркиза; потомъ она прибавила громко, обращаясь къ Каррало:

— Я слышала, что вы владѣете шпагою какъ Сень-Жоржъ?

— Ужи пятнадцать лѣтъ, какъ я изучаю тайны фехтовальнаго искусства.

— Прекрасно!... но я также слышала, что вы отлично стрѣляете изъ пистолета.

— Я дѣлаю мушку въ тридцати шагахъ, маркиза.

— Но чтѣ значить это техническое выраженіе, г. Карраль?..

— Оно значить, отвѣчалъ мулатъ, что я могу, на разстояніи 30 шаговъ, одну пулю срѣзать другою.

— О! вы, просто, страшный человѣкъ.

Говоря это, маркиза поднялась немного и какимъ то особеннымъ образомъ посмотрѣла на Каррала. Въ ея взглядѣ выражались вопросъ и смутное желаніе чего-то, что, казалось, было извѣстно мулату. Карраль, въ свою очередь, задумался на минуту. Въ его глазахъ блеснула ненависть, страшная ненависть, но это не надолго; черезъ минуту лицо его выражало самую глубокую преданность и повинновеніе.

— Вы хотите убить кого нибудь? сказалъ онъ.

Маркиза вздрогнула при этомъ жестокомъ вопросѣ; но вмѣсто того, чтобъ уклониться отъ него, она взяла руку мулата.

— Еслибъ вы сдѣлали это, прошептала она: я васъ оставила бы навсегда въ покоѣ!...

— Еслибъ я сдѣлалъ... что? спросилъ Карраль, притворяясь ничего не понимающимъ.

— Я хочу, чтобъ Альфредъ женился на Еленѣ Румбри, сказала маркиза съ нетерпѣніемъ: и между тѣмъ молодой человекъ мѣшаетъ намъ....

— Ваша правда, подтвердилъ хладнокровно мулатъ.

— Вы умѣете владѣть пшлагою и пистолетомъ, продолжала маркиза: дуэль...

— Понимаю! сказалъ Карраль.

— Наконецъ-то!...

— Но я никогда не рѣшусь на подобное дѣло.

— О подлое невольничье сердце! вскричала презрительно креолка.

Карраль какъ бы не слышалъ этой новой обиды и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Можно умертвить человека безъ всякой дуэли... зачѣмъ думать о средствахъ, если результатъ будетъ одинъ и тотъ же?

Маркиза опустила голову и, казалось, не рѣшалась отвѣчать на рѣзкій выводъ мулата. Между тѣмъ Карраль поглядывалъ на нее съ насмѣшливой улыбкой. Еслибъ она увидала эту улыбку, то отбросила бы все сомнѣнія и съ радостію ухватилась бы за предложеніе своего невольника.

— Но онъ такъ молодъ! сказала наконецъ маркиза: нѣтъ ли другого средства заставить его сойти съ нашей дороги.

— Можно поискать и найти, если только подумать немного.

— Но по крайней мѣрѣ, этимъ средствомъ за одинъ разъ кончатся все наши недоумѣнія!

— За одинъ разъ, или лучше сказать, однимъ ударомъ, маркиза.

Ледяное хладнокровіе мулата въ эту минуту было столь необыкновенно, что креолка поглядывала на него съ недоумѣніемъ, даже съ боязнію. Впрочемъ, лицо Каррала не выражало ничего особеннаго; на немъ были видны то же слѣдное повинновеніе и та же безграничная преданность.

— Но какимъ же образомъ исполнить нашъ планъ? сказала маркиза, подвигаясь ближе къ своему сообщнику.

— Вы рѣшились.

— Но... да... я рѣшилась....

— Такъ выслушайте меня.

Мулатъ сѣлъ подлѣ своей госпожи съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

Одна мысль о преступленіи уже ставила ихъ въ одинъ уровень.

— Завтра, началъ Карраль, вы отправляетесь въ замокъ Румбри. Маркизъ при мнѣ пригласилъ туда Ксавье. Впрочемъ, и вы можете повторить приглашеніе и написать нѣсколько строкъ къ молодому человеку....

— Нѣтъ!... нѣтъ! вскричала съ живостію маркиза: это значитъ выдать себя!...

— Вы правы; за чѣмъ понапрасну компрометровать себя!... Я лучше напишу самъ... только предупредите маркиза Румбри, что вы меня пригласили къ себѣ въ деревню

— Извольте.

— Объ остальномъ мы разсудимъ впоследствии. Завтра, добрая госпожа, мы увидимся въ замкѣ Румбри, гдѣ должна разыграться наша драма или, пожалуй, трагедія.

Мулатъ вышелъ. На улицѣ онъ засмѣялся, какъ безумный, такъ, что проходящіе обратили на него вниманіе.

— Я убью его, подумалъ Карраль: но съ этихъ поръ не я, а она будетъ моимъ невольникомъ!... Тогда-то я отмщу за себя!...

Онъ зашелъ въ кофейную, быстро написалъ нѣсколько строкъ, и тотчасъ отправилъ записку на почту, адресуя письмо къ г. Ксавье.

Молодой человекъ, возвратившись домой, весьма удивился, что до сихъ поръ Карраль не явился еще на общую квартиру. Индій не разсказалъ Ксавье о тайственномъ письмѣ къ поли-

дейскому комиссару, и потому молодой человек не мог никаким образом в чем либо подозревать своего друга. Черный нищий был неразлучен с сыном своего господина и первый подал ему письмо от Каррала, о содержании которого читатели, верно, догадываются.

Прочитав его два или три, Ксавье прошелся несколько раз по комнатам.

— Я увижу ее, шептал он: буду вместе с нею и могу рассказать о том, что случилось со мною вчера и сегодня.... О, да! я буду... глупо было бы с моей стороны пренебрегать таким случаем.

— Нептунъ, прибавил Ксавье, обращаясь к негру: я должен оставить тебя, мой добрый другъ, на несколько дней?

— Меня оставят! вскричал нищий: что это значит?

— Я отправляюсь в деревню.

— А я слѣдую за вами.

— Это невозможно, Нептунъ.

Негръ опустил голову и, казалось о чем-то размышляя.

— Онъ мнѣ поручилъ бодрствовать надъ вами, сказалъ наконецъ Нептунъ медленно, но твердымъ голосомъ: и я исполню его приказаніе. Потомъ, какъ бы воодушевленный новою мыслию, онъ прибавилъ:

— У васъ есть непріятель, молодой человекъ!

Уже въ третій разъ, въ продолженіе двухъ дней, Ксавье получалъ такіа предостереженія.

— Вы знаете его? спросилъ онъ.

— Я знаю и уже поклялся прахомъ добраго господина, убить его при первомъ случаѣ.

— Убить! вскричалъ Ксавье, трепеща всѣмъ тѣломъ: поумайте, что вы сказали?

— Никогда не забываютъ подобныхъ клятвъ! возразилъ нищий съ дикою энергіею.

Потомъ смягчивъ внезапно голосъ, онъ прибавилъ:

— Позвольте мнѣ слѣдовать за вами, молодой господинъ; я знаю свою дорогу.... Кстати, я забылъ вамъ сказать: прибытіе полиціи въ картежный домъ не было дѣломъ случая. Не знаю, какая цѣль у вашего непріятели, но только вы были вовлечены въ западню...

Тутъ нищий рассказалъ о всемъ, что касалось письма, посланнаго мулатомъ съ Овернцемъ.

— Вы увѣрены, что это слѣлалъ Карралъ? спросилъ Ксавье съ нерѣшительностію.

— Увѣренъ, какъ нельзя болѣе.

Ксавье не могъ отвѣчать нѣсколько времени, такъ велико было его удивленіе.

— Карралъ! сказалъ онъ наконецъ: но это невозможно!... За что онъ станетъ вредить мнѣ?

— Я самъ не знаю причины... но повторяю вамъ, я убѣжденъ, что онъ врагъ вамъ....

— Это письмо отъ Каррала... продолжалъ Ксавье, показывая на записку, которую держалъ еще въ рукахъ.

— О не ѣздите!... не ѣздите, вскричалъ Нептунъ: умоляю васъ, исполните мою просьбу!... Молодой человекъ задумался на минуту.

— Нѣтъ! я буду, отвѣчалъ онъ рѣшительно: она будетъ тамъ.

Нептунъ печально опустилъ голову.

— Мой голосъ весьма слабъ, чтобъ сражаться съ любовію, прошепталъ негръ: но какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что опять вамъ готовится несчастіе... во всякомъ случаѣ, я послѣдую за вами, не противьтесь мнѣ... я знаю, что есть мѣста, гдѣ бѣдный негръ не имѣетъ права прогуливаться, я знаю, что мое присутствіе тамъ было бы тягостно для васъ... но я скроюсь, и никто, даже вы не увидите меня, до тѣхъ поръ, пока...

Негръ докончилъ свою рѣчь ужасающимъ жестомъ.

— Куда поѣдете вы? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ замокъ Румбри, близъ города Мѣлана, въ департаментъ Эры.

— Но, молодой господинъ, ваши деньги пропали; а для поѣздки нужно имѣть ихъ.

Черный нищий положилъ нѣсколько лундоровъ на столъ. Лицо Ксавье подернулось легкою краскою.

— Не краснѣйте, сказалъ тихо Нептунъ: добрый господинъ далъ мнѣ болѣе, онъ даровалъ мнѣ свободу.... Теперь я только улачиваю свой долгъ.

Сказавъ это, негръ подошелъ къ двери, но на порогѣ остановился и быстро спросилъ:

— Въ которомъ часу отправляетесь вы завтра?

— Не могу сказать опредѣлительно, но думаю, что послѣ полуночи..

— Хорошо!... до свиданія, молодой господинъ.... прежде чѣмъ отправлюсь за вами, я посвящу нѣсколько часовъ на отысканіе вашей матери.

ХІІ.

Погоня.

На другой день рано утромъ, Нептунъ, оспираясь на свою палку, уже нѣсколько разъ обѣгалъ почти весь Парижъ. Ни одинъ домъ, ни одна женщина, хотя сколько нибудь похожая на воображаемый портретъ креолки, не укрылись отъ его наблюдений. Но въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, ни разу счастье не улыбнулось ему. Въ этотъ же день негръ чувствовалъ какую-то неопредѣленную надежду. Теперь у него были три путеводителя: платокъ, поднятый подъ балкономъ Ксавье, съ мѣтками Ф и А; рисовавшійся въ умѣ портретъ дамы, посѣтившей домъ подлѣ сентъ-жерменской церкви, и, наконецъ, негръ успѣлъ замѣтить карету, въ которой пріѣзжала неизвѣстная дама, столь походившая лицомъ на молодаго человѣка.

Первоначально негръ отправился въ Сентъ-Жерменское предмѣстье, гдѣ скорѣе всего можно было бы отыскать карету съ гербами. Ницшій болѣе надбился на коляску, чѣмъ на даму, потому что въ то время, когда послѣдняя могла предаваться покою и не выходить изъ своего будуара, первая постоянно оставалась на дворѣ, или въ одномъ изъ сараевъ; а проникнуть туда не представлялось большаго затрудненія. Какъ мы увидимъ, надежды его не были обмануты на этотъ разъ.

Проходивъ понапрасну три или четыре часа по дворамъ, или, по крайней мѣрѣ, вокругъ ихъ, ницшій подошелъ къ одному дому посреди Гренельской улицы, который гордо возвышался надъ окружавшими его зданіями. Главныя ворота были открыты. Ницшій приблизился къ нимъ и, бросивъ взглядъ, онъ увидѣлъ сперва почтовую карету, которая красовалась посреди двора; подлѣ нея ходилъ взадъ и впередъ молодой человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, походившій нѣсколько на Англичанина, какъ медленной и флегматической походкой, такъ и вообще всѣми пріемами. Эта карета нисколько не походила на ту, которая

представлялась воображенію чернаго нишаго. Онъ хотѣлъ было уже идти далѣе, какъ вдругъ молодой человѣкъ сдѣлалъ знакъ; дорожный экипажъ двинулся въ сторону, и открылъ за собою небольшую хорошенькую карету. При видѣ ея ницшій вскрикнулъ отъ радости.

— Это та самая! прошепталъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

Черезъ нѣсколько секундъ, ницшій смѣло подошелъ къ молодому человѣку, въ которомъ читатели, вѣроятно, узнали Альфреда Лесевра де-Валле.

Въ дорожномъ костюмѣ Альфредъ казался гораздо лучше, чѣмъ во вчерашнемъ изысканномъ платьѣ.

— Честное слово! вскричалъ онъ, посмотривъ въ лорнетку на Нептуна: я никогда не видывалъ такихъ негровъ съ сѣдою бороною... право, это очень смѣшно!...

Негръ между тѣмъ подошелъ къ молодому человѣку. Этотъ послѣдній опустилъ лорнетку и вскричалъ:

— Джонъ!

На этотъ призывъ, тотчасъ явился низкій Нормандецъ, которому Лесевръ присвоилъ обязанность грума.

— Возьми твой бичъ, продолжалъ Альфредъ съ чисто-британскимъ холонокровіемъ. И онъ докончилъ свою рѣчь выразительнымъ жестомъ, который былъ тотчасъ понятъ Нептуномъ, схватившимся крѣпче за свою палку. Впрочемъ ему не пришлось употребить въ дѣло это оборонительное оружіе. Альфредъ, не смотря на свои странности, имѣлъ доброе сердце и хотѣлъ только пошутить надъ бѣднымъ ницшымъ.

— Негръ, сказалъ онъ, смѣясь: еслибъ Джонъ былъ моложе тебя только нѣсколькими годами, наиримѣръ двумя или тремя, то я заставилъ бы его подражать съ тобою... Что тебѣ нужно? Развѣ входятъ такимъ образомъ въ домъ маркиза Румбри.

— Румбри! повторилъ негръ съ удивленіемъ.

— Если хочешь просить милостыни, прервалъ Лесевръ: то можешь стать у воротъ... но не думай никогда заглядывать во дворъ... что жъ ты медлишь, убирайся прочь!

Нептунъ не отвѣчалъ ни слова, но тотчасъ вынулъ пакетъ и подалъ его молодому человѣку.

— Что это такое! вскричалъ Альфредъ, развертывая бумагу: честное слово, тутъ платокъ маркизы!

Онъ вынулъ пять франковъ изъ кошелька и положилъ въ руку Нептуна.

— Честное слово, ты сегодня попалъ въ счастливую минуту, не то... Нептунъ не дослушалъ выразительной рѣчи Альфреда и медленно удалился со двора. Но тутъ онъ остановился и сѣлъ на тумбу не далеко отъ главныхъ воротъ, предварительно нагнувъ свою соломенную шляпу на глаза, такъ что лицо его не могло быть узнано съ перваго раза.

Теперь нищій зналъ, гдѣ найти эту женщину, которая такъ походила на сына капитана Лефевра и имя которой начиналось одинаковыми буквами съ именемъ матери Ксавье... Онъ вспомнилъ также одно обстоятельство, которое заразъ и облегчало и затрудняло его... Ксавье сказалъ, что его пригласили въ замокъ Румбри; платокъ принадлежитъ также маркизѣ Румбри; значить въ обѣихъ этихъ исторіяхъ, нѣсколько различныхъ по своимъ дѣяльямъ, или случайно сошлись однофамильцы, или тутъ дѣйствуютъ одни и тѣ же лица? Негръ чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ болѣе запутывался въ своихъ предположеніяхъ; его пугало это сходство фамилій. Въ то время, когда онъ совершенно погрузился въ свои мысли, на колокольнѣ церкви Оомы Аквината пробило два часа. Негръ быстро поднялся съ своего мѣста; онъ вспомнилъ слова Ксавье, который долженъ былъ уже отправиться въ путь. Какъ найти молодого человѣка, тѣмъ болѣе, что у негра, мало знакомаго съ географіей, совершенно вышли изъ памяти и названіе департамента и названіе города? Словомъ, изъ всего сказаннаго Ксавье, осталась только одна фамилія Румбри, которая не была забыта. Подумавъ минуту, чернѣйшій уже намбривался бѣжать какъ можно скорѣе на площадь Сентъ-Жерменъ-де-Пре, какъ вдругъ въ это время на крыльцѣ показалась маркиза Румбри, опиравшаяся на руку человѣка, въ которомъ негръ тотчасъ узналъ Каррала. Нищій уже не хотѣлъ теперь оставить своего мѣста, и какъ бы пораженный громомъ, неподвижно стоялъ, прислонившись къ калиткѣ и посматривая пристально на маркизу и ея спутника. Чтò оставалось дѣлать негру въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что присутствіе Каррала придавало отъѣзду креолки угрожающій видъ? Наконецъ, какимъ образомъ не оцусить изъ виду этихъ двухъ лицъ, которыя теперь болѣе всего занимали чернаго нищаго, и какимъ образомъ попасть въ замокъ Румбри? Нептунъ терялся совершенно и не зналъ, къ чему приступить; нечаянно взглянулъ онъ на улицу, и внезапная мысль освѣтила его умъ; онъ увидѣлъ фіакръ, запряженный двумя сильными лошадьми, и вздохнулъ свободнѣе. Я пушусь за ними

вслѣдъ, подумалъ онъ. Между тѣмъ маркиза, легкая и граціозная, какъ молодая дѣвушка, впорхнула въ почтовую карету; но прежде чѣмъ сѣла, она сказала Карралу:—Мы будемъ совершенно одни и можемъ говорить свободно. Маркиза никакимъ образомъ не рассчитывала на своего сына, который уже прежде расположился въ каретѣ, на одной изъ скамеекъ; когда же замѣтила его, то знакомъ нетерпѣнія неволью выразила свое неудовольствіе.

— Вы, вѣроятно, не ожидали меня здѣсь видѣть, сказалъ Альфредъ съ громкимъ хохотомъ: честное слово, я отправляюсь съ вами.

— Я думала, что вы поѣдете съ Еленою и маркизомъ Румбри, возразила сухо маркиза.

— Какъ бы не такъ! проворчалъ англоманъ: чтобы ѣхать съ маркизомъ, нужно угождать ему во все время дороги и хватить напудренные парики, прямые шпаги и вообще всѣ моды времени Людовика XV, а я не привыкъ къ лести подобнаго рода.

Маркиза, видя, что дальнѣйшій споръ не поведетъ ни къ чему, сдѣлала знакъ рукою Карралу, и тотъ вслѣдъ за нею помѣстился въ каретѣ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ и экипажъ выѣхалъ изъ воротъ. При выѣздѣ на улицу, маркиза и мулатъ замѣтили чернаго нищаго, который пристально смотрѣлъ на карету.

— Опять этотъ человѣкъ! прошептала маркиза, которая не могла подавить въ себѣ невольнаго страха.

— Нищій рѣшительно преслѣдуетъ насъ, подумалъ съ своей стороны Карралъ.

Чтò же касается до Альфреда Лефевра, то онъ удовольствовался только словами:

— Еслибъ Джонъ былъ гораздо старѣе, я заставилъ бы его подраться съ негромъ, честное слово.

Нептунъ въ свою очередь бросился немедленно къ фіакру, который замѣтилъ уже прежде; сказалъ нѣсколько словъ кучеру, всунулъ ему въ руку луидоръ, и тяжелая карета понеслась въ слѣдъ за экипажемъ маркизы. Негръ какъ бы предчувствовалъ, что въ этотъ день должно произойти что-нибудь необыкновенное, и потому запасся всеми деньгами, какія только остались у него. Покуда ѣхали по улицамъ Парижа, фіакръ ни на шагъ не отставалъ отъ почтовой кареты.

Даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ негръ кричалъ извозчику, чтобы онъ ѣхалъ потише. Впрочемъ это было совершенно лишнее, потому-что карета, лишь только выѣхала на Елисейскія Поля, какъ тотчасъ же удалась отъ фіакра на значительное разстояніе.

— Скорѣе! вскричалъ нищій, обращаясь къ своему кучеру.

— Не бойся другъ, отвѣчалъ извозчикъ, опираясь на послѣднее слово съ особенною пронию: мы успѣемъ доѣхать.

У заставы фіакръ снова догналъ свою новую подругу, отъ которой держался почти цѣлую милю въ нѣсколькихъ десятикахъ сажень.

— Другъ, куда мы ѣдемъ? спросилъ извозчикъ, обращаясь къ черному вичему.

Нептунъ показалъ пальцемъ на почтовую карету.

— А! понимаю, мы отправляемся туда, куда и они: а они-то куда?

— Поѣзжай все прямо, вскричалъ Нептунъ въ нетерпѣніи: тебѣ будетъ заплачено.

Кучеръ ударилъ кнутомъ своихъ лошадей, но черезъ нѣсколько секундъ снова началъ разговоръ:

— Почтенный господинъ, сказалъ онъ: вы говорите прекрасно, но у меня только двѣ лошади, которыхъ я могу потерять, и не смотря на все мое почтеніе къ вамъ... я долженъ сказать... что вы... хе.. хе.. хе, не имѣете того вида, какой...

Нептунъ прервалъ дальнѣйшее разсужденіе, показавъ извозчику двѣнадцать наполеондоровъ. Тотъ, вѣроятно, воспалился при этомъ видѣ, потому-что началъ погонять лошадей съ чрезвычайнымъ энтузіазмомъ.

Въ *Сенъ-Жермень* карета остановилась, чтобы переѣхать лошадей, фіакръ же, не отдыхая ни на минутѣ, продолжалъ путь и такимъ образомъ выигралъ впередъ нѣсколько миль. Впрочемъ это не повело ни къ чему особенному. Черезъ нѣсколько часовъ, карета, запряженная свѣжими лошадьми, догнала бѣдный фіакръ и какъ молнія пронеслась мимо него.

— Скорѣе! закричалъ снова Нептунъ.

Кучеръ нѣсколько разъ ударилъ своихъ лошадей, которыя бѣжали все тише и тише. Отъ нихъ поднимался паръ столбомъ.... Они начинали уставать; а между тѣмъ разстояніе между фіакромъ и каретою становилось съ каждою минутою больше и больше. Нищій почти въ бѣшенствѣ катался на скамейкахъ

фіакра, и своими движеніями, казалось, хотѣлъ придать болѣе силы усталымъ лошадямъ, и болѣе скорости своему экипажу. Черезъ нѣсколько секундъ, карета совершенно исчезла изъ виду.

— Десять лундоровъ, если ты ее догонишь! сказалъ Нептунъ прерывающимся голосомъ.

— Двѣсти франковъ! прошепталъ извозчикъ.

И онъ опять снова прибѣгнулъ къ кнуту. Лошади сбѣжали послѣднее усиліе и повеселись какъ бѣшенныя. Не смотря на то, кучеръ учащалъ немилосердо удары. Нептунъ же, наклонившись къ дверцамъ, кричалъ безпрестанно:

— Скорѣе!.. Скорѣе!

Волосы его распускались по вѣтру, лице его безпрестанно выражало то отчаяніе, то живѣйшую радость; въ нѣкоторыя минуты онъ былъ даже страшенъ.

Между тѣмъ наступали сумерки. Вдалекѣ, на вершинѣ небольшого холма, обрисовывалась silhouette кареты.. Въ то же самое время изъ-за массы деревьевъ показались огни и цаконецъ Меланъ раскинулся амфитеатромъ.

Нищій испустилъ радостный крикъ и въ изнеможеніи упалъ на подушки.

Нѣсколько минутъ спустя, раздался толчекъ: обѣ лошади пали заразъ. Но для нищаго теперь было все равно.... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фіакра, подлѣ гостиницы, стояла карета, единственный предметъ его помышленій, въ которую запрягали опять свѣжихъ лошадей.

Нептунъ выскочилъ изъ фіакра, бросилъ десять лундоровъ въ шляпу кучера, и, подбѣжавъ къ каретѣ, которая только что тронулась съ мѣста, ловко вскочилъ на запятки, схватился рукою за кузовъ и такимъ образомъ отиравился въ путь вмѣстѣ съ маркизою.

Было довольно темно, и никто не могъ его увидѣть въ этомъ положеніи.

Хозяинъ почтового двора закричалъ было почтальону, что на запяткахъ кареты противозаконно помѣстился какой-то бродяга, но тотъ не слышалъ ничего за шумомъ, который производила карета, катаясь по мостовой.

Между тѣмъ лошади фіакра, послѣ долгаго отдыха и совершенно противъ ожиданія извозчика, встали на ноги и благопо-

лучно дотацились до гостиницы, гдѣ ихъ ждали кормъ и хощее стойло.

Карета неслась крупною рысью и иногда даже въ галопѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, она остановилась передъ воротами замка Румбри, величественнаго зданія, построеннаго во вкусь временъ Лудовика XIII. Нептунъ за двѣсти шаговъ до замка, соскочилъ съ запятокъ и исчезъ между деревьями парка, никѣмъ незамѣченный.

Было около 8 часовъ вечера; лакеи, предупрежденные заранѣе, приготовили все къ принятію своихъ господъ и гостей ихъ. Вскорѣ за каретою маркизы показались экипажи приглашенныхъ на праздникъ. Замокъ оживился внезапно.

Маркизь Румбри, встрѣчая гостей, приглашалъ ихъ въ столовую, гдѣ проголодавшихся путешественниковъ ожидалъ прекрасный обѣдъ.

Вечеръ, какъ нельзя болѣе, былъ прекрасенъ. Всѣ окна въ столовой были отворены, чтобы освѣжить нѣсколько комнатъ.

Недалеко отъ одного изъ этихъ оконъ, за розовымъ кустомъ, скрывался Нептунъ и наблюдалъ за всѣмъ происходившимъ внутри столовой.

Карраль сидѣлъ далеко отъ Ксавье, однако ихъ взоры часто встрѣчались....

Нептунъ замѣчалъ, какъ маркиза бросала на молодаго человека взгляды, исполненные страшной ненависти.

— Ахъ! еслибъ я могъ сказать имъ, кто такой Ксавье! думалъ нищій, который, въ простотѣ сердца, надѣялся, что мать, бросившая своего сына, опять приметъ его въ свои объятія послѣ двадцатилѣтней разлуки.... Онъ не зналъ сердца женщины и особенно такой, какова была маркиза Румбри.

Наконецъ вышли изъ-за стола. Креолка слѣдала знакъ Карралю, чтобъ онъ приблизился къ ней. Черезъ нѣсколько времени, отворилась дверь въ садъ, и нѣсколько группъ отправились гулять по тѣнистымъ дорожкамъ.

Всѣ эти группы прошли мимо чернаго нищаго, который такъ внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями маркизы и Карраля, что даже не замѣтилъ, какъ Елена, опираясь на руку Ксавье, показала на террасѣ, ведущей въ садъ.

Молодые люди пошли по аллеѣ, которая направлялась къ самому парку. По мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ замка, голова становилась слабѣе и слабѣе, только изрѣдка доносились до нихъ порывистые взрывы смѣха, или звучалъ голосъ Альфреда

Лефевра, повторявшаго безпрестанно свои обыкновенныя клятвы. Вокругъ нихъ царствовала глубокая тишина, которая прерывалась только шумомъ ихъ шаговъ или шелестомъ листьевъ, да изрѣдка криками ночной птицы, испуганной появленіемъ человѣка. Молодые люди были въ первый разъ совершенно одни.

Елена чувствовала въ своемъ сердцѣ какое-то волненіе, радость, смѣшанную съ невольною грустію. Она думала въ эту минуту о счастіи принадлежать Ксавье, быть подругою его жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ измѣрала глубину тѣхъ бѣдствій, какія ожидали ее въ противномъ случаѣ.

По какому-то невольному чувству, Елена подвинулась ближе къ Ксавье, какъ бы боясь, чтобы что-нибудь не оторвало отъ нея этого единственнаго друга. Она не говорила ни слова, но глаза ея были устремлены на молодаго человѣка. Чтѣ жъ касается до Ксавье, то онъ утопалъ въ блаженствѣ....

— Ахъ! еслибъ мы были всегда такъ счастливы, Елена! прошептала онъ. Этими словами Ксавье какъ бы угадалъ тайну молодой дѣвушки, которая повторяла про себя то же самое.

— Вы еще не знаете, продолжалъ Ксавье, что я теперь не одинъ въ мѣрѣ, что у меня, по крайней мѣрѣ, теперь есть воспоминаніе объ отцѣ и имя, которое онъ завѣщалъ мнѣ....

— Благородное имя? спросила живо молодая дѣвушка.

Этотъ вопросъ, какъ бы оледенилъ сердце Ксавье.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Елена вздохнула.

— Я спрашиваю объ этомъ не для себя, прошептала она: для меня все равно, кто бы вы ни были....

— Благодарю васъ, Елена! вскричалъ Ксавье, я не ошибся, я ожидалъ услышать это отъ васъ.

Онъ взялъ руку Елены, которая не отнимала ея, и потомъ рассказалъ ей исторію своей жизни, не выпуская изъ виду ни одного событія, имѣвшаго хотя сколько-нибудь отношенія къ нимъ обоимъ. Онъ не забылъ также упомянуть въ этомъ разсказѣ о негрѣ и всѣхъ его благодѣяніяхъ, равно какъ и о исторіи капитана Лефевра.

— Я не знаю, сказала Елена, когда молодой человѣкъ кончилъ свой разсказъ: какую будущность, готовить намъ Богъ, по крайней мѣрѣ, могу сказать вамъ, что люблю васъ и буду любить.

Ксавье упалъ на колѣни. Елена, съ улыбкою, подняла свою руку, такъ что она коснулась губъ молодаго человѣка.

— Встаньте, Ксавье, сказала она: я ваша невѣста... Общайтесь вамъ, если судьба не позволитъ мнѣ быть вашей женой, не принадлежать никому другому.

Ксавье приложилъ руки къ сердцу какъ бы для того, чтобъ заглушить его бѣшеніе. Онъ не находилъ словъ, чтобъ высказать Еленѣ то, что чувствовалъ въ эту минуту. Молодая дѣвушка снова оперлась на его плечо, и она молча отправилась къ замку.

Между тѣмъ Нептунъ не терялъ изъ виду тѣхъ, кто занималъ его болѣе всего. Маркиза Румбри, въ свою очередь спустилась съ террасы, въ сопровожденіи Каррала, и направила свои шаги къ уединенной части сада. Тамъ, посреди небольшой лужайки, окруженной со всѣхъ сторонъ огромными деревьями, возвышалась скамья, къ которой приблизилась маркиза. Нептунъ не отставалъ отъ нихъ и пробирался ползкомъ, какъ змѣя, которая подстерегаетъ свою добычу. Видя что они сѣли на скамью, нищій подвинулся сколько возможно ближе и спрятался за огромнымъ деревомъ, которое росло не въ дальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ были маркиза и ея сообщникъ. Такимъ образомъ, онъ могъ подслушать весь ихъ разговоръ.

— Здѣсь мы можемъ говорить свободно, начала креолка: расскажите мнѣ свои планы.

Но Карраль былъ въ это время занятъ совершенно другимъ:

— Слышите — шумъ, вскричалъ онъ: тутъ кто-то скрывается.... Этотъ шумъ произведенъ былъ Нептуномъ, который подкрадывался все ближе и ближе къ скамейкѣ.

— Вамъ такъ только показалось, возразила маркиза: я не слышу ничего. Но мулатъ, болѣе осторожный, бросился къ дереву, за которымъ скрывался нищій.... Черезъ секунду онъ возвратился на прежнее мѣсто, потому-что не нашелъ тамъ ничего подозрительнаго.... Какаѣ-то черная масса лежала подлѣ пня дерева, но это, вѣроятно, былъ камень.

— Ваша правда, сказалъ Карраль. Но прежде чѣмъ приступимъ къ нашему дѣлу, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ вопросъ: вы совершенно рѣшились?

— Еще вы спрашиваете! вскричала маркиза. Неужели вы не замѣтили, что Ксавье прѣхалъ сюда въ каретѣ маркиза?

— Я это замѣтилъ, отвѣчалъ хладнокровно мулатъ.

— Въ каретѣ маркиза! повторила креолка: онъ занялъ тамъ

мѣсто моего сына. Не замѣтили ль вы, наконецъ, что маркизъ цѣлый обѣдъ разговаривалъ почти только съ однимъ Ксавье.

— Я также это замѣтилъ.

— Въ это самое время, онъ прогуливается съ Еленою по аллеямъ нашего сада.

— Ваша правда.

— И послѣ всего этого, вы еще спрашиваете, рѣшилась ли я? Но уже время, Карраль!... Еще минута и мы опоздаемъ!...

— Я убью его въ нынѣшнюю ночь, сказалъ Карраль, самымъ холоднымъ тономъ.

Нептунъ задрожалъ при этихъ словахъ. Онъ никакъ не предполагалъ, что жизнь Ксавье въ такой опасности.

Маркиза не отвѣчала. Голова ея была опущена на грудь. Она, казалось, была въ нерѣшительности.

Но вскорѣ, отбросивъ это мнимое чувство, воплиъ предавалась своей дикой энергіи и съ живостью спросила:

— Какимъ образомъ ты убьешь его?

— Я заколю его кинжаломъ, отвѣчалъ Карраль.

Нептунъ положилъ руку на сердце, какъ бы боясь, чтобы бѣшеніе его не выдало его самого.

— Вы прикажете ему отвести комнату на оконечности лѣваго флигеля, продолжалъ мулатъ.... тамъ....

Тутъ онъ жестомъ, который не укрылся отъ наблюденій нищаго, показалъ на послѣднее окно, которое находилось въ лѣвой сторонѣ замка.

— Хорошо, прошептала маркиза.

— Въ этой части никто не живетъ?

— Никто.

— Тѣмъ лучше.... я разобью окно, и уходя оттуда упесу чашы и кошелекъ его.... завтра, вѣроятно, расскажутъ, что воры прокрались въ замокъ и убили молодаго человѣка.

— Негоднй, подумалъ Нептунъ, глаза котораго сверкали отъ негодованія.

— Ты неощененный человѣкъ, Карраль, сказала маркиза, протягивая ему руку. Дѣйствуй такимъ образомъ, какъ ты говоришь, и ты будешь щедро награжденъ.

— Надѣюсь, сказалъ мулатъ, совершенно безстрастнымъ голосомъ.

Между тѣмъ погода вдругъ переѣвилась. Черныя облака заволокли небо, вдалекѣ слышны были раскаты грома, и дождь крупными каплями началъ падать на землю. Маркиза хотѣла-было идти, но Карраль грубо схватилъ ее за руку и вскричалъ, съ двусмысленною улыбкою:

— Останьтесь, прошу васъ, маркиза, я еще не кончилъ.

— Что вы хотите сказать мнѣ? проштала маркиза въ невольномъ страхѣ.

Карраль подумалъ съ минуту.

— Я вамъ хочу сказать, началъ онъ, что я васъ ненавижу смертельно. Вы во зло употребили свою власть, и въ то время, когда я просилъ пощады, вы съ провическою, безжалостною улыбкою, наступили мнѣ на грудь и сказали: повинуйся, жалкій невольникъ.... Теперь вы побуждаете меня на преступленіе, хорошо, я совершу его.... но совершу потому только, что этимъ избавляю отъ рабства и разорву свою цѣпь.

— Да.... да, Карраль, прервала маркиза, съ ласковою, но льцемерною улыбкою, ты будешь свободенъ, клянусь тебѣ....

— Какая мнѣ нужда до вашихъ клятвъ, маркиза? Вы умѣете лгать и не вѣрите въ Бога!... Нѣтъ!... я хочу болѣе, слышите ли вы? я хочу обезпеченія.

— Вы будете имѣть его.

— Какъ! вскричалъ Карраль съ ироніею, вы дадите мнѣ записку, на которой напишите: я поручила убійство мулату Жонкилю!...

— Жонкиль, повторилъ Нентунъ: это имя можно найти въ бумагахъ моего господина.

Онъ приложилъ руку къ груди, чтобъ увѣриться, что эти бумаги вмѣстѣ съ нимъ.

— И вы подишетесь, продолжалъ Карраль, Флорентина Анжелика, маркиза де-Румбри!...

— Флорентина Анжелика, опять повторилъ нищій—и послѣднее его сомнѣніе теперь совершенно исчезло.

— Вы сдѣлаете это? Отвѣчайте! сказалъ мулатъ съ вопрошающимъ видомъ.

Маркиза быстро отскочила на нѣсколько шаговъ въ сторону и приняла свой повелительный видъ, передъ которымъ столь часто, какъ объ каменную стѣну, разрушалось упорство мулата.

— Мнѣ кажется, что ты снова хочешь противиться? сказала на, нахмуривъ брови.

Мулатъ пожалъ плечами.

— Бросьте эту роль, маркиза, я знаю, что вы играете ее какъ нельзя лучше, началъ онъ саркастическимъ тономъ: но предупреждаю васъ, теперь я не боюсь васъ, потому-что вы имѣете нужду во мнѣ.... даже болѣе: вы страшитесь меня, потому-что я знаю вашу тайну.

Креолка была не такая женщина, которую можно было побѣдить съ перваго раза.

— Бѣдный Жонкиль! сказала она: правда, ты знаешь мою тайну, но какая тебѣ отъ нея польза? Кто повѣритъ тебѣ?... Всѣ почтутъ ее за одну клевету, потому-что я—маркиза Румбри, а ты—ничтожный мулатъ!...

— Въ этомъ я согласенъ съ вами.... Но только вы не осмѣлитесь что-нибудь замышлять противъ Ксавье.... А Альфредъ Лефевръ де-Валле лишится десяти милліоновъ Елены, вмѣстѣ съ ея рукою.

— Но я сорву съ тебя маску, вскричала съ гнѣвомъ маркиза: и всѣ будутъ на тебя указывать пальцами....

— Напрасно! я оставлю Францію, прервалъ мулатъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Дождь крупными каплями падалъ на полубоженныя плечи маркизы, которая не приняла никакой предосторожности.

— Карраль, проштала она съ ужасомъ: проси у меня, чего хочешь, и я все сдѣлаю....

— А! вы уступаете! вскричалъ мулатъ: вы признаетесь, что мы теперь равны съ вами... Хорошо! я буду великодушенъ. Не нужно ни записки, ни пагубной подписи, но въ замѣнъ того, вы должны помогать мнѣ въ убійствѣ....

— Помогать!...

— Да, помогать! Ваше присутствіе сдѣлаетъ ударъ мой вѣрнѣе. Въ это время послышался голосъ Альфреда Лефевра, который звалъ свою мать и клялся, что несетъ ей зонтикъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!... проштала креолка: я не могу....

— Подумайте, маркиза, если не согласитесь на условіе, я сей-часъ оставляю замокъ и вы никогда меня не увидите.

— Гопъ!... Гопъ! кричалъ Альфредъ: да откликнитесь гдѣ вы маркиза!...

— Если я уѣду, началъ снова Карраль: Ксавье выпиграетъ партію.... Румбри любить его.... Елена также....

— Приду, сказала тихо маркиза.

— Гопъ! Гопъ!... опять закричалъ Альфредъ: чортъ возьми, такъ темно, что я ничего не вижу.... маркиза, гдѣ вы?

Карраль и креолка пошли къ замку, который сіялъ разноцвѣтными огнями среди всеобщаго мрака.

— Въ которомъ часу? спросила маркиза.

— Лягутъ поздно.... не ранѣе двухъ часовъ по полуночи.... И такъ вы придете?

— Приду.

Нищій выпрямился во весь ростъ. Долгое время слѣдилъ онъ взоромъ за уходящими.... потомъ пошелъ также за ними, сказавъ прежде рѣшительнымъ тономъ:

— И я также.... приду!...

XIII.

При свѣтѣ луны.

Ксавье проводили въ комнату, назначенную самой маркизой. Пустота этой комнаты и отдаленность ея отъ жилыхъ покоевъ не возбудили никакихъ подозрѣній и безпокойства въ душѣ молодого человѣка.

Съ радостію въ сердцѣ бросился онъ въ постель и въ скоромъ времени заснулъ, убаюканный сладкими мечтами. И дѣйствительно, что могло тревожить его въ это время! Маркизь, казалось, удвоилъ къ нему свою нѣжность, а Елена открыла ему всѣ тайны души своей.

Было уже полночь; Ксавье спалъ самымъ глубокимъ сномъ; въ это время, кто-то три раза тихо ударилъ въ раму окна его комнаты; такъ какъ онъ ничего не слышалъ, то удары повторились съ большею силою; потомъ рука, обернутая въ платокъ, просунулась сквозь разбитое стекло, обломки котораго не произвели почти никакого шума, потому-что запутались въ занавѣсахъ и медленно, едва слышно, упали на полъ.

Однако какъ ни тихъ былъ этотъ шумъ, Ксавье вздрогнулъ и на минуту проснулся, но опять векорѣ заснулъ; онъ подумалъ, что все это показалось ему только во снѣ. Рука, протянутая сквозь разбитое стекло во внутренность комнаты, отдернула зад-

вижку и окно растворилось. Какой-то человѣкъ проворно вспрыгнулъ въ комнату.

Гроза прошла. Луна, выплывъ изъ-за облаковъ, спокойная и блестящая, красовалась на небѣ. Свѣтъ ея падалъ прямо на лицо спящаго Ксавье.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и подошелъ къ постели. Съ минуту онъ смотрѣлъ на молодого человѣка, потомъ сложилъ руки и, казалось, шепталъ молитву; послѣ того, онъ наклонился къ лицу Ксавье и поцѣловалъ его въ лобъ. Когда онъ поднялся, луна освѣтила темное лицо чернаго нищаго.

Негръ, казалось, сперва хотѣлъ разбудить молодого человѣка, но потомъ одумался, подошелъ къ окну и опустил занавѣски, такъ, что въ комнатѣ сдѣлалось совершенно темно. Наконецъ, онъ скрылся за кроватью Ксавье.

Прошло полчаса и никто не нарушалъ общей тишины. Наконецъ до слуха нищаго донеслись смѣшанные голоса людей, разговаривавшихъ между собою отрывистыми фразами.

Почти въ ту же минуту, ключъ повернулся въ замкѣ и дверь тихо отворилась. Карраль показался на порогѣ. У него не было видно никакого оружія. Мулатъ, безъ сомнѣнія, скрылъ его, дабы не обнаружить своего намѣренія, еслибъ пришлось нечаяннымъ образомъ разбудить несчастную жертву.

Еслибъ Ксавье проснулся въ то время, когда Карраль вошелъ въ комнату, то онъ могъ бы подумать, что его пришелъ посѣтить другъ, но никакимъ образомъ не смертельный врагъ, покушающійся на его жизнь.

Мулатъ подвигался впередъ съ улыбкою на лицѣ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу. Но лишь только онъ удостоился, что Ксавье спитъ, то мгновенно сбросилъ съ себя принятую маску и лицо его тотчасъ измѣнило свое выраженіе. Брови его свинулись, широкая борода, образованная двумя глубокими морщинами, показалась на лбу, и глаза заблестали адскимъ огнемъ.

Карраль засунулъ руку подъ платье и вытащилъ кинжалъ. Потомъ, поставивъ свѣчку на столъ, онъ погасилъ ее, предварительно выбравъ мѣсто, куда вѣрнѣе могъ направить ударъ.

Мулатъ уже былъ готовъ исполнить свое злодѣйство, какъ почувствовалъ, что чья-то мощная рука схватила его руку, въ

которой блистала кинжалъ, направленный прямо въ сердце Ксавье, между тѣмъ какъ другая рука стиснула его горло.

Карраль испустилъ ужасный крикъ, но только одинъ крикъ, и упалъ на полъ, какъ тяжелая свинцовая масса. Негръ отместилъ чисто по-африкански: онъ задушилъ своего врага.

Ксавье поднялся въ испугѣ на своей кровати...

Глубокое молчаніе наступило послѣ предсмертнаго крика мучаго. Маркиза, трепеща, стояла въ корридорѣ и ожидала развязки, готовая бѣжать при первой неудачѣ своего сообщника. Она слышала стонъ, который заставилъ ее содрогнуться всѣмъ тѣломъ, и бросилась на другой конецъ галереи. Но въ это время выгнула луна и освѣтила на другомъ концѣ корридора какую-то неопредѣленную фигуру. Маркиза въ испугѣ воротилась назадъ, вбѣжала въ комнату Ксавье и тотчасъ затворила дверь за собою.

— Кончено ли? спросила она тихимъ голосомъ.

Ксавье хотѣлъ отвѣчать; но нищій приложилъ руку къ его губамъ.

— Кончено! отвѣчалъ онъ.

— Онъ мертвъ? спросила креолка: утраченная темнотой, которая царствовала въ комнатѣ.

— Мертвъ! опять отвѣчалъ нищій.

— Странно, Карраль, продолжала маркиза, я не узнаю твоего голоса.

Ксавье казалось, что онъ все видитъ во снѣ.

— Гдѣ вы? сказала опять креолка и сдѣлала два шага впередъ; въ это время она наткнулась на тѣло Карраля.

— Трупъ! вскричала она въ испугѣ.

Нищій отдернулъ занавѣску, и луна снова освѣтила комнату.

— Маркиза Румбри, вскричалъ Ксавье въ изумленіи.

Креолка посмотрѣла на Ксавье и потомъ наклонилась къ Карралю. Когда она поднялась, то взоръ ея упалъ на чернаго нищаго, который неподвижно стоялъ передъ нею, скрестивъ руки.

Маркиза хотѣла бѣжать.

— Оставайтесь здѣсь, вдова капитана Лефевра, вскричалъ негръ: Намъ нужно поговорить о многомъ.

— Жена моего отца? вскричалъ Ксавье: моя мать!

Онъ закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобы лучше сообразить все то, что теперь открывалось передъ нимъ.

— Скажите, ради Бога, продолжалъ онъ: что здѣсь происходитъ?

Маркиза, между тѣмъ, сдѣлала надъ собою отчаянное усиліе и снова успѣла принять совершенно спокойный видъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь происходитъ? сказала она. Я услышала крикъ и прибѣжала сюда... Что же? у одного изъ гостей моихъ, нахожу трупъ!...

— Трупъ человѣка, котораго я убилъ, прервалъ Нептунъ, за то, что онъ хотѣлъ, по вашему приказанію, умертвить вашего сына.

— Это невозможно! прошепталъ Ксавье.

— Моего сына! повторила маркиза. У меня только одинъ сынъ: Альфредъ Лефевр де-Валле.

— О! маркиза, вы обманулись, думая, что всѣ на свѣтѣ позабыли ваши похождения на островѣ Сень-Доминго.... Нашелся человѣкъ, который рѣшился напомнить ихъ вамъ... Это именно я принялъ на себя такую обязанность, и теперь говорю вамъ: у васъ не одинъ, а два сына, изъ которыхъ вотъ этотъ законный сынъ, между тѣмъ какъ тотъ незаконно пользуется его правами.

— Негръ! сказала маркиза: ты заплатишься дорого за свою дерзость... Все, что сказалъ ты—ложь и клевета!

Трупъ мулата въ это время зарожалъ, какъ бы отъ дѣйствія гальванизма.

— Пробудись, Карраль! вскричала маркиза, замѣтивъ это, и защита меня.

Карраль медленно поднялся.

— Этотъ человѣкъ сказалъ правду, прошепталъ онъ, бросая на свою прежнюю госпожу взгляды, исполненные ненависти. Ваша жизнь была цѣль лжи, коварства и преступленій... Да кажется васъ за это Богъ!..

Онъ упалъ и его начали мучить предсмертныя конвульсіи.

Маркиза, видя себя отъ гнѣва, топнула ногою.

— Умри же въ такомъ случаѣ, невольникъ! вскричала она.

Потомъ, обратившись къ Ксавье, она прибавила:

— И вы также трепещите, какъ вашъ сообщникъ! Убийство совершено у меня въ домѣ и будетъ наказано!.. О! я знаю, куда стремитесь вы, молодой человѣкъ! я знаю, что вы, не имѣя отца, поддерживаемые какою-то таинственною милостынею, осмѣлились бросить взглядъ на дѣвицу Румбри... Вамъ нужна мать, вамъ нужно имя!.. И вотъ, вы выбрали меня, и рѣшились украсть благородное имя у моего сына!..

Ксавье, страдательное и ничего непонимающее лицо въ этой сценѣ, не нашелъ словъ, чтобъ отвѣтить креолкѣ.

— Маркиза!.. пробормоталъ онъ.

— Молчи, сказалъ повелительно нищій: мнѣ нужно говорить, а не тебѣ... Молодой человекъ и не думалъ объ васъ, маркиза, потому-что ваше поведеніе всегда внушало ему ужасъ и сожалѣніе. Это я, я, слѣпое орудіе воли вашего супруга, принялъ на себя такое дѣло. Напрасно запираетесь вы, у меня есть доказательства, которыя могутъ уличить васъ... Что же касается до убійства, то не намъ нужно трепетать!

Нищій вынулъ бумаги капитана и зажегъ свѣчу.

— Читайте! сказалъ онъ, подавая ихъ креолкѣ.

Та быстро пробѣжала свидѣтельство о законномъ рожденіи Ксавье.

— Тутъ не достаетъ одной вещи, сказала она. Гдѣ мое имя? Карралъ поднялся во второй разъ и посмотрѣлъ на бумагу.

— Вотъ мое имя... прочелъ онъ: Жонкиль... а это твой сынъ... дѣтоубійца...

— Онъ помѣшался, сказала маркиза: и притомъ къ чему поведетъ его свидѣтельство?.. Оно сейчасъ умретъ!

Карралъ прислонился къ кровати.

— Еще бы нѣсколько часовъ! прочелъ онъ, чтобъ только отомстить ей.

Его глаза закрылись.

— Онъ умеръ! вскричала маркиза. Кто повѣритъ тебѣ, нищій?.. Нептунъ и Ксавье бросились въ одно время, чтобъ вырвать бумаги изъ рукъ креолки, но она однимъ скачкомъ очутилась на порогѣ.

— Да! кто вамъ повѣритъ? повторила она съ торжествующимъ видомъ.

— Первый я, маркиза, послышался важный и строгій голосъ.

Креолка въ испугѣ, какъ бы пораженная громомъ, отступила почти на середину комнаты. Маркизь Румбри показался въ дверяхъ. Онъ подошелъ къ своей женѣ и, вырвавъ изъ рукъ ея бумаги, подалъ ихъ нищему.

— Я все слышалъ, продолжалъ онъ: не трудитесь защищать себя, маркиза. Я пришелъ сюда, привлеченный крикомъ этого человека, — онъ указалъ на Каррала, — и пришелъ только для того, чтобъ ясное видѣть безчестіе моего дома. Удалитесь сударыня, завтра я сообщу вамъ свою волю.

Маркиза молчаливо, съ безсильною яростію въ душѣ, остави-

ла комнату. Улыбка показалась на лицѣ совершенно ослабѣвшаго Каррала, онъ умираетъ отищеннымъ.

Никто изъ гостей не узналъ объ этой драмѣ.

На другой день, маркиза Румбри, какъ обыкновенно являлась къ завтраку, гдѣ присутствовали всѣ приглашенные, исключая Каррала, объ которомъ никто впрочемъ не беспокоился. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые приходятъ какъ бы не замѣченными, такъ что трудно дать себѣ отчетъ, существовали они, или нѣтъ?

Въ это же утро маркизь Румбри объявилъ, что одно чрезвычайно важное дѣло заставляетъ его немедленно возвратиться въ Парижъ. Гости разѣхались. Бичи снова захлопали, но въ этотъ разъ, никакой фіакръ не соперничествовалъ въ скорости съ почтовою каретою. Румбри отправился послѣдній съ своею дочерью, Ксавье и чернымъ нищимъ.

Этотъ внезапный отъѣздъ чрезвычайно удивилъ Альфреда Лефевра, который клялся, что подобнаго съ нимъ никогда не случалось. Впрочемъ удивленіе его возрасло еще болѣе, когда представилось новое обстоятельство, совершенно сбившее его съ толку.

Въ самомъ дѣлѣ, когда коляска маркиза поворотила въ Парижъ, карета креолки приняла обратный путь въ Бретань.

— Чортъ возьми! почтарь, вѣрно, пьянъ! вскричалъ въ изумленіи Альфредъ де-Валле.

Но маркиза жестомъ заставила его замолчать. Матовая блѣдность покрывала ея лице.

— Мы будемъ жить въ Бретани, сказала она глухимъ голосомъ.

— Какъ! маркиза, отвѣчалъ Альфредъ: честное слово это не постижимо!

Долгое время въ салонахъ маркиза Румбри говорили о милой креолкѣ, но на всѣ вопросы, мужъ отвѣчалъ только, что она живетъ въ провинціи, для *поправленія здоровья*.

Не знаемъ, произвело ли на парижскихъ деиди какое-нибудь впечатлѣніе внезапное исчезновеніе Альфреда Лефевра, по крайней мѣрѣ, мы можемъ сказать, что онъ, въ скоромъ времени сдѣлался искуснѣйшимъ игрокомъ на билліардѣ, въ Бретани.

На другой день послѣ свадьбы Ксавье, который съ рукою Елены получилъ титулъ маркиза Румбри, такъ что могъ подписываться Ксавье Лефевръ де-Румбри, Нептунъ явился къ нему. На спинѣ его была котомка, а въ рукахъ онъ держалъ свою длинную палку.

— Молодой господинъ, сказалъ онъ: я пришелъ съ вами проститься.

— Проститься! повторилъ въ изумленіи Ксавье: что сдѣлалось съ тобою, мой добрый другъ?.. Я всегда думалъ, что ты не разстанешься съ нами.

Негръ улыбнулся печально.

— Я самъ бы этого не хотѣлъ, но нельзя иначе, отвѣчалъ онъ: мой долгъ исполненъ... Я сдѣлалъ все, что мнѣ было приказано. Теперь я возвращусь къ моимъ братьямъ. Я отправляюсь въ Сентъ-Доминго.

Ксавье употребилъ всѣ старанія, чтобъ заставить негра отказать отъ своего намѣренія; но тотъ былъ непреклоненъ.

— Не ужели ты меня менѣе любишь, чѣмъ своихъ братьевъ? сказалъ Ксавье.

Нептунъ схватилъ руку молодого человѣка и поднесъ ее съ любовію къ своимъ губамъ.

— О нѣтъ! нѣтъ! не для моихъ братьевъ возвращаюсь я... они меня забыли, но для *него!* Я хочу сказать на его могилѣ, что его послѣдняя воля исполнена... Я хочу передъ смертію жить близъ гроба моего господина, чтобъ быть ближе къ нему!..

Голосъ нищаго дрожалъ по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ. Глаза его поднялись къ небу. Онъ упалъ на колѣни и приложилъ руку къ сердцу.

— Добрый господинъ, ко мнѣ! прошепталъ онъ съ какою-то особенною нѣжностью. Если я умру здѣсь, моя душа будетъ далеко отъ твоей... Тамъ же ты услышишь мой послѣдній вздохъ и призовешь къ себѣ своего слугу...

Онъ поцѣловалъ еще разъ руку Ксавье, отеръ слезу тайкомъ и вышелъ, чтобы никогда не возвращаться.

==

НАСЛЕДСТВО.

Романъ Жюля Сандо.

I.

Большой былъ праздникъ для Готлиба Кауфмана, нотаріуса маленькаго городка Мульштапта. Умеръ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ; надобно было открыть его духовное завѣщаніе въ присутствіи всѣхъ его родственниковъ. Готлибъ Кауфманъ, одѣтый со всѣмъ приличіемъ человѣка чиновнаго, съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа, назначеннаго для этого важнаго собранія. Родственники умершаго должны были собраться въ полдень; пробило девять часовъ на соеѣдной церкви, а Готлибъ Кауфманъ не могъ уже усидѣть на мѣстѣ; онъ бѣгалъ изъ кабинета въ контору, изъ конторы въ залу, и для препровожденія времени, ворчалъ на своихъ писцовъ. Многимъ изъ его кліентовъ, прибывшимъ къ нему въ то утро по своимъ дѣламъ, безжалостно было отказано за крайнимъ недосугомъ господина нотаріуса. Одна мысль занимала умъ и наполняла сердце Готлиба Кауфмана справедливою гордостью; это былъ онъ, онъ Готлибъ Кауфманъ, кого графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ избралъ и назначилъ исполнителемъ послѣдней своей воли. Готлибъ Кауфманъ былъ пятидесяти лѣтъ, съ блестящими глазами, вздернутымъ носомъ, полными, вздутыми щеками и вѣчною улыбкою на устахъ; природа, создавая его, забы-

ла дать ему маску его должности, физиономію его роли. Толстенькій и низенькій, онъ былъ легокъ и поворотливъ, какъ бѣлка. Съдые его волосы, собранные на затылкѣ въ видѣ крысыго хвоста, еще болѣе придавали красоты цѣлому: при каждомъ его движеніи, хвостикъ прыгалъ отъ одного уха къ другому, и невольно заставлялъ улыбаться посѣтителей въ то время, когда Готлибъ Кауфманъ важнымъ голосомъ читалъ какой-нибудь актъ, требовавшій благоговѣйнаго молчанія. Еще была особенность у этого почтеннаго человѣка: онъ порядочно любилъ выпить, и подъ веселую руку любилъ попить. Въ минуты подобныхъ забавъ, на губахъ его неизгладимо напечатлѣвалась улыбка, которая, при чтеніи какого-нибудь завѣщанія, приводила всѣхъ въ смущеніе. Нельзя встрѣтить подъ солнцемъ болѣе веселаго нотариуса. Но кто повѣритъ этому? У Готлиба Кауфмана были враги. Въ нотариусахъ не было недостатка въ Мульштадтѣ, и всѣмъ имъ хотѣлось заслужить довѣренность владѣтеля гильдесгеймскаго замка, и хлопоты по его дѣламъ прибрать въ свои руки. Смерть графа открыла свободное поле для всѣхъ честолюбій; но Готлибъ Кауфманъ не дремалъ; онъ рѣшился воспользоваться всѣмъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ самое богатое, самое выгодное мѣсто. Онъ, еще наканунѣ, велѣлъ снять чашлы, покрывавшіе кресла въ залѣ отъ проказницъ мухъ, и кресла поставить вокругъ стола, на которомъ приказалъ разостлать старое бархатное покрывало пунцоваго цвѣта; возлѣ того же стола онъ приготовилъ мѣсто и для себя, на нарочно устроенномъ возвышеніи. Время отъ времени, Готлибъ Кауфманъ, всходилъ на этотъ минутный тронъ, и дамъ, одинъ, безъ свидѣтелей, изучалъ свои жесты и положеніе, и съ досадою смотрѣлъ на себя въ зеркало. Онъ старался придать своей вѣчно-смѣющейся физиономіи печальное выраженіе; онъ хотѣлъ, чтобъ на лицѣ его отражалось полное сочувствіе общей скорби по умершемъ, и совершенная готовность быть покорвѣйшимъ слугою оставшимся въ живыхъ. Не столько сообразуясь съ правилами этикета, сколько изъ желанія хотя чѣмъ-нибудь прикрыть свою неизбѣжную веселость, онъ весь одѣлся въ черноеплатье, съ головы до ногъ, и до того простеръ уваженіе къ горестной утратѣ наслѣдниковъ своего знаменитаго кліента, что даже серебряныя пряжки на своихъ башмакахъ замѣнилъ пряж-

ками изъ вороненой стали. И это еще не все: чтобы польстить наслѣдникамъ, которыхъ хотѣлъ привлечь въ свою пользу,—въ смежной комнатѣ, онъ устроилъ роскошный завтракъ; на столѣ, накрытомъ скатертью ослѣпительной бѣлизны, съ оборотительною изысканностію были разставлены плоды, разныя холодныя кушанья и столѣтнія вина. Ничего не жалѣлъ Готлибъ Кауфманъ, чтобы почтить память графа Сигизмунда и угостить достойнымъ образомъ его наслѣдниковъ.

Графъ Сигизмундъ Гильдесгеймъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ въ Англіи называютъ юмористами, а во Франціи оригиналами. Стернъ, навѣрно, полюбилъ бы его; Гофманъ не отказался бы отъ знакомства съ нимъ. Впрочемъ графъ, Сигизмундъ не былъ изъ тѣхъ чудаковъ, которые не скажутъ слова, не сдѣлаютъ шага, какъ другіе, и которые, по истинкѣ или по своимъ расчетамъ, при всякомъ случаѣ, стараются выказать свою неизмѣнную причудливость; нѣтъ, это, просто, былъ добродушный мечтатель, съ тихимъ, задумчивымъ характеромъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ простаками, за ихъ дѣтскую откровенность и искренность. Онъ безъ шума прошелъ по землѣ, онъ тѣнью скользнулъ межъ людей.

Единственная страсть должна была рѣшить всю его судьбу. Будучи въ гейдельбергскомъ университетѣ, и чуждый привычекъ своего возраста, онъ не показывался на дружескихъ пирушкахъ своихъ товарищей и любилъ лучше оставаться въ уединеніи. вмѣсто того, чтобы заператься по вечерамъ въ трактирѣ, проводить время за трубкой табаку и за кружкой пива, распѣвать патріотическія пѣсни и рѣшать участь всѣхъ царствъ и народовъ, онъ ходилъ любоваться заходящимъ солнцемъ. Каждый день, во всякое время года, онъ выходилъ вечеромъ за городъ и взбирался на сосѣдній холмъ; потомъ, когда величественное свѣтило, то одѣтое въ пурпуръ и золото, то покрытое мантиею тумана, скрывалось изъ его глазъ за горизонтомъ, онъ возвращался тихими шагами домой, прислушиваясь къ глухому шуму, который носится надъ полями, при наступленіи ночи. Таковы были увеселенія, таковы были развлечения его молодости: я знаю, что самыя дорогія, самыя цѣнныя удовольствія не стоятъ ихъ.

Въ одинъ вечеръ, когда, возвращаясь съ своей обычной прогулки, онъ проходилъ по предмѣстію, вдругъ вѣжнѣй и чи-

стый голосъ, вылетавшій изъ окна одного нижняго этажа, поразилъ его слухъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ; открытое окно, уставленное цвѣтами, дало ему возможность слѣдить за всѣми переливами очаровательной мелодіи. Напѣвъ пѣсни былъ простъ и трогателенъ, важень и печалень, одинъ изъ тѣхъ безыскусственныхъ напѣвовъ, которые заставляютъ задумываться и самого безпечнаго человѣка. Удивленный и очарованный, Сигизмундъ остановился; потомъ онъ устремилъ въ комнату жадный и любопытный взоръ. Молодая дѣвушка сидѣла за клавикордами. При свѣтѣ лампы, онъ различилъ ея черты: она была прекрасна.

Съ тѣхъ поръ, Сигизмундъ никогда не забывалъ останавливаться передъ этимъ окномъ. Каждый вечеръ, въ одинъ и тотъ же часъ, молодая дѣвушка или сидѣла за клавикордами, или вышла подъ окномъ, при свѣтѣ лампы. Скрытый въ тѣни, Сигизмундъ упивался то прелестью ея голоса, то очаровательностью ея красоты. Какой же случай познакомилъ молодого графа съ этимъ семействомъ? Нѣтъ нужды говорить, какъ это случилось; всякой легко догадается. Нижний этажъ въ предмѣстіи, молодая дѣвушка, клавикорды, цвѣты, всегда открытое окно, молодой человѣкъ, прохаживающійся взадъ и впередъ, все это извѣстно къ чему ведетъ.

Внутренность комнаты нижняго этажа была убрана скромно, но съ изяществомъ; тонкій, образованный вкусъ выказывался въ малѣйшихъ подробностяхъ. Молодая дѣвушка жила одна съ своею матерью. Звали онѣ прежде и лучше дни; но война, похитивъ главу семейства, оставила на ихъ долю только небольшой пенсіонъ. Микелинѣ было шестнадцать лѣтъ. Она была прекрасна; но эта чудная красота, кажется, дается въ удѣлъ только тѣмъ, которые осуждены на преждевременную смерть. Ея большіе голубые глаза, отбѣненные длинными рѣсницами, блистали какимъ-то особеннымъ блескомъ, сіяніемъ душъ, которымъ не суждено долго оставаться на землѣ. Мать Микелины сохранила еще то изящество пріемовъ, которое переживаетъ красоту и длитъ молодость за предѣлы, назначенные годами. Сигизмундъ лишился матери еще въ колыбели, а отецъ его, строгій, суровый и надменный, не могъ привязать къ себѣ сына. Молодой студентъ никогда не вкушалъ радостей семейнаго круга. Общество этихъ двухъ женщинъ замѣнило ему родныхъ, и онъ привязался къ нимъ со всею горячностью молодая-

го, неспорченнаго сердца. Микелина была молода и очаровательна, Сигизмундъ былъ молодъ и прекрасенъ. Любовь ихъ свободно возрастала подъ неусыпнымъ надзоромъ матери. Если таинственность пріятна для возрастающей страсти, то благосклонный, покровительствующій взглядъ, вѣрно, не менѣе пріятенъ. Они любили другъ-друга и общались жить одинъ для другаго. Во взаимной своей довѣрчивости, въ упоеніи своимъ счастьемъ, эти два юныя, неопытныя сердца, не могли предвидѣть препятствій къ своему соединенію. Чтô въ любви болѣе всего чаруетъ, такъ это то, что она не имѣетъ здраваго смысла. Впрочемъ, мать Микелины, раздѣлявшая сначала всѣ ихъ надежды, не могла избавиться отъ какого-то смутнаго безпокойства, когда ей приходило на умъ, что Сигизмундъ принадлежалъ къ такой фамилии, которая считаетъ своихъ предковъ за нѣсколько сотъ лѣтъ. Сигизмундъ напрасно старался успокоивать ее; она глотала слезы, чтобы не встревожить свою дочь, Увы! опасенія ея были слишкомъ основательны. Когда Сигизмундъ, оставивъ университетъ, хотѣлъ высказать свои намѣренія, онъ встрѣтилъ въ своемъ отцѣ упорное, непреодолимое препятствіе, и долженъ былъ отказаться отъ своего счастья до будущаго времени. Страсти, встрѣтившія какую-нибудь преграду, бываютъ ужасны: желать разлуки двухъ сердецъ, связанныхъ крѣпкими, неразрывными узами пламенной юношеской любви, значить раздувать, а не тушить огонь. Каждый разъ, какъ Сигизмундъ имѣлъ нѣсколько свободныхъ дней, онъ лѣтъ въ Гейдельбергъ, взглянуть на свою Микелину. Можно представить, сколько радости и сколько печали было въ этихъ свиданіяхъ! Микелина никогда не жаловалась, при Сигизмундѣ она могла только улыбаться и слушать его очаровательныя рѣчи, но какъ есть растения, которыхъ корни, болѣе и болѣе разрастаясь, наконецъ разрываютъ сосудъ, служившій имъ темницею, такъ есть и души, которыя безропотно переносятъ всѣ горести, и тихо, незамѣтно скидаютъ съ себя свою оболочку.

Отецъ Сигизмунда умеръ. Черезъ восемь дней послѣ похоронъ, молодой графъ отправился въ Гейдельбергъ. Когда онъ прибылъ, Микелина уже собиралась отлѣтъ, отлѣтъ безвозвратно, навсегда; прошло три дня, и она испустила послѣдній вздохъ. Въ продолженіе этихъ трехъ дней, этихъ ужасныхъ дней, умирающая нѣсколько разъ просила Сигизмунда разыграть на клавикордахъ мелодію, которая была первою причиною ихъ

взаимной страсти. Оба они любили ея страстный напѣвъ, ея дивныя переливы. Часто, въ счастливые дни, они пѣли ее вмѣстѣ, пѣли съ упоеніемъ, съ блаженствомъ; говорили, что они пѣли эту мелодію для того, чтобы выразить свою благодарность къ Творцу, которому угодно было сблизить ихъ. Этотъ напѣвъ Микелина изучила еще въ горахъ Тироля, и онъ такъ напечатлѣлся въ ея памяти, что она никакъ не могла забыть его, и когда ей случилось снова услышать эти чудные перекаты голоса, спустя десять лѣтъ, то ей казалось, будто она слышала ихъ только вчера. Умирая на рукахъ Сигизмунда, она еще шептала эту сладостную мелодію.

Скорбь Сигизмунда была безпредѣльна; нѣсколько недѣль онъ не помнилъ себя; когда страшная тоска отлегла отъ его сердца, ему весь свѣтъ казался пустынею. Онъ хотѣлъ взять съ собою въ замокъ мать Микелины, и провести возлѣ нея остатокъ своей жизни, въ воспоминаніяхъ объ отлетѣвшемъ отъ нихъ ангелѣ. Но старушка рѣшительно отказалась. Ни слезы, ни мольбы не могли побѣдить ея непреклонности. — Я хочу умереть, говорила она, тамъ, гдѣ жила съ своею дочерью, хочу умереть, гдѣ она умерла. — Горесть сердца скоро свела ее въ могилу; Сигизмундъ закрылъ ей глаза. Исполнивъ этотъ послѣдній долгъ, онъ возвратился въ гильдесгеймскій замокъ, и началъ самую пустынную жизнь, старательно избѣгая всякаго случая, который могъ бы разсѣять его горесть. Если ему попадался на дорогѣ какой-нибудь сосѣдній владѣлецъ, то онъ молча раскланивался съ нимъ и поспѣшно отъѣзжалъ прочь, не произнеся ни слова. Напрасно владѣтели окрестныхъ замковъ приглашали его, напрасно маменьки и тетуски, у которыхъ были еще на рукахъ дочки и племянницы, старались заманить его къ себѣ; онъ глухъ былъ ко всѣмъ приманкамъ, и, заключаясь въ своемъ отчаяніи, не хотѣлъ ничего утѣшенія.

Наконецъ, когда неотвязчивые сосѣди оставили его въ покоѣ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ единственному утѣшенію, которое представилось его уму: онъ вздумалъ повторить на своихъ клавинодахъ ту тирольскую пѣсню, которую пѣла Микелина въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ ее увидѣлъ, которую они пѣли столько разъ вмѣстѣ, и которая слетѣла съ ея устъ съ послѣднимъ вздохомъ. Ему казалось, что, повторяя этотъ напѣвъ, онъ будетъ услаждать душу своей возлюбленной, что онъ будетъ чувствовать возлѣ себя присутствіе этой души; но, странное

дѣло! когда онъ садился за клавиноды, память вдругъ ему измѣняла, и онъ напрасно старался воскресить въ своей душѣ любимую мелодію. Мелодія улетѣла вмѣстѣ съ душою молодой дѣвушки. Нѣсколько разъ онъ силлся схватить ее, сначала съ нетерпѣніемъ, потомъ съ досадой, наконецъ съ бѣшенствомъ—безполезныя усилія! горесть похитила все. Эта ожесточенная и безсильная борьба разстроила его совершенно. Онъ отправился въ Тироль; на вершинахъ горъ и въ глубинѣ долинъ онъ прислушивался къ пѣснямъ пастуховъ; ни чей голосъ не повторилъ пѣсни Микелины. Обѣхавъ Швейцарію и Италію, онъ возвратился въ Германію, и его тихое помѣшательство приняло новый видъ. Онъ ходилъ пѣшкомъ, какъ бѣдный студентъ, и каждый разъ, если, проходя черезъ какую-нибудь деревню, слышалъ молодой и чистый голосъ, онъ останавливался и слушалъ; если въ городѣ видѣлъ народъ, собравшійся около трупы страствующихъ пѣвцовъ, онъ вмѣшивался въ толпу, и до тѣхъ поръ не оставлялъ своего мѣста, пока не выслушаетъ всего репертуара этихъ виртуозовъ на открытомъ воздухѣ.

Графъ Сигизмундъ, съ ожесточеніемъ преслѣдуя эту тирольскую мелодію, которая убѣгала отъ него, какъ Итака отъ Улисса, слишкомъ мало заботился о своихъ выгодахъ, что и очень естественно. Отправляясь въ свои путешествія, продолжавшіяся уже нѣсколько лѣтъ, онъ помѣстилъ въ своемъ замкѣ двухъ родственницъ своей матери: Ульрику и Гедвигу фонъ-Штольценфельсъ. Это были двѣ старыя дѣвы, мужественно упорствовавшія въ своемъ безбрачїи, и имѣвшія одну только страсть, страсть къ своему племяннику, повѣсѣ и негодяю, который разорилъ ихъ, и котораго все-таки онѣ любили, безъ всякой надежды на исправленіе. Въ-продолженіе десяти лѣтъ, племянникъ Фридрихъ дѣлалъ такія частыя и опустошительныя нападенія на кошелекъ своихъ тетусекъ, что онѣ наконецъ ничѣмъ не могли жертвовать ему, кромѣ своей любви. Для него онѣ продали алмазы, кружева и мѣха; онъ оставилъ имъ только самый умѣренный доходъ, которыми онѣ едва могли кормиться, и Сигизмундъ, пригласивъ ихъ въ свой замокъ, сдѣлалъ скорѣе доброе дѣло, чѣмъ вѣжливости. Онѣ съ признательностію приняли предложеніе Сигизмунда, и думали сначала найти у него только убѣжище; но, замѣтивъ въ немъ разсѣянность и равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ, относящимся до жизни, онѣ рѣшились перемѣнить свое намѣ-

реніе. Надмѣнныя, упрямья, преклонявшіяся только предъ капризами Фридриха, онѣ сдѣлались покорными и тихими передъ Сигизмундомъ; подъ предлогомъ наблюдать за его выгодами, онѣ мало-по-малу захватили въ свои руки все управленіе его домою. Чтобы доставить своему благодѣтелю, говорили старья дѣвы, болѣе свободы, онѣ приняли на себя дѣлать всѣ расчеты съ его управляющимъ и фермерами, и такъ хорошо обрабатывали это дѣло, что черезъ нѣсколько недѣль казалось, будто не онѣ имъ даль убѣжище, а онѣ ему. Едва графъ Сигизмундъ куда-нибудь уѣзжалъ, Фридрихъ, служившій въ гарнизонѣ сѣшняго города, прилеталъ на свиданіе съ своими добрыми тетусками, и властвовалъ въ замкѣ, какъ будто въ своихъ вotchинахъ. Лошади, собаки, охотники, все переходило въ его распоряженіе, и онѣ отдавалъ приказанія, какъ настоящій господинъ. Слуги, привыкшіе повиноваться старымъ дѣвамъ, видя, что, въ свою очередь, и онѣ подчинялись Фридриху, не смѣли ослушаться его. Будучи офицеромъ одного кавалерійскаго полка, Фридрихъ былъ очень привлекательный молодой человекъ, и вездѣ могъ съ выгодною показать себя. Всѣ, видѣвшіе его въ первый разъ, невольно увлекались его пріемами и обхожденіемъ; и тогда даже, когда жили съ нимъ по нѣскольку мѣсяцевъ, когда ближе знакомились съ нимъ и замѣчали всѣ его недостатки, не могли разлюбить его. Не смотря на свою разсыланную жизнь, не смотря на свои безразсудныя издержки, онѣ умѣлъ прикрывать всѣ свои шалости такимъ благовиднымъ предлогомъ, что почти всегда заставлялъ извинять ихъ. Гедвига и Ульрика обожали его. Онѣ жалѣли подать нищему крейцеръ, а безъ всякихъ отговорокъ отдавали своему племяннику послѣдній талеръ. И въ замѣтъ всѣхъ своихъ пожертвованій, онѣ требовали только того, чтобы онѣ удостоилъ иногда посѣтить ихъ въ своемъ мундирѣ. Видѣтъ Фридриха въ мундирѣ кавалерійскаго офицера имъ казалось высочайшимъ счастіемъ. Онѣ не считали, что это счастье могло стоить слишкомъ дорого. И въ это время, подъ гостепрійною кровлею гильдесгеймскаго замка, ихъ занимала та же мысль. Блѣдное, унылое лицо Сигизмунда, вмѣсто того, чтобы возбудить въ нихъ материнскую заботливость, внушало имъ честолюбивыя надежды, о которыхъ, надо сказать правду, онѣ вовсе и не думали сначала, когда приняли приглашеніе поселиться въ замкѣ. Наблюдая за поступками Сигизмунда, онѣ говорили между собою, что, при

такой странной жизни, ему не достигнуть старости, и едва ли даже переживетъ онѣ свои зрѣлыя лѣта; а въ такомъ случаѣ не откроется ли для Фридриха самая блестящая будущность? потому-что графъ согласенъ оставить ему часть своихъ владѣніе. Да почему-бы не оставить ему и всего? Говоря по совѣсти, кого онѣ найдетъ, чтобы сдѣлать наслѣдникомъ своихъ огромныхъ имѣній? Чтѣ касается до Фридриха, онѣ думалъ только весело пожить и не принималъ никакого участія въ этихъ планахъ; онѣ пилъ вина Сигизмунда, мучилъ его лошадей, опустошалъ его лѣса, травилъ собакъ, и больше ничего не требовалъ; такъ какъ будущее походило на настоящее, то онѣ оставался совершенно спокойнымъ. Когда, черезъ нѣсколько дней, Сигизмундъ возвращался въ замокъ, Фридрихъ не измѣнялъ своихъ привычекъ, также распорядился всѣмъ, какъ и въ отсутствіе своего родственника, и тотъ какъ будто ничего не видѣлъ, ничего не замѣчалъ. Графъ до того отрѣшился отъ вѣшняго міра, всѣ силы его ума такъ были сосредоточены на одномъ предметѣ, что онѣ едвали и сознавалъ шумъ и движеніе, происходившія около него.

Надежды Гедвиги и Ульрики, казалось, готовы уже были осуществиться. Сигизмундъ замѣтно угасалъ. Онѣ почти уже съ мѣсяць жилъ въ замкѣ. Старья дѣвы, управлявшія имъ, какъ ребенкомъ, и господствовавшія надъ всѣмъ, и при немъ, точно также, какъ и безъ него, были теперь увѣрены, безъ труда и безъ успій склонить его къ исполненію своей воли. Но каково было ихъ смущеніе, когда въ одинъ день, вдругъ, невѣдомо откуда, явилась въ гильдесгеймскомъ замкѣ дальняя родственница отца Сигизмунда, о которой уже давно ничего не было слышно, и которую считали перешедшею въ другой, лучшій міръ! Еслибы грома небесные разразились надъ ихъ головами, и тогда онѣ не были бы поражены такимъ ужасомъ. Маіоръ Бильманъ, ведя самую разгульную и беспорядочную жизнь, наконецъ спустилъ въ карты все свое имѣніе. Чтобы избѣжать угрожавшей имъ нищеты, жена его Доротея ничего лучше не выдумала, какъ обратиться къ графу Сигизмунду. Но прослышавъ, что въ гильдесгеймскомъ замкѣ поселились дѣвицы Штольценфельсъ, госпожа Бильманъ, какъ женщина благоразумная, рѣшила напередъ сдѣлать рекогносцировку, и потомъ уже дѣйствовать. Зная доброе сердце и благородный характеръ молодого графа, она была увѣрена, что онѣ не откажетъ ей въ

убѣжищѣ, и не обманулась. По дорогѣ она составила въ своей головѣ маленький романъ, который рассказала Сигизмунду самымъ печальнымъ тономъ, и тотъ принялъ всѣ ея сказки за чистую монету. Она не сказала ни слова о безпорядочномъ поведении своего мужа, и всю вину въ бѣдственномъ своемъ положеніи сложила на банкротство своихъ банкировъ. Сигизмундъ былъ тронутъ. — Хорошо, сказали онъ, молча выслушавъ ея рассказъ до конца: двѣ родственницы моей матери помѣщаются въ правомъ флигелѣ замка, вы, съ мужемъ, можете занять лѣвый. Для меня еще слишкомъ много останется мѣста. — Доротея не заставила себя просить. Черезъ восемь дней она возвратилась съ маіоромъ Бильдманомъ и маленькимъ Исаакомъ, безобразнымъ мальчишкой, о которомъ забыла упомянуть. Графъ Сигизмундъ уже снова началъ преслѣдовать свою мечту. Досада Ульрики и Гедвиги скоро измѣнилась въ неутомимый гнѣвъ. Вообразите двухъ воронъ, готовыхъ ошипать бѣднаго голубка, и вдругъ, посреди ихъ роскошнаго шпра, налетаютъ на нихъ три ястреба. Одинъ Фридрихъ не чувствовалъ никакой досады. Онъ отъ души хохоталъ надъ госпожею Бильманъ, и жалѣлъ только, что Доротея не такъ молода и слишкомъ сухожава. Между правымъ и лѣвымъ флигелями замка вспыхнула непримиримая ненависть; они сдѣлались двумя непріятельскими лагерями. Графъ Сигизмундъ, пріѣзжавшій по временамъ въ свой замокъ, былъ увѣренъ, что у него поселились самыя лучшія на землѣ души, самыя безкорыстные родственники, которые любятъ другъ друга со всею нѣжностію, и всячески стараются улучшить его жилище и усыпать цвѣтами горестный путь его пустынной жизни. Старыя дѣвы, когда онъ былъ въ замкѣ, старались внушить ему, что Бильдманы самыя негодные люди, и Бильдманы, въ свою очередь, не опускали случая выставить дурныя стороны дѣвицъ Штольценфельсъ. Между-тѣмъ, какъ они говорили, Сигизмундъ думалъ о своей тирольской пѣснѣ, и благодарилъ ихъ, когда они оканчивали, за ихъ желаніе сдѣлать гильдесгеймскій замокъ волшебнымъ жилищемъ, убѣжищемъ всѣхъ добродѣтелей и истинной любви.

Однажды графъ Сигизмундъ возвратился въ замокъ. Таинственная радость блистала на его челѣ и во взглядѣ; все лицо его сіяло небеснымъ блаженствомъ. Однимъ жестомъ онъ отдалялъ отъ себя всѣхъ людей, собравшихся около него, и, не говоря ни слова, съ яснымъ, спокойнымъ видомъ и съ улыбкою на устахъ,

прямо пошелъ въ свою комнату и заперъ дверь. Скоро въковыля стѣны замка огласились чудною мелодіею: Сигизмундъ отыскалъ наконецъ напѣвъ, за которымъ скитался почти шесть лѣтъ.

Увы! молодому графу не долго привелось торжествовать свою побѣду. Въ этой упорной борьбѣ онъ утратилъ свои силы. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ преслѣдуемый нами идеалъ, ревнивая судьба никогда не проститъ намъ того, что мы успѣли-таки, не смотря на всѣ ея преграды, достигнуть цѣли и овладѣть своимъ идеаломъ. Черезъ нѣсколько времени, слуга вошелъ, въ одно утро, въ комнату графа. Звуки клавикордовъ раздавались во всю ночь, и никогда еще они не были такъ трогательны и такъ поразительны. До самой зари слышалась одна и та-же мелодія, прерываемая кратковременнымъ молчаніемъ. Когда слуга вошелъ, Сигизмундъ сидѣлъ за клавикордами. Одна его рука, матовой бѣлизны, лежала на клавишахъ, другая небрежно была опущена вдоль неподвижнаго его тѣла; голова была прислонена къ спинкѣ кресель, на которыхъ онъ сидѣлъ; глаза были закрыты, на устахъ рисовалась полу-улыбка. Казалось, онъ спалъ. Дѣйствительно, онъ спалъ, но такимъ глубокимъ сномъ, что никогда уже болѣе не пробуждался.

Въ самый день похоронъ, Штольценфельсы и Бильдманы перестали скрывать свои притязанія на имѣніе покойнаго, и готовились къ жестокой, беспощадной войнѣ. Зная характеръ Сигизмунда, они не предполагали, чтобъ онъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Теперь надо было знать, кто останется владѣтелемъ огромныхъ помѣстій графа Сигизмунда, Бильдманы или Штольценфельсы. Двѣ противныя партіи рѣшились ни за что не уступать своихъ правъ. Непріятельскія дѣйствія начинались, и мулштадтскіе стражцы, извѣстные по всей Германіи своимъ упорствомъ и сутяжничествомъ, уже радовались и потирали руки, какъ вдругъ узнали, что графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, еще за мѣсяцъ до своей смерти, положилъ духовное свое завѣщаніе въ конторѣ нотаріуса Готлиба Кауфмана.

II.

Наконецъ, на часахъ сосѣдней церкви пробило двѣнадцать. Въ этотъ торжественный часъ, Готлибъ Кауфманъ быстро вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ зеркалу, чтобы увѣриться, что

ничто въ его одеждѣ не обличало страшнаго волненія его души. Онъ созерцалъ еще свое лицо, напрасно стараясь придать ему величественный видъ, когда большая улица Мульштадта потряслась подъ колесами тяжелаго рыдвана, который съ важною побрякивалъ своими старыми составами, какъ будто гордился тѣмъ, что укрывалъ въ своемъ нѣдрѣ еще прапрадѣдовъ нынѣшнихъ своихъ господъ. Готлибъ Кауфманъ, казалось, вдругъ пробудился отъ сна и поспѣшно подскочилъ къ окну. Прочь все сомнѣнія; надежды его исполнились; родственники и наследники графа Сигизмунда прибыли къ нему выслушать чтеніе духовнаго завѣщанія. Забывъ, въ нетерпѣніи, свое достоинство должностнаго лица, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы, чтобы принять своихъ новыхъ кліентовъ. Рыдванъ остановился. Дакей, въ ливреѣ, бывшей нѣкогда оранжеваго цвѣта, съ голубыми галунами, не уступавшій самой ливреѣ ни въ дражесту, ни въ сѣдинѣ, отворилъ дверцы рыдвана, откинулъ подножку, и двѣ старыя дѣвы, изъ которыхъ младшей было не менѣе полулѣтка, напустились на землю съ высоты своего экипажа, одна за другою, съ важною опираясь на руку вѣжливаго нотариуса. На обѣихъ были черныя платья; надмѣнная, размѣренная поступь ясно говорила о томъ высококомъ почтеніи, какое онѣ питали лично къ себѣ и къ знатности всего ихъ рода. Готлибъ Кауфманъ счелъ болѣе приличнымъ итти между двухъ королевъ; ему нѣкогда не случалось видѣть такой величественной наружности, такой гордой осанки. Онъ взялъ ихъ обѣихъ подъ руки и ввелъ въ залу. Едва онѣ помѣстились на предложенныхъ имъ креслахъ, какъ начали рѣчь въ похвалу умершаго, выхваляя его доброту, благородство, прямой и рыцарскій характеръ. Хотя Кауфманъ и не зналъ содержанія духовной, потому что графъ Сигизмундъ все завѣщаніе писалъ собственною рукою и отдалъ нотариусу запечатаннымъ, но, на всякій случай, хитрый приказный думалъ подслужиться знаменитымъ наследницамъ, и намекалъ, что гильдестеймскій замокъ и лучшая часть владѣній покойнаго графа необходимо должны перейти въ ихъ руки.

— Ахъ, любезный Кауфманъ, вскричали въ одинъ голосъ Гедвига и Ульрика: почему Богу было не угодно продлить его жизнь? Онъ дѣлалъ столько добра, и такъ былъ любимъ! Онъ былъ честь, подпора нашего рода, благодѣтель бѣдныхъ.

Готлибъ Кауфманъ, вѣрный своей роли, которую изучилъ

уже напередъ, понялъ необходимость сочувствовать ихъ печали. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и сбѣлалъ видъ, будто оттираетъ слезы.

— Да, сударыни, это правда, проговорилъ онъ, силясь придать своему голосу печальное выраженіе: это была добрейшая душа, благороднѣйшее сердце. Онъ жилъ не такъ, какъ другіе; но его странности никого не беспокоили, никому не вредили. Да, вы имѣете причину плакать; все, кто зналъ графа Сигизмунда, плачутъ объ немъ, какъ и вы.

И онъ снова поднесъ платокъ къ глазамъ. Въ этотъ разъ Готлибъ Кауфманъ почувствовалъ въ себѣ даръ краснорѣчія, которое у него какъ будто пресѣклось; слова застывали на губахъ.

— Онъ былъ не только добръ, продолжалъ нотариусъ, трогательнымъ голосомъ: но и справедливъ; онъ умѣлъ отличать дружбу, которую питали къ нему; онъ цѣнилъ съ полною признательностію тѣ попеченія, которыми вы окружали его. Каждый разъ, какъ я видѣлся съ нимъ, каждый разъ, какъ онъ удостоивалъ меня бесѣдою о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, онъ съ чувствомъ говорилъ объ васъ и объ вашемъ племянникѣ, Фридрихѣ.

Услышавъ послѣднія слова, Гедвига и Ульрика устремили на нотариуса проницательный взглядъ, какъ бы желая прочитавъ въ его глазахъ открытіе тайны, которую онъ скрывалъ отъ нихъ. Но Готлибъ Кауфманъ, какъ тонкій дипломатъ, закусилъ губы и сбѣлалъ видъ, что и то сказалъ уже очень много.

— Такъ, дѣйствительно, онъ говорилъ объ насъ и объ нашемъ племянникѣ? спросила дѣвцы Штольценфельсъ съ выраженіемъ горести. Богъ свидѣтель, что мы ничего не ожидали отъ него; намъ бы слѣдовало предупредить его въ могилѣ; но Богу угодно было призвать его къ себѣ. Кому же приличнѣе, какъ не намъ, наследовать его имѣніе? Уже ли онъ могъ предпочесть намъ Бильмановъ?

— Можно ли думать такъ! отвѣчалъ нотариусъ. Маіоръ Бильманъ самый ненадежный наследникъ. Если у графа Сигизмунда была странная мысль предпочесть вамъ Бильмановъ, то все его владѣнія какъ разъ ускользнутъ въ чужія руки. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Онъ также хорошо зналъ Бильмановъ, какъ и вы.

И въ этотъ разъ онъ также закусилъ губы, какъ будто боял-

ся проговориться. Потомъ, перемѣнивъ разговоръ, онъ продолжалъ:

— Графъ Сигизмундъ удостоилъ меня полной довѣренности, и смѣю сказать, что онъ не ошибся. Можетъ быть, черезъ вѣсколько минутъ, вы вступите во все его права, надѣюсь, сударыни, что вы также не лишите меня своей довѣренности.

— Будьте увѣрены, господинъ Кауфманъ, проговорила Ульрика.

— Мы вамъ поручимъ, прибавила Гедвига: составить свадебный контрактъ нашего милого племянника.

— И я, также, смѣю васъ увѣрить, сударыни, въ своей совершенной къ вамъ преданности и готовности быть вамъ полезнымъ: господинъ Фридрихъ фонъ-Штольценфельсъ, если только ему будетъ угодно, можетъ жениться на эрцъ-герцогинѣ.

Въ эту минуту передъ окнами залы остановился берлинъ. Готлибъ Кауфманъ всталъ, сдѣлалъ почтительный поклонъ двумъ своимъ клиенткамъ, и съ легкостію, несвойственною его годамъ, въ вѣсколько минутъ очутился на крыльцѣ. Маіоръ Бильдманъ, потому-что это былъ онъ, въ сопровожденіи Доротеи, своей достойной половины, и Исаака, своего достойнаго сына, предупредилъ услужливаго нотариуса, спѣшившаго отпереть двери берлина. Онъ первый выскочилъ изъ экипажа, высадилъ жену и сына, и потомъ, снявъ шляпу, изъ-подъ которой струился по лицу потъ, онъ, прежде чѣмъ поздоровался съ хозяйнцемъ, закричалъ во все горло:

— Господинъ Кауфманъ, мнѣ ужасно хочется пить, умираю отъ жажды; я вѣдь издалека. Прежде чтенія духовнаго завѣщанія, я хотѣлъ бы немножко освѣжиться.

Произнеся эти слова, Бильдманъ гордо провелъ пальцами по своимъ сдѣлымъ усамъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго сложенія; онъ ходилъ грудью впередъ и поднимая голову; багровое его лицо и угреватыя щеки достаточно свидѣтельствовали объ образѣ его жизни. Супруга маіора, госпожа Доротея Бильдманъ, праздновала еще только тридцать пятую весну; ея ввалилы щеки, блѣдныя, тонкія губы, ввалившіеся глаза, вздернутый носъ, раздутыя ноздри, придавали ей нѣкоторое сходство съ хищною птицею. Туалетъ этой достойной четы какъ нельзя лучше шель имъ къ лицу. На маіорѣ была свѣтло-зеленая венгерка съ брандебургами, темныя три-

ковыя брюки въ обтяжку и сапоги съ кистями. Доротея была одѣта въ черное шерстяное платье, котораго узкая, стянутая на бокахъ юбка обрисовала ея костявый станъ съ безжалостною вѣрностію. Чтобы прикрыть, сколько возможно, непримечательный, при такомъ печальномъ случаѣ, цвѣтъ своей венгерки, маіоръ закрылъ всю тулюю своей сѣрой шляпы чернымъ крепомъ. Доротея, для полноты траура, надѣла вдовій чепчикъ. На маленькомъ Исаакѣ былъ, такъ сказать, импровизированный трауръ; Доротея, какъ расчетливая хозяйка, ничего не хотѣла измѣнять въ туалетѣ своего сына. Нанковыя панталоны, голубая суконная курточка, кожаные полосатые башмаки и узорчатые чулки, составляли весь нарядъ наслѣдника Бильдмановъ. Къ соломенной его шляпѣ Доротея прикрѣпила креповый бантъ, концы котораго развѣвались въ воздухѣ, какъ траурные флаги. Профиль Исаака имѣлъ большое сходство съ профилемъ лагушки; изъ угожденія своей матери, которая требовала, чтобъ сынокъ ея держалъ себя прилично и важно, онъ сдѣлалъ такую отвратительную гримасу, что на лицѣ его скорѣе выражалась досада, чѣмъ печаль. Свѣтло-русые, даже почти бѣлые, волосы мальчика были обстрижены подъ гребенку, и потому лицо его, на которомъ напечатѣны были злость и лукавство, выказывалось во всемъ своемъ безобразіи.

Нотариусъ ввелъ семейство Бильдмановъ въ столовую комнату. Лишь только успѣли войти, маіоръ, безъ церемоніи, сѣлъ за столъ, какъ будто дома, и дружески потренилъ хозяйина по плечу.

— Вотъ чтò! значить, вы ожидали насъ, почтеннѣйшіи Кауфманъ? произнесъ маіоръ: а! я вижу, что вы умѣете дѣлать дѣла, какъ слѣдуетъ: плоды, это хорошо; холодная говядина, это еще лучше; старое вино, это, просто, прелесть. Но чтò у васъ тутъ за вино? Я имѣю привычку освѣжаться благороднымъ виномъ.

Не дожидаясь отвѣта онъ откупорилъ бутылку, которую держалъ въ рукѣ, налилъ полный стаканъ мадеры и выхлебнулъ его однимъ глоткомъ.

— У васъ славный погребъ, любезный Кауфманъ, сказалъ онъ съ видомъ покровительства. Если ваша контора не хуже вашего погреба, такъ вы обдѣливаете дѣла на славу.

Потомъ, вдругъ одумавшись, онъ понялъ, что такія слова

неприличны, при настоящем случаѣ, и старался придать своимъ багровымъ щекамъ и толстымъ, фиолетовымъ губамъ печальное выраженіе.

— Ну, продолжалъ онъ: такъ теперь пойдемте выслушать завѣщаніе! Не смотря на свои причуды, графъ Сигизмундъ былъ добрый человѣкъ. Я увѣренъ, что онъ хорошо понималъ маіора Бильдмана.

— Вы не ошибаетесь, прервалъ нотариусъ: онъ мнѣ всегда говорилъ объ васъ съ сердечнымъ участіемъ. Онъ любилъ васъ и понималъ, чего вы стоите. Онъ цѣнилъ тонкій, разсудительный умъ госпожи Бильдманъ, и, при всякомъ случаѣ, съ удовольствіемъ разсказывалъ о дѣтскихъ забавахъ этого милаго ребенка.

Говоря такимъ образомъ, Кауфманъ гладилъ по подбородку маленькаго Исаака, который подставлялъ свою рюмку отцу.

— Такъ графъ Сигизмундъ говорилъ иногда объ насъ? сказала Доротея неслышимымъ голосомъ. Богу извѣстно, что мы любили его отъ чистаго сердца и совершенно безкорыстно. Всякій разъ, какъ неосторожные языки шутили надъ его странными путешествіями, надъ его уединенною, молчаливою жизнію, мы съ мужемъ заступались за него, и заставляли молчать злые языки. Ахъ, конечно, онъ не будетъ благодаренъ, онъ вспомнить объ насъ! Я надѣюсь, что онъ щедро наградишь нашего милаго Исаака. Да и кому же, впрочемъ, онъ могъ оставить свои прекрасныя помѣстья? Штольценфельсамъ? А вы знаете, господинъ Кауфманъ, вы, вѣдь хорошо знаете Фридриха; вы видѣли, какъ онъ ведетъ себя. О, если попадется ему въ руки это имѣніе, онъ скоро выжметъ изъ него сокъ!

— И проглотить его разомъ, лукаво, прибавилъ маіоръ, закручивая отъ удовольствія усы.

— Да, я знаю его, отвѣчалъ Кауфманъ: и графъ Сигизмундъ зналъ его не хуже меня; потому-что, подъ видомъ оригинальности, подъ наружною безпечностію, покойнѣй скрывалъ глубокой умъ и рѣдкую проицательность; съ перваго взгляда онъ хорошо понималъ всѣхъ, кто окружалъ его. Черезъ минуту, сударыня, вы узнаете послѣднюю волю графа Сигизмунда. Я предвижу, что много будетъ обманутыхъ надеждъ и оскорбленныхъ самолюбій. Фридрихъ, жившій до сихъ поръ отъявленнымъ педоляемъ, принужденъ будетъ оставить свои шалости.

И слегка похлопывая рукою по низкому, плоскому лбу Исаака, онъ прибавилъ съ улыбкою:

— Вотъ дитя, будущность котораго обезпечена. Будетъ время, когда онъ составитъ славную партію; всѣ дороги для него открыты, потому-что богатство вездѣ прокладываетъ путь. Куда онъ ни захочетъ, въ гражданскую ли, въ военную ли службу, нигдѣ онъ не встрѣтитъ препятствій, всѣ его хлопоты ограничатся только выборомъ.

Видя, что при этихъ словахъ лицо Доротеи прояснилось, Кауфманъ продолжалъ, все болѣе и болѣе одушевляясь:

— Да, этотъ ребенокъ со временемъ можетъ требовать руки самой богатой, самой красивой невѣсты во всей Германіи. Всѣ матери наперерывъ будутъ спорить за честь имѣть его своимъ зятемъ. Графъ Сигизмундъ удостоилъ меня своей довѣренности, и я могу сказать, что онъ не обманулъ. Можетъ-быть, черезъ нѣсколько минутъ, вы вступите во всѣ его права, смѣю надѣяться, сударыня, что вы также не лишите меня своей довѣренности.

— Положитесь на насъ, господинъ Кауфманъ, отвѣчалъ охриплымъ голосомъ маіоръ, который уже кончилъ свою бутылку. Положитесь на насъ; непременно вамъ мы поручимъ составить свадебный контрактъ нашего сына и завѣщаніе моей жены: не такъ ли, Доротея?

Готлибъ Кауфманъ нѣсколько уже минутъ слышалъ нетерпѣливые шаги Ульрики и Гедвиги; онъ всталъ и ввелъ въ комнату маіора, его жену и сына. Маіоръ и Доротея развѣялись съ старыми дѣвами самыми принужденными поклонами. Ожидали только Фридриха, чтобы открыть завѣщаніе. Скоро послышался топотъ лошадиныхъ копытъ. Вошелъ Фридрихъ, весь въ пыли, съ хлыстикомъ въ рукѣ, и небрежно раскланялся со всѣми. Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ блѣднымъ, нѣсколько истомленнымъ лицомъ, съ тонкою и гибкою, какъ тростникъ, талією. Когда всѣ усадились вокругъ стола, Кауфманъ отправился въ контору, чтобы взять завѣщаніе графа Сигизмунда, и скоро возвратился, держа въ рукѣ пакетъ, запечатанный фамильнымъ гербомъ Гильдесгеймовъ. Гедвиги и Ульрика, маіоръ и Доротея устремили на этотъ таинственный пакетъ безпокойные взгляды; только Фридрихъ оставался спокойнымъ зрителемъ и, казалось, не принималъ никакого участія въ предстоящемъ чтеніи. Наконецъ нотариусъ вынулъ изъ крас-

наго сафьяннаго футляра свои очки, оправленные золотомъ, и стараясь принять торжественный видъ, разломилъ печать. Между тѣмъ, какъ Фридрихъ рисовалъ на пыли своихъ сапоговъ профиль Готлиба Кауфмана, Ульрика и Доротея смотрѣли одна на другую, какъ двѣ собаченки, готовыя сцѣпиться за кусокъ мяса. Нотариусъ медленно перелистывалъ завѣщаніе, поворачивая подпись на каждой страницѣ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли подлога.

— Ну что же! нетерпѣливо вскричалъ маіоръ: теперь мы всё; чего же вы дожидаетесь?

— Минуточку, отвѣчалъ нотариусъ; завѣщаніе у насъ въ рукахъ, теперь не вырвется отъ насъ. А прежде начатія чтенія, я долженъ видѣть, все ли въ порядкѣ. Мы не то, что кто другой, намъ нельзя дѣлать какъ-нибудь, съ плеча; мы всегда должны поступать съ осторожностію.

Воцарилось глубокое молчаніе. Слышно было жужжаніе мухъ, въ которыхъ не было недостатка въ залѣ Готлиба Кауфмана.

Нотариусъ откашлялся три раза, и громкимъ голосомъ прочиталъ слѣдующее:

«Вотъ вѣрное выраженіе моей послѣдней воли.

«Я желаю, чтобы она исполнена была точь-въ-точь.

«О родственникахъ своихъ я могу отозваться только съ похвалою. Душа моя проникнута признательностію за нѣжныя попеченія, которыми я былъ окруженъ, и надѣюсь, что мои родственники увидятъ въ послѣднихъ моихъ распоряженіяхъ ясное доказательство моей благодарности и глубокаго почтенія, которое они умѣли внушить мнѣ.

«Двѣ родственницы покойной моей матери, Гедвига и Ульрика фонъ-Штольценфельсъ, при каждомъ случаѣ оказывали мнѣ самую безкорыстную любовь. Чтобы доставить мнѣ больше свободнаго времени, онѣ приняли на себя управленіе моимъ домомъ. Онѣ неусыпно и со всею ревностію, которая не уменьшалась ни на минуту, заботились объ улучшеніи моихъ владѣній. Фридрихъ, по своей молодости и веселому праву, вносилъ въ мой замокъ нѣсколько жизни и движенія. Единственно ему я обязанъ развлеченіями въ эти послѣдніе годы. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Штольценфельсы поселились подъ моею кровлею, они были для меня самыми нѣжными, самыми преданными друзьями; ни въ словахъ ихъ, ни въ дѣйствіяхъ, я не замѣчалъ и тѣни

самолюбія; это постоянное самопожертвованіе внушило мнѣ удивленіе и почтеніе къ нимъ; да будетъ имъ извѣстно, что я достойно оцѣнилъ ихъ попеченія.»

Въ это время, Гедвига и Ульрика, гордо поднявъ головы, бросили на маіора и Доротею торжествующій и презрительный взглядъ. Фридрихъ, окончивъ по одному сапогѣ портретъ нотариуса, располагался на другомъ сапогѣ начать портретъ Исаака. Маіоръ опустилъ голову, думалъ, что уже все потеряно; но Доротея, не теряя присутствія духа при этомъ зловѣщемъ началѣ, устремила на нотариуса любопытный, пронизательный взоръ, и, казалось, понуждала его продолжать скорѣе. Готлибъ Кауфманъ, видя, что гильдесгеймскій замокъ переходитъ во владѣніе Штольценфельсовъ, съ угодуностію улыбался имъ, и даже не замѣчалъ нетерпѣнія Доротеи. Маленькій Исаакъ съ жадностію уплеталъ бисквитъ, утащенный имъ изъ столовой комнаты.

Послѣ минутнаго молчанія, нотариусъ продолжалъ:

«Откровенность и прямодушіе маіора Бильдмана, скажу чисто-сердечно, были для меня самымъ приятнымъ утѣшеніемъ послѣ обмановъ, какіе я испыталъ въ моей молодости.»

Въ свою очередь, и маіоръ поднялъ голову; въ свою очередь, и Доротея бросила на старыхъ двѣхъ презрительный взглядъ.

Кауфманъ продолжалъ:

«Госпожа Бильдманъ соперничествовала въ ревности и преданности съ родственницами моей матери. Отсутствіе малѣйшей зависти и коварства придавало этой борьбѣ характеръ важный и трогательный: и въ-замѣнъ столькохъ заботъ и попеченій, Бильдманы и Штольценфельсы требовали и ожидали отъ меня только любви и привязанности. Бильдманы имѣютъ такое же право на мою признательность, какъ и Штольценфельсы.»

Читая послѣднія слова, Готлибъ Кауфманъ находился въ крайнемъ замѣшательствѣ; онъ не зналъ, которой сторонѣ улыбаться. Для избѣжанія этого затрудненія, онъ рѣшился на геройскій поступокъ—улыбаться всѣмъ. Выслушавъ этотъ пунктъ, въ которомъ и Бильдманы и Штольценфельсы получали равную благодарность, обѣ партіи взмѣнили положеніе и физиономію; онѣ не мечтали болѣе о торжествѣ, а думали уже о разлѣгѣ.

— Ну что же, господинъ Кауфманъ! сказалъ Фридрихъ:

скоро ли вы кончите чтение этого чернокижия? Не думаете ли вы, что я останусь здесь до вечера?

— Потерпите немножко, любезный племянникъ, вскричала Ульрика.

— Продолжайте, почтеннѣйшій Кауфманъ, сказалъ маіоръ Бильманъ.

— Мы переходимъ на послѣднюю страницу, съ важностію возразилъ нотаріусъ.

И онъ снова началъ чтение торжественнымъ голосомъ:

«Въ Мюнхенѣ, на Оружейной улицѣ, подъ № 9, живетъ молодой музыкантъ, Францъ Миллеръ. До сихъ поръ, онъ жилъ своими трудами, давая уроки, и тѣмъ пропитывалъ свою жену и дѣтей, которыя любятъ его нѣжно. Это самое счастливое семейство; я не могъ смотрѣть на него безъ зависти. Но Миллеръ не обыкновенный артистъ; его гений пѣлетъ нужду въ беззаботной свободѣ, для полнаго своего развитія. Этого-то Франца Миллера, живущаго въ Мюнхенѣ, на Оружейной улицѣ, подъ № 9, я назначаю наследникомъ всего моего имѣнія.»

При этихъ словахъ, Гедвига и Ульрика, маіоръ и Доротея, быстро вскочили съ своихъ мѣстъ, испуская крики удивленія и гнѣва. Фридрихъ не могъ удержаться отъ хохота.

— Чудесно! вскричалъ онъ, хлопая руками: чудесно! Bravo, братъ, bravo! Графъ Сигизмундъ и умеръ, какъ жилъ, совершеннымъ оригиналомъ.

— Это стыдъ, это безславіе! повторили хоромъ двѣ старыя дѣвы, маіоръ и его супруга, задыхающиеся отъ гнѣва голосомъ.

— Онъ сумасшедшій, я знала это хорошо, замѣтила Доротея. Мы должны потребовать своей части.

— Онъ не стоилъ нашихъ благодѣяній, продолжала Ульрика: не стоилъ заботъ, которыми мы окружали его.

— Мы уничтожимъ завѣщаніе, прибавилъ маіоръ громовымъ голосомъ: мы докажемъ, что онъ былъ помѣшанъ.

— Да, вскричали въ одинъ голосъ Ульрика, Гедвига и Доротея: мы уничтожимъ завѣщаніе!

— Вы ничего не слѣдуете, возразилъ Фридрихъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Вы спали подъ его крышею, ѣли его хлѣбъ; онъ всегда былъ ласковъ и добръ до насъ. Если кто изъ васъ думаетъ уничтожить его завѣщаніе, то я объявляю, что никогда не допущу до этого, и съумѣю заставить всякаго уважать его послѣднюю волю.

Фридрихъ гордо взглянулъ на маіора.

Во время этой сцены, Готтлибъ Кауфманъ не зналъ, къ кому обратиться; онъ улыбался, по-очередно, и Штольценфельсамъ и Бильманамъ; чтобы до конца доиграть свою роль, онъ долженъ былъ бы теперь улыбаться Миллеру. Не имѣя передъ собою настоящаго наследника графа Сигизмунда, онъ бросилъ на Бильмановъ и Штольценфельсовъ сострадательный взглядъ, въ которомъ видна была однако небольшая насмѣшка. Потомъ, когда крики и ругательства не утихали, онъ вскричалъ повелительнымъ тономъ:

— Позвольте! позвольте! я еще не кончилъ.

Штольценфельсы и Бильманы усѣлись. Кауфманъ продолжалъ:

«Желая, послѣ моей смерти, обезпечить судьбу моихъ фермеровъ и служителей, о которыхъ такъ мало заботился при жизни, я хочу, чтобы Францъ Миллеръ жилъ въ гилдесгеймскомъ замкѣ девять мѣсяцевъ въ году, и не отпускалъ отъ себя ни одного изъ моихъ слугъ.

«Что касается до любезныхъ моихъ родственниковъ, Штольценфельсовъ и Бильмановъ, то я требую, чтобы ничто не измѣнилось въ ихъ жизни, и чтобы они жили въ замкѣ по прежнему.»

— Никогда! вскричалъ въ одинъ голосъ старыя дѣвы, маіоръ и Доротея: никогда!

— Позвольте! вскричалъ нотаріусъ: позвольте! я еще не кончилъ.

Штольценфельсы и Бильманы усѣлись во второй разъ.

Желая обезпечить независимость моихъ любезныхъ родственниковъ, я завѣщаю Францу Миллеру выдавать ежегодно Ульригѣ фонъ-Штольценфельсъ тысячу флориновъ :

«Гедвигѣ фонъ-Штольценфельсъ, тысячу флориновъ ;

«Фридриху фонъ-Штольценфельсъ, тысячу флориновъ ;

«Маіору Бильману, двѣ тысячи флориновъ, съ переводомъ, въ случаѣ его смерти, на жену его, Доротею Бильманъ ;

«И тотчасъ же, по вступленіи во владѣніе гилдесгеймскими помѣстьями, взявъ впередъ изъ своихъ доходовъ десять тысячъ флориновъ и положить въ банкъ. Вся эта сумма и съ процентами должна будетъ поступить въ полное распоряженіе Исаака Бильмана, когда онъ достигнетъ совершеннаго возраста.

«Фридриху фонъ-Штольценфельсу я даю полную свободу рас-

поряжаться моими лошадьми и собаками, и охотиться въ моихъ владѣнiяхъ.»

— Спасибо, братъ! сказалъ Фридрихъ, вставая.

И онъ сдѣлалъ рукою военный салютъ.

«Къ этой духовной записи я прилагаю одну тирольскую пѣсню, и завѣщаю вырѣзать ее на моей гробницѣ вмѣсто надгробной надписи.

«Такова моя послѣдняя воля. Завѣщаю моимъ любезнымъ родственникамъ жить въ мирѣ и согласiи съ новымъ владѣтелемъ замка, который замѣнитъ меня. Если въ новомъ мирѣ, гдѣ, безъ сомнѣнiя, я скоро буду, намъ дано право видѣть то, что происходитъ на землѣ, я буду радоваться ихъ счастию и спокойствию.

«Составлено и подписано въ моемъ гильдесгеймскомъ замкѣ, 17-го марта 1825 года.

«Графъ Сизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.»

— Это стыдъ! это беззавѣе! это позоръ! Мы обокрадены, мы ограблены, мы зарѣзаны! вскричали въ одинъ голосъ Ульрика, Гедвига, маюръ и Доротея.

Когда они собрались уже выйти, Кауфманъ, для утѣшенiя ихъ въ несчастiи, попросилъ ихъ въ столовую комнату. Три женщины съ гнѣвомъ отвергли это приглашенiе, походившее на насмѣшку; только маюръ хотѣлъ сказать слова два одной индѣйкѣ, которая ему очень приглянулась, и облить ее порядочно старымъ виномъ. Но Доротея утащила его за собою, упрекая его въ обжорливости. Гедвига и Ульрика влѣзли въ свой рыдванъ; Фридрихъ вскочилъ на сѣдо и пустился въ галопъ, унеся на своихъ сапогахъ портретъ Исаака и профиль Готтлиба.

Кауфманъ остался одинъ; видя, что всѣ гости отъ него разбѣжались, онъ позвалъ своего старшаго писца, посадилъ его возлѣ себя, и, вдводемъ, они осушили нѣсколько бутылокъ стараго вина за здоровье новаго владѣтеля гильдесгеймскаго замка.

III.

Въ это время жили въ Мюнхенѣ три существа, которыя представляли рѣдкое зрѣлище: онѣ видѣлись каждый день, спали

подъ одною крышею, сѣлились за одинъ столъ, и однако питали другъ къ другу самую нѣжную привязанность, которая продолжалась уже нѣсколько лѣтъ. Эти три необыкновенныя существа были Францъ Миллеръ, Эдиовъ, жена его, и Шпигель ихъ другъ.

Францъ и Шпигель воспитывались вмѣстѣ; лучшiе годы своей молодости они провели въ бѣдности, въ бѣдности поэтической, одушевленной трудомъ, украшенной надеждами. Францъ былъ музыкантъ, Шпигель живописецъ; искусство и дружба наполнили всю ихъ жизнь и не давали ни малѣйшаго мѣста унынiю. Въ продолженiе трехъ лѣтъ, они прошли пѣшкомъ, съ сумкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ, Германiю и Тироль, останавливаясь великой разъ, когда попадался имъ на пути какой-нибудь живописный пейзажъ. Тогда каждый старался заработать что-нибудь своими трудами; Шпигель писалъ для кого-нибудь портреты, а Миллеръ давалъ уроки на клавишнѣ или въ пѣнiи; если же случалось имъ приходиться наканунѣ большаго праздника, то Францъ предлагалъ свои услуги мѣстной церкви и игралъ на органѣ во время службы. Такимъ-то образомъ, кочуя, какъ Цыганы, они могли посѣтить роскошныя долины, живописныя горы, богатые городъ, знаменитыя галереи, и собрать для вечернихъ разсказовъ сокровище воспоминанiй. Въ продолженiе трехъ лѣтъ ни одно облако не затемняло ясности ихъ дней; въ продолженiе трехъ лѣтъ у нихъ не было ни одной скрытной мысли другъ отъ друга. Они надѣялись вмѣстѣ состариться, и общались другъ другу никогда не жениться, опасаясь, чтобы супружество не остановило развитiя ихъ талантовъ и не охладило ихъ дружбы. Они были еще въ томъ возрастѣ, когда умъ, всецѣло преданный искусству, не видитъ ясно другихъ нуждъ, другихъ требованiй; потому ихъ неблагоразумное обѣщанiе не могло исполниться. Обѣтъ безбрачiя ничего не стоилъ для суровой природы Шпигеля, котораго страшна одна мысль объ семействѣ, который содрогался при представлении правильнаго, заботливаго, опредѣленнаго существованiя, сидячей, неподвижной жизни. Но для мечтательной и нѣжной души Миллера, такой обѣтъ былъ безразсуденъ. Давая это обѣщанiе, первая мысль котораго принадлежала Шпигелю, Миллеръ говорилъ отъ чистаго сердца; онъ былъ увѣренъ, что можетъ исполнить то, что обѣщастъ, и обманулъ

ся: его твердая рѣшимость исчезла передъ улыбкою молодой дѣвушки. Въ одномъ маленькомъ городкѣ Тироля, онъ увидѣлъ Эдию и полюбилъ ее отъ всей души. Французъ чувствовалъ, что любовь его къ прекрасной Тиролькѣ возрастаетъ съ каждымъ часомъ; затрудненіе его было слишкомъ велико: надо было объявить Шпигелю, что онъ хочетъ взять назадъ свое слово и уничтожить данный обѣтъ. Не смотря на то, что Миллеръ старался раскрыть свою мысль осторожно и двусмысленно, Шпигель грубо остановилъ его почти на первомъ словѣ. Онъ началъ длинную проповѣдь о непрочности дружбы, о непостоянствѣ людей, представляя свою мысль то въ смѣшныхъ, то въ печальныхъ образахъ. Для отвращенія своего друга отъ этого намбренія, онъ нарисовалъ передъ его глазами ужасную картину всѣхъ горестей и неприяностей, сопряженныхъ съ женитьбою. Онъ пытался доказать ему, что всѣ великія мысли, всѣ благородныя побужденія, всѣ поэтическіе восторги, задыхаются и умираютъ въ атмосферѣ семейной жизни. Миллеръ слушалъ всѣ эти страшныя пророчества, ни на минуту не колеблясь въ своемъ намбреніи, и кончилъ разговоръ тѣмъ, что объявилъ Шпигелю о скорой своей свадьбѣ. Съ этой минуты Шпигель считалъ Франца погибшимъ безвозвратно, погибшимъ для дружбы, погибшимъ для искусства, погибшимъ для веселой, беззаботной жизни, какою они вели до сихъ поръ. Онъ предоставилъ Эдию спасти его. Всѣ трое, они возвратились въ Мюнхенъ; проходили дни, недѣли, мѣсяцы, а дружба Франца и Шпигеля, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, возрастала болѣе и болѣе. Познакомясь съ странностями характера Шпигеля, Эдия дала себѣ слово передѣлать его, и, сверхъ всякаго ожиданія, совершенно въ томъ успѣла. Съ красотою и граціею, Эдия соединяла въ себѣ умъ и доброту. Шпигель, посѣщавшій сначала Миллера, только изрѣдка и то на самое короткое время, Шпигель, сдѣлавшійся мизантропомъ послѣ нарушенія другомъ его данной клятвы, не могъ устоять противъ обольстительныхъ словъ, веселаго ума и очаровательной улыбки Эдины; посѣщенія его сдѣлались чаще и были продолжительнѣе, и въ одинъ прекрасный день, не думая, не гадая, Шпигель вдругъ очутился подъ одною кровлею съ Миллеромъ. Французъ нанялъ новую квартиру и уступилъ Шпигелю двѣ комнаты.

Домикъ, гдѣ поселились наши друзья, находился въ предмѣстіи Мюнхена; передъ домикомъ былъ небольшой чистенькій

дворикъ, обсаженный около стѣнъ виноградными лозами. Домикъ состоялъ изъ двухъ этажей: нижній занялъ самъ Миллеръ, а верхній предоставилъ своему другу. За домомъ былъ маленькій садикъ, или, вѣрнѣе, лугъ, окруженный, въ родѣ шпалерника, плодовыми деревьями, по которому разбросано было нѣсколько куртинокъ, усѣянныхъ цвѣтами. Здѣсь-то, въ этомъ тихомъ убѣжищѣ, жили Французъ, Эдия и Шпигель, довольные своею скромною долею. Днемъ занимались работою; вечера проходили въ веселыхъ разговорахъ и въ домашнихъ концертахъ. Французъ садился за клавиорды, Эдия пѣла тирольскія пѣсни. Шпигель началъ нѣсколько картинъ, двѣ или три уже были окончены, которыми онъ остался очень доволенъ; но ни одинъ любитель не являлся купить ихъ. Шпигель рѣшился давать уроки въ живописи, и безъ сожалѣнія отказался отъ славы, о которой мечталъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Нѣсколько сонатъ и симфоній, написанныя Миллеромъ, имѣли ту же участь, какъ и картины Шпигеля. Миллеру надо было останавливаться передъ безчисленными препятствіями, которыя бѣдный музыкантъ долженъ былъ разрушить, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ. Также какъ и Шпигель, онъ рѣшился давать уроки; и хотя этимъ средствомъ онъ совершенно обезпечилъ свою жизнь, но никакъ не хотѣлъ сказать своимъ прежнимъ мечтамъ о славѣ вѣчнаго прости. Нежность Эдины, дружба Шпигеля наполняли душу его счастьемъ и спокойствіемъ, и все-таки онъ говорилъ, что жизнь его неполна, ему не достаетъ чего-то, онъ не взмѣрилъ еще своихъ способностей. Иногда онъ смутно чувствовалъ въ своей душѣ зародышъ новыхъ мелодій; сонъ его былъ возмущаемъ безпокойными мечтами, и утромъ, когда онъ хотѣлъ дать своимъ мечтамъ тѣло, форму, горькая необходимость отрывала его отъ занятій и вызывала изъ дома. Все время онъ посвящалъ своимъ воспитанникамъ. Двое очаровательныхъ дѣтей еще болѣе оживили эти занятія. Миллеръ, не смотря на свою трудолюбивую жизнь, не смотря на бережливость Эдины, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на будущность своихъ дѣтей. Онъ говорилъ самъ себѣ, что его уроки слишкомъ ненадежный источникъ для ихъ воспитанія. Иногда, давая свободу своимъ мыслямъ, онъ разговаривалъ съ Эдиною и Шпигелемъ, о заботахъ, скрывающихся въ самомъ его счастьи. Когда рѣчь обращалась къ этому предмету, Шпигель всегда замѣчалъ Францу, что онъ не правъ.

— О чемъ ты беспокоишься? говорилъ онъ: зачѣмъ ты ло-
маешь себѣ голову? Для чего гадать, какая будетъ будущность
твоихъ дѣтей? Они будутъ жить, какъ жили мы. Маленькая Мар-
гарита будетъ красавица, она безъ труда выберетъ, какъ ей стук-
нетъ лѣтъ двадцать, славнаго молодца, который на ней женится
за ея прекрасные глаза, какъ ты женился на Эдионъ. Она не при-
несетъ за собой никакого приданаго, кромѣ доброй души и бла-
городнаго сердца, и этого будетъ для ея мужа очень довольно.
А что до Германа, о, его гордый видъ и живые глаза отвѣча-
ютъ за его будущность. Онъ уменъ, будетъ отваженъ, и ста-
нетъ трудиться, какъ мы. Ты выучишь его музыкѣ, я живописи;
а когда будетъ знать, что мы знаемъ, самъ выберетъ, что
лучше понравится. Мы счастливы, чего же болѣе? Если мы буд-
демъ и знамениты и богаты, будемъ ли мы счастливы? Впро-
чемъ, кто знаетъ, что трудъ и терпѣніе не восторжествуютъ
надъ всѣми препятствіями? Придетъ, можетъ быть, время, ког-
да цѣлые оркестры будутъ повторять твою мысль во всѣхъ
городахъ Германіи. Для насъ настанутъ лучшіе дни, слава твоя
не увянетъ.

Эдионъ и Францъ улыбались, слушая эти слова, но взглянувъ на
дѣтей, снова ощущали въ своей душѣ прежнія безпокойства.

Однажды, Францъ возвратился домой съ озабоченнымъ болѣе
обыкновеннаго лицомъ. Шлегель былъ въ отсутствіи уже нѣ-
сколько дней. Эдионъ сѣла за клавикорды и запѣла пѣсню, особен-
но любимую Францомъ, которая не разъ вызывала на уста его
улыбку. Окно комнаты было открыто, и голось Эдионъ, свѣжій,
чистый и звучный, достигалъ до ушей проходящихъ. Францъ
слушалъ, погружившись въ пріятную мечту; Германъ и Марга-
рита катались по коври, разостланному посрединѣ комнаты, какъ
два котенка. Молодая женщина, съ прекрасными свѣтлорусыми
волосами, рассыпавшимися по ея обнаженнымъ плечамъ густыми
локонами, двое прелестныхъ дѣтей, рѣзвившихся на мягкомъ
коврѣ, и молодой мечтатель, подпершій рукою свое наклоненное
чело, составляли очаровательную картину.

Вдругъ явился какой-то незнакомецъ и остановился у самого
порога. Онъ вошелъ такъ тихо, что никто не слышалъ его ша-
говъ. Францъ, погруженный въ свою мечту, не замѣчалъ его
присутствія; Эдионъ, сидѣвшая къ нему спиною, продолжала
пѣть со всею беззаботностію. Обвороченный, неподвижный,
какъ будто прикованный къ полу, незнакомецъ слушалъ съ во-
сторгомъ; безмолвныя слезы медленно струились по его щекамъ.

Это былъ человѣкъ еще молодой; скорбь провела по его лицу
преждевременныя морщины. Костюмъ его былъ простъ, наруж-
ность прекрасна и величественна. Германъ, поднявъ глаза, за-
мѣтилъ незнакомца и показалъ на него удивленному отцу. Не-
жданный посѣтитель сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ; умо-
ляющимъ жестомъ онъ просилъ Франца и дѣтей не говорить ни
слова; потомъ, обратившись къ Эдионъ, которая въ это время
уже повернула голову, онъ сказалъ ей съ сильнымъ волне-
ніемъ:

— Сударыня, продолжайте; умоляю васъ, продолжайте; вашъ
голось доставляетъ мнѣ столько счастья!

Эдионъ, какъ бы повинувшись магнитическому вліянію, снова за-
пѣла, и незнакомецъ, слушая ее, былъ тронутъ до глубины ду-
ши, и далъ волю литься своимъ слезамъ. Францъ, свидѣтель
его волненія, не думалъ спрашивать его; дѣти съ любопыт-
ствомъ смотрѣли на него и перестали играть. Эдионъ, окончивъ
пѣсню, встала; но незнакомецъ подошелъ къ ней и сложилъ ру-
ки, какъ будто для молитвы.

— Именемъ неба, сказалъ онъ: повторите эту пѣсню. Будьте
добры, будьте великодушны, сударыня, начните снова.

Молодая женщина смутилась, покраснѣла, и не знала, что
отвѣчать.

— Что жъ ты медлишь? сказалъ, улыбаясь, Миллеръ: спой,
когда это доставляетъ нашему гостю столько удовольствія.

Незнакомецъ схватилъ руки Франца, сжалъ ихъ въ своихъ,
и, безъ приглашенія, сѣлъ возлѣ него на диванъ. У мѣщанъ
приняли бы его за сумасшедшаго; но добрая звѣзда привела его
къ артистамъ. Въ фizioноміи его было столько искренняго доб-
родушія, въ приемахъ столько истиннаго благородства, что Мил-
леръ смотрѣлъ на него безъ всякаго удивленія, и чувствовалъ
къ нему какое-то таинственное влеченіе. Самыя дѣти, ободрен-
ныя пріятностію его взгляда, ласкались къ нему, и между тѣмъ,
какъ Эдионъ пѣла, незнакомецъ, слушая ее съ какимъ-то благо-
говѣйнымъ вниманіемъ, игралъ бѣлокурими кудрями этихъ
прелестныхъ головокъ.

— Ради Бога, сударыня, спросилъ онъ у Эдионъ, когда та кон-
чила во второй разъ: ради Бога, скажите мнѣ, гдѣ вы слыша-
ли, гдѣ вы заучили эту пѣсню?

— Въ Тироли, отвѣчала Эдионъ, занявъ мѣсто возлѣ своего
мужа: это пѣсня нашихъ горъ.

— Вы изъ Тироля, вы выросли тамъ, прошептавъ незнакомецъ, смотря съ задумчивостію на молодую женщину.

Потомъ, онъ закрывъ свое лицо обѣими руками и пробыль въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ. Эдионъ и Францъ были еще молоды, они страстно любили другъ-друга, и потому, имъ не трудно было понять, что незнакомца давила какая-нибудь сердечная скорбь, что онъ страдалъ отъ любви; они молчали; въ ихъ взорахъ выражалось чувство состраданія, смѣшанное съ почтеніемъ.

— Извините меня, друзья мои, сказалъ наконецъ незнакомецъ, поднявъ голову и взявъ руки Эдионъ и Франца: извините меня, что я возмутилъ своимъ присутствіемъ это убѣжище, гдѣ все дышетъ миромъ и счастьемъ.

Не могу объяснить, какъ это случилось, но не прошло часа, и этотъ странный посѣтитель, котораго Францъ не зналъ и имени, разговаривалъ съ своими хозяевами свободно, откровенно, дружески, какъ старинный знакомецъ. Незамѣтнымъ образомъ, онъ свелъ разговоръ на самого Миллера, и Миллеръ съ довѣрчивостію отвѣчалъ на всѣ вопросы, вовсе не считая любопытства своего гостя неумѣстнымъ. Онъ рассказывалъ о радостяхъ своей домашней жизни, о борьбахъ, о заботахъ и непріятностяхъ жизни артиста; онъ съ увлеченіемъ говорилъ о своихъ честолюбивыхъ планахъ, о несбывшихся надеждахъ, о жаждѣ извѣстности, славы. Разговаривая, онъ посадилъ къ себѣ на колѣни обоихъ дѣтей; съ вѣжною, горячею любовію онъ говорилъ о будущности этихъ милыхъ малютокъ. Незнакомецъ попросилъ его сыграть что-нибудь изъ его сочиненій; онъ сѣлъ за клавиорды и разыгралъ одну сонату. Незнакомецъ слушалъ его со вниманіемъ судьи, который не хочетъ произнести приговора слегка. Соната была кончена, но незнакомецъ хранилъ задумчивое молчаніе. Францъ, ожидавшій лестныхъ комплиментовъ, утѣшился мыслию, что этотъ оригиналъ ничего не смыслитъ въ музыкѣ.

— Мнѣ остается, сударыня, попросить васъ еще объ одномъ, сказалъ чудакъ, обратившись къ Эдионъ. Надѣюсь, что вы не откажете дать мнѣ копію тирольской пѣсни, которую, по своей снисходительности, вы повторили для меня.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала Эдионъ. У насъ нѣтъ ея нотъ, да я думаю, никогда и не было ихъ; но Францъ сейчасъ напишетъ для васъ.

— Очень охотно, подхватилъ Миллеръ, который не могъ удержаться отъ улыбки, думая объ успѣхѣ, какой произвела его соната на незнакомца.

Не прошло пяти минутъ, онъ покрылъ маленькими, черными точками разлинованный листъ бумаги. Эдионъ встала, взяла написанныя ноты, и граціозно подала ихъ гостю, который схватилъ ихъ съ выраженіемъ живѣйшей радости, быстро пробѣжалъ глазами, почтительно поднесъ къ своимъ губамъ руку Эдионъ, и бросилъ вѣжливый взглядъ на дѣтей; потомъ, не давъ Францу времени спросить о своемъ имени, вышелъ также, какъ и пришелъ, тихо, безмолвно, какъ тѣнь.

Можно вѣрить, что посѣщеніе таинственнаго незнакомца долгое время было предметомъ разговоровъ Миллера, Эдионъ и Шпигеля. Шпигель, по природѣ мрачный, ревнивый въ дружбѣ, какъ въ любви, потому-что истинная дружба непремѣнно ревнива, Шпигель не скрывалъ своего неудовольствія. Онъ упрекалъ Миллера въ слабости, въ угодливости: какъ могъ Миллеръ принять къ себѣ и проводить цѣлый вечеръ съ человѣкомъ, котораго не зналъ даже по имени? Навѣрное, эта безразсудная снисходительность не обѣщала ничего добраго. Кто знаетъ, кто можетъ предвидѣть, что этотъ незваный гость не возвратится опять? Ободренный ласковымъ пріемомъ, не захочетъ ли онъ втереться въ ихъ семейство? И тогда, что будетъ съ тихою, мирною жизнію, которою они наслаждались до сихъ поръ? Этотъ праздный путешественникъ, у котораго одно занятіе — скука, не возмутитъ ли ихъ счастья? При этихъ словахъ Шпигеля, Эдионъ и Миллеръ невольно смѣялись, и старались доказать своему другу, что опасенія его напрасны; но Шпигель, какъ бы предчувствуя въ незнакомцѣ соперника, врага, который долженъ разлучить его съ Миллеромъ, никогда не опускалъ случая нападать на него.

— Это вѣрно, говорилъ иногда Миллеръ, что онъ не знаетъ толку въ музыкѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; незнакомецъ не являлся, и разговоры объ немъ дѣлались все рѣже и рѣже. Шпигель почти забылъ свои ревнивыя опасенія. Наши артисты жили, какъ и прежде; это была та же трудолюбивая, скромная и мирная жизнь, пока одно непредвидѣнное происшествіе не измѣнило ея однообразія.

Въ одно утро, Шпигель вышелъ рано, давать свои уроки, и возвратился скорѣе обыкновеннаго. Трепещущій, блѣдный, съ

искаженнымъ лицомъ, въ безпамятствѣ, онъ влетѣлъ, какъ вихрь въ комнату, гдѣ были Миллеръ, Эднъ и дѣти. Онъ бросился къ Францу на шею, обнялъ Эднъ, прижималъ въ своей груди то того, то другаго ребенка, и потомъ, пустился скакать по коври; онъ смѣялся, плакалъ, былъ словно сумашедшій.

— Что это? что съ тобою? сказалъ Миллеръ, подойдя къ нему и стараясь его успокоить.

— Что съ вами, мой другъ? спросила испуганная Эднъ.

Германнъ и Маргарита, никогда не видавшіе своего добраго друга въ такомъ состояніи, смотрѣли на него съ пзумленіемъ.

— Читайте! провнесъ наконецъ Шпигель, подавая Миллеру и Эднъ журналъ, который онъ вытаскивалъ изъ своего кармана.

И пальцемъ онъ показалъ мѣсто, гдѣ должно было читать. Миллеръ взялъ журналъ и прочиталъ громкимъ голосомъ:

«Намъ пишутъ изъ Мульштадта, что смерть и завѣщаніе графа фонъ-Гильдесгейма привели въ движеніе весь городъ и окрестности. Графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, владѣтель огромныхъ имѣній, причудливый, непонятный характеръ котораго не разъ приводилъ въ безпокойство его родственниковъ, достойнымъ образомъ увѣнчалъ свою странную жизнь. Онъ завѣщалъ свои многочисленныя и прекрасныя помѣстья одному мюнхенскому музыканту. Теряются въ догадкахъ, объясняя эту неслыханную щедрость. Доходы гильдесгеймскихъ владѣній простираются, по крайней мѣрѣ, до ста тысячъ флориновъ. Счастливый наследникъ называется Францъ Миллеръ.»

Окончивъ это чтеніе, Миллеръ побѣднѣлъ, но тотчасъ поправился.

— Какая глупость! вскричалъ онъ, смотря на жену, которая уже покраснѣла отъ удовольствія: это одна изъ тысячи сказокъ, которыми журналы каждый день наполняютъ свои столбцы для забавы ротозѣевъ. Къ какой стати, графу Сигизмунду оставлять мнѣ свое имѣніе? Гдѣ онъ зналъ меня? Я въ первый разъ произношу его имя, и если бы не прочиталъ объ его смерти, то, право, и не зналъ бы, что жилъ на свѣтѣ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Шпигель: какъ знать тебѣ его имя, когда у тебя не достало догадки спросить объ томъ?

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Миллеръ.

— Я хочу сказать, отвѣчалъ Шпигель: что прошлогодній по-

сѣнитель былъ никто другой, какъ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

— Какая глупость! провнесъ Францъ.

— Вѣроятно ли, сказала Эднъ, чтобъ за тирольскую пѣсню, которую онъ заставилъ меня повторить, и которую я пѣла въ тотъ разъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, я...

— Или за сонату, которою я угостилъ его, прибавилъ Миллеръ, перебивъ жену: правда, самую прекрасную сонату, какую только мнѣ удалось написать когда-нибудь...

— Я вамъ говорю, вскричалъ Шпигель, перебивъ Миллера: что прошлогодній незнакомецъ, былъ графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ.

Только что Шпигель кончилъ эти слова, какъ вошелъ факторъ съ огромнымъ пакетомъ, подъ пятью печатами.

— Штемпель Мульштадта! вскричалъ Шпигель, взявъ пакетъ изъ рукъ фактора: вотъ увидимъ, сказка ли это извѣстіе, какъ ты сейчасъ говорилъ. Смотри, штемпель Мульштадта! Распечатай и читай.

— Честъ имѣю поздравить, господинъ Миллеръ, сказалъ факторъ, до котораго уже дошелъ слухъ, носившійся по городу.

Францъ далъ ему нѣсколько флориновъ, потомъ дрожащею рукою разломилъ печати и вынулъ изъ конверта, сдѣланнаго изъ такой толстой бумаги, что при пуждѣ, она могла бы замѣнить папку, тетрадь, сложенную въ четвертку и перевязанную красивою голубою лентою. При этой тетради приложено было письмо Готлиба Кауфмана, которое Миллеръ прочиталъ трепещущимъ голосомъ:

«Милостивый государь,

«Богъ правосуденъ; геній, какъ и добродѣтель, рано или поздно, получить свою награду. Графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ, достойный цѣнитель талантовъ, избралъ васъ своимъ полнымъ наследникомъ. Вы получите при семъ буквальную и полную копію собственноручнаго завѣщанія, которое графу Сигизмунду угодно было вручить мнѣ за нѣсколько недѣль, до своей смерти. Графъ Сигизмундъ сдѣлалъ для васъ то же, что Августъ и Меценатъ дѣлали нѣкогда для Горация и Виргилія. Съ сего времени прекрасныя гильдесгеймскія помѣстья принадлежатъ вамъ. Но графъ завѣщая вамъ свое имѣніе, поручилъ съ тѣмъ вмѣстѣ и своихъ родственниковъ, прекрасныхъ людей, общество

которых доставить вамъ удовольствіе. Вы усмотрите изъ прилагаемаго при семъ завѣщанія, что вамъ должно будетъ проводить въ гильдесгейскомъ замкѣ девять мѣсяцовъ въ году. Я увѣренъ, что эта обязанность будетъ очень пріятна для васъ; дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ, майоръ Бильманъ и его супруга, своею обходительностію и прекраснымъ характеромъ, сдѣлають для васъ гильдесгеймскій замокъ очаровательнымъ жилищемъ. Ни въ чемъ не будетъ для васъ недостатка; вы будете проводить тамъ патриархальную жизнь. Тридцать лѣтъ я былъ нотаріусомъ фамиліи Гильдесгеймовъ, смѣю надѣяться, что и вы, милостивый государь, почтите меня вашею довѣренностію.

«Примите милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

«Готлибъ Кауфманъ.»

— Это совѣ! вскричалъ Миллеръ.

И жаднымъ взоромъ онъ пожиралъ завѣщаніе.

— Это совѣ? повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Миллеръ бросился на грудь жены, и оба нѣсколько минутъ держали другъ друга въ объятіяхъ, проливая радостныя слезы. Шпигель, присловившись къ камину, молча и съ задумчивостію смотрѣлъ на нихъ.

— Ахъ, мой другъ, сказала наконецъ Эдиовъ: вы были такъ веселы сейчасъ, отчего же вы не радуетесь съ нами? Развѣ вы не имѣете своей части въ наслѣдствѣ? Развѣ вы не раздѣляете нашего счастья? Все останется по прежнему; только бѣдности не будетъ между нами.

— Прочь уроки! прочь нужда! вскричалъ Миллеръ съ одушевленіемъ. Миръ принадлежитъ намъ! Ты будешь писать картины, я симфоніи и оперы; мы наполнимъ Германію нашею славою! Слава! думаешь ли ты, Шпигель, объ ней? Наконецъ, мы схватимъ это обольстительное привидѣніе, которое убѣгло отъ насъ! Какое существованіе ожидаетъ насъ! чья жизнь будетъ очаровательнѣе нашей! Мы раздѣлимъ наше время между занятіями и удовольствіями. Когда грядъ утомить насъ, мы отправимся въ наши и помѣстья, заживемъ тамъ по-дарски! Да будетъ во-вѣки благословенна память графа Сигизмунда! Да будетъ благословенъ тотъ день, когда этотъ благородный гость посѣтилъ мой домъ.

Шпигель не отвѣчалъ ни слова. На дворѣ послышался смѣ-

шанный шумъ; это сосѣди, друзья и товарищи Миллера пришли поздравить его, потому-что новость, сообщенная журналомъ, уже пролетѣла по всему городу. По данному сигналу, дверь отворилась и показался грозный оркестръ: трубы, кларнеты, фаготы, флейты, цимбалы, треугольники и огромный барабанъ. Началась страшная серенада. Скоро дворъ сдѣлался тѣснѣе, толпа хлынула въ комнату. Поцѣлуй, объятія, пожатія рукъ, посыпались со всѣхъ сторонъ. Эдиовъ выставила музыкантамъ нѣсколько дюжинъ бутылокъ пива. Миллеръ пригласилъ на ужинъ человѣкъ двадцать своихъ друзей; и между тѣмъ, какъ Эдиовъ занимала гостей, онъ сбѣгалъ къ лучшему въ городѣ трактирщику и заказалъ великолѣпный ужинъ. Дичь, рыба, французскія и испанскія вина, ничто не казалось ему слишкомъ пышнымъ или дорогимъ. Онъ заказалъ кушанья съ такою подробностію, которая сдѣлала бы честь мѣтръ-д'отелю какого-нибудь князя или банкира. Ужинъ былъ веселъ; гости ѣли съ апетитомъ и пили много за здоровье счастливаго наслѣдника. Въ полночь, осушивъ порядочное количество бутылокъ, гости разошлись. Едва друзья Франца переступили за порогъ его дома, едва успѣли выйти на безмолвную улицу, какъ раздѣлились на группы, и разговоръ обратился къ происшествіямъ того дня.

— Родятся же такіе счастливыя, сказалъ одинъ старый скрипачъ. Эти Миллеры всегда были люди добрые, славные товарищи, и я очень радъ ихъ неожиданному счастью; да вотъ только, какъ это случается, что богатство падаетъ въ подобныя руки? Вѣдь, чтó такое Миллеръ?

— Плохой музыкантъ, человѣкъ безъ дарованія, подхватилъ одинъ изъ пріятелей, котораго Миллеръ не рѣдко ссужалъ деньгами. Человѣкъ онъ добрый; но счастливъ, что случай помогъ ему, а то съ его талантомъ немного добудешь денегъ.

— Замѣтили ли вы, сказала одна женщина, которая была уже не молода и никогда не славилась красотой, какъ Эдиовъ-то заважничала? Утромъ получили наслѣдство, а вечеромъ ужъ и знатные господа. Жалкіе они люди!

— Какая глупая роскошь! сказалъ одинъ гость, отличавшійся между всѣми пьянствомъ и обжорствомъ. Кушанья самыя лучшія, вина самыя отличныя, французскія да испанскія! Они ужъ ни въ чемъ не отказываютъ себѣ. Какъ не скажешь, что они, вѣрно, хотятъ вознаграждать за то, что всю жизнь ѣли кислую капусту да пили пиво?

— Безъ сомнѣнія, прибавилъ пятый: они скоро будутъ ѣздить въ каретѣ, и насъ забрызгаютъ грязью.

— На свѣтѣ часто бываетъ такъ, что дуракъ ѣдетъ въ каретѣ, а съ умомъ идетъ пѣшкомъ, замѣтилъ старый музыкантъ.

Разговаривая такимъ образомъ, нѣжные и преданные друзья дошли до своихъ домовъ. Ложась въ постель, они столько говорили дурнаго о Миллерѣ, что почти утѣшились въ его счастья.

Оставшись одни съ Шпигелемъ, Францъ и Эдиовъ долго еще разговаривали. Во всѣ свои планы и предначертанія они примѣшивали Шпигеля; имъ и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ думать разстаться съ ними. Шпигель ничего не возражалъ, и слушалъ ихъ молча. Эдиовъ и Миллеръ припокидывали всѣ малѣйшія подробности, всѣ незначущія обстоятельства посѣщенія графа Сигизмунда, потому-что болѣе уже не сомнѣвались, что великодушный завѣщатель, избравшій Миллера своимъ наследникомъ, былъ никто другой, какъ таинственный посѣтитель.

— Кто бы подумалъ, сказала Эдиовъ: что эта простая тирольская пѣсня, которую я пѣла для твоего развлеченія, могла доставить намъ когда-нибудь такое богатство?

— Кому бы пришло въ голову, прибавилъ Миллеръ, какъ бы про себя, что соната, написанная для моихъ воспитанниковъ, и которую онъ слушалъ, повидимому, безъ вниманія, стоила съ его стороны такого богатаго подарка? И я обвинялъ его въ невѣжествѣ! я подозревалъ, что онъ ничего не смысляетъ въ моемъ искусствѣ! Это былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ, это былъ глубокой знатокъ.

— Но, мой другъ, возразила Эдиовъ: когда онъ вошелъ, ты не игралъ твоей сонаты, а я пѣла тирольскую пѣсню.

— Не думаешь ли ты, съ живостию перебилъ Миллеръ, что изъ-за какой-нибудь тирольской пѣсенки, графъ Сигизмундъ оставилъ намъ свои владѣнія?

— А почему же и не думать мнѣ? отвѣчала Эдиовъ. Развѣ я не видѣла, какъ онъ былъ взволнованъ и тронутъ даже до слезъ, когда я пѣла?

— Такъ помѣстья и замокъ за одну тирольскую пѣсенку! сказалъ Миллеръ. Ты не потеряла даромъ своего вечера. Безъ сомнѣнія, пѣсенка сдѣлала половину чуда, а остальное докончилъ твой голосъ. Не забудь однако, что завѣщаніе графа Сигизмунда довольно ясно говорить въ мою пользу. Чтобы доставить мнѣ

болѣе досужаго времени, чтобъ дать мнѣ возможность, съ полною свободою, предаваться моимъ вдохновеніямъ, вотъ почему графъ отказываетъ мнѣ все имѣніе своихъ предковъ.

— Ты также забываешь, мой другъ, что онъ завѣщаетъ тебѣ вырѣзать на его гробницѣ пѣсню, которую я пѣла, когда онъ вошелъ къ намъ.

— Припомни его положеніе въ то время, какъ я сидѣлъ за клавикордами. Онъ молчалъ, потому-что ему нужно было сосредоточить свои мысли; онъ молчалъ, но удивлялся въ безмолвіи. Я понимаю теперь выраженіе его благороднаго лица: онъ былъ пораженъ, онъ негодовалъ, что авторъ подобнаго отрывка былъ неизвѣстенъ и, для своего пропитанія, принужденъ давать уроки.

— Конечно, отвѣчала Эдиовъ: но, при разставаньи, онъ прислалъ копію тирольской пѣсни, которую я пѣла.

Шпигель, безмолвный свидѣтель этого маленькаго домашняго спора, съ улыбкою слушалъ ихъ.

— Дѣти, сказалъ онъ: до сихъ поръ ничто не возмущало вашего согласія и единодушія; но богатство можетъ возбудить въ васъ ревность и тщеславіе, берегитесь, съ этого времени, ревность и тщеславіе какъ разъ вторгнутся въ ваши сердца. Не глупъ ли ты, мой другъ? Почему ты полагаешь, что голосъ нашей Эдиовъ не могъ растрогать графа Сигизмунда до глубины души, и не воскресить въ немъ какого-нибудь драгоценнаго воспоминанія? И вы, Эдиовъ, почему хотите, чтобъ онъ безъ удивленія слушалъ сонату, которую мы восхищались столько разъ? почему, думаете, что, слушая ее, онъ не угадалъ генія въ нашемъ любезномъ Миллерѣ? Вы влосомъ участвовали въ доставленіи удовольствія своему гостю, примите же оба и вознагражденіе, и не пріятнѣе ли вамъ будетъ думать, что каждый изъ васъ обязанъ другому богатствомъ, которое посылаетъ вамъ небо?

При этихъ словахъ, Эдиовъ повисла на шеѣ Франца.

— Шпигель правъ, сказала она: это твоя соната обогатила насъ.

— Нѣтъ, сказалъ Миллеръ, прижимая жену къ своему сердцу: нѣтъ, это мелодія, которую ты пѣла, это прелесть твоего голоса, моя Эдиовъ, сдѣлала насъ счастливыми.

— Это тирольская пѣсня, это вашъ голосъ, это твоя соната, обогатила и осчастливила васъ, вскричалъ Шпигель, улыбаясь:

но не забудьте также, прибавил онъ съ важною: не забудьте, что картина вашей честной, трудолюбивой жизни, грація и красота вашихъ дѣтей, зрѣлище вашихъ тихихъ радостей, не могли не тронуть вашего гостя и не имѣть нѣкотораго вліянія на великодушіе вашего благодѣтеля.

— Ну, сказалъ Миллеръ Шпигелю: что ты теперь скажешь противъ разгульнаго путешественника? Будешь ли ты еще бранить насъ за то, что мы приняли этого нескромнаго гостя: Сознаешься ли, что опасенія твои были безразсудны, и что ты неправъ?

— То и другое, печально отвѣчалъ Шпигель. Я виноватъ, потому-что графъ Сигизмундъ исполнилъ лучшія ваши надежды; я правъ, любезный Францъ, милая Эдионъ, потому-что онъ разлучилъ насъ.

— Разлучилъ насъ! почему? съ удивленіемъ вскричали въ одно время Эдионъ и Миллеръ.

— Вы не хотите ѣхать съ нами? сказала молодая женщина дрожащимъ голосомъ.

— Что это значитъ? спросилъ вспльчиво Миллеръ.

— Позвольте, друзья мои, я знаю себя. Я наслаждался счастіемъ съ вами, когда мы не были богаты; я люблю васъ, вы знаете; я питаю къ вамъ самую живую, самую горячую привязанность. Францъ, я твой братъ; Эдионъ, вы моя сестра. Ваши дѣти — моя радость. Я былъ одинокъ, вы составляли для меня семейство. Я люблю васъ; люблю только однихъ васъ, и однако не поѣду съ вами.

— Значитъ, вы не любите насъ, подхватила Эдионъ: да и любил ли когда-нибудь?

— Вотъ друзья! вскричалъ Миллеръ; они скорѣе прощаютъ намъ бѣдность, чѣмъ богатство. Счастье лучше несчастья служить оселкомъ человѣческой привязанности.

— Это вы обо мнѣ говорите? спросилъ Шпигель съ упрекомъ: жизнь моя будетъ отвѣчать на эту укоризну. Неблагодарные, вы усомнились въ моемъ сердцѣ. Я сказалъ вамъ, что я знаю себя; вы также знаете меня. Мнѣ пріятно думать, что вы не будете тамъ ни въ чемъ нуждаться; избави меня Богъ помрачать разсвѣтъ вашего счастья!... Но я не терплю новыхъ отношеній, я боюсь новыхъ лицъ.

— Что ты разумѣешь подъ этимъ? спросилъ Миллеръ: ты хочешь сказать о родственникахъ графа Сигизмунда? Но письмо

потариуса и завѣщаніе графа достаточно увѣряютъ, что это самыя милыя семейства. Тебѣ будетъ непріятно, не такъ ли? жить подъ одною крышею съ маіоромъ Бильманомъ и дѣвками Штольценсельс? По твоему мнѣнію, это люди не высокаго почета?

— Я не говорю этого.

— Впрочемъ, кто тебя принудитъ видѣться съ нами? Развѣ ты не будешь тамъ хозяиномъ въ своей квартирѣ, точно также, какъ и здѣсь?

— Чего ты хочешь, мой другъ? спокойно сказалъ Шпигель. Жизнь въ замкѣ не по мнѣ. Живите, какъ вамъ угодно и предоставьте мнѣ жить по моему вкусу. Мы останемся прежними друзьями; я отвѣчаю въ этомъ вмѣстѣ за свое и за ваши сердца.

Напрасно Эдионъ и Миллеръ удвоивали свои настоянія; напрасно они повторяли одно и то же на другой и въ слѣдующіе дни. Шпигель былъ глухъ ко всѣмъ ихъ просьбамъ, и упорно оставался при своемъ рѣшеніи.

Францъ отказался отъ своихъ уроковъ, объявивъ всѣмъ, что онъ получилъ наслѣдство. Доходы гильдесгеймскихъ владѣній простирались не до ста, какъ объявляли мюнхенскіе журналы, но до сорока тысячъ, что все-таки составляло очень порядочную сумму. Имѣніе было не заложено и безъ долговъ. Исполнивъ всѣ формальности, требуемыя закономъ, Миллеръ, не медля занялся приготовленіемъ къ отъѣзду. На необходимыя издержки, и чтобы явиться въ замокъ, какъ слѣдуетъ богатому владѣльцу, онъ сдѣлалъ небольшой заемъ за умѣренные проценты. Самые богатые магазины въ городѣ были заняты работою для счастливыхъ наслѣдниковъ. Городскую квартиру Францъ оставилъ пока за собою, предоставляя себѣ впоследствии купить новый домъ для Шпигеля.

— Когда ты рѣшился не ѣхать съ нами, сказалъ онъ Шпигелю: значитъ, мы найдемъ тебя здѣсь при своемъ возвращеніи. Черезъ девять мѣсяцевъ, мы снова соединимся здѣсь, подъ этой кровлею, гдѣ мы провели столько прекрасныхъ, столько счастливыхъ дней. Быть-можетъ, когда мы отправимся опять въ свой замокъ, ты согласишься сопутствовать намъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, Миллеръ, въ присутствіи Шпигеля, сжегъ бумаги, которыхъ не хотѣлъ взять съ собою; въ числѣ негодныхъ бумагъ попалась и единственная

симфонія, написанная имъ въ молодые годы. Съ презрительною улыбкою пробѣжавъ глазами партитуру, Францъ хотѣлъ также бросить ее въ огонь, но Шигель быстро остановилъ его.

— Что ты дѣлаешь, безразсудный! вскричалъ онъ, выхвативъ симфонію: это произведение твоей юности; это весенняя пѣсня нашихъ прекрасныхъ годовъ. Не совершенны эти мелодіи, но увѣренъ ли ты, что снова найдешь когда-нибудь прелесть и чистоту вдохновенія, которое внушило ихъ тебѣ?

— Фи! отвѣчалъ Миллеръ: это только легкій очеркъ, первый опытъ; теперь я имѣю состояніе, значить свободу, и досугъ; въ память графа Сигизмунда, я долженъ испытать свои силы въ чемъ-нибудь высшемъ, достойномъ маэстро.

— Это честолюбіе похвально, возразилъ Шигель: но все-таки мы должны уважать произведенія нашей юности; въ нихъ-то мы выражаемъ лучшій цвѣтъ, чистоту и невинность нашей души. Видишь ли, Миллеръ, есть двѣ вещи, которыхъ никогда не должно оскорблять, какіе бы мы ни замѣчали недостатки въ одной, сколько бы ни терпѣли горести въ другой: это первое наше произведение и первая наша любовь. Ты будешь писать партитуры болѣе ученія! но неопытность и дѣтское простодушіе имѣютъ свою прелесть, которой никогда не воспроизведетъ искусство. Оставь мнѣ эту симфонію, когда не хочешь взять ее съ собою; я иногда буду повторять ее, для оживленія моей пустыни.

На другой день, съ восходомъ солнца, вѣхала на дворъ почтовая карета, запряженная четверкою лошадей. Дѣти были уже на ногахъ; хлопая рученками, онѣ прыгали отъ радости, что поѣдутъ въ каретѣ. Шигель взялъ ихъ къ себѣ на руки и покрылъ поцѣлуями. Невольная слеза блеснула на его глазахъ при мысли, что этотъ домикъ, который онѣ оживляли своимъ беззаботнымъ щебетаньемъ, теперь будетъ какъ пустая клѣтка. Это было единственное движеніе его слабости въ минуты разлуки. Шигель не имѣлъ черствого сердца, но онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые во-время сильнаго душевнаго волненія болѣе всего кажутся холодными. У него все происходило внутри; въ глубинѣ озера совершалась буря, а поверхность его была спокойна и гладка, какъ зеркало. Притомъ же онъ чрезвычайно боялся трогательныхъ сценъ. Шигель отъ души обнялъ Франца и Эдию, и видя, что они готовы зайти съ сле-

зами, толкнулъ ихъ въ карету, быстро захлопнулъ дверцы, вскричалъ: пошелъ! и заперся въ своей мастерской.

За нѣсколько дней до отъѣзда, Миллеръ написалъ гильдесгеймскому управляющему о скоромъ своемъ прибытіи и сдѣлалъ ему нѣкоторыя наставленія. Онъ хотѣлъ, чтобы пріемъ былъ самый скромный, безъ всякихъ издержекъ.

IV.

Путешествіе было продолженіемъ очаровательныхъ грезъ. Погода стояла чудесная. Германъ и Маргарита, высунувъ головки изъ окна кареты, съ любопытствомъ слѣдили за бѣгомъ лошадей, или инстинктивно любовались красотою окрестныхъ видовъ. Эдию и Миллеръ разговаривали о своихъ планахъ и надеждахъ; они распредѣляли свою жизнь, назначали свои дневныя занятія; они пытались угадать положеніе парка, расположеніе замка. Они никогда не жили въ домахъ знатныхъ господъ; не знали, за что ухватиться, гдѣ найти точку опоры для своихъ размышленій и думъ, и потому дали полную волю своему воображенію. Миллеръ, знакомый съ этою жизнію только изъ книгъ, воображалъ себѣ чудные каскады Тиволи, Казерты или Унтерлакена; Эдию, болѣе умѣренная въ своихъ желаніяхъ, мечтала о молочной фермѣ, какая была у Маріи-Антуанетты, въ Трианонѣ. Она видѣла уже около себя мызниковъ, стоящихъ въ почтительномъ положеніи, и ожидающихъ только знака рукою, чтобы исполнять ее волю. Многочисленная стада козъ, овецъ и коровъ паслись на тучныхъ ея лугахъ. Она была царицей, полною царицей своего маленькаго царства. При пріѣздѣ въ замокъ, она встрѣчала на крыльцѣ или въ паркѣ Бильдмановъ или Шгольценфельсовъ, которые поздравляли ее съ пріѣздомъ. Эдию и Миллеръ общались ласково и свисходительно обращаясь съ своими гостями, которые, по волѣ графа Сигизмунда, должны были жить съ ними; силою добра, они хотѣли снискать себѣ прощеніе въ неожиданномъ счастіи, вѣспосланномъ имъ небомъ. Миллеръ уже спрашивалъ себя, о какомъ предметѣ ему говорить съ маіоромъ Бильдманомъ, чтобъ не навѣсть на него скуки. Онъ напрягалъ свою память, перебиралъ свои воспоминанія, чтобы отыскать какіе-

либудь старыя военныя разказы; онъ простодушно вѣрилъ, что война все еще была единственною заботою маіора. Эдиовъ думала о дѣвицахъ Штольценфельсъ и своимъ угожденіемъ имъ ласкалась пріобрѣсть ихъ дружбу; она предполагала совѣтоваться съ ними по управленію домою, больше полагаться на ихъ опытность и ничего не начинать безъ ихъ одобренія. Воспитаніе дѣтей составляло самое пріятное ихъ занятіе. Миллеръ съ гордостію мечталъ о Германѣ, которому открывалась прекрасная будущность; Германъ не долженъ разсчитывать только на свой трудъ и терпѣніе, какъ говорилъ Шнигель; ему можно будетъ надѣяться и на тѣ средства, которыя доставитъ ему богатство. И военная и гражданская служба откроютъ для него свои почетныя мѣста. Миллеръ очень серьезно спрашивалъ свою жену, какую ему лучше избрать должность для своего сына. Онъ уважалъ гражданскую службу, но въ военной находилъ болѣе важности, благородства и поэзіи. Послѣ здраваго разсужденія, онъ рѣшился сдѣлать Германа фельдмаршаломъ. Герману пять лѣтъ; черезъ два года, никакъ не позже, его надо будетъ учить фехтованію и верховой ѣздѣ. Эдиовъ совѣтовала сдѣлать лучше Германа придворнымъ совѣтникомъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ Миллеръ: онъ будетъ фельдмаршаломъ. Мечты Эдиовъ о Маргаритѣ нисколько не уступали мечтамъ Франца о Германѣ. Маргарита должна все знать: музыку, рисованіе, новѣйшіе языки; она должна танцовать, какъ сильфиды, управлять конемъ, какъ амазонка, пѣть, какъ соловей; и когда въ ней соединятся всѣ таланты, всѣ совершенства, какихъ можно желать одной царской дочери, то окрестная аристократія будетъ слишкомъ глупа, слишкомъ недалководидна, если наперерывъ не станетъ просить себѣ руки Маргариты.

Въ упоеніи счастіемъ, Шнигель не былъ забытъ; только Шнигеля не доставало для полной радости.

— Еслибы онъ любилъ насъ, сказала однажды Эдиовъ съ печалію: онъ не отказался бы ѣхать съ нами.

— Ты не знаешь его, отвѣчалъ Миллеръ. Шнигель любитъ насъ; онъ никого не любилъ кромѣ насъ; но, при своемъ мрачномъ и независимомъ характерѣ, онъ страшится одной мысли о подчиненности. У него обо всемъ свои особенныя понятія. Я помню, какъ онъ говорилъ мнѣ, что богатство можетъ быть гораздо тяжелѣе бѣдности. Но какъ бы то ни было, я обогащу его противъ воли. Онъ и не подозреваетъ судьбы, какую я приготовлю ему.

— Прекрасно, Францъ, прекрасно, вскричала Эдиовъ. При всемъ нашемъ счастіи, я буду страдать, если нашъ другъ не раздѣлитъ его съ нами.

— Будь покойна, раздѣлитъ, отвѣчалъ Миллеръ тономъ покровительства и съ тайнымъ чувствомъ гордости. Сначала, я куплю на его имя тотъ маленькій домикъ, въ которомъ мы жили вмѣстѣ. Когда ему не нужно будетъ болѣе платить за квартиру, онъ заживетъ, какъ вельможа. Но это не все: я буду покупать его картины, я буду платить ему золотомъ за маленькіе эскизы. Я сдѣлаю для него тоже, что сдѣлалъ для меня графъ фонъ-Гильдесгеймъ. Ему не надо будетъ тогда давать уроки. Я сорву цѣпи съ его генія, я открою ему дорогу къ славѣ.

— Прекрасно, Францъ, прекрасно, вскричала Эдиовъ, бросившись къ нему на шею.

— Нашъ музей, продолжалъ Миллеръ, будетъ составленъ только изъ трудовъ нашего друга. Это будетъ музей Шнигеля. У меня уже есть идея, какія заказать ему картины; между прочимъ, вотъ одна: графъ Сигизмундъ сидитъ возлѣ тебя, тогда какъ я исполняю сонату.

— Другъ мой, прибавила Эдиовъ: мнѣ кажется, также хорошо будетъ представить, когда графъ Сигизмундъ сидитъ возлѣ тебя, а я пою тирольскую пѣсню. Это не менѣе достойно кисти Шнигеля.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Миллеръ: Шнигель увѣковѣчитъ малѣйшія подробности этого незабвеннаго вечера. Я хочу, чтобъ прежде пяти лѣтъ онъ оживилъ свой геній и вступилъ на славную дорогу Ванъ-Дика и Рубенса.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ приближались къ концу своего путешествія, они съ безпокойствомъ обращались во всѣ стороны, стараясь замѣтить свой замокъ. На третій день, когда солнце склонялось уже за горизонтъ, почтарь быстро повернулся на своихъ козлахъ, и, указывая концемъ своего бича на темную массу башенъ и башенокъ, зубцы которыхъ рисовались на синемъ небѣ, сказалъ:

— Вотъ, гильдесгеймскій замокъ!

Можно представить, что почувствовали наши путешественники при этихъ словахъ. Вотъ гильдесгеймскій замокъ! эти три слова значили для нихъ: вотъ ваше богатство, ваше счастье, ваши владѣнія! Эти башни, эти бастіоны, принадлежать вамъ; эти поля, эти луга, эти дѣса, ваши! Тамъ-то вы будете жить

и царствовать!—Отражение лучей заходящего солнца въ окнахъ замка Миллеръ принялъ за иллюминацію; услышавъ звуки пастушескихъ рожковъ, собиравшихъ стада, онъ счелъ ихъ за сельскую серенаду въ честь его прѣзда. Все это чрезвычайно льстило самолюбію Франца; но, желая разыгрывать, даже въ глазахъ жены, роль принца, которому непріятно, что измѣнили его инкогнито, онъ сказалъ съ притворною досадою:

— Вѣдь я велѣлъ, чтобъ не было никакихъ издержекъ для меня; я писалъ, чтобъ приемъ былъ самый скромный.

— Утѣшься, мой другъ, возразила Эдиѳъ, не хотѣвшая разувѣрять своего мужа: мы заплатимъ за эту музыку.

Замокъ графа Сигизмунда стоялъ на скатѣ холма, такъ что его безъ труда можно было видѣть за нѣскольکو миль. Когда путешественники подъѣхали ближе, наступила уже совершенная почь. Миллеръ не велѣлъ дѣлать пышныхъ приготовленій къ его встрѣчѣ; однако, не смотря на свои приказанія, очень удивлялся, что никого не видѣлъ передъ собою. Они подъѣзжали къ самому замку, а не являлся ни одинъ служитель, не было ни одной пловки на стѣнахъ, ни одного факела въ паркѣ. Гильдесгеймскій управляющій слишкомъ уже далеко простеръ свою ревность въ исполненіи приказаній своего новаго господина. Наконецъ, карета остановилась у воротъ, украшенныхъ оленьими рогами, волчьими мордами и кабаньими головами. Почтарь, съ четверть часа бесполезно трубившій въ свой рожокъ, схватилъ, висѣвшій на воротахъ, охотничій рогъ и принялся надувать его; но ни въ одномъ окнѣ не показывался свѣтъ, ни одинъ голосъ не отвѣчалъ на этотъ вызовъ: все было безмолвно, все мрачно. Почтарь трубилъ во всю мочь, какъ Роландъ при отступленіи отъ Ронсевала. Наконецъ, черезъ полчаса, въ нижнемъ этажѣ блеснулъ огонь, и скоро раздался по двору тяжелые шаги, сопровождаемые бряканьемъ ключей. Въ то время, какъ ключъ повертывался въ замкѣ, Миллеръ услышалъ слѣдующее благосклонное привѣтствіе:

— Прѣзжать въ такой часъ! пугать въ просонкахъ добрыхъ людей! тревожить ихъ первый сонъ! Провалиться бы сквозъ землю этому проклятому полуночному бродягѣ!

Ворота повернулись на своихъ петляхъ, и Миллеръ увидѣлъ безобразное, заспанное лицо Вурма, уже двадцать лѣтъ имѣвшего честь носить на себѣ званіе управляющаго гильдесгеймскимъ замкомъ. Хапать съ большими цвѣтами прикрывалъ тощій

станъ Вурма, и бѣлый вязанный колпакъ былъ прикрѣпленъ къ его лысой головѣ красною лентою. Онъ бросилъ въ карету сердитый взглядъ, и спросилъ отрывисто, обращаясь къ путешественнику:

— Кто вы такой? и что вамъ угодно?

— Я, отвѣчалъ Миллеръ, болѣе и болѣе удивляясь такому приему: я законный наслѣдникъ графа Сигизмунда фонъ-Гильдесгейма. Что мнѣ угодно, милостивый государь? вѣхаться въ принадлежащій мнѣ замокъ. Ведите меня въ комнаты, приготовленныя для моей жены и дѣтей.

Вурмъ понялъ немножко поздно, что попалъ въ просакъ, и наклонилъ голову. Онъ поспѣшилъ скорѣе разбудить слугъ, и, вводя Миллера по почетной лѣстницѣ, пробормоталъ сквозь зубы:—Такъ вотъ что! это музыкантъ. Кто же его могъ ожидать въ такое время?—Онъ велѣлъ своимъ новымъ гостямъ въ отдѣленіе замка, которое занималъ прежній владѣтель. Огромныя залы были почти совсѣмъ пусты. Еще при жизни графа Сигизмунда, Бильдманы и Штольценфельсы, пользуясь его слабостью и безпрестанными отлучками, наперерывъ таскали къ себѣ все лучшее изъ его покоевъ. Вурмъ показалъ комнаты, назначенныя для Миллера, его жены и дѣтей, снова привелъ ихъ въ залу, зажегъ стоявшіе на каминѣ два кандебра, и ушелъ, получивъ отъ Франца приказанія на завтрашній день.

— Другъ мой, сказала Эдиѳъ своему мужу, когда они остались одни: ты хотѣлъ скромнаго приема, безъ всякихъ издержекъ; будь же теперь доволенъ: все исполнено по твоему желанію.

— Клянусь, отвѣчалъ Миллеръ, рѣшившійся находить все прекраснымъ, всему удивляться, на все смотрѣть съ хорошей стороны: клянусь, такой приемъ мнѣ не совсѣмъ не нравится. Я вижу въ этомъ ясное доказательство повинновенія и покорности моего управляющаго, господина Вурма. При томъ-же, надо признаться, мнѣ очень пріятно, что мы вступаемъ во владѣніе такими богатѣйшими помѣстьями скромно, безъ всякой пышности. Это просто, благородно, никого не унижаетъ и показываетъ, что мы не какіе-нибудь выскочки, люди ничтожныя: А ты бы, я думаю, хотѣла, чтобы для насъ устроенъ былъ фейерверкъ, и меня встрѣтили привѣтственною рѣчью подъ цвѣточнымъ балдахиномъ, какъ какого-нибудь сеньора комической оперы?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Эдиѳъ: но, конечно было бы го-

раздо пріятнѣе, еслибы меня встрѣтили Бильдманы и Штольценфельсы.

— Припомни сказалъ Миллеръ: письмо мультштадтскаго нота-ріуса; здѣсь ведутъ жизнь патриархальную, а патриархи не имѣли дурной привычки, какъ мы, ложиться поздно. Будь справедлива. Кто обязанъ былъ насъ ожидать въ такое время? Какъ все прекрасно! какъ величественно! какъ роскошно! прибавилъ онъ, съ удивленіемъ осматривая кругомъ пустыя стѣны; и видно, что жилище знатнаго вельможи.

— Не достаетъ лишь немного мебели, прибавила Эдионъ, улыбаясь.

— Развѣ ты не видишь, возразилъ Миллеръ: что это по-восточному? Турки никогда не меблируютъ своихъ комнатъ иначе. Да я и люблю это, мнѣ нуженъ воздухъ, просторъ. Терпѣть не могу комнаты, которыя походятъ на лавки со всякою мелочью, гдѣ все выставлено какъ будто на-показъ.

Говоря такимъ образомъ, Миллеръ открылъ окно: Эдионъ не могла удержаться отъ восклицанія восторга и радости, при видѣ зрѣлища, раскрывшагося предъ ихъ глазами. Ночь была свѣтлая; полная луна обливала зелень обширнаго парка гнѣхимъ, нѣжнымъ блескомъ. Серебристый туманъ легкимъ, прозрачнымъ покрываломъ разстилался по листьямъ вѣковыхъ деревьевъ. Башни замка рѣзко отдѣлялись на звѣздной лазури, и бросали свои длинныя тѣни на благовонныя луга. Издалека слышалось журчаніе ручейка, шептавшагося съ камешками своего ложа. Эдионъ и Миллеръ нѣсколько минутъ были въ какомъ-то сладостномъ самозабвеніи, какъ вдругъ три большія летучія мыши, привлеченныя свѣтомъ огня, влетѣли въ комнату. При шумѣ этихъ неожиданныхъ гостей, дѣти испугались и закричали:

— Поѣдте домой, вскричалъ Германъ.

— Воротитесь скорѣе, прибавила Маргарита со слезами.

Миллеръ бѣгалъ за мышами и старался ихъ выгнать. При видѣ ужасныхъ усилій своего мужа, Эдионъ не могла удерживаться отъ смѣха; Францъ сердился. Наконецъ, невнятные гости улетѣли, дѣти успокоились, и снова все смолкло, только ржавыя флюгеры скрипѣли на крышѣ, совы выпускали зловѣщіе крики, да худо укрѣпленныя ставни стучали о стѣны. Кроме того, ночь была тиха и спокойна. Отъ нечего дѣлать, Эдионъ и Миллеръ считали часы, и когда занялась заря, они еще не смыкали глазъ.

При появленіи первыхъ лучей солнца, наши друзья безъ труда забыли маленькія неудовольствія и непріятныя впечатлѣнія прошлаго вечера. Она, дѣйствительно, были въ княжескомъ жилищѣ. Эдионъ находила кое-что исправить въ расположеніи комнаты: съ перваго взгляда, замокъ казался ей нѣсколько мрачнымъ, немного печальнымъ и запущеннымъ; но Францъ въ такомъ былъ восторгѣ, что она не смѣла и намекнуть ни о чемъ. Что же касается до парка, то онъ и при полномъ свѣтѣ дня былъ также прекрасенъ, также величественъ, какъ и ночью. Эдионъ никогда и не мечтала о такихъ обширныхъ, густыхъ тѣняхъ.

— Другъ мой, сказалъ Миллеръ: прежде всего намъ надо слѣдовать визитъ нашимъ жильцамъ. Никогда не надо забывать, что мы обязаны уважать и почитать родственниковъ нашего благодѣтеля. Однѣмъ, впрочемъ, поварядибе, пощеголоватѣе, чтобы съ перваго разу могли видѣть, что графъ Сигизмундъ оставилъ свое имѣніе не какимъ нибудь безпомощнымъ бѣднякомъ.

Утро посвящено было туалету. Францъ, съ раннихъ поръ, надѣлъ свой парадный жилетъ и щегольской галстухъ. Когда Эдионъ совсѣмъ была готова, и Германъ и Маргарита уже были одѣты въ праздничныя платья, Миллеръ послалъ напередъ къ госпожамъ фонъ-Штольценфельсъ своего управляющаго уведомить ихъ о своемъ посѣщеніи. Ульрика велѣла сказать, что она можетъ принять черезъ часъ. Миллеръ, пользуясь свободнымъ часомъ, хотѣлъ видѣть всѣхъ своихъ слугъ; Вурмъ представилъ ихъ новому господину. Францъ обратился къ нимъ съ небольшою, очень трогательною рѣчью, которая, впрочемъ, слишкомъ мало тронула ихъ. За тѣмъ, герръ Вурмъ, назвавъ каждаго изъ нихъ по имени, сказалъ:

— Это горничная госпожи Бильдманъ и камердинеръ госпожина маіора.—Это служанки госпожъ фонъ Штольценфельсъ.—Это метръ-д'отель праваго флигеля замка.—Это поваръ лѣваго флигеля.—Это горничная госпожи Ульрики.—Это горничная госпожи Гедвиги.—Это нянька маленькаго Исаака.—Это дворецкій господина Бильдмана.—Это кучеръ госпожи Доротен.—Это егеръ госпожъ фонъ-Штольценфельсъ.—Это конюхи и охотники господина Фридриха.

— Но, герръ Вурмъ, вскричалъ Миллеръ, когда управляющій перебралъ всѣхъ слугъ, въ числѣ ихъ я не вижу моихъ людей!

— Вашихъ людей! сказалъ Вурмъ съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчалъ Миллеръ: людей графа Сигизмунда.

— Людей графа Сигизмунда! произнесъ Вурмъ съ простодушіемъ: но, сударь, они всё тутъ на-лицо.

— Послушайте, сухо сказалъ Миллеръ: люди графа Сигизмунда принадлежатъ мнѣ; они должны и служить мнѣ. Вы обязаны смотрѣть за этимъ; вы будете отвѣчать передъ мною за всё неисправности.

Сказавъ это, Францъ ушелъ.

— Его люди! пробормотала Вурмъ, пожавъ плечами: и этому музыканту нужна прислуга! Графъ Сигизмундъ не требовалъ этого.

Не говоря ни слова объ этомъ странномъ происшествіи, Миллеръ взялъ подъ руку жену, и вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ они вели за руки, отправилися къ господамъ фонъ-Штольценфельсъ. Не безъ смущенія они вошли въ комнату. Старыя дѣвы сидѣли въ амбразурѣ окна. При видѣ Эдионъ и Миллера, онѣ немощно привстали, и тотчасъ же опять сѣли, указавъ на стулья болѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ вѣжливостію. Эдионъ ожидала встрѣтить веселыя лица; при взглядѣ на эти надмѣнныя физиономіи, она почувствовала дрожь по всему тѣлу. Она краснѣла, блѣднѣла, заикалась. Миллеръ, чувствуя, что на немъ лежала обязанность сказать привѣтствіе, кое-какъ принудилъ себя проговорить приготовленный комплиментъ.

— Сударыни, сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ: графъ Сигизмундъ, по своей невыразимой добротѣ, завѣщалъ мнѣ не одинъ замокъ, не одинъ свои владѣнія; къ своему истинно царскому дару, ему угодно было присоединить еще самую драгоценную для меня обязанность. Онъ завѣщалъ мнѣ устроить судьбу своихъ родственниковъ, своихъ добрыхъ, милыхъ родственникововъ, которыхъ вы служите лучшимъ украшеніемъ. Позвольте увѣрить васъ, сударыни, что я не сомѣю не достоинъ этой высокой довѣренности, и всѣми силами буду стараться оправдать ее. Я хочу, я требую, чтобы ничто не измѣнилось въ вашей жизни, чтобы вы проводили ее точно также, какъ и при покойномъ графѣ фонъ-Гильдесгеймѣ; жить съ вами, съ вашимъ благороднымъ племянникомъ, теперь единственный предметъ моихъ желаній.

При этихъ словахъ Гедвига и Ульрика быстро подняли головы.

— Зачѣмъ намъ измѣнять жизнь, какую мы вели до сихъ поръ?

сказала Ульрика. Графъ Сигизмундъ предоставилъ намъ, въ споемъ завѣщаніи, все, чѣмъ мы пользовались и при немъ. Мы болѣе ничего не требуемъ; мы имѣемъ свои права и останемся при нихъ.

— Что оставилъ намъ графъ Сигизмундъ, слишкомъ достаточно для насъ, прибавила Гедвига, съ мѣньшею надменностію: и мы знаемъ напередъ, что вы не захотите оспаривать у насъ этого.

— Помилуйте, я никогда не думалъ касаться вашихъ привилегій, я хотѣлъ утвердить ихъ и предложить вамъ, въ случаѣ нужды, новыя права, отвѣчалъ Миллеръ.

— Мы ведемъ самую простую жизнь, продолжала Гедвига, не поднимая глазъ: Богу извѣстно, что мы не искали подъ кровлею гильдесгеймскаго замка ни пышности, ни великолѣпія. Графъ Сигизмундъ отдалъ въ наше распоряженіе своихъ людей и карету.

— Какъ и прежде, сударыни, сказалъ Миллеръ со всюю вѣжливостію, вы будете имѣть въ вашемъ распоряженіи и карету и людей графа Сигизмунда.

— Мы ищемъ единенія, продолжала Гедвига: мы любимъ безмолвіе и спокойствіе. По добротѣ графа Сигизмунда, мы отдѣлили въ паркѣ живою изгородью маленькій уголокъ для себя, десятины двѣ или три, не болѣе. Признаюсь мы не безъ печали разстанемся съ этимъ клочкомъ земли, гдѣ мы проводимъ въ размышленіи каждый вечеръ.

— Для чего жъ вамъ разставаться? вскричалъ Миллеръ: я знаю свои обязанности, и съумѣю выполнить ихъ; я буду считать себя счастливымъ, если съумѣю въ чемъ нибудь-удолить вамъ. Самое горячее, самое пламенное наше желаніе, жить здѣсь, посреди васъ, составлять съ вами какъ бы одно семейство.

— Надѣюсь, сударыни, проговорила наконецъ Эдионъ, дрожащимъ голосомъ: что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи чаще видѣться съ вами. Я буду пользоваться, если вы позволите, вашими прекрасными совѣтами.

— Съ давнихъ поръ, сударыня, отвѣчала Ульрика: мы живемъ въ отчужденіи отъ міра, заботясь только о спасеніи души. Вы не найдете у насъ никакихъ развлеченій, необходимыхъ въ ваши годы, въ нашихъ же совѣтахъ, я увѣрена, вы не имѣете никакой нужды.

При этих словах, Эдион бросила на мужа улыбки взгляд; ей казалось, что полъ проваливается под ея ногами. Не теряя присутствия духа, Миллеръ старался завести разговоръ о прекрасной погодѣ, о величественномъ видѣ парка, объ охотѣ Фридриха, объ удивительномъ порядкѣ, введенномъ его тетусками въ управленіи такимъ огромнымъ имѣніемъ. Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, Ульрика вышивала въ тамбурѣ, Гедвига выдергивала нитки изъ матерій; обѣ, какъ будто, не замѣчали его присутствія. Миллеръ напрасно употреблялъ всѣ средства развязать ихъ языки, какъ вдругъ раздался страшный шумъ. Германъ, игравшій съ большимъ чернымъ котомъ, хотѣлъ насильно притащить его къ себѣ на колѣни. Котъ прыгнулъ, Германъ погнался за нимъ, и, споткнувшись, опрокинулъ поднось съ японскимъ фарфоромъ. Не возможно описать этой сцены гнѣва и замѣшательства, продолжавшейся нѣсколько минутъ. При дребезжаніи фарфора, разлетѣвшася на мелкіе куски, Гедвига и Ульрика вскочили съ мѣста, какъ пружинчатая куклы изъ своей коробочки. Германъ, въ испугѣ, бросился на колѣни къ своему отцу; маленькая Маргарита, дрожа отъ страха, уцѣпилась за платье Эдион. Не давая старымъ дѣвамъ времени выйти изъ оцѣпененія и разразиться бѣшенствомъ, Миллеръ взялъ жену и дѣтей и собрался идти.

— Къ счастью, сударыня, сказалъ онъ: эту бѣду можно еще поправить; надѣюсь, что, черезъ нѣсколько дней, вамъ не о чемъ будетъ жалѣть.

Послѣ этого, онъ раскланялся съ Ульрикой и Гедвигой, которыя уже повернулись къ нему спиною.

Только что они вышли въ паркъ, Эдион воскликнула съ видомъ негодованія:

— Ну, мой другъ, каковъ визитъ! каковъ пріемъ! Нѣтъ пытки, нѣтъ наказанія, которыя бы могли сравниться съ тѣмъ, что я чувствовала въ это время. Боже милосердый, какъ насъ приняли!

— Ахъ, послушай, Эдионъ, возразилъ Миллеръ, качая головою: это не простыя мѣщанки, какъ твои мюнхенскія подружки; подумай, вѣдь это Штольценфельсы. Ты сама привыкнешь къ этимъ величественнымъ пріемамъ, ты переймешь эти прекрасныя манеры. Какая благородная осанка! какой гордый взглядъ! Замѣтила ли ты, когда мы вошли, какимъ повелительнымъ жестомъ, онъ указали намъ стулья? Это цвѣтъ аристокраціи. Прав-

да, я сначала немножко смутился, но только что успѣлъ приглядѣться къ нимъ нѣсколько, какъ этотъ шалунъ Германъ уронилъ поднось.

— Какъ странно, сказала Эдионъ: что онѣ не умѣли обласкать этихъ милыхъ малютокъ, ни словомъ, ни улыбкой, ни взглядомъ! Я дурнаго мнѣнія о женщинахъ, которыя не любятъ дѣтей, и что ни говори, мой другъ, а я чувствую, что никогда не будетъ ничего общаго между вами и дѣвками Штольценфельсъ.

— Вотъ! вскричалъ Миллеръ: а для чего же Готтлибъ Кауфманъ такъ расхваливалъ ихъ? изъ какой выгоды? Бьюсь объ закладъ, что въ душѣ, это прекраснѣйшія женщины. Увидимъ, какъ приметъ насъ маіоръ Бильдманъ. Какъ ты видишь меня теперь, я всегда былъ привязанъ къ военнымъ людямъ, и увѣренъ впередъ, что этотъ старшій солдатъ повортится мнѣ. Можетъ быть, намъ придется по нѣсколько разъ выслушивать одинъ и тотъ же рассказъ о какомъ-нибудь сраженіи; но что нужно? Если у него доброе сердце, прямой и благородный характеръ, такъ я скоро съ нимъ сойдуся, какъ нельзя ближе. Посмотримъ маіора Бильдмана. Да у нихъ же есть дѣтя; значить, есть уже связь между нами.

Черезъ нѣсколько минутъ, Миллеръ и Эдионъ вошли въ комнаты, занимаемыя маіоромъ. Въ это время, у Бильдмановъ грозно бушевала одна изъ тѣхъ бурь, которыя, сказать правду, составляли единственное развлеченіе этой достойной четы, такъ расхваленной Кауфманомъ. Доротея была приглашена на праздникъ, который устраивался, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ одномъ изъ сосѣднихъ замковъ. Для такого торжественнаго дня нужно было сдѣлать новое платье. Туалетъ Доротеи крайне нуждался въ поновленіи; парадное ея платье уже пять лѣтъ служило удивленіемъ всей страны. Доротея понимала, что нельзя рѣшиться на такія важныя издержки безъ вѣдома мужа, и потому хотѣла открыто объявить о своемъ намѣреніи. Но при первыхъ словахъ, только что госпожа Бильдманъ заикнулась объ обновкѣ, маіоръ закричалъ во все горло:—Будте вы прокляты, всѣ женщины, да и съ вашими нарядами! сказалъ онъ такимъ голосомъ, который предвѣщалъ рѣшительный отказъ. Слава Богу, сударыня, вы знаете, кажется, какъ я живу въ эти десять лѣтъ; я терплю всѣ недостатки; отказываю себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, которыя еще такъ при-

лично моимъ лѣтамъ; правда сѣдые у меня волосы, да умъ свѣжъ, и сердце горячо.

— Стыдился бы вы, сударь, говорить мнѣ, сказала Доротея язвительно: что вы терпите недостатки, мнѣ, которую вы разорили своими безразсудными издержками, у которой промотали вы все приданое по трактирамъ, да по игорнымъ домамъ! Если бы графъ Сигизмундъ не пріютилъ насъ, гдѣ бы мы были теперь? Спали бы на соломѣ въ какой-нибудь развалившейся лачугѣ? И съ тѣхъ поръ, какъ мы нашли убѣжище въ гильдесгеймскомъ замкѣ, какъ вы ведете себя? На что вы употребляете наши маленькіе доходы, которые еще остались у насъ? Не тратите ли вы и остатковъ на можжевеловку, да на табакъ? А изъ-за одного платья, въ пять лѣтъ, вы поднимаете такую ссору! Это безсовѣстно!

Вдругъ дверь отворилась, вошли Миллеръ и Эднѣ, которые слышали конецъ разговора между двумя супругами. Маіоръ и Доротея замолчали. Еслябъ они и не имѣли противъ Миллера никакого неудовольствія, то, во всякомъ случаѣ, было бы достаточно этого посѣщенія не въ пору, чтобы возбудить ихъ гнѣвъ. Они забыли въ эту минуту свою взаимную вражду, чтобъ вымѣстить на Миллерѣ всю свою досаду. Съ своей стороны, Миллеръ и Эднѣ, невольные свидѣтели домашней ссоры, чрезвычайно смѣшались и не знали, что начать. Въ смущеніи и отъ простоты сердца, Миллеръ имѣлъ неловкость извиниться.

— Можетъ быть, мы обезпекчили васъ, господинъ маіоръ? сказалъ онъ робко.

— Коимъ чортомъ вы обезпекчите меня? грубо отвѣчалъ маіоръ. Вы Францъ Миллеръ, музыкантъ изъ Мюнхена, изъ Оружейной улицы, № 9; вы рѣшились вступить во владѣніе замкомъ. Очень пріятно видѣть васъ. Прошу садиться.

Между тѣмъ, какъ Миллеръ отвѣчалъ на этотъ безцеремонный пріемъ вѣжливымъ привѣтствіемъ, въ которомъ обращался и къ маіору и къ его супругѣ, Бильманъ и Доротея осматривали Эднѣ съ головы до ногъ. Молодая женщина и блѣднѣла и краснѣла, подъ перекрестнымъ огнемъ этихъ взглядовъ; то она хотѣла принять на себя важный видъ, то думала угодить хозяйкамъ и старалась привлечь къ себѣ маленькаго Исаака. Но уродецъ сдѣлалъ отвратительную гримасу и, насушивъ брови, отошелъ прочь.

— Да, господинъ Миллеръ, вскричалъ маіоръ: все это чуд-

но какъ сонъ. Графъ Сигизмундъ, нашъ достойный родственникъ, страстно любилъ музыку. Говорятъ, что вы имѣли счастье играть передъ нимъ одну пѣсню, которую онъ слышалъ когда-то, и потомъ напрасно искалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Эта маленькая пѣсенка попала не на глухого.

Миллеръ просто разсказалъ о посѣщеніи графа Сигизмунда въ Мюнхенѣ. Въ продолженіе этого разсказа, Бильманъ обвинялся самыми безстыдными взглядами. Маіоръ крутилъ свои усы и насмѣшливо улыбался при каждомъ словѣ Франца.

— Вашъ разсказъ, господинъ Миллеръ, вскричалъ онъ: чрезвычайно забавенъ.

— Конечно, прибавила Доротея: если это вы, сударыня, пѣли, когда былъ у васъ графъ Сигизмундъ, такъ и удивляться нечему, что вы получили такое богатое наслѣдство.

Францъ, не понимая тайнаго смысла этихъ словъ, поклонился, въ знакъ благодарности; Эднѣ сама покраснѣла отъ удовольствія, не столько по тщеславію, сколько по признательности: она приняла эти слова за свидѣтельство благосклонности къ ней госпожи Бильманъ. Миллеру были очень пріятны похвалы, относившіяся къ его женѣ, и онъ не хотѣлъ остаться неблагодарнымъ.

— Вамъ извѣстно, сказалъ онъ маіору: что прибытіе мое въ замокъ не должно ничего измѣнить въ вашей жизни. Я не имѣю нужды увѣрять васъ, что я всегда и во всякомъ случаѣ готовъ свято исполнять послѣднюю волю графа Сигизмунда. Всѣ выгоды, всѣ удовольствія, которыми вы пользовались здѣсь, при жизни графа останутся при васъ, и я не хочу касаться этого.

— И мы, господинъ Миллеръ, не будемъ также безразсудны. Вамъ нечего будетъ опасаться съ нашей стороны какого-нибудь необдуманнаго требованія. Я люблю охоту; охота, вы знаете, тоже родъ войны; и потому, легко понять страсть стараго солдата къ этой забавѣ. Графъ Сигизмундъ позволялъ мнѣ иногда застрѣлить нѣсколько зайцовъ, нѣсколько кроликовъ, надѣюсь, что и вы не откажете мнѣ въ этомъ удовольствіи.

Миллеръ только жестомъ показавъ свое согласіе, Маіоръ продолжалъ:

— Жена моя любитъ цвѣты; единственное наше удовольствіе прогуливаться по вечерамъ въ уединенныхъ аллеяхъ, сидѣть на дерновой скамьѣ и смотрѣть на свое дитя, какъ оно катается

у наших ногъ; благодаря добротѣ графа Сигизмунда, я отдѣляю живою изгородью маленькій уголокъ въ паркѣ, гдѣ разбилъ нѣсколько цвѣтниковъ и посадилъ ихъ цвѣтами, которые такъ нравятся Доротей. Для меня охота, для Доротеи цвѣты, да лужокъ для нашего милаго Исаака, гдѣ онъ могъ бы играть безопасно, мнѣ больше ничего не надо. Полагаю, господинъ Миллеръ, что въ этомъ отношеніи вы будете также великодушны, какъ и графъ Сигизмундъ.

— Надѣюсь, господинъ маіоръ, отвѣчалъ Миллеръ: что вы не будете такъ несправедливы, чтобъ усомниться въ этомъ хоть на одну минуту.

Окончивъ эти слова, Миллеръ всталъ.

— Мы часто будемъ видѣться съ вами, сказала Эдионъ Доротей. Мы посѣтимъ вмѣстѣ окрестности Гильдесгейма; вы покажете мнѣ бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, несчастныхъ, требующихъ утѣшенія; вы поможете мнѣ дѣлать добро.

— Мы иногда будемъ встрѣчаться съ вами въ паркѣ, отвѣчала Доротей. Я не общаю часто посѣщать васъ, потому что живу теперь въ совершенномъ уединеніи. Заботы по хозяйству, воспитаніе сына, поглощаютъ у меня все время. Но бѣдныхъ вамъ не нужно будетъ отыскивать, они сами придутъ къ вамъ.

— Самое горячее, самое пламенное наше желаніе, при прощаньи произнесъ Миллеръ, слово въ слово повторяя комплиментъ, сказанный имъ старымъ дѣвамъ: жить здѣсь, посреди васъ, и составлять съ вами какъ бы одно семейство.

— Очень благодаренъ, господинъ Миллеръ; очень пріятно будетъ познакомиться съ вами! сказалъ маіоръ, затворяя дверь.

Только что спустились съ дѣвнцы, Эдионъ начала:

— Ну что, какъ ты ихъ находишь?

— Прелесть! отвѣчалъ Миллеръ. Конечно, Бильдманы не имѣютъ той важности, какъ дѣвнцы Штольценфельсъ, но, мнѣ кажется, они прекраснѣйшіе люди. Мнѣ чрезвычайно понравился свободный разговоръ, открытый видъ маіора.

— Замѣтилъ ли ты, прибавила Эдионъ: какъ они осматривали меня кругомъ? Что имъ хотѣлось видѣть во мнѣ?

— Это очень просто понять, отвѣчалъ Миллеръ: они видѣли, что ты такая хорошенькая; тутъ не на что тебѣ сердиться.

— А ты слышала, продолжала Эдионъ: что они говорили, когда вы вошли? Слышала грубый голосъ маіора и укоризны его жены? Они ссорились.

— Эхъ, важная вещь ссора! возразилъ Францъ. Въ семейномъ быту не безъ ссоры; вѣдь нельзя думать, что всѣ люди живутъ, какъ мы съ тобою.

— А маленькой Исаакъ? какой онъ гадкій, какое у него злое лицо!

— Правда, съ удовольствіемъ замѣтилъ Миллеръ: онъ не такъ красивъ, какъ Германъ и Маргарита; но не всѣ дѣти походятъ на двухъ херувимчиковъ, которыхъ ты мнѣ подарила.

— Приласкала ли ихъ госпожа Бильдманъ хоть разъ?

— Госпожа Бильдманъ не могла не сравнить своего сына съ нашимъ, и, конечно, въ ней страдало чувство материнской гордости; ты не должна этого дѣлать, тебѣ надо быть великодушною.

— Мнѣ кажется, мой другъ, прибавила Эдионъ, что изъ всѣхъ жильцовъ замка, только одинъ графъ Сигизмундъ меблировалъ свои комнаты по-восточному. Вѣрно, графъ путешествовалъ по Турціи.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Миллеръ.

— Развѣ ты не замѣтилъ, отвѣчала Эдионъ: богатаго убранства комнатъ у Штольценфельсъ и у Бильдмановъ? Какая роскошь! какое великолѣпіе! У насъ, по крайней мѣрѣ, Германъ можетъ безопасно играть; ему нечего остерегаться, чтобъ не опрокинуть и не разбить японскаго фарфора.

— Эхъ! вскричалъ Миллеръ съ досадою: теперь ты завидуешь чайнымъ чашкамъ да мебели своихъ сосѣдей; ты никогда не довольна. Боже мой! будетъ у тебя и мебель, будетъ и фарфоръ, и японскій и саксонскій и севрскій! О чемъ ты беспокоишься? Когда есть земля, замокъ и срокъ тысячъ флориновъ дохода, о вреслахъ да о фарфорѣ плакать нечего.

Когда Эдионъ и Миллеръ воротились домой, маіоръ съ Доротей побѣжали къ дѣвнцамъ Штольценфельсъ. Послѣ прочтенія завѣщанія у нотаріуса, обѣ враждебныя партіи сблизились и рѣшились вмѣстѣ переносить свою досаду.

— Ну! вскричалъ маіоръ, остановившись передъ старыми дѣвами, и скрестивъ на груди руки, видѣли вы ихъ? Что вы теперь думаете о нашихъ догадкахъ? Правъ я? Обманывалась Доротей? Вы все еще думаете, что гильдесгеймскія владѣнія похитила у насъ скрипка?

— Можете теперь знать, прибавила Доротей: зачѣмъ графъ

Сигизмундъ безпрестанно рыскалъ по этимъ краямъ. Тайна его отлучекъ открылась; вы узнали сирену, обольстившую его?

— А маленькая Маргарита, вскричалъ маіоръ: вы всмотрѣлись въ нее? Носъ, ротъ, глаза у нея, точно какъ у Сигизмунда; не правда ли? она вылитый его портретъ. Напрасно недостойный нашъ родственникъ хотѣлъ скрыть безпорядки своей молодости; природа постаралась обнаружить его тайну.

— Ахъ, сестра, какой стыдъ! вскричала Гедвига, сложивъ руки.

— Какой срамъ, сестра! сказала Ульрика, опустивъ голову.

— А мы, продолжала Гедвига: согласились поселиться у него, мы считали его за образецъ всѣхъ добродѣтелей!

— Какъ и я же, подхватила Доротея. Еслибъ я знала, еслибъ я могла предвидѣть только гнусную истину, могу васъ увѣрить, сударыня, прибавила она краснѣя, я бы съ негодованіемъ отвергла гостепріимство, которое онъ предлагалъ мнѣ.

— Да, произнесъ маіоръ: онъ довольно морочилъ насъ своими путешествіями, своею тирольскою пѣсенкою и маскою отчаяннаго любовника. Впрочемъ, я никогда не довѣрялъ ему; его скрытный видъ, двусмысленное и непонятное поведеніе не могли согласоваться съ откровенностію, строгостію и прямою стараго солдата. Онъ насъ обманываетъ, говорилъ я часто Доротеѣ: онъ не стѣнитъ того, что мы для него дѣлаемъ; онъ сыграть съ нами какую-нибудь гадкую штуку. Не правъ ли я? Какимъ образомъ, я васъ спрошу, исполнялъ онъ, въ отношеніи къ намъ, обязанности гостепріимства. Почти никогда не жилъ дома, а когда и пріѣзжалъ, то, какъ будто и не замѣчалъ, что у него живутъ дѣвцы фонъ-Штольценфельсъ и маіоръ Бильмантъ съ женою.

— Онъ не только былъ самый безправственный человѣкъ, да и дурной родственникъ, прибавила сухо Доротея.

— Знаете ли вы, вскричала Ульрика: знаете ли, что мы жертвы гнуснаго обмана? Если мы отвергнемъ завѣщаніе, судъ подтвердитъ наши права.

— Это моя первая мысль, мое первое восклицаніе, отвѣчалъ маіоръ: но чтобы уничтожить завѣщаніе, нужно будетъ нагло поступить съ Фридрихомъ. Фридрихъ упрямъ, я знаю его, и ни за что въ свѣтѣ не соглашусь ссориться съ членомъ своей фамили.

— Господинъ Бильмантъ, подхватила Гедвига: вы говорите и дѣйствуете, какъ мудрецъ.

— Я знаю, какъ надо вести себя съ родственниками, отвѣчалъ маіоръ; какъ бы ни былъ бѣшенъ мой характеръ, я лучше, молча, буду страдать, чѣмъ рѣшусь подвергать опасности жизни вашего племянника, котораго вы обожаете.

— Я думаю, господинъ Бильмантъ, серьезно спросила Гедвига, что вы не согласитесь остаться подъ одною крышею съ этими низкими бродягами?

— Рѣшительно нѣтъ, отвѣчалъ маіоръ съ достоинствомъ, и вы, я готовъ поклясться, не захотите долго искать убѣжища въ замкѣ, который долженъ бы былъ принадлежать вамъ.

— Конечно, вѣтъ, вскричали въ одинъ голосъ Гедвига и Ульрика: мы слишкомъ горды и никогда не допустимъ себя до подобнаго униженія.

— Вы уѣдете?

— Вы также?

— Это такъ и слѣдуетъ.

— Безъ сомнѣнія.

Послѣ этого, Бильманы и Штольценфельсы разстались, рѣшившись однако не оставлять мѣста, а посмотрѣть, что будетъ.

V

Францъ Миллеръ Шпиגעлю.

«Три недѣли, какъ я поселился въ гильдесгеймскомъ замкѣ, и не нашелъ времени писать къ тебѣ. Я не буду извиняться въ своемъ молчаніи: знаю, что ты простишь меня и безъ того. Я такъ занятъ каждый день, что, не смотря на живѣйшее мое желаніе побесѣдовать съ тобою, я долженъ! былъ откладывать свою переписку съ моимъ лучшимъ, съ моимъ вѣрнымъ другомъ. Жестокій другъ, для чего ты принудилъ меня писать къ тебѣ? Твое отсутствіе дурная сторона моего счастья; это печаль, скрытая во всякой человѣческой радости; это горькая капля, пущенная на дно заздравныхъ дружескихъ чашъ. Я думаю, что ты съ нетерпѣніемъ желаешь знать всѣ подробности моей новой жизни, вотъ онъ: Первою моею заботою было, какъ мо-
К. I. — Отд. IV.

жешь самъ догадаться, сдѣлать визитъ дѣвицамъ фонъ-Штольценфельсъ и маіору Вильдману. Это былъ нашъ долгъ, и на другой же день послѣ нашего пріѣзда, мы въ точности исполнили его. Пріемъ, сдѣланный намъ у дѣвицъ Штольценфельсъ, былъ немножко холоденъ, я не скрываю. Впрочемъ, я не удивляюсь этому и не досадою. Не смотря на безкорыстіе, которое онѣ старались доказать на каждомъ шагу при жизни графа, очень естественно, что имъ непріятно, когда замокъ ихъ родственника перешелъ въ чужія руки. Представь себя, на минуту, на моемъ мѣстѣ, и ты легко объяснишь ихъ положеніе въ отношеніи къ намъ. Эднѣ никакъ не хочетъ этого понять; сдѣлай милость, пожри се за это. Впрочемъ, при первомъ нашемъ свиданіи, онѣ были чрезвычайно вѣжливы, и я увѣренъ, что грація и доброта моей милой Эднѣ скоро побѣдятъ ихъ холодность. Знай, мой бѣдный Шпигель, что ты никогда ничего не выдалъ пожога на дѣвицъ фонъ-Штольценфельсъ. Ты не можешь составить себѣ понятія объ ихъ величественной осанкѣ, которая такъ естественна у нихъ и безъ всякихъ натяжекъ. Изъ одного ихъ пріѣзствія можно узнать высокое ихъ происхожденіе. Чтѣмъ ни говори, а есть въ этихъ людяхъ что-то такое, чего никогда намъ не удастся имѣть. Словомъ, этотъ визитъ оставилъ въ насъ самыя лестныя воспоминанія, кромѣ одной маленькой непріятности, которой Германъ былъ невольною причиною, и о которой расскажемъ тебѣ Эднѣ.

«Пріемъ маіора Вильдмана имѣлъ совершенно другой характеръ. Маіоръ, ты знаешь, старый солдатъ, посѣдѣвшій въ лагеряхъ и на поляхъ битвъ, человекъ почтенный, храбрый, откровенный и прямой. Къ его мужественному лицу и сдѣлымъ усамъ очень идетъ иногда и грубая шутка. Не возможно представить болѣе открытой фizioноміи, болѣе привлекательной наружности. Госпожа Вильдманъ не имѣетъ ни величественной осанки, ни аристократической гордости дѣвицъ фонъ-Штольценфельсъ, но все-таки держитъ себя прекрасно; я увѣренъ, что жена моя найдетъ въ ней добрую и милую подругу. Чтѣмъ касается до маіора, то я готовъ поклониться, что мы уже старые друзья. Красота, грація и скромность нашей Эднѣ произвели на этихъ двухъ супруговъ сильное впечатлѣніе, котораго они не хотѣли и скрывать, чему ты, конечно, не удивишься; они постоянно смотрѣли на нее съ чувствомъ простодушнаго

удивленія, которое, можешь представить, составляло мою радость, мою гордость. Сынъ ихъ, маленькій Исаакъ, съ перваго раза, кажется немножко застѣчивымъ; но это легко объяснить удивленіемъ, въ которомъ онъ выросъ. Черезъ нѣсколько времени, это будетъ веселый товарищъ Герману и Маргаритѣ. Словомъ, любезный мой другъ, я надѣюсь, что Готтлибъ Кауфманъ не обманулъ насъ: мы будемъ вести въ гильдесгеймскомъ замкѣ настоящую патриархальную жизнь. До сихъ поръ, ни Штольценфельсы, ни Вильдманы еще не были у насъ: въ этомъ-то, по моему мнѣнію, болѣе всего и высказывается тонкій вкусъ высшаго общества. Еслибы были на ихъ мѣстѣ, какіе-нибудь мѣщане, тѣ сей часъ бы успѣли сунуться съ своимъ носомъ въ наши дѣла. Вильдманы и Штольценфельсы остерегаются докучать намъ, беспокоить насъ, потому-что очень хорошо понимаютъ, сколько бываетъ хлопотъ, неизбѣжныхъ при черемѣи жильца; я очень благодаренъ имъ за то. Но Эднѣ и въ этомъ также не хочетъ увѣриться; пожалуйста, не забудь, въ первомъ же своемъ письмѣ, дать ей маленькое наставленіе.

«До сихъ поръ не могу тебѣ ничего сказать о молодомъ Фридрихѣ фонъ-Штольценфельсѣ. Припомни, что графъ Сигизмундъ, въ завѣщаніи своемъ, предоставилъ этому молодому человеку полную свободу распоряжаться его собаками, лошадьми и охотниками, съ правомъ охотиться въ его владѣніяхъ. Поди-вись, мой любезный Шпигель, скромности и деликатности всѣхъ членовъ этой фамиліи! Полкѣ Фридриха стоитъ гарнизономъ въ сосѣднемъ городѣ; одна минута, и Фридрихъ былъ бы въ Гильдесгеймѣ. Конюшни мои полны лошадьми, псарни собаками, лѣса дичью. А Фридрихъ еще и не показывался здѣсь; онъ ни разу, съ моего пріѣзда, не пользовался правами, предоставленными ему завѣщаніемъ покойнаго графа. Для кавалерійскаго офицера такая скромность выше всѣхъ похвалъ. Ты увидишь, что я долженъ буду пригласить господина фонъ-Штольценфельса охотиться на моихъ земляхъ!

«Гильдесгеймскій замокъ, расположенный на скатѣ холма, относится къ послѣднимъ годамъ XIV-го столѣтія; стиль его чисто готическій, во всемъ своемъ изяществѣ, въ полномъ своемъ развитіи. Ты, питающій къ искусству среднихъ вѣковъ такое благоговѣнное, такое пламенное почтеніе, ты будешь счастливъ среди этихъ обширныхъ залъ; время твое полетитъ незамѣтно предъ этими старинными стѣнами, обвитыми плещемъ.

Комнаты могли бы быть расположены удобнѣе, все зданіе имѣетъ нужду въ нѣкоторыхъ поправкахъ; но съ моимъ доходомъ я усѣю все переделать. Кто бы намъ сказалъ это, Шпигель, когда мы путешествовали пѣшкомъ, съ палкою въ рукахъ, съ котомкою за плечами? Кто бы намъ сказалъ, что будетъ время, когда я стану хлопотать о переделкахъ своего замка? Ахъ! кто бы особенно намъ могъ сказать, что у меня будетъ замокъ, а ты не захочешь жить въ немъ? Бываютъ минуты, когда мы о томъ только и думаемъ, чтобы ты былъ съ нами; и ты, вѣрно, пріѣдешь, мой другъ: на другой годъ, ты не откажешься дополнить наше счастье. Страна, въ которой мы живемъ, одна изъ самыхъ живописныхъ, самыхъ прекрасныхъ, самыхъ роскошныхъ подлѣ солнцемъ: каждый день, мы открываемъ какой-нибудь новый эдемъ, какой-нибудь новый волшебный уголокъ. Вчера, напримѣръ, не выходя изъ своихъ владѣній, я открылъ самое очаровательное убѣжище, какое могло представиться воображенію Геснера: узкая, глубокая, таинственная долина, орошаемая красивою рѣчкою, тихо несущою свои струи подлѣ навѣсомъ ольхъ и осинъ. Чуть замѣтныя тропинки, извиваясь по склону горы, ведутъ въ эту долину; все въ ней дико, безмолвно, чудесно! Я часто буду ходить туда съ женою и дѣтьми. Ты знаешь, какъ я до страсти всегда любилъ ловить рыбу, особенно раковъ: нигдѣ, кажется, нѣтъ удобнѣе мѣста, для удовлетворенія этой невинной забавы, какъ здѣсь.

«Не подумай, мой другъ, что я отказываюсь отъ искусства, которое занимало до сихъ поръ первое мѣсто въ моемъ счастьи, отъ славы, которой я жаждаль. Я не забылъ обязанности, возложенной на меня графомъ Сигизмундомъ: завѣщая мнѣ свои владѣнія, онъ хотѣлъ открыть мнѣ дорогу къ славѣ. Выраженіе послѣдней его воли, высказанное съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ къ трудолюбивому артисту, къ неизвѣстному таланту, къ гевію, связанному горькими нуждами жизни, всегда хранится въ моей памяти. Ты можешь быть увѣренъ, что я не буду не благодаренъ, вѣрно и до конца исполню порученіе, данное мнѣ моимъ благодѣтелемъ, порученіе тѣмъ болѣе пріятное, что признательность поведетъ меня прямо къ знаменитости. Есть артисты, которые достигаютъ богатства чрезъ славу; я, благодаря великодушію графа фонъ-Гильдесгейма, достигну славы чрезъ богатство. Сегодня же я примусь за работу. Вдохновеніе осаждаетъ меня, мелодіи тѣснятъ мою грудь; я какъ статуя

Мемнона, пораженная первыми лучами солнца. Послушай меня, брось въ огонь, безъ сожалѣнія, партіцію, которую ты хотѣлъ сберечь; эта симфонія не заслуживаетъ чести быть спасенною отъ пламени, какъ поэма Виргилія.

«А ты, любезный другъ, дорогой товарищъ моихъ юныхъ лѣтъ, что подѣлываешь? Въ чемъ проходятъ твои вечера, съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобою? Этотъ домикъ, который прежде былъ такъ малъ, не кажется ли тебѣ теперь слишкомъ великимъ? Посѣщаешь ли иногда наши опустѣвшія комнаты? Садился ли ты на тотъ, не много жесткій, полуистертый диванъ, на которомъ мы часто сидѣли другъ возлѣ друга? Ахъ, Шпигель, сколько прекрасныхъ часовъ мы провели тамъ, въ обществѣ Эдион и дѣтей!»

Францъ кончилъ письмо и послалъ на почту въ ближній городъ. Эдион и дѣтей не было дома. Мертвая тишина царствовала въ замкѣ и въ окрестностяхъ. Миллеръ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи. Вдохновеніе представляло ему безконечное разнообразіе музыкальныхъ сочетаній. Онъ открылъ клавикорды, и готовъ уже былъ предаться на жертву пламени творчества, какъ вдругъ Вурмъ постучался въ дверь святища.

— Кто тамъ? спросилъ Францъ, отворяя дверь. Чтò нужно отъ меня? Развѣ я не сказалъ нынѣшнимъ утромъ, что хочъ быть одинъ? Кто бы ни былъ, я не принимаю сегодня, слышите, господина Вурмъ? Кто бы ни былъ!

— Я не забылъ, отвѣчалъ Вурмъ почтительно: вашихъ приказаній, данныхъ мнѣ сегодня утромъ; но дѣло идетъ объ очень важномъ для васъ предметѣ, и я не думаю, чтобы вы отъ казали господину Вольфгангу Штурму.

— Кто это Вольфгангъ Штурмъ? спросилъ Миллеръ съ нетерпѣніемъ.

— Вольфгангъ Штурмъ, милостивый государь, отвѣчалъ Вурмъ важнымъ тономъ: уже тридцать лѣтъ служить страпчимъ фамиліи Гильдесгеймовъ. Отецъ покойнаго графа Сигизмунда удостоивалъ его полною своею довѣренностію, и графъ Сигизмундъ такъ же поручалъ ему всѣ хлопоты о защитѣ своихъ правъ и выгоды.

— Ну, грубо возразилъ Миллеръ: о чемъ же онъ пришелъ говорить со мною? о какомъ дѣлѣ онъ хочетъ толковать? Благодаря Бога, я не имѣю никакихъ процессовъ.

— Вот уже третій разъ, сударь, съ вашего прїѣзда, Вольгангъ Штурмъ является въ гильдесгеймскій замокъ. А о чемъ онъ съ вами хочетъ переговорить, я рѣшительно не знаю; безъ сомнѣнія, о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ. Прикажете вести? или отказать?

Если третій разъ приходитъ, я не могу его не принять, сказалъ Миллеръ; введите.

Съ досадою онъ бросилъ на клавиорды едва начатую сонату. Черезъ нѣсколько минутъ, управляющій ввелъ Вольганга Штурма. Это былъ высокій, сухощавый мужчина, лѣтъ около шестидесяти; его властный лобъ, маленькіе сѣрые, впады глаза, лисій профиль, ясно выражали лукавство и геній крютковтвора. Онъ принесъ въ своихъ рукахъ огромную связку бумагъ, которую положилъ на столъ, поклонившись напередъ до земли новому владѣтелю замка. Миллеръ сдѣлалъ неловкій поклонъ и предложилъ ему стулъ возлѣ себя.

— Милостивый государь, сказалъ Штурмъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій: вы законный наслѣдникъ графа Сигизмунда; вступивъ во всѣ его права, вы приняли на себя и всѣ его обязанности.

— Говорите, въ чемъ дѣло?

— Боже мой! отвѣчалъ Штурмъ, и все то тутъ хлопотъ не стѣбитъ. Дѣло идетъ о клочкѣ земли, съ полдесятины, который принадлежитъ къ гильдесгеймскому имѣнію, но находится въ границахъ двухъ сосѣднихъ владѣній.

— Не можете ли вы, возразилъ Миллеръ, обратиться съ этимъ къ моему управляющему?

— Между нами сказать, милостивый государь, отвѣчалъ Штурмъ; вашъ управляющій не въ состояніи болѣе понимать меня. Съ давнихъ уже поръ онъ не входитъ ни въ какія разбирательства относительно интересовъ фамиліи Гильдесгеймовъ. Онъ и никогда не отличался свѣтлымъ умомъ, а годы и тотъ помрачали.

— Значитъ, мнѣ приходится, сказалъ Миллеръ, тяжело вздохнувъ: выслушать васъ? Какой же предметъ тяжбы?

— Я вамъ сказалъ, милостивый государь, продолжалъ стряпчій: что дѣло идетъ о клочкѣ земли, который принадлежитъ вамъ, но на который два вашихъ сосѣда объявляютъ свои притязанія.

— Только-то? вскричалъ Миллеръ съ радостію, это дѣло очень

простое, которое можетъ рѣшиться въ одинъ вечеръ. Я приглашу на ужинъ двухъ своихъ соперниковъ; попрошу ихъ принести съ собою документы, и представлю имъ свои, разсмотримъ все, какъ слѣдуетъ, и за десертомъ мы уладимъ все подружески.

Вольгангъ Штурмъ улыбнулся при этихъ простодушныхъ словахъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ: подобныя чувства дѣлаютъ вамъ честь; если бъ каждый думалъ, какъ вы, что стало бы съ нашей братьей? Слава Богу, подобныя чувства рѣдки; иначе скоро бы надо было распустить всѣхъ чиновниковъ, какъ бесполезное тогда войско. Слава и благодареніе! тяжбы не кончаются въ одинъ вечеръ, за рюмкой вина.

— Послушайте, господинъ Штурмъ, сказалъ Миллеръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. До сихъ поръ я жилъ въ мирѣ со всѣми. Я слышалъ иногда разговоры о процессахъ, но не имѣлъ ихъ никогда. Если дѣло идетъ, какъ вы говорите, о ничтожномъ клочкѣ земли, стѣбитъ ли тягаться? Для чего нарушать покой изъ за какой-нибудь пустой выгоды? Я уполномочиваю васъ съ нынѣшняго же дня откататься отъ иска мнѣ именемъ. Я отказываюсь отъ всѣхъ притязаній, какія были объявлены фамиліею Гильдесгеймовъ. Владѣнія, оставленныя мнѣ графомъ Сигизмундомъ, такъ прекрасны, обширны и богаты, что я безъ всякаго сожалѣнія отказываюсь отъ полдесятины земли. Вы понимаете меня, господинъ Штурмъ; значитъ, дѣло рѣшено. А если, для окончанія спора, вамъ нужна будетъ формальная довѣренность, приготовьте ее и принесите завтра, я подпишу, и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ я хотѣлъ бы исполнить ваши желанія, господинъ Миллеръ, отвѣчалъ стряпчій: вы достойны жить въ золотомъ вѣкѣ, но мы живемъ въ желѣзномъ, а вы знаете пословицу: съ волками жить, по-волчьи и быть. Если бы ваши сосѣди походили на васъ, мы не имѣли бы нужды продолжать тяжбу; къ счастью, у нихъ совсѣмъ другія чувства.

— Но, помилуйте, вскричалъ Миллеръ, выходя изъ себя: если я не хочу тягаться, кто можетъ меня принудить?

— Я согласенъ, возразилъ Штурмъ: предметъ тяжбы самый пустой; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о чести; ее-то мы и стараемся поддержать.

— Я не понимаю, господинъ Штурмъ, какимъ образомъ вопросъ о чести можетъ быть связанъ съ подобнымъ дѣломъ?

— Я вамъ разскажу, господинъ Миллеръ. Дѣло по этой тяжбѣ началось еще въ 1760 году. Зѣмокъ гильдесгеймскій принадлежалъ въ то время дѣду графа Сигизмунда. Дѣдъ графа, послѣдняго изъ гильдесгеймовъ, къ несчастію, поручилъ ходатайство по своимъ дѣламъ человѣку несвѣдущему. Стряпчій только запугалъ дѣло, такъ, что когда отецъ графа Сигизмунда наследовалъ гильдесгеймскій зѣмокъ, въ фамильныхъ своихъ бумагахъ онъ нашелъ процессъ въ самомъ дурномъ положеніи. Все-таки ему можно было бы поправить дѣло и выиграть процессъ; но для этого мало было одной доброй воли, нужны были ревность, порядокъ, дѣятельность, а онъ уже слишкомъ поздно вздумалъ обратиться ко мнѣ. Что касается до графа Сигизмунда, вы знали его; это былъ превосходный человѣкъ, но къ процессу онъ имѣлъ почти такое же отвращеніе, какъ и вы. Я только успѣлъ убѣдить его, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, не отказывался отъ фамильныхъ правъ. А вы, милостивый государь, вы, законный его преемникъ, будете имѣть слабость отказаться отъ правъ, поддерживаемыхъ тремя поколѣніями, которыми вы наследуете? Подобную слабость не могутъ ли назвать трусостію? Предметъ тяжбы ничтоженъ самъ по себѣ, но онъ приобретаетъ чрезвычайную важность по взаимному отношенію партій. Три противника, находящіеся теперь на лицо, обязаны поддерживать притязаніе своихъ предшественниковъ, чтобъ не запятнать своего герба.

— О какомъ гербѣ вы говорите? съ живостію спросилъ Миллеръ: моя фамилія не имѣетъ герба.

— Развѣ вы за ничто считаете, возразилъ стряпчій: гербъ графа Сигизмунда, до сихъ поръ оставшіяся безъ малѣйшаго пятна, гербъ благороднѣйшаго человѣка, который завѣщалъ вамъ свое имѣніе? Не лежитъ ли на васъ священный долгъ уваженія къ его памяти? А отказавшись отъ процесса, не обвиняете ли вы нѣкоторымъ образомъ его и не окажетесь ли неблагодарнымъ передъ нимъ?

— Признаюсь, сказалъ Миллеръ, нѣсколько смутившись: до сихъ поръ я не такъ понималъ долгъ признательности. Сердце мое полно уваженія, благодарности, почтенія, къ памяти графа Сигизмунда; это былъ лучшій изъ людей, и, если онъ слышитъ насъ, я увѣренъ, что онъ одобритъ мой намѣреніе. Онъ

любилъ миръ, онъ считалъ его выше всего; также какъ и онъ, господинъ Штурмъ, я не терплю никакихъ ссоръ. Я повторяю вамъ, если для окончанія этого несчастнаго процесса, нужно только отказаться отъ предмета тяжбы, то я отказываюсь съ величайшимъ удовольствіемъ, и нисколько не думаю оскорбить этимъ память графа Сигизмунда.

— Такимъ образомъ, милостивый государь, возразилъ стряпчій еще съ бѣльшимъ изумленіемъ: вы однимъ словомъ хотѣте запятнать память трехъ поколѣній! Изъ любви къ миру и своему спокойствію, вы хотѣте объявить, передъ цѣлымъ здѣшнимъ краемъ, что дѣдъ и отецъ графа Сигизмунда, и самъ графъ Сигизмундъ не имѣли ни здраваго смысла, ни принципиальности, ни добросовѣстности, ни справедливости! Изъ любви къ миру, вы не опасаетесь, вы не стыдитесь обезчестить ихъ?

При этихъ словахъ, Миллеръ привскочилъ на стулѣ, какъ будто его ужалила оса.

— Какъ! вскричалъ онъ: я безчещу три поколѣнія, уступая своимъ противникамъ полдесятины землі! Отказываюсь отъ процесса, я обвиняю три поколѣнія въ глупости и низости! Если справедливость вашей тяжбы,—потому-что, слава Богу! я не хочу считать ее своею,—если законность вашихъ правъ, такъ очевидно, если дѣйствительность вашихъ документовъ такъ несомнѣнна, почему же въ продолженіе шестидесяти лѣтъ судъ не рѣшилъ этого дѣла въ пользу фамиліи Гильдесгеймовъ?

— Правосудіе, отвѣчалъ Штурмъ: по прекрасному выраженію одного лирическаго поэта, идетъ медленными шагами; эта великая мысль должна быть начертана золотыми буквами во всѣхъ залахъ, гдѣ разсуждаютъ объ интересахъ, которые мы призваны защищать.

— Я не знаю, возразилъ Миллеръ, который рѣшительно потерпѣлъ терпѣніе: что сказалъ лирической поэтъ, да не хочу и знать; знаю лишь то, что я отказываюсь отъ этого смѣшнаго процесса. Думайте обо мнѣ, какъ хотите, обвиняйте меня въ неблагодарности, считайте безразсуднымъ, глупцомъ; я хочу жить въ покоѣ, и не буду сутяжничать.

— Я не понимаю, господинъ Миллеръ, что вы находите смѣшнаго въ процессѣ, о которомъ я разсуждалъ съ вами. Этотъ процессъ казался важнымъ графу Сигизмунду, отцу его и дѣду, и всѣ здравомыслящіе люди судили объ немъ также.

— Я согласенъ, господинъ Штурмъ, что вы увѣрены въ за-

конности правъ, которые вы убъждаете меня поддерживать; но, принадлежитъ ли мнѣ этотъ клочекъ земли, первоначальный предметъ тяжбы, или не принадлежитъ, дѣло вотъ въ чемъ: если онъ не принадлежитъ мнѣ, отказываясь, я только возвращаю его, а если принадлежитъ мнѣ, я имѣю неоспоримое право отдать его противникамъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ стряпчій: вы можете сдѣлать это; но такое великодушіе вамъ дорого будетъ стоить. Я принесъ, извольте посмотреть, выписку объ издержкахъ, сдѣланныхъ съ 1760 года. Дѣло идетъ о двадцати тысячахъ флориновъ. Если вы рѣшились заплатить ихъ, моя служба для васъ теперь будетъ бесполезна. Впрочемъ, милостивый государь, я оставляю вамъ всѣ бумаги по этому дѣлу; вы можете на-досугъ рассмотреть ихъ, и тогда сами разсудите, на что должны будете рѣшиться.

Сказавъ это, Вольфгангъ Штурмъ всталъ, низко поклонился и важными шагами вышелъ изъ комнаты.

Миллеръ въ продолженіе трехъ часовъ занятъ былъ чтеніемъ бумагъ, оставленныхъ Штурмомъ, когда вошла Эдиовъ съ дѣтьми. Она бросилась на шею къ мужу; первый разъ, Миллеръ принялъ ея ласки, не возвративъ ихъ. Наступилъ часъ ужина; во все время стола, онъ былъ угрюмъ и молчаливъ. Кончился ужинъ, Эдиовъ попросила его сѣсть за клавикорды и спѣть, какъ бывало, любимыя его пѣсни. Но Францъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. Германъ и Маргарита хотѣли поиграть съ нимъ; онъ оттолкнулъ дѣтей, заперся въ своей комнатѣ, и, когда насталъ другой день, онъ все еще не кончилъ своего чтенія. Утомленный, онъ кинулся въ постель; но лишь только глаза его сомкнулись, вдругъ громкіе звуки роговъ и рѣзкій лай собакъ, разбудили его: это майоръ Бильдманъ отправлялся на охоту, здоровый, спокойный, веселый.

VI.

Разсмотрѣвъ бумаги, оставленныя Штурмомъ, Миллеръ, не смотря на ясность, не смотря на законность правъ, поддерживаемыхъ фамилією Гилдесгеймовъ, оставался при первомъ своемъ рѣшеніи. Онъ хотѣлъ отказаться отъ процесса и пресѣчь весь споръ уступкою спорнаго участка. Онъ думалъ уже потребовать въ замокъ стряпчачаго Штурма, чтобы окончательно объ-

явить ему послѣднее свое рѣшеніе; какъ вдругъ непредвидѣнные происшествія измѣнили всѣ его проекты мира и согласія. Жатва была плохая. Крестьяне, вмѣсто того, чтобы вносить плату за содержаніе фермъ, приходили съ жалобами на нищету и просили объ оторочкѣ. Миллеръ, разстроганный до слезъ несчастіемъ этихъ бѣдняковъ, которые въ самомъ-то дѣлѣ были только хитрыя плуты, не могъ не соглашаться на ихъ просьбы. Если онъ дѣлалъ какіе-нибудь возраженія, у этихъ негодяевъ всегда былъ готовъ отвѣтъ: — О! графъ Сигизмундъ, никогда не отвергалъ нашихъ просьбъ; это былъ добрый господинъ! — И Францъ всегда уступалъ имъ. Посреди этихъ затрудненій, между тѣмъ какъ онъ отыскивалъ средства произвестъ необходимыя починки въ замокъ, пожаръ пожралъ самую лучшую ферму въ имѣніи. Съ другой стороны, дѣвѣцъ Штольценфельсъ и майоръ Бильдманъ требовали за три мѣсяца пенсіи, назначенной имъ завѣщаніемъ графа Сигизмунда. Дорогоя настоятельно требовала еще десяти тысячъ флориновъ, которые должны обращаться въ банкѣ до совершеннолѣтія Исаака, для приращенія процентами. Она сама уже писала нѣсколько писемъ по этому предмету, которыхъ тонъ былъ только что учтивъ. Чтобы пресѣчь однимъ ударомъ всѣ эти требованія, которые день-отъ-дня становились невыносимѣе, Миллеръ рѣшился занять значительную сумму. Вскорѣ по пріѣздѣ въ замокъ, онъ предложилъ одному архитектору, сдѣлать проектъ гробницы графа Сигизмунда. Теперь онъ не находилъ возможности скоро исполнить долгъ признательности. Тирольскую пѣсню надо было вырѣзать золотыми буквами на доскѣ паросскаго мрамора. Наконецъ и Эдиовъ, отъ которой Миллеръ скрывалъ большую часть своихъ неприятностей, докучала ему о мебелировкѣ комнатъ, опустошенныхъ Штольценфельсами и Бильдманами. Въ этомъ критическомъ положеніи, могъ ли онъ кушуть миръ цѣною двадцати тысячъ флориновъ? И это не все: размышленіе незамѣтно породило его съ гордостью и нелѣпыми предразсудками дома, котораго онъ сдѣлался преемникомъ. Отказываясь отъ процесса, уступая спорный участокъ, не оскорблялъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, памяти графа Сигизмунда, не пятналъ ли гербъ фамиліи Гилдесгеймовъ? Что скажетъ майоръ Бильдманъ? что подумаютъ дѣвѣцъ Штольценфельсъ? что подумаютъ всѣ люди? Не смотря на свое желаніе жить въ покоѣ, Францъ долженъ былъ рѣшиться продолжать тяжбу.

Съ тѣхъ поръ, жизнь Миллера совершенно измѣнилась. Онъ захотѣлъ строго изслѣдовать состояніе своихъ владѣній, и открылъ ужасныя безпорядки, безчисленныя злоупотребленія, укорененныя долговременною ненаказанностію. Чтобы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, онъ понялъ необходимость надсматривать самому за управленіемъ своими имѣніями. Фермеры, которые пользовались сначала его прібытіемъ, думая, что имѣютъ дѣло съ артистомъ, съ музыкантомъ, незнакомымъ со всѣми обязанностями, сопряженными съ огромнымъ владѣніемъ, увидѣвъ вдругъ неусыпную его дѣятельность, скоро возненавидѣли его. Миллеръ все видѣлъ и терпѣлъ. Черезъ нѣсколько недѣль, всѣ его планы, всѣ его мечты о славѣ были отложены на неопредѣленное время. Богатство отнимало у него гораздо болѣе времени, въ Гильдесгеймѣ, чѣмъ его ученики въ Мюнхенѣ.

И Эдионъ, съ своей стороны, скоро поняла настоящее свое положеніе. Эта сельская жизнь, которая представлялась ей такою удобною, такою пріятною, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ, эти фермеры, которые должны были доставлять ей столько удовольствій и радостей, эти благотворительные концерты, всѣ эти надежды, всѣ эти мечты, которыя она лелѣла во время переезда изъ Мюнхена въ Гильдесгеймъ, гдѣ онѣ? куда все это дѣвалось? На фермахъ и въ хижинахъ она встрѣчала только грязныхъ, корыстолюбивыхъ поселенцевъ. Она сыпала свепъ благодаренія, и не видѣла ни малѣйшей признательности. Она безотчетно чувствовала вокругъ себя испорченную, непріязненную атмосферу. Слуги, наслышавшись о гнусныхъ подозрѣніяхъ, выдуманныхъ и распространенныхъ старыми дѣвами и Бильдманами, раздѣляли мнѣніе этихъ низкихъ душъ. Эдионъ всегда входила съ ними ласково, но никогда не замѣчала на ихъ лицахъ усердія и готовности исполнять ея волю, предупредить ея желанія. Однажды она пошла съ своими дѣтьми на сосѣдній сельскій праздникъ; но тамъ встрѣтила только холодный пріемъ, насмѣшливыя улыбки, презрительныя взгляды, двусмысленное шушуканье. Пристыженная, униженная, она возвратилась домой; напрасно старалась она разгадать причину оскорбленія, раскрыть рану, причинившую ей такое страданіе. Будучи проникательнѣе своего мужа, Эдионъ ни минуты не обманывалась въ характерѣ и расположеніи Бильдмановъ и дѣвицъ Штольценфельсъ. Съ самаго пріѣзда ея въ замокъ, они еще ни

разу не приходили къ ней, и Францъ наконецъ понялъ, что скромность, доведенная до такой степени, походитъ на грубость. Нѣсколько визитовъ, сдѣланныхъ сосѣдней аристократіи, увѣнчались такимъ же успѣхомъ. Миллеръ, по видимому, а можетъ-быть, и чистосердечно, съ радостію отказался отъ всѣхъ знакомствъ. Наше счастье, говорилъ онъ, не имѣетъ ни въ комъ нужды и легко обойдется безъ Штольценфельсовъ и Бильдмановъ. Эдионъ раздѣляла это мнѣніе; впрочемъ, не жалѣя объ обществѣ, которое принесло ей такъ мало пріятностей, Эдионъ, досадуя на себя, живо чувствовала оскорбленіе. Она страдала также отъ своего одиночества. Окружавшая ее роскошь была совершенно бесполезна для нея. На что ей лошади, которыми полны были ихъ конюшни? Что ей въ коляскахъ, которыми загромождены сараи? Для чего эти обширныя залы, которыя были не съ голыми стѣнами, какъ прежде, но также пусты, также не оживлены ни чьимъ присутствіемъ? Это обиліе безъ употребленія походило на насмѣшку. Францъ, занятый своими дѣлами, не имѣлъ ни минуты свободной. Дни онъ проводилъ внѣ замка, хлопоталъ по разнымъ дѣламъ, и возвращался домой вечеромъ, раздосадованный, измученный, чтобъ только отужинать и лечь спать. Не было больше домашнихъ концертовъ, не было тѣхъ увлекательныхъ разговоровъ, которые сокращали нѣкогда ихъ вечеря. Эдионъ имѣла пѣвчую душу; сердце ея не создано было для пустыни. Германъ и Маргарита вышли изъ того возраста, который требуетъ неусыпнаго надзора, но не достигли еще тѣхъ лѣтъ, когда дѣти понимаютъ цѣну привязанности, и на любовь и ласки отвѣчаютъ тѣмъ же. Владѣтельницу Гильдесгейма, среди почти царскаго парка, окруженную многочисленною прислугой, полную госпожу огромныхъ владѣній, пожирала скука. Впрочемъ, она безъ большихъ усилій посвятила себя на эту новую жизнь, въ надеждѣ, что дѣла скоро примутъ лучшей оборотъ.

Однажды, рано утромъ, Эдионъ вышла въ паркъ. Прохаживаясь одиноко по узкой дорожкѣ, она съ грустію размышляла о всѣхъ обманахъ и разочарованіяхъ, которые ей привелось испытать въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Наступалъ Октябрь. Природа была еще въ полномъ нарядѣ. Все предвѣщало прекрасный день. Эдионъ ходила, опустивъ голову; прохладный утренній воздухъ, напитанный легкимъ туманомъ, шелестъ изрѣдка падающихъ листьевъ, крики птицъ, еще болѣе усиливали ея задумчи-

вость. Она ходила уже около часа, предаваясь различным мечтамъ, какъ вдругъ, поднявъ голову, она замѣтила, въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собою, молодого человѣка, котораго она видѣла въ первый разъ: то былъ Фридрихъ фонъ-Штольценфельсъ, прибывшій въ замокъ на-канунѣ.

Удерживаемый обязанностями службы, или скорѣе какимъ-нибудь новымъ дурачествомъ, Фридрихъ не могъ до-сихъ-поръ воспользоваться великодушнымъ распоряженіемъ своего знаменитаго родственника. Впрочемъ, уважая послѣднюю волю покойнаго, онъ мало былъ расположенъ снова увидѣть тѣ владѣнія, которыя должны были принадлежать ему. Не смотря на безпечность и вѣтреность своего характера, онъ не безъ досады вспоминалъ о музыкантѣ, поселившемся въ гильдесгеймскомъ замкѣ, и, сказать правду, не имѣлъ никакой охоты познакомиться съ нимъ. Съ другой стороны, Ульрика и Гедвига не слишкомъ привлекали его, съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился своего господства въ замкѣ. Но по мѣрѣ того, какъ доходы его уменьшались, уменьшалось и отвращеніе его къ Гильдесгейму; и, въ одинъ прекрасный день, когда въ кошелькѣ его осталась только подкладка, онъ вдругъ рѣшился взять отпускъ на три мѣсяца къ своимъ теткамъ. Прибывъ въ замокъ, Фридрихъ не зналъ еще гнусной клеветы, изобрѣтенной Бальдманами, за-одно съ старыми дѣвами. Онъ принялъ ее безъ изслѣдованія, безъ возраженій; но нѣсколько не думалъ раздѣлять негодованія, объявшаго эти праведныя души, и показалъ къ виновнымъ истинно христіанское снисхожденіе.

— Прекрасно! вскричалъ онъ: теперь-то я вполне понялъ жизнь графа Сигизмунда. Онъ былъ бы очень смѣшонъ, если бы позволилъ себя ограбить за какую-нибудь тирольскую пѣсенку. А когда дѣла его были въ такомъ положеніи, то нечего и говорить болѣе; это такъ и должно быть. Графъ былъ умный человѣкъ; жалѣю теперь, что я оказывалъ ему мало любви и преданности. Для чего онъ скрывалъ отъ меня истину? Мы стали бы путешествовать вмѣстѣ. Надѣюсь, прибавилъ онъ, что наследница молода и красива?

— Вы увидите ее, Фридрихъ, отвѣчала Ульрика, обмѣнявшись съ Гедвигой лукавыми взглядами: молодость ея и красота едѣтъ намъ такъ дорого, что мы не можемъ говорить объ этомъ хладнокровно.

— Если она молода и прекрасна, возразилъ Фридрихъ: то

честь графу Сигизмунду, слава его памяти, и да проститъ меня тѣнь его, что я былъ такъ слѣпъ и недогадливъ при его жизни!

При этихъ словахъ, Гедвига и Ульрика снова обмѣнялись взглядами; эти двѣ благородныя души уже поняли одна другую. А для Фридриха достаточно было одной мысли, что подъ кровлею гильдесгеймскаго замка живетъ молодая и красивая женщина, не слишкомъ строгой добродѣтели, чтобы вскружить ему голову. Привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, лишенный наследства по одному своенравію, онъ считалъ очень забавнымъ, въ вознагражденіе за потерю имѣнія, распространить правдъ, предоставленныхъ ему завѣщаніемъ графа Сигизмунда. День уже былъ на исходѣ, онъ отложилъ свой визитъ Миллеру до завтра.

На другой день, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ Эдиною, которую не ожидалъ такъ скоро встрѣтить, Фридрихъ расположился сдѣлать приступъ безъ большихъ приготовленій; но пораженный скромнымъ и важнымъ видомъ молодой владѣтельницы замка, хотя и увѣренъ былъ, что передъ нимъ была любовница графа Сигизмунда, онъ невольно смутился и сдѣлалъ ей самый почтительный поклонъ. Эдиень остановилась, не зная, идти ли ей впередъ или вернуться назадъ; хотя она хорошо знала завѣщаніе, но ей никогда не приходило на мысль Фридрихъ, и она смотрѣла на него съ любопытствомъ и недоувѣрчивостію. Въ изящномъ утреннемъ нарядѣ, съ видомъ испуганной лани, она была очаровательна, и молодой офицеръ тотчасъ сознался, что родственникъ его былъ человѣкъ со вкусомъ.

— Сударыня, сказалъ онъ наконецъ со всею вѣжливостію: вамъ, конечно, странно видѣть меня въ такое время въ вашемъ паркѣ; вы не знаете, кто я. Я принадлежу къ фамиліи графа Сигизмунда; передъ вами Фридрихъ фонъ-Штольценфельсъ, самый покорнѣйшій изъ вашихъ слугъ.

— Я знаю правдъ, предоставленныхъ вамъ графомъ Сигизмундомъ, отвѣчала Эдиень: если бы вы не захотѣли пользоваться ими, согласно завѣщанію вашего родственника, повѣрьте, что мой мужъ счелъ бы обязанностію пригласить васъ.

Проговоривъ это нѣсколько дрожащимъ голосомъ, Эдиень хотѣла продолжать свою прогулку; но дорожка была узка, а Фридрихъ и не думалъ посторониться.

— Извините, меня, сударыня, сказалъ онъ: что я не имѣлъ еще времени представиться вамъ. Со смерти графа, служба моя

не позволяла мнѣ быть въ Гильдесгеймѣ; только что на этой недѣлѣ я могъ вырваться въ отпускъ.

— Для чего вамъ извиняться? возразила Эдиэ съ печальною улыбкою. Мы не заслужили любви и благосклонности вашей фамилии. Вы, по крайней мѣрѣ, ни чѣмъ не одолжены нами, и очень естественно будетъ съ вашей стороны, если вы будете немножко ненавидѣть насъ.

— Мнѣ, ненавидѣть! съ живостию возразилъ Фридрихъ: можетъ быть, такъ было вчера, даже сегодня утромъ; но теперь, сударыня, я не напоминаю болѣе объ этомъ. Я не знаю, какъ расположены къ вамъ мои тетки, маіоръ Бильманъ и почтеннѣйшая Доротея. Если мои тетки не совсѣмъ вѣжливы съ вами, я вовсе не думаю раздѣлять ихъ мыслей. Это старыя дѣвы; надо простить имъ нѣсколько. А маіоръ, просто, мужикъ; жена его глупая болтуня, и они вовсе не стоятъ того, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Чтѣ же касается до меня, сударыня, я никогда не думалъ сердиться на графа Сигизмунда; повновластный распорядитель своего имѣнія, онъ прекрасно сдѣлалъ, что завѣщалъ его въ пользу молодой и очаровательной женщины. Я не только не порицаю, я одобряю, я благодарю его за это. Красота всегда и вездѣ пріятный гость.

Эдиэ покраснѣла и не отвѣчала; Фридриху не хотѣлось прервать разговора, онъ продолжалъ:

— Какъ, вы, сударыня, проводите время? Весело ли проходятъ ваши дни? Гильдесгеймскій замокъ, конечно, образецъ архитектуры; но, навѣрное, не можетъ доставить много [веселья. Посѣщали ли вы окрестности? Любите ли вы охоту, верховую ѣзду? Мужъ вашъ веселаго характера? Если ему угодно, мы будемъ охотиться вмѣстѣ; надѣюсь, сударыня, что иногда и вы не откажетесь принять участіе въ нашихъ удовольствіяхъ.

— До-сихъ-поръ, отвѣчала Эдиэ: мы никого не принимали въ замокъ; никто не пріѣзжалъ нарушить наше уединеніе. Какого развлеченія я могу ожидать, когда всѣ удаляются отъ меня?

— Есть о чемъ жалѣть! вскричалъ Фридрихъ со смѣхомъ: вы досадуете, что какіе-нибудь дворянчики, зараженные знатностію своего рода, не приглашаютъ васъ раздѣлять ихъ скуку и скудный кусокъ! Вы не знаете, что они окажутъ людямъ самую величайшую вѣжливость, какую только въ состояніи сдѣлать, если не будутъ никому показываться и запрутся въ сво-

ихъ голубятняхъ. Не смотря на маленькія причуды, тетки мои, въ душѣ, прекрасныя созданія; но, между нами сказать, съ нами нельзя весело провести время. Маіоръ это винный мѣхъ. Повѣрите, сударыня, и предоставьте все мнѣ, и ваша жизнь совершенно измѣнится. Я сегодня же хочу познакомиться съ вашимъ мужемъ. Готовъ биться объ закладъ, что мы сойдемся съ нимъ. Онъ музыкантъ, я люблю музыку. Если онъ не любитъ охоты, я научу его любить ее. Я покажу вамъ охоту за дичью; вы увидите прекрасное зрѣлище. Дичи въ Гильдесгеймѣ довольно; послѣ моего отъѣзда, я не думаю, чтобы кто объявлялъ ей жестокою войну. Фазаны и куропатки не боятся пуль маіора. Вы ѣздите верхомъ? Если вамъ нужно нѣсколько уроковъ, я всегда готовъ предложить вамъ свои услуги. Вамъ нужно объѣздить какого-нибудь скакуна и сдѣлать его послушнымъ, какъ ягненка? можете положиться на меня. Въ полку я укрощалъ такихъ лошадей, къ которымъ никто не смѣлъ подступиться. Я знаю въ вашихъ конюшняхъ одну лошадь, которой нѣтъ еще четырехъ лѣтъ; черезъ недѣлю, я заставлю ее становиться передъ вами на колѣни, ржать отъ радости, при видѣ васъ, и брать хлѣбъ изъ вашихъ рукъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они прогуливались въ паркѣ. Эдиэ беззаботно ходила возлѣ Фридриха. Туманъ разсѣялся; только бѣлые пары цѣплялись между листьями деревьевъ, какъ клочки ваты. Солнце съ торжествомъ освѣтило землю; оживленная, радостная природа, казалось, возвратилась къ веснѣ. Эдиэ улыбалась на слова Фридриха; Фридрихъ удивлялся красотѣ и очаровательности Эдиэ. Но въ осанкѣ и въ рѣчахъ этой женщины было столько важности и вмѣстѣ искренности, что молодой повѣса невольно чувствовалъ какое-то смущеніе. Чистота и непорочность имѣютъ особенный блескъ, который поражаетъ глаза записныхъ развратниковъ. Фридрихъ нѣсколько разъ старался придать разговору болѣе живости и остроты, и всегда останавливался передъ простодушною улыбкою или изумленнымъ взглядомъ владѣтельницы зѣмка. Онъ уже съ безпокойствомъ спрашивалъ самого себя, не слишкомъ ли скоро положился на увѣренія своихъ тетушекъ. Чтобы рѣшить всѣ недоумѣнія, онъ вдругъ свернулъ разговоръ на графа Сигизмунда; и говоря объ немъ, онъ пристально смотрѣлъ на Эдиэ, не замѣтивъ ли на ея лицѣ или въ глазахъ замѣшательства, смущенія. Эдиэ спокойно ощипывала листья осенней

розы, которую она сорвала мимоходомъ. Фридрихъ сталъ въ туникъ.

— Согласитесь, сударыня, вскричалъ онъ наконецъ: что, при всѣхъ своихъ странностяхъ, графъ Сигизмундъ былъ милый человѣкъ. Я любилъ его, и очень хорошо понимаю, что онъ не былъ хладнокровенъ къ вамъ.

Вмѣсто отвѣта, Эдиоэ простодушно рассказала, въ нѣсколькихъ словахъ, какимъ образомъ она узнала графа Сигизмунда, и объ единственномъ вечерѣ, который онъ провелъ у нихъ въ Мюнхенѣ. Все это она говорила съ такимъ чистосердечіемъ, съ такимъ яснымъ выраженіемъ истины, что Фридрихъ, когда она кончила, пришелъ въ рѣшительное замѣшательство.

— Какъ! вскричалъ онъ: вы видѣли его только разъ! и онъ самъ приходилъ къ вамъ! и ушелъ, не сказавъ своего имени! и вы съ тѣхъ поръ никогда не видали его!

— Никогда.

— Скажу откровенно, на мѣстѣ моего благороднаго родственника, я никогда не могъ бы быть такъ скромнъ.

Послѣ этого, отвѣчая на вопросы Фридриха, Эдиоэ рассказала о Миллерѣ, о своихъ дѣтяхъ, о Шигелѣ, о спокойной и трудолюбивой жизни, какую они вмѣстѣ проводили въ Мюнхенѣ. Истина ясно выказывалась во всѣхъ ея рѣчахъ, какъ прекрасный цвѣтокъ, распутившійся въ глубинѣ прозрачнаго ручья. Фридрихъ, слушая ее, переходилъ отъ удивленія къ удивленію.

— Смотрите, вотъ мои дѣти, вдругъ вскричала Эдиоэ, показывая на Германа и Маргариту, бѣжавшихъ къ нимъ на встрѣчу. Обманула ли я васъ? Не правда ли, что онѣ очень милы?

Фридрихъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ маленькую дѣвочку; но напрасно искалъ на этомъ свѣженькомъ, розовенькомъ личикѣ хоть одной черты, которая напоминала бы блѣдное, продолговатое лицо графа Сигизмунда. Смотри на эту юную мать и на этихъ красивенькихъ дѣтей, оспоривавшихъ другъ у друга ея поцѣлуй, онъ ясно понималъ, что тетки его обманывались.

Они разстались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка. Эдиоэ вошла въ залу; Миллера уже не было дома. Она облокотилась на открытое окно и задумалась о новой жизни, которая яркими, блестящими красками рисовалась въ ея воображеніи. послѣ обольстительныхъ словъ Фридриха. Черезъ нѣсколько минутъ, она услышала громкій звукъ роговъ; то былъ Фридрихъ, въ охот-

ничьемъ платьѣ, съ полною сворою собакъ и въ сопровожденіи всѣхъ охотниковъ. Проѣзжая подъ окномъ, гдѣ сидѣла Эдиоэ, онъ граціозно остановилъ свою лошадь, сдѣлавъ почтительный поклонъ, и пустился въ галопъ; на поворотѣ аллеи, онъ обернулся, чтобъ еще разъ привѣтствовать очаровательное личико, которое было обращено къ нему. Охотничій костюмъ Фридриха выказывалъ всю стройность его стана. Эдиоэ не могла не замѣтить прекрасной наружности своего новаго гостя.

VII.

Открывъ свою ошибку, Фридрихъ не почувствовалъ, какъ бы слѣдовало ожидать, негодованія противъ клеветы; онъ не хотѣлъ раскаться и отказаться отъ своихъ надеждъ. Оставляя безъ опроверженія подозрѣнія своихъ тетокъ, Фридрихъ не думалъ ни оскорблять этимъ памяти своего родственника, ни уменьшать уваженія къ Эдиоэ. Эдиоэ, дѣйствительно, любила графа Сигизмунда; графъ заплатилъ за свое счастье подаркомъ своихъ владѣній, жена Миллера приняла, не колеблясь, плату за свою вѣрность или угодливость,—для молодого офицера все это казалось очень простымъ и совершенно справедливымъ. Привыкшій съ давнихъ поръ къ подобнымъ сдѣлкамъ, Фридрихъ не трусилъ такой малости; нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ чести, тонкаго вкуса, прямодушія; только каждый разъ, когда дѣло шло о приложеніи нравственности къ любви, онъ былъ очень снисходителемъ. Въ сдѣланномъ имъ открытіи, онъ понималъ только одно, что крѣпость не такъ скоро сдастся, какъ онъ ожидалъ сначала.

— Да, сказалъ онъ самъ себѣ, съ улыбкою: надо будетъ дѣлать правильную осаду. Ну, это займетъ меня и доставитъ болѣе опытности! Мнѣ все-таки слѣдуетъ вознаграждать себя, и, если это не съ графа Сигизмунда, такъ съ Миллера я достигну....

На другой день, онъ явился къ Миллеру. Какъ человѣкъ ловкій, онъ съ перваго дня умѣлъ приобрести себѣ дружбу Франца и дѣтей. По странному противорѣчію, которое, конечно, безъ труда поймутъ умы проникательныя, Ульрика и Гедвига дали ему для дѣтей игрушки и конфетъ. Что касается до Франца, Фридриху не стоило большого труда привязать его къ

себѣ. Новый владѣтель Гильдесгейма такъ мало былъ расположенъ къ удлинению, на которое обрели его Бильдманы и Штольценфельсы, что онъ принялъ Фридриха съ распростертыми объятіями. Посѣщенія Фридриха не ясно ли противорѣчили глухой гордости старыхъ дѣвъ, маіора, Доротен и всѣхъ окружающихъ дворянчиковъ? Впрочемъ, Фридрихъ былъ чрезвычайно ловокъ, онъ легко открывалъ себѣ вездѣ дорогу и съ рѣдкою проницательностію угадывалъ характеръ людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Подъ безпечною наружностію, онъ скрывалъ тонкій и наблюдательный умъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, проницательность его не подвергалась сильному испытанію, потому-что Миллеръ при первомъ свиданіи открылъ ему свое сердце.

Съ этого дня, Фридрихъ былъ принятъ, какъ другъ, у владѣтелей замка. Своимъ присутствіемъ онъ развѣтилъ ихъ унылую жизнь. Веселость и живость его характера, пѣвничность его разговоровъ, тысячи удовольствій, которыми онъ старался забавлять Германа и Маргариту, воскресили радость и довольство въ отчаянномъ семействѣ. То онъ составлялъ охоты, то занималъ ихъ рыбною ловлей, или предлагалъ прогулки верхомъ, и веселья путешествія къ окрестнымъ развалинамъ. Вѣрный своимъ обѣщаніямъ, онъ обѣздилъ для Эдионъ прекраснаго скакуна, съ ногами оленя и съ шею лебедя, полнаго огня и живости, но послушнаго голосу своей молодой госпожи. Фридрихъ умѣлъ показать свою ловкость во всемъ. Онъ убивалъ фазана подъ самымъ носомъ Миллера, и, когда они оба подѣзжали къ Эдионъ, молодая женщина не могла удержаться отъ сравненія между ними, которое никогда не было въ пользу ея мужа. Черезъ нѣсколько недѣль, дѣти уже не могли обходиться безъ Фридриха; Миллеръ ѣлъ безъ аппетита, когда его не было за столомъ, и всегда ему выговаривалъ, если хоть одинъ день онъ не заглядывалъ къ нимъ. Сама Эдионъ, не чувствуя къ нему особенной привязанности, чрезвычайно благодарила его за то, что онъ такъ скоро умѣлъ разсѣять пожиравшую ее скуку. Фридрихъ, какъ самъ говорилъ, любилъ музыку; онъ пѣлъ по вечерамъ съ Эдионью, тогда какъ Миллеръ, погруженный въ широкое кресло, размышлялъ [на-досугѣ о приглашеніяхъ и новѣсткахъ, которыя градомъ сыпались въ замокъ, съ тѣхъ поръ, какъ Вольфгангъ Штурмъ объявилъ противникамъ графа Сигизмунда о рѣшеніи новаго владѣтеля Гильдесгейма, и спустилъ съ цѣпи

цѣлую стаю подъяческихъ крочковъ. Коротко сказать, не прошло мѣсяца, а молодой офицеръ сдѣлался уже необходимымъ членомъ семейства Миллера. Онъ никогда не любилъ серьезно; вполне оцѣнивая очаровательность Эдионъ, онъ волочился за нею только изъ тщеславія и для препровожденія времени. Миллеръ отнялъ у него гильдесгеймскій замокъ; отнять у Миллера Эдионъ, ему казалось очень приличнымъ и совершенно справедливымъ. Чѣмъ лучше онъ понималъ, что передъ нимъ была женщина, рѣшившаяся на сопротивленіе, или, скорѣе, которая, по чистотѣ своей души, не ожидала даже нападенія, тѣмъ сильнѣе онъ горѣлъ желаніемъ поддержать свою честь и овладѣть неприступною крѣпостію. Увѣренный, впрочемъ, что смѣлостію и надменностію тутъ ничего нельзя выиграть, онъ приступилъ къ дѣлу тихонько; онъ не смѣлъ ни однимъ словомъ встревожить сердце Эдионъ; выжидая случая, открыться въ своей любви, онъ выказывалъ къ ней самую безкорыстную, самую рыцарскую дружбу, и такъ хорошо успѣлъ прикрыть ее, что Эдионъ, въ глубинѣ души, сравнивала его иногда съ Шпигелемъ.

Одинъ пустой случай еще крѣпче связалъ дружбу между Фридрихомъ и нашими друзьями.

Вспомните, что маіоръ Бильдманъ и дѣвицы Штольценфельсъ, пользуясь безпечностію графа Сигизмунда, отдѣлили для себя въ гильдесгеймскомъ паркѣ по уголку земли, и обвели ихъ живою изгородью. Не забудьте, что и Миллеръ, по похвальному чувству снисходительности, подтвердилъ это двойное похищеніе. Несчастный не подозревалъ беспорядковъ, связанныхъ съ этимъ позволеніемъ.

Октябрь подходилъ къ концу. Однажды утромъ, когда въ паркѣ еще никого не было, Германъ и Маргарита бродили около загородьбы Бильдмана, какъ два волченка около овчарни. Имъ было гдѣ погулять и повеселиться на свободѣ въ своемъ паркѣ, который занималъ двѣсти десятинъ; но они не были довольны этимъ, ихъ манили два отгороженные уголка, куда запрещено имъ было проникать. Разъ имъ удалось уже пробраться въ садикъ Штольценфельсовъ, и это стоило Миллеру довольно ѣдкихъ замѣчаній со стороны Гедвиги и Ульрики. И такъ, однажды утромъ, забывъ родительское наставленіе, они бродили около загородки Бильдмана. Страсть къ запрещенному плоду просвѣчивалась въ ихъ любопытныхъ и нетерпѣливыхъ взо-

рахъ, которые устремляли они сквозь просвѣты плетня. Маргарита видѣла прелесные кусты даліи и кризантемовъ, Германъ замѣтилъ прекрасный бумажный змѣй, уже двѣ недѣли составлявшій утѣху и гордость Исаака. Сначала, они только молча любовались этими диковинками; но скоро, побуждаемые демономъ алчности, они вздумали отыскать какое-нибудь отвѣртіе, чтобы попасть въ этотъ гесперидинъ садъ. Но, увы! кругомъ былъ широкій, непроходимый плетень, и такъ высокъ, что не лъзя было и думать перепрыгнуть черезъ него. Одни только ищерицы и короляки могли пробираться сквозь чащу тростника, шиповника и остролистника. Потерявъ надежду, дѣти хотѣли уже отказаться отъ своего намѣренія, какъ вдругъ, о удивленіе! о счастье! Германъ толкнулъ нечаянно ногою въ калитку, и маленькая дверь распахнулась настежь; противъ обыкновенія, маіоръ забылъ съ-вечера запереть калитку на ключъ. Увѣренные, что никто ихъ тамъ не замѣтитъ, Германъ и Маргарита скользнули въ садикъ, и, между тѣмъ какъ Маргарита рвала лучшіе цвѣты и клала себѣ въ передникъ Германъ схватилъ бумажный змѣй, распустилъ бичевку и расположился его спустить. Какая радость! какой праздникъ! Съ какимъ жаромъ Маргарита опустошала цвѣтники! Съ какимъ торжествомъ Германъ пускалъ на вѣтеръ величественный змѣй, который уже началъ подниматься, взвивая, въ знакъ радости, свой длинный хвостъ! Но съ радостью не разлучна печаль! Исаакъ Бильдманъ приближалъ въ садикъ, узналъ свой змѣй, бросился на Германа, и видѣлся въ него. Германъ не имѣлъ ясныхъ и определенныхъ понятій о моемъ и твоёмъ; онъ выхватилъ змѣй и далъ нѣсколько толчковъ Исааку, который отвѣчалъ тѣмъ же. Скоро завязалась борьба между двумя шалунами. Исаакъ былъ старше, крѣпче, сильвѣе; Германъ былъ горячѣе, храбрѣе, проворнѣе. Побѣда долго колебалась то на ту, то на другую сторону, и, можетъ-быть, Исаакъ одержалъ бы верхъ, если бъ Маргарита, побуждаемая любовью къ брату, не приняла участія въ этой борьбѣ; придерживая одной рукою передникъ, гдѣ она спрята- тала нарванные цвѣты, другою она ухватила за ногу маленькаго Бильдмана, и тотъ упалъ на лугъ.

Какъ великодушный герой, Германъ не употребилъ во зло своего торжества; довольный тѣмъ, что врагъ его сбитъ, онъ спокойно пошелъ, со змѣемъ въ рукахъ, въ знакъ побѣды; Маргарита шла возлѣ него. Между тѣмъ Исаакъ, оставшись на

мѣстѣ, ревѣлъ, какъ барсукъ, поавшійся въ капканъ. Наши побѣдители ускорили шаги; только что они хотѣли переступить за порогъ завѣтнаго сада, маіоръ Бильдманъ былъ какъ тутъ. Вырвать змѣй изъ рукъ Германа, разсыпать цвѣты, которые неслла Маргарита въ передникъ, было для него дѣломъ одной минуты. Но онъ не остановился на этомъ; раздосадованный криками Исаака и желая отмстить за честь Бильдмановъ, оскорбленныхъ въ лицѣ его сына, онъ схватилъ Германа за ухо и съ такимъ безчеловѣчьемъ рванулъ его, что подъ ухомъ показалась кровь. Услышавъ крикъ своего брата, Маргарита и сама заплакала. Привлеченная этимъ шумомъ, дворовая челядь сбѣжалась со всѣхъ сторонъ; Ульрика и Гедвига, жестами и словами, одобряли, изъ своего окна, жестокость маіора. Среди этихъ безпорядковъ явился Миллеръ; онъ хотѣлъ узнать и разспросить о причинѣ обиды.

— Ваши дѣти, грубо отвѣчалъ маіоръ: ворвались въ мой садъ, въ мою загородку, которая принадлежитъ мнѣ, собственно мнѣ одному. Ваша дочь оборвала мои цвѣтники; этотъ маленькій негодяй утащилъ змѣй Исаака, и, чтобы удержать за собою чужое добро, онъ осмѣлился ударить сына маіора Бильдмана! Благодаря Бога, онъ скоро получилъ заслуженное наказаніе; я оборвалъ ему уши, и каждый разъ, если онъ еще посягнетъ задѣть моего сына, я съѣлаю съ нимъ то же.

Германъ тихонько плакалъ, Маргарита всхлипывала, Миллеръ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства.

— Чтò вы говорите о загородкѣ и о садѣ? вскричалъ онъ, обратившись къ маіору. Знайте, что здѣсь я хозяинъ, одинъ я. До сихъ поръ, я сквозь пальцы смотрѣлъ на ваши глупыя притязанія; но съ нынѣшняго же дня, я хочу, я требую, чтобъ загородка была уничтожена. Завѣщаніе графа очень ясно; онъ предоставляетъ вамъ жить въ замкѣ; но ни слова не упоминаетъ о вашей загородкѣ, о вашемъ садикѣ. Цвѣты, сорванные Маргаритою, принадлежатъ ей, потому-что они мои. Если же Германъ взялъ змѣй вашего сына, онъ виноватъ; но довольно было побранить его; а вы вздумали его бить, это подло.

При послѣднемъ словѣ, маіоръ вздрогнулъ, какъ будто вся кровь закипѣла въ его жилахъ.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ, подходя къ Миллеру: вы, конечно, знаете, что подобныя слова могутъ загладить- ся только кровью?

— Давайте мои слова, какой угодно смысл, отвѣчал Миллеръ, выходя изъ себя и не думая отступать: если вы хотите удовлетворенія, вы получите полное, какаго только можете желать. Я готовъ къ вашимъ услугамъ.

До сихъ поръ, маіоръ храбрился и надменничалъ, потому что никакъ не думалъ, чтобы музыкантъ былъ въ состояніи противиться ему. Но когда Францъ принялъ его вызовъ, онъ сталъ жалѣть о своемъ неблагоразуміи. Впрочемъ, чтобы прикрыть свое отступленіе, онъ продолжалъ кричать и горячиться, въ надеждѣ, что Миллеръ не замедлитъ отказаться отъ перваго своего намѣренія, и рѣшится окончить ссору менѣе воинственнымъ образомъ. Францъ, раздраженный болѣе и болѣе, не хотѣлъ ничего слушать. Двѣ старыя дѣвы, которыя смотрѣли на это происшествіе изъ окна, и, казалось, были готовы рукоплескать маіору, чрезвычайно разсердились на Миллера.

— Я вамъ повторяю, милостивый государь, вскричалъ Францъ измѣнившимся, но твердымъ голосомъ, вы получите удовлетвореніе, котораго требуете. Я никогда не бралъ въ руки ни шпаги, ни пистолета, но нужды нѣтъ; мы будемъ драться завтра, сегодня, сейчасъ, когда вамъ угодно.

При этомъ успокоительномъ признаніи для его храбрости, маіоръ гордо поднялъ голову. Однако, не желая подставлять свою грудь какому-нибудь неожиданному удару и свою голову слѣпой пулѣ, онъ возразилъ съ достоинствомъ:

— Господинъ Миллеръ, вы имѣете во мнѣ благороднаго противника. Вы незнакомы ни съ шпагой, ни съ пистолетомъ: но я съ давнихъ поръ мастерски владѣю ими; чтобы уравнивать успѣхъ нашей борьбы, мы будемъ драться на сабляхъ.

— На сабляхъ, на ружьяхъ, вскричалъ Миллеръ; чтобы показать вашу дерзость, всѣ оружія годятся.

Взявъ обоимъ дѣтей за руки, онъ отвернулся отъ маіора и пошелъ прочь.

Эдионъ была въ дальнихъ комнатахъ, и не слышала этого шума. Когда Миллеръ вошелъ въ комнату, блѣдный, какъ полотно, и дрожащій отъ бѣшенства, она съ ужасомъ подбѣжала къ нему. Францъ показалъ своей женѣ, что, при нуждѣ, у него достанетъ и твердости и силы характера: онъ рассказалъ ей о случившемся происшествіи. Напрасно Эдионъ старалась успокоить его,

показать ему все безразсудство дуели изъ за какаго-нибудь бумажнаго змѣя.

— Нужды нѣтъ, какаѣ бы ни была причина! отвѣчалъ Миллеръ рѣшительнымъ тономъ; мнѣ надоѣла наглость Бильманновъ и дѣвицъ Шгольценфельсъ. Сегодня представляется случай доказать имъ, что я думаю объ ихъ поведеніи, и я никакъ не долженъ опускать его. Сейчасъ же я поѣду прискать свидѣтелей. Я увѣренъ, что Фридрихъ не откажется быть моимъ секундантомъ. У него есть сабля, онъ пріготовитъ мнѣ ее, потому-что мы будемъ драться на сабляхъ.

— На сабляхъ! вскричала съ ужасомъ Эдионъ.

— Не бойся, отвѣчалъ Францъ, обнявъ ее; у меня рука счастлива, я общаю принести тебѣ сегодня оба уха маіора.

Онъ вырвался изъ объятій рыдавшей жены и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ, явился Фридрихъ и нашелъ Эдионъ въ слезахъ. Онъ только что возвратился съ охоты, и не зналъ ничего.

— Великій Боже! что случилось? съ участіемъ спросилъ онъ подоидя къ Эдионъ; сударыня, что съ вами? Не ушибся ли кто изъ вашихъ дѣтей? Говорите, ради Бога! говорите, я васъ прошу.

И въ первый разъ онъ осмѣлился взять руку Эдионъ.

— Господинъ Фридрихъ, вскричала Эдионъ, умоляющимъ голосомъ, общайте мнѣ, поклонитесь мнѣ прахомъ вашей матери, что вы не дадите своей сабли моему мужу.

— Моей саблей! сказалъ удивленный Фридрихъ; что же онъ хочетъ дѣлать?

— Онъ хочетъ драться.

— Съ кѣмъ?

— Съ маіоромъ, вскричала Эдионъ.

Потомъ, она рассказала, съ слезами, о происшествіи, случившемся въ саду.

— Только-то? спросилъ Фридрихъ со смѣхомъ; предоставьте же дѣло мнѣ, и осушите ваши слезы; маіоръ будетъ удовлетворенъ.

— Что вы сдѣлаете! что вы можете сдѣлать! возразила Эдионъ, ломая руки; зло теперь не исправимо. Мужъ мой поѣхалъ уже отыскать свидѣтелей. Францъ тихъ, какъ агнецъ, но храбрится, какъ левъ. Всѣ просьбы мои остались безъ успѣха: онъ хо-

четь драться, онъ будетъ драться, и ужасный маіоръ убьетъ его.

— Помилуйте! вскричалъ Фридрихъ, маіоръ никогда не убивать и никогда не убьетъ никого.

— Онъ убьетъ его, я говорю вамъ! онъ человекъ военный, а Францъ и въ рукахъ никогда не имѣлъ оружія.

— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ Фридрихъ съ увѣренностію; и общаю вамъ, что они не будутъ драться. Подождите меня; черезъ часъ, я принесу вамъ мировую.

— Господинъ Фридрихъ, прибавила Эднѣ, обрадованная посредничествомъ молодаго офицера; вы военный; вы знаете, что честь выше всего для человека. Я люблю своего мужа; чтобы спасти его, я съ радостью пролью мою кровь, но честь моего Франца мнѣ также дорога, какъ и жизнь его.

— Я понимаю васъ, сударыня, отвѣчалъ Фридрихъ, глубоко тронутый. Но то, что я думаю сдѣлать, даю вамъ мое слово, не запятнаешь чести, ни уменьшить достоинства, ни унизить справедливой гордости любимаго вами человека.

Почтительно поклонившись Эднѣ, онъ пошелъ къ маіору Бильдману, и тамъ, безъ вступленій, безъ обиняковъ, онъ объявилъ о причинѣ своего посѣщенія.

— Я знаю, маіоръ, что вы хотитѣ драться?

— Это правда.

— Ваше рѣшеніе...

— Непреклонно. Я не приму даже извиненій.

— Такъ вы, маіоръ, непремѣнно рѣшились!

— Я совсѣмъ готовъ; смотрите, вотъ и сабля.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что прежде дуели вашей съ господиномъ Миллеромъ, вамъ нужно окончить дѣло со мною.

— Вы шутите?

— Я никогда не шучу съ вами, маіоръ. Вы вѣскольکو разъ позволяли себѣ, въ публичныхъ мѣстахъ, отзывать обо мнѣ самымъ неприличнымъ образомъ, чему я могу представить свидѣтелей. До сихъ поръ я удерживался требовать отъ васъ удовлетворенія. Я уважалъ въ васъ жизнь главы семейства; но, такъ какъ вы, не колеблясь, съ удовольствіемъ, рискуете вашею жизнію, которая принадлежитъ не вамъ, а вашей женѣ и сыну, то теперь я хочу воспользоваться своимъ правомъ во

всей силѣ. Вы меня оскорбили, и оскорбили не одинъ разъ; терпѣніе мое кончилось, я требую удовлетворенія!

При рѣшительномъ тонѣ Фридриха, маіоръ понялъ, что вызовъ сдѣланъ не въ шутку. Онъ не имѣлъ привязанности къ порочному дѣлу, и терпѣть не могъ шажныхъ клинковъ.

— Прежде чѣмъ получите удовлетвореніе, сказалъ онъ Фридриху, я надѣюсь, милостивый государь, что вы объясните мнѣ, какую я нанесъ вамъ обиду.

— Конечно, отвѣчалъ Фридрихъ, если бѣ захотѣлъ, я могъ бы припомнить все, что вы говорили на мой счетъ. Но вамъ также извѣстны ваши слова, какъ и мнѣ, и потому я не имѣю нужды воскрешать въ вашей памяти всѣ ваши разговоры. Между прочимъ, вотъ одинъ изъ тысячъ, не говорили ли вы, что я разорилъ по игорнымъ домамъ все свое наслѣдство? говорили, или нѣтъ?

— Я не отрицаюсь, отвѣчалъ Бильдманъ; но вы сами неразпространяли ли молвы, что я проѣлъ и пропилъ въ трактирахъ все приданое моей жены.

— Не толковали ли вы всѣмъ и каждому, продолжалъ Фридрихъ, что, разоривъ своихъ тетокъ, я жилъ на счетъ графа Сигизмунда? Правда, или нѣтъ?

— Я не отказываюсь отъ своихъ словъ, отвѣчалъ маіоръ; но вы развѣ не выдумывали про меня, что, доведя до нищеты жену и сына, я пришелъ вымаливать у графа Сигизмунда пристанища и куска хлѣба?

— Я говорилъ объ васъ, что мнѣ было угодно, съ гордостію возразилъ Фридрихъ; я никогда не скрывалъ чувствъ, какія питалъ къ вамъ. Но что вы можете говорить обо мнѣ, это другое дѣло. Я требую, чтобы вы не иначе произносили мое имя, какъ съ уваженіемъ, съ почтительностію. Впрочемъ, это на предъ; а за прошедшее, вы должны дать мнѣ удовлетвореніе.

— Вы можете думать обо мнѣ, что хотитѣ, отвѣчалъ маіоръ; честь и имя маіора Бильдмана не нуждаются ни въ чьихъ похвалахъ. Я не боюсь мнѣнія людей. Я повторю вамъ, молодой человекъ, думайте обо мнѣ, что вамъ угодно; но я никогда не соглашусь драться съ своимъ родственникомъ.

— Такимъ образомъ, маіоръ, вы не будете драться ни съ кѣмъ, потому-что я не уступлю своей очереди ни Миллеру, ни кому-нибудь другому. Ваша жизнь принадлежитъ мнѣ, и вы не можете располагать ею безъ моего позволенія.

— Я вызвалъ Миллера, сказалъ маіору, и остановиться на этомъ не лзя.

— Вы очень легко можете прекратить все.

— Какимъ образомъ?

— Извинитесь.

— Никогда, милостивый государь, никогда! вскричалъ маіоръ.

— Какъ хотите, продолжалъ Фридрихъ. Еще одно слово, и я кончу все. Если нынче, въ девять часовъ, господинъ Миллеръ не получитъ отъ васъ извиненія, завтра, съ разсвѣтомъ, вы будете драться со мною.

— Вамъ наскучила жизнь, вы желаете смерти; хорошо, мы будемъ драться.

— Маіоръ, прибавилъ Фридрихъ, подумайте о послѣднихъ моихъ словахъ; до девяти часовъ вамъ дается время на размышленіе.

Въ тотъ же вечеръ, еще прежде роковаго часа, Миллеръ получилъ, въ присутствіи Фридриха, слѣдующее письмо:

«Милостивый государь.

«Если бы мнѣ еще нужны были доказательства моего мужества, я бы не такъ скоро рѣшился извиниться передъ вами въ моей горячности; но я проливалъ кровь не на одномъ сраженіи, и потому, не колеблясь, беру назадъ вызовъ, сдѣланный вамъ нынѣшнимъ утромъ. Повѣрьте, милостивый государь, что я чистосердечно раскаляюсь въ вырвавшихъ у меня словахъ, которыя должны были довести насъ до кровавой встрѣчи. Надѣюсь, что вы согласитесь принять извиненія маіора Бильмана; въ первый еще разъ въ жизни я пишу подобныя слова.

«Маіоръ Бильманъ.»

Прочитавъ это письмо, Миллеръ, съ торжествующимъ видомъ, подалъ его Эдиен, которая благодарила Фридриха взглядомъ, выражавшимъ полную ея признательность. Къ несчастію, это происшествіе тѣмъ не кончилось, потому-что въ концѣ письма маіоръ сдѣлалъ приписку.

«Р. S. Для избѣжанія на будущее время всякаго повода къ ссорѣ между нами, внушите своимъ дѣтямъ, что онѣ не должны ходить въ мой садикъ.»

Эта приписка была причиною ужасной бури.

VIII.

На другой день, съ восходомъ солнца, Миллеръ велѣлъ позвать къ себѣ садовниковъ зѣмка, и приказалъ имъ немедленно вырвать живыя изгороди, которыми Бильманы и дѣвцы Штольценфельсъ обвели свои садики. Давно уже Миллеръ досадовалъ на своевольство своихъ жильцовъ, а приписка въ письмѣ маіора рѣшительно вывела его изъ терпѣнія. Онъ чувствовалъ необходимость забрать всю власть въ свои руки, и остановить всѣ несправедливыя притязанія Бильмановъ и Штольценфельсовъ. Съ прибытія своего въ зѣмокъ, онъ оказывалъ своимъ жильцамъ столько великодушія и снисходительности, даже можно сказать, столько милосердія и кротости, что садовники, выслушавъ его приказъ, не могли удержаться отъ восклицанія. Въ зѣмкѣ было три садовника; всѣ они видѣли рожденіе графа Сигизмунда, и привыкли смотрѣть, съ самой лучшей стороны, на все что бы онъ не позволялъ дѣлать. Старшій изъ нихъ обратился къ Миллеру, и сказалъ, отъ имени своихъ товарищей:

— Какъ это можно, сударь! Эти двѣ загородьбы не ваши; онѣ принадлежать господину маіору и добрымъ барышнямъ. За пять лѣтъ до вашего прибытія въ зѣмокъ, мы сажали въ глазахъ графа Сигизмунда, эти кусты, которые вы хотите нынче вырвать.

— Ваше дѣло исполнять, а не разсуждать, сказалъ Миллеръ сурово. Здѣсь я одинъ распоряжаюсь; и вы должны слушаться только меня.

— Ей-богу, сударь, отвѣчалъ садовникъ, мы не смѣемъ принять этого на себя. Скажите господину маіору и барышнямъ, пусть они прикажутъ намъ, и мы тогда сдѣлаемъ.

— Какъ, скоты! вскричалъ взбѣшенный Миллеръ, вы не хотите повиноваться мнѣ? Хорошо же! Я всѣхъ васъ велю выгнать.

— О, нѣтъ, мы знаемъ завѣщаніе. Вы не можете насъ отпустить: покойный графъ позаботился объ насъ. Славный онъ былъ господинъ! Вы обязаны держать насъ; это его воля, и мы останемся.

— А, такъ-то! вскричалъ Миллеръ, внѣ себя, я сей часъ же велю васъ вытолкать изъ зѣмка. Я ни на минуту не хочу имѣть при себѣ дерзкихъ слугъ.

— Воля ваша, сударь, отвѣчалъ садовникъ. А мы знаемъ наши права, и не откажемся отъ нихъ.

Съ этими словами они медленно удалились, бросивъ на Миллера насмѣшливый взглядъ. Миллеръ, не теряя ни минуты, приказалъ Вурму нанять вольныхъ работниковъ. Вурмъ повиновался, и черезъ часъ, загородки Бильдмановъ и Штольценфельсовъ были уничтожены. Чье перо можетъ описать бѣшенство маіора, Доротеи, Гедвиги и Ульрики; я не берусь за это. Чтобы снова завладѣть этими участками; на которые они смотрѣли, какъ на свою собственность, Бильдманы и Штольценфельсы, съ общаго согласія, велѣли набить кольевъ, обтянуть веревками, и такимъ образомъ, опять отдѣлить свое владѣніе. Черезъ два часа, Миллеръ приказалъ обрѣзать веревки и выдернуть колья. Въ тотъ же вечеръ, между тѣмъ, какъ Миллеръ восхищался мужествомъ и твердостью, съ какими онъ подержалъ свои права, вошелъ Вурмъ и подалъ ему пакетъ; Францъ распечаталъ и пашель въ немъ бумагу, написанную со всѣмъ изяществомъ канцелярскаго слога, въ которой изображено было, дабы наслѣдникъ графа Сигизмунда, согласно завѣщанію сего послѣдняго, снова принялъ къ себѣ трехъ садовниковъ, уволенныхъ имъ вышшимъ утромъ.

— Вотъ что! вскричалъ Миллеръ, прочитавъ эту галиматію: кто же обязанъ держать у себя неголаевъ, которые смѣются надъ вами и не хотятъ повиноваться! Если они хотятъ жаловаться, такъ и мы примемся за то же. Судь, конечно, увидитъ кто правъ. Завѣщаніе графа, не обязываетъ же меня возиться съ непослушными и дерзкими слугами.

Миллеръ весело заснулъ, не предвидя собравшейся надъ его головою буря. На другой день, онъ только что позавтракалъ и собрался идти, Вурмъ подалъ ему, съ улыбкою, двѣ бумаги, испещренныя каракулями.

— Это еще что? сказалъ Миллеръ, который надѣлъ уже шляпу и простился съ женою.

— Это, сударь, отвѣчалъ Вурмъ, съ полу-насмѣшливымъ, съ полу-торжествующимъ видомъ: отъ маіора Бильдмана и отъ дѣвицъ Штольценфельсъ.

Вурмъ вышелъ, потирая руки. Миллеръ остался и пробѣжалъ поданныя ему бумаги. То были требованія со стороны маіора Бильдмана и дѣвицъ Штольценфельсъ; основываясь на снисходительности графа Сигизмунда и на духовномъ его завѣщаніи,

которое толковали по-своему, они хотѣли, чтобы вырванные, по приказанію Миллера, изгороди около ихъ садовъ, были исправлены на его счетъ.

— Что дальше, тѣмъ больше, вскричалъ Миллеръ, у насъ готовится зимнихъ удовольствій. Будетъ чѣмъ сокращать длинные вечера. Это междоусобная война, и, право, старыя вѣрныя и старыя сороки, найдутъ о чемъ поговорить.

Въ надеждѣ на неоспоримость своихъ правъ, пла скорѣе, чтобы заглушить безпокойство, Миллеръ сѣлъ за клавикорды, и сталъ разыгрывать одну сонату Гайдна, какъ въ дверяхъ залы показался Вольфгангъ Штурмъ.

— Клянусь, вскричалъ Миллеръ, не сходя съ своего мѣста, само небо посылаетъ васъ сегодня ко мнѣ! У меня есть нѣсколько бумажекъ, которыя займутъ васъ.

И онъ подалъ Штурму всѣ три бумаги. Стряпчій сѣлъ, прочиталъ ихъ молча, и, казалось, погрузился въ размышленіе; потомъ, положивъ ихъ на клавикорды, онъ сказалъ:

— Это важно, господинъ Миллеръ, очень важно, гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете. Здѣсь дѣло идетъ не о пустякахъ. Что касается до садовниковъ, то пункты завѣщанія очень ясны; вы ни въ какомъ случаѣ не имѣете права выгонять ихъ изъ замка; и потому, я совѣтую вамъ нынче же отказать отъ своего намѣренія. Теперь раземотримъ вашу ссору съ маіоромъ Бильдманомъ и дѣвицами Штольценфельсъ. Въ какомъ состояніи вы нашли паркъ, при вашемъ прибытіи въ замокъ? Не правда ли, что маіоръ и дѣвицы Штольценфельсъ, тогда уже пользовались двумя загородками? Не правда ли, что эти загородки, еще при жизни графа Сигизмунда, окружены были живымъ плетнемъ? При этомъ случаѣ не льзя не припомнить правила, которымъ руководствуются и судебныя мѣста: владѣніе стѣнитъ документовъ. Если бы притязанія маіора и дѣвицъ Штольценфельсъ казались вамъ несправедливыми, излишними, то надо было бы при самомъ вашемъ вступленіи во владѣніе Гильдесгеймомъ, оспаривать эти притязанія судебнымъ порядкомъ. Вы этого не сдѣлали; такъ нельзя же на-двое толковать вашего молчанія: когда вы не оспаривали, значитъ соглашались. Я не долженъ скрывать отъ васъ послѣдствій вашего поступка. Какія бы ни были ваши права, вамъ надо ожидать сильнаго сопротивленія. Находясь между Бильдманами и Штольценфельсами, вы, какъ говорится, положили палецъ между дверей. Но это еще не все.

Вездѣ будутъ говорить, что вы безжалостно поступаете съ родственниками графа, что вы не благодарны къ своему благодѣтелю, что вы за великодушіе платите ненавистію. Припомните, милостивый государь, эти прекрасныя слова одного древняго писателя: «Полное право часто бываетъ совершенною несправедливостію.» Вы не сдѣлаете ни шага въ деревнѣ, чтобы позади васъ не слышался шопотъ негодованія; старыя женщины будутъ показывать на васъ всѣмъ дѣтямъ, какъ на врага, на грабителя Бильдмановъ и Штольценфельсовъ. Повѣрьте, что благотворительность госпожи Миллеръ никогда не будетъ достаточна изгладить ненависть, которую вы возбудите. Она напрасно будетъ умножать свои милостыни, она не утишитъ этимъ гнѣва, возбужденнаго вашимъ поступкомъ.

При этой картинѣ вовсе незаслуженной ненависти, Миллеръ поблѣднѣлъ.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ: я согласенъ, пусть Бильдманы и Штольценфельсы снова обведутъ плетнями свои сады.

Стряпчій съ гордостію посмотрѣлъ на Миллера; ему очень было пріятно, что удалось такъ сильно затронуть душу своего кліента. Миллеръ ожидалъ его отвѣта, какъ словъ оракула. После нѣсколькихъ минутъ размышленія, Вольфгангъ Штурмъ прервалъ молчаніе.

— Ваши распорженія, господинъ Миллеръ, сказалъ онъ, дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ, дѣлаютъ вамъ большую честь. Ваша готовность воспользоваться всѣми средствами, какія зависятъ отъ васъ, къ поддержанію мира и согласія, показываетъ ваше истинно царское великодушіе. Однако, я не долженъ скрывать отъ васъ, что теперь уже слишкомъ поздно думать о примиреніи. Васъ могутъ обвинить въ слабости; вамъ необходимо показать всю силу духа, и вы прекрасно сдѣлаете. Безъ сомнѣнія, чтобы утвердить свои права, вамъ нужно будетъ поддерживать борьбу. А подумайте, что будетъ, если теперь вы отступите назадъ. Если ваши противники замѣтятъ, что вы слабѣете въ такомъ рѣшительномъ случаѣ, чего они не требуютъ отъ васъ? Вы забыли слова баснописца: «Впустите ихъ только на порогъ, такъ они выживутъ васъ и изъ комнаты.» И баснописецъ правъ. Повѣрьте мнѣ, господинъ Миллеръ, если вы не чувствуете въ себѣ природнаго мужества поддерживать этотъ споръ, такъ я совѣтовалъ бы вамъ принудить себя быть мужественнымъ, по крайней мѣрѣ, по расчету. Вамъ нуж-

но сохранить свое достоинство; нужно занять почетное мѣсто между владѣльцами; быть господиномъ въ своемъ домѣ.

— Ну, хорошо! сказалъ Миллеръ, когда примиреніе кажется вамъ теперь невозможнымъ, такъ мы затѣмъ тяжбу.

Штурмъ облокотился на столъ и закрылъ глаза руками.

— Дѣло важное. очень важное, произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія.

— Рѣшайте же! вскричалъ Миллеръ, потерявъ терпѣніе. Нужно, или уступить или тягаться: я больше не знаю, что предпринять.

— Да! отвѣчалъ Штурмъ: мы будемъ продолжать тяжбу! Дѣло важное, я вамъ повторяю, но за то будетъ чудесный процессъ!

— Такъ прощайте же, господинъ Штурмъ, сказалъ Миллеръ, утомленный этимъ разговоромъ и нетерпѣливо желавшій остаться одинъ: прощайте, придите сказать мнѣ, когда вы начнете этотъ процессъ.

Штурмъ не трогаясь съ мѣста. Францъ смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и удивленіемъ. У Штурма были свои причины остаться.

— Господинъ Миллеръ, сказалъ стряпчій: до сихъ поръ я еще не открылъ вамъ причины моего прихода. Я слушалъ ваши споры съ маіоромъ Бильдманомъ, съ дѣвцами Штольценфельсъ, съ садовниками; мнѣ остается теперь сказать вамъ за чѣмъ я пришелъ.

Миллеръ, испуганный этими загадочными словами, напрасно перебиралъ въ своей памяти, что за новый ударъ могъ разразиться надъ нимъ. Штурмъ, свидѣтель этого томленія, не спѣшилъ объяснять дѣла.

— Ради Бога, милостивый государь, сказалъ Миллеръ, для котораго неизвѣстность сдѣлалась ужаснымъ наказаніемъ: откройте скорѣе, въ чемъ дѣло.

— Прежде, чѣмъ приступлю къ предмету моего посѣщенія, съ важностію началъ стряпчій: мнѣ нужно обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми вопросами, и я прошу васъ отвѣчать мнѣ прямо, безъ утайки. Не забудьте, что съ человѣкомъ, защищающимъ ваши выгоды, вы должны говорить откровенно. Вашъ долгъ имѣть ко мнѣ довѣріе больнаго къ своему лекарю, кающагося къ своему духовнику. Подумайте, что, скрывая отъ меня истину, вы подвергаетесь опасности проиграть свое дѣло.

Миллеръ, сильнѣе и сильнѣе мучимый безпокойствомъ, никакъ не могъ угадать, зачѣмъ пришелъ Штурмъ. Наконецъ, стражій согласился приступить къ дѣлу. Однако, вмѣсто того, чтобы разсказать просто все, что ему было очень хорошо извѣстно, онъ, для большей важности, счелъ лучшимъ допросить своего кліента, какъ слѣдственный судья.

— Вы, господинъ Миллеръ, произвели въ своихъ владѣніяхъ такія перемѣны, которыя очень безпокоятъ вашихъ сосѣдей. Съ вѣтренностію, съ безразсудствомъ, чего нельзя бы было ожидать въ ваши годы и при вашемъ положеніи, вы исполняли малѣйшія свои причуды, и не подумали о послѣдствіяхъ своихъ предпріятій.

— Къ дѣлу! господинъ Штурмъ, къ дѣлу! вы и то давно уже держите меня на горячихъ угляхъ. Къ дѣлу, говорите яснѣе, и какъ можно короче.

— Хорошо! Черезъ ваши владѣнія, господинъ Миллеръ, протекаетъ рѣка. Что вы сдѣлали съ этой рѣкой?

— Чортъ возьми! что я сдѣлалъ съ рѣкою? странный вопросъ. Я ловилъ въ ней рыбу, прогнулвался въ лодкѣ съ женою и дѣтьми. Что я могъ больше сдѣлать?

— Спросите вашу совѣсть, господинъ Миллеръ; вы ни въ чемъ не раскаиваетесь? Не сдѣлали ли вы съ умысломъ, или безъ вашего вѣдома, какого-нибудь ущерба вашимъ сосѣдямъ?

Миллеръ напрасно спрашивалъ самого себя; онъ никакъ не могъ угадать, въ чемъ состоитъ его вина.

— Значитъ, нужно помочь вашей памяти, господинъ Миллеръ; слушайте же всѣ вопросы, которые я предложу вамъ, и отвѣчайте мнѣ.

Миллеръ напрягъ все вниманіе; Штурмъ продолжалъ:

— Ложе рѣки, въ той части, которою она омываетъ Гильдесгеймъ, было неровно; не сдѣлали ли вы чего-нибудь, чтобы дать ей одинаковую глубину?

— Я очистилъ дно ея, отвѣчалъ Миллеръ: и пашель двойную пользу: во-первыхъ, пескомъ, поднятымъ изъ нея, выложилъ аллеи въ паркѣ, а во-вторыхъ, сравнивъ на днѣ ея ямы, я сдѣлалъ рѣку совершенно безопасною.

— Чудесно! возразилъ Штурмъ; но это еще не все. Въ части, прилежащей къ новой рошицѣ, вы расширили ложе рѣки?

— Да, отвѣчалъ Миллеръ: я вырылъ маленькій заливецъ,

чтобы удобнѣе было ставить лодку, которая служить для прогулокъ моей жены и дѣтей.

— Прекрасно! все лучше и лучше! продолжалъ Штурмъ. Такимъ образомъ, вы не отвергаете ни одного доноса; вы соглашаетесь. Значитъ, распространившаяся здѣсь молва, не есть клевета? Значитъ, обвиненія, возводимыя на нынѣшняго владѣтеля Гильдесгейма, не чистыя выдумки, не изобрѣтенія зависти и злобы?

— О какой молвѣ вы говорите: вскричалъ Миллеръ; въ чемъ обвиняютъ меня? Что общаго между завистью, клеветою и рѣкою, которая протекаетъ по моимъ владѣніямъ?

— Вы поймете изъ двухъ словъ, отвѣчалъ Штурмъ, въ чемъ состоятъ обвиненія, возводимыя на васъ. Здѣсь говорятъ, будто вы повысили цѣну на хлѣбъ.

— Признаюсь, отвѣчалъ Миллеръ: странное обвиненіе, котораго я никогда не ожидалъ. Значитъ, здѣсь распространяютъ слухъ, что я барышничая хлѣбомъ. Скажите всѣмъ, кто выдумываетъ подобные вздоры, пусть придутъ они въ мои кладовыя и осмотрятъ мои амбары: и тогда они могутъ увидѣть, и судить, сколько глупости и злобы въ этой клеветѣ.

— Боже мой! господинъ Миллеръ, если бы вы имѣли терпѣніе выслушать меня до конца, вы избавили бы себя отъ труда опровергать мои слова. Дѣло идетъ не о вашихъ кладовыхъ и амбарахъ. Вашъ хлѣбъ принадлежитъ вамъ, и никто не имѣетъ права усчитывать васъ. Вы продаете его, когда хотите, и кому хотите: въ это никто не имѣетъ права вмѣшиваться; но ваша рѣка, это другое дѣло! потому что рѣка не принадлежитъ вамъ. Правда, она протекаетъ черезъ Гильдесгеймъ, но все-таки она не ваша. Вы можете пользоваться ею для рыбной ловли, или для прогулокъ, только подъ извѣстными условіями: что мы называемъ существенными повинностями.

— О какихъ вы говорите повинностяхъ? прервалъ его Миллеръ: ужели я не хозяинъ у себя дома?

— Конечно, господинъ Миллеръ, вы хозяинъ въ своемъ домѣ; но ваши права, какъ всѣ права человѣческія, заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ. Я увѣренъ, что вы не предвидѣли послѣдствій вашего поступка, иначе невозможно объяснить, какъ вы рѣшились на такое дѣло.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ Миллеръ: вы, кажется, поклонились взбѣсить меня? Съ полчаса, я прошу васъ, умоляю, ска-

затъ мнѣ причину вашего посѣщенія, и съ полчаса, я не могу добиться отъ васъ ни одного путнаго слова. Законъ вещь прекрасная, святая, и нужно его уважать; но если, случайно, отъ невѣдѣнія, я нарушилъ законъ, ради Бога, будьте великодушны, объясните мнѣ, въ чемъ и какъ я нарушилъ его.

— Никто не долженъ отзываться незнаніемъ закона, съ важно-стью отвѣчалъ Штурмъ. Это одна изъ лучшихъ, изъ самыхъ важныхъ и самыхъ древнихъ аксіомъ римскаго права. А, вы знаете, римское право, говоря собственно, служитъ основаніемъ нашему законодательству; напрасно нѣкоторые юристы думали противоположить авторитету Юстиніана какое-то германское право; это пустыя сказки, не стоющія вниманія людей умныхъ и опытныхъ.

— Чортъ возьми! вскричалъ Миллеръ: тутъ нѣтъ дѣла ни до Юстиніана, ни до римскаго, ни до германскаго права. Возвратимся къ моей рѣкѣ, и скажите мнѣ, какимъ образомъ я могъ возвысить цѣну на хлѣбъ.

— Ничего нѣтъ проще, господинъ Миллеръ, если бы вы слѣдили за цѣнью моего разсужденія, вы были бы уже на дорогѣ, и въ половину бы поняли.

— Не обольщайте меня, господинъ Штурмъ. До сихъ поръ я рѣшительно ничего не понималъ. Чтѣ касается до нити вашего разсужденія, то я не видѣлъ никакой возможности слѣдить за нею, потому-что вы не шли прямою дорогою, а блуждали въ отступленіяхъ, положимъ, очень краснорѣчивыхъ, но которыя, по моему мнѣнію, не имѣютъ никакой связи съ теченіемъ моей рѣки и цѣною на хлѣбъ. Говорите-же, я слушаю.

— Пользованіе теченіемъ воды, господинъ Миллеръ, есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ въ юристуденціи. Объ этомъ предметѣ много писали и самые ученые люди. Всѣ эти книги я собралъ въ своей библіотекѣ, читалъ ихъ и перечитывалъ. Я знаю ихъ основательно, знаю ихъ содержаніе, какъ свои пять пальцевъ, и могу повторить вамъ. Нѣтъ ни одной трудности, относящейся до теченія воды, которую бы я не разрѣшилъ вамъ въ ту же минуту, опираясь на авторитетъ лучшихъ писателей. Благодаря Бога, у меня превосходная память, а, если вамъ угодно, я прочитаю вамъ тѣ мѣста, которыя намѣренъ приводить при защищеніи дѣла.

— Какъ, дѣла! вскричалъ Миллеръ. Значитъ, еще процессъ?

— Конечно, не сказалъ ли я вамъ?

— До сихъ поръ, вы сказали мнѣ все, кромѣ того, что должны сказать. Я мучаюсь, слушаю васъ, а вы стараетесь все больше и больше затемнять свой разговоръ. Когда же вы возвратитесь къ моей рѣкѣ.

— Я уже тутъ, отвѣчалъ Штурмъ. Такъ я сказалъ, что теченіе рѣкѣ подлежитъ тому, чтѣ мы называемъ существенными повинностями. Здѣсь, господинъ Миллеръ, я требую всего вашего вниманія. Чтѣ можетъ произойти отъ очищенія и расширенія ложа рѣки?

— Это вы должны сказать мнѣ, господинъ Штурмъ, потому-что вы основательно изучали всѣ вопросы, относящіяся до теченія воды; а мое дѣло здѣсь только слушать, а не отвѣчать.

— Ну, хорошо! Такъ какъ вы, господинъ Миллеръ, не хотите принять на себя трудъ разрѣшить предложенную мною проблему, то я рѣшу ее самъ. Очищаетъ и расширяетъ ложе рѣки, уравнивая покатость, вы уменьшаете быстроту ея теченія. Ради Бога, слѣдите внимательно за нитью моего разсужденія, потому-что здѣсь каждое слово очень важно. Въ сосѣднемъ имѣніи находится мельница: эта мельница устроена ниже Гильдесгейма и приводится въ движеніе рѣкою, которая протекаетъ по вашимъ владѣніямъ. На этой-то мельницѣ всѣ окрестные крестьяне мелютъ хлѣбъ. Уменьшивъ быстроту теченія рѣки, вы ослабили силу мельницы, возвысили плату за молотъбу, и, слѣдовательно, цѣну на хлѣбъ, ясно ли, господинъ Миллеръ?

— Наконецъ-то, сказалъ Миллеръ, съ глубокимъ вздохомъ: я начинаю понимать, въ чемъ дѣло.

— Могу похвастать, произнесъ стражничъ съ довольнымъ и гордымъ видомъ: что во всей Германіи вы не найдете юриста, способнаго объяснить вамъ такъ вразумительно предметъ новаго процесса, который затѣвается отъ имени не одного владѣльца мельницы, но и всей общины. Процессъ, начатый въ 1760 году, дѣломъ графа Сигизмунда, конечно, не лишенъ интереса; но это, говоря собственно, не больше, какъ пустяки въ сравненіи съ новымъ процессомъ, который открывається для васъ. Споры за права, разбирательство поступка, находчивость адвокатовъ, пронизательность судей, глубокомысліе ученыхъ, тутъ все будетъ нужно, и прибавьте еще къ этому драматическій интересъ, о которомъ до сихъ поръ я не упоминалъ; представьте, если раздраженные ваши противники сего-

дня или завтра съ факалами въ рукахъ, будутъ угрожать замку и всѣмъ вашимъ владѣніямъ!

— Вы серьезно говорите, господинъ Штурмъ? сказалъ испуганный Миллеръ. Угрозы зачечь мои владѣнія вы называете драматическимъ интересомъ этой тяжбы.

— Сборъ хлѣба нынче былъ скуденъ, отвѣчалъ стряпчій: и тогда еще, какъ дѣйствіе мельницы не было ослаблено черезъ вашу неосмотрительность, цѣна на хлѣбъ должна была бы подняться противъ прошлагодней. Возвышеніе платы за молотъбы мы называемъ увеличеніемъ бѣдствія. И такъ, господинъ Миллеръ, если завтра вы услышите у себя подъ окнами шумъ, то не удивляйтесь этому, вы предувѣдомлены.

Миллеръ съ ужасомъ смотрѣлъ на Штурма; ему казалось, что онъ видитъ передъ собою чудовище раздора, посланника ада, сообщника сатаны. Онъ хотѣлъ говорить, и слова застывали на его губахъ. Вольфгангъ Штурмъ поднялся съ гордостью, что успѣлъ возбудить такой ужасъ въ душѣ своего кліента; Миллеръ не удерживалъ его; онъ на-единѣ хотѣлъ измѣрять бездну, открывшуюся подъ его ногами.

Миллеръ, не полагаясь совѣмъ на слова своего стряпчаго, думалъ лично узнать, въ чемъ состоятъ сдѣланные на него доносы. Черезъ нѣсколько дней, ни слова не говоря Эднѣ объ ужасномъ разговорѣ своемъ съ Вольфгангомъ Штурмомъ, онъ отправился къ владѣльцу мельницы, который былъ изъ числа его противниковъ въ прекрасной и величественной тяжбѣ, какъ говорилъ Штурмъ, начавшейся въ 1760 году, изъ-за клочка земли. Не смотря на возраженія, сдѣланныя стряпчимъ противной стороны, Миллеръ старался употребить всѣ средства къ примиренію. Онъ великодушно предлагалъ уничтожить всѣ работы, произведенныя въ рѣкѣ, привести все въ первоначальное состояніе, и заплатить убытки по предварительной оцѣнкѣ. Противникъ Миллера принялъ его съ тою надѣвнною учтвостію, которая несноснѣе грубой обиды.

— Милостивый государь, сказалъ онъ Миллеру: не выслушавъ его хорошенко, я рѣдко мѣшаюсь въ эти дѣла. Убытки ясны; всѣ бумаги теперь у моего стряпчаго, вы къ нему должны обратиться.

— Но, милостивый государь. . . .

— Очень жалко, милостивый государь, возразилъ дворячичъ,

вынималъ свои часы: я не имѣю теперь времени; не угодно ли вамъ будетъ пожаловать въ другой разъ.

Миллеръ, съ стыдомъ и съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, вышелъ отъ своего противника. Онъ понялъ, что уже нѣтъ никакой надежды на примиреніе, что стряпчій его противника, изъ соревнованія, хочетъ побороться въ крѣпотворствѣ съ Вольфгангомъ Штурмомъ, и что новая война неизбежна.

Возвращаясь домой, печальный и унылый, онъ встрѣтилъ по дорогѣ людей, которыхъ сердитые взгляды напоминали ему злое будущее предсказаніе Штурма.

Угрюмая, печальная природа, сѣрое, холодное ноябрьское небо, густой туманъ, поднимавшійся изъ ущелій горъ, все это еще болѣе придавало грусти его печальнымъ мыслямъ. Онъ пріѣхалъ домой, тревожимый какимъ-то горестнымъ предчувствіемъ. Проѣзжая паркомъ, онъ примѣтилъ садовниковъ, выгнанныхъ имъ за нѣсколько дней. Они сидѣли на скамьѣ, какъ какіе-нибудь помѣшкы. Ожидая рѣшенія на свою жалобу, они жили въ замкѣ, спали спокойно, ѣли жирно и толковали на-досугъ о завѣщаніи графа. Для восстановленія и защиты своихъ правъ, они выдумывали такіа доказательства, которые сдѣлали бы честь самому опытному прокурору, самому хитрому адвокату. Они радовались успѣху своей наглости, и до введенія законнымъ порядкомъ въ прежнія должности, рѣшились сидѣть, съ утра до вечера, сложивъ руки. Они даже до того простерли свою дерзость, что спрашивали другъ-друга, должны ли они принимать на себя прежнія обязанности, если владѣтель Гильдесгейма напередъ не извинится передъ ними. Когда Миллеръ проѣзжалъ мимо ихъ, они и не подумали встать и поклониться, какъ будто видѣли его въ первый разъ.

IX.

Шпигель Францу Миллеру.

«Письма твои дѣлаются все рѣже и рѣже, любезный мой другъ. Уже два мѣсяца, какъ я не получалъ отъ тебя ни одной строки. Чтобы узнать, какъ проходятъ твои дни въ гильдесгеймскомъ замкѣ, я прибѣгалъ къ догадкамъ. Чѣмъ объяснить твоё молчаніе? Въ послѣднихъ своихъ письмахъ ты говоришь, что глубокий миръ царствуетъ около тебя, и что досуги, достав-

ляемые тебѣ богатствомъ, ты думаешь употребить для достиженія своей славы. Значить, занятія музыкой отнимаютъ у тебя все время? Если такъ, то не бойся моихъ упрековъ. Всегдашнее, пламенное мое желаніе, чтобы ты могъ наконецъ со всею свободою выразить то, чѣмъ занята твоя мысль, чѣмъ полно твое сердце; я никогда не думаю жаловаться на тебя и обвинять въ неблагодарности. Трудись, мой любезный Францъ, трудись; ты не долженъ засыпать на мягкомъ изголовьи, предоставленномъ тебѣ графомъ Сигизмундомъ. Сколько прекрасныхъ вещей ты долженъ составить тамъ! Сколько очаровательныхъ мотивовъ! сколько волшебныхъ вдохновеній! Въ чащѣ лѣсовъ, въ глубинѣ долинъ, на скатахъ холмовъ, въ прекрасные дни лѣта, ты сливалъ свои пѣсни съ гармоніею природы. Теперь, сидя за клавесиномъ, ты переложилъ на бумагу тѣ мелодіи, которыя бросилъ на вѣтеръ. Да будетъ благословенно богатство, которое приведетъ тебя къ славѣ!

«Ты писалъ ко мнѣ, что гильдесгеймскій замокъ и все имѣніе требуютъ большихъ поправокъ, улучшеній. Не сдѣлался ли ты аграномомъ и архитекторомъ, какъ большая часть богатыхъ и знатныхъ помѣщиковъ нашей доброй Германіи? Изучилъ ли ты системы сельскаго хозяйства? При перестройкѣ замка, ты, вѣрно, не измѣнилъ величественной архитектуры XIV вѣка? Ты долженъ быть счастливъ, какъ артистъ, какъ поэтъ, который можетъ уловить все свои мечты, осуществить все свои планы. Я каждый вечеръ ложусь съ мыслию о твоёмъ счастьи, и ночью мнѣ грезятся пріятные сны. Ты не поминаешь болѣе ни о дѣвцахъ фонъ Штольценфельсъ, ни о Бальманнѣ; надѣюсь, что вы все живете, какъ одно семейство. Первымъ твоимъ письмомъ ты привязалъ меня къ маіору; при пріѣздѣ моемъ въ Гильдесгеймъ, я непременно упрощу снять съ него портретъ. Эднѣ писала мнѣ о новомъ гостѣ, поселившемся у васъ, объ очаровательномъ молодомъ челоувѣкѣ, котораго Германъ и Маргарита любятъ на-перерывъ, и который соединяетъ въ себѣ граціозность, привлекательность и веселость; онъ вмѣстѣ безстрашный охотникъ, смѣлый наѣздникъ, очаровательный пѣвецъ, происходящій за-разъ отъ Немврода, Кирона и Ореея. Нашии мнѣ не медля, тотчасъ же, заслуживаетъ ли онъ всѣхъ этихъ похвалъ, которыми нашей Эднѣ угодно было осыпать его. Не скрою стѣ тебя ничего, я сильно боюсь, чтобы

господинъ Фридрихъ не вытѣснилъ бѣднаго Шпигеля изъ сердца твоей жены и дѣтей. Что касается до тебя, мой любезный Миллеръ, я не беспокоюсь о твоёмъ сердцѣ; можешь ли ты забыть и промѣнять нашу старую, прочную, испытанную дружбу?

«Я забылъ напоминать тебѣ о присылкѣ денегъ за наемъ квартиры. Признаюсь, я былъ въ большомъ затрудненіи, если бы случай, благодѣтельный случай не помогъ мнѣ. Не слыханная, не ожиданная вещь! я продалъ нѣсколько изъ своихъ картинъ, которыя такъ давно украшала мою мастерскую, я продалъ ихъ такъ выгодно, что могъ загладить твою ошибку. Чтобы не платить намъ, на будущее время, за наемъ твоей и моей квартиры, я купилъ маленькой домикъ, гдѣ мы жили съ тобою столько годовъ. Такимъ образомъ, когда, весною, возвратишься въ Мюнхенъ, ты остановишься у меня. Шпигель владѣлецъ! Увѣренъ, что ты не думалъ услышать о такой новости: это подѣ-стать къ Миллеру, владѣтелю замка. Поцѣлуй за меня твоихъ дѣтей, и попроси нашу милую Эднѣ не забывать меня въ обществѣ господина Фридриха.

«Шпигель.»

Миллеръ сначала подумалъ, что надъ нимъ смѣются. Каждый вопросъ Шпигеля такъ печально противорѣчилъ дѣйствительности, каждое выраженіе такъ походило на скрытый упрекъ или насмѣшку, что, кончивъ чтеніе письма, Францъ не могъ удержаться отъ движенія досады, даже гнѣва. Все въ этомъ письмѣ унижало, оскорбляло его; всякое слово было ножомъ по сердцу. Безсознательно, противъ воли, онъ страдалъ отъ похвалъ, которыми Эднѣ превозносила Фридриха; сѣмя зла вкралось въ его сердце. При мысли, что Шпигель продалъ свои картины, и это не онъ, Миллеръ, не онъ, его братъ, купилъ ихъ; при мысли, что Шпигель собственными трудами приобрѣлъ домъ, который онъ не только не усилъ подарить своему другу, какъ думалъ, но не заплатилъ даже и за наемъ его, Францъ готовъ былъ умереть отъ стыда. И какъ въ самой чистой дружбѣ, самолюбіе себѣ отыщетъ уголокъ, то Миллеръ, узнавъ о довольствѣ и объ успѣхахъ своего друга, почувствовалъ въ своемъ сердцѣ не удивленіе и радость, а что-то другое; онъ подумалъ о себѣ самомъ, и, сра-

винная гильдесгеймскій замокъ, доставшійся ему случайно, съ маленькимъ домикомъ въ Мюнхенѣ, который доставили Шпигелю трудъ и раждающаяся слава, онъ сознавался, что Шпигель и богаче и счастливѣе его. Любовь къ славѣ, которую съ давнихъ поръ онъ питалъ, какъ священный огонь, и которая, казалось, исчезла при безчисленныхъ безпокойствахъ, возмущавшихъ его жизнь, вдругъ пробудилась въ немъ; но это не было благородное, высокое честолюбіе: а скорѣе мучительная боль. Впрочемъ если Францъ, при мысли о Шпигелѣ, и испыталъ на минуту, что-то похожее на зависть, но это непріятное чувство скоро разсѣялось и не оставило слѣда въ его душѣ.

Миллеръ долженъ былъ испытать другія чувства. Печальное сѣмя, заброшенное въ его сердце письмомъ Шпигеля, скоро развернулось, возрасло и пустило глубокіе корни.

До сихъ поръ Францъ тщательно скрывалъ отъ своей жены всѣ непріятности, всѣ хлопоты, осаждавшія его. Онъ не говорилъ ей ни о шестидесятилѣтнемъ процессѣ, ни про дѣло о мельницѣ, ни о возмущеніи, котораго онъ ожидалъ со дня на день; но, боясь встревожить свою жену, онъ не могъ затантъ въ своей душѣ печали, снѣдавшей его. Онъ умалчивалъ о дѣлахъ, а не скрывалъ впечатлѣній, производимыхъ ими. Въ домашнемъ быту, это самая плохая вещь; нужно или скрывать все, или говорить обо всемъ. Характеръ Франца сдѣлался неровнымъ, причудливымъ: онъ съ трудомъ отвѣчалъ на вопросы Эдиен; поцѣловавъ дѣтей, онъ уходилъ въ свою комнату и заперался тамъ одинъ, чтобъ повѣрять счеты своего управляющаго и фермеровъ, или перечитывать тяжбы дѣла, которыя нѣсколько уже мѣсяцовъ составляли обыкновенный предметъ его занятій. Изъ всей этой драмы, Эдиенъ знала только смѣшную часть: ссору за дѣтей и увольненіе садовниковъ. Притязанія дѣвницъ Штольценфельсъ и маіора казались ей только забавными приключеніями, которыя смѣшили ее, и вовсе не объясняли частыхъ отлучекъ Франца, его угрюмаго вида и несносной молчаливости. Молодая и прекрасная, привыкшая къ нѣжной предупредительности, Эдиенъ жаловалась иногда на мужа, и Францъ, несправедливо обвиняемый, съ колкостью оправдывалъ себя. Не проходило почти ни одного дня безъ взаимныхъ упрековъ; правда, эти легкія ссоры всегда оканчивались мирною, но все-таки не могли нѣсколько не помрачить ясного небосклона ихъ сердечной привязанности. Францъ, какъ всѣ лю-

ди съ пламеннымъ воображеніемъ, не умѣлъ владѣть движеніями своей души. На все, на дурное и на хорошее, онъ смотрѣлъ сквозь увеличительное стекло; что для людей обыкновенныхъ было бы только пустымъ, незначительнымъ дѣломъ, на его глаза представлялось въ огромныхъ размѣрахъ; препятствія, надъ которыми спокойный умъ восторжествовалъ бы безъ труда, для Франца казались ужасною стѣною во сто локтей. И потому, нечему удивляться, если два знаменитые процесса, возбуждавшіе въ Вольфгангѣ Штурмѣ такой живой восторгъ, возмущали сонъ Миллера и наполняли его мечты ненавистными призраками, грозными привидѣніями. Ночи его были тревожны, и днемъ не имѣлъ онъ покоя. Онъ чувствовалъ, что былъ связанъ, опутанъ со всѣхъ сторонъ. Эти непрерывныя думы, поглотившія всѣ его способности, придали взгляду его что-то странное, безпокойное, и рѣчамъ его какую-то сухость, безчувственность, которыя никогда не были сродны его сердцу. Нѣжность его къ Эдиен не охладѣла; но онъ былъ возлѣ нея всегда мраченъ и разсѣянъ, и Эдиенъ толковала это въ дурную сторону. Она обижалась его молчаніемъ, которое принимала за холодность, и серлилась на его печаль, которую считала за скуку. Будучи не въ силахъ разгадать происходившее около нея, она перебрала все, кромѣ истины. Крючкотворство не было единственною заботою Миллера; гордость приняла въ его душѣ новую, непредвидѣнную форму. Пока жизнь его совершенно была посвящена музыкѣ и мечтамъ о словѣ и знаменитости, Миллеръ домогался только одного, чтобъ произвести великое твореніе и заслужить рукоплесканія; но со времени прибытія въ замокъ, онъ терзался, онъ стыдился своего незнатнаго происхожденія. Францъ Миллеръ, который смотрѣлъ нѣкогда на притязанія знати съ улыбкою сожалѣнія, который допускалъ и признавалъ только одну аристократію, аристократію талантовъ, теперь этотъ Францъ Миллеръ горько жалѣлъ, что не могъ похвалиться своей родословной. Въ продолженіе первыхъ недѣль своего пребыванія въ Гильдесгеймѣ, онъ безъ труда переносилъ сидѣть со сѣднихъ баричей; но мало-по-малу презрѣніе ихъ уязвляло его, и какъ разсудокъ не допускалъ этого страданія, неприличнаго человѣку умному, то онъ, скрывая отъ всѣхъ свою рану, только растравлялъ ее. Какимъ же образомъ Эдиенъ могла угадать тоску, мучившую его? Не зная

другого честолюбія, кромѣ счастья своего мужа, какъ ей было понять странную печаль, пожиравшую его?

Постоянный свидѣтель этой безмолвной борьбы, Фридрихъ, съ каждымъ днемъ, дѣлалъ шагъ впередъ въ своихъ завоеваніяхъ. Какъ часто случается съ людьми ловкими и хитрыми, Фридрихъ самъ попалъ въ разставленную сѣть. При ежедневныхъ свиданіяхъ, при безпрестанныхъ разговорахъ съ Эднью, молодой офицеръ, имѣвшій до сихъ поръ дѣла только съ женщинами очень двусмысленныхъ правилъ, чтобы не сказать болѣе, былъ очарованъ этою скромною красотою, этою чистою, невинною прелестью, которыя представляли ему плѣнительность неизвѣстнаго. Онъ началъ тѣмъ, что называлъ ловкостью, но ловкость не помогла ему; влюбленный не на шутку, онъ нашелъ въ искренности своей страсти всѣ пособія которыя могли приблизить его къ цѣли и которыхъ же напрасно искалъ въ ловкости и хитрости; онъ сдѣлался, дѣйствительно, опасенъ съ тѣхъ поръ, какъ не думалъ болѣе быть тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Эднью ничего не подозрѣвала, и ея невѣдѣніе еще болѣе увеличивало опасность. Простодушная, до вѣрчивая, она видѣла въ любви Фридриха только дружбу, болѣе сильную, болѣе нѣжную, чѣмъ обыкновенная дружба, и не угадывала страсти въ пожатіи руки. Шпигель пріучилъ ее къ этимъ безкорыстнымъ нѣжностямъ, которыя хотя рѣдко существуютъ между молодою женщиною и молодымъ мужчиною, но все-таки возможны. Не спрашивая себя, не беспокоясь узнать, какое мѣсто Фридрихъ занималъ въ ея сердцѣ, она жертвовала ему половиною всѣхъ своихъ мыслей. Эднью не любила Фридриха въ смыслѣ страсти; но привязанность, которую чувствовала къ нему, не исключала совершенно любви, и напоминала объ ней.

Миллеръ радовался сначала пріѣзду Фридриха, и видѣлъ въ немъ только веселаго собесѣдника, способнаго занять его жену и позабавить дѣтей, но наконецъ частыя и продолжительныя посѣщенія молодаго офицера стали беспокоить его. Къ мученіямъ, которыя онъ терпѣлъ, присоединилась еще ревность. Французъ стыдился смутнаго безпокойства, тревожившаго его, боялся признаться передъ самимъ собою въ своихъ страданіяхъ, не смѣлъ дать названія боли своего сердца, и потому скорбь его была тѣмъ живѣе, тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ съ болѣшимъ упорствомъ онъ скрывалъ ее. Но могъ ли онъ открыть свои мученія? Въ чемъ онъ могъ упрекнуть Эднью, которой ясно, свѣт-

лое чело отвергало всѣ подозрѣнія? что могъ онъ сказать Фридриху, въ обхожденіи и поступкахъ котораго не замѣчалъ ничего неприличнаго? Ревность не знала, къ чему прицѣпиться, и однако Миллеръ ревновалъ. Его характеръ дѣлался болѣе и болѣе раздражительнымъ. Чтобы предотвратить опасность, ему надо было бы удвоить предупредительность, нѣжность и ласки, а вмѣсто того, онъ былъ постоянно угрюмъ, иногда даже грубъ. Нѣсколько разъ онъ думалъ отдѣлать Фридриха, отказать ему, и навсегда запретъ для него свою дверь: но какой онъ имѣлъ предлогъ прибѣгнуть къ такой крайности? Не значило ли это оскорблять Эднью? Ему легче было перенести во сто разъ мучительнѣйшія страданія, и молчать! Да если бы Фридрихъ и не ходилъ къ нимъ, нашелъ ли бы Миллеръ себѣ спокойствіе? Не останется ли этотъ несносный гость въ замкѣ, у своихъ тетокъ? Развѣ онъ не имѣетъ права, по завѣщанію графа Сигизмунда, ѣздить, гдѣ ему угодно, по всѣмъ гильдесгеймскимъ владѣніямъ? Не могутъ ли они встрѣчаться каждый день, каждый часъ? встрѣчаться въ полѣ, въ тѣни лѣсовъ? Чтобъ заглушить адскій шопотъ демона ревности, не нужно ли скорѣе запретить Эднью выходить за порогъ дѣла? При одной мысли объ этомъ запрещеніи, сердце несчастнаго разрывалось на части.

Такимъ образомъ, все опечаливало Франца, все, какъ будто, сговорилось противъ него. Бильдманы и Штольценфельсы обходились еще грубѣе, еще неприязненнѣе прежняго. Разрушивъ перегородку двухъ садиковъ, Миллеръ ничего не выигралъ. Каждый разъ, если ему хотѣлось въ хорошую погоду, выйти въ паркъ, онъ былъ увѣренъ, что встрѣтитъ маіора, Доротею, Исаака, или старыхъ дѣвъ. Онъ жалѣлъ о разрушенныхъ имъ заборахъ, которые по крайней мѣрѣ, скрывали отъ его глазъ этихъ ненавистныхъ жильцовъ. Фридрихъ большую часть времени проводилъ возлѣ Эднью. Гедвига и Ульрика не думали оскорбляться тѣмъ, что племянникъ ихъ водится съ низкими людьми; напротивъ, по какому-то злобному инстинкту, онѣ еще ободряли его. Все не предполагая, чтобъ Фридрихъ былъ влюбленъ не на шутку, онѣ всячески старались затронуть его тщетлавіе; онѣ представляли ему, какъ будетъ стыдно для такого молодаго, красиваго кавалерійскаго офицера, если онъ не восторжествуетъ надъ простою мѣщанкою, и притомъ же не строгой нравственности. Наконецъ, чтобы оправдать распушенія ими оскорбительныя подозрѣнія, онѣ съ радостію увидѣли

успѣхи Фридриха; погубить ее въ мнѣніи всѣхъ, погубить ее безъ возврата, безъ надежды на восстановленіе, было самымъ пламеннѣйшимъ ихъ желаніемъ, самую пріятнѣйшею ихъ мечтою, предметомъ всѣхъ ихъ разговоровъ.

Однако, въ минуты, которыя я назову свѣтлыми, Миллеръ, приходилъ въ себя, и говорилъ, что онъ не всегда же будетъ мучиться, безпокойства его, безъ сомнѣнія, когда-нибудь кончатся. Фридрихъ не можетъ жить постоянно въ замкѣ, полкъ его переведутъ въ другое мѣсто; съ наступленіемъ весны, Эдионъ оставитъ Гильдесгеймъ и возвратится въ Мюнхенъ. Тамъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, которые проведутъ съ Шнигелемъ, они снова найдутъ свое спокойствіе. Всѣ эти проклятые процессы, которые умножались и перепутывались одинъ съ другимъ, должны будутъ прекратиться. При томъ же, Штольценфельсы и Бильдманы не вѣчны; замокъ, однажды очищенный отъ этихъ вздоривыхъ жильцовъ, будетъ величественнымъ насладствомъ для Германа и Маргариты. Тогда пробуждались въ душѣ Миллера всѣ надежды, всѣ мечты, которыя онъ такъ долго лелѣялъ. Онъ представлялъ себя спокойнымъ, довольнымъ, въ кругу жены и дѣтей, раздѣляющимъ время между занятіями и семейными удовольствіями. Слава улыбалась ему и протягивала руки; его творенія замѣняли ему предковъ; онъ заботился, онъ хлопоталъ прибавить къ своему имени, сдѣлавшемуся славнымъ, исчезнувшее нынѣ имя фонъ—Гильдесгеймъ. Аристократія принимала его въ свои ряды; Маргарита выросла и вступила въ родство съ первыми фамиліями; Германъ сдѣлался фельдмаршаломъ. Все совершалось по его желанію. И когда эти очаровательные дни такъ близки къ нему, можно ли терять терпѣніе? Первый годъ былъ жестокимъ испытаніемъ; но второй годъ будетъ легче, будетъ сносно для него.

Послѣ этихъ заманчивыхъ размышленій, Миллеръ терпѣливо принимался за чтеніе своихъ счетовъ и бумагъ.

X.

Зима прошла посреди этихъ печальныхъ занятій. Нѣсколько разъ, въ рѣдкія минуты досуга, которыя онъ отрывалъ отъ ревности, отъ процессовъ и отъ управленія своимъ имѣніемъ, Миллеръ пытался заняться музыкою; но вдохновеніе, какъ будто, навсегда отлетѣло, и его твореніе оставалось на той же точкѣ,

на которой мы оставили его, когда несносный Вольфгангъ Штурмъ пришелъ въ первый разъ побесѣдовать съ новымъ владѣтелемъ Гильдесгейма. Не только вдохновеніе было глухо ко всѣмъ мольбамъ Франца, но и Францъ рѣдко и съ глубокимъ уныніемъ призывалъ его. Любовь къ славѣ, страсть къ искусству, которыя онъ питалъ нѣкогда съ такимъ жаромъ, съ такою ревностію, только изрѣдка занимали теперь его мысли. Миллеръ съ ужасомъ чувствовалъ, что гений его ослабѣлъ подъ гнѣтомъ зобитъ, тяготѣвшихъ надъ нимъ.

Впрочемъ, въ одно утро, другъ нашъ всталъ въ такомъ расположеніи духа, какого онъ не зналъ съ давнихъ поръ и какого не думалъ болѣе имѣть. Сонъ его былъ спокоенъ; видъ спящей и улыбающейся Эдионъ развеселилъ его и утѣшилъ волненіе его сердца. Начиналась весна; деревья украсились зеленѣющими почками. Стоя у открытаго окна, передъ лицомъ этого всеобщаго воскресенія природы, Миллеръ чувствовалъ, что воображеніе его настроилось и согрѣлось. Птицы щебетали подъ раждающеюся зеленою, и, при звукахъ этихъ пѣсень, цѣлый рой свѣжихъ, чистыхъ мелодій встрепенулся въ груди Миллера. Онъ хотѣлъ сѣсть за клавишныя, когда Вурмъ полуотворилъ дверь и всунулъ въ нее свой профиль.

— Ради Бога, чего вы хотите отъ меня? вскричалъ Францъ. Солнце едва еще поднялось, а вы уже идете докучать мнѣ. Могу ли я быть одинъ хоть минуту?

Вурмъ вынулъ изъ кармана запечатанное письмо, подавъ его молча, своему господину, и ушелъ, потирая руки. Миллеръ поблѣднѣлъ и задрожалъ, потому-что онъ замѣтилъ, что управляющій его потиралъ руки только тогда, когда приносилъ какую-нибудь несчастную новость. Онъ сломалъ печать и прочиталъ:

«Милостивый гусударь,

«Хотя я не имѣю чести знать васъ лично, но ваша справедливость, ваше безпристрастіе мнѣ извѣстны, и я обращаюсь къ вамъ съ полною увѣренностію, что вы скорѣе согласитесь сдѣлаться со мною по-дружески и заплатить убытки, въ которыхъ я вамъ приношу жалобу, чѣмъ предоставлять это дѣло несприятнымъ послѣдствіямъ судебного разбирательства. Дѣло вотъ въ чемъ: Господинъ Фридрихъ Фонъ-Штольценфельсъ уже нѣсколько мѣсяцевъ живеть въ замкѣ; говорятъ, что графъ Сигизмундъ фонъ-Гильдесгеймъ предоставилъ ему, въ своемъ за-

вѣщани, полное право пользоваться его лошадьми и собаками, и охотиться во всѣхъ его владѣнiяхъ. До сихъ поръ, господинъ Фридрихъ очень скромно пользовался даннымъ ему позволенiемъ. Но вчера, увлеченный, безъ сомнѣнiя жаромъ охоты, за-скакалъ съ своими охотниками за границы гильдейгеймскихъ владѣнiй. Поля шестерыхъ владѣльцевъ—имена которыхъ при семъ прилагаю, равно какъ и исчисленiе причиненныхъ имъ и мнѣ убытковъ,—были потоптаны господиномъ Фридрихомъ фонъ Штольценфельсомъ. Эти опустошенiя оцѣнены выборными людьми, достойными полного довѣрiя; впрочемъ вы можете повѣрить это сами. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не замедлите исполнить мою просьбу.

«Примите, милостивый государь, увѣренiе въ совершенномъ моемъ почтенiи.

«Баронъ фонъ-Фрогсдорфъ.»

При этомъ письмѣ приложены были имена шести владѣльцевъ въ которыхъ баронъ фонъ-Фрогсдорфъ принималъ участiе, и оцѣнка опустошенiй, сдѣланныхъ Фридрихомъ: убытки оцѣнены были въ четыре тысячи флоринновъ.

— Этотъ баронъ фонъ-Фрогсдорфъ, удивительный чудакъ вскричалъ Миллеръ, прочитавъ письмо. Выдумалъ, что я буду платить за шалости этого негодяя! Пусть самъ Фридрихъ и раздѣляется съ барономъ фонъ-Фрогсдорфомъ, мнѣ некогда заниматься такими пустяками. Пусть онъ охотится какъ ему угодно, мнетъ поля и виноградники, пусть гоняетъ, какъ хочетъ лошадей и собакъ графа Сигизмунда, мнѣ нѣтъ дѣла до всѣхъ этихъ глупостей.

Посреди этого краснорѣчиваго монолога вошелъ Вольфгангъ Штурмъ, съ величественнымъ видомъ. Радость изображалась на его челѣ и искрилась въ его маленькихъ сѣрыхъ глазахъ. Миллеръ снова поблѣднѣлъ и холодный потъ выступилъ по всему его тѣлу.

— Наши дѣла идутъ чудесно, господинъ Миллеръ, сказалъ страпчiй, садясь на стулъ: все идетъ, какъ по маслу. Благодаря ловкому обороту, какой я съ умѣлъ дать, процессы Бильмана и дѣвцъ фонъ-Штольценфельсъ день-отъ-дня принимаютъ все большiе и большiе размѣры. Процессъ, начатый дѣдомъ графа Сигизмунда, продолжается спокойно. Споръ, поддерживаемый вами изъ уваженiя къ памяти трехъ поколѣнiй, которыхъ вамъ суж-

дено быть преемникомъ, дѣлаетъ вамъ величайшую честь во всемъ здѣшнемъ краѣ, господинъ Миллеръ.

— Очень радъ, отвѣчалъ Миллеръ.

— Процессъ о мельницѣ начинается. Здѣсь-то, господинъ Миллеръ, я долженъ былъ употребить весь запасъ моей долговременной опытности, чтобы уничтожить дѣйствию вашей неосмотрительности.

— О какой неосмотрительности вы хотите сказать, господинъ Штурмъ?

— Я хочу сказать, господинъ Миллеръ, о предложенiи, которое вы сдѣлали вашему противнику, заплатить всѣ убытки, на которые онъ жалуется. Я предвидѣлъ, что вашъ противникъ воспользуется этимъ, и что зная вашу расположенность къ уступкѣ, онъ увеличитъ свои требованiя безъ всякой жалости. Я долго придумывалъ, какимъ бы средствомъ уничтожить вашу ошибку. Наконецъ, нашелъ я это средство, и, безъ вашего позволенiя, тотчасъ же приложилъ его къ дѣлу.

— Что вы сдѣлали? спросилъ Миллеръ, который ожидалъ новаго удара.

— Я составилъ, возразилъ Штурмъ, какъ у насъ называется, вѣтрѣчную жалобу. Вашъ противникъ требуетъ трехъ тысячъ флоринновъ за убытки, причиненные вами расширенiемъ ложа рѣки; ну, хорошо! а мы противъ его жалобы ставимъ другую жалобу, основанную на убыткахъ, которые онъ сдѣлалъ намъ, ловя рыбу въ водѣ, принадлежащей намъ.

— Что вы говорите? вскричалъ Миллеръ.

— Я говорю, отвѣчалъ Штурмъ, что мы требуемъ съ нашего противника вознагражденiя четырехъ тысячъ флоринновъ за опустошенiе, произведенное въ нашихъ водахъ.

— Но о какомъ опустошенiи вы говорите? сказалъ Миллеръ, прерывая его.

— Преступленiе ясно, отвѣчалъ страпчiй, и доказано тремя актами, составленными по всей формѣ, которые я принесъ съ собою, и которые долженъ буду употребить при защищенiи дѣла. Да, почтеннѣйшiй господинъ Миллеръ, вашъ противникъ въ то время, какъ затѣвалъ съ вами тяжбу, не боялся грабить вашу собственность. Самую лучшую рыбу изъ вашей рѣки онъ употреблялъ для своего стола. Онъ не можетъ запереться въ этомъ, потому что я имѣю здѣсь, я держу въ своихъ рукахъ три акта, составленные по законамъ, и утвержденные бургомистромъ.

Миллеръ думалъ, что онъ все это видитъ во снѣ. Онъ схватилъ голову обѣими руками, и не могъ выговорить ни слова; наконецъ, гнѣвъ его разразился.

— Господинъ Штурмъ, вскричалъ онъ, поднявъ голову, вы рѣшились свести меня съ ума? Отвѣчайте мнѣ. Какъ! я имѣю уже пять процессовъ; безъ сомнѣнія, вы не такъ судили о моемъ полномъ счастьи, а считаете за удовольствіе вводить меня въ ссоры, о которыхъ я никогда и не думалъ. Какъ! за какихъ-нибудь ничтожныхъ окулей, за дожину карповъ или шукъ, вы не боитесь моимъ именемъ требовать вознагражденія четырехъ тысячъ флориновъ!

— Наше требованіе очень умѣренно, господинъ Миллеръ, возразилъ стряпчій хладнокровно. Сказать по правдѣ, мы имѣемъ въ рукахъ только три акта; но кто знаетъ, кто можетъ знать, сколько разъ совершенно было преступленіе, прежде чѣмъ известно? Наше требованіе очень умѣренно, и я увѣренъ, что судъ приметъ его во вниманіе.

— Пусть принимаетъ или отказывается, прервалъ Миллеръ, я мало беспокоюсь объ этомъ. Я не хочу и слышать, чтобы моимъ именемъ было объявлено это безумное требованіе. Я предложилъ заплатить убытокъ, происшедшій и отъ моей ошибки; и согласенъ подтвердить это предложеніе передъ судомъ, чтобы окончить скорѣе глупую ссору. Я хочу, я требую, чтобы вы завтра же возвратили просьбу, поданную отъ моего имени, которую вы окрестили какимъ-то варварскимъ именемъ.

— Я назвалъ ее, господинъ Миллеръ, съ важностію отвѣчалъ Штурмъ, именемъ, которое дано ей самимъ закономъ: я составилъ противъ вашего противника встрѣчную жалобу; но если вы не соглашаетесь на это, то я уничтожу. Можетъ-быть, скоро узнаете, что я далъ дѣлу самое благоразумное направленіе.

Сказавъ это, стряпчій собрался идти. Миллеръ остановилъ его и подалъ ему письмо барона Фрогсдорфа.

— Скажите, пожалуйста, что вы думаете объ этомъ странномъ требованіи?

— Это важно, отвѣчалъ Штурмъ, быстро пробѣжавъ бумагу. Это очень важно, господинъ Миллеръ. Правда, что вы не сами причинили убытокъ, за который требуютъ вознагражденія; но баронъ Фрогсдорфъ дѣйствуетъ, какъ знатокъ законовъ. Вѣдь, охотники, бывшіе съ господиномъ Фридрихомъ фонъ-Штоль-

ценфельсомъ, ваши; лошади и собаки, которыми потоптаны поля сосѣднихъ владѣльцевъ, принадлежатъ вамъ: по этому, баронъ фонъ-Фрогсдорфъ по праву обращается къ вамъ. Вамъ должно заплатить убытки, но вы можете требовать удовлетворенія съ господина Фридриха фонъ-Штольценфельса; правда, сказать между нами, удовлетвореніе не надежно.

— Ну, сказалъ Миллеръ, съ негодованіемъ, если я долженъ заплатить, я заплачу.

— Какъ, господинъ Миллеръ! вскричалъ изумленный стряпчій, вы хотите заплатить четыре тысячи флориновъ барону фонъ-Фрогсдорфу?

— Конечно; вы сказали, что требованіе законно?

— Сказалъ и повторяю.

— Такъ что жъ еще? спросилъ Францъ.

— Господинъ Миллеръ, давно ли стали бросать оружіе при первомъ требованіи? А для чего правосудіе? Къ чему учреждены судьи? Нѣтъ, милостивый государь, напрасно вы такъ думаете! Если такъ скоро вы будете уступать, на васъ нападутъ со всѣхъ сторонъ: васъ остригутъ, какъ барана, опилютъ, какъ голубя. Господинъ Миллеръ, жизнь есть борьба; кто не умѣетъ показывать, что у него есть клювъ да когти, тотъ погибъ.

И, не дожидаясь отвѣта, Штурмъ удался.

Растроганный этимъ дьявольскимъ разговоромъ, Миллеръ подошелъ къ окну и сталъ разсѣянно смотреть на новые побѣги сиреней и каштановыхъ деревьевъ. Мало-по-малу взглядъ его одушевлялся, чело просвѣтлялось. Онъ видѣлъ около себя зеленѣющія поля и луга, и, выдыхая полною грудью вѣтерокъ, наносившій благовошіе распускавшихся цвѣтовъ, онъ съ гордостію говорилъ самъ себѣ, что все это принадлежитъ ему, эти поля, эти луга, этотъ лѣсъ, этотъ паркъ и этотъ замокъ, какъ вдругъ его чело подернулось смертною блѣдностію, и онъ схватился рукою за сердце, какъ будто его ужалила змѣя. Въ это время Фридрихъ прогуливался въ паркѣ; Эдионъ опиралась на его руку и подняла голову, какъ будто боясь проронить его слова. Они шли тихо, и Миллеръ, неподвижный, впился въ нихъ испуганнымъ взглядомъ. Черезъ нѣсколько минутокъ, онъ потерялъ ихъ изъ вида, потомъ, снова увидѣлъ, и снова они скрылись изъ его глазъ. Многоходомъ, Фридрихъ срывалъ съ сирени цвѣты и подавалъ ихъ Эдионъ, которая впивала въ себя ихъ запахъ.

Миллеръ большими шагами ходилъ по залѣ, когда впорхнула его жена съ улыбною на устахъ, и съ цвѣтами въ рукѣ, которые сорвала для нея Фридрихъ.

— Что съ тобою, мой другъ? сказала она Францу: что случилось? какая-нибудь новая ссора съ дѣвицами фонъ-Штольценфельсъ или съ маіоромъ Бильдманомъ? Если это только, ты напрасно терзаешь себя такими пустяками.

Францъ стыдился выказать свою ревность; онъ съ радостію ухватился за представившійся ему предлогъ, чтобы скрыть свои чувства.

— Смотри, сказалъ онъ грубо Эдию, подавая письмо барона Фрогдорфа: рѣши сама, могу ли я быть спокоенъ.

— Гмъ! сказала Эдию, прочитавъ письмо: да есть ли тутъ на что сердиться? Пошли къ этому барону четыре тысячи флориновъ, которые онъ требуетъ, и дѣлу конецъ.

— Такъ отдать этому барону четыре тысячи флориновъ, возразилъ Миллеръ съ досадою, по твоему самое естественное дѣло, какое можно вообразить. Значитъ, продолжалъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ: я долженъ платить за всѣ безразсудства Фридриха; ему угодно рыскать по чужимъ полямъ, а я долженъ развязывать за него свой кошелекъ, и это тебѣ кажется очень просто.

— Ты забываешь, мой другъ, отвѣчала Эдию съ нѣжностію, что мы владѣемъ теперь богатѣйшими помѣстьями, которыхъ большая часть должна была принадлежать этому молодому человѣку. Конечно, Фридрихъ могъ бы пользоваться съ осторожностію своими правами, но развѣ нельзя извинить въ его лѣта какой-нибудь шалости? Должно ли обвинять его за какую-нибудь ненамѣренную ошибку? Онъ такъ добръ, такъ ласковъ съ нашими дѣтьми! Во всѣхъ нашихъ ссорахъ съ его тетками и съ маіоромъ, не заступался ли онъ за насъ? Не правда ли, только одно и есть здѣсь сердце, которое любить насъ, которое предано намъ?

— Клянусь, прекрасная находка его дружба! богатая прибыль его преданности! вскричалъ Францъ, не удерживаясь болѣе; эта дружба мнѣ дорого стоить, и я легко обойдусь безъ нея.

— Другъ мой, можешь ли ты говорить это? Ты такъ добръ, такъ справедливъ, можешь ли ты быть неблагодаренъ?

— Не думаешь ли ты совѣтовать мнѣ, вскричалъ Францъ, топнувъ ногою, идти и поблагодарить его за честь, что ему

удобно было обязать меня заплатить за его удовольствіа? Нѣтъ, я не буду платить; пусть онъ раздѣляется съ барономъ, я не дамъ ни крейцера.

И несчастный Францъ, стыдился самого себя, стыдился своей горячности, боясь, чтобы не замѣтили его сердечной раны, которую Эдию еще больше отравила, защищая Фридриха, вышелъ изъ залы и удалился въ свою комнату. Оставшись одна, Эдию перебирала въ своей памяти всѣ слова, которыя она слышала, и невольно находила что-то смѣшное въ горячности своего мужа. Столько шума изъ-за какихъ нибудь четырехъ тысячъ? Ужели Миллеръ сдѣлался скупъ? Она не знала, какія чувства волновали Франца; она не подозрѣвала ревности, скрытой подъ гнѣвомъ. Будучи невинна, она не могла предполагать въ душѣ своего мужа безпокойства, которое ничѣмъ не оправдывалось. Между тѣмъ, какъ Эдию упрекала его въ скупости, Миллеръ, запершись въ своей комнатѣ, далъ полную волю безумнымъ страстямъ, бушевавшимъ въ его груди.

— Они не увидятся болѣе, сказалъ онъ, прохаживаясь какъ левъ въ клѣткѣ. Его я выгоню отъ себя; ей не позволю сдѣлать шагу за порогъ. А, они думаютъ найти во мнѣ мужа снисходительнаго, ошибаются, обманываются! Они не знаютъ, что скрыто въ глубинѣ оскорбленнаго сердца. Да, я выгоню его; да, я запру ее: горе ему! горе ей!

Потомъ, вдругъ остановившись, онъ бросился въ кресла, закрывъ голову руками, и слезы ручьемъ полились изъ его глазъ; онъ рыдалъ. Размысленіе успокоило его. Эдию была также невинна, какъ и прекрасна; срокъ отпуска Фридриха кончался; полкъ его переводили гораздо дальше отъ Гильдесгейма. Проходилъ девятый мѣсяцъ; черезъ нѣсколько дней, они возвратятся въ Мюнхенъ, къ Шнигелю.

Съ этого времени, Францъ занялся приготовлениями къ отъѣзду. Онъ потребовалъ всѣ счета отъ управляющаго и фермеровъ, и самъ повѣрялъ свои приходы и расходы. Хотя Миллеръ давно уже предвидѣлъ, что первый годъ его пребыванія въ Гильдесгеймѣ будетъ очень тягостенъ, однако не могъ удержаться отъ удивленія и ужаса, увидѣвъ результатъ своихъ расходовъ. За очисткою всѣхъ счетовъ, ему оставалось только тысяча флориновъ. Съ прибытія своего въ замокъ, онъ жилъ почти также скромно, какъ и въ Мюнхенѣ; капиталъ, положенный на Исаака Бильдмана, пенсін, заплаченныя маіору, Фрид-

риху и дѣвицамъ фонъ-Штольценфельсъ, починки, сдѣланныя въ замкѣ, сооруженіе памятника графу Сигизмунду, все это составляло едва половину расходовъ; остальное было употреблено на тяжбы. Изъ всего этого богатства, Миллеръ могъ взять на его путешествіе только тысячу флориновъ. Онъ призвалъ къ себѣ Вольфганга Штурма и рѣшительно запретилъ ему начинать какой-нибудь новый процессъ. Напрасно, господинъ Штурмъ напоминалъ о своей знаменитой встрѣчной жалобѣ, отъ которой ожидалъ чуда, Миллеръ не хотѣлъ ничего слушать и остался неумолимъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, между тѣмъ какъ Миллеръ отдавалъ Вурму свои послѣдніе приказанія, на время своего отсутствія, Эдионъ вышла въ паркъ; она ходила одна и мечтала. Она радовалась возвращенію въ Мюнхенъ, ей пріятно было снова увидѣть свой маленькій домикъ, опять найти дружбу Шпигеля, и однако она не безъ сожалѣнія думала о минутѣ отъѣзда. Она спрашивала свое сердце, и ея смущенное, трепещущее сердце ничего не отвѣчало. Былъ вечеръ; слабые лучи заходящаго солнца играли на окнахъ замка; аллея парка были мрачны и пусты; соловей щолкалъ и заливался въ зелени деревьевъ; воздухъ былъ напитанъ упительнымъ благовоиємъ, и молодая женщина съ довѣрчивостію предавалась своимъ пріятнымъ мечтамъ. Въ концѣ аллеи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они видѣлись въ первый разъ, она встрѣтила Фридриха.

— Вы отправляетесь, сударыня, вы отправляетесь завтра, сказалъ Фридрихъ, смущеннымъ голосомъ: вы завтра ѣдете въ Мюнхенъ, и не возвратитесь ранѣе трехъ мѣсяцевъ. Черезъ три мѣсяца, меня здѣсь не будетъ, и мой полкъ, можетъ быть, будетъ во ста миляхъ отъ Гильдесгейма. Влали отъ васъ, что мнѣ дѣлать. Я такъ привыкъ къ вамъ! Я вездѣ буду искать васъ, и чувствую, что вы унесете съ собою всю мою жизнь.

— Если бы я серьезно приняла ваши слова, вы могли бы упрекнуть меня въ тщеславіи, отвѣчала встревоженная Эдионъ, стараясь казаться спокойною. Вы будете думать иногда объ насъ, объ нашихъ разговорахъ, объ нашихъ прогулкахъ; но вѣрьте, что и мы, съ своей стороны, не забудемъ ихъ. Будьте увѣрены, что время усладитъ вашу скуку; вы скоро поймете, что мы занимаемъ въ вашемъ сердцѣ гораздо меньшее мѣсто, чѣмъ вы думаете теперь.

— Моя скука, сударыня, будетъ вѣчна, если не увижу болѣе васъ, потому что я проведу возлѣ васъ самые лучшіе, самые прекрасные дни моей молодости.

— Мы должны благодарить васъ, возразила Эдионъ, которой сердце сильнѣе и сильнѣе волновалось, за вашу привязанность, за вашу преданность къ намъ. Мы всегда будемъ вспоминать съ глубокимъ чувствомъ признательности объ вашемъ усердіи, съ какимъ вы принимали нашу сторону во всѣхъ нашихъ ссорахъ съ вашими тетушками и съ майоромъ. Вы только одни любили и не забывали насъ здѣсь.

— Нѣтъ, сударыня, только на мнѣ, на одномъ мнѣ лежитъ долгъ признательности. Если бы вы знали, какая была моя жизнь, до тѣхъ поръ, пока я не видѣлъ васъ! если бы вы знали, какая перемена произошла во мнѣ, когда я узналъ васъ!

— Не думаете ли вы, съ улыбкой отвѣчала молодая женщина, что я совершила чудо?

— Вы шутите, сударыня, и однако говорите правду. Дѣйствительно, вы совершили чудо; хотя сами того не знали, не желали и не подозрѣвали. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, я не узнаю болѣе себя.

— Какая же была ваша жизнь, прежде чѣмъ вы увидѣли меня? спросила Эдионъ съ принужденною веселостію, напрасно стараясь переменить разговоръ.

— Ахъ, сударыня, ужасная жизнь. Я всегда съ содраганіемъ думаю объ ней.

— И я исправила васъ, не жури! Право, я не знала за собою такихъ способностей.

— Нужно ли вамъ было журичь меня, чтобы исправить? Чтобы сдѣлаться лучшимъ, чтобы выйти изъ бездны, въ которую уналъ, чтобы научиться любить все благородное и прекрасное не достаточно ли было видѣть васъ и слышать вашъ голосъ? Я видѣлъ васъ, я слышалъ ваши слова; каждый день, каждый часъ, я могъ читать въ вашемъ сердцѣ. Съ какими выговорами вы могли бы обращаться ко мнѣ? Какой урокъ могли бы дать мнѣ? Вы не знаете, вы не можете знать, какъ жилъ я до того дня, когда судьба послала васъ для моего спасенія. Я буду говорить вамъ о томъ, чего вы никогда не поймете. Вы явились мнѣ какъ ангель въ дверяхъ ада, и съ тѣхъ поръ, во мнѣ, около меня, все измѣнилось, какъ будто волшебствомъ. Я

не зная любви, вы открыли мнѣ ее; я никогда не любилъ, и я люблю васъ.

Эдионъ въ ужасѣ хотѣла удалиться; Фридрихъ удержалъ ее съ властію, которую придаетъ всякая истинная страсть.

— Выслушайте меня, сударыня; вы должны выслушать меня. Вы завтра ѣдете, кто знаетъ, когда я увижу васъ? Я васъ люблю, не купилъ ли я, молчаніемъ въ продолженіе мѣсяца, права сказать вамъ это? Я васъ люблю, вы обновили, очистили мое сердце. Позвольте мнѣ говорить вамъ, позвольте благословлять васъ за все добро, которое вы сдѣлали мнѣ. Вы полуоткрыли мнѣ небо; вы направили мои ноги по благовоннымъ тропинкамъ. Когда я не зная васъ, я былъ недостоинъ васъ; вы взглянули на меня, и я сравнялся съ вами. Всемогущая прелесть непорочности и чистая красота! Я васъ люблю, и любить васъ достаточно для моего счастья; я не требую ничего болѣе. Для чего трепетать? Отчего бояться этого признанія? Вы ѣдете? Это минута прощанья! Чтѣ оскорбительнаго для васъ въ моихъ словахъ? Вы возвратитесь; скажите, ахъ! скажите, что вы и мнѣ также позвольте возвратиться; я прошу только видѣть васъ, молча любоваться вами. Никогда вы не замѣтите въ моихъ глазахъ взгляда, который могъ бы устрашить васъ, никогда вы не услышите меня слова, которое бы могло возмутить спокойствіе вашихъ дней; но я буду видѣть васъ, буду слышать вашъ голосъ, и буду счастливъ, и стану благословлять васъ, а вы, сударыня, спасительница моей души, вы будете наслаждаться въ мирѣ своимъ добрымъ дѣломъ, и безъ гнѣва будете переносить мое присутствие съ вами.

Блѣднѣ луны, поднявшейся надъ вершинами деревьевъ, трепещущая болѣе листьевъ, колебавшихся отъ ночнаго вѣтерка, Эдионъ напрасно пыталась освободить свои руки изъ рукъ Фридриха. Наконецъ, какимъ-то сверхъестественнымъ усиленіемъ, она успѣла вырваться изъ этого страстнаго пожатія, и, вмѣсто отвѣта, убѣжала, какъ газель, раненая стрѣлою охотника.

XI.

Путешествіе изъ Гильдесгейма въ Мюнхенъ очень мало походило на путешествіе изъ Мюнхена въ Гильдесгеймъ. За девять мѣсяцевъ, Эдионъ и Миллеръ, ѣхали съ веселымъ сердцемъ, съ вѣрою въ будущее, съ признательностію къ неожиданному благо-

дѣтелю, который оставилъ имъ такое богатство; они мечтали о прекрасныхъ дняхъ, съ гордостію думали о судьбѣ своихъ дѣтей, и теперь куда дѣвались эти мечты, эти планы, эти надежды? Эдионъ и Миллеръ, не смѣя повѣрить другъ-другу волювавшихъ ихъ чувствъ, хранили упорное молчаніе, даже боялись взглянуть другъ-на-друга, чтобы не выказать тайныхъ своихъ мыслей. Обновленная природа была во всемъ своемъ великолѣпіи; она улыбалась и манила къ радости; но красоты пейзажей болѣе не существовали для Миллера. Блескъ весны ничего не говорилъ его опечаленному сердцу. Францъ повсюду видѣлъ только отвратительный образъ Вольфганга Штурма. Онъ слышалъ его гнусливый голосъ и коварные совѣты. Напрасно богатѣйшія долины открывались передъ нимъ; напрасно виноградники, разбросанные по холмамъ, одѣлись зеленью и цвѣтами; Францъ совершенно былъ погруженъ во воспоминанія о Гильдесгеймѣ. И Эдионъ также была не менѣе занята, и не болѣе спокойна. Она съ глубокимъ смущеніемъ выслушала признаніе въ страсти, внушенной ею. Она съ ужасомъ спрашивала себя, не ободрила ли она этого признанія какимъ-нибудь неблагоприятнымъ словомъ, какимъ-нибудь знакомъ дружеской привязанности. Напрасно напрягла она память; она не открыла ничего, чтѣ бы дало ей право обвинять себя. Тогда она пыталась перенести всю свою строгость, весь свой гнѣвъ на Фридриха; но пламенные слова, произнесенныя имъ на-канунѣ ихъ отъѣзда, такимъ снисходительнымъ эхомъ отзывались въ сердцѣ Эдионъ, что она не находила въ нихъ ничего преступнаго. Эдионъ чувствовала сильное волненіе, и, принужденная затаивать въ себѣ всѣ сомнѣнія, всѣ безпокойства своей совѣсти, она въ самой этой борьбѣ встрѣчала новое для себя страданіе. Миллеръ съ недоувѣрчивостію смотрѣлъ на нее. Въ печали, въ упорномъ молчаніи своей жены, онъ видѣлъ преступную скорбь о Фридрихѣ. Онъ старался увѣрить себя въ этой мысли, чтобы въ собственныхъ глазахъ оправдать пожирившую его ревность, и не смѣлъ однако обратиться къ Эдионъ, опасаясь измѣнить свои подозрѣнія въ дѣйствительность. Одинъ дѣти радовались при мысли снова увидѣть Шингеля и играть съ своимъ добрымъ другомъ.

На третій день, вечеромъ, мюнхенскія колокольни стали рпсоваться въ туманѣ. Безъ вопросовъ Германа и Маргариты, которымъ безпрестанно хотѣлось знать, скоро ли они прѣдутъ,

Эдиовъ и Миллеръ не находили случая проговорить хотя одно слово. Наконецъ, почтарь, оставивъ за собою городскія ворота, хлопнулъ своимъ бичемъ и протрубилъ въ рожокъ. Снова находясь въ стѣнахъ этого города, гдѣ они такъ вѣчно любили другъ-друга, Эдиовъ и Миллеръ думали обмѣняться, подъ сѣною ночи, пожатіемъ рукъ; но Миллера удержала ревность; онъ боялся, ища ея руки, увидить собственное свое достоинство. Эдиовъ съ ужасомъ спрашивала себя, не слишкомъ ли уже она виновна, чтобы позволить себѣ этотъ безмолвный знакъ любви. Едва почтовая карета остановилась передъ воротами дома, Шпигель отпиралъ уже ея двери. Разстроганный до глубины души, онъ сжалъ въ своихъ объятіяхъ и жену и мужа. Соединенные на его сердца, Эдиовъ и Миллеръ забыли на минуту внутреннее волненіе, налагавшее печать на ихъ уста въ продолженіе всего путешествія, и чувствовали себя обновленными, возрожденными, какъ будто волшебствомъ. Германъ и Маргарита весело бѣжали впередъ, Шпигель шелъ позади и съ слезами радости смотрѣлъ на своихъ друзей; въ этомъ порядкѣ Эдиовъ и Миллеръ вошли въ свою комнату. Ничто въ ней не измѣнилось: они сѣли на полустертый диванъ, свидѣтели ихъ спорныхъ разговоровъ, и скромныхъ плановъ, и имъ казалось, что они никогда не оставили Мюнхена, и ихъ пребываніе въ Гилдесгеймѣ было только мечтою. Я не хочу описывать всѣхъ разговоровъ, которыми осыпали они другъ-друга. Миллеръ на вопросы Шпигеля, остерегался высказать ему всю правду; что касается до Эдиовъ, если она умалчивала о тайныхъ чувствахъ своего сердца, зато съ избыткомъ вознаградила себя, рисуя Шпигелю портреты Бильмановъ и дѣвицъ Штольценфельсъ; она съ намѣреніемъ забыла представить портретъ Фридриха, о которомъ не разъ упоминала въ своихъ письмахъ, но была безжалостна къ маіору, къ его женѣ и старымъ дѣвамъ. Очерчивая эти карикатуры, она была весела попрежнему. Германъ присоединилъ къ этой забавной галереѣ портретъ Исаака Бильмана. Самъ Миллеръ отъ души смѣялся надъ этими смѣшными фигурами, которыхъ встрѣчалъ въ Гилдесгеймѣ не безъ отраженія и гнѣва. Отдаленность перспективы придавала этимъ гнуснымъ физиономіямъ комическое выраженіе, забавный видъ, и Миллеръ чрезвычайно удивился, впервые замѣтивъ въ нихъ эту смѣшную сторону. Не смотря на усталость послѣ дороги, разговоръ продолжался; прорыло два часа на ближней башнѣ, и

тогда только Миллеръ и Шпигель вспомнили о снѣ. Входя въ свою маленькую комнату, въ которой также все было по-старому, Эдиовъ и Миллеръ бросили другъ другу въ объятія; самая краснорѣчивая слова слишкомъ бы слабо передали то, что происходило въ глубинѣ этихъ двухъ сердецъ: Миллеръ забылъ свою ревность, Эдиовъ не думала болѣе о Фридрихѣ, и они уснули спокойнымъ сномъ, съ мечтою о счастіи, которымъ они такъ долго наслаждались въ Мюнхенѣ.

На другой день, они были разбужены веселыми криками дѣтей. Шпигель распорядился приготовить завтракъ. Они снова собрались, какъ прежде, за тѣмъ же столомъ. Шпигель устремилъ на Эдиовъ и Миллера любопытный взглядъ.

— Конечно, сказалъ онъ имъ, этотъ завтракъ покажется вамъ слишкомъ скромнымъ, слишкомъ умѣреннымъ. Но вамъ нужно будетъ довольствоваться этимъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Черезъ три мѣсяца, вы снова сдѣлаетесь знатными господами, и съ большимъ удовольствіемъ встрѣтите пышность и блескъ Гилдесгейма. Теперь вы въ Мюнхенѣ, и должны отказаться на время отъ обыкновенной своей жизни.

Завтракъ былъ веселъ. Шпигель рассказалъ о всѣхъ малѣйшихъ происшествіяхъ, случившихся въ Мюнхенѣ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ; черезъ нѣсколько минутъ, Эдиовъ и Миллеръ знали все, какъ будто отсутствіе ихъ продолжалось не болѣе недѣли. Послѣ завтрака, Шпигель показалъ имъ свой домъ и сдѣланныя въ немъ поправки. Онъ вывелъ новый этажъ и раздѣлилъ его на двѣ большія комнаты. Въ одной, устроилъ свою мастерскую, гдѣ онъ выполнялъ давнишніе, любимые планы; въ другой, онъ помѣстилъ своихъ учениковъ, потому что онъ не давалъ уже болѣе уроковъ въ городѣ, и эта перемѣна удвоила его досуги. Картины его, еще едва начатыя, уже покупались впередъ, но онъ не смѣшилъ оканчивать ихъ. Напередъ, онъ самъ хотѣлъ удостовѣриться въ ихъ совершенствѣ, и тогда уже отдавать на судъ публики. Онъ не былъ такъ богатъ, чтобы могъ обходиться безъ работы, но не былъ и столько бѣденъ, чтобы трудъ былъ для него крайнею необходимостію, и онъ благоразумно пользовался этимъ превосходнымъ положеніемъ, какое рѣдко можно встрѣтить. Учениковъ у него было очень много; вознагражденіемъ за ихъ ученіе онъ покрывалъ всѣ свои нужды, а искусство для него было роскошью жизни. Онъ ввелъ Эдиовъ и Миллера въ свою мастерскую. Стѣны были

украшены антиками и прекрасными произведениями вѣка возрожденія. На станкѣ было растянута полотно, гдѣ изображена была въ очеркахъ побѣда Арміи надъ римскими легіонами. Нѣкоторыя части этого обширнаго творенія уже были окончены, и показывали все, чего можно было ожидать отъ Шпигеля. Эдионъ безмолвно любовалась, съ жадностію вслушиваясь въ разговоръ о героическомъ эпизодѣ. Миллеръ на все смотрѣлъ удивленными глазами.

— Должно быть, сказалъ онъ наконецъ Шпигелю, ты получилъ наслѣдство.

— Пока никто не оставлялъ мнѣ, отвѣчалъ Шпигель; я еще не встрѣчалъ графа Сигизмунда и не надѣюсь найти свое имя въ завѣщаніи великодушнаго Мецената. Я продалъ нѣсколько картинъ, которыя долго служили единственнымъ украшеніемъ моей мастерской. Трудъ мой единственное мое наслѣдство, единственное мое богатство, и съ Божіею помощію, я никогда не буду желать другаго.

Послѣднія слова были для сердца Миллера смертельно ранюю. Тѣ, которые съ жаромъ чтили искусство, и послѣ оставили его, не могутъ смотрѣть безъ стыда и безъ угрызений на постоянный трудъ, увѣнчанный славою. Самое блистательное, самое завидное богатство, не можетъ утѣшить ихъ въ бездѣятельности и неизвѣстности. Миллеръ испыталъ это чувство и съ завистию смотрѣлъ на труды Шпигеля. Еще при скорбнѣ сдѣлалось для него, когда онъ прочиталъ о своемъ другѣ въ одномъ журналѣ, гдѣ разсматривали достоинства и недостатки послѣдняго произведенія Шпигеля. Важность, проинцательность, съ какою была анализирована, повѣряема, оцѣниваема мысль художника, особенно возвышали достоинство картины. Такимъ образомъ, публика занималась не однимъ только тѣмъ, что сдѣлалъ Шпигель; она хотѣла угадать, хотѣла знать всѣ тайны его воли; Шпигель сталъ на славную ступень, и этимъ обязанъ былъ только своему труду. Глаза всѣхъ были обращены на него. Миллеръ обратился къ самому себѣ и съ грустію сравнивалъ свою праздную, бесполезную жизнь, которую онъ велъ въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, съ этою трудолюбивою, плодovитою жизнью.

Впрочемъ, Миллеръ долженъ былъ съ удовольствіемъ, съ упоеніемъ наслаждаться тихою, спокойною жизнью, какую онъ проводилъ въ Мюнхенѣ. Если онъ хотѣлъ прогуляться въ са-

ду, конечно не находилъ предъ собою обширнаго пространства, безграничной зелени деревьевъ, за то увѣренъ былъ, что не встрѣтитъ сухихъ и длинныхъ лицъ дѣвчонъ Штольценфельсъ или отвратительной физиономіи маіора Бильдмана. Если Германъ и Маргарита думали поиграть на лугу, они не боялись задорливаго Исаака Бильдмана. Если Миллеръ возвращался домой, онъ находилъ возлѣ Эдионъ своего вѣрнаго друга Шпигеля, котораго степенная и истинная привязанность не внушала ему никакого безпокойства. Если выходилъ за городъ, онъ встрѣчалъ только благосклонныя лица. По цѣлымъ утрамъ онъ могъ ходить, и никогда не замѣчалъ въ улыбкѣ или во взглядѣ крестьянина насмѣшливаго или злобнаго выраженія, которое было для него ежеминутнымъ наказаніемъ во все время пребыванія его въ Гильдесгеймѣ. Приходя домой, онъ свободно раздѣлялъ свое время между занятіями и разговорами. По вечерамъ, онъ собиралъ около себя нѣсколькихъ друзей, которые по своему благородному и прямому характеру, не думали завидовать неожиданному счастью Франца, и нисколько не отдалялись отъ него. Наконецъ, когда наступала часть покоя, счастье его дня продолжалось и во снѣ. Уединившись въ свою спальню, гдѣ въ продолженіе столькихъ годовъ онъ вкушалъ мирный сонъ, Миллеръ снова видѣлъ передъ собою самыя прекрасныя, самыя поэтическія голы своей молодости. Когда просыпался, онъ открывалъ нетерпѣливою рукою занавѣсы своего алькова, чтобы увѣриться, что онъ не въ Гильдесгеймѣ. Окончивъ завтракъ, онъ не опасался посѣщенія Вольфганга Штурма. Такимъ образомъ, онъ чувствовалъ, каждую минуту, что вышелъ изъ ада и вступилъ въ рай. И однако, не смотря на пріятность и спокойствіе своей жизни, онъ не былъ счастливъ, или лучше, онъ не пользовался своимъ счастьемъ. Онъ не находилъ въ себѣ силы оцѣнить достойнымъ образомъ тихую жизнь, которую онъ возвратилъ, и которую считалъ навсегда потерянною. Часто червь скрывается въ сердцѣ самыхъ прекрасныхъ плодовъ; достаточно одной печальной мысли, чтобы помрачить самыя лучшія дни. Миллеръ говорилъ самъ себѣ, что черезъ три мѣсяца окончится эта тихая, мирная жизнь, и тогда опять надо будетъ возвратиться къ безпокойствамъ и заботамъ, воспоминаніе о которыхъ быстро, какъ мечта, исчезло изъ его души. И если, погнувшись голосу разсудка, Францъ думалъ иногда не оставлять

болѣе Мюнхена, у него неволью рождался вопросъ: можно ли ему исполнить это намѣреніе, не обременяя Шнигеля. Пренные ученики забыли его, а, впрочемъ, еслибъ онъ и нашелъ для себя уроки, доставить ли у него твердости снова начать свою прежнюю, труженническую жизнь? Въ довольствѣ и праздности онъ чувствовалъ только скуку и отвращеніе, но трудолюбивая бѣдность ему казалась теперь непріятною. Нѣсколько разъ Шнигель угадывалъ изъ невѣрительныхъ отвѣтовъ Миллера часть его тайны. Когда онъ спрашивалъ о жильцахъ гильдесгеймскаго замка, о маіорѣ Бильманнѣ, о дѣвицахъ фонъ-Штольценфельсѣ, о мызникахъ, объ сосѣднѣмъ дворянствѣ; о праздникахъ, гдѣ Эдиовъ должна была ослѣплять всѣхъ своей красотою, онъ находилъ въ словахъ своего друга какую-то принужденность, которая во все не согласовалась съ десятилѣтнею задушевною ихъ дружбою. Шнигель дурно зналъ свѣтъ и никогда не блисталъ въ салонахъ; но онъ много размышлялъ, и умѣлъ такъ тонко истолковать слова и молчаніе, что не уступалъ самому хитрому дипломату. Изъ того, что Миллеръ говорилъ, и изъ того, что онъ не говорилъ, онъ безъ труда угадалъ истину. Миллеръ, черезъ нѣсколько недѣль, былъ долженъ возвратиться въ Гильдесгеймъ и снова принять на себя бремя богатства, и однако, въ глубинѣ сердца, онъ сожалѣлъ о Мюнхенѣ. Чтобы склонить его обратиться къ прежней его жизни, къ счастливой, трудолюбивой жизни, что надо было сдѣлать? Показать ему славу, заслуженное вознагражденіе за трудъ и за талантъ.

Съ такою же проникательностію Шнигель читалъ и въ сердцѣ Эдиовъ. Смущеніе, лаконическіе отвѣты молодой женщины, ея стараніе каждый разъ измѣнить разговоръ, когда онъ говорилъ ей о Фридрихѣ, довольно ясно говорили, что не смотря на ея невинность, въ которой онъ не сомнѣвался, она безпокоилась о своемъ расположеніи къ молодому офицеру. Дѣйствительно, Эдиовъ съ содраганіемъ думала о томъ днѣ, когда она снова увидитъ его. Она любила своего мужа и не думала любить Фридриха, однако чувствовала въ глубинѣ своего сердца, что она не можетъ безъ опасности встрѣтиться съ нимъ. Хотя ей не въ чемъ было упрекать себя, хотя она не произнесла ни одного необдуманнаго слова, а все-таки она не могла вспомнить, не краснѣя, о прощальномъ вечерѣ. Чтобы возвратитъ спокойствіе этой встревоженной душѣ, надо было удерживать Франца въ Мюнхенѣ.

Нѣсколько уже дней говорили о скоромъ исполненіи какой-то таинственной симфоніи. Рассказывали, что то былъ манускриптъ одного стараго маэстро; этотъ манускриптъ былъ проданъ его наслѣдниками, которые, безъ сомнѣнія, не знали цѣны ему. Молва дошла и до Миллера; это было для него новымъ угрызненіемъ совѣсти.

— Вотъ что! сказалъ онъ однажды Шнигелю, кажется, мы услышимъ неизвѣстное образцовое твореніе. Рассказываютъ, что это манускриптъ одного стараго маэстро, открытый, не знаю какимъ-то, любителемъ негоднаго старья. Бьюсь объ закладъ, что мюнхенской публикѣ готовятъ славу и шутку. Безъ сомнѣнія, эта симфонія составлена изъ безсозвѣстно собранныхъ лохмотьевъ, сшитыхъ какимъ-нибудь шарлатаномъ.

— Объ этомъ я знаю не больше тебя, отвѣчалъ Шнигель. Черезъ три дня, мы услышимъ образцовое твореніе, и тогда узнаемъ, какъ судить объ немъ.

— Хорошо! сказалъ Миллеръ, мы вмѣстѣ пойдемъ слушать эту симфонію, и Эдиовъ возьметъ съ собою.

День, назначенный для исполненія симфоніи, былъ тотъ самый, когда Миллеръ долженъ былъ отправиться въ Гильдесгеймъ. Концертъ объявленъ былъ въ полдень; Миллеръ согласился отложить свою поѣздку до вечера.

Собраніе было многочисленное. Шнигель ввелъ своихъ друзей въ одну изъ тѣхъ ложъ, чрезвычайно удобныхъ для музыканта, и непріятныхъ для женщины, которой хочется показать себя, откуда можно все слышать и гдѣ никто не увидитъ васъ. Любопытство изображалось на лицахъ всѣхъ.

До прибытія капельмейстера, со всѣхъ сторонъ слышались взаимные вопросы. Наконецъ, явился капельмейстеръ и ударилъ своимъ смычкомъ по пюпитру, гдѣ лежала партитура.

Первая часть, анданте, была вмѣстѣ проста и величественна. Мѣльные инструменты, употребленные съ умѣренностію, представляли скрипкамъ, басамъ и контрбасамъ, безъ шума выразить мысль автора. Съ первыхъ тактовъ слушатели уже были поражены. Миллеръ, приведенный въ экстазъ, думалъ, что онъ видитъ сонъ, и, боясь обмануться въ своихъ воспоминаніяхъ, смотрѣлъ то на Эдиовъ, то на Шнигеля, не смѣя произнести ни слова. Сама Эдиовъ была не менѣе удивлена, потому-что узнала симфонію, написанную цѣкогда Францомъ, черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ послѣ ихъ свадьбы. Шнигель съ улыбкою смотрѣлъ на нихъ, и наслаждался ихъ удивленіемъ.

Адажіо, проникнутое трогательною меланхоліею, переносило мысль къ очаровательнымъ долинамъ; флейта и гобой исполнили вмѣстѣ сельскій діалогъ, ловко подхваченный рожками и скрипками. При окончаніи этой второй части, раздался громъ рукоплесканій, и болѣе четверти часа оркестръ долженъ былъ молчать. Миллеръ плакалъ и не смѣлъ говорить. Лицо Эдиен также орошено было слезами. При этомъ живомъ, при этомъ горячемъ восторгѣ, и Эдиен и Францъ, оба чувствовали, что любовь ихъ пробудилась, и слѣдалась такою же юною и пламенною, какъ въ первые дни. Безъ ихъ вѣдома совершалось въ глубинѣ ихъ сердецъ безмолвное примиреніе: Миллеръ упрекалъ себя, что изъ-за пустыхъ выгодъ, онъ такъ холодно обращался съ своею женою; Эдиен обвиняла себя, что не могла угадать, не могла предчувствовать гениа своего мужа.

Щерцо, полное пѣвительной веселости, чудесно выражало всѣ эпизоды сельскаго праздника: коварство и любовь открывались попеременно. Громъ рукоплесканій разразился съ ужасною силою. Миллеръ молча сжалъ руку Шнигеля и съ гордостью смотрѣлъ на Эдиен. Нетерпѣніе привело слушателей въ какое-то судорожное движеніе; наконецъ началась четвертая и послѣдняя часть. Финалъ со всею роскошью, съ неизсякаемою силою творчества повторилъ первоначальные мотивы, раскрытые въ первыхъ трехъ частяхъ. Прекрасно составленный оркестръ не давалъ публикѣ времени опомниться; слушатели переходили отъ удивленія къ удивленію. Когда оркестръ взялъ послѣдніе такты, можно было сказать, что потрясенная зала готова была обрушиться отъ рукоплесканій. Миллеръ бросился въ объятія Эдиен и осыпалъ ее поцѣлуями. Передъ окончаніемъ симфоніи, Шнигель вышелъ изъ ложи и открылъ имя автора. Слушатели не выходили изъ залы, каждый оставался на своемъ мѣстѣ; капельмейстеръ подошелъ къ краю сцены, и, поклонившись публикѣ, объявилъ, что творецъ этой симфоніи есть Францъ Миллеръ. Рукоплесканія начались снова и перемѣшались съ самыми восторженными восклицаніями.

Я не буду описывать, что совершалось въ душѣ Франца. Черезъ нѣсколько минутъ Шнигель возвратился и привезъ его домой, посреди толпы, провожавшей ихъ до самыхъ воротъ.

— Ну, сказалъ Шнигель, едва войдя въ комнату, что ты

скажешь о музыкѣ стараго маэстро? Что ты думаешь объ этихъ лохмотьяхъ, сшитыхъ какимъ-нибудь шарлатаномъ?

— Послѣ того дня, когда Эдиен отдала мнѣ свою руку, вскричалъ Миллеръ, это самый прекрасный день въ моей жизни!

— Теперь надѣюсь, возразилъ Шнигель, что ты все имѣешь для своего счастья. Ты наслаждался радостями семейства, и твоё сердце вздыхало о славѣ. Теперь ты достигъ славы, и ваша взаимная любовь еще продолжается. Чего ты можешь желать?

— Ахъ, вскричалъ Миллеръ, я былъ бы благодаренъ, еслибъ осмѣлился желать еще большаго!

Въ эту минуту почтовая карета остановилась передъ домомъ. Слуги, получившіе приказаніе еще съ утра, успѣли уложить сзади кареты чемоданы Миллера. Шнигель понималъ все и съ безпокойнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на Франца, по лицу котораго слезы катились ручьями. Уже почтари сѣли на лошадей, а Миллеръ не трогался съ мѣста. Слуга вошелъ объявить, что все готово.

— Чего же ты ожидаешь? спросилъ Шнигель.

— Ты любишь меня, какъ прежде? сказалъ Миллеръ, обратившись къ Эдиен. Можешь ты, по-прежнему, раздѣлять со мною трудолюбивую бѣдность? Ты безъ сожалѣнія откажешься отъ богатства, которое послало намъ небо? Простая и скромная жизнь будетъ пріятна тебѣ?

Вмѣсто отвѣта, Эдиен обняла и поцѣловала своего мужа. Она чувствовала, что была спасена.

— Развѣ ты не слышишь, что почтари уже въ сѣдлѣ? сказалъ Шнигель. Пора ѣхать.

— Ёхать! вскричалъ Миллеръ; для чего ѣхать? Развѣ счастье не здѣсь, между вами двумя? Ёхать, когда меня вѣнчаетъ слава, ёхать, когда имя мое въ устахъ всѣхъ! Или ты считаешь меня сумасшедшимъ, что я оставляю Мюнхенъ? Пусть отпрягаютъ лошадей; мы пріѣхали!

На другой день Миллеръ написалъ къ Готтлибу Кауфману:

«Вы имѣли полное право, милостивый государь, выхвалая мнѣ патріархальную жизнь въ Гельдесгеймѣ и библейскіе правы лицъ, назначенныхъ раздѣлять со мною это очаровательное жилище. Всѣ добродѣтели наши священное и неприкосновенное убѣжище въ этомъ прекрасномъ замкѣ. Проницательный умъ и тонкій вкусъ фонъ-Штольценфельсовъ, прямой и открытый характеръ маіора Бильмана, гордый и величественный видъ госпожи

Доротей, милыя шалости маленькаго Исаака, составляютъ очаровательную картину, достойную кисти Геснера. Это живая идиллія, которая напоминаетъ намъ чистыя вдохновенія Теокрита и Виргилія. Девять мѣсяцевъ я спрашиваю себя, десять мѣсяцевъ, требую отъ себя отвѣта, достоинъ ли я жить, посреди этихъ нравовъ золотого вѣка. Великодушіе графа Сигизмунда не ослабляетъ меня; я отказываюсь отъ гильдесгеймскихъ помѣстьевъ. Въ чьи руки достоинъ перейти этому богатству, какъ не въ руки маіора Гильдмана и дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ? Эти благородныя души свято исполняютъ порученіе, которое я доверяю имъ. Онѣ будутъ сѣять вокругъ себя благодѣнія, и будутъ собирать, какъ законную жатву, благословія и признательность.

«Будьте добры, милостивый государь, объявите имъ мое рѣшеніе. По точному смыслу завѣщанія, я долженъ жить въ гильдесгеймскомъ замкѣ девять мѣсяцевъ въ году; я остаюсь въ Мюнхенѣ, значить теряю всѣ свои права.

«Францъ Миллеръ».

Едва маіоръ Вильдманъ и дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ узнали отъ Готтлиба Кауфмана объ отреченіи Миллера, какъ затѣяли, за владеніе гильдесгеймскими помѣстьями процессъ, одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, какіе только помнилъ господинъ Вольфгангъ Штурмъ. Процессъ продолжался десять лѣтъ. Маіоръ Вильдманъ и Доротей умерли съ горя. Маленькій Исаакъ, у котораго лакомство раскрыло наклонность къ воровству, упалъ сверху стѣны, куда лазилъ, чтобы утащить нѣсколько плодовъ; когда его подняли, въ немъ не видно было и признака жизни. Оставшись единственными владѣльщиками всего имѣнія, дѣвицы фонъ-Штольценфельсъ не долго наслаждались своею побѣдою. Фридрихъ въ бѣшенствѣ отъ потери Эдионъ, и обвиняя въ бѣгствѣ Миллера безпокойный и упрямый характеръ своихъ тетокъ, отмстилъ за свою неудачу, удвоивъ безразсудныя свои издержки. Черезъ три года, все гильдесгеймское имѣніе, и безъ того уже разоренное безчисленными и упорными процессами, поступило въ продажу для уплаты долговъ Фридриха, и дѣвицы Гедвига и Ульрика фонъ-Штольценфельсъ умерли въ крайней бѣдности.

Науки и Художества.

ИСТОРИЯ ПАРОВЫХЪ МАШИИЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Еще недавно исторія паровыхъ машинъ была почти неизвѣстна. Европейцы медленно вступали на дорогу промышленныхъ улучшеній, открытую этимъ чуднымъ снарядомъ, и всѣ молча предоставляли Англіи гордиться ея изобрѣтеніемъ, котораго и начало и усовершенствованіе она старалась приписать себѣ. Впрочемъ, капитанъ Монжери (Montgéry), въ 1822 и 1823 годахъ, довольно ясно доказалъ, что если приводить въ исторіи этихъ машинъ однѣ только англійскія имена, то въ ней оказались бы большіе пропуски. И въ самой Англіи, *Описательная исторія паровыхъ машинъ*, соч. Г. Роберта Стюарта, заключала въ себѣ довольно вѣрные взгляды, справедливо разоблачавшіе народныя предразсудки. Но, по мѣрѣ того, какъ приложеніе пара входило во Европѣ во всеобщее употребленіе, желаніе узнать имя и долю каждаго изобрѣтателя становилось сильнѣе и сильнѣе;

такъ, когда г. Араго издалъ въ первый разъ, въ *Annuaire des longitudes* 1829 года, свои знаменитыя замѣтки о паровыхъ машинахъ, появленіе этого труда, замѣчательнаго сколько по учености, столько по слогу и строгой оцѣнкѣ фактовъ, произвело глубокое впечатлѣніе на обоихъ берегахъ Ла-Манша. Въ 1837 году, въ томъ же *Annuaire*, были перепечатаны эти замѣтки, съ опроверженіемъ доказательствъ, которыми ученые хотѣли удовлетворить исключительнымъ требованіямъ патриотизма нѣкоторыхъ Англичанъ. Похвальная рѣчь Уатту (8 декабря 1834 года) подала господину Араго случай снова обратиться къ тому же предмету, и объяснить его новыми фактами и взглядами; этотъ академическій отрывокъ былъ принятъ и изслѣдованъ съ такою же жадностію, какъ и первая замѣтка.

«Ошибочно разсматривали паровую машину, какъ предметъ простой, и старались найти ея изобрѣтателя», говоритъ г. Араго. «Въ паровой машинѣ соединяется множество идей, которыя не могли выйти изъ одной головы. Поставить ихъ по порядку важности, дать каждому изобрѣтателю то, что принадлежитъ ему, съ точностію показать время появленія и осуществленія каждой идеи — таковъ долженъ быть предметъ историка».

Съ этой точки зрѣнія мы намѣрены прослѣдить исторію паровыхъ машинъ, отъ самаго перваго историческаго объ нихъ извѣстія до нашего времени.

Геронъ Александрійскій, родившійся около 120 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, есть самый древній авторъ, который оставилъ намъ нѣкоторыя подробности объ извѣстныхъ въ его время различныхъ способахъ производить движеніе посредствомъ теплоты.

Приборы, которые сами по себѣ были не болѣе, какъ игрушки, но которые тѣмъ не менѣе достойны вниманія, по простому и остроумному способу употребленія токовъ пара или теплаго воздуха, описаны въ трактатѣ, вообще извѣстномъ подъ именемъ *Spiritualia* (буквальный переводъ греческаго слова *пневматика*).

Въ одиннадцатомъ приборѣ, описанномъ Герономъ, движителемъ употребленъ теплый воздухъ. Этотъ приборъ представляетъ образчикъ извѣстныхъ фиглярствъ, употреблявшихся на

языческихъ жертвенникахъ, и описаніе его мы передаемъ безъ всякаго измѣненія. (Фиг. 1.)

(Фиг. 1. Автоматы, дѣлающіе возліаніе.)

«На нѣкоторыхъ алтаряхъ, когда зажигаютъ огонь, предстоющія лица дѣлаютъ возліанія; это устроивается такимъ образомъ: пусть будетъ основаніе A B C D, на которомъ помѣщены автоматы и жертвенникъ, закрытый со всѣхъ сторонъ. Самое основаніе также плотно задѣлано и имѣетъ сообщеніе съ жертвенникомъ посредствомъ отверстія E; оно пересѣчено еще трубкою H K L, которая, начинаясь въ точкѣ L, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна базиса, идетъ до самаго сосуда, находящагося въ рукѣ автомата. Въ основаніе наливаютъ воду чрезъ отверстие M, которое послѣ того закупориваютъ. И потому, когда на жертвенникѣ E F E зажигаютъ огонь, то внутренній воздухъ, расширяясь, устремляется въ основаніе и давитъ жидкость, которая, не имѣя другаго выхода, кромѣ трубки H K L, поднимается до самаго сосуда. И такимъ образомъ автоматъ дѣлаетъ возліаніе; и это продолжается до тѣхъ поръ, пока горитъ огонь. Потухнетъ огонь и возліаніе пресѣкается, но тоже явленіе происходитъ каждый разъ, какъ только будетъ зажженъ огонь. Нужно, впрочемъ, чтобы трубка, чрезъ которую должна проходить теплота, въ серединѣ была шире; потому-что теплота или лучше производимый ею паръ, достигнувъ болѣе широкаго мѣста, соберется въ большемъ количествѣ и такимъ образомъ произведетъ лучшій эффектъ».

Геронъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ дѣйствіе вертикальной струи пара на легкія тѣла, (Фиг. 2):

(Фиг. 2. паровой котель, бросающій вверхъ шарикъ.)

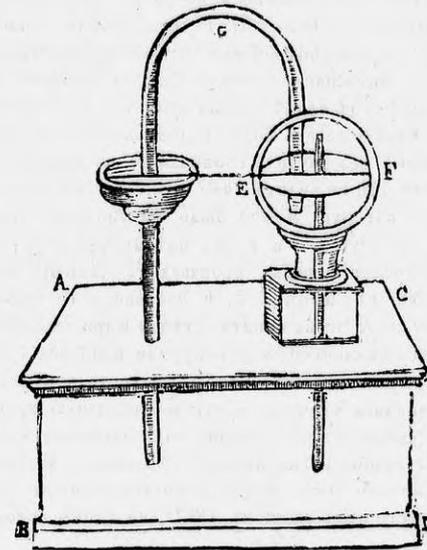
«Шарикъ прыгаетъ слѣдующимъ образомъ: котель съ отверстіемъ на верху, наливается водою и ставится на огонь; изъ отверстія поднимается трубка, оканчивающаяся чашечкой. Если мы въ чашечку бросимъ легкій шарикъ, то паръ, вылетающій черезъ трубку, будетъ поднимать шарикъ, который покажется прыгающимъ».

Замѣтимъ мимоходомъ, что самое имя, а также и форма сосуда, изображеннаго въ сочиненіи Герона, намекаютъ на первоначальное наблюденіе надъ силою пара. Этотъ сосудъ простой котель, плотно накрытый крышкою, чтобы образующійся паръ вылеталъ только черезъ одно маленькое отверстіе. Ежедневное употребленіе котла, какъ самой обыкновенной посуды, съ глубокой древности могло дать понятіе объ упругости водяныхъ паровъ.

Въ тотъ день, когда какой-нибудь мыслящій наблюдатель сидѣлъ случайно передъ огнемъ, и смотрѣлъ на стоявшій на немъ котель, накрытый крышкою, изъ-подъ которой только мѣстами вырывался паръ, въ тотъ день должна была родиться идея о двигатель-

ной силѣ пара. А между тѣмъ новѣйшія легенды хотѣли приписать эту идею, или что-то подобное, Уорчестеру, въ 1663 году, и даже Уатту, въ 1750 г.!

Въ сорокъ семьмомъ приборѣ, воздухъ, подверженный измѣненіямъ температуры, заставляетъ подниматься воду. (Фиг. 3).

(Фиг. 3. Воздушный приборъ, поднимающій воду.)

«Возьмите закрытое основаніе A B C D; вставьте въ него воронку, горлышко которой должно быть въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна; за тѣмъ, возьмите шаръ E F, изъ котораго опускается трубка, не касаясь нѣсколько дна прибора. Согнутая трубка G приделана такимъ образомъ, что она погружается въ воду, находящуюся въ шарѣ. И потому, когда солнечные лучи ударяютъ въ этотъ шаръ, то содержащійся въ немъ воздухъ, нагреваясь,

давить жидкость, которая поднимается въ согнутую трубку и, через воронку, падает въ основаніе. Но если приборъ будетъ находиться въ тѣни, и сжатый воздухъ займетъ въ шарѣ меньше мѣста, то жидкость снова станетъ вливаться въ шаръ черезъ прямую трубку. Это явленіе будетъ повторяться каждый разъ, какъ только солнечные лучи нагрѣютъ шаръ.

Это изобрѣтеніе очень важно и могло бы имѣть существенно полезныя приложенія. Если бы, вмѣсто слабой теплоты солнечныхъ лучей, былъ употребленъ сильный огонь; если бъ жаръ дѣйствовалъ на нижнюю часть шара Е F, въ которой находится вода, а не сверху, гдѣ одинъ только воздухъ; еслибъ, наконецъ, вмѣсто того, чтобы давать водѣ, поднимающейся по трубкѣ G, падать въ нижній резервуаръ, собирали ее на высшей точкѣ ея восхожденія; то кто не видитъ, что это была бы настоящая паровая машина, которую можно было бы употреблять для поднятія воды, для осушеній и т. п.; потому что паръ, образующійся отъ нагрѣванія воды, произведетъ давленіе на поверхность жидкости въ шарѣ Е F. и заставитъ ее подняться въ трубку G; но когда огонь отнять, стѣнки шара охладятся, паръ сгустится надъ жидкостію, и потому, для наполненія происшедшей пустоты, нужно будетъ, чтобы жидкость изъ нижняго резервуара поднялась въ шаръ чрезъ вертикальную трубку, проходящую въ средину его. Дѣйствіе пара замѣнило бы дѣйствіе воздуха и въ приборѣ автоматомъ, дѣлающихъ возліанія (фиг. 4), еслибы, вмѣсто того, чтобы зажигать огонь на жертвенникѣ, раздѣли его подъ ящикомъ ABCD, наливомъ водою.

Итакъ вѣрно, что въ приборахъ, представленныхъ на 1 и 3 фиг., паръ можетъ производить то же самое дѣйствіе, какъ и согрѣтый воздухъ; но Геронъ о томъ не упоминалъ; и этотъ пропускъ, замѣченный суестья 1700 лѣтъ послѣ него, есть замѣчательный фактъ, прекрасно изображающій обыкновенное шестіе человеческого ума. Потому — то преимущественно о развитіи нашихъ идей можно сказать, что *Nihil per saltum*, все совершается постепенно. Исторія пара, какъ двигательной силы, даже въ малѣйшихъ подробностяхъ, служитъ постояннымъ подтвержденіемъ этой поговорки.

Пятидесятый приборъ, описанный Герономъ, представляетъ

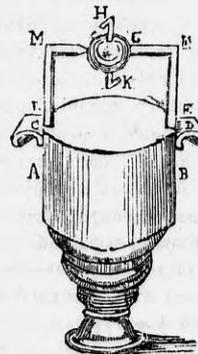
замысловатое, хотя и бесполезное приложеніе двигательной силы пара, (фиг. 4). Предоставимъ говорить греческому автору.

«Заставить шарикъ вертѣться на осяхъ посредствомъ нагрѣтаго котла.

«Пусть будетъ А В котелъ съ водою, подверженный дѣйствію теплоты. Накройте его крышкою CD; сквозь эту крышку проходить изогнутая трубка EFG, конецъ которой G проведенъ, по направленію діаметра, въ маленький пустой шарикъ HK. На противоположной оконечности того же діаметра вставленъ шпиль, прикрѣпленный къ крышкѣ CD посредствомъ стержня LM. Изъ шарика выходятъ двѣ трубки, расположенныя на одномъ діаметрѣ, подъ прямымъ угломъ съ первымъ, и съ загибами на концахъ, подъ прямыми углами, въ противоположныхъ одинъ другому направленіяхъ. Когда котелъ нагрѣется, паръ черезъ трубку EFG поднимется въ шарикъ, и, выходя наружу черезъ загнутыя трубки, утвержденныя въ шарикѣ, заставитъ шарикъ вертѣться на подобіе тапцующихъ въ хороводѣ».

Для лучшаго уразумѣнія, необходимо пояснить это описаніе.

Замѣтимъ сначала, что если бы отверстія, сквозь которыя долженъ вылетать паръ, были сдѣланы на концахъ трубокъ, на продолженіи ихъ радіусовъ, то не произошло бы никакого дви-

(Фиг. 4. Шарикъ, вращающійся посредствомъ реакціи пара).

женія; но когда трубки загнуты подъ прямыми углами, то паръ выходя, встрѣчаетъ противодѣйствіе въ стѣнкѣ трубки, про-

твояположной его выводу; это противодѣйствіе составляетъ причину вращательнаго движенія, быстрота котораго зависитъ отъ напряженности пара. Впрочемъ, для лучшаго эффекта, нужно, чтобы отверстія были сдѣланы въ противоположныхъ направленіяхъ, перпендикулярно къ одному и тому же діаметру.

Истеченіе жидкости, подверженной достаточному давленію, произведетъ такое же явленіе. То же произойдетъ и отъ истеченія газа.

Изъ приведенныхъ нами четырехъ примѣровъ можно составить понятіе о предметѣ *Пневматики* Герона Александрійскаго и объ образѣ ея изложенія. «Это, какъ справедливо замѣчаетъ Монтукла, замысловатая механическая забава». Но, прибавляетъ ученый историкъ математиковъ: служить ли эта книга драгоценнымъ памятникомъ генія Герона? Мы имѣемъ нѣкоторыя причины сомнѣваться. Намъ кажется не совсѣмъ достовѣрнымъ, чтобы эта книга была написана умнымъ геометромъ, на котораго часто ссылался Прокль, какъ на изобрѣтателя новыхъ доказательствъ для различныхъ предложеній эвклидовыхъ *Элементовъ*. Не только доказательства, употребленные въ *Пневматикѣ*, не имѣютъ силы и изящества, которыми отличаются сочиненія Эвклида и Архимеда, жившихъ почти за два вѣка, но не соблюденъ и самый порядокъ между различными вопросами. Трудно найти связь между понятіями, и чтобы методически расположить матерію, нужно совсѣмъ извратить порядокъ. Впрочемъ, очень возможно и то, что позднѣйшія вставки во многихъ мѣстахъ испортили послѣдовательное изложеніе идей автора. Такъ, фигуры древнѣйшаго изданія, сдѣланнаго Коммандиномъ въ 1575 году, въ Урбино, перенесены почти безъ всякаго измѣненія во всѣ послѣдующія изданія, посятъ на себѣ очевидные слѣды вліянія эпохи, въ которую онѣ были воспроизведены для украшенія манускрипта. Есть также причины думать, что подъ именемъ Герона были собраны опыты и способы различныхъ эпохъ, и полагаемъ, что опытъ, представленный на 2 фиг., долженъ относиться къ самой глубокой древности.

Надо замѣтить, что 2 и 4 фигуры, собственно говоря, представляютъ видоизмѣненія инструмента, извѣстнаго, въ физическихъ кабинетахъ, подъ названіемъ *золипила*.

Извѣстно, что этотъ инструментъ состоитъ изъ пустаго металлическаго сосуда съ маленькимъ горлышкомъ. Если влить въ него воды и положить его на горячіе уголья, вода скоро пре-

вратится въ паръ, который постоянно будетъ вылетать черезъ узкое отверстіе горлышка, пока вся вода не испарится отъ жара.

Чтобы наполнить золипилъ водою, для этого нужно особенное искусство; это дѣлается также, какъ вливаютъ ртуть въ обыкновенные термометры. Сначала, надо нагрѣть пустой золипилъ, и горлышкомъ внизъ опустить въ воду. Воздухъ, сперва разрѣженный теплотою, займетъ меньшій объемъ, и вода черезъ горлышко поднимется въ самый золипилъ. Потомъ, надо нагрѣть его во второй разъ, снова погрузить въ воду, и повторять это до тѣхъ поръ, пока воды налетитъ достаточное количество.

Изъ прежде приведенныхъ мѣстъ видно, что Геронъ справедливо приписывалъ водянымъ парамъ явленія, которыя представляютъ золипили, положенные на огонь. Названіе золипилъ (*Эолосъ* богъ вѣтровъ, *пила* дверь), котораго, впрочемъ, не встрѣчается у Герона, введено въ употребленіе гораздо позже, писателями, имѣвшими самую ложную понятію о свойствахъ этого прибора.

Такъ, Витрувій, знаменитый римскій архитекторъ, современникъ Августа, говоритъ объ золипилахъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя показываютъ, что онъ хорошо зналъ дѣйствіе этихъ снарядовъ, но странно ошибался въ ихъ причинахъ. «Золипили, говоритъ онъ, пустые мѣдные шарики, съ крошечнымъ отверстіемъ, чрезъ которое вливается вода. Эти шарики, пока не нагрѣются, не испускаютъ воздуха; но будучи положены передъ огнемъ, они тотчасъ, какъ поддѣивуется на нихъ теплота, производятъ на огонь стремительный вѣтеръ, и такимъ образомъ, черезъ этотъ маленькій опытъ открываются важныя истины о природѣ воздуха и вѣтровъ».

Значитъ, по мнѣнію Витрувія, вода превращалась въ *воздухъ* при помощи огня. Правда, что древніе писатели часто употребляли слово *воздухъ* въ томъ же смыслѣ, какой придаемъ мы теперь слову *газъ*, или даже *паръ*. Но здѣсь нельзя принять этого истолкованія. Въ приводимыхъ нами словахъ нѣтъ ни малѣйшаго недоразумѣнія; очень ясно, что Витрувій думаетъ объяснить вѣтеръ посредствомъ золипила. Клодъ Перро также впалъ въ эту странную ошибку почти черезъ 1700 лѣтъ послѣ Витрувія.

Въ ученыхъ сочиненіяхъ втораго вѣка нашей эры находимъ любопытныя объясненія нѣкоторыхъ явленій, зависящихъ отъ

силы паровъ. — Мы приводимъ здѣсь только одно мѣсто изъ творенія Сенеки, гдѣ онъ разсуждаетъ о землетрясеніяхъ.

«Нѣкоторые философы, говоритъ онъ, объясняя землетрясенія посредствомъ огня, приписываютъ ему совсѣмъ другое дѣйствіе. Этотъ огонь, горящій во многихъ мѣстахъ, по необходимости образуетъ пары, которые не находятъ выхода и сильно расширяютъ воздухъ; дѣйствуя со всѣмъ напряженіемъ, они разрушаютъ препятствія; менѣе сильные могутъ только потрясать землю. Мы видимъ, что вода кипитъ на огнѣ. То, что наши очаги производятъ надъ небольшимъ количествомъ жидкости въ маленькомъ котлѣ, нельзя сомнѣваться, чтобы обширный подземный горнъ не произвелъ съ гораздо болѣею силою надъ огромными массами водъ. Тогда пары кипящихъ водъ быстро разрушаютъ все, что встрѣчается имъ на пути.»

Впрочемъ, изъ этого еще не видно, чтобы во время Сенеки существовала идея сдѣлать приложеніе изъ этой ужасной силы, которая быстро разрушаетъ всѣ встрѣчаемыя ею преграды. Нужно было слишкомъ четыре вѣка, пока родилась новая идея, вслѣдствіе теоретическаго объясненія землетрясеній.

Агатіи, византійскій историкъ, писавшій въ концѣ шестаго вѣка, оставилъ намъ обширное и неоспоримое, хотя еще не совершенное указаніе на идею этого рода.

Описавъ землетрясеніе, разрушившее множество зданій и погубившее много людей въ Константинополѣ, осенью 557 года, онъ прибавляетъ:

«Тогда начались споры объ испареніяхъ, и въ разговорахъ часто упоминали Стагирита (Аристотеля); одни говорили, что онъ съ большою вѣрностію изложилъ свойства и раскрылъ причину этихъ явленій, а другіе, что онъ далеко уклонился отъ истины. Въ подтвержденіе же мнѣнія этого философа, именно, что густой и крѣпкій духъ (воздухообразная жидкость), заключенный со всѣхъ сторонъ въ земныхъ пещерахъ, производитъ эти потрясенія, нѣкоторые приносили опытъ, произведенный за нѣсколько времени Антеміемъ (*).

(* Изъ этого мѣста Агатія видно, что нѣкоторые ученые думали, будто Аристотель, прежде Сенеки, причину землетрясеній приписывалъ водянымъ парамъ. Но послѣ внимательнаго прочтенія VII главы 2 книги метеороло-

«Этотъ Антемій былъ родомъ изъ Траллъ, и искусство его состояло въ изобрѣтеніи машинъ, которыя чрезъ приспособленіе геометрическихъ теорій къ матеріи, производятъ подражанія и въ нѣкоторомъ отношеніи образы явевшей природы. Онъ былъ большой знатокъ этого искусства, и оказалъ возможно большіе успѣхи въ знаніи математическихъ наукъ».

Послѣ мелочныхъ подробностей о семействѣ Антемія, Агатій такимъ образомъ описываетъ упомянутой выше опытъ:

«Жилъ въ Византіи нѣкто Зенонъ, стоявшій въ свѣтѣ адвокатовъ, и кромѣ того отличенный и любимый императоромъ. Онъ былъ сосѣдъ Антемія, такъ какъ ихъ квартиры находились въ одномъ домѣ. Случился между ними раздоръ, изъ-за окна ли, открытаго не въ пору, изъ-за знанія ли какаго-нибудь, затемнивашаго чрезмѣрно высоту дневной свѣтъ, или, наконецъ, по одной изъ тѣхъ безчисленныхъ причинъ, которыхъ всегда найдется довольно, чтобы произвести распрію между ближайшими сосѣдами.

«Антемій, обвиненный передъ судомъ,—какъ долженъ былъ ожидать, потому-что его противникъ былъ адвокатъ,—не находя въ себѣ довольно силы бороться съ нимъ въ краснорѣчій, вздумалъ отмстить за себя слѣдующимъ способомъ, который внушило ему его искусство.

«У Зенона были покои высокіе, обширные, прекрасные богато убранные, гдѣ онъ обыкновенно принималъ своихъ друзей и угощалъ тѣхъ, кто былъ ему болѣе любезенъ. Нижній этажъ этого жилища принадлежалъ Антемію, такъ что полъ перваго служилъ потолкомъ послѣднему. Антемій поставилъ въ своемъ жилѣ большіе котлы съ водою, сверху обвелъ ихъ кожаными трубами, которыя въ основаніи были широки, такъ что совершенно охватывали края котловъ, но потомъ суживались въ діаметрѣ, какъ игральныя трубы, и оканчивались въ соизмѣрныхъ пропорціяхъ. Концы этихъ трубокъ онъ протянулъ къ балкамъ и доскамъ потолка, и тамъ плотно ихъ укрѣ-

тилъ Аристотеля, посвященной землетрясеніямъ, видно, что этотъ философъ и не думалъ говорить ничего подобнаго. Правда въ этой главѣ встрѣчаются слѣдующія слова: «Земля сама по себѣ суха, и когда внутренность ея наполняется дождями, тогда, если она согрѣта солнечными лучами и собственною теплотою, образуются сильныя ветры, которые (частію) вырываются наружу, (частію) остаются внутри земли.» Но изъ всего этого слѣдуетъ только то, что Аристотель здѣсь говорилъ о настоящихъ вѣтрахъ, о теченіяхъ воздуха, а нисколько не о водяныхъ парахъ.

нилъ, такимъ образомъ, что впушенный туда воздухъ могъ свободно подниматься въ хустую внутренность трубокъ и ударять въ самый потолокъ, но окруженный кожей не могъ ни вылетать, ни вырываться наружу. Сдѣлавъ тайно эти приготовления, Антеій развелъ подь котлами большой огонь и произвелъ сильное пламя; вода нагрѣлась и закипѣла; поднялось изъ нея множество густаго и сильного пара, который, такъ какъ ему некуда было разлетаться, поднимался въ трубки, и тѣмъ сильнѣе стремился, какъ входилъ въ болѣе узкое пространство, такъ что, постоянно ударяясь въ потолокъ, онъ сталъ колебать его, и до такой степени, что потолокъ пришелъ въ движеніе и началъ трещать. Зенонъ и друзья его были утрашены и испуганы, они съ крикомъ и восклицаніями бросились на улицу; а Зенонъ, прійдя во дворецъ императора, спрашивалъ у своихъ знакомыхъ, что они слышали о землетрясеніи и не причинило ли оно какихъ поврежденій, и пр.»

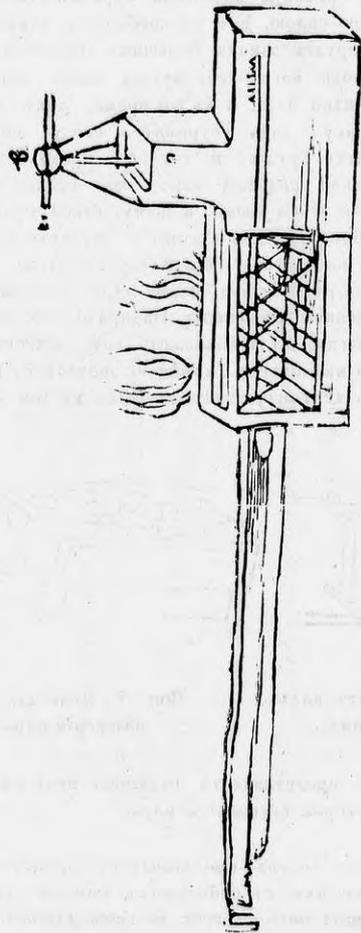
Надо признаться, что это описаніе чрезвычайно темно, потому-что опытъ, описанный Агатіемъ, не произведеть тѣхъ дѣйствій, о которыхъ онъ говоритъ. Г. Монжери также не допускаеть, чтобы механизмъ, описанный Агатіемъ, былъ точно тотъ самый, какой употребилъ Антеій. «Широкій конецъ трубокъ, говоритъ онъ, слѣдовало бы уставить въ балки, и вдругъ открыть его посредствомъ клапана или крана. Тогда только произойдетъ сильное потрясеніе.»

Въ библіотекѣ института есть нѣсколько манускриптовъ Леонарда де-Винчи, который родился въ 1452 году, а умеръ въ 1519. Эти манускрипты были изслѣдованы многими учеными, между прочимъ, господиномъ Вентури, профессоромъ физики въ Моденѣ, господиномъ Либри, а наконецъ господиномъ Делекюзомъ, который, перелистывая ихъ, открылъ описаніе и чертаніе настоящей паровой пушки.

Замѣчательный трудъ, помѣщенный господиномъ Делекюзомъ въ журналѣ *Artiste*, 1841 года, заключаетъ точный снимокъ 33-й страницы манускрипта В Леонарда де-Винчи, гдѣ описано употребленіе пара для бросанія тѣлъ. Какъ это не удивительно, тѣмъ не менѣе вѣрно: безсмертный живописецъ *Тайной вечери* описалъ и начертилъ паровую пушку съ такою точностію, которая не допускаеть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Мы занимаемъ у господина Делекюза снимки съ фигуръ, нарисованныхъ Леонардомъ де-Винчи. На одной изъ нихъ

(фиг. 8) видна подпись, представляющая образчикъ почерка Леонарда де-Винчи. Эта подпись отличается занима-

(Фиг. 5. Архитронъ Архимеда, по Леонарду де-Винчи.)

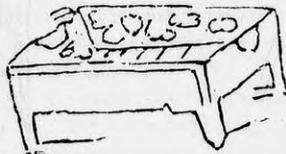
тельною особенностію; она писана отъ правой руки къ лѣвой, по восточному. Удобнѣе прочитать можно въ зеркалѣ.

Семь строкъ, помѣщенныхъ сверху этого чертежа содержатъ въ себѣ слѣдующее: «Архитронитъ есть мѣдная машина, которая бросаетъ желѣзныя ядра съ величайшимъ шумомъ и ужасною силою. Его употребляютъ такимъ образомъ: Третья часть орудія занята большимъ количествомъ огня и угля. Когда вода нагрѣется, нужно сжать винтъ на сосудѣ abc, гдѣ находится вода, и въ то время, какъ винтъ будетъ сжиматься сверху, вода устремится снизу, войдетъ въ нагрѣвшуюся часть орудія, и тотчасъ превратится въ такой обильный и такой сильный паръ, что нельзя не удивляться стремительности этого дыма, и шуму, какой производитъ онъ. Эта машина бросала ядро вѣсомъ въ шестую долю та ланта.»

5-я фигура совершенно соответствуетъ этому описанію. Въ продольномъ разрѣзѣ пушки видно ядро, положенное впереди печки, окруженной рѣшеткою. На-право отъ печки устроенъ маленькій ящичекъ, куда наливаютъ воду; ящичекъ закрывается, смотря по надобности, крѣпкою досечкою, которую сильно нажимаютъ винтомъ, изображеннымъ въ 6-й фигурѣ.

(Фиг. 6. Винтъ надъ котломъ).

(Фиг. 7. Печь для произведенія пара).

Фигура 7-я представляетъ отдѣльно печь съ выемками для трубы, въ которой сгущаются пары.

Наконецъ 8-я фигура представляетъ архитронитъ, поставленный на колесахъ, съ небольшимъ ящикомъ для угля, означеннымъ словомъ *carboni*, и съ другимъ для воды, на которомъ сокращенно написано: *acq.* Подъ этимъ чертежемъ, въ подманикѣ написано: *Come si porta in campo l'architronito* (какъ везти архитронитъ на войну.)

«Могутъ замѣтить, говорить Делеклюзъ, что Леонардъ вовсе не считаетъ этой машины новымъ изобрѣтеніемъ, напротивъ,

(Фиг. 8. Архитронитъ, поставленный на колеса для перевозки. — Подпись Леонарда де-Винчи.)

приписываетъ ее Архимеду. По моему мнѣнію, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что здѣсь де-Винчи означаетъ тяжесть словомъ *talanti* (греческій вѣсъ), тогда какъ вездѣ, въ другихъ мѣстахъ, вѣсъ и мѣру онъ употребляетъ итальянскіе.

«Мы имѣемъ нѣкоторые математическіе трактаты Архимеда, но онъ составилъ книгу *о печалѣ*, которая не дошла до насъ. Нельзя ли предположить, что де-Винчи познакомился съ этимъ сочиненіемъ чрезъ какой-нибудь арабскій переводъ? Это предположеніе могъ бы подтвердить какой-нибудь ученый ориенталистъ.»

Это замѣчаніе ученаго критика очень важно. Дѣйствительно, есть причины думать, что греческіе механики могли изобрѣсть нѣчто сходное съ паровою пушкою.

Обратимся на минуту къ нашей 2-й фигурѣ и къ объясненію ея, сдѣланному Герономъ Александрійскимъ. Употребленіе этой игрушки не могло ли очень естественнымъ образомъ привести къ мысли, воспользоваться паромъ для бросанія тѣла? Недостаточно ли, чтобы, по какому-нибудь случайному обстоятельству, маленькій шарикъ находился на самомъ отверстіи трубки, и прикрывалъ выходъ пара, такъ чтобы паръ, получивъ значительную напряженность, бросилъ его на порядочную высоту, съ силою маленькой катапульты (бросательной машины)? Но такое обстоятельство не только могло, даже должно было произойти, когда дѣлали опыты надъ шарами различныхъ діаметровъ, съ достаточнымъ количествомъ воды. И такъ есть внутренняя связь между идеею сорокъ пятаго прибора Герона Александрійскаго и идеей паровой пушки, которую Леонардъ де-Винчи приписываетъ Архимеду. Имя Архимеда, вѣроятно, означаетъ только олицетвореніе греческой эпохи, точно также, какъ имя Цезаря, во Франціи, указываетъ, просто, на римское происхожденіе.

Можетъ-быть, возразятъ, что приборы Герона не больше, какъ инструменты увеселительной физики, и что слишкомъ великъ шагъ отъ идеи игрушки до идеи практической машины. Чтобы отвѣчать на такое возраженіе, достаточно припомнить, что Ктезибій, учитель Герона Александрійскаго, предполагалъ воспользоваться упругостію воздуха въ катапультѣ особеннаго рода; что описаніе *аэротона* Ктезибія, сдѣланное Филономъ Византійскимъ, не можетъ допустить никакого сомнѣнія по этому предмету; и что также естественно устроить паровую пушку, имѣя понятіе о расширительной силѣ испарившейся воды, какъ и изобрѣсть духовое ружье, зная упругость воздуха.

Повторимъ въ нѣсколькихъ словахъ связь идей, которые вели къ изобрѣтенію архитронита: котель съ плотно накрытою

крышкой долженъ былъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ указать на расширительную силу пара, вырывающагося сквозь узкія щели, и силу этого пара, сначала употребленную въ простой игрушкѣ, въ которой прыгали легкіе шарикъ, естественно могли бы приложить къ бросанію ядеръ въ паровой пушкѣ.

Г. Наварретъ обнаружилъ, въ 1826 году, въ астрономической перепискѣ барона Заха, слѣдующее замѣчаніе, сообщенное ему г. Томасомъ Ганзалесомъ, директоромъ симанкского королевскаго архива:

«Бласко де-Гарай, капитанъ флота, предложилъ въ 1543 году императору и королю Карлу Пятому машину, которая могла приводить въ движеніе корабли и большія суда, даже въ тихую погоду, безъ веселъ и парусовъ.»

«Не смотря на препятствія и противорѣчія, которымъ подвергался этотъ проектъ, императоръ приказалъ произвести опытъ въ барселонскомъ портѣ, что и было сдѣлано 17-го іюня того же 1543 года.»

«Гарай не хотѣлъ открыть вполнѣ своего изобрѣтенія; впрочемъ, во время опыта видѣли, что оно состояло изъ большаго котла съ кипящею водою и изъ колесъ, прикрѣпленныхъ къ той и другой сторонѣ корабля.»

«Опытъ производился на кораблѣ, въ 200 тоннъ, называвшемся *Троица* и прибывшемъ изъ Колибри, для нагрузки въ Барселонѣ хлѣбомъ, съ капитаномъ Педромъ Скарсою.»

«По повелѣнію Карла Пятаго присутствовали при этомъ опытѣ донъ Генрихъ Толедскій, губернаторъ донъ Педро де-Кардона, казначей Раваго, вице-канцлеръ и интендантъ Каталоніи.»

«Въ рапортахъ, поднесенныхъ императору и принцу, все вообще одобрили это замысловатое изобрѣтеніе, особенно за быстроту и легкость, съ какими корабль поворачивался на другой бортъ.»

«Казначей Раваго, врагъ проекта, говорилъ, что корабль шель двѣ мили въ три часа; что машина слишкомъ сложна и дорога, и что можно подвергнуться опасности, если лопнетъ котель. Другіе комиссары увѣряли, что корабль дѣлалъ повороты на другой галель съ такою же быстротою, какъ галера, маневрирующая по обыкновенной методѣ, и дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, одну милю въ часъ.»

«Когда опытъ былъ произведенъ, Гарай снялъ съ корабля

всю машину; дерево онъ отдалъ въ барселонскіе арсеналы, а все остальное взялъ себѣ.

«Не смотря на сопротивленіе и несогласіе Раваго, изобрѣтеніе Гарая было одобрено, и еслибы не воспренятствовала экспедиція, которую долженъ былъ тогда предпринять Карлъ Пятый, оно непременно было бы введено въ употребленіе.

«За всѣмъ тѣмъ, императоръ далъ изобрѣтателю слѣдующій чинъ, сдѣлалъ ему подарокъ въ 200,000 мараведисовъ, приказалъ казначейству заплатить ему всѣ расходы и убытки, и кромѣ того оказалъ ему много другихъ милостей.

«Это извлечено изъ документовъ и оригинальныхъ протоколовъ, хранящихся въ симанскомъ королевскомъ архивѣ, между бумагами о состояніи торговли въ Каталоніи и дѣлами секретаріатствъ, военнаго, сухопутнаго и морскаго, 1543 года.

«Томасъ Гонзалесъ.

«Симанка, 27 августа 1825 года.»

Изъ приведеннаго замѣчанія, г. Наварретъ выводитъ, что *пароходные корабли изобрѣтеніе испанское, и что въ наши дни только возобновили его.* Отсюда также вытекаетъ слѣдствіе, что Бласко де-Гарай есть настоящій изобрѣтатель паровыхъ машинъ.

Г. Араго не принимаетъ мнѣнія г. Наваррета, которое ему кажется несомнительнымъ.

«Эти притязанія, говоритъ знаменитый непременный секретарь Академіи, мнѣ кажется, легко можно опровергнуть. По принятому правилу, исторія наукъ должна исключительно основываться на сочиненіяхъ напечатанныхъ: рукописные документы не могутъ имѣть никакой цѣны для публики, потому что очень часто нѣтъ никакихъ средствъ доказать точность времени, къ которому относится рукопись. Извлеченія изъ рукописей еще менѣе могутъ быть допускаемы: авторъ анализа иногда не совсѣмъ пойметъ сочиненіе, въ которомъ отдастъ отчетъ; онъ, даже нехотя, прилѣпляетъ идеи своего времени, собственные свои идеи къ идеямъ писателя, котораго онъ сокращаетъ. Пожалуй, я соглашусь, что въ настоящемъ случаѣ нельзя приложить ни одной изъ этихъ трудностей; что документъ, приведенный господиномъ Наварретомъ, дѣйствительно относится къ 1543 году, что извлеченіе господина Гонзалеса вѣрно: но

что изъ этого слѣдуетъ? Что въ 1543 году хотѣли привести въ движеніе корабли посредствомъ какого-то механизма, и болѣе ничего. Машина, говорятъ, заключала въ себѣ котель, слѣдовательно, это паровая машина. Но такое сужденіе не имѣетъ заключенія. Дѣйствительно, есть въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ проекты машины, гдѣ подъ котломъ съ водою видѣнъ огонь, но паръ не играетъ здѣсь никакой роли; такова, на примѣръ, машина Амонтоновъ. Наконецъ, если даже допустимъ, что паръ производилъ движеніе въ машинѣ Гарая, то отсюда еще не слѣдуетъ необходимо, что машина была нова, что она имѣла въ которое сходство съ нынѣшними машинами; потому-что Геронъ, какъ мы уже видѣли, за 1600 лѣтъ прежде, описалъ средство производить вращательное движеніе шарика дѣйствіемъ пара. Я прибавлю даже, что если опытъ Гарая былъ произведенъ и машина его была паровая, то все заставляетъ думать, что онъ употребилъ *золотилъ* Герона. Устройство этого прибора, дѣйствительно, очень не трудно, между-тѣмъ какъ (можно смѣло сказать) самая простая изъ нынѣшнихъ паровыхъ машинъ требуетъ точности и искусства, которыя превосходятъ все, что можно было бы найти въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Сверхъ того, Гарай никому не хотѣлъ показатъ своей машины, даже комиссарамъ, назначеннымъ императоромъ, и потому всѣ попытки разгадать устройство этой машины, спустя три столѣтія, очевидно не приведутъ ни къ какому результату.

«Слѣдовательно, новый документъ, открытый г. Наварретомъ, не можетъ быть принятъ: 1) потому, что онъ не напечатанъ ни въ 1543 г., ни позже; 2) потому, что онъ не доказываетъ, что двигателемъ барселонскаго судна была настоящая паровая машина; 3) наконецъ, потому, что если паровая машина Гарая когда-нибудь существовала, то это, по всей вѣроятности, былъ противодействующій *золотилъ*, уже описанный въ сочиненіяхъ Герона Александрійскаго.»

Сужденіе господина Араго намъ кажется немного строгимъ. Еслибы точность и достовѣрность приведеннаго господиномъ Наварретомъ отрывка были доказаны, то сдѣлалось бы очень вѣроятнымъ, что Бласко де-Гарай, дѣйствительно, имѣлъ мысль приложить двигательную силу пара къ мореходству; каковъ бы ни былъ употребленный имъ приборъ, былъ ли это *золотилъ*, что очень правдоподобно, во всякомъ случаѣ, этотъ механикъ долженъ занять почетное мѣсто въ ряду из-

обрѣтателей, которыхъ имена блистаютъ въ исторіи паровыхъ машинъ.

Въ описательной исторіи паровыхъ машинъ Роберта Стюарта, вслѣдъ за описаніемъ противодействующей машины Герона находятя слѣдующія слова;

«Нельзя найти никакого указанія на употребленіе пара, какъ двигателя, ни у древнихъ авторовъ, ни въ сочиненіяхъ новѣйшихъ писателей, до 1563 года. Въ это время, нѣкто Матезій, въ томъ проповѣдѣй, названномъ Sacerpa, говоритъ о возможности устроить приборъ, который по своему дѣйствию и свойствамъ очень походитъ на нынѣшнія паровыя машины.»

Надо признаться, что это лапидически приведенное мѣсто очень важно для нашего предмета. Но, къ сожалѣнію, Сарента Матезія теперь неизвѣстна.

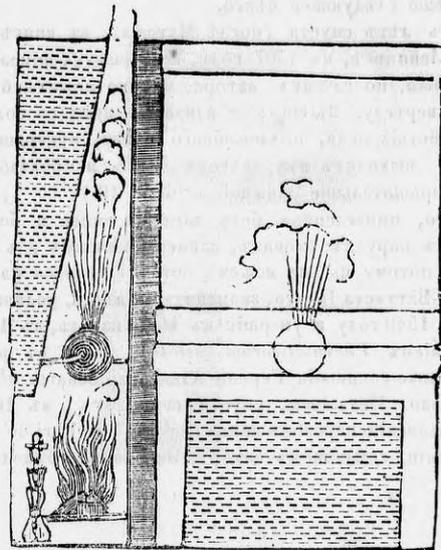
Филиберъ Делормъ, въ 8-й главѣ IX книги своей *Архитектуры*, между различными средствами противъ выбрасыванія изъ каминовъ дыма, предлагаетъ слѣдующее:

«Другое средство и изобрѣтеніе противъ выбрасыванія дыма. Надо взять одинъ или два пустыхъ мѣдныхъ шарика, величиною отъ пяти до шести футовъ въ діаметрѣ, или болѣе, кто какъ хочетъ, и, просверливъ сверху отверстіе, налить ихъ водою; потомъ положить ихъ въ трубу, на высотѣ четырехъ или пяти футовъ, или около того (смотря потому, какъ великъ будетъ разведенъ огонь) такъ, чтобы они могли нагреваться, когда жаръ будетъ достигать до нихъ, и отъ испаренія воды произойдетъ такой вѣтеръ, что самый густой дымъ не будетъ въ состояніи противиться его напору. Эти шарики также очень полезны для раздуванія и сильнѣйшаго восламененія зажженныхъ дровъ, какъ говоритъ объ этомъ и Витрувій въ шестой главѣ своей первой книги...» (фиг. 9.)

Здѣсь Филиберъ Делормъ почти слово въ слово повторяетъ, какъ и самъ говоритъ, мѣсто изъ Витрувія, приведенное выше и, раздѣляя ошибочное мнѣніе своего предшественника, полагаетъ, что такъ какъ въ комнатахъ нѣтъ свободнаго тока воздуха, то эолипилъ и производитъ это теченіе. Какъ извѣстно, на дѣлѣ бываесть не такъ. Воздухъ, находящійся въ трубѣ, увлеченный струею пара, замѣщается воздухомъ комнаты, и дымъ будетъ вылетать наружу, только тогда, если въ комнату будетъ входить внѣшній воздухъ черезъ форточки или черезъ створки дверей и оконъ.

Авторъ продолжаетъ:

«Нѣкоторые, можетъ-быть, скажутъ, что эолипилъ не въ состояніи производить продолжительнаго вѣтра; на это я от-

(Фиг. 9. Употребленіе Эолипилы, по Филиберу Делорму).

вѣчаю, что чѣмъ они больше, тѣмъ долѣе будетъ продолжаться вѣтеръ; если при томъ жаръ, дѣйствующій на нихъ, будетъ не слишкомъ силенъ. Но чѣмъ сильнѣе огонь, тѣмъ они порывистѣе будутъ дуть, и тогда вода испарится гораздо скорѣе; по этому хорошо имѣть ихъ два или три, и болѣе, если угодно, такъ, чтобы когда перестанетъ дуть одинъ, на мѣсто его класть другой. Не всякій же имѣетъ средство или терпѣніе мало-по-малу наливаетъ воду въ эти шарики, потому удобнѣе будетъ нагрѣть ихъ и потомъ опустить въ ведро съ водою, гдѣ онѣ тотчасъ нальются. А для лучшаго уразумѣнія, я приложилъ здѣсь рисунокъ, какъ передней части, такъ и внутренности камина, чтобы всякой легче могъ знать, какимъ образомъ

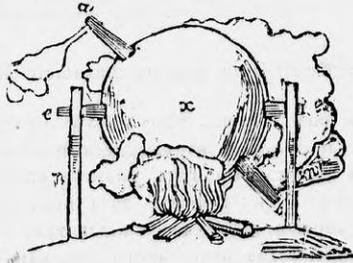
ихъ должно помѣщать и согрѣвать, а также какъ они отдуваютъ дымъ.» 9-я фигура представляетъ рисунокъ Делорма въ нѣсколько уменьшенныхъ размѣрахъ.

Въ описательной исторіи паровыхъ машинъ Роберта Стюарта находится еще слѣдующее мѣсто.

«Тридцать лѣтъ спустя (послѣ Матезія), въ книгѣ, напечатанной въ Лейпцигѣ, въ 1597 году, встрѣчается описаніе золиплия, который, по словамъ автора, удобно можетъ быть приложенъ къ вертелу. Въ шаръ *x* вливаютъ немного воды, которая отъ дѣйствія огня, подложеннаго снизу, превращается въ паръ. Паръ выходитъ изъ носковъ *a* и *b*, и производитъ непрерывное вращательное движеніе.» (Фиг. 10.)

Это мѣсто, приведенное безъ заглавія книги и безъ имени автора, подъ парю къ словамъ, заимствованнымъ изъ *Sarpeny* Матезія, и потому мы не можемъ останавливаться на немъ.

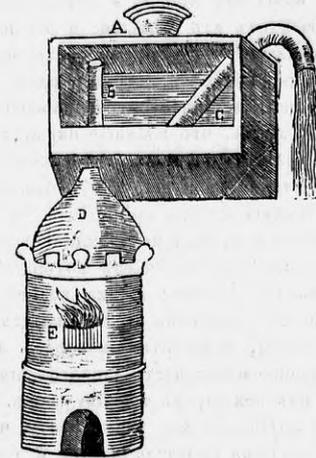
Джованни-Баттиста Порты, знаменитый физикъ, родившійся въ Неаполѣ въ 1540 году и умершій въ 1615, издалъ, въ 1601 году, подъ заглавіемъ *Pneumaticorum libri tres*, книгу въ родѣ приведеннаго выше сочиненія Герона Александрійскаго. Нѣкто Хуанъ Эскривано, Испанецъ, спустя семь лѣтъ, въ 1608 году, издалъ итальянскій переводъ книги Порты (*I tre libri de' spiritali*). Въ посвященіи, сдѣланномъ автору, Эскривано объявляетъ, что

(Фиг. 10. Приложение золиплия къ вертелу, по Роберту Стюарту).

онъ прибавилъ къ своему переводу нѣсколько новыхъ фактовъ, слышанныхъ имъ отъ самого Порты. Въ числѣ вставочныхъ

мѣстъ въ итальянскомъ изданіи, которыхъ нѣтъ въ латинскомъ подлинникѣ, встрѣчается слѣдующее:

(Фиг. 11. Приборъ Порты.)

«Возьмите ящикъ В С, стеклянный или оловянный, съ круглымъ отверстіемъ на днѣ, въ которое бы входило горлышко перегоннаго куба D, содержащаго въ себѣ одну или двѣ унціи воды. Горлышко куба плотно припаевается ко дну ящика, такъ чтобы не было ни малѣйшей скважины; отъ этого же самаго дна проводится труба; между дномъ ящика и отверстіемъ трубы оставляется небольшой промежутокъ, гдѣ бы могла свободно проходить вода. Эта труба, сквозь крышку ящика, выходитъ наружу на небольшое отъ него разстояніе (*passi per lo coverchio fuori poco lontano dalla sua superficie*). Въ ящикъ наливается вода, черезъ воронку А, которую потомъ закупориваютъ, чтобъ воздухъ не выдыхался, (*che non possa respirare*), за тѣмъ кубъ ставятъ на огонь и мало-по-малу его нагрѣваютъ; тогда вода въ кубѣ, превращаясь въ паръ, будетъ давить воду въ ящикѣ и заставить ее подниматься въ трубу С.

Такимъ образомъ, воду нагрѣваютъ до тѣхъ поръ, какъ ничего не останется; покуда вода будетъ испаряться (*sfumera*), воздухъ станетъ давить воду въ ящикъ, и вода будетъ литься наружу. Когда испареніе кончится, можно будетъ измѣрить, сколько вышло воды изъ ящика, а останется въ немъ столько воды, сколько выйдетъ изъ бутылки, и вы изъ количества вытекшей воды, заключите, сколько превратилось въ воздухъ. Безъ труда также можно измѣрить, сколько одна унція обыкновеннаго воздуха можетъ дать частей тончайшаго воздуха.»

И такъ Порты зналъ, что водяные пары, также какъ и воздухъ, могутъ сдавливать жидкость, и поднимать ее выше ея уровня. Правда, ни откуда не видно, чтобъ онъ имѣлъ понятіе объ ужасной силѣ, какую могутъ приобрести эти пары, и о возможности пользоваться ими, какъ могущественнымъ дѣятелемъ; онъ говоритъ даже, что трубка, чрезъ которую изливается вода, должна отстоять отъ крышки ящика на небольшое разстояніе.

Единственною его цѣлю было опредѣлить на опытѣ и посредствомъ прибора, недостатки котораго здѣсь нѣтъ нужды раскрывать, относительныя части даннаго количества воды и образовавшагося изъ нея чрезъ теплоту пара. Смотри съ механической точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что въ этомъ приборѣ Порты было сѣмя полезной мысли; и будь приложена эта мысль, производить давленіе водяными парами, къ прибору, изображенному на 3-й нашей фигурѣ, вмѣсто нагрѣтаго воздуха, это была бы настоящая паровая машина, способная поднимать воду на большую высоту.

Кривука и Библиографія.

РИМСКІЯ ПИСЬМА. *Двѣ части. Изданіе второе, и Прибавленіе къ Римскимъ Письмамъ. С. Петербургъ. Въ типографіи III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи. 1847 г. Въ 12 д.*

Если чисто-критическимъ умомъ, т. е. съ отстраненіемъ всякаго, также и милого пристрастія къ отечественному, пройти по легіону нашей пишущей братіи, къ выходу изъ рядовъ означая только тѣхъ, кто истинно заслуживаетъ названія *писателя* — то изъ всего легіона, передъ фронтомъ его, составитя такой незначительный *мануалъ* (горсть), что и считать нечего, и съ сокрушеніемъ поймешь необходимость: до поры до времени скрывать еще отъ публики горькую литературную тайну. Мы пользуемся позволительною стратагемою доброжелательной критики, отказываясь перечестъ этихъ избранныхъ и, даже про себя, знать ихъ на перечесть. Надѣясь, что въ скоромъ времени будетъ лучше, мы, для благой цѣли, скроемъ настоящую истину подъ правдивымъ, но неопредѣленнымъ, признаніемъ, что хоръ избранныхъ *немноголиченъ*. И еще изъ этого малаго числа двое мѣрятъ — оба изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей — отдѣлились, слѣдуя своему призванію, и посвящаютъ свое перо предметамъ духовнымъ. Въ этомъ видимъ мы явный признакъ, что и наша еще такъ мало развитая литература, жизнь которой обнаруживается покуда только въ отдѣльныхъ движеніяхъ членовъ, но которая всѣмъ составомъ своимъ еще не

встала на ноги, еще не избрала себя дороги — уже есть выражение жизни нашего народа! Глубокая религиозность — главная черта характера Русского! и изъ горсти талантливыхъ мірянъ двое выражаютъ исключительно сію благословенную черту и, по этому, имѣють огромную публику. Надобно думать, что Провидѣніе, ведущее великій народъ русскій совершенно-особеннымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, путемъ историческимъ, съ которымъ не совпадаютъ пути ни одного другаго народа, какъ отжившаго, такъ и современнаго, положило развить у насъ *все* изъ чувства религиозности — даже *чувство излищаго*, и потому призвало *двухъ мірянъ*, для собственно *излищаго* изложенія предметовъ духовныхъ, въ нашей свѣтской литературѣ. Духовная же Словесность наша такъ богата, что отнюдь не нуждается въ лептѣ мірянъ.

Кажется, русскій народъ и въ своей литературѣ явится *Иллею Муромцемъ*, что сидѣвъ просидѣлъ полвѣка, а потомъ, вставъ на ноги въ торжественный день, шагнулъ богатыремъ, побилъ Соловья-разбойника и сдѣлался нашимъ первымъ, нашимъ народнѣйшимъ витяземъ. Да, нашъ словесный *Илья* еще сидитъ сидѣвъ, а Соловей-разбойникъ шалитъ въ пустынныхъ лѣсахъ нашего Парнаса! Нынѣшній Соловей-разбойникъ на Руси есть ложный вкусъ, нечистый духъ иностранный, кривообразительное фигурство, словомъ: *абстрактное* существо, которое всего выразительнѣе олицетворишь подъ видомъ обезьяны съ полу-русскимъ языкомъ. Эта наша доморощенная бѣда также заложила дорогу промежъ Чернигова и Кіева, т. е. между чистою повѣтливостью простаго народа и *свѣтломъ* престольнаго города; но, къ счастью, повѣтнѣйшій нашъ супостатъ-Соловей не гнѣздится на девяти русскихъ дубахъ, какъ сказочный соопенникъ его, но разсѣлся только на двухъ, хотя и толстыхъ, но внутри пустыхъ столбахъ и на трехъ или четырехъ кольяхъ, такъ, что нашъ литературный сидѣвъ богатырь, лишь только вставетъ на ноги и шагнетъ на славное поприще, легко управится съ Соловьемъ-обезьяной, также побьетъ его и въ сѣдло второчить.

Этимъ постороннимъ взглядомъ на область нашихъ народныхъ сказаній мы отнюдь еще удалились отъ своего предмета: при здравой, *истинной* критикѣ журнальной, лучшимъ, дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ очищенію вкуса и отвращенію народной любознательности отъ всего ложнаго, печистаго, пролуднаго, отъ всѣхъ иностранныхъ фигуръ и *фигурностей*, несогласныхъ съ природою русскою — считаемъ мы прекрасныя

произведенія гг. *Норова* и *Муравьева* (А. Н.), и потому душевно радуемся широкому расходу ихъ сочиненій. Есть у насъ спеціальныя рецензенты, которые, мучимые неутожаемъ въ нашей литературѣ, Богъ вѣсть съ чего — видно съ отчаянія — пристрастились къ *Гоголю* и *Лермонтову* и общаются, въ программахъ, для приманки птицъ, цѣлый рядъ критическихъ статей объ этихъ двухъ писателяхъ, между тѣмъ, какъ вся критика о Лермонтовѣ, т. е. *истинная* критика, помѣщается въ немногихъ словахъ: «талантъ замѣчательный, но несозрѣвшій, повашшій на ложный путь и потому погибшій навсегда!» И о «Ревизорахъ» и «Мертвыхъ душахъ» говорить нечего: тутъ критика можетъ быть еще разительнѣйшимъ лаконизмомъ: «крайняя неудача!» — Отчего подобному спеціальному рецензенту, страстному охотнику до длиннаго ряда критикъ, не приходится на умъ посвящать свое критическое широкословіе блистательнымъ твореніямъ гг. *Норова* и *Муравьева*? *Научатся* могъ бы изъ сихъ твореній спеціальныи рецензентъ, не имѣвшій ни времени, ни случая приготовиться для серьезной критики, которою онъ лишь самоохотно занимается. По *чему* можетъ онъ научиться, облядывая забавныя каррикатуры Гоголя, или съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ гадая надъ неспѣлою даровитостію Лермонтова? Рѣшительно ничему! Онъ ни на шагъ не подвинется впередъ на своемъ критическомъ поприщѣ; онъ навсегда останется диковиннымъ мечтателемъ надъ книгою, которую надобно обсуждать трезво, здраво, отчетливо. Обратитесь же къ господамъ *Норову* и *Муравьеву* — и вотъ вамъ богатые предметы для цѣлаго ряда критическихъ статей! — Начать съ того: Какой замѣчательный параллель можно бы вывести между сими писателями, братски раздѣланными между собою прекрасную, избранную ими область! По усердію къ православію, они стоятъ рядомъ, но по свойству таланта, они выражаются различно. Г-нъ *Норовъ*, съ своею классическою ученостію, избралъ *научную* форму изложенія, столь лѣтнительную для образованнаго, въ особенности для ученаго читателя. А. Н. *Муравьевъ*, при меньшихъ свѣдѣніяхъ, и вообще незнакомый съ классицизмомъ, но одаренный въ высокой степени какою-то живительною теплою, какою-то поэтическою интуитивною, взявъ себѣ форму художественную, болѣе привлекательную для всякаго, даже простаго читателя. И такъ объ чистѣйшія формы умственныхъ: науки и искусства, проявляются въ назидательныхъ твореніяхъ

нашихъ двухъ духовно-свѣтскихъ писателей! Самою интересною частью умаго между ними параллелью была бы та, которая, показывала бы, какъ г-нъ Муравьевъ, при значительно-меньшихъ средствахъ, т. е. безъ пособія классической учености, своею художественною формою и чистою интуитивною держится въ равновѣсїи съ своимъ могучимъ сопоставителемъ пальмы сіонской. Г-нъ Муравьевъ стройно *носитъ* своимъ предметомъ; г-нъ Норовъ твердо *несетъ* свой предметъ на могучихъ раменахъ своей учености. Честь и слава обоимъ! Кромѣ назиданія, доставляемаго ими многочисленной публикѣ, они посредственно помогаютъ и критикѣ, какъ замѣчено выше.

Что, если къ нимъ присоединится еще одинъ изъ небольшого числа нашихъ свѣтскихъ писателей, талантъ самый оригинальный, Н. В. Гоголь? Въ послѣдней книгѣ его: «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» выказывается исключительная склонность къ религіозности, и хотя по этой склонности, нельзя еще назвать его писателемъ духовнымъ, но въ той же книгѣ есть двѣ прекраснѣйшія статьи о Церкви православной, свидѣтельствующія о томъ, что Гоголь рѣшительно устремился къ области гг. Норова и Муравьева. Мы замѣтили выше, что область братски раздѣлена между ними: куда же обратится Гоголь? Непремѣнно одно изъ двухъ: онъ вступитъ сопоставителемъ чистѣйшей славы либо въ участокъ А. Н. Муравьева, либо въ удѣлъ г-на Норова! Также, какъ и Муравьевъ, не запасаившись классическою ученостію, онъ не захочетъ мѣряться съ Норовымъ. Онъ долженъ, перешагнувъ черезъ Рубиконъ, вступить смѣло въ участокъ г-на Муравьева, состязаніе съ которымъ будетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, легче для него, также художника и поэта въ прозѣ. Какъ интересна, какъ назидательна будетъ возвышенная въ духовныхъ подвигахъ встрѣча двухъ такихъ именитыхъ талантовъ! Кому критика должна будетъ присудить пальму первенства? Объ этомъ можно будетъ развѣ только *гадать*. Погадаемъ же! Начнемъ съ того, что предполагаемъ въ обихъ равную степень свѣдѣній въ исторїи Вселенскихъ Соборовъ, ибо Гоголь, конечно, не вступитъ въ участокъ Муравьева, не поровнявшись съ нимъ въ этихъ необходимѣйшихъ свѣдѣніяхъ. Мы видѣли, въ *чемъ* состоитъ главная сила Муравьева. Никто, надѣемся, послѣ нашихъ строгихъ о Гоголѣ сужденій, не упрекнетъ насъ въ излишней къ нему снисходительности; но, поставивъ правду своею критическою музою, мы

признаемся, что, по нашему мнѣнію, тѣ двѣ статьи Гоголя о Церкви Православной изобличаютъ въ немъ еще болѣе способности къ чистой интуиціи, къ этимъ внезапнымъ вдохновеніямъ, къ этимъ порывамъ духовной любви, посредствомъ которыхъ, мимо темнаго ума человѣческаго, открываются высшія истины. Талангомъ же, Гоголь рѣшительно беретъ верхъ надъ Муравьевымъ, который, въ свою очередь, имѣетъ значительное передъ Гоголемъ преимущество въ томъ, что не писалъ карикатуръ, не сочинялъ Ревизоровъ и Мертвыхъ Душъ; что онъ, въ нашемъ воображеніи, всегда рисуется въ назидательномъ видѣ благочестія, обѣнненнѣй идумейскими пальмами. Но съ другой стороны, должно согласиться, что одинъ только малодушный читатель припомнитъ остепенившемуся мужу комическія и карикатурныя потѣхи его юности; что, напротивъ того, въ глазахъ серьезнаго человѣка, *Донъ-Жуанъ въ отшельнической* есть самое поразительное, величественное, назидательное явленіе, свидѣтельствующее о чудномъ торжествѣ Неба надъ легкомысліемъ, неразуміемъ и суетностію человѣческими.

Оставимъ покамѣстъ всѣ предположенія, и, въ ожиданіи новаго умственного подвига Гоголя, обратимся къ своему предмету.

Въ 1846 году вышли «Римскія Письма» г-на Муравьева, о которыхъ мы и отозвались въ П-мъ номерѣ «Сына Отечества» за истекшей годъ. Не имѣя возможности распространяться о еологическо-состязательной части этихъ «Писемъ», не подлежащей журнальному сужденію, мы должны были ограничиться обзорѣніемъ двухъ остальныхъ частей, исторической и языческой, именно тѣхъ частей, въ которыхъ авторъ немножко слабъ, и, по совѣсти, высказали ему свое мнѣніе и нѣсколько горькихъ истинъ, указывая и на значительные промахи. Этотъ горькій для насъ подвигъ предприняли мы только изъ доброжелательства къ почтенному автору. Дотогъ ему, во всѣхъ журналахъ, воскуряли заслуженный имъ еиміамъ; но эти роскошныя похвалы, безъ примѣси, и наименѣе полезнейшей примѣси критическихъ замѣчаній, вслили въ автора излишнюю самонадѣянность въ томъ, что онъ, подлѣ вліяніемъ своего генія, вздумалъ расхаживать съ геніальнымъ безстрашіемъ и по тѣмъ областямъ, въ которыхъ онъ, по недостаточности свѣдѣній, долженствовалъ бы поступать съ величайшею осмотрительностію. Мы хотѣли возбудить, въ смѣломъ и слишкомъ смѣломъ авторѣ часто спасительную къ себѣ самому недовѣрчивость; мы,

по крайней мѣрѣ, надѣялись, что всѣ указаннныя нами ошибки и промахи будутъ исправлены, при второмъ изданіи «Римскихъ Писемъ.» Вышло второе изданіе, и мы, видя съ сожалѣніемъ, что авторъ не вполне воспользовался нашими замѣчаніями, принуждены возвратиться къ нимъ, дабы читатели наши не считали ихъ пустыми, незаслужившими вниманія почтеннаго автора. Тутъ споръ не о вкусѣ; но рѣчь объ историческихъ промахахъ, о томъ, что можно доказать опутительно.

Въ упомянутой статьѣ нашей, мы замѣтили огромный историческій промахъ. «Во II части, на страницѣ 282 (перваго изданія), авторъ, будучи въ Байяхъ, близъ Неаполя, говоритъ: «Августъ» (нѣтъ, онъ тогда назывался Цесарь Октавіанъ) «Лепидъ и Антоній здѣсь составили кровавый триумvirатъ свой, и безпечной рукою, въ прохладѣ славовъ своихъ, подъ легкой плескѣ Байской волны, подписали имена своихъ жертвъ, смертью коихъ взаимно дарили другъ друга.» Въ доказательство, какой это капитальный промахъ, мы довольно пространно и самымъ яснымъ образомъ изложили передъ авторомъ, что онъ перекинулъ на югъ Италіи ужасное происшествіе, совершившееся на сѣверѣ ея, въ окрестностяхъ Болоньи; что на Байскомъ поморьѣ случилась рѣшительная противоположность того кроваваго триумvirата, состоялся блестящѣйшій подвигъ добродѣтели до-христіанскихъ временъ, совершенный Секстомъ Помпеемъ, и что авторъ нашъ, въ своихъ историческихъ воспоминаніяхъ, перепуталъ этотъ солнечный лучъ добродѣтели съ брызгами крови гнуснаго триумvirата. Нельзя было автору не вразумиться въ правдивость нашего замѣчанія; слѣдовательно, оставалось замѣнить свѣтозарнымъ подвигомъ Помпея кровавую фантазію о триумvirатѣ, и тѣмъ чистосердечно признаться въ досадной ошибкѣ. Побоялся ли авторъ, что признаніе въ огромномъ промахѣ, по такой общезвѣстной части, какова римская исторія, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ періодахъ своихъ—побоялся ли, что подобное смиренное признаніе пошатнетъ, во мнѣніи публики, вѣрованіе ея въ непогрѣбительность всѣхъ прочихъ историческихъ свѣдѣній авторовыхъ, къ которымъ рецензенту возбраненъ приступъ, съ обличительнымъ факеломъ критики? Какъ бы то ни было, въ этомъ затруднительномъ передъ публикою положеніи, художнической умъ автора нашелся очень оригинально, возымѣвъ мысль, въ одно время уговорить докучлива-

го критика и тѣмъ же самымъ навести на него подозрѣніе въ неправотѣ, ловко скрывая отъ публики дѣйствительно огромный промахъ автора. Дивное художество! Вотъ, въ чемъ оно состоитъ: то, что, въ первомъ изданіи «Римскихъ писемъ» случается, у нашего автора, въ мѣрѣ *дѣйствительности, исторіи*, переносится, во второмъ изданіи, въ область *мысли, въ мозгъ* тогда еще не бывалаго Августа и Антонія и Лепида! Авторъ, оставляя дѣликомъ свою вышеупомянутую ошибочную о триумvirатѣ фразу, прибавляетъ къ ней только *два незамѣтныхъ словечка*, переносящія огромный промахъ автора со скрижали исторіи въ мозгъ триумvirовъ! Во второмъ изданіи, на той же 282 страницѣ, изображено такъ: «Августъ, Лепидъ и Антоній *здѣсь* (т. е. въ Байяхъ) *мысленно уже* составили кровавый триумvirатъ свой»—и тѣми же словами, какъ и въ первомъ изданіи, тянется огромнѣйшій промахъ историческій; только, вмѣсто: «подъ легкой плескѣ Байской волны *подписали* имена своихъ жертвъ»—сказано: «*назначали* имена своихъ жертвъ!»

Мы не могли бы не рукоплескать столь геніальному извороту; мы рѣшили бы, что авторъ нашъ этимъ риторическимъ художествомъ превзошелъ самого Перикла, о которомъ Фукидидъ (не историкъ) сказывалъ: «Бросаю его д-земъ; онъ вскопчтъ и разувѣрять Аеніянъ, что они видѣли его *лежащимъ!*» Но, къ несчастію, этотъ геніальный изворотъ слишкомъ неудачно прилѣпленъ къ подлежащему случаю. Ошибка въ первомъ изданіи предполагала въ авторѣ «Римскихъ писемъ» нѣкоторыя, хотя и *шаткія* свѣдѣнія въ римской исторіи; поправка же, во второмъ изданіи, доказываетъ, что онъ, увы! не имѣетъ даже и *шаткихъ* свѣдѣній въ римской исторіи, по крайней мѣрѣ, о важнѣйшемъ періодѣ ея! Доводится намъ доказать почтенному автору и тѣмъ, передъ кѣмъ онъ, можетъ быть, оправдался своимъ геніальнымъ изворотомъ, что мнимый, небывалый еще Августъ г. Муравьева, Антоній и Лепидъ даже *мысленно* не могли составить свой кровавый триумvirатъ на *Байскомъ поморьѣ*, и *уже* *назначать* имена своихъ жертвъ.

Римскій плебей—мѣщанинъ, или почетный гражданинъ, какъ вамъ угодно—*Кай Октавій* былъ студентомъ въ Аполлоніи, (въ Македоніи), когда родной дядя его матери, великій Юлій Цесарь, палъ подъ кинжалами Брута и Кассія. Это неожиданное происшествіе вызвало восемнадцатилѣтняго студента, Цесаремъ усы-

новленного въ завѣщаніи его, на попріще политическое. Онъ возвратился въ Италію, притаялся подъ крылышко Цицерона, который и вывелъ его въ люди. По завѣщанію Цесаря, онъ получилъ прозваніе Цесаря Октавіана. Антоній, тогда первенствующее лицо въ Римѣ, холодно и насмѣшливо принявъ юнаго Октавіана и отказавъ ему въ наслѣдствѣ отъ Юлія Цесаря. Съ этой минуты, Октавіанъ содѣлялся его врагомъ. Лепидъ же, въ то время, былъ въ Галліи, главнокомандующимъ войска. Антоній, по истеченіи своего консулата, отправился подъ Мутину (Моде-ну), воевать съ Децимомъ Брутомъ. Сенатъ римскій, въ помощь сему послѣднему, выслалъ противъ Антонія войска подъ начальствомъ консуловъ Гирція и Папы, сопровождаемыхъ Цесаремъ Октавіаномъ. Оба консула пали въ битвѣ, но Антоній былъ побѣжденъ и спасся въ Галлію, къ Лепиду. Октавіанъ остался единственнымъ начальникомъ консулярныхъ войскъ. Видя передъ собою идущихъ уже изъ Галліи Антонія и Лепида, а съ тыла, изъ-за моря, ежеминутно ожидала появленія легионовъ Касція и Брута, опаснѣйшихъ для его, уже явно обнаружившагося, незаконнаго властолюбія, Октавіанъ, отмстившій Антонію за обиду, заключилъ съ нимъ и съ Лепидомъ, подъ Болонією, тотъ страшный триумвиратъ. Теперь спрашивается: могли ли они, даже мысленно, составить свой триумвиратъ на Байскомъ поморьѣ, близъ Неаполя? Въ томъ видѣ, въ какомъ былъ этотъ великолѣпный промахъ въ первомъ изданіи, онъ казался гениальною путаницею историческихъ воспоминаній; въ нынѣшнемъ же видѣ своемъ, онъ вполне лишился своихъ ошибочныхъ: великолѣпія и гениальности, и становится пренесчастливымъ обвинителемъ совершеннаго невѣднія всего этого періода римской исторіи и первыхъ политическихъ дѣйствій Октавіана, составителя всемірной имперіи, подъ позвѣстившимъ именемъ Августа.

Любопытно будетъ узнать, *какому* видоизмѣненію, въ будущемъ (третьемъ) изданіи «Римскихъ писемъ», подвергнется этотъ злополучный промахъ, на роковой 282 страницѣ II части, которому, на Байскомъ поморьѣ, несчастливо случилось какъ предполагаемому *дѣйствительному* происшествію, и еще болѣе, какъ *игръ мечты* триумвировъ? Рѣшится ли авторъ совсѣмъ исключить свое неудачное здѣсь составленіе кроваваго триумвирата и возстановить своимъ краснорѣчивымъ перомъ исторію, т. е. примиреніе, у мыса Мизенскаго, между Октавіаномъ и Антоніемъ съ одной и

Секстомъ Помпеемъ, съ другой стороны, и прекрасный подвигъ сего послѣдняго, который нарушеніемъ своего слова не хотѣлъ купить всемірную имперію? Или авторъ нашъ не захочетъ пожертвовать своимъ неощеннымъ историческимъ промахомъ и, во что бы то ни стало, придумаешь ему новое обольстительное видоизмѣненіе, посредствомъ неистощимой силы того ума художественнаго, которому все подвластно въ подлунномъ мірѣи который, наконецъ, одолѣетъ и самую строптивую матерію, и содѣляетъ ее гибкою, послушною, даже всекорнѣйшею? Одна только будетъ бѣда: неугомонный критикъ зоркимъ глазомъ слѣдитъ за авторомъ, и непременно изловитъ его въ самыхъ сокровенныхъ и самыхъ гениальныхъ дѣйствіяхъ его видоизмѣнительной тактики, въ пользу его злополучнаго промаха историческаго — и тѣмъ побудитъ его наконецъ отложиться отъ неумѣстнаго триумвирата и провѣщать истину о Байскомъ поморьѣ. Мы читаемъ въ Георгикахъ Вергилиевыхъ, что величайшій мастеръ видоизмѣненій, вѣщій *Протей*, въ тискахъ у человода Аристея и, такъ сказать, подъ жаломъ его, принужденъ былъ отложиться отъ всѣхъ обманчивыхъ видоизмѣненій, принять на себя свой настоящій образъ и вѣщать истину.

Вѣроятно, никто изъ нашихъ читателей не повѣритъ, какъ намъ прискорбно, что мы принуждены были указать на такой огромный промахъ нашего почтеннаго и нами многуважаемаго автора «Путешествій ко Святымъ Мѣстамъ и по Святымъ Мѣстамъ Русскимъ и многихъ другихъ назидательнѣйшихъ книгъ! Мы находимся въ такомъ странномъ положеніи, что критическое перо выпадаетъ изъ нашихъ рукъ. Позвольте же отдохнуть, перевести дыханіе, оглядѣться въ области исторіи: не было ли и прежде подобнаго нашему страннаго положенія? Было! Въ XI вѣкѣ, въ Италіи! Папа Леонъ IX вздумалъ увягъ воинскимъ мечемъ независимыхъ Апулійскихъ Нормановъ, отказавшихся платить ему десятину. Норманы разбили въ пухъ папское войско, взяли въ плѣнъ самого Папу и кинулись къ ногамъ его, прося прощенія за великій грѣхъ своей надъ нимъ побѣды, однако держа его въ плѣну, покуда онъ не признаетъ себя побѣжденнымъ. Какъ хорошо понимаемъ мы несприятное положеніе благочестивыхъ Нормановъ: плѣнивъ Папу, оказывать ему всякое уваженіе, однако настаивать на своемъ.

Удивляемся, отчего почтенный авторъ нашъ, не сознаетъ своего

асторического промахъ? Отъ чего онъ стоитъ грудью за жестокой промахъ, относительно кроваваго триумвирата въ *Байльзъ*, когда этотъ же авторъ, по нашему указанію, тотчасъ исправилъ другую свою ошибку историческую, гораздо сноснѣйшую? Мы замѣтили ему, что Манфредъ, царь Апулійскій, и племянникъ его, Конрадинъ, *не вѣдьтъ* сражались противъ Карла д'Анжу; что одинъ палецъ въ кровавой битвѣ подъ Беневентомъ, когда другой былъ еще отрокомъ въ Баваріи—и теперь мы видимъ, на 327 страницѣ второй части, что выкинутъ изъ строки несчастный *Манфредъ*; что остался одинъ Конрадинъ противникомъ Карла. Поди растолкуй прихоть человѣческую! Мы же, напротивъ того, на мѣстѣ автора, поспѣшили бы исправить огромнѣйшій промахъ историческій; но, въ отмщеніе за то нашему привязчивому критику, оставили бы, во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», ошибку меньшей важности, относящуюся къ *среднимъ вѣкамъ*, вообще мало извѣстнымъ.

Далѣе мы, въ своей прошлогодней статьѣ, замѣтили автору, что упоминаемая имъ знаменитая красавица римская, казненная будто бы за отцеубійство, называлась не Ченчио, но Беатриса Ченчи, и, находя его слишкомъ къ ней суровымъ, вздумали быть ея запоздалымъ адвокатомъ: докладывали, что преступленіе ея нисколько не доказано; что послѣднее прекрасное изрѣченіе ея, обращенное къ палачу, какъ-то свидѣтельствуешь о невинности ея. Конечно, не большая важность въ томъ, что къ прозванію красавицы прибавили букву *о!* Подъ перомъ А. О. Воейкова, нашъ Дельвичъ былъ всегда баронъ Дельвиховъ; но важно то, что наше безмездное ходатайство за злополучную красавицу, по видимому, нисколько не подѣйствовало на почтеннаго автора: будто бы въ доказательство своей неумолимости и невниманія къ нашему ходатайству, онъ оставляетъ за нею эту лишнюю букву *О*, какъ прибавочное звѣно цѣпи, сковавшей несчастную. Что, если мы ошибаемся? если авторъ прикинутое сначала какъ прибавочное звѣно цѣпи преступницы, оставилъ ей, во второмъ изданіи, какъ знакъ своей милости? Эта лишняя буква *О* имѣетъ форму не только звѣна цѣпи, но и *отщепенной головы*—такъ лишнее *о* значить, что авторъ нашъ возвращаетъ красавицѣ Ченчи неповинно отщепенную голову! Но зачѣмъ она приставлена *сзади*? зачѣмъ авторъ не пишетъ *Очени*? тогда голова была бы *впередъ*, гдѣ ея законное мѣсто! Догадываемся, что авторъ, не вполне простившій нашу Ченчи, вмѣшалъ въ свою милость черту са-

тирическую: ставя лишнее *о назадъ*, онъ этимъ будто намѣкаетъ, что у нашей красавицы голова была *не на мѣстѣ!* Признаться, это часто бываетъ у красавицъ! Мы отнюдь не увѣрены въ томъ, отгадали ли мы сокровенную мысль автора, на счетъ этого лишнего *о!* Когда онъ, по нашему указанію, выкинулъ, безъ церемоній, изъ ряда своихъ краснорѣчивыхъ строкъ несчастнаго Манфреда Апулійскаго, то, конечно, гораздо скорѣе отрѣзалъ бы у Ченчи лишнее *о*, еслибъ оно не имѣло у него весьма глубокаго значенія. Просимъ прошенія, если наша критическая догадливость не достигла до этой глубины.

Теперь мы должны выписать одно мѣсто изъ той же прошлогодней статьи нашей о «Римскихъ Письмахъ»: «Нашъ авторъ, равнодушный и суровый къ трагической Ченчи, смягчился однакожъ, въ поэтической долинь Эгеріи, воспоминаніемъ объ этой таинственной подругѣ мудреца! Прочтите внимательно, въ первой части, 392 и 393 страницы: онъ дышать чѣмъ-то теплымъ, вѣжнымъ, идиллическимъ.... Ручей *Альмонъ*, въ водахъ котораго жрецы Кивелы, единожды въ годъ, купали статую своей богини, превращается, покорный творческий мечтъ нашего автора, въ *кроткую пастушку* и получаетъ отъ него вѣжное имя *Альмы!* *Alma*, по-латынѣ, значитъ: *милая, прекрасная, дорогая*, въ лѣжнѣйшемъ смыслѣ сихъ словъ! Измѣненіе Ченчи въ Ченчио было неосновательное и совершенно излишнее; но превращеніе мужескаго рода въ женскій должно простираться и на самое имя субъекта, подвергаемаго метаморфозѣ. Греческая мифологія знала о превращеніи дѣвы въ юношу; теперь есть примѣръ метаморфозы и въ *обратномъ* порядкѣ... Да здравствуетъ *пастушеская Альма!*...»

Этимъ пріятельски-проническимъ тономъ хотѣли мы возбудить въ авторѣ *то же* удивленіе и *также* умственные вопросы, которые возбудило въ насъ столь поразительное, столь безпримѣрное, даже въ баснословіи, превращеніе—безпримѣрное отъ того, что греческая мифологія, какъ ни завиралась, но не нарушала психологической истины: многія изъ женщинъ желали бы быть мужчинами—и мифологія позволяла на это желаніе; но ни одинъ мужчина не захотѣлъ быть женщиною—и басня не прикасалась къ этому мужескому самочувствію. Прикоснулся нашъ авторъ, волею ли, или неволею, и, привѣтствуемый прозіею, конечно изумился также, и естественъ вопросъ: отчего могла случиться такая странная, а для нашего почтеннаго ав-

тора вдвое страннѣйшая ошибка? Отъ опечатки ли въ «Путеводитель по Риму»? Отъ худаго ли произнесенія этого названія необразованнымъ чичероне? Или отъ неправильнаго оборота собственной мечты поэта, безъ привычки къ играмъ идилическимъ вовлеченнаго идилическою мѣстностью въ міръ пастушескій? Мы ожидали навѣрное, что авторъ, по поводу нашей пріятельской пропіи, наведетъ тотчасъ справку историческую, и тогда — прощай навсегда, пастушеская Альма! Небывать тебѣ во *второмъ* изданіи «Римскихъ писемъ!» Вышло *второе* изданіе, и, къ крайнему нашему изумленію, прекрасная Альма уцѣлѣла отъ нашей пріятельской пропіи и отъ исторической справки авторовой!

Мы всегда любили пастушекъ Оеокритовыхъ, Виргиліевыхъ, Геснеровыхъ и всѣхъ прочихъ; мы душевно бы обрадовались чудному спасенію пастушки Альмы и были бы тотчасъ готовы разыграть съ нею (разумеется, въ мірѣ поэзіи) интересную идилию; но игры и вѣжности на умъ нейдутъ, когда дѣло становится серьезнымъ! Никогда мы не простили бы себѣ, если бы по *пустому*, безъ важной причины, безъ *полной, круглой правоты* позволили себѣ хотя малѣйшую пріятельскую пропію на счетъ почтеннаго автора — и потому, для своего оправданія, вмѣстѣ со всѣми читателями, *сами* наведемъ справку о мнимой пастушкѣ Альмѣ.

Ссылаемся на Цицерона, Овидія и другихъ латинскихъ классиковъ; ссылаемся на любой словарь латинскій, изданный для школъ, начиная съ словаря Шеллерова, исправленнаго и умноженнаго докторомъ философіи Люнеманомъ; ссылаемся на любую «Путеводитель по Риму», на любое «Путешествіе по Италіи», въ которомъ упоминается о долинѣ Эгеріи: римскій ручей, предметъ нашей справки, всегда имѣлъ названіе *мужескаго* рода и донынѣ называется по-итальянски: *Altone*, а не *Alma*! Извѣстно, что латинскія слова третьяго склоненія, кончащіяся на *o*, принимаютъ въ родительномъ и прочихъ падежахъ — букву *n* — и эта буква, въ нашемъ языкѣ, переносится и въ именительный падежъ: *Sato, Satonis* — иорусски: не *Kato* а *Katonъ*; также Цицеро — Цицеронъ; *Almo, Almonis* — *Альмонъ*! Это правило нашей грамматики простирается и на слова греческія, напримѣръ: Ксенофонъ! Мы говоримъ *Ксенофонтъ*, потому, что греческій родительный падежъ: Ксенофонтоу. Стало

быть, нашъ авторъ, если онъ хотѣлъ измѣнить коренное правило нашей грамматики, могъ бы сказать: кроткій *пастухъ Альмо*, или пастушескій Альмо, но не имѣлъ никакого права измѣнить *родъ*, сдѣлать мужескій *женскимъ* и создать себѣ пастушескую Альму, будто бы въ рифму на идумейскую палму, не имѣющую рифмы въ нашемъ языкѣ. Авторъ, конечно, замѣтилъ, въ самомъ гротѣ Эгеріи, безглавую *мужескаго* пола статую молодого человѣка, въ лежачемъ положеніи: это, безъ сомнѣнія, рѣчной божокъ *Альмонъ* — и одна эта статуя могла бы *разувприть* автора въ его игривой мечтѣ о пастушеской Альмѣ. Глядя на эту статую, вспоминаешь о пораженномъ юношѣ *Альмонъ*, въ VII пѣсни Энеиды; или по *имѣн* названъ ручей, или Виргилій, по ручью назвалъ юношу. И такъ доказано, что мы *правы*, что ручей всегда назывался *Альмонъ*, а не Альма, и сроду не бывалъ *кроткою пастушкою*. — Все это не можетъ не быть извѣстно нашему автору, который, навѣрное, наведъ справку въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ: чтѣ же побудило его, не смотря на все сіе, и во *второмъ* изданіи «Римскихъ писемъ» — остаться при своей Альмѣ?

Головоломная задача для рецензента!

Мы обязаны были оправдаться передъ публикою въ пріятельской пропіи, которою привѣтствовали мы первое появленіе *Альмы*; надъ *вторымъ* же, многозначимъ появленіемъ этой таинственной сестрицы Эгеріи Нумной ломать голову — отказываемся! Но если читателю угодно заняться разрѣшеніемъ трудной загадки, пуститься въ занимательный процессъ изслѣдованія, то мы готовы напутствовать читателя нѣкоторыми вспомогательными средствами, по крайнему разумію.

Въ вышеприведенномъ отрывкѣ нашей прошлогдней статьи сказано, что греческая мифологія знала о превращеніи *двѣи* въ *юношу*. Точно такъ! дѣвица *Ифиды* стала юноша *Ифидъ*; дѣвица *Цениды* — юноша *Ценей* (см: Овидіевы превращенія IX, 10 и XII, 4.) Мы замѣтили выше, на *какомъ* основаніи мифологія предпринимала столь замысловатое дѣйствіе. Но вотъ, чтѣ истинно замѣчательно: такое чудное превращеніе продолжалось только *по смерти* субъекта! Въ царствѣ тѣней, эти юноши стали опять *двѣями*: это именно сказано въ Виргиліевомъ описаніи подземнаго царства.

— Juvens quondam, nunc foemina, Caenis.
Rursus et in veterem fato revoluta figuram.

(Когда то юнона, теперь женщина, Ценида, судьбою опять обращенная въ свой видъ первобытный.)

Какое удивительное уваженіе къ естественной правдѣ! Мисеология тѣшила смертныхъ разными затѣями, но покорялась суровой посмертной истинѣ: нерожденный *юношею* не избѣгнулъ анаморфозы въ дѣву, въ царствѣ тѣней.

Не знаемъ, *тою* ли самого мѣвня нашъ почтенный авторъ а таковой анаморфозѣ, но она пригодится ему, по случаю метаморфозы Альмона въ пастушескую *Альму*. Представляется вопросъ: отчего произошла у нашего автора сія небывалая метаморфоза? По ошибкѣ ли, или по отчетливому умыслу? Рассмотримъ оба предположенія.

Конечно, ошибаться не мудроено въ такомъ неважномъ дѣлѣ, каково названіе классическаго *ручья*, когда классицизмъ есть весьма посторонній предметъ для нашего автора. Но въ такомъ случаѣ, для чего было не воспользоваться дѣльнымъ замѣчаніемъ критикѣ? *Совѣстно* признаться въ такой странной ошибкѣ, подававшей поводъ къ идилической чувствительности человѣка, никогда до того не мечтавшаго о пастушкахъ! По нашему, отнюдь не совѣстно признаваться въ невинной ошибкѣ! Кто изъ насъ не ошибался! Понадѣялся ли авторъ, что странная ошибка его будетъ извѣстна *немногимъ*, въ томъ предположеніи, что журналъ «Сынъ Отечества», неаккуратно издававшійся въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и въ 1845 и 1846 годахъ вовсе неиздававшійся, не могъ еще имѣть, въ прошедшемъ году, большаго числа подписчиковъ? что критика въ *журналь* мелькнетъ и исчезнетъ? Разсчегъ очень вѣрный! Но предвидѣлъ ли авторъ, что рецензентъ можетъ отдѣльно издать свои критики, писанныя не для минутнаго существованія, и удостоившіяся нѣкотораго вниманія публики и благосклоннаго отзыва въ двухъ важнѣйшихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ «С. П. б. Академическихъ Вѣдомостяхъ»? Предвидѣлъ ли авторъ, что «Сынъ Отечества», въ нынѣшнемъ году, можетъ значительно распространить кругъ своего дѣйствія; что тотъ же рецензентъ, который замѣтилъ въ первомъ изданіи «Римскихъ писемъ» эту поразительную метаморфозу и не нашелъ анаморфозы во второмъ изданіи, принужденъ будетъ, для своего оправданія, возвратиться къ этой странной метаморфозѣ и разгово-

рится о ней такимъ образомъ, какой, конечно, не можетъ быть пріятенъ автору? Что дѣлать! мы люди грѣшные: жертвуемъ лучшимъ другомъ своимъ и почтеннѣйшимъ въ нашей литературѣ лицомъ — всѣмъ, безъ исключенія, жертвуемъ мы *истинѣ* — или тому, что намъ сказывается истинною! Говорить печатно противъ своего убѣжденія — считаемъ мы моральнымъ преступленіемъ, и благоговѣнно безмолвуемъ тамъ, куда критика не имѣетъ входа. Еслибъ авторъ исправилъ эту ошибку, еслибы, рѣшился на необходимую анаморфозу *Альмы* въ Альмона, мы только молча порадовались бы тому, что критика наша пригодилась почтенному автору, и, при второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», у насъ уже не было бы рѣчи объ Альмѣ, и важная ошибка наижелательнѣйшимъ образомъ была бы предана забвенію, и рецензентъ никогда не подумалъ бы перепечатать свою критику. Теперь же ошибка получаетъ довольно значительную гласность.

Но если авторъ не сдѣлалъ *ошибки*, но *умышленно*, а *bon escient* обратилъ юношу Альмона въ пастушку *Альму*, основываясь на подобныхъ измѣненіяхъ самаго *пола*, въ греческой мисеологии, и не одобряя анаморфозы въ царствѣ Аидессовомъ, о которой, какъ мы видѣли, упоминаетъ Виргилій?

Конечно, всякій *творческій умъ* властенъ перемѣнить *родъ*, или *полъ* какого либо субъекта, или существительнаго! Такъ и авторъ нашъ можетъ сказать: «Я хочу, чтобы вашъ Альмонъ былъ кроткою *Альмою*! для меня онъ — пастушеская *Альма*!» И не о чемъ спорить! Но, въ такомъ случаѣ, почтенному автору слѣдовало бы сдѣлать во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ» выноску слѣдующаго, или тому подобнаго содержанія:

«Критикъ Сына Отечества правъ, говоря, что этотъ римскій ручей называется *Альмонъ*, а не *Альма*! Но мнѣ чрезвычайно понравились какъ самый гротъ Эгерія, такъ и долина ея. Пятая особенное уваженіе къ мудрому законодателю *Нуль*, я возимѣлъ мысль: изъ идилическаго ручья создать себѣ невестственную подругу, римскую *музу*, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по преданію, обитаетъ таинственная подруга сего мудраго римскаго царя, Эгерія, вадъ которою замечался самъ Бейронъ. Не видя большой важности въ томъ, чтобы перемѣнить *родъ* названія *ручья*, я, вмѣсто Альмона, его и назвалъ пастушескою *Альмою*, именемъ очень привѣтливимъ на латинскомъ языкѣ.

Если Жанъ-Жакъ-Руссо статуу Пигмаліона, называвшуюся у древних *Елизію*, могъ переименовать *Галатеею* и утвердить за нею сіе новое имя (по-крайней-мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, не знаютъ ея прежняго имени), то мнѣ и показалось весьма дозволительнымъ: малоизвѣстному у насъ римскому ручью, для моеи художнической набожности, дать названіе женское. Анаморфозировать же эту Альму, во второмъ изданіи «Римскихъ писемъ», въ *Альмонъ*, по примѣру язычниковъ, считаю для себя неприличнымъ.»

Разумѣется, мы долженствовали бы уважить подобную огорку, выписали бы ее въ своемъ критическомъ отзывѣ о второмъ изданіи «Римскихъ писемъ» — и былъ бы конецъ дѣлу. Теперь же *пастушеская Альма* чуть ли не присоединится къ *рыбачьему сыну*, *разстрѣливаемому пушками*. (Премила шутка Булгарина, основанная на томъ, что одинъ изъ нашихъ писателей французское *canonisé* перевелъ: *разстрѣлианный пушками*, а Ломоносова назвалъ *рыбачьимъ сыномъ*, вмѣсто сына рыбака). Вотъ все, любезный читатель, чѣмъ можемъ мы напутствовать тебя въ трудномъ подвигѣ разрѣшенія мудренѣйшей загадки нашихъ временъ!

Все, доселѣ замѣченное, легко могло бы и должно было бы быть исправлено во второмъ изданіи. Мы не требовали и не ожидали отъ нашего автора передѣлки его крайне-неудовлетворительныхъ отзывовъ о лучшихъ, знаменитѣйшихъ древностяхъ римскихъ, какъ-то о Пантеонѣ, Колизеѣ и прочихъ; но авторъ могъ бы всѣ эти неудачные отзывы *исключить* — и этимъ значительно возвысить достоинство своего сочиненія, ибо эта языческая часть всего менѣе соответствуетъ мастерству еологически-сопоставительной части. Горько намъ слышать тѣже странные въ просы на Капitolіи, что и въ первомъ изданіи; тотъ же ликованный отзывъ о Колизеѣ, яко бы мертвомъ стоглазомъ чудовищѣ, и проч. Для чего же, по-крайней-мѣрѣ, не скинуть съ заглавнаго листа *панскій* гекзаметръ, отнюдь не согласный съ этимъ мертвымъ стоглазымъ чудовищемъ и вообще съ тѣми впечатлѣніями, которыя производила на нашего автора классическая древность Рима, съ своими развалинами? Можно бы было найти гораздо приличнѣйшій эпиграфъ, когда авторъ, какъ признается въ предисловіи, «старался наиболѣе изучить Римъ со стороны *церковной!*» Онъ не объяснился даже на счетъ загадочнаго *Панлаціума!* И во второмъ изданіи тотъ же *Панла-*

ціумъ — и мы опять отзовемся, что ни одна гора въ Римѣ, или въ окрестностяхъ его, не называлась этимъ именемъ; что это опять ошибка, путаница, которую слѣдовало бы *исправить* во второмъ изданіи, или *оправдать*, буде возможно.

Сочиненія нашего автора расходится *широко*, чему мы душевно радуемся; но если, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ-же широко расходятся и странныя въ нихъ ошибки, которыхъ не исправляетъ авторъ, по благонамѣренному указанію, то никто тому не порадуется, и изъ этого могутъ происходить разныя недоразумѣнія и непріятности. Представьте себѣ, что изъ многочисленныхъ поклонниковъ автора, иной, по слѣдамъ его, поѣдетъ въ Римъ, и, основываясь на «Римскихъ Письмахъ», заговоритъ важнымъ тономъ о «*кровавомъ* триумвратѣ въ Баіяхъ», о «*пастушеской Альмѣ* въ долинѣ Эгеріи», и *Панлаціумъ* въ сосѣдствѣ Рима, и, раздраженный возраженіями мѣстнаго антикварія, или всякаго другаго образованнаго туземца, вздумаетъ еще поспорить и сопелется на нашего почтеннаго соотечественника — и тутъ-же подосишетъ Англичанинъ, да предложить и выиграетъ большое парі... это будетъ пренепріятная исторія! Во избѣжаніе такого недоразумѣнія, мы должны были *сильно напирать* на упомянутыя погрѣшности и дать имъ *столько мѣста* въ нашей рецензій. Надѣемся, что въ *третьемъ* изданіи «Римскихъ Писемъ» авторъ, или оправдается или молча исправитъ ошибки, и не доведетъ насъ, усерднаго ревнителя славы его, по честному долгу рецензента, слѣдовать за нимъ по пятамъ и не давать ему покоя, покуда не пожертвуетъ истинѣ: или рецензентомъ, неправымъ обвинителемъ, или своими ошибками!

Разсмотримъ «Прибавленіе къ Римскимъ Письмамъ», составляющее отдѣльный томикъ въ 200 страницъ, въ томъ-же форматѣ.

Названіе *римскихъ писемъ* придумано вообще неудачно: по такому-же праву онѣ могли-бы назваться и *неаполитанскими!* Эта неудача вполне выказывается на «Прибавленіи» къ «Римскимъ письмамъ», въ которомъ рѣчь идетъ только о *Венеціи*, *Миланѣ* и *Англіи*.

Авторъ нашъ въ Венеціи. Первое слово его есть благочестивое привѣтствіе Собору св. Марка! Затѣмъ авторъ вскорѣ переходитъ ко дворцу дождей. «Я посмотрѣлъ на чудный дворецъ, зеркало Венеціи — весь на столбахъ, какъ и она на сваяхъ, воз-

душный снизу, громадный сверху; Мавръ по наружности. *Отелло и по тому, что происходило внутри его*... *Отелло* тут вовсе не кстаги! Слѣдовало-бы сказать: *Мааръ* и по тому, что происходило внутри! Что тут общаго съ Шекспировскимъ *Отелло*, который скорѣе составляетъ діаметральную противоположность этого дворца! *Отелло*—человѣкъ вѣжливый, чувствительный, пылкій, веледушный; дворецъ дожей — политикъ хладнокровный, скрытый, эгоистическій! *Отелло*, по пылкому чувству ревности, безразсудно, безъ суда, безъ изслѣдованія дѣла, задушилъ свою невинную Дездемону, но благодушно не хотѣлъ ее пережить? Дворецъ дожей, съ маврскою неумолимостію, однако по своимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ, по правиламъ и законамъ своей аристократической республики, преспокойно *судилъ* того, кто ему попался въ когти, казнилъ его во мракѣ; но мы не имѣемъ повода предполагать, что и невинные подвергались казни—и дворецъ благополучно ихъ переживалъ. Никогда, сколько намъ извѣстно, у этого мнимаго *Отелло въ зданіяхъ* не было Дездемоны! Считаемъ излишнимъ продолжать несообразность дворца дожей съ Шекспировскимъ *Отелло*: отсюда, ее уже всякій видитъ самъ. Удивляемся, что авторъ этого не выразумѣлъ вѣроятно, онъ не читалъ «*Отелло*», который не входитъ въ его область литературную.

Авторъ подробно описываетъ Соборъ св. Марка и дворецъ дожей; но широкая подробность описаній столь извѣстныхъ предметовъ какъ-то наводитъ скуку. Эти описанія слишкомъ отзываются «Путеводителемъ по Венеціи», откуда онѣ заимствованы. Простая выцветка, изображающая дворецъ дожей, была-бы полезнѣе для читателя, не бывающаго въ Венеціи; а въ описаніи Собора св. Марка занимательно только то, что авторъ говоритъ *отъ себя* и что относится къ православію.

Жаль, что авторъ, посреди поэтическихъ мечтаній о Венеціи, позабылъ о томъ, что составляетъ ея главный для насъ интересъ: она связывала древній міръ съ новымъ! Она, при своемъ паденіи, въ 1797 году, была старѣйшее въ Европѣ государство! Она видѣла паденіе Рима и основаніе царства Клодевика въ Галліи; Остроготовъ въ Италиі, Визиготовъ въ Испаніи, Лонгобардовъ, Сарациновъ и Халифата возникновенію и паденію была она свидѣтельницею. Въ ея глазахъ пала и Византія и возвелчилось государство россійское; и тотъ великій человѣкъ, которымъ на-

чинается новѣйшая эпоха политической системы, *Наполеонъ*, съ перваго шага на свое блистательное поприще долженъ былъ политически уничтожить сію свидѣтельницу древности и среднихъ вѣковъ, дабы изъ *этихъ* временъ ни одинъ живой гомосъ не переносился препятственно въ новѣйшую систему государствъ европейскихъ. Обо всемъ этомъ у нашего автора нѣтъ ни слова! и только на *этомъ* грунтѣ все историческое, о чемъ воспоминаетъ авторъ, получило бы свое настоящее значение.

Большому Каналу въ Венеціи посвящена особая статья. Авторъ, плывя по немъ, съ «Путеводителемъ» въ рукѣ, насчитываетъ намъ прибрежные дворцы историческіе: Пизани, Морозини, Густиніани, Контарини, Модениго,—гдѣ жилъ Бейровъ, Бальби, гдѣ любилъ останавливаться Наполеонъ; Барбаригго, гдѣ Тиціанъ писалъ свои безсмертныя картины; Гримани, гдѣ распутствовалъ Лукреція Борджіа. Очень интересенъ рассказъ о двухъ послѣднихъ графиняхъ *Фоскари*.

«Теперь *этихъ* двухъ убогихъ наслѣдницъ развѣчнаго дождя *Фоскари за деньги* показываетъ старый служитель, чтобъ содержать ихъ на этотъ малый сборъ! Онѣ влачатъ горькую жизнь, посреди обветшавшихъ, подобно имъ, палатъ, въ забытой комнатѣ верхняго жилья, гдѣ ихъ *домашнія куры* гвѣздятся вмѣстѣ съ ними подъ сѣною портретовъ царственныхъ посѣтителей дома *Фоскари*; онѣ выжили изъ памяти и лѣтъ и потому только могутъ еще жить!»...

Приваемя, что подлѣ наслѣдницъ дома *Фоскари*, воспѣтаго Бейрономъ, подлѣ *этихъ* двухъ устарѣлыхъ графинь, *куры* ихъ производятъ чрезвычайный эффектъ; но не слѣдовало бы забывать и о знаменитомъ *путьелъ*, также имѣвшемъ *свой дворецъ* на Большомъ Каналѣ, о громкомъ когда-то *Аретино*, всегда окруженномъ красивыми цесарками, которые назывались, въ честь ему, *Аретискалами*! Плывя по Большому Каналу въ Венеціи, пишущій эти строки, посреди важнѣйшихъ историческихъ воспоминаній, никакъ не могъ отбиться отъ докучливой мысли объ *Аретино*, объ этомъ горькомъ, безпримѣрномъ феноменѣ нравственномъ въ исторіи XVI столѣтія! Человѣкъ, не очень даровитый, своимъ перомъ сатирическимъ достигаетъ такой славы, что папа дѣлуетъ его въ любовь, и Карлъ V-й посвящаетъ его въ рыцари; что *властители* европейскіе богатыми подарками откупаются отъ его желчнаго пера! И ко-

гда этотъ человекъ, разбогатѣвшій отъ королевскихъ и княжескихъ подарковъ и отъ своихъ нечистыхъ сочиненій, которыя вся Италия читала съ жадностью, наконецъ отрезвился, опомнился, пожелалъ возвыситься надъ грязью и написалъ прекрасную трагедію: *Orazia* (сестра Гораціевъ, сражавшихся съ Куріаціями), никто не вразумился въ эту истинно-классическую трагедію; она была предана забвенію! Публика любовалась *одними* глубѣйшими сочиненіями автора ея, и намъ стоило немалого труда доискаться въ Римѣ *одного* забытаго экземпляра этой прекрасной *Orazia*, въ которой такъ живо изображена современная исторія Рима, и которую мы, по этому, предпочитаемъ трагедіи Корнелія, избравшей тотъ же предметъ. Горькая репутация Аретино превозмогла этотъ прекрасный подвигъ, и Аретино донынѣ извѣстенъ только своею *дурною* славой. Какой поразительный примѣръ для всѣхъ честолюбцевъ, ищущихъ извѣстности по *любопытному* пути! По этому *Arretino* самое трагическое лицо, когда-либо жившее въ Венеціи, на Большомъ Каналѣ, по которому прогуливался и авторъ нашъ, можетъ быть, никогда не слышавшій объ *Arretino*, чѣмъ, въ некоторомъ образѣ, относится къ чести нашего автора. Мы же, люди не столь чистые, вмѣняли себѣ въ обязанность развѣдывать *все* въ исторіи, и хорошее и дурное.

Въ Миланѣ, авторъ нашъ, на счетъ описаній, поступилъ осмотрительно, чѣмъ въ Венеціи: не отважился на описаніе миланскаго собора! Въстало того, рассказалъ *по своему* извѣстное происшествіе съ императоромъ Феодосіемъ. Въ статьѣ: «Базиллика Св. Амвросія» авторъ очутился весь въ своей стихіи и увлекаетъ всѣхъ, кто только сочувствуетъ ему. Чрезвычайно занимательна послѣдняя статья этого «Прибавленія»: «Письмо объ Англіи». Между многими, хорошо изложенными, хотя и не новыми мыслями, находится и слѣдующій интересный рассказъ:

(Авторъ представляется примату Англіи, архіепископу кантербурійскому—стр. 197).

«Я увидѣлъ почтеннаго старца, въ черной духовной одеждѣ и въ напудренномъ парикѣ, какой носить всѣ духовныя лица, судьи и адвокаты въ Англіи. Онъ привіалъ меня очень милостиво; но я не могъ съ нимъ долго бесѣдовать, потому что не свободно объясняюсь по-англійски, а онъ не хорошо разумѣлъ французскій языкъ; однако архіепископъ съ участіемъ разспрашивалъ меня о русской Церкви, и говорилъ, что читалъ ея

исторію. При отпускѣ, приказалъ онъ капеллану показать мнѣ весь свой замокъ; но, признаюсь, меня смутили внутренніе покои, гдѣ *супруга* архіепископа принимаетъ своихъ гостей. Мы не можемъ привыкнуть къ той мысли, чтобы высокая духовная особа облызалась узами брака. Это служило сильнымъ соблазномъ и на Востокѣ, когда новый епископъ іерусалимскій, съ *беременною* своей женою, ѣхалъ торжественно къ правителю св. града, по тому горькому пути, по коему Спаситель влачилъ тяжелей крестъ свой. Непримѣчье брачнаго состоянія для епископовъ, совершенно противнаго уставамъ церковнымъ, чувствуется и въ Англіи, потому что ея лорды духовные, т. е., архіепископы Кантербюри и Йорка, и прочіе епископы, занимающіе старшія мѣста въ верхней палатѣ парламента, не могутъ передать своего громкаго титула супругамъ; *жена* архіепископа не называется миледи, а, просто, мистрисъ, какъ не раздѣляющая высокаго званія своего мужа, и только терпимая по *слабости* человѣческой!»

Мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ, и потому весьма расположены одобрить мудрость отца Готфрида II-го, Готфрида, владѣтеля Норманніи, который принялъ рѣшительную мѣру противъ сего соблазна, когда сэцкій капитулъ, *безъ его вѣдома и утвержденія*, избралъ епископа. Сіе происшествіе заимствовано изъ Фицъ-Стефена извѣстнаго англійскаго историка Гуме, и отъ него Гиббонъ, и оно, конечно, извѣстно нашему почтенному автору, столь свѣдущему въ общей церковной исторіи. Объ этомъ благодѣтельномъ указѣ Готфрида можно бы было упомянуть примату Англіи, какъ объ указѣ родственнаго государя.

На страницѣ 22-й, внизу, мы находимъ у нашего автора *новую* форму превосходной степени: «Возносится *самый* совершеннѣйшій образецъ добродѣтели!» Такъ донынѣ никто не выражался по-русски! Говорятъ: самый совершенный, или совершеннѣйшій, или наисовершеннѣйшій.

Некрасивы, непріятны въ русскомъ языкѣ подобныя слѣдующему обороты: «Капелла, сооруженная съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ дожемъ Андреемъ Дандоло» (стр. 29).

Отъ грамматикѣ перейдемъ къ исторіи. На 120-й стр. сказано: «Алтарь побѣды, снятый сперва *Константиномъ*, потомъ Граціаномъ». Нѣтъ, *Константинъ* никогда не снималъ алтаря побѣды въ римскомъ сенатѣ, только своимъ примѣромъ и кротостію убѣждая своихъ подданныхъ отложиться отъ язычества. Статуя не-

личественной Викторія, на глубось, въ летучихъ покровяхъ, съ распростертыми крыльями, съ лавровымъ вѣнкомъ въ протянутой рукѣ—сиялъ *Констанцій!* Въ *именахъ* нѣтъ большой разницы, но она огромна въ *особахъ*: ничтожный Констанцій — и Константинъ Великій!...

Творенія Тертуліана, христіанскаго писателя, въ концѣ втораго и въ началѣ третьяго вѣка. *Переводъ Е. Карнева.* Двѣ части. С.-Петербургъ, 1847, въ типографіи Фишера. Въ I-й части 204 страницы; въ II-й 224 стр., въ 8-ю л. д.

Всѣ просвѣщенные читатели, безъ сомнѣнія, отъ искренняго сердца благодарятъ почтеннаго переводчика за его трудъ, который выполненъ имъ какъ нельзя лучше, и прочтутъ его книгу, если еще не читали Тертуліана въ подлинникѣ, съ истиннымъ, душевнымъ наслажденіемъ, ибо найдутъ въ ней обильную пишу уму и сердцу. Творенія Тертуліана писаны на латинскомъ языкѣ. Сохранившись въ спискахъ до изобрѣтенія книгопечатанія, онѣ были въ первый разъ, если не ошибаемся, напечатаны въ 1521 г. Ренаномъ; потомъ, въ 1675 г., Ригальціемъ, въ Парижѣ, и наконецъ, въ 1770 г., Землеромъ, въ Галлѣ. О позднѣйшихъ изданіяхъ не говоримъ. Тертуліанъ считается самымъ древнимъ изъ латинскихъ христіанскихъ писателей. Онъ родился около 145 года по Рождествѣ Христовѣ, въ знаменитомъ африканскомъ городѣ Карфагенѣ. Отецъ его былъ тамъ сотникомъ въ римскомъ войскѣ (что соотвѣтствуетъ нынѣшнему чину капитана). Тертуліанъ рано лишился отца, но мать озабочилась о воспитаніи сына, который оказалъ необыкновенные успѣхи въ наукахъ. Почтенный переводчикъ въ своемъ предисловіи пишетъ, что Тертуліанъ, по окончаніи наукъ, сдѣлался учителемъ риторики; но, по другимъ извѣстіямъ, онъ вступилъ въ званіе адвоката, которое тогда соединялось съ званіемъ публичнаго оратора. Последнее мнѣніе оспариваютъ нѣкоторые писатели, полагая, что былъ другой Тертуліанъ, и основываютъ эту мысль на разности слога въ сочиненіяхъ Тертуліана язычника и Тертуліана христіанина. По нашему мнѣнію, эта замѣченная разность слога не есть еще достаточное доказательство разности лицъ. Самъ Тертуліанъ сознается, что онъ по окончаніи курса наукъ увлеченъ былъ во всѣ безразсудства молодости. Онъ долгое время былъ противникомъ христіанства; но, убѣдись въ его истинѣ, сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его защитниковъ. Пере-

мѣнился самъ человекъ, могъ и слогъ его переимѣниться. Всѣмъ извѣстно изрѣченіе, такъ часто повторяемое: въ слогѣ выражается весь человекъ.

Тертуліану было сорокъ, по другимъ же писателямъ, тридцать пять лѣтъ, когда онъ обратился въ христіанство. Черезъ годъ послѣ того онъ женился на христіанкѣ. Его великая ученость, дарованія и добродѣтельная жизнь обратили на него общее вниманіе, и въ 195 году онъ возведенъ былъ въ званіе карфагенскаго священника. Ревностно подвизаясь на этомъ поприщѣ и мужественно борясь съ языческимъ міромъ, онъ скончался въ глубокой старости, въ 220 году по Рождествѣ Христовѣ.

Выишемъ, для нашихъ читателей, нѣсколько мѣстъ изъ книги почтеннаго переводчика, чтобы ознакомить ихъ съ достоинствомъ перевода и съ самимъ Тертуліаномъ, если они его еще не читали. Обратимъ при этомъ ихъ вниманіе, что они читаютъ автора, писавшаго за 1600 лѣтъ слишкомъ до нашего времени и мужественно возвышавшаго свой голосъ въ то время, когда языческій міръ, котораго представителемъ былъ сильный, побѣдоносный Римъ, мечами, пытками и жестокими казнями силдся остановить распространеніе истинной религіи.

Вотъ начало *Апологіи*, написанной Тертуліаномъ въ защиту христіанъ:

«Если вы, верховные правители римской имперіи, изрекающіе судъ публично, занимая высшія мѣста въ государствѣ, не пишите власти предъ очами народа производить точныхъ изысканій относительно христіанъ; если страхъ и другія человѣческія уваженія заставляютъ васъ въ семъ единственно случаѣ отступать отъ строгихъ правилъ правосудія; если ненависть къ христіанскому имени, удобопреклонная къ пріятію, какъ недавно случилось, домашнихъ извѣстовъ, заграждаетъ вамъ путь ко всякому судебному разбирательству; то, по крайней мѣрѣ да достигнетъ истина до слуха вашего посредствомъ скромныхъ моихъ письменныхъ изъясненій.

«Истина не требуетъ милости, потому-что гоненіе ее не удивляетъ. Чуждая на землѣ, она не сомнѣвается найти себѣ здѣсь враговъ. Дщерь неба, она тамъ пишетъ свой престолъ, тамъ обрѣтаетъ свои надежды, должное къ себѣ довѣріе и свою славу. Здѣсь желаетъ она только одного: быть неосужденною, прежде нежели будетъ выслушана. Какое опасеніе можете вы имѣть на

«счесть вашихъ законовъ, дозволивъ истинѣ защищаться на сѣдалищѣ ихъ владычества? Не ужели власть сихъ законовъ возвеличится, когда вы станете осуждать истину, не выслушавъ ее? Но, кромѣ ненависти, возбуждаемой столь вопиющею несправедливостію, вамъ предстоитъ еще опасность, чтобы не подать людямъ повода къ подозрѣнію: не потому ли вы отказываетесь выслушать ее, что сами увѣрены въ невозможности ее осудить, когда бы вздумали ее выслушать.

«И такъ первое на насъ нападеніе состоитъ въ несправедливой ненависти къ христіанскому имени.

«Самое ваше невѣдѣніе сущности христіанства, которое, по видимому, должно было извинить сію ненависть, служить явнымъ доказательствомъ вашей несправедливости и дѣлаетъ ее еще болѣе преступною. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, какал можетъ больше быть несправедливость, какъ ненавидѣть то, чего мы не знаемъ, хотя бы неизвѣстная вещь, сверхъ чаянія, даже и достойна была ненависти? Нѣтъ сомнѣнія, что одно только знаніе преступленія, а не какал-либо случайность, можетъ возбуждать прямую ненависть и служить ей законнымъ поводомъ. Но безъ знанія сего, какимъ образомъ оправдать вашу ненависть? Слѣдовательно, вы ненавидите насъ именно потому, что насъ не знаете. Но развѣ не можетъ случиться съ вами, что вы будете ненавидѣть то, что не заслуживаетъ ненависти?

«Изъ сего мы заключаемъ, что, *во первыхъ*, вы не будете знать насъ до тѣхъ поръ, пока станете насъ ненавидѣть, и *во вторыхъ*, что вы будете ненавидѣть насъ несправедливо до тѣхъ поръ, пока насъ не узнаете. Незнаніе насъ есть свидѣтельство, осуждающее васъ и служащее вамъ укоризною.

«Всѣ тѣ, которые прежде ненавидѣли насъ, не зная, что такое мы, перестаютъ насъ ненавидѣть, какъ скоро насъ узнаютъ. Они не медлятъ дѣлаться христіанами, и вы сами должны сознаться, что они приступаютъ къ тому не безъ знанія дѣла. Они начинаютъ гнущаться тѣмъ, чѣмъ были, и превозносить то, чѣмъ гнушались. Число ихъ нынѣ необходимо. Вездѣ горько жалуются, что города, селенія, замки, острова, наполнены христіанами, что люди всякаго возраста, пола, званія, во множествѣ стекаются, чтобы вступить въ ихъ общество.

«Неужели же не приходитъ вамъ на мысль, что въ религія нашей должно заключаться какое-нибудь сокровенное благо? Вы же хотите отстать отъ своихъ обидныхъ подозрѣній и собствен-

нымъ опытомъ удостовѣриться въ истинѣ: это единственный случай, на который любопытство ваше не простирается. Вамъ угодно оставаться въ невѣдѣніи о томъ, что другіе желаютъ знать съ удовольствіемъ, и между-тѣмъ хотите насъ судить. Признаться, вы гораздо болѣе заслуживаете въ семъ случаѣ критику *Анахарсиса*, нежели тѣ люди, которые судятъ музыкантовъ, не зная музыки. Вы признаете за лучшее ничего не знать, потому только, что приняли за правило ненавидѣть. Стало быть, вы предполагаете, что, какъ скоро узнаете то, чего не знаете, то вамъ нельзя уже будетъ ненавидѣть того. Между-тѣмъ, изслѣдовавъ истину, вы бы могли извлечь для себя два заключенія: или бы нашли, что нѣтъ поводовъ къ ненависти, и тогда бы отстали отъ нея; или бы открыли, что есть основательные поводы, и тогда бы ненависть ваша имѣла законные вѣды.

«Но отъ того, говорите вы, что многіе люди пріемлютъ христіанство, не слѣдуетъ еще, чтобы въ немъ заключалось какое-либо благо. Мало ли людей ежедневно прилѣпляется ко злу? Мало ли измѣнниковъ добродѣтели?—Никто того не отвергаетъ. Однакожъ извѣстно, что и между тѣми людьми, которые увлекаются порокомъ, нѣтъ никого, кто бы пороку признавалъ за добродѣтель. Природа наказываетъ зло или страхомъ, или стыдомъ. Злые люди стараются скрывать, трепещутъ, когда бываютъ открыты, заираются при обвиненіяхъ, призываются во время только пытокъ или вовсе не признаются; по осужденіи же горько себя упрекаютъ, приходятъ въ отчаяніе, или, не считая себя виновниками зла, въ которомъ уже сознались, приписываютъ безчинства и буйства свои судьбѣ или звѣздамъ своей.

«Видано ли что подобное у христіанъ? Никогда христіанецъ не стыдится своего званія, не раскаивается, исключая развѣ въ томъ, что не всегда бываетъ истинныхъ христіаниномъ. Будучи обличенъ въ христіанствѣ, онъ поставляетъ въ томъ свою славу; въ случаѣ обвиненія не оправдывается; при допросахъ торжественно признается, что онъ христіанинъ; когда бываетъ осужденъ, благословляетъ Бога. Какой странный родъ зла, не имѣющій никакого свойства зла: ни страха, ни стыда, ни взвотова, ни раскаянія, ни сожалѣнія? Какое это зло, о которомъ мнимо-виновный радуется, которое при обвиненіи составляетъ предметъ его желаній, которое при наказаніи доставляетъ онъ себѣ за честь?»

Далѣ Тертуліанъ пишетъ:

«Мы видимъ, что запрещено даже и розыски производить относительно христіанъ. *Планий* младшій, губернаторъ Вивоннѣ, осудилъ на смерть нѣсколькихъ христіанъ, а другихъ лишивши жизнь, ужаснувшись отъ ихъ множества, спрашивалъ императора *Тралла*, какъ съ ними впрѣдъ поступать. Въ письмѣ своемъ онъ изясняетъ, что все то, что могъ открыть на счетъ тайнствъ христіанъ, кромѣ упорства ихъ, заключается въ слѣдующемъ: они передъ разсвѣтомъ дня собираются для пѣнія хвалебныхъ гимновъ Христу Богу своему, и соблюдаютъ между собою строгое благочиніе; у нихъ воспрещены: челоукоубійство, прелюбодѣяніе, обманы, пзмѣны, и вообще всякаго рода преступленія. *Траллѣ* отвѣтствовалъ, что *отыскивать* ихъ не должно, но надлежитъ наказывать, когда будутъ *заявлены*. Странный и чудный приговоръ! *Траллѣ* запрещаетъ отыскивать христіанъ, потому-что они невинны, а между тѣмъ велитъ ихъ наказывать, какъ виновныхъ. Онъ щадитъ и казнитъ, лицемѣрствуетъ и осуждаетъ. За чѣмъ такъ грубо себя противорѣчить? Если ты осуждаешь христіанъ, то за чѣмъ ихъ не отыскивать? а если не велитъ ихъ отыскивать, то зачѣмъ не освобождать? Во всѣхъ провинціяхъ есть воинскіе отряды для сиска воровъ. Въ отношеніи къ преступникамъ противъ верховной власти и къ врагамъ государства, всякой подданный есть воинъ: розыски должны простираются на всѣхъ соучастниковъ, на всѣхъ соумышленниковъ. Однихъ христіанъ не дозволено отыскивать; но дозволено заявлять, какъ будтобы отысканіе могло производить другое дѣйствіе, кромѣ заявленія. Ты осуждаешь заявленнаго христіанина, а запрещаетъ его отыскивать. Стало быть онъ достоинъ казни не за то, что виновенъ, а за то, что заявленъ. Ты нарушаешь всѣ обряды судопроизводства надъ одними христіанами. Ты подвергаешь пытку другихъ людей для того, чтобы заставить ихъ признаться, а христіанъ для того, чтобы заставить ихъ отречься.»

Вотъ еще мѣсто изъ того-же сочиненія Тертуліана:

«Обратимся къ началу законовъ, до насъ (христіанъ) касающихся. Было древнее постановленіе, воспрещавшее императорамъ принимать какихъ-либо боговъ безъ одобренія сената. *М. Эмилию* извѣстно, что по сему поводу произошло съ его богомъ *Албуриномъ*. Въ защиту нашу немаловажнымъ убѣжденіемъ служить уже то, что предоставлено произволу челоука рѣшать

судбу божества. Если какой богъ не нравится челоуку, тому и богомъ не быть. Богъ долженъ искать милости у челоука. *Тиверій*, въ царствованіе котораго имя христіанское начало становится извѣстнымъ въ мірѣ, довелъ до свѣдѣнія сената полученное имъ изъ Палестины донесеніе о доказательствахъ божественности Іисуса-Христа съ подтвердительнымъ отъ себя на сей счетъ мнѣніемъ. Сенатъ отвергъ сіи доказательства, потому-что онѣ не были представлены предварительно на его усмотрѣніе и сужденіе. Но *Тиверій* остался при своемъ мнѣніи и угрожалъ казнями доносителямъ противъ христіанъ.

«Справьтесь съ вашими лѣтописями. Вы увидите, что *Неронъ* первый обнажилъ мечъ противъ секты христіанъ. Мы вѣняемъ себя за честь, что онъ былъ первоначальнымъ виновникомъ нашего гоненія. То, что *Неронъ* могъ осулить, безъ сомнѣнія было великое добро. *Домиціанъ*, наслѣдовавшій отчасти жестокость *Нерона*, равнымъ образомъ возсталъ противъ христіанъ; но, не бывъ лишень всякаго чувства челоучества, вскорѣ остановился, и возвратилъ даже изъ заточенія тѣхъ, которыхъ прежде изгналъ. Вотъ каковы были наши первые гонители: люди несправедливые, злочестивые, обезславленные, люди, которыхъ сами вы осуждаете, оправдывая и возстановляя осужденныхъ ими.»

«Изъ всѣхъ государей, знавшихъ и уважавшихъ права божественныя и челоуческія, укажите мнѣ хотя одного, который бы гналъ христіанъ. Мы можемъ наименовать даже покровителемъ ихъ императора *Марка Аврелія* мудраго. Прочтите письмо его, въ которомъ онъ свидѣтельствовалъ, что жестокая жажда, томившая воинвоъ его въ Германіи, утолена была дождемъ, испрошеннымъ отъ неба молитвами христіанскихъ воинвоъ. Если они и не совершенно уничтожили указы противъ христіанъ, то, по-крайней-мѣрѣ, привелъ ихъ въ бездѣйствіе, издавъ еще болѣе строгіе законы противъ ихъ клеветниковъ.»

Тертуліанъ объясняетъ язычникамъ, почему христіане перестали обожать языческихъ боговъ, и оправдываетъ христіанъ:

«Мы перестали обожать боговъ вашихъ съ тѣхъ поръ, какъ узнали, что они не боги. А потому вы въ правѣ требовать отъ насъ на то доказательствъ, потому-что они заслуживали-бы быть обожаемы, когда бы дѣйствительно были боги. Христіане были бы достойны наказанія, если бы достоверно было то, что тѣ боги, которыхъ они не обожаютъ изъ одного предубѣжде-

нія къ ихъ небожественности, въ-самомъ-дѣлѣ боги. — Но, отвѣчаете вы, мы почитаемъ ихъ за боговъ. — Перенесемъ дѣло на судъ собственной вашей совѣсти: пусть она обвинитъ насъ, если вы можете опровергнуть, что всѣ ваши боги были не людьми. Если же бы вы и стали о томъ спорить, то будете обличены памятниками древности, доставившими вамъ о нихъ свѣдѣніе и существующими дониндѣ; будете обличены городами, въ которыхъ они родились, странами, въ которыхъ жили и оставили слѣды своего существованія, и въ которыхъ показываются самыя ихъ гробницы. Я не стану распространяться относительно безчисленнаго множества боговъ древнихъ, новыхъ, варварскихъ, греческихъ, римскихъ, чужестранныхъ, плѣнныхъ, частныхъ, общихъ, мужскаго и женскаго пола, городскихъ, сельскихъ, морскихъ и военныхъ. Имянное было бы ихъ даже и именовать. Скажу вамъ только нѣсколько словъ о нихъ, не для того, чтобы доставить вамъ какое-либо новое о нихъ свѣдѣніе, но чтобы вспомнить вамъ то, что вы, по-видимому, забыли.»

Здѣсь Тертуліанъ дѣлаетъ превосходный критико-историческій обзоръ всѣхъ языческихъ божествъ, и продолжаетъ:

«Тотъ, Кому мы поклоняемся, есть единый Богъ, который Своимъ словомъ, премудростію и всемогуществомъ извлекъ изъ ничтожества міръ со стихіями, сотворилъ тѣла и духовъ для умноженія Своего величія. Богъ невидимъ, хотя и является повсемѣстно; неосязаемъ, хотя благодатію Своею и начерталъ въ насъ образъ Свой; непостижимъ, хотя человѣчскій разумъ и познаетъ Его. Это самое и доказываетъ Его существованіе и величіе. То, что обыкновеннымъ образомъ можно видѣть, осязать и понимать, есть нѣчто менѣе, нежели глаза видящія, руки осязающія, разумъ понимающій. Но то, что неизмѣримо, не можетъ иначе быть совершенно познано, какъ само чрезъ себя. Ничто не вселяетъ такой величественной идеи о Богѣ, какъ невозможность постигать Его: безконечное Его совершенство вмѣстѣ и открываетъ Его людямъ и скрываетъ Его отъ нихъ. Вотъ почему нельзя ихъ извинить въ томъ, что они не признаютъ того, кого не могутъ не знать.»

«Хотите-ли вы доказательствъ о существованіи Бога? Вникните въ дѣянія Его, которыя васъ окружаютъ, сохраняютъ, увеселяютъ, устрашаютъ. Прислушайтесь свидѣтельства самой души вашей, которая, не смотря на темницу тѣла, на предрасудки и

дурное воспитаніе, на свирѣиство страстей, на рабство ложнымъ богамъ, когда возбудится какъ-бы отъ пьянства или отъ глубокаго сна, когда почувствуетъ, такъ сказать, искру здоровья, невольнымъ образомъ призываетъ имя единаго Бога, и вопіетъ: *Великій Боже! благодатный Боже! что угодно Богу?* Стало быть, имя Его находится въ устахъ всего свѣта. Душа признаетъ Его за Судію слѣдующими словами: *Богъ видитъ, надълюсь на Бога, Богъ воздастъ мнѣ.* О! свидѣтельство души естественно христіанской! Произнося подобныя слова, она обращаетъ взоры свои не къ Капитолію, но къ небу, вѣдая, что тамъ чертогъ Божій, что оттуда сама она происходитъ, потому-что происходитъ отъ самаго Бога.»

Изъ этихъ немногихъ выписокъ, сдѣланныхъ нами изъ твореній Тертуліана, читатели видятъ ихъ неотъемлемое достоинство. Но немногія выписки не могутъ дать полнаго понятія о писателѣ, каковъ Тертуліанъ. Совѣтуемъ прочитать его вполне.

Книга для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ, изданная отъ управленія государственнаго коннозаводства. С.-Петербургъ, 1847 года, въ типографіи Вингебера, въ 8-ю д. л. 113 стр.

Прекрасно написанная книга! Мы прочитали ее съ истиннымъ наслажденіемъ, и, позвольте откровенно признаться, когда именно мы ее прочитали: ночью, или лучше сказать, утромъ, отъ 3-хъ до 5-ти часовъ. Мы имѣемъ привычку, улегшись въ постель, послѣ дневныхъ трудовъ и хлопотъ, читать какую-нибудь книгу. Умная, занимательная книга отнимаетъ у насъ сонъ, и мы засыпаемъ позже; глупая дѣйствуетъ на насъ, какъ благодѣтельный сѣрный эфиръ или хлороформъ. Съ первыхъ строкъ мы засыпаемъ, какъ убитые. Мы, въ этихъ случаяхъ, иногда досадуемъ на умную книгу, читаемъ ее, насытившись дневнымъ чтеніемъ, и думаемъ: зачѣмъ ты, окаянная, попалась намъ въ руки? Спать давно пора, а ты у насъ сонъ отнимаешь! Гораздо чаще попадаютъ въ руки глупыя книги! Чтѣ за наслажденіе! Сейчасъ гасишь свѣчу и засыпаешь, повторяя съ искреннею признательностію: о! благодѣтельная книга!

Самый важный, по нашему мнѣнію, недостатокъ книгъ, издаваемыхъ для простаго народа или для дѣтей, состоитъ въ томъ, что авторы, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло, прибѣгаютъ къ пустымъ возгласамъ въ родѣ слѣдующихъ: «Милыя дѣти, вы видите, какъ не хорошо быть глухимъ! Старайтесь быть непременно умными!»

«Изъ вышенисаннаго вы можете ясно видѣть, миленькіе мои друзья читатели, что добродѣтель есть добро, а порокъ—зло!»

«Конечно, вы люди простые, неграмотные, глупые! Поэтому-то Я, умный, ученый и просвѣщенный авторъ, не нахожу возможности объяснить вамъ всѣхъ моихъ высшихъ взглядовъ и современныхъ вопросовъ; вы моей глубокой учености не можете никакими средствами понять! Она слишкомъ высока и недоступна для васъ! Вы—глупцы и неучи, и потому выслушайте благосклонно, что Я вамъ намѣренъ сказать.»

Послѣ подобныхъ возгласовъ и восклицаній что выходитъ? Дѣти откровенно, раскатисто хохочутъ и сердятся, надувая свои маленькія губки отъ маленькой досады на великую глупость великихъ авторовъ, которые не умѣютъ съ ними говорить и ихъ обижаютъ своимъ педагогическимъ краснорѣчіемъ. Простой народъ, прочитавъ творенія муарыхъ авторовъ, которые милостиво свисходятъ до него, съ своими современными вопросами и прогрессами, повторяетъ, насмѣшливо улыбаясь и съ достоинствомъ поглаживая бороду, или почесывая гордо затылокъ, народныя пословицы:

«На волка только слава, а ѣсть овецъ—то Савва.»

«Не посмотри въ святцы, бухъ въ колоколь!»

«Самъ безграмотный, а хочетъ ѣсть праники писаные.»

«Хоть и не книженъ, да хорошо остриженъ.»

И дѣти, и простой народъ, по нашему мнѣнію, совершенно правы въ этомъ случаѣ. Напримѣръ, какой-нибудь авторъ, вмѣшавшій притязаніе на европеизмъ, современность, прогрессъ, напишетъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Встань поутру, не дѣнись,

Съ мыломъ вымойся, утрись,

Частымъ гребнемъ причешишь,

Да и Богу помолишь.

Кто не чesanъ, кто не мытъ,

Тотъ собой людей смѣшитъ!

Зубы, десны крѣпче три

И снаружи, и снутри.

Неужели вы думаете, почтеннѣйшій авторъ, что такіе стихи подѣйствуютъ на дѣтей благотвительно? что дѣти, въ слѣдствіе вашихъ поэтическихъ прогрессивно-гуманныхъ наставленій, бу-

дутъ вставать, не дѣнясь, когда имъ отъ вашей музы спать хочется, усердно мыться, утираться, чесаться частымъ гребнемъ (рѣдкіе гребни даровитымъ поэтомъ не допускаются), и тереть, какъ можно крѣпче, зубы и десны, и снаружи, и снутри? Будете увѣрены, что это — одна ваша поэтическая мечта, одна несбыточная реформа и утопія! Мы очень опасаемся, что дѣти, прочитавъ ваши стишки и справедливо обидясь вашими поэтическими совѣтами, которые онѣ давно слышали отъ нянекъ, въ прозѣ, будутъ спать до обѣда, не станутъ мыться, утираться и чесаться, и не захотятъ тереть крѣпче зубы и десны снаружи и снутри, чего, впрочемъ, зубные врачи, не-поэты, и не совѣтуютъ, ибо они, то есть, основательные зубные врачи, а не поэты, полагаютъ, что должно чистить зубы и десны мягкой щеточкой, не крѣпче, а слегка, чтобы не испортить зубовъ.

Въ «Книгѣ для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ» вы не найдете ничего подобнаго. Она можетъ служить образцомъ: какъ должно писать для дѣтей и для простаго народа. Такой книги мы на русскомъ языкѣ еще не встрѣчали, и отдаемъ ей полную справедливость, хотя мы на нее и сердиты за то, что она отняла у насъ ночью нѣсколько часовъ заслуженнаго дневными трудами сна.

Прибавимъ, въ видѣ эпиграма, что одинъ изъ ученыхъ, который, вѣроятно, убоясь бездны премудрости, по выраженію острога Фонъ-Визина, ходилъ до риторики и назадъ вернулся, слѣдлалъ замѣчаніе:—Какъ это такъ авторъ сказалъ на страницѣ 39: «Никто на свѣтѣ не объяснитъ, что такое воздухъ, точно также, какъ не объяснилъ, что такое свѣтъ и теплота.» Ученый мужъ сказалъ намъ: дѣло извѣстное, что воздухъ состоитъ изъ такихъ и такихъ-то газовъ. Очевидно, что авторъ промахнулся.—Нѣтъ! отвѣчали мы. При всемъ уваженіи къ вашей учености, мы должны объявить вамъ печальную истину, что не авторъ, а вы промахнулись. Разсудите милостиво: можно ли толковать о газахъ, составляющихъ воздухъ, дѣтямъ простаго народа, который и воздуха-то, которымъ дышать отъ рожденія, и безъ котораго жить не можетъ, до-сихъ-поръ не замѣтилъ. Неужели этому простому народу можно читать диссертаціи о газахъ, составляющихъ воздухъ? Нельзя преподавать народу химію, когда онъ по складамъ разбираетъ русскую грамоту! Да пусть объяснитъ намъ самъ господинъ ученый: что такое газъ? Онъ отвѣтитъ, что газъ есть газъ, и

прибавить его названіе на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ. Безподобное объясненіе, ничего необъясняющее! Гасъ есть матерія, примолвить степной помѣщикъ, разоряющійся на наряды своей щеголихи-жены. Знаемъ мы эти гасы! Дорого они стоютъ мнѣ, эти гасы!

Шутка, исторія въ родѣ комедіи. С.-Петербургъ. Въ типографіи Праца, 1847, въ 8-ю долю листа, 56 страницъ.

Эта «Шутка»—довольно пріятная шутка автора, хотя для дѣйствующихъ въ ней лицъ кончилась плохо.

Въ этомъ легкомъ произведеніи видны признаки дарованія. Такъ въ искусствѣ по нѣсколькимъ штрихамъ можно судить, общается ли черкнувшій ихъ быть художникомъ; по нѣсколькимъ аккордамъ можно судить, есть ли талантъ къ музыкѣ въ томъ, кто взялъ ихъ.

Мы сейчасъ сказали, что эта «Шутка» довольно пріятна. Докажемъ справедливость этихъ словъ.

Помѣщица, которая насильно втираетъ фамлію свою въ знатный родъ, владѣтельница трехъ-сотъ заложенныхъ въ опекуномъ совѣтъ душъ, привезла въ С.-Петербургъ двухъ дочерей своихъ, дѣвицъ *среднихъ лѣтъ* (зладшей 25) и возитъ ихъ въ каретѣ четвернею: какъ же иначе быть, когда есть триста заложенныхъ душъ?

Сухопарая четверка, прелчувствуя, можетъ быть, что барышни прѣхали въ С.-Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выйти замужъ, таскаетъ ихъ усердно и на минеральные вѣды, и въ разныя публичныя собранія, и въ театръ, и въ оперу—словомъ, повсюду, гдѣ бы можно было поймать на удачку жениха хоть-бы одной прѣзжей *знатной* барышни.

Что же? удалось? Вывезла ли четверная? Нашелся «болванъ» (такъ сама помѣщица выражается) съ тысячею душъ. Наканунѣ былъ онъ еще совершенно здоровъ и въ полномъ умѣ; вдругъ (это было въ одно прекрасное утро) онъ изъявилъ свое желаніе овладѣть прелестной ручкой Юліи Александровны.

Какъ водится, сказали ему: «подумаемъ»; но вовсе не думали, потому-что думать тутъ было не о чемъ, и черезъ три дня маменька съ приличнымъ жеманствомъ объявила молодому франту, что дочь ея согласна, и что она, мамеыка, также не прочь отъ его предложенія.

Разговоръ о приданомъ какъ-то не клеился. Что приданое!

Не заключаетъ ли въ себѣ Юлія Александровна всѣ блага, всѣ богатства міра?

Мать и дочь остались очень довольны: цѣль была достигнута, дочка пристроена, будущій мужъ хлопочи, какъ знаешь, и о платьяхъ, и о лошадяхъ, и о театрахъ, и о всемъ прочемъ; къ тому жъ, ясно, что обязанъ онъ же дать нужное количество тысячь серебромъ на выкупъ имѣнія почтенной матушки.

Кончено, улажено. Казалось, что всѣ счастливы и благополучны; но, какъ сказалъ поэтъ:

«Да врагъ попуталъ, видно!»

Этимъ милымъ дѣвицамъ: невѣстѣ и ея сестрицѣ, на радостяхъ, вздумалось сыграть какую-нибудь невинную шутку:

Надъ кѣмъ-же? Чего ближе! надъ роднымъ дядею жениха, очень почтеннымъ и добрымъ человекомъ. Придумаю хоть куда! Живетъ у маменьки молодая, хорошенькая, благородной фамліи бѣдная дѣвица. У ней, правда, много въ душѣ, но за душой ничего, даже ни души въ какой-нибудь губерніи. Ключница она—не ключница, компаньонка—не компаньонка, а такъ себѣ, Богъ знаетъ, что такое!

Дядя былъ надворный, что-же за пара ему бѣдная Даша? Вѣдь какъ смѣшно будетъ, думаютъ наши остроумныя дѣвицы, если мы увѣримъ ее, что онъ въ нее влюбленъ, а его, что она влюблена въ него!

Разумѣется, дѣло кончится ничѣмъ; за то ужъ какъ похочемъ!

Начинаютъ военныя дѣйствія то на того, то на другаго, залпами своей откровенности и истиннаго участія въ судьбѣ влюбленныхъ.

Почтенный надворный совѣтникъ, вовсе еще не старикъ, понимаетъ съ разу добрую и благородную душу Дарьи Степановны и серьезно предлагаетъ ей свою руку.

Всѣ принимаютъ это сначала за шутку; но Цезарь перешелъ уже Рубиконъ: воротиться поздно.

— Какъ-же можно, чтобъ я допустила *Дашку* быть моею теткой, чтобъ я принимала ее, чтобъ сама къ ней ѣздила, я столбовая дворянка, я, у которой будетъ тысяча душъ?—такъ говорила Юлія Александровна.

— Хороши вы, хороши обѣ! ворчала маменька. Но что сдѣлаю, того не воротить: не смѣй, Юлія, ссориться съ женихомъ! По міру поидемъ!

Не утерѣлось Юлію, поссорилась съ женихомъ да еще дядю.

да подбавилъ: одна свадьба разстроилась, а другая благополучно состоялась....

Вотъ вамъ и «Шутка!»

Вообще говоря, эта «исторія въ родѣ комедіи» ведена довольно мило, и, повторяемъ, обличаетъ талантъ въ ея сочинителѣ. Но не можемъ не сожалѣть, зачѣмъ авторъ такъ широко растягиваетъ свое воображеніе. Не надо ему лежать на Прокрустовой кровати, но не должно же и раздуваться и вытягиваться до невозможности. Est modus in rebus, говорила Римляне.

Невольно спрашиваешь себя часто: да къ чему же это? Со всѣмъ не клентся къ ходу «исторіи въ родѣ комедіи»!

Мы совѣтовали бы автору не отдавать своихъ произведеній въ печать, не просмотрѣвъ ихъ внимательно и не отбросивъ того, что окажется излишнимъ и слабымъ.

Великое правило Горація никогда не умретъ:

Stylum saepius verte....

Земледѣльская Химія или краткое изложеніе химическихъ свѣдѣній, необходимыхъ каждому земледѣльцу. Сочиненіе барона Бабо, члена разныхъ ученыхъ обществъ. Переведено съ нѣмецкаго и издано иждивеніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. С.—Петербургъ въ тип. III отдѣл. собственной Е. И. В. канцеляріи, 1847 года. 173 стр. въ 8-ю долю листа.

Старѣйшее изъ нашихъ ученыхъ обществъ, «Императорское вольное Экономическое» не издало ни одного большого сочиненія, даже ни одной брошюры, которыя не были бы одобрены всею читающею массою.

Посмотрите на труды заграничныхъ, особенно французскихъ, агрономическихъ обществъ и сличите, (если у васъ есть желаніе и терпѣніе): что вы скажете.

Пустота, беспослѣдовательность, какъ на бумагѣ, такъ и на дѣлѣ.

Французскіе агрономы обѣщаютъ вамъ Эльдorado — изъ нашего имѣнія, если вы захотите слѣдовать ихъ совѣтамъ; но оказывается, что это Эльдorado существуетъ только въ ихъ воображеніи.

Однакожъ, кончимъ объ этомъ; займемся прекрасной книжкой, которая подала намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ французскихъ философахъ—агрономахъ.

Откровенно скажемъ, что искренне любя предметъ, о которомъ будемъ говорить, мы почти никогда не встрѣчали книги серьезнаго содержанія, такъ ясно написанной и такъ хорошо переведенной.

Вотъ что говорится въ предисловіи: «Литература земледѣльской химіи повынѣ у насъ еще очень не богата. Въ 1825 году вышла «Земледѣльская химія» профессора Павлова, съ изложеніемъ предварительныхъ наукъ. Въ 1829 году, при Вѣстникѣ естественныхъ наукъ издавалась, въ видѣ прибавленія, Хозяйственная химія А. Ювскаго. Въ 1832 году появился переводъ Основаній земледѣльской химіи, Деви. Въ Библіотекѣ для чтенія, «печатались переводныя статьи изъ Органической химіи, въ приложеніи къ земледѣлію и физиологіи» Либиха; а въ 1843 году полный переводъ этого же сочиненія изданъ въ видѣ прибавленія къ Журналу Министерства Государственныхъ Имуществъ. Вотъ почти все, что до сихъ поръ издано у насъ по части земледѣльской химіи.

Сочиненіе извѣстнаго профессора барона Бабо издано во Франкфуртѣ—на-Майнѣ въ 1845 году и называется (нашъ переводчикъ назвалъ трудъ свой прозе): «Ackerbau Chemie oder kurze Darstellung dessen was der Landmann von chemischen Kenntnissen bedarf, um seinen Acker zweckmässig zu behandeln».

Авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ земледѣльцевъ—фермеровъ. Русскій переводъ этой книги преимущественно назначается для помѣщиковъ и управляющихъ имѣніями; онъ можетъ также служить учебнымъ пособіемъ при преподаваніи земледѣлія.

Вотъ содержаніе умной и полезной книги, о которой идетъ у насъ рѣчь.

Бѣзда I. Введеніе. — II. О кислородѣ, азотѣ и водородѣ. — III. Объ углеродѣ, хлорѣ, сѣрѣ и фосфорѣ. — IV. О кремніи, калии, натріи, кальціи, глиніи, магніи, желѣзѣ и марганцѣ. — V. О химическомъ сродствѣ, атмосферномъ воздухѣ, азотной кислотѣ и водѣ. — VI. Объ углекислотѣ сѣрной, фосфорной и кремнистой кислотахъ. — VII. О кали, натрѣ, извести, гипсѣ, азотно-кислой, фосфорно-кислой и кремне-кислой известяхъ. — VIII. О глиноземѣ, глинѣ и тальковой землѣ. — IX. Объ аммиакѣ и его соединеніяхъ. — X. О соляной кислотѣ и черноземѣ. — XI. О растеніяхъ и ихъ питаніи. — XII. О доставленіи питанія растеніямъ: объ удобреніи. — XIII. О различныхъ видахъ почвъ и воздѣлываемыхъ растеній, въ отношеніи къ удобренію. — XIV. XV. О хозяйственныхъ растеніяхъ въ отношеніи къ удобренію. — XVI. Объ обработкѣ почвы. — XVII. Плодосѣдность.

Правду сказать, сочиненіе барона Бабо полезно и умно составлено, хотя не обличаетъ въ немъ ученаго, подобнаго Гумбольдту, Либиху или Дюма.

ПРАВСТВЕННЫЯ ДУМЫ И ЧУВСТВА, ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА ПРИРОДУ И ЖИЗНЬ. *Спб. Въ типографіи Фишера. 1847 года. Въ 16 д. л. 156 стр.*

Книжка, написанная съ добрымъ намѣреніемъ. Авторъ заимствовалъ многія мысли изъ разныхъ, иностранныхъ писателей. Многія принадлежатъ ему самому. Мы прочитали эту книжку съ удовольствіемъ потому, что встрѣтили въ ней на многихъ страницахъ умъ и неподдѣльное чувство. Нѣкоторыя мѣста слабы и могли бы быть изложены лучше.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ НОВѢЙШИХЪ БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ. *Сочиненіе парижскаго танцмейстера Пелларіуса. Перевелъ О. И. Я. Съ картинами. Изданіе с. п. бургскаго книгопродавца В. П. Полякова. Спб., 1847 въ большую 8 д. л. 113 страницъ.*

Книга написана однимъ изъ первыхъ парижскихъ танцмейстеровъ, издава очень хорошо извѣстнымъ санктпетербургскимъ книгопродавцемъ Васильемъ Петровичемъ Поляковымъ. Если бы все плохо танцующіе или не умѣющіе танцевать въ нашемъ обширномъ отечествѣ выписали эту книгу, то мы поздравили бы Василья Петровича съ новымъ годомъ и съ милліонами! Прочтя книгу, захочешь непременно плясать. Немногія сочиненія имѣютъ подобное свойство. Большая часть твореній и даже журналовъ не возбуждаютъ и не въ состояніи возбудить такого восторга. Чаше всего они возбуждаютъ зѣвоту и желаніе уснуть.

ОБРАЗЦОВЫЙ ПИСЬМОВНИКЪ, или *хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ письма на разные предметы общественной жизни. Въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ писемъ спешеній. Второе изданіе, исправленное и дополненное приложеніемъ описанія ярмарокъ, таблицъ исчисленія процентовъ, переложенія ассинацій на серебро и цѣнности гербовой бумаги. Спб., въ тип. Вишера, 1847, въ 8 д. л. 327 страницъ.*

Чего хочешь, того просишь! Заглавіе такъ подробно, что критику не нужно объяснять содержаніе книги. Второе изданіе доказываетъ, что она повалилась пубанкъ, и что не умѣющихъ сочинять письма безъ образца и формы очень еще много на бѣломъ свѣтѣ. И что мудренаго! Немногіе и изъ литераторовъ умѣютъ правильно писать. Предвѣщаемъ книгѣ третье изданіе и даже четвертое и пятое, не смотря на то, что авторъ или составитель этой книги, какъ замѣтно, писатель не первой силы.

Слѣсь.

БАНКО КАПЕЛЛО. (*Повѣсть А. Дюма*). Въ 1568 году однимъ изъ богатѣйшихъ домовъ въ Венеціи былъ домъ Сальвиати. Банкъ этого дома пользовался справедливымъ уваженіемъ и довѣренностію республики. Огромные обороты, искусно поддерживаемые опытностію и благородною честностію банкира, съ каждымъ годомъ увеличивали его богатство и могущество.

Мѣсто кассира этого банка занималъ молодой Тосканецъ, Петръ Бонавентури, рекомендованный банкиру дядею своимъ, Баптистомъ, пользовавшимся уваженіемъ Сальвиати.

Петру Бонавентури было тогда только 20 лѣтъ отъ роду. Красивый молодой человѣкъ, съ пламенными страстями Италиі, жаждавшій любви и наслажденій, онъ не былъ однакоже счастливъ своею прошедшею жизнію. Происходя изъ благородной, но бѣдной тосканской фамиліи, Петръ испыталъ много непріятностей бѣдности и безуспѣшно старался устроить свою карьеру во Флоренціи.

Въ этихъ попыткахъ провелъ онъ пять лѣтъ на своей родинѣ и, по совѣту дяди, рѣшился искать счастья въ Венеціи. Добрый дядя, помогая племяннику совѣтами, не отказался помочь ему и самымъ дѣломъ; онъ доставилъ Петру, какъ мы уже сказали, мѣсто кассира.

Поселившись въ скромной мансардѣ, Петръ съ горячностію предался исправленію своей должности. Ограничиваясь неболь-

шимъ содержаніемъ, онъ не могъ заводить дружбы и участвовать въ буйныхъ оргіяхъ венеціанской молодежи. Постоянно, каждый вечеръ запирался онъ въ своей комнатѣ и сводилъ счеты своего патрона.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ трудолюбивой, дѣятельной жизни, и Петръ долго бы еще проводилъ вечера свои въ однихъ только выкладкахъ, если бы судьба неожиданно не навела его на пламенную любовь прекрасной Венеціанки.

Подлѣ дома, въ которомъ помѣщался банкъ Сальвиати, былъ домъ благороднаго венеціанскаго дворянина, Бартеlemi Капелло, тогдаго, какъ въ тогдашніе дворяне Венеціи. У Бартеlemi была дочь Біанка.

Біанка была шестнадцатилѣтняя дѣвушка, одаренная поразительною красотою, свойственною большей части Италиянокъ. Черные, блестящіе глаза, всегда одушевленные страстію, жгучій, пламенный взглядъ, пронзающій сердце, роскошныя развѣивающіяся формы тѣла — часто привлекали на себя вниманіе проходящихъ, и молодые дворяне всегда останавливались передъ домомъ Капелло, пораженные красотою личика, украдкою выглядывавшаго изъ высокихъ оконъ дома. Но все ограничивалось однимъ только созерцаемъ: или Біанка не находила между ними юности, способнаго заинтересовать ея пылокое сердце, или она боялась строгости гордаго отца, для котораго любовь его дочери къ незнатному дворянину была бы позоромъ. Многіе знатнѣйшіе дворяне поговаривали Бартеlemi о красотѣ его дочери и даже намекали на родство, но суровой отецъ отвѣчалъ имъ, что Біанка такъ молода, что ей рано еще покинуть отеческій домъ. Онъ видѣлъ равнодушіе дочери къ этимъ искателямъ и хотя не считалъ ихъ исканій увизительными для своей гордости, но ждалъ случая, когда дочь его сама выберетъ себѣ мужа. Онъ надѣялся, что выборъ ея будетъ согласенъ съ его видами.

Но Бартеlemi жестоко обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: онъ забылъ, что любовь не разбираетъ состояній. Безъ вниманія проходя жаждавшихъ любви ея молодыхъ дворянъ Венеціи, сердце молодой дѣвушки полюбило незнатнаго кассира. Вотъ какъ это случилось.

Окна мансарды, въ которой жилъ Петръ Бонавентурп, были противъ оконъ той комнаты, которую занимала Біанка. Любопытство молодой дѣвушки часто подстрекало ее поглядѣть изъ своей комнаты на молодаго и прекраснаго юношу, постоянно за-

нимавшагося въ своей мансардѣ. По случаю или, можетъ быть, побуждаемый подобнымъ же любопытствомъ, Петръ, съ своей стороны, часто сидѣлъ у окна, устремивши глаза свои на комнату Біанки. Эти безмолвныя сзиданія заронили искру въ сердца молодыхъ людей и между ними явилась безотчетная, но тѣмъ не менѣе горячая симпатія.

Однакоже, зная всю гордость отца Біанки, Петръ никогда не надѣялся, что прекрасная Венеціанка отвѣтитъ взаимностію на любовь бѣднаго труженика: молодой челоуѣкъ предполагалъ непрѣмьную зависимость истинной любви отъ равенства состояній, и грустно сознавался въ безплодности своей страсти.

Такъ прошло нѣсколько дней послѣ перваго ихъ свиданія, когда Біанка увидала молодаго Петра и ощутила въ груди своей доселѣ невѣдомое ей чувство. Первая любовь всегда готова на пожертваніе, и молодая дѣвушка рѣшилась сама отдаться Бонавентури. Она понимала, что изъ близки къ ея отцу, Петръ никогда не рѣшится заговорить съ нею.

По порученію Сальвиати, Петръ пришелъ однажды въ домъ гордаго Венеціанца. Проходя комнаты, онъ встрѣтился съ Біанкою, и мгновенный румянецъ, покрывшій щеки молодой дѣвушки, далъ понять ему, что любовь его не лишена взаимности. Съ этого времени, Петръ сдѣлался, если не смѣлѣе въ поступкахъ, то, по крайней мѣрѣ, увѣреннѣе въ своихъ сладкихъ надеждахъ. Онъ просилъ небо осуществить его мечты, и началъ строить планы, чтобы обогатить и прославить себя, и цѣною этихъ преимуществъ купить руку Біанки.

Но Біанка не дождалась осуществленія этихъ фантазій. Мучимая страстію безъ границъ и роздѣта и не дожидаясь случая, она сама осуществила надежды молодаго Бонавентури.

Однажды ночью, когда шумъ умолкъ уже на каналахъ Венеціи и огни въ домахъ погасли, Петръ, кончившій свою работу, задумчиво сидѣлъ за столомъ своимъ: цѣлую недѣлю не видѣлъ онъ Біанки у окна ея комнаты, и терялся въ догадкахъ. Ему казалось, что вспыхнувшій румянецъ на щекахъ прекрасной соседки былъ слѣдствіемъ неожиданности и что одно только самолюбіе подало ему такія безумныя надежды. Грустный, разочарованный, онъ готовъ былъ на отчаянные поступки и ропталъ на судьбу, такъ жестоко обманувшую его.

Посреди этого мрачнаго отчаянія, послышался легкій стукъ въ двери его мансарды. Выведенный изъ задумчивости, Петръ бросился къ дверямъ, и расположенный къ грустнымъ предчув-

отвѣтъ, не рѣшался отворить ихъ, пока не услышитъ отвѣта. Но на двукратный вопросъ его отвѣта не было. Петръ отошелъ было отъ двери, думая что ему послышалось, и располагался снова предаться своему отчаянію. Но стукъ снова повторился.

Тогда онъ схватилъ со стола книжалъ и, приготовившись къ нечаянному нападенію, осторожно отворилъ двери: передъ нимъ стояла Біанка....

Одѣтая въ легкую мантилью изъ черной саржи и прикрываемая темнотою ночи, она тихо прошла по улицѣ и неожиданно явилась передъ своимъ изумленнымъ любовникомъ.

Можно представить себѣ, вѣрнѣ ли Петръ своему счастью: Біанка казалось ему свидѣніемъ, обманомъ чувствъ, безтѣлеснымъ признакомъ большаго воображенія. Онъ не могъ представить себѣ, какимъ образомъ эта благородная и гордая Венеціанка рѣшилась сама пожертвовать своею честію, рѣшилась, можетъ быть, подвергнуть жизнь свою опасности изъ любви къ бѣдному кассиру.

И дѣйствительно, эта рѣшимость была одною изъ тѣхъ тайнъ сердца, которыхъ разсудокъ постигнуть не можетъ и которыя понятны одному только сердцу.

Какъ бы то ни было, но передъ нимъ стояло не привидѣніе, а живая, прекрасная Біанка, предметъ его безутѣшной страсти, его пламенныхъ и пылкихъ мечтаній. И она явилась ему въ ту минуту, когда такъ отчаянно сознавался онъ въ безнадежности своихъ желаній.

Не будемъ описывать этого свиданія. Любовь, долго таившаяся въ этихъ нѣжныхъ сердцахъ, удерживаемая отъ признанія гордостію отца и положеніемъ юности, вышла мгновенно изъ границъ, оковывавшихъ ее и разлилась бурнымъ потокомъ страсти.

Сладкій, волшебный сонъ, посѣщавшій Петра въ таинственныя минуты раздумья, нашептывавшій ему обольстительныя обѣщанія, воплотился, сталъ осязательнымъ блаженствомъ въ его власти.

Біанка явилась къ нему существъ, вызывающимъ силы душевныя на бой со всею природою, и Петръ готовъ былъ отдать всю свою жизнь за одну минуту этого неожиданнаго и столь полнаго наслажденія.

Она предавалась ему со всею довѣріемъ дѣвушки, въ серд-

цѣ которой вспыхнула та неотразимая и пылкая страсть, готовая испепелить сердце, котрая не знаетъ препятствій.

Въ эту ночь, подобно Джуліи, увидавшей Ромео, Біанка сказала себѣ: «Я буду принадлежать или ему или могилѣ.» И она принадлежала Петру.

Съ этой ночи начались ихъ постоянныя и таинственныя свиданія: каждую ночь Біанка оставляла свое одинокое ложе, набрасывала на плечи мантилью и тихо спускалась по лѣстницѣ. Пробѣгая улицы, она тщательно закрывалась плащомъ своимъ и тиховько стучалась въ мансарду, гдѣ счастливый Петръ въ сладостномъ трепетѣ, нетерпѣливо ожидалъ ее. Цѣлую ночь проводили они вмѣстѣ, и какъ уповательно-сладостны были для нихъ эти свиданія!

За часъ до разсвѣта, когда шумъ не наполнялъ еще улицъ Венеціи, когда легкія гондолы не начинали еще перерѣзывать по всеѣмъ направленіямъ каналовъ ея, Біанка оставила Петра и также таинственно, также боязливо доходила до дверей своего дома. Они оставались не запертыми, и потому Біанка, никѣмъ незамѣченная, могла проходить въ свою комнату и, раздѣвшись, ложиться, въ постель.

Судьба сначала благопріятствовала этимъ свиданіямъ. Біанка искусно обманывала своихъ служанокъ, и никто въ домѣ не подозрѣвалъ ея отсутствія. Отцу не приходило и въ голову, чтобы дочь его могла рѣшиться на подобныя ночныя прогулки.

Правда, иногда въ голову Біанки приходила мысль о всей безразсудности и опасности своего положенія; ей представлялись ужасныя послѣдствія, которыя могли выйти, если бы отецъ узналъ о ея преступной любви къ кассиру. Но въ то же время ей приходило воспоминаніе: слова животрепещущей страсти Петра отзывались въ любящей душѣ ея такимъ чуднымъ эхомъ; его поцѣлуи электрическимъ ударомъ потрясали сердце; его жгучія, пламенныя объятія напоминали ей всю полноту его любви, и Біанка снова шла на свиданіе.

Эта-то любовь, впервые испытанная ею, заставила Біанку долѣе оставаться въ мансардѣ своего сосѣда. Утѣшенная мыслию, что отецъ даже не подозрѣваетъ этихъ свиданій, она позже начала возвращаться въ свою комнату. Эта неосторожность погубила ее.

Однажды передъ разсвѣтомъ, прекрасная Біанка возвратилась къ дверямъ своего дома и хотѣла отворить ихъ. Но двери были заперты. Біанка старалась припомнить себѣ, притворила

ли она ихъ, уходя на свиданіе, и память говорила ей, что всѣ обычные предосторожности были ею приняты. Она терлась въ догадкахъ.

Но вотъ какъ это произошло; каждое утро въ домъ Бартеlemi Капелло приходилъ мальчикъ отъ хлѣбника, спросить, когда прикажутъ ему принести хлѣбъ. Въ этотъ день обстоятельства заставили его выйти изъ дому ранѣе и, выполнивъ свое порученіе, онъ ушелъ изъ дому Капелло, прежде чѣмъ Біанка возвратилась изъ мансарды Петра. По уходѣ его, люди тотчасъ же заперли двери.

Біанка поняла, что звать людей — значило погубить себя, Другаго же входа, по которому бы могла она пройти незамѣченною, не было, и ей оставалось одно только средство къ спасенію: вернуться къ своему любовнику и бѣжать изъ Венеціи. Съ свойственною своему характеру рѣшимостію, она возвратилась къ Петру и объявила ему, что они погибли, если тотчасъ же не выйдутъ изъ города.

— Если отецъ схватится меня, сказала она изумленному любовнику: и узнаетъ объ нашихъ свиданіяхъ, онъ убьетъ меня.

И, рыдая, бросилась она въ его объятія. Петръ обсудилъ всю опасность ея положенія, и въ головѣ его тотчасъ же родилась мысль побѣга. Не счастію, было еще темно. На-скоро одѣвшись и взявши съ собою всѣ бывшія у него деньги, Петръ вышелъ изъ дому съ Біанкою, одѣтою только въ свою легкую мантелью, нанялъ гондольера и приказалъ вести себя къ подестѣ Венеціи, котораго недавно видѣлъ онъ у своего патрона. Онъ велѣлъ разбудить подесту и объявлялъ ему, что имѣетъ пужду въ позволеніи тотчасъ же выѣхать изъ Венеціи, въ Феррару, по торговому дѣлу дома Сальвиати. Подеста, знавшій Петра за одного изъ повѣренныхъ этого дому, безъ всякаго подозрѣнія далъ ему испрашиваемое позволеніе, и Петръ радостно возвратился къ Біанкѣ, въ трепетѣ ждавшей его въ гондолѣ. Молодые любовники миновали церковь Св. Георгія, когда на колокольнѣ ея пробило 5 часовъ утра. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ и темнота способствовала бѣгству. Петръ рассчитывалъ, что пройдетъ, по крайней мѣрѣ, четыре часа, пока Біанки схватится во дворцѣ Капелло и что они будутъ уже далеко, когда за ними отправятъ погоню. Такъ и случилось: бѣглецы скоро миновали Пиовега и достигли Шюццы, не видя никакого преслѣдованія. Въ Шюццѣ Петръ отпустилъ гондольера, нанялъ болѣе удобное

судно, и въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ въ Феррару. Этотъ городъ былъ тогда въ распрѣ съ Венеціею, по поводу спора объ земляхъ Полетины и потому весьма вѣроятно было, что Совѣтъ Десяти не пошлетъ погони за бѣглецами въ этотъ непризнанный себѣ городъ.—Черепочевавши въ Феррарѣ, любовники снова пустились въ дорогу, и черезъ четыре дня, безъ особенныхъ заключеній, пріѣхали во Флоренцію.

Въ этомъ городѣ, въ небольшомъ домикѣ, на углу площади Св. Марка, жило семейство Бонавентури, состоявшее изъ старика-мужа и старушки-жены.—Старая чета приняла бѣглецовъ, какъ сына и дочь. На оставшіяся у Петра деньги, Біанка купила себѣ шелку и занялась вышиваньемъ, чтобы не обременить своимъ содержаніемъ добрыхъ, но бѣдныхъ родственниковъ своего любовника. Петръ же занялся писмоводствомъ и потому могъ постоянно быть въ мѣстѣ съ Біанкою. Нѣсколько дней спустя, одинъ священникъ, другъ семейства Бонавентури, обвинялъ ихъ.

Біанка однако же не обманулась въ своихъ предчувствіяхъ: всѣ сбирь Венеціи были въ поискахъ. Бартеlemi Капелло, женатый во второй разъ на сестрѣ патриарха Аквилеи, былъ въ родственныхъ связяхъ съ знатнѣйшими домами Венеціи и громко требовалъ правосудія болѣеетителю своей дочери. Патриархъ Аквилеи, съ своей стороны, объявилъ, что все дворянство Венеціи оскорблено въ лицѣ его зятя. Бѣднаго Бантиста Бонавентури арестовали, подозрѣвая его въ содѣйствіи своему племяннику, и потомъ изгнали изъ республики, приудавши уплатить тысячу дукатовъ, въ казну совѣта Десяти и тысячу же Бартеlemi Капелло за оскорбленіе чести однимъ изъ его родственниковъ.

Сбирь Венеціи были разосланы повсюду и обѣщано было пять тысячъ дукатовъ тому, кто доставитъ оскорбленному отцу болѣеетителя его дочери живаго.

Между тѣмъ Петръ спокойно жилъ во Флоренціи, у своихъ родственниковъ. Любовь между молодыми супругами была по прежнему пламенна и это тихое счастье бѣглецовъ продолжалось бы долго, если бы случай не раздѣлил Петра съ Біанкою.

Въ то время во Флоренціи былъ великимъ герцогомъ Козьма I, происходившій изъ младшей линии славнаго дома Медичи. Отъ супруги своей Елеоноры Толедской, онъ имѣлъ пятерыхъ сыновей и четырехъ дочерей. Сыновья эти были: Францискъ, Фер-

дивандъ, довъ Петръ, Юаннъ и несчастный довъ Гарсія. Старшій изъ нихъ Францискъ былъ назначенъ наследникомъ.

Молодой Францискъ, нѣсколько лѣтъ уже помогавшій отцу своему въ управленіи государствомъ, былъ прекрасный принцъ, одаренный замѣчательною красотою и въ тоже время склонный къ любви, потребность которой такъ сильна въ его возрастѣ: ему было только 22 года. Этому-то Франциску судьбою назначено было разрушить семейное счастье молодыхъ Бонавентури. Вотъ какъ это случилось:

Проѣзжая однажды по площади Св. Марка, молодой принцъ увидалъ вдругъ, что къ ногамъ его лошади упалъ прекрасный цвѣтокъ. Принимая это за стараніе какой-нибудь красавицы обратиться на себя его вниманіе, Францискъ поднялъ голову и въ окнѣ одного дома съ поднятою сторою увидѣлъ прелестную 17 или 18-лѣтнюю головку. Стора тотчасъ же была опущена, но Францискъ успѣлъ разглядѣть это личико и былъ пораженъ его красотою.

Будучи прекрасенъ собою и испорченный придворными женщинами, онъ не хотѣлъ видѣть въ паденіи цвѣтка дѣло случая и далъ себѣ слово воспользоваться своимъ открытіемъ.

На другой день, въ тотъ же часъ, онъ снова проѣхалъ по площади Св. Марка. Стора знакомаго домика была опущена, но Франциску показалось, что изъ-за нея блестѣли два черные глаза.

Съ этого времени каждый день проѣзжалъ онъ мимо этого домика, и каждый разъ стора была опущена. Это только усилило его любопытство, и страсть, возбужденная въ немъ прелестнымъ видѣніемъ, не давала ему покоя.

Тогда онъ приказалъ одному изъ своихъ слугъ развѣдать о прелестной обитательницѣ таинственнаго домика и тотчасъ же уведомить его. Слуга выполнилъ данное порученіе, и донесъ герцогу, что въ немъ живетъ старая чета Бонавентури, принявшая къ себѣ, съ нѣкотораго времени, молодого своего родственника и прекрасную дѣвицу. Болѣе слуга ничего не могъ сообщить герцогу. Францискъ рѣшился обратиться къ болѣе искусному человѣку.

Онъ не долго, впрочемъ, искалъ этого человѣка: при дворѣ тосканскомъ былъ одинъ знатный сиворъ, полу-испанецъ и полуенеаполитанецъ, родившійся въ Терръ-де-Лабурѣ, отъ одно-

го аррагонскаго семейства. Его звали Фабіо Арасола, маркизъ Монть Драгонъ. Хитрый, какъ Испанецъ, готовый на всѣ услуги для пріобрѣтенія себѣ власти, маркизъ Монть Драгонъ, какъ нельзя лучше удовлетворилъ желаніямъ Франциска. На другой же день, послѣ своего выбора, молодой великій герцогъ приказалъ позвать къ себѣ царедворца.

Маркизъ Монть Драгонъ вошелъ въ залу, гдѣ сидѣлъ Францискъ, и, почтительно поклонившись, остановился у двери.

—Маркизъ, сказалъ ему герцогъ: я приказалъ позвать васъ....

—Приказаніе вашего высочества исполнено, и покорный слуга ждетъ вашихъ приказаній.

—Здѣсь не приказанія мои, любезный маркизъ, должны возложить на васъ порученіе, но моя просьба. Я имѣю въ васъ крайнюю нужду.

— Я почту за счастье употребить силы мои на службу вашего высочества.

И маркизъ снова поклонился.

—Садитесь здѣсь, любезный маркизъ, примолвилъ Францискъ, указывая ему на кресла, стоявшія у стола: и поговоримте о дѣлѣ, для котораго я призвалъ васъ.

Маркизъ повиновался, и Францискъ продолжалъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ, я проѣзжалъ верхомъ по площади Св. Марка. Поровнявшись съ однимъ маленькимъ домикомъ, я увидѣлъ цвѣтокъ, упавшій къ ногамъ моей лошади, и въ тоже время прелестная головка сиряталась за стору окна этого домика. Вы догадываетесь, маркизъ, какъ долженъ я былъ принять этотъ знакъ вниманія. Съ того времени нѣсколько разъ возвращаясь я на прежнее мѣсто и ни разу не встрѣчалъ болѣе этого миловиднаго личика. Не знаю, чему приписать подобную скрытность, не сознаюсъ вамъ, маркизъ, что меня сильно интересуетъ эта незнакомка.

—Можетъ быть, ваше высочество, сказалъ маркизъ, начинавшій повимать въ чемъ дѣло и уже обсудившій всѣ выгоды, какія могъ онъ извлечь для себя изъ положенія великаго герцога: можетъ быть, это кака-нибудь добродѣтельная супруга, опасаящаяся возбудить подозрѣнія своего ревниваго мужа и въ то же время желающая привлечь ваше вниманіе.

—Вы угадали, маркизъ, отвѣчалъ Францискъ: я развѣдывалъ объ этой молоденькой жевщицѣ и узналъ, что она дѣйствительно за мужемъ.—Но слуга, которому я поручилъ это развѣдываніе, ничего болѣе не могъ сообщить мнѣ.

Маркизь очень хорошо понималъ, какое герцогъ хочетъ возложить на него порученіе, но какъ хитрый придворный, онъ не хотѣлъ предложить самъ свои услуги и ждалъ просьбы со стороны самаго герцога. Немного подумавши, онъ отвѣчалъ:

— Въ такомъ случаѣ, Ваше Высочество, я думаю, нельзя имѣть надежды на успѣхъ: бдительность мужа, вѣроятно, будетъ преградой вашему сближенію съ прелестною особою, счастливою тѣмъ, что заинтересовала ваше вниманіе. Мнѣ кажется, ваше высочество, что вамъ придется отказаться отъ своихъ желаній.

— О, нѣтъ! вскричалъ Францискъ: мнѣ не хотѣлось бы этого. Я чувствую, что мнѣ будетъ тяжело, если мое любопытство не удовлетворится. Я непременно хочу увидѣться съ нею.

Маркизь молчалъ, рѣшившись до конца выдержать свою политику. На безстрастномъ лицѣ его не отражалось никакого чувства: казалось, что онъ далекъ былъ отъ мысли хлопотать по этому дѣлу. Нетерпѣливый Францискъ рѣшился наконецъ самъ просить маркиза помочь ему въ исполненіи своего желанія. Онъ подвинулъ свое кресло къ маркизу и продолжалъ:

— Я бы хотѣлъ, маркизь, чтобы вы похлопотали... узнали... развѣдали объ этой незнакомкѣ...

— Какъ, ваше высочество, вскричалъ хитрый Испанецъ: вы хотите возложить подобное порученіе на своего стараго придворнаго, который самъ имѣетъ супругу и семейство? Мнѣ кажется, ваше высочество, что подобныя хлопоты предосудительны въ моемъ положеніи.

— Вы только узнайте объ ней подробнѣе, маркизь, проговорилъ Францискъ, не много смѣшавшійся отъ этого неожиданнаго отказа: вы только узнайте, гдѣ я могу съ нею видѣться, а остальное я приму уже самъ на себя.

— Ваше высочество говорите мнѣ это тогда, когда вы убѣждены—въ чемъ я совершенно увѣренъ—что того, что вы берете на себя, вы не въ состояніи исполнить. Въ такомъ случаѣ, мои развѣдыванія будутъ для васъ столь же полезны, какъ и свѣдѣнія, доставленные вашимъ слугою.

— Ну, тѣмъ лучше, маркизь, вскричалъ Францискъ: вы сами сознаетесь, что необходимы для меня и между тѣмъ отказываете мнѣ въ моей просьбѣ!

— Но, ваше высочество.....

— Вы опять скажете, прервалъ его герцогъ: что вы отецъ семейства, что вамъ неловко вести подобную интригу и прочее.

Полноте, маркизь, притворяйтесь святошею. Вы знаете, что я буду признателенъ за вашу услугу. Короче, я хочу отъ васъ этого!

— Если ваше высочество приказываете мнѣ, сказалъ маркизь, почтительно кланяясь: я долженъ повиноваться.

— Ну, и прекрасно! Вы сдѣлаете это секретно, честь ваша несколько не пострадаетъ, и притомъ я сочту это за услугу истиннаго стараго друга. Вы согласны, маркизь?

— Я не осмѣлюсь ослушаться приказаній вашего высочества.

— Ну, положимъ, что я вамъ приказываю, если вы не хотите исполнить моей просьбы. Дѣло рѣшено, и вы доставите мнѣ съ нею свиданіе. Не правда ли?

— Я готовъ повиноваться вашему высочеству!

Францискъ насмѣшливо улынулся. Онъ понималъ причину нерѣшительности человѣка, котораго всегда зналъ за хитреца.

— И такъ вы скоро доставите мнѣ это свиданіе? спросилъ онъ.

— Я думаю, Ваше Высочество, что для этого вамъ придется ждать около двухъ недѣль.

— Двѣ недѣли, вскричалъ герцогъ: да это пытка для моего терпѣнія!

— Я не могу обѣщать вашему высочеству скорѣйшаго исполненія. Дѣло, можетъ быть, слишкомъ трудное! Надобно сперва развѣдать объ этомъ семействѣ, нужно сойтись съ нимъ и, можетъ быть, придется употребить хитрость, чтобы заманить къ себѣ эту прекрасную особу, если ей нельзя будетъ принять у себя вашего высочества.

Франциску не хотѣлось отлагать исполненія своего желанія на столь продолжительное время, но нужно было согласиться: маркизь представилъ такія убѣдительныя причины.

— Дѣлать нечего, сказалъ онъ: я даю вамъ этотъ срокъ, хотя мнѣ и тяжело рѣшиться на такую отерочку. Но смотрите, маркизь, черезъ 14 дней, я потребую у васъ исполненія моего порученія. Прошайте.

Маркизь поклонился и вышелъ.

Возвратясь въ великолѣпный дворецъ свой, построенный славнымъ Аманато, онъ тотчасъ же передалъ разговоръ съ великимъ герцогомъ своей супругѣ. Раздѣлявшая съ мужемъ его надежды и сходявшаяся съ нимъ по характеру, маркиза приняла на себя важнѣйшую часть порученія: она взолась познакомиться

ей съ домоу Бонавентури. Въ тотъ же день супруги составили планъ своихъ дѣйствій.

На другой день, рано по утру маркиза Монть Драгонъ приказала заложить экипажъ и, сопровождаемая верховымъ, поѣхала на площадь Св. Марка. Какъ она предъугадывала, такъ и случилось. Въ 8 часовъ старушка Бонавентури вышла изъ своего дома съ корзинкою въ рукахъ, чтобы идти за покупками на рынокъ. Маркиза приказала своему экипажу издавѣка слѣдовать за этою женщиною.

На углу улицы Кокомеро и Пуцци, она подозвала къ себѣ верхового и приказала ему галопомъ опередить старушку и испугать ее. Верховой удачно исполнилъ приказаніе. Испуганная пронесшеюся лошадей, Бонавентури уронила корзинку изъ рукъ, упала на мостовую, и стала призывать на помощь. Подоспѣвшая маркиза вышла изъ экипажа, приняла участіе въ бѣдной женщинѣ, спрашивала, не ранена ли она, упрекала себя въ этомъ несчастіи и, прежде чѣмъ Бонавентури успѣла вымолвить слово, маркиза посадила ее возлѣ себя и приказала кучеру ѣхать на площадь Св. Марка. Дорогою она безпрестанно спрашивала старушку, не чувствуетъ ли она ушиба, и наконецъ просила ее позволить довести себя до дому. Бонавентури не знала, чему приписать такую заботливость знатной дамы о бѣдной женщинѣ.

Добѣхавши до домика, маркиза проводила ее въ комнаты, говоря, что не прежде оставитъ ее, какъ въ кругу семейства, которому передастъ она свои попеченія. Потомъ, маркиза простилась съ нею и, уѣзжая, прибавила, что завтра она заѣдетъ навѣдаться о здоровьѣ своей новой знакомки.

На другой день маркиза, разумѣется, снова заѣхала въ домикъ на площади Св. Марка. Въ этотъ разъ она съѣла, осталась на вѣсколько минутъ и объявила, что она придворная дама и что мужъ ея былъ наставникомъ молодаго великаго герцога. При этомъ извѣстїи, старики помѣнялись взглядами, которые не скрылись отъ маркизы. Оставляя Бонавентури, она обѣщала еще разъ заѣхать къ нимъ.

Между тѣмъ маркизъ Монть Драгонъ разузналъ съ своей стороны, что старики Бонавентури имѣли родственника въ Венеціи, обвиненнаго въ обольщеніи молодой Венеціанки изъ знатнаго дома и бѣжавшаго съ нею изъ отечества. Пользуясь этимъ свѣдѣніемъ, хитрая маркиза въ слѣдующее посѣщеніе, разго-

варивая со старушкою, неожиданно спросила ее, давно ли она получила письмо отъ своего родственника изъ Венеціи. Старушка поблѣднѣла и вскрикнула:

— Такъ вы все знаете, маркиза?

Но маркиза не хотѣла признаться, что развѣдываетъ о положеніи бѣднаго семейства, и отвѣчала, что ничего не знаетъ, но что если она можетъ быть чѣмъ-нибудь полезна почтенному семейству, то проситъ откровенно разсказать ей все и обѣщаетъ употребить свое вліяніе на мужа и силу его при дворѣ великаго герцога, чтобы услужить старушкѣ.

Обманутая добротою маркизы, старушка подробно разсказала ей чудную исторію любви Петра и Біанки Капелло.

Послѣ разсказа Бонавентури нельзя было сомнѣваться въ томъ, что прекрасная незнакомка, бросившая цвѣтокъ къ ногамъ великаго герцога, была никто иная, какъ Біанка Капелло. Маркиза поняла, что протекція великаго герцога могла быть весьма полезна для бѣглецовъ, и тотчасъ же обѣщала всѣ выгоды своего положенія. Она усильно просила старушку показывать ей прекрасную Біанку, участь которой такъ сильно интересуетъ ее. Біанка явилась и, изумленная ея красотою, маркиза тотчасъ же рѣшила, что во что бы то ни стало, Біанка Капелло непременно будетъ имѣть свиданіе съ молодымъ герцогомъ.

Создавши въ умѣ своемъ планъ свиданія ея съ Францискомъ, маркиза просила Біанку, именемъ будущей дружбы, посѣтить, ея палатцу. Прекрасная Венеціанка сначала отказывалась, говоря, что боится быть узчанною кѣмъ-нибудь изъ соотечественниковъ, бывшихъ тогда во Флоренціи, и притомъ прибавила, что она не имѣетъ приличной одежды, чтобы посѣтить дворецъ маркизы, не уступающій, вѣроятно, въ великолѣпїи дворцу ея отца. Маркиза улыбнулась на эти доводы и, не повторяя своихъ просьбъ, уѣхала домой.

На другой день она прислала за Біанкою карету и лучшія свои платья, приказавши сказать, что карета скроетъ ее отъ глазъ любопытныхъ, а платья доставятъ ей случай, не краснѣя, посѣтить палатцу маркизы. При этомъ, въ особомъ письмѣ, она уведомляла Біанку, что мужъ ея обѣщавъ выхлопотать у великаго герцога охранную грамоту Петру Бонавентури, только съ условіемъ лично увидѣть ту, въ судьбѣ которой супруга его принимаетъ столь дѣятельное и горячее уча-

стіе. Старушка Бонавентури приглашена была сопровождать свою нареченную дочь.

Біанкѣ самой хотѣлось побывать во дворцѣ Монть Драгоновъ. Уединенная жизнь у своихъ родственниковъ наскучила ей; сравненіе общества, посѣщавшаго изрѣдка бѣдное семейство, съ аристократическимъ гордымъ дворянствомъ Венеціи, не было, разумеется, лестно для перваго. Притомъ въ пылкой душѣ Венеціанки зародилось, можетъ быть, желаніе неизвѣстнаго, пламенная жажда чего-то, въ чемъ не могла она дать себѣ отчета. Охранная грамота мужу служила ей предлогомъ согласиться на просьбу маркизы, а великолѣпныя платья, въ которыхъ Біанка паходила себя прелестною, сильно заинтересовывали тщеславіе молодой и хорошеькой женщины, и съ этой минуты Біанка была погибшею: дочь Еввы желала вкусить запрещеннаго плода.

Старушка съѣла съ нею въ прилланную карету и они поѣхали къ Віа-ель-Карнесекчи близъ Санта Маріа Нувель, гдѣ былъ построенъ дворецъ Монть Драгоновъ. Маркиза ожидала ихъ въ маленькой залѣ, и, послѣ первыхъ привѣтствій, извинилась, что мужъ ея, позаванный къ великому герцогу, не могъ лично встрѣтить прекрасную гостью. Впрочемъ, она тотчасъ же послала за нимъ слугу, и черезъ нѣсколько времени, мужъ ея вошелъ въ залу.

Маркизь былъ пораженъ красотою 18-ти-лѣтней Біанки и вслухъ высказалъ свое удивленіе: хитрый придворный зналъ, что нескромная лесть въ этомъ случаѣ не испортитъ дѣла.

Біанка привстала и хотѣла было разказать маркизу свою исторію, сообщенную маркизѣ старушкою Бонавентури, но при первыхъ словахъ, Монть Драгонъ сказалъ, что онъ вѣрить вполнѣ дѣйствительности разказа и увѣряетъ, что подобный роликъ не можетъ лгать и такіе прекрасные глаза не могутъ обманывать. Онъ обѣщалъ Біанкѣ въ тотъ же день переговорить съ герцогомъ объ охранной грамотѣ и на другой день доставить ее Біанкѣ. Потомъ маркизь, извиняясь что его ожидаетъ великій герцогъ, поклонился и вышелъ. Онъ сѣвшилъ уведомить Франциска, что Біанка была у него въ домѣ.—Между тѣмъ старушка Бонавентури обезпачила отъ гордости, а Біанка плакала изъ благодарности къ доброму семейству Монть Драгоновъ.

По уходѣ маркиза, Бонавентури и Біанка хотѣли уѣхать

но маркиза удержала ихъ, говоря, что въ такомъ случаѣ она почтетъ пріѣздъ ихъ за визитъ ея мужу, а не за посѣщеніе искренно любящей ихъ пріятельницы.—Эти слова принудили Біанку снова присѣсть, и старушка, согласовавшая всѣ свои движенія съ движеніемъ своей нареченной дочери, также осталась.

Черезъ нѣсколько минутъ маркиза подошла къ Біанкѣ, взяла ее за руку и сказала:

— Я хочу показать вамъ, милая Біанка, комнаты моего дома и узнать ваше мнѣніе объ нихъ. Я думаю онъ далекъ отъ великолѣпныхъ дворцовъ Венеціи. Матушка ваша подождетъ насъ здѣсь, черезъ нѣсколько минутъ мы вернемся.

И она повела Біанку по великолѣпнымъ апартаментамъ своего дворца. Старушка Бонавентури благодарила Бога за неожиданное счастье, испосланное Біанкѣ въ покровительство знатной дамы.

Маркиза привела Біанку въ роскошный будуаръ свой, окна котораго выходили въ садъ. Это было въ декабрѣ мѣсяцѣ и запахъ распускавшихся цвѣтовъ наполнялъ будуаръ благоуханіемъ. Маркиза взяла со стола ящичекъ отперла его и вынула кучу драгоцѣнныхъ діадимъ, перстней, серегъ, осыпанныхъ алмазами, смарагдами и сапфирами; надѣла всѣ эти драгоцѣнности на шею Біанки и подвела ее къ зеркалу: тщеславіе молодой женщины было возбуждено.

Вдругъ маркиза передала ящичекъ Біанкѣ и сказала ей:

— Примѣрьте, пожалуйста, безъ меня прочія бездѣлушки: я оставлю васъ на нѣсколько времени, и пойду за платьями, сшитыми по модѣ вашей Венеціи, въ которыхъ вы, вѣроятно, въ тысячу разъ будете прелестнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ я возвращусь къ вамъ.

И съ этими словами, маркиза вышла.

Біанка, между тѣмъ, продолжала примѣривать драгоцѣнности, и смотрѣлась въ огромное зеркало, какихъ не видала она и въ Венеціи, славившейся въ то время зеркалами. Вдругъ ей показалось, что сзади ея стоитъ мужчина: Біанка быстро обернулась, передъ нею былъ Францискъ.

Первымъ движеніемъ ея было бѣжать, но Францискъ почти тѣльно удержалъ ее. Испуганная неожиданнымъ появленіемъ великаго герцога, Біанка поблѣдѣла и, ставши передъ нимъ на колѣно, сказала ему:

— Богу угодно было лишить меня родственниковъ, защит-

никовъ, отнять у меня богатство и счастье и отечество: при мнѣ осталась одна только моя честь. Отдаю ее подъ защиту вашу.

— Не бойтесь ничего, сивьора, отвѣчалъ Францискъ, приподнимая ее, я пришелъ сюда безъ дурныхъ намѣреній, будучи привлеченъ интересностію вашего положенія. Скажите мнѣ только, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ? Смотрите на меня, какъ на покровителя и брата, и подъ эгидою этого двойнаго титула требуйте, чего вамъ угодно. Все, что только во власти человѣка, будетъ исполнено мною!

И не желая беспокоить Біанку продолжительнымъ присутствіемъ, Францискъ почтительно наклонилъ голову и вышелъ....

Біанка еще не опомнилась отъ изумленія и безпокойства, причиненнаго ей этимъ явленіемъ, когда возвратилась маркиза. Увидя блѣдную и трепещущую Біанку, хитрая женщина съ участіемъ подошла къ ней и спросила:

— Что съ вами, прелестная Біанка?

Но Біанка не могла ничего отвѣчать и только невнятно шептала: — Герцогъ, герцогъ!

Маркиза коварно улыбулась.

— А, сказала она: герцогъ былъ здѣсь! Не удивляйтесь, прелестная Біанка, неожиданности этого прихода: герцогъ часто приходитъ этою поташною дверью къ моему мужу поговорить съ нимъ о дѣлахъ государства. Вѣроятно, маркизъ опоздалъ къ нему, и герцогъ самъ пришелъ навѣдаться объ немъ. Опъ видѣлъ васъ, милая Біанка? тѣмъ лучше! Это свиданіе еще болѣе расположитъ его къ вашему мужу!

Біанка поглядѣла на маркизу тѣмъ глубокимъ и пронзительнымъ взглядомъ, который такъ удачно былъ переданъ кистию Брончино, и закрыла глаза руками.

— Ахъ, маркиза, вскричала она, падая на кресла: вы меня погубили!...

— Успокойтесь, Біанка, прервала маркиза, обнимая и цѣлуя ее въ голову: я беру за васъ весь грѣхъ на себя!

Біанкѣ объятія эти показались змѣиными.

Блѣдная, взволнованная, возвратилась она въ скромный домикъ на площади Св. Марка, рѣшившись тотчасъ же пересказать свою тайну мужу. Но при входѣ его въ комнату эта рѣшимость оставила ее и она смолчала. Старушка Бонавертури также ничего не знала объ этомъ свиданіи....

Черезъ восемь дней, Петру Бонавертури нечего было бояться, а Біанкѣ Капелло нечего было терять.

Съ этого свиданія, Францискъ изыскивалъ тысячи средствъ, чтобы помочь чѣмъ-либо Біанкѣ, и первую услугую его было назначеніе Петра Бонавертури въ должность придворнаго камердинера. Петра это нисколько не удивляло: опъ приписывалъ эту милость герцога вліянію на него Монть Драгоновъ и находилъ весьма естественнымъ, что герцогъ радъ былъ случаю сдѣлать доброе дѣло. Бѣдный Бонавертури былъ еще въ томъ возрастѣ, когда сердце вѣрять, что добро дѣлается только изъ удовольствія дѣлать его.

Впрочемъ, печаль скоро посѣтила Біанку, Франциску было только 23 года и задолго еще до пріѣзда ея во Флоренцію, опъ былъ обрученъ съ Иоанною, Австрійскою принцессою. Время назначенное для совершенія брака, наступило и не лзя было противустать законамъ политики. Козьма I былъ тогда еще живъ и требованія его были непреклонны, подобно вѣлѣніямъ судьбы; опъ назначилъ сыну своему невѣсту, и бракъ совершился.

Молодой герцогъ утѣшалъ сѣтующую Біанку: опъ увѣрялъ ее, что хотя титулъ великой герцогини будетъ принадлежать другой, но сердце всегда останется вѣрно Біанкѣ. Послѣдняя желала не одной только любви Франциска, но наученная первою ошибкою, она рѣшилась притвориться и скрыла движеніе гордости въ глубинѣ своего сердца.

Францискъ сдержалъ свое слово. Занятый новою должностію, Петръ Бонавертури и не подозревалъ, что Біанка имѣетъ свиданіе съ герцогомъ во дворцѣ Монть Драгоновъ.

Эти свиданія сдѣлались скорѣ такъ часты, что Козьма I узналъ объ нихъ и 25 февраля 1569 писалъ къ Франциску:

«Уединенныя прогулки и ночныя путешествія по улицамъ Флоренціи опасны и для чести и для жизни, особенно, когда онѣ совершаются каждую ночь. Я не могу вамъ сказать, къ какимъ дурнымъ послѣдствіямъ можетъ привести подобное поведеніе».

Вѣроятно, Францискъ понялъ всю справедливость словъ Козьмы I, потому что, черезъ нѣсколько дней послѣ брака, опъ пересталъ притворяться и помѣстилъ Біанку во дворецъ Віа Маджіа. Петръ Бонавертури совершенно уже былъ оставленъ ею.

Въ самомъ дѣлѣ, сладострастный воздухъ Флоренціи заразилъ

Бывшаго кассира, онъ началъ проводить ночи въ буйныхъ прѣшествахъ и шумныхъ оргіяхъ и влюбился въ одну изъ знатнѣйшихъ дамъ Флоренціи. Родственники не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что эта дама имѣетъ любовника, но самолюбіе ихъ оскорблялось низкимъ званіемъ Петра. Это произвело распри, и въ горячій ссорѣ съ племянникомъ своей любовницы, Бонавентури ударилъ его въ лицо и, схвативши пистолетъ, угрожалъ застрѣлить, если тотъ не перестанетъ выѣзживать въ это дѣло. Племянникъ, не хотѣвшій стрѣляться съ противникомъ такого низкаго званія, пожаловался Козьмѣ. Восемь дней спустя, Бонавентури пайденъ былъ ночью при входѣ во дворецъ Віа Маджіа, покрытый 25 ранами. Вооруженные люди напали на него близъ моста Св. Троицы и избавили Біанку отъ мужа.

Біанка не оплакивала смерти своего мужа. Дѣйствительно, любовь, такъ странно соединившая ее съ Бонавентури, казалось, совершенно охладѣла съ пріѣздомъ ихъ во Флоренцію. Впрочемъ, можетъ быть, она и жалѣла его, но, по крайней мѣрѣ, это чувство сожалѣнія глубоко было скрыто у ней въ сердцѣ. Она знала, какъ нуждался въ веселыхъ словахъ и лицѣ, Францискъ, утомленный государственными заботами.

Молодой великій герцогъ не любилъ своей супруги, и эта нелюбовь происходила не отъ физическихъ недостатковъ Иоанны, но отъ совершенной разности ихъ характеровъ. Воспитанная при строгомъ дворѣ Австріи, Иоанна получила благочестивое направленіе и съ ужасомъ смотрѣла на вольные нравы Італіи. Такое направленіе, разумѣется, не могло правиться пылкому сердцу Франциска и отталкивало его отъ Иоанны.

Хотя Францискъ ничего не говорилъ Біанкѣ объ отношеніяхъ своихъ къ супругѣ; но она угадывала ихъ, чувствовала, что настоящю великою герцогинею Тосканы была она сама.

Иоанна нѣсколько разъ выговаривала супругу за его холодность, жаловалась и сѣтовала на судьбу свою. Но эти жалобы не привлекали къ ней Франциска, но еще болѣе отдаляли его. Иоанна обратилась съ своими роптаніями къ Козьмѣ I. Удовлетворившій бракомъ своего сына условіямъ политики, Козьма не хотѣлъ выѣзживать въ семейныя дѣла своего наслѣдника и отвѣчалъ Иоаннѣ, что онъ совѣтуетъ ей не вѣрять всему, что говорятъ, что молодость должна имѣть забавы, что въ поведеніи Франциска нѣтъ ничего обиднаго для нея, и пр.

и пр. Подобныя утѣшенія, разумѣется, не могли удовлетворить Иоанну. Тогда желаніе мести запало въ душу высокой дщери цезарей, и такъ какъ оно не могло быть осуществлено, то это сдерживаемое стремленіе гнѣва ввело ее въ могилу.

Она скончалась въ родахъ, оставивъ своему мужу трехъ дочерей и сына.

На смертномъ одрѣ, она призвала къ себѣ Франциска и, устывъ на него потухающій взоръ, сказала ему:

— Болѣзнъ моя неизлечима, Францискъ, и я чувствую смерть въ груди моей. Поручаю вамъ дѣтей нашихъ и добрыхъ моихъ соотечественниковъ, прибывшихъ со мною отъ двора Австріи. Живите, герцогъ, благочестиво, чего никогда вы до сирѣ порѣ не дѣлали и помните, что Иоанна была законная супруга ваша передъ людьми и Богомъ и что она васъ нѣжно любила!

И съ этими словами она обіяла и благословила дѣтей, прильнула губами къ щекѣ Франциска и, обвивъ руками его шею, скончалась 10 апрѣля 1578 года.

Смерть супруги произвела глубокое впечатлѣніе на Франциска: первымъ движеніемъ его было выполнить послѣднюю волю Иоанны. Въ этой рѣшимости, онъ оставилъ Флоренцію и удалился въ одинъ изъ отдаленныхъ своихъ замковъ.

Но такой быстрый переходъ отъ прежней разгульной жизни къ совершенному уединенію былъ тяжелъ для Франциска; рѣшимость его, вынужденная минутною вспышкою чувства, не могла быть продолжительна. Между тѣмъ письма Біанки колебали его спокойствіе, а присутствіе ея все довершило: Францискъ возвратился во Флоренцію.

Вскорѣ самолюбивое желаніе Біанки было выполнено Францискомъ: по совѣту духовника своего, подкупленнаго Біанкою, 18 іюня 1579 года, спустя 15 мѣсяцевъ послѣ смерти Иоанны, Францискъ былъ тайно обвѣнчанъ съ нею въ часовнѣ палаца Питта. Козьмы I уже пять лѣтъ не было въ живыхъ.

Этотъ тайный бракъ произвелъ неудовольствіе въ народѣ и раздоры въ семействѣ Франциска. Тосканцы любили покойную Иоанну за ея доброту и благочестіе; ей грустно было видѣть, какъ этотъ бѣдный цвѣтокъ сѣвера увялъ подъ лучами слѣпкомъ жгучаго для него южнаго солнца. Много слезъ искренняго состраданія было выронено на ея великолѣпную гробницу, и новый бракъ герцога показался народу святотатствомъ.

Въ собственномъ семействѣ, Франциска встрѣтили раздоры.

Кардиналъ Фердинандъ, братъ его, видя больного и слабого сына Франциска отъ Иоанны Австрійской, надѣялся со временемъ присвоить себѣ корону Тосканы. Между тѣмъ событія едва не поколебали эту надежду.

Біанка, всенародно объявленная великою герцогинею 1 сентября 1579 года, предчувствовала скорую смерть своего больного пасынка и хотѣла во чтобы то ни стало, доставить наслѣдника Франциску.

Она обратилась къ какой-то Еврейкѣ, славившейся своимъ колдовствомъ, но ни заклинанія, ни питья, ни шептанья не могли помочь горю великой герцогини. Тогда въ головѣ Біанки явилась мысль достать себѣ сына отъ какой-нибудь бѣдной женщины. Рѣшившись на это, она объявила Франциску, что носить подъ сердцемъ плодъ любви его, и притворилась беременною. Между тѣмъ одна изъ ея приближенныхъ хлопотала о ребенкѣ.

Деять мѣсяцевъ разыгрывала Біанка эту комедію съ удивительнымъ притворствомъ и ловкостію: не только Францискъ, но и весь дворъ, и народъ были увѣрены въ ея дѣйствительной беременности. Цѣлыя недѣли проводила она въ постели и наконецъ ночью на 29 августа было назначено разрѣшеніе отъ бремени.

Съ утра Біанка начала выказывать ужасныя страданія. Услыша объ нихъ, Францискъ тотчасъ же пришелъ, въ ея комнаты и сказалъ, что онъ не покинетъ Біанку во все продолженіе родовъ ея. — Эта вѣжность испугала великую герцогиню: она боялась, чтобы Францискъ не открылъ обмана, и потому рѣшилась дожидаться ночи.

Въ 3 часа, когда утомленный дневною заботливостію Францискъ, съ трудомъ сидѣлъ у кровати больной супруги, Біанка притворилась спящею. Великій герцогъ, видя прекратившіяся страданія, разсудилъ, что разрѣшеніе отъ бремени, вѣроятно, будетъ на другой день, тихонько вышелъ изъ комнаты Біанки, прошелъ въ свои апартаменты, раздѣлся и легъ въ постель.

Но не успѣлъ онъ еще заснуть, какъ приближали донести ему, что великая герцогиня благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Францискъ благодарилъ судьбу за исполненіе его пламеннѣйшаго желанія и назвалъ новорожденного *Антоніо*.

Впрочемъ, подлогъ этотъ вскорѣ открылся. Приближенная

не сказали, что Біанка понапрасну трудилась надъ тортомъ, я самъ отвѣдаю его.

И онъ отрѣзалъ кусокъ торта и положилъ его къ себѣ на тарелку.

Біанка попалась въ западню, устроенную ею же самою. Она боялась оставить мужа и признаться ему во всемъ. Сильная ненависть кардинала, хотя и затаенная имъ глубоко въ сердцахъ, не опустила бы этого случая къ новому обвиненію. Оставить же мужа въ неизвѣстности, значило погубить его и тогда положеніе было бы еще тягостнѣе.

Съ обычной своему характеру рѣшимостію, Біанка взяла себѣ лучшую часть торта и съѣла ее.

На другой день великій герцогъ тосканскій Францискъ I и великая герцогиня Біанка Капелло были мертвы.

Фердинандъ объявилъ Флоренціи, что братъ и вѣстка его скончались скоропостижно отъ угара, сбросилъ свою кардинальскую мантию и взомель на тосканскій престолъ подъ именемъ Фердинанда I-го.

ПИСЬМА ПУТЕШЕСТВЕННИКА КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Берлинъ.

Не знаете ли вы, кто первый опредѣлилъ пары къ цеху мастеровыхъ? Англичанинъ, Французъ, Китаецъ или Индѣецъ? Англичане приписываютъ себѣ эту честь, на томъ основаніи, что никто, кромѣ ихъ, ничего не можетъ выдумать. Французы сознаются съ свойственною имъ скромностію, что великая нація мастераца *выдумывать*, но въ примѣненіи своей выдумки къ дѣлу неискусна.

— Мы изобрѣтаемъ, говорятъ Французы, и попадаемъ въ домъ ума лишенныхъ; Англичане пользуются нашими изобрѣтеніями и попадаютъ въ геніи!

Крайности соприкасаются.

Чтобы раздосадовать Французовъ, Англичане распустили слухъ, что Китайцы давнымъ давно употребляютъ силу паровъ. Чтобы *разозлить* Англичанъ, одинъ французскій ученый объявилъ, что открылъ въ Индіи слѣды рельсовъ—изъ чего явствуетъ, что еще у Индѣйцевъ были желѣзныя дороги. Германія насмѣшливо смотритъ на двухъ противниковъ. Германія увѣрена, что за долго до открытія силы паровъ, мысль о примѣненіи ихъ къ дѣлу созрѣвала въ умѣ Нѣмца. Но мысль Нѣмца не грибъ—въ од-

ну ночь не выростетъ; она, подобно кактусу, цвѣтетъ одинъ только разъ во сто лѣтъ.

На желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Потсдамъ, я очень обидѣлъ одного Француза, приписавъ примѣненіе паровъ къ механикѣ Англичанинамъ.

— Мы, мы изобрѣли пары! утверждалъ Французъ, горячась.

Я хотѣлъ спросить его, не изобрѣли ли *они* же и воду, и огонь, но не успѣлъ—поѣздъ остановился въ Потсдамѣ.

Въ окрестностяхъ этого историческаго города течетъ Гафель, рѣка извилистая, прихотливая до-нелзя; то она течетъ журчащимъ ручейкомъ, то разливается озеромъ, омывающимъ берега нѣсколькихъ островковъ, то опять суживается, какъ слѣдуетъ порядочной рѣкѣ. Прихотливое теченіе Гафеля и берега его, которые смѣло можно назвать живописными, послѣ плоскихъ, песчаныхъ равнинъ, окружающихъ Берлинъ, обратили на себя вниманіе Фридриха Великаго и—онъ создалъ здѣсь дворцы и сады.

Потсдамъ довольно большой и опрятный городъ, выстроенный въ тяжеломъ архитектурномъ стилѣ.

Отъ желѣзной дороги ведетъ длинный мостъ, черезъ Гафель, къ королевскому дворцу, огромному, трехъ этажному зданію, фасадъ котораго украсенъ статуями изъ песчаника и сфинксами. Дворецъ этотъ выстроенъ былъ въ XV столѣтіи, но Фридрихъ Великій перестроилъ его. Внутренность дворца,—я уже описалъ вамъ столько дворцовъ, что боюсь надоѣсть, а потому упомяну только о замѣчательнѣйшемъ въ Потсдамскомъ дворцѣ.

Тутъ на каждомъ шагѣ встрѣчаемъ воспоминанія о Фридрихѣ Великомъ; въ первой залѣ мраморный бюстъ его; далѣе фортепіано, на которомъ знаменитый пианистъ аккомпанировалъ ему ноты, автографы, сочиненія Фридриха, столъ, крытый бархатомъ и забрызганный его чернилами. Въ бархатѣ прорѣха,—Наполеонъ вырѣзавъ этотъ кусокъ бархата, на память.

Вотъ спальня Фридриха II; за балюстрадомъ изъ массивныхъ серебряныхъ статуэтокъ, бібліотека; тамъ пюпитры, которые онъ употреблялъ въ своихъ частныхъ концертахъ; зонтикъ, защищавшій глаза его отъ солнца; зрительная труба, сопровождавшая его во всѣхъ славныхъ битвахъ и уравнивавшая физическую дальновидность его съ нравственною.

Вотъ столовая съ круглымъ столомъ на четыре прибора; посреди стола пружина, замѣнявшая официантовъ; при давленіи этой пружины тарелки и блюда отправлялись внизъ, въ кухню, и возвращались оттуда. Четыре прибора накрывались для короля-философа Фридриха, короля философовъ Вольтера, генерала Цитена и Редина.

Біанки, участвовавшая въ обманѣ, купила за 1000 дукатовъ, недавно рожденнаго одною бѣдною женщиною, ребенка, тайно пронесла его въ спальню мнимой родильницы и спрятала въ колыбели. Когда же обманъ былъ совершенъ и приближенная получила за услугу свою извѣстную сумму денегъ, Біанка боилась оставить подобную тайну въ рукахъ женщины. Случай избавиться отъ опасной женщины, вскорѣ открылся: она побѣжала въ Болонью, и Біанка послала за нею погоню: въ Аппенинскихъ горахъ, несчастную схватили, равили ее смертельно двумя выстрѣлами, однакоже не убили. Подоспѣвшая на помощь стража подняла раненую, перевезла ее въ Болонью и разысканія о причинѣ убійства начались. Передъ кончиною, умиравшая созналась во всемъ, говоря, что она готова поклясться передъ распятіемъ Спасителя въ дѣйствительности словъ своихъ.—Признаніе ея было передано кардиналу Фердинанду, бывшему тогда въ Римѣ. Кардиналъ рѣшился непремѣнно воспользоваться этимъ открытіемъ.

Онъ тотчасъ же передалъ брату полученное имъ извѣстіе; но великій герцогъ не хотѣлъ и слышать о подобномъ обманѣ. Это объясненіе произвело разрывъ между братьями; письма ихъ стали рѣже и язвительнѣе; поговаривали даже о публичномъ протестѣ, который будто бы хотѣлъ сдѣлать кардиналъ во Флоренціи.

Біанка увидѣла, что она погибнетъ, если Фердинандъ выполнитъ свою угрозу, и рѣшилась, во что бы то ни стало, помирить братьевъ. Кардиналъ самъ подалъ ей къ этому средству.

Будучи великодушнымъ до расточительности, Фердинандъ не могъ довольствоваться одними своими доходами. У него часто не хватало денегъ на поддержаніе пышности, приличной по его мнѣнію, сану кардинала. Въ этихъ-то обстоятельствахъ онъ всегда обращался къ Франциску и пока братья жили въ согласіи, просьбы его выполнялись. Послѣ же объясненія, Францискъ грубо и рѣшительно отказалъ Фердинанду въ деньгахъ. Этотъ отказъ поставилъ кардинала въ чрезвычайно затруднительное положеніе: онъ не зналъ, куда преклонить свою голову.

Пользуясь этимъ положеніемъ кардинала, Біанка написала къ нему письмо, предлагая посредничество свое между мужемъ и кардиналомъ и проси Фердинанда, за услугу ея, посѣтить

ее въ ту же осень. Кардиналь, нуждавшійся въ деньгахъ, чрезвычайно обрадовался этому предложенію и общалъ ей выполнить все, чего она отъ него не захочетъ. Тогда Біанка послала ему сумму, вдвое большую, нежели какой онъ просилъ у великаго герцога.

Осенью кардиналь пріѣхалъ въ виллу Поджіо Каино, гдѣ жила Біанка съ своимъ мужемъ. Францискъ принялъ брата съ непритворнымъ радушіемъ, и смотря на ихъ объятія, можно было подумать, что между ними не было ни малѣйшаго об-лачка раздора.

Біанка старалась также угодить кардиналу: она предупреждала всѣ его желанія и даже выпытала у него признаніе, что изъ всѣхъ кушаньевъ ему болѣе правится тортъ изъ сливокъ. По случаю, она прекрасно умѣла готовить его и въ головѣ ея созрѣлъ новый планъ дѣйствій.

За ужиномъ великій герцогъ, Біанка и Фердинандъ сидѣли за общимъ столомъ. Ужинъ былъ семейный и потому непринужденность, веселость и радушіе одушевляли дружескіе разговоры братьевъ. Біанка сама прислуживала кардиналу, который безъ всякаго опасенія бралъ съ каждаго подаваемого ему блюда. Біанка радовалась довѣрчивости Фердинанда.

Но Фердинандъ не былъ слѣпо довѣрчивъ: онъ обладалъ чуднымъ даромъ отца своего, который указалъ бы ему опасность. Это былъ опаль, составленный самымъ Козмою и имѣвшій свойство тускнѣть при малѣйшемъ приближеніи къ какой нибудь отравѣ. — За каждымъ кушаньемъ, онъ незамѣтно подносилъ его къ блюду и поглядывалъ на опаль: блескъ успокоивалъ Фердинанда, а мнимая довѣрчивость его радовала Біанку.

Подали десертъ, а съ нимъ вмѣстѣ и тортъ. Францискъ, не смотря на знаки своей супруги, рассказалъ брату, что кушанье это было приготовлено самою Біанкою, чтобы угодить его вкусу.

Фердинандъ незамѣтно поднесъ опаль къ торту, украдкою взглянулъ на него, откинулся на спинку креселъ и, улыбаясь, сказалъ, что онъ не будетъ ѣсть торта, потому-что уже совершенно сытъ.

Опаль потускнѣлъ, когда онъ поднесъ его къ блюду.

— Ну, если ты не хочешь сдѣлать чести этому кушанью, ска-залъ Францискъ: то я не буду принуждать тебя. А чтобы

лактитами, раковинами и разными мипералами, художественно расположенными и образующими фигуры морскихъ чудовищъ, фонтаны, цвѣты и разные орнаменты. Полъ выложенъ разноцвѣтнымъ мраморомъ. Украшеніе этой залы дополняютъ двѣ хрустальныя вазы, подаренныя прусскому королю Государемъ Императоромъ. При огненномъ освѣщеніи эффектъ этой залы долженъ быть изумителенъ.

Новый дворецъ похожъ на настоящую картинную галерею. Замѣчательно то, что Фридрихъ Великій, не любившій женщинъ, украсилъ стѣны своего дворца изображеніями прелестнаго пола во всевозможныхъ видахъ: Персей и Антромеда, Геркулесъ и Омфала, Цирцея, Ревекка, Венера—множество, Галатея, Прозерпина, Даная, Аталанта, Діана, Евридика, дочери Лота, Клеопатра, Тисбей, Психей, Помона, Сусаннъ—множество, Судъ Париса, Леда, Вакханокъ—безчисленное множество, Дафна, Камаръ, Ариадна, Ифигенія, Елена, Граціи, Сабинянки, Лукреція, Агрппина, дочь Фараона, жена Путифара,—представлены во всевозможныхъ видахъ и костюмахъ.

Наконецъ мы добрались до обширной залы во второмъ этажѣ. Полъ и стѣны въ этой залѣ мраморныя. Только четыре картины находятся здѣсь—но онѣ почти совершенно закрываютъ три стѣны; судите же о величинѣ ихъ! сюжеты этихъ картинъ: Ифигенія въ Авлидѣ, работы Ванлоо; Похищеніе Елены; Судъ Париса, и Бахусъ и Ариадна, какихъ-то французскихъ живописцевъ, имена которыхъ позабылъ. Плафонъ писалъ Ванлоо. На немъ изображенъ Ганимедъ въ собраніи боговъ.

— Знаете ли кто сказалъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго этой залѣ? спросилъ проводникъ съ такою гордостью, какъ будто бы зала эта принадлежала ему.

— Кто?

— Наполеонъ!

И звучное эхо залы повторило звуки великаго имени.

— Когда Наполеонъ вошелъ въ нижнюю залу, продолжалъ проводникъ: онъ презрительно улыбнулся.

« — Зала эта слишкомъ низка, сказалъ онъ отрывисто, и пошелъ далѣе.

« — Ваше величество, замѣтилъ ему смотритель: она представляеть гротъ, слѣдственно....

« — Справедливо, возразилъ Наполеонъ, не давай договорять смотрителю.

« Онъ пошелъ далѣе, иногда останавливался, покачивалъ головой, не хвалилъ, не хулилъ; но вступивъ въ эту залу, вольно остановился, пораженный изумленіемъ....

«— Не только въ цѣломъ мірѣ, но даже во Франціи нѣтъ ничего подобнаго! вскричалъ онъ, скрестивъ руки на груди.

«Вы знаете, что Наполеонъ любилъ становиться въ эту позцію.»

И старый проводникъ сталъ въ позцію Наполеона.

— Или въ эту, прибавилъ онъ, закинувъ руки на-спину.

— Стало быть, Наполеонъ осматривалъ въ подробности этотъ дворецъ? спросилъ я такъ, на удачу, только для того, чтобы не засмѣяться.

— Гдѣ ему! отвѣчалъ старикъ: онъ шелъ скоро, безпрестанно отвѣчая адъютантамъ и офицерамъ, которые то и дѣло, что бѣгали взадъ, да впередъ.

— Не взялъ ли онъ чего-нибудь на память изъ этого дворца?

— Нѣтъ, ничего не взял! Онъ осматривалъ съ особеннымъ вниманіемъ покои стараго Фрица и все принадлежащія ему вещи, разспрашивалъ о привычкахъ, объ образѣ жизни единственнаго, и строго запретилъ трогать вещи.... Онъ крѣпко рассердился на генерала Бандама, который принялся было забирать все, что было достопримѣчательнѣйшаго....

— Но, говорятъ, что онъ взялъ шпагу Фридриха Великаго?

— Кто вамъ это сказалъ?

— Исторія.

— Исторія сама не знаетъ, что говорить! Шпага Фридриха Великаго и теперь еще лежитъ на гробу его въ гарнизонной церкви....

Замѣчательно, что старикъ говорилъ безъ малѣйшей горечи о вступленіи побѣдоноснаго императора подъ завѣтныя кровъ прусскихъ королей. Съ жаромъ сталъ онъ рассказывать о событіи болѣе радостномъ: объ отъѣздѣ короля Оттона въ юную, возраждавшуюся Грецію. Когда молодой принцъ пріѣхалъ прощаться съ прусскимъ дворомъ, покойный король проводилъ его великолѣпными празднествами. Въ мраморной залѣ былъ накрытъ столъ на двѣсти персонъ.

Эта же зала напоминаетъ о другомъ событіи: о празднествѣ, данномъ въ честь Императрицы Всероссійской, когда она, въ первый разъ послѣ вступленія на престолъ, посѣтила Берлинъ. Герцогъ Карлъ Мекленбургскій распорядился этимъ празднествомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *празднества Бѣлой-розы*. Во время блистательнаго турнира, Императрица раздала всѣмъ рыцарямъ по бѣлой розѣ; и понынѣ многіе изъ нихъ, ежегодно, въ день празднества, носятъ въ петличкѣ поэтическую эмблему празднества.

Пройдя еще нѣсколько залъ, мы вошли въ придворный те-

Въ парадныхъ комнатахъ ничто не напоминаетъ Фридриха, но въ двухъ изъ нихъ сохранились еще воспоминанія о Наполеонѣ, занимавшемъ ихъ въ горестную для Пруссіи эпоху....

Фридрихъ Великій похороненъ въ гарнизонной или придворной церкви въ Потсдамѣ. За отсутствіемъ церковнаго сторожа я не могъ видѣть склепа; надобно было ждать его, но я дорожилъ каждой минутой.

Сады, окружающіе Потсдамъ, очаровательны даже въ зимнее время,—впрочемъ, не смотря на то, что былъ декабрь мѣсяцъ въ исходѣ, снѣгу почти нигдѣ не было.

Не могу не упомянуть о загородномъ домикѣ теперешняго прусскаго короля—Шарлоттенгофѣ,—подаренномъ ему покойнымъ родителемъ его и убраннымъ по вкусу самаго высокаго владѣтеля. Это прелестная классическая игрушка, окруженная итальянскимъ садомъ, каштановой рощей, фонтанами, статуями, римскими термами, павильонами, бесѣдками.... Въ домѣ всего десять комнатъ, небольшихъ, но уютныхъ, прекрасно расположенныхъ и убранныхъ съ рѣдкимъ изящнымъ вкусомъ. Въ кабинетѣ королевы замѣчательно красивое кресло изъ серебра и стали; на спинкѣ кресла начертано рельефно имя Елисаветы; это кресло—подарокъ Петра Великаго. Въ туалетной комнатѣ короля, между прочими вещами, замѣчательна трость, съ янтарнымъ набалдашникомъ, въ видѣ лежащей собаки; эта трость принадлежала—Фридриху Великому. Мнѣ показали комнату Гумбольдта и Рауха, частыхъ гостей короля въ Шарлоттенгофѣ.

Одинъ изъ острововъ Гафеля, называемый *Павлиньимъ*, особенно замѣчательнъ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, посреди дубовой рощи, покрывающей и понынѣ середину острова, стояло строеніе мрачнаго, таинственнаго вида, законченнаго, съ двумя длинными трубами. По вечерамъ, окрестные рыбаки боязливо удалялись отъ береговъ, чтобы не видѣть устрашающаго зрѣлища. Окна мрачнаго строенія освѣщались яркимъ свѣтомъ и издали казались сверкающими глазами духа тьмы; двѣ трубы, изъ которыхъ валлъ красный дымъ, наполненный искрами, казались рогами....

Человѣкъ, жившій въ этомъ домѣ, по временамъ отлучался, и тогда ни малѣйшій шумъ не нарушалъ тишины острова; ни малѣйшій свѣтъ не являлся въ окнахъ зданія; но возвращался владѣлецъ—и чудовище оживало. Владѣлецъ былъ знаменитый бергратъ шведскаго короля Карла XII. Чудовище было—лабораторія алхимика, Юганна Кункеля фонъ-Левенштерна. Послѣдній, по порученію короля, прискиналъ средство *дѣлать* золото.... Шведскій герой крѣпко нуждался въ наличностяхъ.

Индѣйскій павильонъ, находящійся на Павлиньемъ острову,

весь изъ мрамора, но мрамора, обращеннаго въ кружево.... стѣны, крыша, все въ этомъ павильонѣ украшено сквозными орнаментами.

Рассказываютъ, что какой-то Англичанинъ купилъ или похитилъ этотъ павильонъ у какого-то индѣйскаго владѣтеля и привезъ его въ Англїю. Англіійскіе таможенныя остановили павильонъ, какъ товаръ, принадлежащій къ разряду произведеній художествъ и, слѣдовательно, запрещенный. Англичанинъ утверждалъ, что мраморъ, проткнутый дырочками, не есть произведеніе художествъ, а, просто, индѣйская прихоть. Таможня не пропустила индѣйской прихоти, и взбѣшенный Англичанинъ отвезъ ее въ Гамбургъ. Прусакъ, случайно находившійся въ этомъ городѣ и знавшій страсть короля къ подобнымъ рѣдкостямъ, купилъ павильонъ, и отправилъ его въ Берлинъ.... И съ тѣхъ поръ онъ красуется между величественными пальмами, украшенный гирляндами зелени и таинственно журчащимъ ручейкомъ....

Съ Павильяго острова лоплакей повелъ меня къ обширному гроту, служившему бальной залой въ 1829, во время празднества, даннаго Государынѣ-Императрицѣ.

Оттуда мы отправились къ Новому Дворцу, Neue-Palais,—едва ли не великолѣпнѣйшему изъ всѣхъ прусскихъ дворцовъ. Послѣ Губертсбургскаго мира, послѣ семилѣтней войны, все Европа кричала, что Фридрихъ Великій раззорилъ Пруссію и что финансы его въ самомъ жалкомъ положеніи.

— Я же докажу имъ противное! сказалъ король, и приступилъ къ постройкѣ этого дворца.

Въ шесть лѣтъ кончилось огромное великолѣпное зданіе, стоившее около трехъ милліоновъ рейхсталеровъ.... Король самъ давалъ наставленія своему архитектору, обдумывалъ чертежи, слѣдилъ за работами, привелъ въ дѣйствіе всѣ прусскія фабрики и мануфактуры, основалъ новыя, и первыми словами его, при вступленіи во владѣніе новымъ дворцомъ, были:

— Чтò, господа, разорешь ли я?

И когда Фридрихъ Великій скончался, тогда оказалось, что въ царствованіе свое онъ почти въпятеро увеличилъ государственнѣй доходъ!

Въ новомъ дворцѣ болѣе *двухъ-сотъ* покоевъ; въ центрѣ его находятся двѣ огромныя залы, одна надъ другою; каждая изъ нихъ имѣетъ болѣе 14 сажень длины: вышина нижней почти 5, а верхней 7 сажень; и вся тяжесть верхней залы лежитъ на однихъ стѣнахъ нижней, въ которой нѣтъ ни одного столба, ни одной колонны. Это *геркулесовская штука* въ архитектурѣ. Нижняя зала замѣчательна еще тѣмъ, что стѣны ея выложены ста-

атръ, въ которомъ сохранилось еще до сихъ поръ особенное расположеніе, устроенное для представленія *Антионы* Софокла. Украшенія просцениума были сняты; посреди сцены возвышался жертвеникъ, къ которому вели ступени; мѣста для зрителей были устроены амфитеатромъ, подходившимъ подъ самый потолокъ.

Наконецъ мы добрались до самаго интереснаго — до покоевъ Фридриха Великаго, и въ трехъ изъ нихъ я останавливалась съ особеннымъ удовольствіемъ. Въ кабинетѣ, небольшой угловой комнатѣ, меблированной письменнымъ столомъ, обложеннымъ черепахою, прожженнымъ и забрызганнымъ чернилами, ручною бібліотекою, диваномъ и немногими стульями. Въ концертной замѣчательны пюнитрѣ, выложенной черепахою и перламутромъ; шкафъ, въ которомъ хранятся музыкальныя піесы, сочиненныя Фридрихомъ Великимъ; тутъ же находятся двѣ любимыя чашки Фридриха, изъ саксонскаго фарфора. Въ бібліотекѣ пріятно было бы провести нѣскольکو часовъ на досугѣ, чтобы разсмотрѣть рукописи Фридриха Великаго съ любопытными замѣтками Вольтера. Выписываю нѣкоторыя изъ послѣднихъ на удачу:

Стихи Фридриха Великаго:

«En un seul tour de volte,»

Замѣтка Вольтера:

On ne dit point de volte.

Далѣе:

«Invectivant Eole et le destin.»

— *On ne dit point invectivant, mais invectiver; ces deux vers ne sont bons qu'à retrancher. Cette pièce corrigée sera extrêmement jolie.*

Въ *Аннологіи Государей* Фридрихъ говоритъ:

«On veut qu'il sache tout, la guerre, la finance,

«L'art de négocier et la jurisprudence,

«Qu'il soit universel dans ce vaste métier,

«Dont chaque point demande un homme tout entier.»

Grâce à vous, замѣчаетъ Вольтеръ, on exigera bientôt tout cela des autres rois.

Я успѣлъ списать цѣлую *Оду* и передаю вамъ ее, какъ стихотвореніе замѣчательное *не только* потому, что оно написано Фридрихомъ Великимъ.

A Voltaire.

Qu'il prenne son parti sur les approches de la vieillesse et de la mort.

Soutien du goût, des arts, de l'éloquence,

Fils d'Appolon, Homère de la France,
Ne te plains point que l'âge à pas hâtifs,
Vers toi s'achemine,
Et sans cesse mine
Tes jours fugitifs.

La Providence égale toutes choses,
Le doux Printems se couronne de roses,
L'Été de fruits, l'Automne de moissons,
L'Hiver, l'indolence
A la jouissance
Des autres saisons.

Voltaire, ainsi l'homme trouve en tout âge
Des dons nouveaux, dont il tire avantage;
S'il a passé la fleur de ses beaux jours,
La raison disert
Remplace la perte
Du jeu, des amours.

Quand il vieillit, la superbe sagesse,
Avec dédain condamne la jeunesse,
Qui par instinct suit une aimable erreur;
L'ambition vaine
L'excite et l'entraîne
Aux champs de l'honneur.

Lorsque le temps, qui jamais ne s'arrête,
De cheveux blancs a décoré sa tête,
Par sa vieillesse il se fait respecter;
L'intérêt l'amuse
D'un bien qui l'abuse,
Et qu'il faut quitter.

Toi, dont les arts filent la destinée,
Dont la raison et la mémoire ornée
Font admirer tant de divers talens;
Se peut-il Voltaire,
Qu'avec l'art de plaire,
Tu craignes le tems?

Sur tes vertus ce tems n'a point de prise
Un bel esprit nous charme à barbe grise,
Lorsque ton corps chemine à son déclin;
Le Dieu du Permesse
Te remplit sans cesse
De son feu divin.

Je vois briller la beauté rajeunie,
Des premiers ans de ce vaste génie;
Et c'est ainsi que l'astre des saisons,

Des bras d'Amphitrite
Laisse aux lieux qu'il quitte
Ses plus doux rayons.

Hélas! tandis que le faible vulgaire,
Qui, sans penser, languit dans la misère,
Traîne ses jours et son nom avili;
Sortant de ce songe,
Pour jamais se plonge
Dans un sombre oubli.

Tu vois déjà ta mémoire estimée,
Et dans son vol la prompte Renommée
Ne pnblier que ta Prose et tes Vers;
Tu reçois l'hommage,
(Qu'importe à quel âge?)
De tout l'Univers.

Ces vils Rivaux dont la cruelle envie
Avait versé ses poisons sur ta vie,
Que tes vertus out si fort éclipsés;
Vrais pour ta mémoire,
A chanter ta gloire,
Se verront forcés.

Quel avenir l'attend, divin Voltaire,
Lorsque ton âme aura quitté la terre!
A tes genoux vois la postérité;
Le tems qui s'élance,
Te promet d'avance
L'immortalité.

Вотъ что пишетъ Вольтеръ въ отвѣтъ на это лестное посланіе:

Mon Dieu, que d'esprit, que de grâce, d'imagination! Qu'il est doux de vivre aux pieds d'un tel homme! Personne n'écrit mieux, mais aussi personne n'a plus d'esprit que le philosophe de Sans-Souci. Quel homme!

Фридриха Великаго упрекали въ пристрастіи къ французскому языку и въ равнодушіи къ нѣмецкимъ писателямъ. Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *De la littérature allemande*, онъ объясняетъ причины своего отвращенія къ нарѣчію, казавшемуся ему *полушварцскимъ*, какъ онъ самъ говоритъ; ему нуженъ былъ языкъ болѣе правильный, болѣе совершенный, для изложенія обильныхъ, ясныхъ мыслей, накопившихся въ умѣ его; жалуюсь на несовершенство своего языка, онъ предлагаетъ нѣкоторыя измѣненія, исправленія; но, къ сожалѣнію, самъ нимало не содѣйствовалъ развитію нѣмецкой словесности, хотя и предсказывалъ ей блистательную эпоху.

Предсказаніе короля-писателя сбылось: вскорѣ послѣ смерти его явились два генія, колосса: *Шиллеръ* и *Гете*.

Любопытно сравнить слова, которыми Фридрихъ Великій оканчиваетъ свою статью о *нѣмецкой литературѣ*, и стихотвореніе Шиллера: *Нѣмецкая муза*.

«У насъ, — говоритъ Фридрихъ, — будутъ свои классическіе авторы, каждый будетъ изучать, читать ихъ; сосѣди наши будутъ учиться говорить по-нѣмецки; при дворахъ будутъ съ наслажденіемъ употреблять нашъ языкъ, и можетъ случиться, благодаря хорошимъ писателямъ, что этотъ языкъ распространится отъ одного конца Европы до другаго. Эта блистательная эпоха нашей литературы еще не наступила, но она приближается, — я предсказываю ее, но не доживу до нея; лѣта мои лишаютъ меня этой надежды. Но что касается до блистательной эпохи литературы, которой мы ожидаемъ, то она лучше голыхъ, дикихъ скалъ безплодной Идумен... Медичи, Августы разовьютъ эту эпоху; *Августы создадутъ Виргиліевъ*»

Въ Веймарѣ нашли великіе поэты покровительство, и въ Веймарѣ быстро, внезапно развилась та блистательная эпоха нѣмецкой словесности, которая казалась Фридриху Великому весьма отдаленною. Въ одно время на попрощѣ явились нѣсколько гениальныхъ писателей и послѣ нихъ германская литература опять впала въ апатическое состояніе.... Безчисленное множество сочиненій выходитъ въ свѣтъ ежегодно, но между ними нѣтъ почти ни одного, которое свидѣтельствовало бы о томъ, что германская литература еще дышетъ.....

Изъ Новаго-Дворца мы поспѣшно отправились къ любимому дворцу Фридриха Великаго — *Санъ-Суси*, названному Вольтеромъ *«рассѣя философа»*.

Загородный дворецъ *Санъ-Суси* * выстроенъ Фридрихомъ Великимъ послѣ первой силезской войны, въ 1744 году. Онъ окруженъ садами, въ которыхъ, сквозь новѣйшее расположеніе въ англійскомъ вкусѣ, видны еще прямыя, угловатыя линіи, подстриженные деревья и узорчатые куртики прежняго французскаго сада.

Санъ-Суси лежитъ на возвышенной террасѣ, откуда представляется прелестный видъ на окрестности, на Гафель и городъ. По обѣимъ сторонамъ террасы находятся полукруглыя площадки, уставленные бюстами Калигулы, Тиверія, Клавдія, Нерона, Цесаря-Августа и Юлія-Цесаря; съ лѣвой стороны: Доміціана, Веспасіана, Тита-Веспасіана, Вителлія, Оттона и Гальбы.

Въ нижнемъ этажѣ дворца все находится въ такомъ же состо-

Sans-Souci, — безъ заботъ.

явіи, въ какомъ было при Фридрихѣ Великомъ. Убранство покоевъ почти такое же, какое въ Новомъ-Дворцѣ. Такіе же попирты, обложенные черепахой и перламутромъ находятся въ концертной залѣ, гдѣ король-артистъ одинъ занимался музыкой. Онъ говаривалъ, что государи могутъ заниматься изящными искусствами, но не должны допускать, чтобы кто-либо судилъ ихъ таланты. Музыка служила Фридриху препровожденіемъ времени и вдохновеніемъ: онъ нѣсколько разъ говаривалъ, что обязанъ лучшимъ идеями, удачнѣйшими военными распоряженіями звукамъ своей флейты.

Спальня Фридриха Великаго обширна; альковъ отдѣленъ красивыми мраморными колоннами. Одна картина украшаетъ спальню великаго короля: портретъ Густава-Адольфа.

Фридрихъ Великій скончался въ этой спальнѣ, близъ камина, 17 августа 1786 года. Кресло, на которомъ опочилъ Великій, находится въ берлинской кунсткамерѣ; въ спальнѣ остались только маленькіе столовые часы, которые король самъ заводилъ каждый день и которые остановились въ минуту его кончины: въ двадцать минутъ третьяго часа.... Потомство не тронуло стрѣлки, остановившейся неподвижно въ ту минуту, когда глаза короля сомкнулись навѣки.

Кабинетъ Фридриха II, красивая круглая комната, съ двумя стеклянными дверьми; одна изъ нихъ выходитъ на знаменитую террасу, гдѣ король бесѣдовалъ со своими министрами, полководцами, Вольтеромъ и другими приближенными особами; другая ведетъ въ длинную, крытую аллею, въ которой никто не смѣлъ прерывать размышленій короля-философа. Вся меблировка кабинета состоитъ изъ двухъ простыхъ табуретовъ, небольшого зеленого дивана въ нишѣ и письменнаго стола, на которомъ сохранилась скромная чернильница и колокольчикъ. На попиртѣ, возлѣ стола, лежитъ книга, величиною *въ листъ*, in-folio: это *L'art de la guerre*, Понсегюра; по истертымъ угламъ страницъ видно, что король часто перевертывалъ ихъ. Въ маленькой библіотекѣ ни одной нѣмецкой книги. Въ великолѣпной мраморной залѣ, въ нишахъ, стоятъ двѣ прекрасныя мраморныя статуи: *Венеры-Уралий*, окруженной эмблемами, и *Аполлона*, съ открытой книгой въ рукѣ; на открытой страницѣ высѣчены слѣдующіе два стиха, обращенные къ Венерѣ:

Te socium studio scribundis versibus
esse —

Quos ego de rerum natura pangere
conor.

Хотя Фридрихъ Великій самъ, какъ извѣстно, былъ врагъ прекраснаго пола, не смотря на то, онъ не могъ удержаться отъ шутки надъ другимъ ненавистникомъ женщинъ,—у ногъ Венеры стоить колоссальный бюстъ шведскаго героя, Карла XII....

Во флигелъ, примыкающемъ къ главному зданію, находится комната, въ которой жилъ Вольтеръ; въ этой комнатѣ, служащей нынче уборной королевъ, сохранился только письменный столъ знаменитаго писателя-философа. Все прочее убранство и меблировка новы.

Въ окрестностяхъ Потсдама еще много другихъ дворцовъ,—но довольно; я не стану описывать ихъ, по двумъ причинамъ, изъ которыхъ достаточно и одной, а именно той, что я не осматривалъ ихъ. Обратимся къ другимъ предметамъ, обратимся къ знаменитой мельницѣ возлѣ Санъ-Суи.

Въ одно прекрасное утро, страшная, стукотня разбудила Фридриха Великаго, только что вступающаго во владѣніе своимъ загороднымъ домомъ, въ которомъ онъ надѣялся жить *безъ заботъ*. Король перевернулся на другой бокъ и закрылъ глаза; но этого было недостаточно—надобно было заткнуть и уши. Фридрихъ II употребилъ и это средство, но тщетно—неспокая стукотня не давала ему спать.

Онъ позвонилъ.

— Что это за трескотня? спросилъ онъ вошедшаго камердинера.

— Это стучать крылья въ сосѣдней мельницѣ, отвѣчалъ послѣдній.

— Проклятая мельница! проворчалъ король: можно молоть зерна, не меля вздора; добро нужно дѣлать въ тишинѣ, а не во всеуслышаніе.

И послѣ этихъ афоризмовъ, Фридрихъ II сталъ одѣваться.

Шумливая мельница не выходила у него изъ ума. Въ полдень, онъ вышелъ прогуляться съ нѣкоторыми придворными, и нарочно направилъ шаги въ ту сторону сада, откуда можно было почти рукою достать до мельницы.

— Какъ жалко, сказалъ Фридрихъ, какъ будто бы теперь только зашѣтнѣвъ мельницу: какъ жалко, что здѣсь стоить эта мельница, она скрываетъ отъ насъ часть прелестнаго вида на окрестности.

— Справедливо, сказалъ одинъ изъ придворныхъ: но горю помочь легко.

— Какимъ образомъ? спросилъ король.

— Прикажете сломать мельницу; хозяинъ охотно продастъ ее вашему величеству.

Фридрихъ подумалъ съ минуту, и велѣлъ позвать мельника.

Явился толстый, неуклюжій мужикъ, напудренный мукою съ головы до ногъ. Почтительно саявъ бѣлый колапакъ, остановился онъ передъ королемъ.

— Послушай, другъ мой, сказалъ послѣдній: я хочу предложить тебѣ сдѣлку.

— Извольте предлагать, ваше величество, отвѣчалъ мельникъ.

— Только не пользуйся случаемъ, не дорожься.

Мельникъ вытаращилъ глаза.

— Чтѣ ты возьмешь за свою мельницу? продолжалъ король.

— За какую мельницу?

— За эту, и Фридрихъ указалъ на крылья, неутомимо продолжавшія вертѣться и стучать.

— За эту? повторилъ мельникъ. Ничего не возьму, ваше величество.

— Я подарокъ не принимаю, сухо возразилъ Фридрихъ.

— Да я и не думаю дѣлать вамъ подарка, ваше величество; я, просто, говорю, что ни за что не продамъ этой мельницы.

Король насунилъ брови.

— Отчего не продашь?

— Отъ того, что ее выстроилъ мой дѣдъ, что въ ней нажилъ себѣ маленькое состояніе мой отецъ, и что я, съ Божією помощью, зарабатываю себѣ въ ней кусокъ хлѣба.

— А если я заплачу тебѣ двойную цѣну? спросилъ король, раздосадованный упорствомъ своего безпокойнаго сосѣда.

— Не продамъ, ваше величество.

— Ты глупъ!

Мельникъ почтительно поклонился, а Фридрихъ отвернулся и ушелъ.

Мельница продолжала будить короля на зарѣ. Фридрихъ еще разъ послалъ уговорить мельника, но онъ былъ непоколебимъ. Король, выведенный изъ терпѣнія, затѣялъ процессъ со своимъ сосѣдомъ. Процессъ тянулся недолго. Судьи рѣшили дѣло въ пользу мельника и приговорили короля къ уплатѣ процентовъ и убытковъ. Фридрихъ нашель, что судьи поступили прекрасно; но это не убавило стукотни. Не было никакой возможности выжить мельника. Вдругъ королю пришла мысль. Онъ приказалъ поднять каменную ограду своего сада и защитить мельницу отъ вѣтра.

Въ одно утро, при чудесномъ вѣтрѣ, мельникъ со страхомъ увидаль, что крылья были неподвижны. Ни малѣйшій шумъ не нарушилъ въ это утро сна Фридриха. Но прошло нѣсколько дней и опять раздалась стукотня. Мельникъ сдѣлалъ наспѣхъ и поднялъ мельницу. Фридрихъ велѣлъ еще повисить стѣну.

Мельникъ повысилъ насыпь. Фридрихъ приказалъ посадить высокія деревья. Мельникъ поставилъ свою мельницу на высокій каменный фундаментъ, на которомъ она торчитъ повышѣ.

Король вышелъ изъ терпѣнія и, махнувъ рукою, оставилъ мельника въ покоѣ. Но между тѣмъ дѣла бѣдняка разстроились: частыя остановки въ работѣ и издержки повышенія мельницы, раззорили его.

Онъ явился къ королю.

— Ваше величество, сказалъ онъ со слезами на глазахъ: я раззорился... Возьмите мою мельницу!

— Теперь мнѣ ее не нужно, сухо отвѣчалъ король.

У бѣдняка подкосились ноги.

— Я хочу, чтобы она сохранилась какъ историческій памятникъ справедливости моихъ судей, продолжалъ Фридрихъ болѣе милостивымъ тономъ: ступай съ Богомъ, я прикажу выдать тебѣ сумму, для поправленія твоихъ дѣлъ...

Фридрихъ Великій сдержалъ слово.

Солнце клонилось къ западу, а мнѣ оставалось еще осмотрѣть мѣсто, имѣющее особенный интересъ для русскаго путешественника. Скоро миновавъ нѣсколько казармъ, мы въѣхали въ охотничье предмѣстіе *Idger-vorstadt*, лежащее за каменною стѣною, окружающею Потсдама. Черезъ это предмѣстіе идетъ длинная аллея, по сторонамъ которой въ симметрическомъ порядкѣ расположены красивые бревенчатые домики. Ихъ число двѣнадцать. Они составляютъ русскую деревню *Александровку*.

Покойный прусскій Король, Фридрихъ-Вильгельмъ III, былъ восхищенъ, услышавъ въ первый разъ пѣніе русскихъ солдатъ, въ бытность свою въ Петербургѣ. Императоръ Александръ I выбралъ двѣнадцать человѣкъ отличнѣйшихъ *запѣвалъ* и отправилъ ихъ прусскому королю. Фридрихъ Вильгельмъ III, образовалъ изъ нихъ хоръ русскихъ пѣвчихъ при первомъ гвардейскомъ пѣхотномъ полку и, приказавъ выстроить въ окрестностяхъ Потсдама двѣнадцать русскихъ избъ, помѣстилъ въ нихъ переселенцевъ. Лицевые фронтоны этихъ избъ, украшены пестрою, затѣйливою рѣзбою; ставни расписаны разными красками; бревенчатыя стѣны не обшиты досками; крылечки на точеныхъ столбикахъ, лепятся къ бокамъ; все *русское* сохранено съ такою точностью что, право, здѣсь можно на минуту забыться и мысленно перенестись въ одно изъ богатыхъ подгородныхъ селеній Святой Руси.

Между избами и за ними лежатъ довольно обширные огороды и сады, въ которыхъ преимущественно хозяева разводятъ

вишневые деревья. Лѣтомъ сюда переѣзжаютъ *на дачу* берлинскіе жители, и каждый уголокъ отдается въ наймы. Сюда же изъ Потсдама и окрестностей сходятся на гулянье, потому-что мѣстоположеніе очаровательное. Въ концѣ деревни, на горкѣ, называемой Каппельсбергъ, высится небольшая церковь, выстроенная въ тяжеломъ византійскомъ вкусѣ, и выкрашенная розовой краской съ зелеными куполами. Туда направилъ я шагъ, вышедъ изъ пашаго экипажа. Пока лоплакей пошелъ отыскивать церковнаго старосту, живущаго въ избѣ, лежащей за церковью, я остановился на возвышеніи. Видъ оттуда прелестный: съ одной стороны представляется взору небольшое «Святое озеро»; за нимъ множество мельницъ и мало застроенное Берлинское-предмѣстіе, простирающееся вплоть до Гафеля, на противоположномъ берегу котораго высится Бабертсбергъ и на немъ дворецъ прусскаго принца. Съ другой стороны виднѣя чистенькій Потсдамъ; съ третьей и четвертой живописные сады и великолѣпные дворцы.

Не смотря на зимнее время, я не могъ налюбоваться этими видами. Свѣтъ лежалъ только въ углубленіяхъ и такихъ мѣстахъ, куда не достигали солнечные лучи. Мѣстами, равнины покрылись блѣднозеленымъ отливомъ, точно будто на нихъ пробивалась уже свѣжая, весенняя травка. Побрякиванье ключами заставило меня оглянуться. Лоплакей возвращался со старостой. Последній былъ мужчина лѣтъ под шестьдесятъ, но еще здоровый и видный собою. Я хотѣлъ-было заговорить съ нимъ по-русски, но пріѣтствомъ Императрицей, которымъ онъ встрѣтилъ меня, показало мнѣ, что предо мною не добрый Русакъ, а почтенный Нѣмецъ.

— Gott grüß! сказалъ онъ.

Я отвѣчалъ ему тѣмъ же, и мы вошли въ чистенькую, преледную церковь. Входя въ нее, я невольно пожалѣлъ о томъ, что надзоръ за русскимъ храмомъ порученъ не Русскому. Лоплакей сталъ разказывать мнѣ, что почти всѣ богатыя украшенія церкви пожалованы Ея Величествомъ Императрицей, и пока я разсматривалъ иконостасъ, сторожъ спросилъ лоплакея, говорившаго со мною по-французски:

— Spricht denn der Herr nicht deutsch?... т. е. *Не что этотъ господинъ по-нѣмецки не знаетъ?*

— Не только что по-нѣмецки, да и по-русски, отвѣчалъ лоплакей, улыбаясь.

— Ist es möglich!... т. е. *Возможно ли!* вскричалъ сторожъ.

— А развѣ вы знаете по-русски? спросилъ я его, обрадовавшись.

— Какъ не знать! Я Русскій, отвѣчалъ староста, обрадовавшись не менѣе меня.

— А я принялъ васъ за Нѣмца!

— Я повѣрю, отвѣчалъ онъ, улыбаясь; въ двадцать-пять лѣтъ есть много времени обидѣниться; и платье я теперь такое имлю, какое у насъ нѣмецкимъ прозываютъ.

— И неужели вы съ самаго вашего прибытія сюда не были въ Россіи?

— Я имѣлъ великое счастье быть однажды въ Кіевѣ, на помяненіи Святымъ мощамъ.... послѣ смерти моей первой жены.

— И вы, вѣроятно, привезли себѣ оттуда другую хозяйку?

— Никакъ нѣтъ; русскія жены тяжелее привыкаютъ къ здѣшней жизни, нежели мы, мужчины. Моя покойница всю жизнь тосковала и имѣла большое желаніе возвратиться на родину. По сей причинѣ, я бракосочетался съ Нѣмкой, ибо, какъ вы сами знаете изволите, безъ хозяйки плохое житье....

Съ этими словами онъ вздохнулъ, и, какъ бы желая прекратить этотъ разговоръ, указалъ мнѣ на образъ Спасителя и продолжалъ:

— Сей образъ, изображающій Спаса нашего, Иисуса Христа, полученъ сюда изъ Петербурга щедротами Всемилостивѣйшей Государыни...., а сей образъ Святаго Александра - Невского есть подарокъ графини Орловой....

Осмотрѣвъ церковь и простившись съ почтеннымъ старостой, я пошелъ внизъ, къ деревнѣ. Мнѣ хотѣлось войти въ одну изъ избъ и посмотреть домашнее житье-бытье одного изъ переселенцевъ-солдатъ-поселенъ.

Но — увя! въ избахъ, мимо которыхъ я проходилъ, были крѣпко заколочены ставни; дворы заросли травой; черные билеты, прибитые между верхнимъ и нижнимъ этажемъ къ бревенчатой стѣнѣ, свидѣтельствовали о томъ, что хозяева выбыли....

Они еще разъ переселились, но уже туда, откуда нельзя возвратиться.

Наконецъ я остановился у избы, въ которой замѣтно было нѣкоторое движеніе. По чистому крылечку, усыпанному пескомъ, вошелъ я въ сѣни. Тамъ меня встрѣтила красивая, краснощекая хозяйка съ засученными рукавами. Она была въ своихъ хозяйственныхъ функціяхъ: стирала, мыла, скоблила полы къ предстоящимъ праздникамъ.

Я увидалъ, что мы пришли не во-время и, обратившись къ лапакѣю, сказалъ по-французски:

— Мы обезпокоимъ хозяйку, найдѣйте дайте.

— Entrez toujours, messieurs, entrez! весело вскричала хозяйка, отворяя двери въ комнату, въ которой все уже было убрано и гдѣ на сыромъ еще полу разстилались парусинныя дорожки.

Я остолбенѣлъ. Еслибъ хозяйка русской избы заговорила по-нѣмецки, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго; но по-французски!....

Мы вошли къ комнату, убранную просто, но чисто. На стѣнѣ висѣла гравюра, изображающая Императора Александра на конѣ. По другую сторону висѣлъ портретъ русскаго солдата, въ натуральную величину, поясъ, нарисованный итальянскимъ карандашомъ. У окна стоялъ молодой человекъ въ халатѣ, вязанной ермолкѣ и съ длинной трубкой въ рукахъ. Хозяйка на минуту исчезла и вернулась съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ рюмки юм-меля. Не желая отказаться отъ угощенія, я попросилъ кусочекъ хлѣба съ солью. Хозяйка вытаращила на меня глаза и, скоро поставивъ подносъ на столъ, велѣснула руками.

— Oh! вскричала она: *monsieur il est russe!*.... Яковъ, приваила она по-нѣмецки, обратившись къ молодому человеку, — принеси скорѣе хлѣба и соли!.... О, продолжала она скороговоркой и по-французски: теперь я вижу, что вы *il est Russe!*.... Мой покойный мужъ всегда вынуждалъ передъ обѣдомъ рюмку водки и закусывалъ хлѣбомъ съ солью! Онъ говорилъ, что это по-русски!.... Славный былъ человекъ!

— Вашъ мужъ былъ русскій?

— J'crois bien! съ гордостью отвѣчала хозяйка: вотъ посмотрите, это портретъ моего покойника; неправда ли, онъ былъ красавецъ?... О, Ивана Яблокова всѣ знали, всѣ любили и всѣ русскіе знатные господа заходили къ нему въ гости!....

— Но гдѣ вы научились по-французски? спросилъ я, воспользовавшись минутой, когда хозяйка заговорившись, поперхнулась.

— J'suis française, moi! отвѣчала она: я была служанкой въ гостиницѣ, когда Русскіе были въ Парижѣ; тамъ я познакомилась съ Яблоковымъ и такъ полюбила его, что не захотѣла разстаться съ нимъ.

— Когда Русскіе были въ Парижѣ? повторилъ я, помилуйте, вы еще такъ молоды....

— Эх! возразила съ пріятной улыбкой разговорчивая хозяйка: мнѣ скоро стукнетъ пятый десятокъ.... Правда, я съ виду еще не такъ стара, но это отъ того, что я вела съ моимъ покойникомъ счастливую жизнь: онъ былъ добръ и кротокъ, какъ ягненокъ и — красавецъ собой!.... Эхъ-хе-хе! Я часто грущу по немъ; но что дѣлать! На то была воля Господня!....

Сиять мой, Яковъ, пошелъ въ отца, да это ужъ не тѣ, онъ не полный Русскій!...

— А вы любите Русскихъ? спросилъ я, улыбаясь.

— Какъ не любить такихъ молодцовъ! съ жаромъ возразила хозяйка: *c' n' est pas pour dire qu'j'dis ça, mais c'est positif ça!*

— А вы знаете по-русски? спросилъ я, обратившись къ молочному человѣку.

Онъ застѣнчиво уемѣхнулся, и опустивъ глаза, промолчалъ.

— Отвѣчай же, вскричала хозяйка, обращаясь къ долговязому парню, точно будто къ ребенку: надо отвѣчать, коли тебя спрашиваютъ!...

— *А када я ни снай*, возразилъ по-русски Яковъ Яблоковъ, сдѣлавъ кислую мину, не поднимая глазъ и продолжая щипать мушкетъ трубки.

И вся поэзія, вся иллюзія русскихъ избъ исчезла для меня!... Одно воспоминаніе объ Иванѣ Яблоковѣ, да о выбывшихъ съ нимъ товарищахъ его, придавало имъ еще нѣкоторую прелесть....

Проѣзжая мимо одной изъ послѣднихъ избъ, я увидалъ за окнами ея бѣлые занавѣски, а за занавѣсками отиселыя щеки, красный носъ и безмысленные, тусклые глаза старика въ желтомъ, шерстяномъ колпакѣ....

— Вотъ хозяйнѣ этой избы! поспѣшно вскричалъ лоплакей: не угодно ли вамъ поговорить съ нимъ?

— Нѣтъ, будетъ съ меня!

— Да это настоящій (ächter) Русскій.

Я вспомнилъ о шерстяномъ колпакѣ и махнулъ рукою.

Этимъ кончилъ я свою прогулку по окрестностямъ Потсдама. Вернувшись въ городъ, въ гостиницу, усталый и голодный, я велѣлъ подать себѣ передъ обѣдомъ *Vinigrlette à-la-russe*, чтобы хоть русскимъ винегретомъ заглядить грустное впечатлѣніе, произведенное на меня русскими избами. Но, увы! знаете ли, изъ чего состоялъ этотъ винегретъ *à-la-russe*? Изъ нарѣзанной селедки, подъ соусомъ изъ горчицы, уксусу, прованскаго масла, съ лукомъ и капорцами....

Противъ меня сидѣлъ какой-то толстый господинъ съ любопытствомъ заглядывавшій во всѣ блюда, которыя мнѣ подавали, и съ большимъ аппетитомъ уплетавшій пирожки съ вареньемъ, запивая ихъ кофеемъ.

Было уже темно, когда поѣздъ отправился изъ Потсдама въ Берлинъ. Со мною въ одинъ вагонъ сѣли: толстякъ, который, забившись въ уголь, захрапѣлъ; господинъ съ рыжими усами, въ военномъ сюртукѣ, круглой шляпѣ и партикуляр-

ной шинели, и еще два берлинца. Толковали о желѣзныхъ дорогахъ, акціяхъ, дивидендахъ....

Сорокъ минутъ спустя, мы прѣехали въ Берлинъ. Лоплакей предложилъ мнѣ побывать еще въ заведеніи Кроля. Несмотря на усталость, я послѣдовалъ за нимъ.

Въ концѣ бульвара Подъ-Липами высяется знаменитыя Бранденбургскія ворота. Они напоминаютъ нѣсколько наши московскія триумфальныя ворота, но построены гораздо прежде послѣднихъ, а именно отъ 1789 до 1793 года, по приказанію короля Фридриха-Вильгельма II, въ память побѣдъ Фридриха Велликаго. Образцомъ ихъ служили аонскіе пропилеи.

Бранденбургскія ворота построены по проекту архитектора Лангханса и стоили болѣе полумилліона талеровъ. Изъ трехъ проѣздовъ средній назначенъ для придворныхъ экипажей, правый, со стороны города для въѣзжающихъ въ городъ, лѣвый же для въѣзжающихъ экипажей и всадниковъ; боковые назначены для пѣшеходовъ. Колоссальная квадрига, или торжественная колесница, управляемая богиней Побѣды, и высаящаяся на воротахъ, вытѣлена изъ глины скульпторомъ Шадовымъ, и потомъ вылита изъ мѣди. Въ 1806 году Наполеонъ приказалъ перевезти эту квадригу въ Парижъ, намѣреваясь украсить ею какой-нибудь будущій памятникъ, но по странному случаю трофеи эти пробыли нѣсколько времени въ Парижѣ въ безвѣстности и потомъ вернулись въ Берлинъ....

За Бранденбургскими воротами, по обѣ стороны дороги лежатъ гульбище Тиргартенъ, съ красивыми дачами и садами. Въ Тиргартенѣ находится обширное заведеніе *Кроля*, съ ресторанціей, разными театрами, зимнимъ садомъ и тунаелемъ. Туда повезъ меня лоплакей. Вечеръ былъ прекрасный. Морозило. Темно-синее небо было усеяно звѣздами. Нѣсколько экипажей и толпы пѣшеходовъ, весело разговаривавшихъ, подвигались къ заведенію Кроля, между двумя рядами густыхъ и высокихъ липъ. На концѣ дорогѣ находилось ярко-освѣщенное зданіе съ огромными окнами, и оттуда долетали до моего слуха звуки громкой музыки. Лоплакей посматривалъ на меня съ самодовольнымъ любопытствомъ, желая узнать по выраженію моего лица, какое впечатлѣніе производитъ на меня это великолѣпное зрѣлище, подобнаго которому я, по его мнѣнію не видывалъ въ жизнь свою.

Мы подѣхали къ крыльцу. По широкой лѣстницѣ вошли мы въ прихожую, а оттуда въ обширную залу. Тамъ представилось мнѣ зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно оригинальное. Длинная, глубокая зала, раздѣленная на нѣсколько частей

сводами, была наполнена народомъ, который особенно толпился въ глубинѣ залы. И сколько чудесъ, сколько всякой всячины! Скрытый оркестръ гремѣлъ. Во всѣхъ углахъ раздавался громкій смѣхъ и говоръ. На каждомъ шагу мѣнялись картины. Слуги бѣгали съ подносами, разнося вина или неизбежное пиво съ буттербротами. Не смотря на оживленность этой картины, нигдѣ не было суматохи, шума или безпорядка.... Надобно отдать справедливость Нѣмцамъ: они умѣютъ порядочно веселиться.

Но позвольте мнѣ приступить къ описанію зрѣлища, которымъ я наслаждался за пять зимберрошеновъ!.... Неповѣрно дешево, особенно когда вспомнишь, что у насъ за входъ въ какую-нибудь ничтожную космораму должно платить четвертакъ или болѣе. Вдоль стѣны перваго отдѣленія залы были разставлены большія картины, — каррикатуры, въ смыслѣ исполненія и идеи. Карриатура не дала Нѣмцамъ, хотя они очень любятъ ее. Но ради наслажденія, осязаемаго почтенными бюргерами и выражаемаго громкимъ, полнымъ, сердечнымъ смѣхомъ, можно простить артисту неудовлетворительность исполненія.

Чтобы подать вамъ болѣе ясную идею объ этихъ картинахъ, я опишу нѣкоторыя изъ нихъ. Извѣстно, что въ послѣдніе годы цѣлыя семейства Нѣмцевъ, не находя достаточнаго пропитанія на родинѣ, или воспламеняемы республиканскими идеями, переселялись въ Америку. Тщетно возстаетъ противъ этихъ переселеній правительство, тщетно пасторы съ каедръ поражаютъ переселенцевъ каждый годъ нѣсколько сотъ душъ навѣки разлучаются съ родимой Германіей....

Карикатуристъ Кроля изобразилъ дюжого нѣмецкаго мужика съ сумкой на спинѣ, на берегу моря—въ Европѣ; на другомъ берегу — въ Америкѣ, безъ всякаго уваженія къ правиламъ перспективы, представленъ другой, тощій мужичекъ-переселенецъ, призывающій земляка къ себѣ. Машинистъ придалъ дюжему мужику движеніе головою, которымъ онъ какъ-бы прощается съ родиною, а тощему движеніе рукою, которою онъ какъ-бы зоветъ земляка къ себѣ. Нѣмецъ-поэтъ довершилъ тонкость этой сатиры слѣдующими стихами:

Неужли я долженъ долѣе томиться,
И въ потѣ лица свой хлѣбъ добывать?
Неужли суждено мнѣ вѣчно трудиться,
И вѣчно неблагодарную землю копать?
Итъ, итъ! спящая волна и меня унесетъ,

Туда, куда братья мои ужъ ушли!

Тамъ счастье въ полномъ блескѣ цѣлуетъ.

Тамъ картофель здоровъ, тамъ картофель здоровъ!

Я старался какъ можно приблизительно сохранить какъ размѣръ, такъ и *риѳмовку* стиховъ. Особенно въ послѣднемъ стихѣ замѣчается поэтическая вольность, которую, вѣроятно, поэтъ думалъ искупить остроуміемъ этого стиха.

Далѣе представлена женщина, кушая желѣзо, и мужчина, варищій супъ. Намекъ на зандовскую эманципацію женщинъ, оканчивающійся стихомъ:

Entendez vous, Mesdames?

Далѣе изображенъ консилиумъ ученаго сословія врачей и химиковъ, разсуждающихъ о болѣзни картофеля. Тутъ, въ объясненіи каррикатуры, поэтъ становится глубокимъ сатирикомъ.

«О чемъ вы хлопчете», говоритъ онъ съ глубокою проноію, — «о чемъ вы хлопчете, господа медики и химики? Неужь-то вы не понимаете, что картофель заразился всеобщеевропейскою испорченностью? Въмѣсто того, чтобы передирать изъ пуштаго въ порожнее, и даромъ ломать себѣ головы, пошлите въ Америку за свѣжимъ картофелемъ, а попорченный отправьте въ Америку на исправленіе.»

Вотъ представленъ деревенскій учитель передъ школьными камнями.

Учитель. Въ обществѣ надобно вести себя тихо, скромно. Скромность весьма пріятное качество. Если васъ потчуютъ, то берите немощко, не такъ какъ дома, этого требуетъ вѣжливость. Напримѣръ: Рудольфъ! положимъ, что я приглашенъ къ тебѣ въ гости. Ты угощаешь меня. Я выпиваю стаканъ вина, потомъ другой, третій и, наконецъ нѣсколько бутылокъ. Что тогда?

Школьникъ. Тогда... тогда....

Учитель. Ну, ну, говори смѣлѣе. Тогда?....

Школьникъ. Тогда вы напьетесь пьяны.

Подобныя остроты возбуждаютъ общій, громкій смѣхъ.

Всѣхъ картинъ было четырнадцать. Насладившись ими вдоволь, я вступилъ во второе отдѣленіе залы; тамъ, съ одной стороны находился буфетъ, а съ другой была устроена діорама съ двумя перемѣнами.

Первая представляла внутренность церкви въ Палермо.

Занавѣсъ поднимается. Темно. Раздается тихій колокольный звонъ. Дверь церкви растворяется, въ нее входитъ процессія монаховъ съ факелами и, мало-по-малу церковь освѣщается.

Монахи уходятъ за алтарь и церковь опять постепенно погружается во мракъ. Занавѣсъ опускается.

Весьма эффектная картина, которой глухой колокольный звонъ придаетъ нѣчто таинственное, мрачное; жаль что, вѣроятно, отъ слишкомъ частаго употребленія, машина, движущая монаховъ, нѣсколько попортилась, отчего процессія иногда останавливалась или сопровождалась довольно неприятнымъ скрипомъ.

Вторая перемѣна: Китайскій праздникъ. Опять процессія, сопровождаемая дикою музыкою и звуками бубенчиковъ и колокольчиковъ.

По сторонамъ этой діорамы стояли красивыя ширмы, за которыми, во время антрактовъ, между перемѣнами, являлся полишинель забавлять публику.

Въ третьемъ отдѣленіи залы, на длинныхъ столахъ были выставлены для продажи разныя вещи, приличныя для подарковъ къ наступавшимъ праздникамъ. Вещи эти не отличались дешевизною. Въ этомъ же отдѣленіи, по другую сторону, была художественная выставка: статуэтки, бюсты и картины нѣмецкихъ художниковъ. Большая часть картинъ отличались безвкусіемъ, однакожъ между ними были нѣкоторыя достойныя замѣчанія.

Въ четвертомъ отдѣленіи залы была устроена рулетка. Вокругъ, на полкахъ стояли выигрыши, состоявшіе изъ разныхъ мелкихъ бездѣлушекъ и предметовъ роскоши. Тутъ же были лоттереи, по пяти зильбергрошеновъ за билетъ — Каждый билетъ выигрывалъ фарфоровую, хрустальную, картонную вещь или нѣсколько конфетъ, пряникъ, стаканъ пива или вина. Посреди этого же отдѣленія стояли длинные столы, вокругъ которыхъ Нѣмцы, сидя передъ бутылками вина или кружками пива, удовлетворяли физикку, усладивъ сердце и умъ.

Часть пятаго отдѣленія была отгорожена. За перегородкой стоялъ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а въ стѣнѣ были два большія четырехугольныя отверстія, съ опущенными занавѣсами; въ этихъ отверстіяхъ показывались поочередно ярко освѣщенные картины, въ родѣ забавныхъ и остроумныхъ карикатуръ *Шама* (*Cham*). Онѣ изображали *жизнь, страданія и дьявія апохондрика*. Значеніе картинъ объяснял господинъ въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. Остроты его возбуждали громкій смѣхъ въ слушателяхъ.

Но вотъ послѣдняя картина объяснена, оба занавѣса опустились за послѣдней остроюю.

Вдругъ изъ маленькой канурки, устроенной на концѣ круглаго стола, выскакиваетъ искусно сдѣланная курица, начинаетъ бѣгать вокругъ стола, и на каждомъ полуоборотѣ кладетъ золотое яйцо.

— Кому угодно яичко вѣщей курицы, кому угодно! восклицаетъ господинъ въ черномъ фракѣ. Купите, господа, если хотите знать будущее! Купите яичко курицы-гадательницы! По зильбергрошену за штуку!....

Несмотря на дешевизну, расчетливые Нѣмцы продолжали смѣяться, любясь, какъ падали золотыя яйца, отпуская остроты, вытягивая впередъ шею, но не вынимая кошелекы. Изъ любопытства я взялъ одно яичко, оставивъ на мѣстѣ его зильбергрошень. Оно было изъ бумаги, въ родѣ яичекъ, за которыя мы платимъ въ кондитерскихъ по цѣлковому и болѣе, во время Пасхи. Внутри была бумажная ленточка, точно конфектный билетикъ.

Вотъ что предсказывала мнѣ вѣщая-курица:

«28-го числа этого мѣсяца тебѣ будетъ очень весело. «Черное домино съ желтыми лентами влюбится въ тебя «на маскарадѣ въ заведеніи Кроля. Подъ маской чернаго домино ты увидишь очаровательное личико. Приходи же непременно на маскарадъ.»

Новый и весьма замысловатый способъ зазывать къ себѣ публику; но — увы! вѣщая-курочка ошиблась: 28-го числа я былъ уже во Франкфуртѣ на Майнѣ, а не на маскарадѣ Кроля, и имѣлъ дѣло не съ чернымъ домино съ желтыми лентами, а съ почтальономъ въ синей шинели съ оранжевымъ воротничкомъ....

Я дошелъ до конца залы, но этимъ не ограничились еще чудеса заведенія Кроля. Оставалось еще осмотрѣть туннель.

— Гдѣ же туннель? спросилъ я лоплака, подозвавъ его.

— О! туннель внизу, отвѣчалъ онъ, презрительно улыбувшись.

— Такъ проводите меня туда.

— Куда?

— Въ туннель.

Лоплакей улыбулся и, покачавъ головой, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, туда *порядочные люди* не ходятъ.

— Отчего?

— Оттого, что тамъ собирается всякій сбродъ.

Это еще болѣе подстрекнуло мое любопытство. Я видѣлъ, какъ забавляются *порядочные люди*; отчего же не посмотреть, какъ веселится *великій сбродъ*?

— Все равно, сказалъ я, пойдите туда.

Лонлакей хотѣлъ было возражать, но когда я рѣшительно повторилъ свое требованіе, онъ пожалъ плечами и, показывая мнѣ дорогу, сталъ снимать бѣлыя лайковыя перчатки и застегивать сюртукъ.

Нѣсколько минутъ спустя, мы вышли въ холодныя сѣни, съ одной стороны которыхъ былъ выходъ на улицу, а съ другой большое квадратное отверстіе съ лѣстницей въ подвалъ. Огромный, довольно тусклый фонарь, освѣщавъ эту лѣстницу. У самаго входа, по одну сторону квадратнаго отверстія, былъ прибитъ билетъ, на которомъ было написано крупными буквами:

Берегите карманы!

Молча и съ недовольнымъ видомъ указавъ мнѣ лонлакей на это филантропическое предостереженіе, ожидая, вѣроятно, что оно заставитъ меня вернуться назадъ; но онъ ошибся: это пуще прежняго подстрекнуло мое любопытство. Лонлакей еще разъ пожалъ плечами, ощупалъ карманы, переложилъ что-то изъ задняго въ боковой, и сталъ спускаться. Въ подвалѣ было шумно; посреди громкаго говора и смѣха слышался стукъ тарелокъ и стекляныхъ кружекъ. Отвратительный запахъ нѣмецкаго кнастера неприятнымъ образомъ поражалъ мое обоняніе. Мы подошли къ большой, законченной двери, на которой опять было прибито предостереженіе: *Берегите карманы!!* Но уже съ двумя восклицательными знаками.

Наконецъ мы вошли въ туннель, и я невольно остановился у двери.... Шумъ оглушилъ меня; сырой, удушливый, подвальный воздухъ, сгущенный еще болѣе табачнымъ дымомъ, винными испареніями и запахомъ *сдобнаго*, захватывалъ духъ.... Я осматривался съ изумленіемъ, между тѣмъ какъ лонлакей поспатривалъ на меня искоса, съ иронической усмѣшкой. По сторонамъ двери, у которой я остановился, были опять прибиты прежнія предостереженія—съ *тремя* восклицательными знаками. Но мѣрѣ приближенія къ опасности предостереженія становились убѣдительнѣе.... Весь подвалъ на сводахъ, лежащихъ на массивныхъ столбахъ. Между ними разставлены столы. Съ одной стороны находятся мѣста, отгороженные въ видѣ стоекъ, для людей, любящихъ уединеніе въ толпѣ. Стойла эти напоминаютъ лондонскія таверны. Я не видалъ послѣднихъ, но переводилъ *Лондонскія таверны*.

Въ подвалѣ шумно пировали нѣмецкіе извозчики, рыночные торговцы, разносчики, съ физиономіями, которымъ бороды, вошедшія въ большую моду за границей вообще, придавали мрачный видъ. Дамы сопровождали своихъ кавалеровъ, съ семейнымъ согласіемъ потягивая пиво изъ одной кружки, вышнюю въ три четверти аршина, по крайней мѣрѣ. Кружка переходила изъ рукъ въ руки. Водкой запивали мужнины пиво; пивомъ запивали женщины водку. Въ одномъ углу полишинель забавлялъ юное поколѣніе поѣстителей туннеля. Далѣе было нѣчто въ родѣ театра....

Признаюсь, къ стыду моему, у меня не достало духа—ни физически, ни морально—идти далѣе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые поѣстители туннеля съ изумленіемъ вытаращили на меня глаза, а лонлакей скрестилъ руки на груди, вѣроятно, для того, чтобы защитить то, что онъ переложилъ изъ задняго кармана въ боковой....

Я сдѣлалъ знакъ лонлакею и мы вышли. За нами раздался грубый, рѣзкій хохотъ.... Выйдя на свѣжій воздухъ, я вздохнулъ свободнѣе, а лонлакей опять сталъ ощупывать карманы. Нѣсколько разъ повторенное предостереженіе: *берегите карманы!* свидѣтельствуя о жалкомъ состояніи низшаго класса въ Германіи.

Нельзя не удивляться доступности всѣмъ и каждому публичныхъ увеселеній за границей. У насъ всегда думаютъ разомъ накрыть всѣ издержки и потомъ успокоиться на лаврахъ, наслаждаясь *чистыми барышами*.

Расчетъ ложный: люди, имѣющіе возможность платить дорого, имѣютъ вмѣстѣ съ тѣмъ много средствъ приятно провести время. Средній же классъ, самый многочисленный и, слѣдственно, тотъ, для котораго преимущественно должны быть назначаемы публичныя увеселенія, отказывается отъ нихъ, не будучи въ состояніи истратить на удовольствіе такой суммы, которую онъ можетъ прожить иногда цѣлую недѣлю; или же выжидаетъ того времени, когда понизится цѣна, что обыкновенно и случается, но уже въ такое время, когда увеселеніе потеряло прелесть новизны, когда новая какая-либо выдумка сдѣлалась предметомъ общаго вниманія, общихъ разговоровъ. И послѣ этого, эти же господа кричатъ, что въ Россіи ничего нельзя предпринимать!... Повѣрьте, господа, что единственное государство въ Европѣ, въ которомъ можно предпринимать что-либо *напрямую*:—Россія!

Въ концѣ Тиргартена, ближе къ городу, находится домъ и мастерская знаменитаго прусскаго живописца Корнеліуса.

Рѣшившись проститься съ Берлиномъ на слѣдующій день, я собрался съ силами, и поѣхалъ еще на выставку Гроппиуса, діорама котораго славится во всей Европѣ. Движущіяся картины Гроппиуса можно назвать изящными художественными произведеніями; его панорама Берлина исполнена превосходно. Представлено лѣтнее утро; Берлинъ только что просыпается..... тихій колокольный звонъ и забавное пѣніе пѣтуховъ дополняютъ очарованіе.

Весьма забавенъ у Гроппиуса оркестръ музыкантовъ. Движущіяся куклы, въ натуральную величину, играютъ на разныхъ инструментахъ; скрипачъ илитъ смычкомъ изо всѣхъ силъ; щетки трубоча надуваются; флейтистъ перебираетъ пальцами и вытягиваетъ впередъ верхнюю губу; но забавнѣе и натуральнѣе всего движенія капельмейстера, управляющаго оркестромъ; онъ вертится во всѣ стороны, размахиваетъ смычкомъ, топаетъ ногой и, по временамъ, отрахаетъ назадъ длинные волосы. Звукъ скрипки оркестра довершаютъ обманъ.

Въ другихъ залахъ были опять выставлены на продажу неизбѣжные подарки къ праздникамъ и вѣчное пиво съ монотоннымъ буттербротомъ; по угламъ тѣ же печальные, тоску наводящія предостереженія: *берегите карманы!*....

Но вотъ ударило десять часовъ. Всѣ выставки закрываются, всѣ благоразумные граждане возвращаются къ пенатамъ. Ночные сторожа желаютъ спокойной ночи жителямъ.

Ради любопытства, я представлю вамъ счетъ того, что я держалъ въ этотъ вечеръ:

Извозчику, въ маленькой каретѣ	5	зильбергрошеней.
За входъ къ Кролю	5	— — —
За золотое лячко	1	— — —
Извозчику, отъ Кроля къ Гроппиусу	5	— — —
За входъ къ Гроппиусу	5	— — —

21 зильбергрошенъ.

Слѣдовательно, за всѣ удовольствія этого вечера я заплатилъ 21 зильбергрошенъ или 63 копейки серебра?.... Забудьте, что извозчикъ и лячко прихоти, которыя благоразумный Нѣмецъ не возволитъ себѣ. Прибавьте же къ 10 зильб. еще 10, на пиво и буттерброты, и раздѣлите эти удовольствія на два вечера, то выйдетъ, что за 30 коп. сер берлинскій житель можетъ очень пріятно провести вечеръ—*съ угощеніемъ!*

Очень натурально, что не имѣя такихъ дешевыхъ препровожденій времени, мы, петербургскіе жители, прѣбѣгаемъ къ преферансу, который—увѣ! обходится часто гораздо дороже, нежели входъ въ панораму Палермо!

Вор отившись въ гостиницу и снимая пальто, я сталъ искать своей носовой платокъ—онъ исчезъ.

Впередъ буду слушаться филантропическихъ предостереженій.

II. ФУРМАННЪ.

ИСТОРИЧЕСКО-ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ЧРЕВОВЪЩАТЕЛЬСТВѢ. (Иосифа Бельзы.) Чревовѣщательство, по опредѣленію доктора Коломба, есть искусство издавать голоса въ различныхъ разстояніяхъ; съ его помощію можно производить удивительныя акустическія обманы. Это искусство извѣстно было въ отдаленной древности: Гипократъ упоминаетъ уже о немъ. Аристофанъ пишетъ о какомъ-то Евриклѣ, который за такое искусство почитался въ Афинахъ волшебникомъ. Кажется, что между древними народами чревовѣщательство составляло тайное знаніе мажиковъ и Пноидъ; Цицеронъ упоминаетъ о нѣкоторой женщинѣ, одержимой нечистымъ духомъ, который на предлагаемые вопросы отвѣчалъ изъ живота. Этотъ знаменитый ораторъ, вмѣстѣ съ многими другими писателями, свидѣтельствуешь, что когда дельфійская Пноія садилась на треножникъ, тогда на нее исходилъ духъ прорицательства, и принуждалъ ее точно какъ будто бы въ порывѣ бѣшенства произносить отвѣтъ. Тертуліанъ утверждаетъ, что другія прорицательницы съ завязанными устами предсказывали будущее высшими частями тѣла. Целіи Родагилъ утверждаетъ, что видѣлъ женщину, которая въ самомъ дѣлѣ говорила животомъ. Впрочемъ, одинъ изъ ученѣйшихъ критиковъ среднихъ вѣковъ, Адрианъ Турнебусъ, умершій въ 1565 году въ Парижѣ, утверждаетъ, что былъ какой-то человѣкъ, шатавшійся по той странѣ, который, не открывая устъ, могъ издавать громкій голосъ и произносить внятно многія слова, отчего всѣ смотрѣли на него съ любовнытвомъ, и онъ собиралъ много денегъ. Прибавимъ еще, что господинъ Джемсъ, согласно съ Сельденомъ, пишетъ о нѣкоторомъ мальчикѣ, находившемся въ то время недалеко отъ Лондона, имѣвшемъ 14 лѣтъ отъ роду и извѣстномъ подъ именемъ Speaking Smith, который обладалъ особеннымъ дарованіемъ говорить животомъ. Этотъ же самый писатель упоминаетъ о двухъ другихъ чревовѣщателяхъ, въ особенности объ одной женщинѣ, которая путешествовала по Англіи и показывала чрезвычайныя вещи. Однакожъ между всѣми англійскими чревовѣщателями примѣчательнѣйшій былъ Фицъ-Джемсъ потому, что онъ не только могъ издавать удивительнымъ способомъ музыкальныя тоны, но даже подражалъ голосамъ многіихъ людей, разговаривающихъ между собою съ большою скоростію, скрипѣнію колесъ, визгу пилы и т. п. Равнымъ обра-

зомъ, достовѣрныя и удивительныя сказанія въ исторіи чревоушачества, которое чрезъ приравленіе къ акустическимъ правиламъ возвысилось до высочайшей степени, встречается и на французской почвѣ.

Вспомнимъ только о славномъ въ наши времена Комтѣ, и о Александрѣ Ватмарѣ, не только чревоушачемъ, но и отличномъ мимикѣ; также скажемъ въ подробности о Людовикѣ Брабантѣ, камердинерѣ Франциска 1-го, и о Сень-Жилѣ, купцѣ, торговавшемъ въ Сень-Жермен-на-Ле прѣвыми кореньями, который живя въ половинѣ XVIII вѣка, показывалъ свое искусство бесплатно.

Людовикъ Брабантъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ первенство между всѣми даже и новѣйшими чревоушачами.

Любовь развила въ немъ способность къ этому искусству. Небогатый и низкаго происхожденія, онъ почувствовалъ сильную страсть къ одной молодой и богатой дѣвицѣ. Признаніе его въ любви было отвергнуто съ презрѣніемъ ея родителями. Съ того времени Брабантъ сталъ придумывать способы къ исполненію своего намѣренія; искорѣ послужило ему къ этому слѣдующее обстоятельство.

Послѣ смерти отца молодой дѣвицы, онъ навѣстилъ оставшуюся вдову, но какъ только онъ взошелъ въ ея домъ, ей показалось, что они будтобы слышатъ сверху голосъ мужа: «Отдай мою дочь Людовику Брабанту; онъ богатъ и честенъ, я терплю теперь въ чистилищѣ ужасное, но заслуженное наказаніе за несогласіе на столь приличное во всѣхъ отношеніяхъ супружество. Исполни то, что я тебѣ говорю и тогда только я успокоюсь.» Какъ только голосъ утихъ, женихъ взошелъ въ комнату и такъ хорошо игралъ свою роль, что ни вдова ни кто изъ домашнихъ не замѣтили, что самъ Брабантъ былъ истолкователемъ воли умершаго мужа. Онъ спокойно дождался въ передней, пока не явилась мать, и ни на устахъ его, ни въ чертахъ его лица не видно было ни малѣйшей перемѣны. Такъ какъ повелѣніе съ того свѣта было иветвенно и надобно было его исполнить, то супружество было заключено.

Въ самомъ дѣлѣ, эта проделка удалась ему; но Брабантъ, кромѣ жены, нуждался еще въ деньгахъ. Для удовлетворенія себя въ этомъ, онъ выбралъ одного богача, по имени Корню, мучимаго, среди сундуковъ, наполненныхъ богатствами, угрозыненіями совѣсти. Навѣстивъ его подлѣ другимъ предлогомъ, онъ обратилъ разговоръ на адъ, чистилище, дьяволовъ и привидѣній, и какъ только произвелъ на него желаемое дѣйствіе, вдругъ послышался грозный голосъ. Душа давно умершаго отца г. Корню объ-

являла ему, что она еще долгое время должна терпѣть ужасныя муки въ чистилищѣ, если его слышъ какимъ-нибудь дѣломъ милосердія не избавить ее отъ нихъ, и поручила ему вмѣстѣ съ тѣмъ дать назначенную сумму въ руки Брабанту, для выкупа невольниковъ изъ турецкаго плѣна. Въ случаѣ же неисполненія этого, слышъ Корню за свои грѣхи, будетъ осужденъ на вѣчную муку, а самъ отецъ долженъ будетъ еще 100 лѣтъ терпѣть наказанія въ чистилищѣ. Но и послѣ такихъ угрозъ скупецъ не сбѣдлся расточительнѣе, напротивъ будучи веселокоенъ, онъ тщательно запирался, чтобы не отлучаться отъ денегъ: и потому второе увѣщаніе оказалось пужнымъ. И теперь уже не только одинъ отецъ, но и всѣ родные и знакомые оглушали Корню ужасными криками и пугали его мучительными наказаніями. Наконецъ онъ принужденъ былъ кончить тѣмъ, что, запершись, среди страшнаго шума, отсчиталъ хитрому Брабанту 10000 талеровъ. Послѣ этого же самой скупецъ узналъ о обманѣ и умеръ отъ горести.

Слѣдующее особеннаго рода приключеніе подало, въ 1771 году, случай Сень-Жилю показать опытъ своихъ дарованій передъ г-ми Лерой и Фуни, комиссionерами парижской академіи наукъ, и передъ многими знатными лицами. Распространился слухъ, что будто бы въ окрестностяхъ Сень-Жермена слышенъ голосъ духа, и потому вышесказанныя лица хотѣли убѣдиться въ дѣйствительности этой молвы. Все общество узнало тайну, кромѣ одной дамы, которая, не ожидая этого, должна была участвовать въ опытѣ. Подали обѣдать подлѣ открытымъ небомъ; на этомъ обѣдѣ находился духъ, и онъ вдругъ изъ воздуха, изъ земли, вблизи и изъ далека говорилъ дамѣ, и такъ хорошо сыгралъ свою роль, что эта дама, даже послѣ того, какъ ей объяснили все это обстоятельство, долго еще упорно утверждала, что разговаривала съ духомъ. Что даже до новѣйшихъ временъ чревоушачелей принимали за бѣснующихся, это происходитъ отъ неопытности и суевѣрія лицъ, которые все, чего не могли понять, приписывали сверхъ-естественнымъ причинамъ.

На чемъ однако основывается физиологическій механизмъ, представляющій такое чудное акустическое явленіе?

Прежде, нежели объяснимъ мнѣніе о столь недостаточно объясненномъ обстоятельстве, вспомнимъ сначала вкратцѣ о противорѣчащихъ на счетъ этого предмета мнѣніяхъ физиологовъ и чревоушачелей. Издавна полагали, и въ обыкновенной жизни до сихъ поръ еще вѣрятъ, что голосъ чревоушачелей проис-

ходить из желудка; это повсюду распространившееся ложное мнѣніе было причиною несвойственнаго названія этого явленія.

Г-нъ Роланди думалъ, что когда обѣ легочныя плевы, которыя обыкновенно находятся сросшимися, раздѣляются, то тогда кажется, что голосъ выходитъ изъ грудной полости, а люди, подвергающіеся этому, дѣлаются чревоушателями.

Г-да Амманъ Нолле и Галле утверждаютъ, что у чревоушателей голосъ происходитъ во время выдыханія воздуха. Въ 1770 г. австрійскій капитанъ, баронъ фонъ-Менгенъ, знатокъ въ чревоушательствахъ, дѣлая опыты надъ самимъ собою, объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: если прижать языкъ къ зубамъ такимъ образомъ, чтобы со стороны лѣвой щеки образовалось пустое пространство, то собранный въ этомъ мѣстѣ воздухъ издастъ звукъ; звуки же получаютъ тогда особенный какой-то глухой тонъ, и это есть причина, по которой кажется, что онъ выходитъ изъ извѣстнаго разстоянія. При чемъ однако нужно очень медленно выдыхать воздухъ, а иногда только вдыхать какъ можно въ наибольшемъ количествѣ.

Г-да Дюма и Ляутъ утверждаютъ, что чревоушательство есть искусство, основывающееся на преобразованіи звуковъ, которые, образовавшись въ гортани, стѣсняются опять въ груди, гдѣ и получаютъ такую странную звучность, что, кажется, какъ будто бы они происходятъ издалика.

Гг. Аншеранъ и Фуриѣ того мнѣнія, что голосъ, образовавшись въ отверстіи голосныхъ струвъ (*rima laryngis*), втѣсняется въ легкія, и потомъ медленно изъ нихъ возвращается, и въ гортани удерживается, такъ какъ звукъ въ музыкальномъ инструментѣ съ помощью клапана. Г. Коште, извѣстный французскій чревоушатель, говоритъ, что въ этомъ искусствѣ голосъ, какъ обыкновенно образуется въ гортани, по другимъ механизмамъ, и чрезъ выдыханіе воздуха вводится въ грудную полость, и оттуда уже дѣлается слышимымъ.

Г. Дюгальдъ Стюартъ утверждаетъ, что чревоушатель долженъ имѣть въ одно время два разнородные таланта, рѣдко вмѣстѣ встрѣчаемые: глубокость голоса и въ высшей степени ловкую мимику.

Докторъ Гершель, котораго геніяльные взоры были обращены не только къ звѣздамъ, говоритъ въ своемъ ученомъ разсужденіи о голосѣ, что чревоушательство есть искусство, которое основывается на томъ, что звукъ отъ самаго источника къ уху слушателя идетъ не по прямой линіи; и потому челоушечское ухо не явственно различаетъ начало приходящихъ къ нему звуковъ голоса.

Этотъ же ученый обратилъ вниманіе на то, что голосъ чревоушателей образуется безъ помощи губъ и полости рта, и потому—то онъ кажется отличнымъ отъ обыкновеннаго голоса. Наконецъ, докторъ Леспаньоль защищалъ мнѣніе, что особенно отъ участія небной занавѣски (*velum palatini*) напряженіе звуковъ такъ измѣняется, что отъ этого происходитъ обманъ чревоушательства. Эта послѣдняя теорія (слова г. Коломба) тѣмъ только отличается отъ нашей, что докторъ Леспаньоль говоритъ только о небной занавѣскѣ, и явленія чревоушательства приписываетъ только тому обстоятельству, что она мѣшаетъ воздуху выходить чрезъ носовое отверстіе. По мнѣнію Леспаньоля вся разница въ голосѣ, кажущемся происходящимъ вблизи и издалика, основывается на томъ, что въ первомъ случаѣ звуки выходить изъ рта и изъ носу, во второмъ же только изъ отверстія рта. Все, что этотъ докторъ говоритъ о выходѣ воздуха, вполне основательно, въ чемъ всякій легко можетъ убѣдиться посредствомъ опыта надъ описаннымъ механизмомъ, дѣйствующимъ при чревоушательствѣ.

По этой причинѣ не нужно никакого особеннаго устройства организма, но только приучиться издавать звуки посредствомъ верхнихъ частей голосныхъ органовъ, и всякій, кто приучится къ этому, будетъ въ состояніи производить всѣ акустическіе обманы, на чемъ именно основывается чревоушательство.

Поэтому если чревоушательство требуетъ хорошо обработаннаго и оборотливаго голоса, равно какъ и обширныхъ легкіхъ, препровождающихъ воздухъ надлежащимъ образомъ, то можно утверждать съ вѣрностію, что тому легко будетъ изучить это искусство, чей организмъ удовлетворяетъ вышесказаннымъ условіямъ. И чтобы могли быть исполнены всевозможные акустическіе обманы посредствомъ этого искусства, нужны только достаточный навыкъ и особенная ловкость въ подражаніи всѣмъ отдѣлкамъ голоса.

При изданіи голоса въ чревоушательствѣ, мы сильно вдыхаемъ, чтобы запастись достаточнымъ количествомъ воздуха; потомъ крѣпко стягиваемъ небную занавѣску, горло, гортань, основаніе языка и всѣ мясистыя органы, служащіе къ движенію, такъ, чтобы, при изданіи голоса, какъ можно меньше выходило воздуха изъ легкіхъ, и чтобы звуки происходили изъ полости рта, а не изъ носовыхъ отверстій, какъ это бываетъ при образованіи обыкновеннаго голоса.

Хотя нѣтъ никакого затрудненія стянуть небную занавѣску, желудокъ, грудную полость и мясистыя части шеи, слѣдуетъ однакожь замѣтить, что если мы хотимъ, чтобы казалось что

голосъ происходитъ изъ болѣе отдаленнаго пространства, нужно взять его ниже въ $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ тона, и сей-часъ притаить отъ этого происходящій звукъ; съ этою цѣлю должно приблизить языкъ къ язычку такъ, чтобы чрезъ это перемѣнился голосъ, на подобіе того, что происходитъ въ валторнѣ при вложеніи въ нее руки.

Главная тайна чревовѣщателей состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать воздуху выходить чрезъ носъ, и медленно выпускать его въ очень сгущенномъ состояніи изъ полости рта.—Такимъ образомъ образуется притаенный голосъ съ слабымъ звукомъ, такъ что кажется, что онъ выходитъ изъ отдаленнаго разстоянія. Чтобы увеличить этотъ обманъ, надобно обратить вниманіе слушателя на какой-нибудь предметъ, и потомъ говорить въ этомъ направленіи; при чемъ небная завѣска болѣе или менѣе поднимается, а чрезъ это голосъ кажется выходящимъ изъ большаго или меньшаго отдаленія. Нужно обращать вниманіе и на то, чтобы нижняя челюсть двигалась какъ можно меньше, и употреблять всевозможныя старанія, чтобы говорить болѣею частию съ закрытымъ ртомъ.—Надобно тоже такъ ставить чревовѣщателя, чтобы на него нельзя было иначе смотрѣть какъ только съ боку; тогда лицо его будетъ безъ всякаго выраженія, какъ это бываетъ у слѣпыхъ. Такимъ образомъ никому не придетъ въ голову, чтобы слышанные звуки выходили изъ него, какимъ образомъ легко можетъ произойти совершенный обманъ. Явленіе это можетъ еще лучше быть представлено, когда чревовѣщатель по временамъ будетъ говорить обыкновеннымъ голосомъ, ибо противоположность между естественнымъ и искусственнымъ голосомъ очень много способствуетъ тому, что слухъ ошибается въ отношеніи направленія и мѣста происхожденія звуковъ.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что искусство чревовѣщательства основывается не только на способности подражать голосу, свойственнымъ ему звукамъ, но также и на образованіи разнороднымъ тоновъ, происшедшихъ отъ движенія мясистыхъ органовъ, которое не можетъ быть замѣчено слушателями. Однако чревовѣщатель напрасно употребляетъ бы все искусство, подражать и разнымъ образомъ перемѣнять звуки, если бы голосъ расходился въ прямомъ направленіи; всегда можно было бы узнать, откуда онъ происходитъ.

Наконецъ не излишнимъ считаемъ прибавить слѣдующее замѣчаніе: что въ чревовѣщательствѣ, по мнѣнію Вилліама Никольсона, можно въ такомъ случаѣ только сдѣлать велике

успѣхи, если мы имѣемъ въ высочайшей степени природное дарованіе подражать различнымъ звукамъ.

Знаменитый Фицъ-Джемъ, способности котораго удивлялись Парижъ и Лондонъ въ началѣ текущаго столѣтія, находился однажды въ обществѣ, въ которомъ читалъ извѣстный тогда Воляжжъ. Послѣ окончанія чтенія, послѣдній началъ разговоръ о плутовствѣ мнимыхъ чревовѣщателей, и утверждалъ, что голосъ, раздающійся въ то время, происходитъ отъ скрытыхъ въ соответственномъ разстояніи людей; по этому каждый чревовѣщатель требуетъ много приготовленій, чтобъ совершить обманъ, и никогда не окажетъ своего искусства на скорую руку. Едва Воляжжъ высказалъ свое мнѣніе, какъ получилъ отвѣтъ, которымъ всѣ присутствующіе были изумлены; голосъ, казалось выходилъ изъ нижняго этажа, чрезъ полъ. Но разговоръ сдѣлался скоро гораздо удивительнѣе, когда въ немъ начали участвовать бюсты, которые давали свои мнѣнія и ревностно ихъ защищали. Когда любопытство слушателей дошло до высочайшей степени, чревовѣщатель открылъ имъ, какимъ образомъ онъ обманулъ ихъ, по-казалъ имъ свою ловкость, и поенилъ имъ не только разсказомъ, но даже и чрезъ примѣненіе своей теоріи, какъ неприготовленные зрители и слушатели должны ошибаться съ перваго взгляда относительно происхожденія и направленія голоса. Фицъ-Джемъ, открывъ вспомогательныя средства первой части своего искусства, обратилъ свое вниманіе на другую часть его, для примѣненія которой нужно имѣть особенный организмъ, и одна упрямость органовъ недостаточна. Онъ показывалъ, что разобралъ основательно драматическое искусство и испытывалъ его тайны теоретически и практически. Лицо его представляло поперемѣнно выраженіе самыхъ разнообразныхъ страстей; онъ принималъ разные виды въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; однимъ словомъ, онъ показывалъ что обладаетъ въ высочайшей степени дарованіемъ подражанія.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть, что господинъ Александръ Ватмаръ уступаетъ ему немногимъ; многіе видѣли, какъ онъ представлялъ въ продолженіе пятнадцати минутъ болѣе 25 чело-вѣческихъ ролей; онъ выстуналъ то какъ старая женщина, то ребенкомъ, то молодой дѣвушкой и т. п., и во всякомъ представленіи имѣлъ сообразный съ состояніемъ того лица голосъ, движенія и черты лица.

О НАЧАЛѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ ЦЫГАНЪ. Мало есть предметовъ способныхъ столько занять вниманіе читателей, столь любопытныхъ въ глазахъ филолога, географа и историка, какъ

начало этого народа, который, существуя уже почти четыре вѣка въ Европѣ, до настоящаго времени остался малоизвѣстнымъ. Это поколѣніе людей, которыхъ обычаи, языкъ и релігіозныя понятія до сихъ поръ не могли быть перемѣнены ни временемъ, ни климатомъ, ни политикой, ни примѣромъ; народъ этотъ подъ именемъ Цыганъ извѣстенъ въ большей части Европы, и одинъ только еврейскій народъ можетъ похвастаться, что сохранилъ, подобно Цыганамъ, хотя не такъ явственно, свой первоначальный характеръ, на чужой землѣ.

Гассъ находитъ начало Цыганъ въ южной сторонѣ Босфора Киммерійскаго, Марій Нигеръ выводитъ ихъ изъ Зеугитаны (сѣверной части королевства Туниса), Гербело (Herbelot) полагаетъ, что они прибыли изъ Загвебара; Еккаръ (Eccard) выводитъ ихъ отъ Черкесовъ; Вагенсилъ (Wagensil) отъ нѣмецкихъ Евреевъ; Эней Сильвій (Eneas Silvius) помѣщаетъ ихъ колыбель въ горахъ Кавказа; Гризелини (Grizelini) въ Еоіоніи и Египтѣ; иные въ Колхидѣ, египетской колоніи, основанной Сезострисомъ; иные, наконецъ, особливо Палласъ, ищутъ ихъ источника между Цыганами Дуная (извѣстными у Геродота) или у Цыганъ русской Украйны.

Мы не будемъ здѣсь приводить этотъ длинный рядъ разныхъ мнѣній; мы знаемъ до сихъ поръ только трехъ писателей, которые разбираютъ эту задачу съ настоящей точки зрѣнія. Это суть Г. г. Грельманъ (Grellman), Давидъ Рибгардсонъ (David Ribhardson) и аббатъ Дюбоа (Ab: Dubois). Двое первыхъ, которыхъ мнѣнія придерживается большее число ученыхъ, почитаютъ Индію колыбелью Цыганъ, а мѣстомъ гдѣ они разошлись, означаютъ устье рѣки Инда, или провинціи, имъ неизвѣстныя. Аббатъ Дюбоа помѣстилъ ихъ между Кураверами изъ Магассара, и кажется болѣе приближался къ правдѣ нежели его предшественники.

Мы же будемъ почитать страпу Маратовъ первоначальнымъ отечествомъ Цыганъ, ибо оттуда они начали свои путешествія, и теперь находятъ ихъ еще въ той сторонѣ живущихъ поколѣніями.

Не справедливо утверждаютъ, что Цыганы назывались между собою именемъ Синтовъ, что приводитъ на память названіе рѣки Синда; это значило бы полагать, что существовалъ народъ подъ именемъ Цыганъ между рукавами этой рѣки, и что діалектъ *тамта*, употребляемый жителями при устьѣ рѣки Инда, есть тотъ же самый, на которомъ говорятъ Цыганы Европы. Жители Индостана съ отдаленнѣйшихъ временъ дѣлились на

заты * что мы называемъ кастами, такъ какъ Эоіоны, Египтяне и Евреи. Веды, священныя книги Индѣйцевъ, говорятъ что Брами, создатель міра (котораго не надобно почитать за одно съ Брамю, существомъ единственнѣйшимъ и вѣчнымъ, который далъ жизнь первому), раздѣлилъ на четыре касты свои первыя творенія. Изъ его головы родились Брами, изъ плечъ Катріасть, изъ живота Вессіасть, а Судрасть изъ его ногъ.

Брамы назначены были для исправленія самыхъ высшихъ должностей, какъ-то: совѣтниковъ, министровъ, князей; нѣкоторые изъ нихъ были даже королями, а иные исполняли священные обряды. Секта Катріасть была назначена для военной службы; Вессіасть управляли земледѣіемъ, торговлею, промысломъ и заботилась о стадахъ; Судрасть были простыми земледѣльцами, слугами, а иногда и невольниками. Каждая изъ четырехъ главныхъ кастъ раздѣлялась на нѣсколько-сотъ иныхъ; но эти подраздѣленія отличаются между собою по мѣстности, ибо каста осѣдая въ одной окрестности Индостана не находится въ другой. Многочисленнѣйшая каста есть каста Судрасть, которая заключаетъ въ себѣ поколѣніе или субъ-касту Паріевъ, ** наибольшую изъ всехъ и раздѣленную на большое число иныхъ поколѣній; она заключаетъ въ себѣ $\frac{1}{10}$ племени Индусовъ, или читателей Брами.

Первоначальное поколѣніе Цыганъ есть раздѣлъ разныхъ поколѣній Паріевъ, или людей безъ касты. Начало Паріевъ весьма древне; ихъ имя находится уже въ древнѣйшихъ Пуранахъ. Эта каста образовалась изъ соединенія людей, выгнанныхъ изъ иныхъ кастъ, за проступки противъ релігіи и законовъ, и заключаетъ большое число поколѣній, между которыми можно считать знатнѣйшимъ поколѣніе Валюверъ; Шакиасть или сапожниковъ; Мучіеръ (Mutchier) или копальщиковъ; Каля Бантрусъ (воры); Кураверъ, купцовъ соли; Оттеръ, номадовъ, которые переходятъ съ мѣста на мѣсто, работаютъ, какъ жители Оверни во Франціи; вырываютъ колодези и каналы въ разныхъ странахъ Индіи; Домбарусъ, нищихъ и комедіянтовъ, и

* Значеніе этого слова весьма обширно; употребляютъ его иногда для означенія ремесла, иногда для означенія страны или какого-нибудь лица. И такъ говорятъ: «Тапи ка зать» — каста (ремесло) ткачей а — конъ зать тумара? «Какая твоя страна?»

** Слово *парія* происходитъ съ санскритскаго *парай* (parjāta) что означаетъ неисполненіе предписаній. Составъ изъ *парі* несправедливо, и *айя* идти, поступать. Говорятъ: «Парія Брагманъ» злой Брами. Слово *парія*, есть испорченное индостанское.

наконецъ Цыганъ, первоначальное поколѣніе нашихъ Цыганъ и Италіянскихъ Цыгаровъ, которыхъ имя носитъ еще знакъ первоначальнаго.

Поколѣніе Цыганъ, называемое также Вангарисъ на берегу Конка, Пиратовъ и Сукатиръ на берегу Малабаръ, есть кочующее. Встрѣчаютъ тамъ часто цѣлыя толпы близъ древняго великолѣпнаго города Визапуръ и въ окрестностяхъ Бенгалоръ, въ странѣ Магиссуръ, которую называемъ Миссара по привычкѣ перемѣнять восточныя имена.

Цыганы вообще черноватаго цвѣта, что оправдываетъ названіе черныхъ Индостанцевъ, данное имъ Персами. Ихъ вѣра, уставы, обычаи и языкъ, разнятся отъ иныхъ поколѣній Индовъ. Мараты даютъ имъ прозваніе Судасъ (путь, воръ), и въ самомъ дѣлѣ, во время войнъ они занимаютъ грабежемъ, доставляютъ пропитаніе для войска и служатъ ему шпионами, а жены ихъ танцовщицами (кантегинисъ). Во время міра выдѣлываютъ толстыя полотна, производятъ торговлю рисомъ, масломъ, солью, тодди, калю, аракомъ*, опиумомъ, гураку и пау** и пр. Это суть торговцы, перевозящіе свои товары на волахъ съ мѣста на мѣсто. Женщины Цыганъ красивы и хорошо сложены, какъ по большей части женщины Индовъ; но чрезвычайно страстны. Часто крадутъ между собою молодыхъ женщинъ и продаютъ ихъ потомъ своимъ землякамъ и Европейцамъ.

Наконецъ ихъ обвиняютъ, что они приносятъ въ жертву людей Раказамъ или злымъ духамъ, и ѣдятъ человѣческое мясо. Цыганы занимаются почти всадъ ремесломъ сводчиковъ; женщины предсказываютъ за деньги спрашивающимъ ихъ совѣта; для этого они имѣютъ обыкновеніе бить въ барабанъ, чтобы призвать злыхъ духовъ, потомъ, наподобіе оракула и съ рѣдкою скоростію выговариваютъ множество страшныхъ словъ и, всматриваясь въ небо и черты на рукѣ спрашивающей особы, съ важностію предсказываютъ хорошую или дурную участь. Эти женщины умѣютъ тоже окрашивать тѣло, и употребляютъ этотъ талантъ для рисованія цвѣтовъ, звѣздъ и звѣрей на плечахъ индѣйскихъ женщинъ, выкалываютъ лице иглою и наколотыя мѣста натираютъ какимъ-нибудь растительнымъ сокомъ, какъ это можно видѣть въ Америкѣ, Океаніи и другихъ странахъ:

* *Toddi, калю, аракъ* — три разные напитки. *Гураку* — это родъ благовонія, которымъ курятъ въ Гоа.

** *Пау* есть названіе растенія, которое жуютъ Индѣйцы, для запаха во рту.

оттѣкъ такого рисованія, ничѣмъ неизгладимъ. Наконецъ, въ нуждѣ Цыганы готовы заниматься всякимъ ремесломъ. Они обыкновенно бываютъ подозрительны, лжецы, игроки, пьяницы, трусы, и волюнъ презираютъ религію; ихъ вѣра основывается на боязни злыхъ духовъ и убѣжденіи въ предопредѣленіе.

Санскритское названіе Маратовъ есть Мага-растра (великій воинъ). Мараты принадлежатъ къ колѣну Индусовъ и происходятъ изъ касты Судрасъ, которая заключаетъ въ себѣ колѣно Паріевъ. Они раздѣляются на три класса: владѣльцевъ, пастырей овецъ и пастырей коровъ. Они бываютъ хорошими ѣздоками, но вмѣстѣ съ тѣмъ грабители и непросвѣщенные; попеченія о дѣлахъ государства и завѣдываніе казною оставляютъ Брамину.

Люди, изгнанные изъ трехъ вышеупомянутыхъ классовъ, увеличили число маратскихъ паріевъ, изъ которыхъ произошло съ давнихъ временъ кочующее поколѣніе Цыганъ, или Вангаръ; они снабжали маратскія войска съѣстными припасами (какъ это видно во второй Упанихадѣ).

Цыганы составляютъ, какъ уже выше сказано, особенный народъ, и не смотря на свое маратское происхожденіе, независимы отъ религіи Брами и законовъ Ману, который соединилъ многочисленный народъ Индусовъ, въ одно политическое и религіозное общество, и живутъ въ большомъ количествѣ разбѣянные въ разныхъ частяхъ Индостана.

Опредѣленіе времени, въ которое Цыганы начали выходить изъ своего отечества, составляетъ важный вопросъ. Кажется, что ихъ удаленіе было слѣдствіемъ опустошенія прекрасныхъ ихъ родныхъ странъ славнымъ Тимуромъ (котораго мы называемъ Тамерланомъ) послѣ взятія Дели (Delhi). Этотъ городъ сдался 8-го дня Раби втораго 801 г. э. (въ среду 8-го января 1339) и былъ разрушенъ 17-го числа того же мѣсяца. Тимуръ вошелъ въ Индію въ 1398, а не въ 1408, какъ это утверждаетъ Грельманъ; онъ воротился въ Самаркандъ, столицу своего обширнаго государства, въ маѣ мѣсяцѣ 1399 (эпры 801) года.

Славный шерифъ Эдинъ, увѣряетъ, что Тимуръ омрачилъ свою побѣду умерщвленіемъ ета тысячъ персидскихъ и индѣйскихъ вѣднниковъ. Монголы, съ каждымъ шагомъ впередъ, распространяли такой страхъ во всѣхъ частяхъ Индіи, что большое количество семействъ покинули эту несчастную страну. И такъ очевидно вѣроятно, что Индѣйцы трехъ первыхъ кастъ, изъ особенной привязанности къ отечеству, не слѣдовали примѣру прочихъ, кромѣ того, они были обязаны къ этому своему религію. Что же касается до Судрасъ и Паріевъ, легко можно заключать, что ихъ ничто не удерживало; притомъ они

столько любили странствовать, что ихъ видѣли въ Абиссиніи, Аравіи, при Персидскомъ заливѣ въ Пинангъ, Сингапурѣ, въ Манильѣ, Целедесѣ, даже и въ Китаѣ.

Кажется, естественно, что Цыганы, которыхъ мы видѣли привыкшихъ къ бродячей жизни, какъ не принадлежащіе къ Индусамъ, исповѣдуютъ или кажутся исповѣдывающими религію, которая имъ представляетъ какую нибудь выгоду, что доказываетъ, что они служили шпионами, маркитантами монгольскимъ войскамъ, и что часть ихъ сопровождала Тимура въ его долговременномъ походѣ черезъ Капдагаръ, Персію и Бухарію. Пройдя Каспійскія и Кавказскія земли, оставивъ послѣ себя во всѣхъ этихъ странахъ, какъ будто бы слѣдъ своего прохода — оторванные семейства, Цыганы кончили свое странствованіе, одни въ Россіи, другіе въ Малой Азій; иные перешли изъ Капдагара въ страну Сегистанъ, Мекранъ, Кирманъ, Фарсъ, Хузистанъ, Аравію Каменную и черезъ Суэзскій перешеекъ прибыли въ Египетъ, а оттуда въ Мавританію. Доказано, что эти необразованные странствователи пришли отъ Чернаго моря и Малой Азій въ Европу, съ помощію Турокъ, которыхъ они были шпионами и поставщиками во время войнъ съ греческой имперіей; тоже извѣстно, что Цыганы, первые прибывшіе въ Европу, поселились въ Турціи Европейской, какъ это утверждаетъ Авертевъ, а оттуда перешли въ Молдавію и Валахію. И въ самомъ дѣлѣ, они являютъ въ Венгріи въ 1417; въ концѣ сего года они видны въ Чехіи и Германіи, на берегахъ Сѣвернаго моря, въ 1418 они показываются въ Швейцаріи, по Штумфу и Груберу въ 1422 въ Италіи. Паске означаетъ ихъ начало во Франціи въ 1417, гдѣ они именovali себя христіанами, выгнанными изъ нижняго Египта Сарацинами, по они приходили изъ Чехіи. Изъ Франціи они перешли въ Испанію и Португалію, по мнѣнію Кордовы, а потомъ, въ царствованіе Генриха VIII, въ Англію. Орды ихъ обыкновенно состояли отъ 200 до 300 человекъ обоего пола. Однако мы не думаемъ, не смотря на мнѣніе Грелльмана, чтобы Турки призвали Цыганъ въ Европу изъ Египта, и хотя трудно изъяснить, отчего имъ дано въ многихъ странахъ названіе Египтянъ, однакожъ вѣрно то, что они не были ни египетскаго происхожденія, ни прибыли во Европу изъ Египта, какъ это доказали Кранцъ (Krantz) и Мюнстеръ (Münster). Вѣроятно они сами выдавали себя за египетскихъ христіанъ, за

паллигримовъ, преслѣдуемыхъ Сарацинами, чтобы легче получить позволеніе вести торговлю въ государствахъ европейскихъ.

Цыганы основали свои колоніи почти во всѣхъ странахъ Европы и въ большей части Азій. Въ Африкѣ они встрѣчаются только въ Египтѣ, Нубіи, Абиссиніи, Суданѣ и Варваріи. Никогда не показывались они ни въ Америкѣ, ни въ Океаніи.

Самое большое число Цыганъ находится въ Испаніи, Шотландіи, Ирландіи, Турціи, Венгріи, а особенно въ Трансильваніи, Молдавіи, Валахіи, Славоніи, Курляндіи, Литвѣ и въ Кавказскихъ провинціяхъ. Въ Англіи они еще довольно многочисленны, но соединяются только въ мѣстахъ уединенныхъ и входятъ въ города компаніями по два или по три человека. Ихъ рѣдко, въ настоящее время, встрѣчаютъ въ Германіи, Швеціи, Даніи, Швейцаріи. Въ Италіи нынѣ они находятся въ меньшемъ числѣ, чѣмъ прежде. Во Франціи, гдѣ они были всегда многочисленны, нынѣ только видны кое-гдѣ въ деревняхъ и лѣсахъ въ провинціи Лотарингіи, въ Эльзасѣ и въ Пиренеяхъ. Въ Польшѣ они живутъ небольшими общинами, въ губерніяхъ Подляской и Августовской. Въ Испаніи число Цыганъ простирается отъ 50 до 60 тысячъ, которыхъ большая часть обитаетъ въ королевствахъ Гренадѣ и Кордовѣ. По самымъ точнымъ вѣдомостямъ, въ Венгріи ихъ считаютъ 54,000. Больше всѣхъ ихъ находится въ Трансильваніи; тамъ на 1,720,000 жителей, можно считать 104,000 Цыганъ. По этому можно считать число Цыганъ въ Европѣ до 1,000,000; 40,000 въ Африкѣ, 1,500,000 въ Индіи, около двухъ милліоновъ въ остальныхъ частяхъ Азій, ибо они почти вездѣ въ ней поселились, кромѣ Азіятской Россіи, Китая, Сіама, Аннама и Японіи; ихъ даже можно видѣть смѣшанныхъ съ Туркоманами въ независимой Татаріи, съ Лезгинами Кавказа и Илагами Персіи. И такъ число Цыганъ въ трехъ частяхъ стараго свѣта простирается до пяти милліоновъ.

Какое однакожъ горестное положеніе представляетъ судьба этой столь значительной массы человечества, лишенной, такъ сказать, общихъ правъ, блуждающей безъ понятія о собственности, которая бы привязывала ихъ къ постоянному жилищу, вмѣсто того, чтобы скитаться имъ по полямъ, вдали отъ городовъ, жить грабежемъ и обманомъ и быть разбѣянными, подобно Евреямъ, не смотря на всеобщее гоненіе и ненависть. Будучи врагами земледѣлія и всякаго полезнаго промысла, Цыганы въ Европѣ занимаются торгомъ, поправкою домашней утвари, контрабандою, воровствою, но большею частію предаются праздности; при внимательномъ и строгомъ изслѣдованіи, находимъ въ

* Цыганы, прибывшіе въ Венгрію и Чехію, признались сами, что они перешли черезъ Черное и Каспійское моря.

нихъ чрезвычайно сходныя черты съ описанными уже Цыганами Иадостана.

Присоединяемъ здѣсь наименованія, которыя даютъ Цыганамъ въ различныхъ странахъ, ими обитаемыхъ.

Аравитяне и Маавры называли Цыганъ Гарамн (воры); Венгерцы — Цингарисъ (Cingarys) и Фарахъ-пепекъ (Phagach pereck) т. е. народъ Фараона. Это послѣднее названіе удерживаютъ они и въ Трансильваніи. Англичане даютъ имъ названіе Египтянъ; Шотландцы — Кайрадъ (Caird). Испанцы называютъ ихъ Киганами (Gitanos); Португальцы — Сиганами (Ciganos); Голландцы — Гейдененъ (Heidenen), что значить язычники; Русскіе — Цыганами; Италіяны Цуингарамн (Zuingari), Шведы — Спакарингамн (Spacaring), Датчане и Норвежцы Татарами (Tatars); Валахи, Бессарабы, Молдаване, Сербы и Поляки называютъ ихъ — Цыганами (Cyganic), Нѣмцы-Цигейнерами (Zigeuner). Во Франціи они получили сначала названіе Египтянъ (Egiphtien); потомъ Богемцевъ (Bogémien), потому что первые люди этого племени прибыли изъ Богеміи. Историкъ среднихъ вѣковъ упоминаютъ объ нихъ подъ именемъ Anzighans. Въ Персіи они извѣстны подъ названіемъ Лурн (Louri). Бухарцы и жители Туркестана употребляютъ названія Триаги (Triaghi), но не Діаю (Diaju), какъ утверждаетъ Георги. Слово Тзіаги (Tziaghi) на языкѣ Дзагатай (Dzagatai), которымъ говорятъ въ Бухаріи и независимой Татаріи, кажется корнемъ Чингени (Tchingeni), слово, которое употребляютъ Турки для названія этого кочующаго племени; ибо турецкій языкъ происходитъ отъ дзагатай (dzagatai). Цыганы называются также между собою Ерумна-Шаль (Erumna—Chal); два эти слова принадлежатъ къ языку Маратовъ и означаютъ людей, блуждающихъ по полямъ.

ФРЕСКИ ВЪ ЛОЖАХЪ И КОМНАТАХЪ РАФАЭЛЯ. *Статья госпожи Дамы.* Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, дирекція по части художествъ и искусствъ въ Франціи, принадлежащая къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, удачно вздумала заказать искуснымъ художникамъ скопировать важнѣйшія фрески Ватикана.

Эта работа досталась на долю господамъ Балзамъ (Balze), ученикамъ неподражаемаго барона Энгра.

Ватиканскія фрески — торжество искусства и лучшія произведенія Рафаэля. Въ нихъ преимущественно раскрываются сила и плодovitость его воображенія; и съ тѣмъ вмѣстѣ — смѣлость, бойкость кисти и величіе, сопряженное съ граціей, вкусомъ и естественностью.

Навѣрное можно сказать, что въ этихъ фрескахъ приближался художникъ къ тому идеалу, который повсюду его преслѣдовалъ и который, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, волнуетъ необыкновенныя души.

И еще можно сказать навѣрное, что еслибъ была возможность собрать въ одно мѣсто все произведенія Рафаэля, находящіяся въ публичныхъ и частныхъ галереяхъ, и сказать: вотъ что оставилъ потомству великій живописецъ! то, разумѣется, удивленіе и уваженіе къ его генію было бы неизмѣримо.... Но переселите каждаго зрителя въ Римъ, заставьте посмотрѣть на фрески (которыхъ перенести рѣшительно невозможно), что вы скажете, если вы знатокъ или любитель?

Фрески находятся въ *ложгахъ* и въ *комнатахъ* (loggia, camere). *Ложги* — открытыя галереи по тремъ сторонамъ главнаго двора папскаго дворца.

Одна изъ этихъ галерей, въ недавнемъ времени снабженная окнами, вся рѣшительно украшена живописными изображеніями, исполненными или самимъ Рафаэлемъ или подъ его присмотромъ.

Самъ онъ исполнилъ изображенія, украшающія главный сводъ и извѣстныя подъ названіемъ «Рафаэлевой Библии»; это Богъ — Саваофъ, преобразующій первобытный хаосъ; — превосходное художественное олицетвореніе первыхъ стиховъ книги Бытія; далѣе Авраамъ съ тремя ангелами; Иосифъ, объясняющій Фараову пророческіе сны; Моисей, спасаемый изъ воды; однимъ словомъ, здѣсь выборъ самыхъ важныхъ и самыхъ трогательныхъ происшествій, описанныхъ въ Вѣтомъ Заветѣ.

Всѣхъ изображеній 52; они не велики и все почти скопированы Балзами.

Подъ именемъ «комнатъ» (camere, stanze) разумѣютъ преимущественно четыре покоя въ собственномъ жилищѣ папы, но эти покои въ настоящее время доступны каждому артисту, который ищетъ себѣ образцовъ и вдохновенія.

Полное и подробное описаніе «комнатъ» Рафаэля, начертанное искуснымъ перомъ знатока, составило бы прелюбопытную книгу.

Вопросы касательно искусства и вкуса, постепеннаго усовершенствованія живописи, исторіи, біографіи, самой даже эрудиціи въ отношеніи къ обычаямъ и костюмамъ древности и среднихъ вѣковъ — разрѣшены были бы по фрескамъ Рафаэля, и разрѣшены были бы удовлетворительно, даже не при высокомъ талантѣ автора.

А съ тѣмъ вмѣстѣ замѣтимъ: прочитавъ подобное сочиненіе, кто не оцѣнитъ исполненскій талантъ Рафаэля?

«Святый Левъ, останавливающий Аттилу» представляет такое зрѣлище, которое, увидѣвъ однажды, по смерти не забудешь: здѣсь, съ одной стороны, буйныя фигуры варваровъ и ужась, поселившійся въ душу вождя ихъ при чудесномъ появленіи миротворца, съ другой—спокойствіе, довѣрчивость, благочестивая увѣренность папы въ самомъ себѣ, и кроткая, безусловная покорность ему въ его скромной и безоружной свитѣ.

Чудесный контрастъ моральной силы надъ матеріальною, благородное торжество мысли надъ животностью!

«Пожаръ въ Борго»¹ — картина, исполненная движенія и интереса, гдѣ Рафаэль, какъ кажется, захотѣлъ поспорить съ Микель-Анджело, — именно: смѣlostью позъ, силою рисунка и удивительными типами благородства и красоты.

Каждый изъ большихъ сюжетовъ, о которыхъ мы сейчасъ только говорили, рисуется на стѣнѣ, которая, по своему пространству и положенію, благоприятствовала плану художника.

Другая стѣна неудобна была для него, и потому «Чудо въ Больсенѣ», «освобожденіе Святаго Апостола Петра изъ темницы» и «Парнасъ», заставили Рафаэля бороться съ трудностями, которыя могъ побѣдить одинъ—только онъ. Ему приходилось расписывать двѣ полукруглыя стѣны, на которыя свѣтъ падалъ снизу изъ окна, похожего на подкову.

Рафаэль успѣлъ побѣдить всѣ препятствія: быть можетъ, онъ хотѣлъ даже показать всѣ огромныя средства своего необъятнаго генія.

которые такъ часто встрѣчаются у великихъ мастеровъ. Скажемъ только, что фрескѣ «Геладоръ, изгнанный изъ храма» былъ выраженіемъ энергіи Юлія II, при возвращеніи себѣ несправедливо отнятыхъ, присвоенныхъ издана престола, владѣній.

Что касается до Sella Gestatoria, то, можетъ быть, не каждой читатель нашъ знаетъ, что это—подвижныя парадныя носилки, которыя бывають на плечахъ не менѣе, какъ двѣнадцати человекъ.

Это церемональное шествіе бываеть только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ день Вознесенія Господня, и проч.

¹ Это происшествіе относится къ 847 году. Часть Рима, извѣстная подъ названіемъ Борго di San Spirito, или Борго Vecchio, и лежащая между мостомъ Святаго Ангела и Ватиканомъ, почти вся выгорѣла. Угроженіе пожара приписано было молитвамъ Льва IV. Такимъ образомъ, этотъ благородный и добродѣтельный старецъ приобрѣлъ себѣ, во мнѣніи народа, новое титло благодѣтеля своихъ подданныхъ.

Въ картинѣ «Чудо въ Больсенѣ»¹ онъ расположилъ и разгруппировалъ всѣ лица до такой степени натурально, до такой степени вѣроподобно, что никакой зритель не прищеть никакого замѣчанія.

Удивленіе и почти испугъ всѣхъ лицъ переданы съ удивительною вѣрностью; каждая фигура—портретъ.

Что касается до «Освобожденія Святаго Петра»² изъ темницы, я полагаю, что никакая картина Рафаэля не можетъ заставить забыть зрителя до такой степени, какъ эта. Представьте себѣ лулу, тайкомъ выходящую изъ-за облаковъ, факель въ рукѣ одного изъ стражей апостола, и необыкновенный свѣтъ, распространяемый вокругъ себя небеснымъ посланникомъ; здѣсь тройной эффектъ свѣта; какъ передашь его, и еще *al fresco!*

Думаешь, что видишь чудо. Художникъ безъ благоговѣнія смотрѣть не долженъ на эту побѣду надъ красотами природы и трудностями изображать ихъ.

«Парнасъ» представляетъ Аполлона и Музу на вершинѣ зелѣющей горы, окруженныхъ славнѣйшими поэтами греческими, латинскими и италіянскими; этимъ фрескомъ вдохновила Рафаэля мнѣологія, родъ снимка съ какого-нибудь памятника древности, гдѣ, конечно, вѣтъ дѣйствія, но сколько граціи, сколько благородства! Этотъ секретъ данъ только Рафаэлю.

Вотъ обзоръ тѣхъ произведеній величайшаго художника, съ которыхъ копія поручено сдѣлать господамъ Бальзамъ.

Нельзя не признаться, что подобнаго рода работа требуетъ дарованія. И въ самомъ дѣлѣ, чтобъ дать копіи все совершенство оригинала, какого только она можетъ достигнуть, мало быть знакомымъ съ матеріальными условіями искусства и присоединять къ этому практическія познанія, стараніе, вниманіе, точность;—должно еще войти въ мысль автора, одушевиться его идею.

Эти общія затрудненія имѣли еще особую сторону.

Всѣ знаютъ, что слишкомъ три вѣка пошадли фрески Рафаэля; но все же неумолимое время, не смотря не на какія думы художника, ни на прочность, ни на благоразумное употребленіе

¹ Больсена, Bolsena, Vulturni, — городъ въ папскихъ владѣніяхъ.

² Дѣланіи Свят. Апостоловъ, глава XII. — Левъ X, защищая, какъ кардиналъ—депутъ, выгоды папскаго престола при Юлія II, взятъ былъ въ плѣнъ послѣ битвы при Равеннѣ, въ 1512 году, и, страшная вещь! освобожденіе его послѣдовало ровно въ тотъ самый день, когда современемъ онъ избранъ былъ въ папы. (Vie de Raphaël par M. Quatremère de Quincy). Это обстоятельство жизни Льва X объясняетъ нѣсколько мыслей артиста.

и искусное соединеніе красокъ, порядочно ихъ испортило; небрежность вообще и недостатковъ предосторожностей усердно содѣйствовали полуразрушенію фресковъ.

Отъ этого копія не должна еще была слѣдовать испорченности оригинала; а художникамъ должно было найти и возстановить погибшіе оттѣвки фресковъ; но какимъ образомъ? по сравненію съ сохранившимися памятниками Рафаэлева гения.... Прошедшее, хорошо сбереженное, часто превосходно объясняетъ настоящее.

Но и въ этомъ случаѣ художникъ не долженъ слишкомъ отдалиться отъ даннаго образца, въ какомъ бы видѣ онъ ни достался ему въ руки.

Господа Бальзы съ полнымъ успѣхомъ исполнили возложенную на нихъ обязанность,—обязанность трудную въ высшей степени, въ двухъ отношеніяхъ: въ художественномъ и въ техническомъ.

Эти художники явились достойными великаго образца, который имѣли передъ глазами и который съ раннихъ лѣтъ былъ ихъ безмолвнымъ учителемъ.

Благодаря ихъ неутомимой дѣятельности и необыкновенной способности къ подобному дѣлу, Парижъ обладаетъ теперь превосходными копіями главнѣйшихъ фресковъ Рафаэля.

Правду сказать, они списаны съ отдѣльныхъ стѣнъ; съ другими своими собратьями часто не имѣютъ ничего общаго, не имѣютъ этой художественной, Рафаэлевской общей гармоніи, но какъ эти копіи далеко лучше оригинальныхъ произведеній нашей новѣйшей живописи! Впрочемъ, и дурная копія съ Рафаэля все же заслуга въ искусствѣ....

ПАРИЖСКІЯ и ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Съ *Сыномъ Отечества*, по части модъ, случилось довольно забавное и досадное происшествіе. Редакторъ и издатель *весьма ясно и точно* написали заблаговременно въ Парижъ, чтобы намъ выслали оттуда къ 1-му января 1848 года столько-то тысячъ экземпляровъ картинокъ модъ, нужныхъ для приложенія къ первой книгѣ *Сына Отечества*, и чтобы эти картинки были намъ доставлены изъ редакціи парижскаго журнала, издаваемого для высшей парижской публики, подъ названіемъ: *Le Paris élégant, revue du grand monde*. Получаемъ изъ Парижа картинку для первой книги *Сына Отечества*, смотримъ и приходимъ въ недоумѣніе! Въѣсто хорошенькихъ, граціозныхъ, самыхъ модныхъ дамъ, стоятъ передъ нами, (на картинкѣ) трое мужчинъ, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ! Не переодѣлись ли въ Парижѣ всѣ дамы, по случаю Святыхъ, въ мужское платье? Нѣтъ! Это не то. Подпись картинки объясняетъ намъ, въ чемъ заключается тайна этого превращенія въ родъ Овидіевыхъ. Въ Парижѣ издается другой журналъ подъ названіемъ: *L'Élégant*. Отъ сходства названій журналовъ вышло смѣшное недоразумѣніе, и намъ вмѣсто трехъ, прелестныхъ дамъ, прислали изъ Парижа трехъ мужчинъ, которые при семь въ подлинникѣ и прилагаются.

Посылать теперь за дамами въ Парижъ рѣшительно некогда, потому-что сегодня 31 декабря, а *Сынъ Отечества* долженъ выйти завтра. Впрочемъ мы отправили въ Парижъ экстренную депешу и требуемъ оттуда дамъ. Вѣроятно, ихъ привезутъ сюда къ 1-му февраля, и мы ихъ тотчасъ же передадимъ нашимъ прекраснымъ читательницамъ.

Поговоримъ теперь о модахъ мужскихъ—въ Парижѣ, — и дамскихъ—въ Петербургѣ.

Фасонъ фраковъ, сюртуковъ и пальто, въ Парижѣ, остается совершенно неопредѣленнымъ. Что же касается до цвѣта платьевъ, то чернѣйшій рѣшительно предпочитается всѣмъ другимъ.

Фраки изъ голубовато-синяго сукна съ золотыми пуговицами не носятъ. Жилеты по прежнему цвѣтные и съ шалими; нижняя пуговица никогда не застегивается. Галстукъ на базахъ носится по-

что всегда бѣлый. Панталоны при фракахъ узкіе, а при сюртукахъ — широкіе и всегда со штрипками.

Зимніе пальто довольно широки, съ двумя рядами пуговицъ, и спереди никогда не застегиваются, а придерживаются руками; отверстие кармановъ дѣлается не поперекъ, а вдоль, т. е. параллельно пуговицамъ; такіа сзади безъ швовъ.

Пуговицы на фракахъ и пальто большею частію атласныя; металлическія пуговицы, въ нынѣшнюю зиму, совершенно не въ модѣ.

Нынѣшнія дамскія моды, въ Петербургѣ, такъ разнообразны, что трудно указать на что либо исключительно. Одно только мы замѣтили, что нынѣ любятъ уборки изъ черныхъ кружевъ. На розовыхъ, палевыхъ и даже бѣлыхъ легкихъ платьяхъ нашиваютъ въ три ряда черныя, широкія кружевные оборки и отдѣлываютъ цвѣтными лентами. На бальныхъ платьяхъ такіа дѣлаютъ съ длинными шишами. Берты еще не оставляютъ носить, но иногда замѣняютъ ихъ драпери. Много дѣлаютъ платьевъ съ тюниками, въ два и даже въ три тюника.

Мы видѣли въ высшемъ кругѣ общества много наколокъ, сдѣланныхъ изъ бѣлыхъ и черныхъ кружевъ вмѣстѣ, съ цвѣтными лентами и блестящими цвѣтами. Шляпки очень многія дѣлаютъ изъ неразрѣзаннаго бархата и предпочитаютъ сѣрый цвѣтъ. Онѣ дѣлаются съ выпуклыми тульями исключительно, совершенно противоположно прошлогоднимъ. Уборка на шляпкахъ дѣлается также изъ бархата.

Фасоны мантилій чрезвычайно разнообразны. Мы замѣтили очень красивыя мантиліи съ мѣшками. Ихъ дѣлаютъ очень много изъ неразрѣзаннаго бархата, вышиваютъ въ узоръ агрементами и обшиваютъ бахромой. Онѣ обыкновенно дѣлаются на ватѣ, и служатъ для приѣзда въ спектакль. Носятъ также и легкія мантиліи съ мѣшками. Недавно мы видѣли у княгини Б. бѣлую кружевную мантилію, на розовомъ атласѣ и обшитою широкими кружевами. Еще мы замѣтили хорошенькій фасонъ мантилій à la Charlotte Cordais. Эти мантиліи имѣютъ видъ пелеринки, съ острыми концами напереди. Ихъ дѣлаютъ по большей части изъ шелковыхъ гладкихъ матерій безъ подкладки, вышиваютъ агрементами и обшиваютъ бахромой. Визитки совершенно изгнаны изъ моды. Серги все еще носятъ безъ подвѣсокъ. Браслеты предпочитаютъ изъ ковannaго въ видѣ цѣпей золота.

1847 г. 3 т. въ 8 д. л. содер. въ себѣ 1360 печат. страницъ
Цѣна 6 руб. сер. съ пересылк. 7 руб. сер. Тогоже автора Ба-
сни въ IX книгахъ съ біографіею, написанною Плетневымъ,
втор. полное изданіе 1 руб. сер. въ пакѣ съ 25 раскрашенны-
ми картинами и въ красивой оберткѣ 2 руб. сер. съ пересы-
лкою въ ящикѣ 2 руб. 50 коп. сер.

ОБРАЗЦОВЫЙ ПИСЬМОВНИКЪ или Хрестоматія писемъ,
содержащая въ себѣ письма, народныя предметы общественной
жизни, въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы не-
обходимыхъ Судебныхъ и Коммерческихъ письменныхъ сно-
шеній. Изданіе второе, исправленное и дополненное приложені-
емъ описанія ямарокъ и таблицъ исчисленія процентовъ. Спб.
1847 г. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер. за пересыл. за 2 фунта.

СОВѢТЫ МОЛОДЫМЪ ДАМАМЪ И ДѢВЦАМЪ. ка-
сательно сохраненія красоты, сбереженія здоровья, умѣнья одѣ-
ваться и образованія себя. Необходимая Книга для дамскаго туа-
лета. Спб. 1848 г. Цѣна 30 коп. сер. за пересыл. за 1 фунтъ.

ОТЕЛО НА ПЕСКАХЪ или Петербургскій Арабъ, водевилъ
въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Каратыгина. Спб. 1847 г. Цѣна
40 коп. сер. за пересыл. за 1 фунтъ.

НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА, шутка водевилъ въ одномъ дѣй-
ствіи. Спб. 1847 г. Цѣна 40 коп. сер. за пересыл. за 1 фунтъ.

ДВОЙНИКЪ, драма въ трехъ дѣйствіяхъ соч. П. Караты-
гина. Спб. 1847 г. Цѣна 30 коп. сер. за пер. за 1 фунтъ.

ШУТКА ИСТОРИЯ ВЪ РОДѢ КОМЕДИИ, Спб. 1847 г.
Цѣна 50 коп. сер. за пер. за 1 фунтъ.

У него жъ В. П. Полякова принимается подписка на всѣ Рус-
скія журналы и газеты, имѣющіе издаваться въ 1848 году,
подѣламъ, назначеннымъ отъ Гг. издателей.

Гг. Иногородныя особы могутъ адресоваться завѣсьми вообще
книгами, на имя Василья Петрова Полякова.

